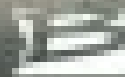

JACQUELINE
CAREY

KUSHIEL

TOME II - LA MARQUE

Земля Ангелов — страна непревзойденной красоты и величия. По легенде, ангелы, придя на эту землю, нашли ее прекрасной и гостеприимной... и раса, произошедшая от семени ангелов и людей, с давних пор живет по одному простому правилу: "Люби по воле своей".

Федра но Делоне — девушка, рожденная с красным пятнышком в левом глазу. Ребенком проданная в кабалу, она была перекуплена Анафиэлем Делоне, знатным господином с особой миссией. Именно он первым понял, кто такая его подопечная: отмеченная Стрелой Кушиэля, избранная находить в боли величайшее наслаждение. Федра в равной мере постигала и придворные манеры, и искусство плотской любви, но превыше всего развивала способность наблюдать, запоминать и анализировать. Став столь же талантливой шпионкой, как и куртизанкой, Федра сталкивается с заговором, угрожающим незыблемым устоям ее родины. И обнаруженное предательство толкает ее на путь правды, любви и чести. Путь, который приведет ее на грань отчаяния... и даже заставит преступить эту грань. Ненавистный друг, любимый враг, обожжаемый убийца — в этом мире все они носят одинаково блестящие маски, и Федре выпадет единственный шанс спасти все, что ей дорого.

Мир льстивых поэтов, хищных придворных, героических изменников и поистине макиавеллиевских злодеев — это и есть "Стрела Кушиэля", роман о блеске, роскоши, жертвенности, предательстве и искусной паутине заговора. Со времен "Дюны" еще не было эпической саги такого размаха — прекрасной повести о жестоком умерщвлении старой эпохи и о рождении новой.

Жаклин Кэри

Стрела Кушиэля. Битва за трон

Так начались дни моего рабства у Гюнтера Арнлаугсона, лорда одного из самых западных скальдийских хуторов. Эти земли принадлежали племени марсов, находящегося, как я позже узнала, под дланью великого полководца Вальдемара Селига, Вальдемара Благословенного.

В первое мое утро на хуторе меня разбудила Хедвиг и — о, радость! — провела меня в комнату для омовений. Там имелась лишь лохань, старая, зато размерами под стать великану-скальду, то есть я могла вполне вольготно в ней разместиться и искупаться в свое удовольствие. Удивленная тем, что я этого не умею, Хедвиг показала мне, как наносить воды и разжечь огонь в очаге, чтобы ее нагреть.

«Пусть я и прожила всю прежнюю жизнь в услужении, — горько думала я, с трудом таща от полыни тяжеленное ведро, — но, во всяком случае, мое положение было довольно высоким». Однако признаюсь, что никогда прежде я не получала такое удовольствие от омовения, как в тот день на хуторе Гюнтера, когда была вынуждена сама приготовить себе ванну. Даже недостаток уединения — Хедвиг сидела близ лохани на табурете и наблюдала за моим купаньем, а другие женщины то и дело заглядывали в комнату, оживленно переговариваясь между собой, — не умалял моего блаженства.

— Что это у тебя такое? — спросила Хедвиг, указывая на мой туар — увы, все еще незаконченный.

По крайней мере я хотя бы заплатила мастеру Тильхарду авансом. Если когда-нибудь мне доведется вернуться в Город Элуа, не сомневаюсь, туарье выполнит свою часть сделки. Я как смогла растолковала по-скальдийски, что такое «туар», подчеркнув, что это не просто татуировка, а символ слугителей Наамах. Служение Наамах потребовало новых объяснений, которые озадаченные хуторянки внимательно выслушали.

— А вот это что? — поинтересовалась затем Хедвиг, показывая пальцем на заживающие порезы, нанесенные мне игрушкой Мелисанды Шахризай. — Тоже часть ваших... ритуалов?

— Нет, — коротко ответила я и опрокинула на себя ковш теплой воды. — Это не часть ритуалов Наамах.

Наверное, что-то в моем тоне пробудило в Хедвиг жалость, и она выгнала женщин из купальни. Сама же осталась, чтобы помочь мне выбраться из лохани и надеть платье из грубой шерсти, такое длинное, что подол волочился по полу.

— Ничего страшного, длинное — не короткое, подошьем, — прагматично сказала она и протянула мне выдавший виды гребень, чтобы расчесать мокрые спутанные волосы.

Вымытая и причесанная, я наконец почувствовала себя полностью в своей шкуре впервые с тех пор, как посланец Русса вошел в салон туарье, и попыталась трезво оценить свое положение.

Большой зал чертога гудел как растревоженный улей. Именно там находилось сердце поселения скальдов. Раскинувшиеся окрест поля принадлежали теннам — воинам — Гюнтера, а земледелием занимались их вилланы — другими словами, крепостные крестьяне. За право возделывать землю они обслуживали своих теннов и выплачивали вождю отдельный оброк мясом и зерном. Когда Гюнтер с воинами не уезжали на охоту или в набег, они празднично убивали время в большом зале, соревнуясь в силе и в пении.

Гюнтер был неплохим вождем для своего селения. У скальдов довольно сложная правовая система, и дважды в неделю он выслушивал жалобы соплеменников, стараясь судить справедливо и непредвзято. Показательно, что когда он принял решение, по которому один из теннов должен был возместить своему же виллану стоимость сведенного со двора молодого бычка, воин беспрекословно подчинился.

Но все эти реалии я постигала со временем; тогда же, в первый свой день на хуторе, я лишь держала глаза открытыми, а рот на замке, пытаясь хоть в общих чертах свести концы с концами. Самого Гюнтера дневной порой я так и не увидела. Его тенны кишели в зале, с шутками и прибаутками полируя оружие и втирая густой медвежий жир в кожаную обувь. Они рассматривали и живо обсуждали меня, подталкивая друг друга локтями, но никто из них даже не попытался ко мне пристать, поэтому я перестала обращать на них внимание, про себя возблагодарив Элуа за то, что, похоже, став собственностью Гюнтера, оказалась неприкосновенной для его людей.

Пока мужчины перебрасывались солеными шутками и прохлаждались, женщины без устали трудились. Содержать огромный зал чертога в порядке было очень хлопотно: требовалось следить за несколькими очагами, готовить и подавать пищу, убирать за пьяными вояками, чинить одежду, прясть и шить. Немногочисленные домашние слуги помогали с самой тяжелой работой, но большая часть дел приходилась на плечи скальдийских женщин. Хедвиг раздавала им указания с дотошностью, доказывавшей, что и сама она не привыкла сидеть сложа руки. Когда я спросила ее, в чем будут заключаться мои обязанности, она отмахнулась со словами, что это решать Гюнтеру. Тогда я спросила, а нельзя ли мне выйти на улицу, поскольку беспокоилась о Жослене и хотела его повидать. Хедвиг закусила губу и отрицательно покачала головой. Думаю, будь я под ее началом, она разрешила бы мне выйти, но сейчас не осмеливалась встать поперек Гюнтеру — между ним и его рабыней.

Вот мне и пришлось торчать в зале под пристальными взглядами теннов.

Харальд Безбородый, который вчера отдал мне свою накидку, показался мне самым смелым из молодых воинов и к тому же одаренным поэтом. Если бы в те дни мое сердце не так сильно окаменело, я бы, может, залилась краской, услышав его куплеты, в которых пространно и подробно воспевались мои прелести.

Посреди одного из таких панегириков в зал ворвался Гюнтер с двумя сопровождающими и с порога потребовал медовухи. Не знаю, где он провел весь день, но лицо его покраснелось от холода, а на накидку и штаны налип снег. Когда мой новый хозяин расстегнул фибулу и сбросил накидку, я увидела у него на шее бриллиант Мелисанды и громко ахнула.

Сверкающая бриллиантовая слеза смотрелась разительно неуместно в ямке у основания могучей шеи скальда. Прежде я даже и не задумывалась, куда мог подеваться мой камень: очевидно, он проделал путь на чужбину в нашем багаже, неприкосновенный для людей д'Эгльмора, как и кассилянское оружие Жослена. «Неудивительно, — рассудила я. — Я бы скорее рискнула обокрасть префекта Кассилянского Братства, нежели Мелисанду Шахризай». Хуторяне в комнате тоже заметили бриллиант и восторженно завопили, а Гюнтер довольно рассмеялся и поводит толстым указательным пальцем под черным бархатным шнурком, заставляя подвеску искриться.

Проклятый камень не дал мне порадоваться его исчезновению, обнаружившись до того, как я о нем вспомнила, только украшал он теперь не мою шею, а моего хозяина-скальда. Я

словно наяву ощутила прикосновение Мелисанды, почувствовала ее присутствие в своей жизни и впала в отчаяние.

— Ангелийка! — завопил Гюнтер, увидев меня у очага. Я встала и присела в заученном реверансе, с опущенной головой ожидая, пока господин приблизится. — Я жутко оголодал! — Сильные руки подхватили меня за талию и оторвали от земли, жесткие губы впились в мои крепким поцелуем. Потом Гюнтер отвернулся от меня и, удерживая на весу, расхохотался. — Гляньте-ка на нее! — крикнул он мужчинам. — Эта ангелийская крошка не тяжелее моей левой ноги. Как думаете, она хоть догадывается, что такое настоящий мужик?

— От тебя ей этого не узнать, — резко осадил его Хедвиг, показавшись из кухни с половником, который держала на манер меча. — Опустит девочку, Гюнтер Арнлаугсон!

— Ага, сейчас и сразу на спину! — объявил он, ставя меня на ноги, и снова смачно поцеловал в губы. Никогда прежде не встречала такого волосатого мужчину, его поцелуи из-за бороды и усов ощущались как-то неправильно. — Вот так! Чего хмуришься, ангелийка?

Прежде я не питала ненависти к своим любовникам, поскольку добровольно соглашалась на каждое свидание из почтения к Наамах. Но мигом возненавидела этого мужлана, из-за предательства получившего меня в собственность, когда он вознамерился употребить меня без спросу, руководствуясь лишь приступом похоти.

— Я служу своему хозяину, — стоически ответила я.

Гюнтер Арнлаугсон пребывал в хорошем настроении и не уловил в моих словах сарказма.

— И пока что у тебя отлично получается мне служить, разрази меня гром! — добродушно похвалил он, затем снова подхватил меня на руки и перебросил через плечо, словно мешок. — Если не вернусь через пару часов, принесите эля и мяса, — повелел он теннам, широким шагом выходя из зала.

Беспомощная как ребенок, я висела у него на плече, слушая вульгарные выкрики и напутствия, несшиеся нам вслед. Телом я чувствовала, как под шерстяной туникой упруго перекачивались могучие мускулы; Элуа и его Спутники мне свидетели, воины-скальды — настоящие великаны. Переступив порог своих скромных покоев, Гюнтер захлопнул дверь, поставил меня на ноги и отвернулся, чтобы разжечь в очаге огонь. В небольшой комнате со стенами, обитыми досками, не было ничего, кроме грубо сколоченной кровати, заваленной шкурами, и груды доспехов в углу: из-под щита выглядывали кожа и железо.

— Вот так, — удовлетворенно пророкотал Гюнтер, потирая руки. — Сейчас здесь станет достаточно тепло для твоей жиденькой крови, ангелийка. — Он разглядывал меня, и в его глазах вновь мерцал лишающий духа пронизательный огонек. — Я ведь знаю, кто ты такая. Знаю, что ты сизмальства обучена служить вашей богине-шлюхе. Люди Кильберхаара внаглую потребовали за тебя выкуп, хотя я мог бы забрать себе любую деревенскую девку с вашей стороны безо всякой платы, если не считать затрат на сам набег. Мы уже не одну вашу деревню взяли на мечи — слышала, небось, как мы у вас погуляли.

— Да, — кивнула я, вспомнив об Алкуине, чье родное село сожгли скальды. Представила, как крики гибнущих родичей отдавались эхом в его ушах, когда Делоне во весь опор мчался прочь, увозя мальчика с побоища. — Чего вы от меня хотите, милорд?

— Чего я от тебя хочу? — Гюнтер Арнлаугсон ухмыльнулся и широко развел руками, обводя освещенную пламенем спальню. Бриллиант Мелисанды искрился в отблесках огня. — Всего, ангелийка! Всего!

Забавно, что отчаяние способно так быстро вьестись в плоть и кровь и даже войти в

привычку. Я давала скальду то, на что он напрашивался — не все, что могла предложить, а лишь утоление его незатейливых желаний. Глупо было бы сразу демонстрировать ему все мои умения, да он бы их и не оценил, почти ничего не смысла в делах Наамах. Но можете не сомневаться, мои ласки стоили дороже любой платы, которую ему приходилось выкладывать.

Прежде мне мнилось, будто я уже до доньшка познала искусство служения Наамах, но тот вечер показал, что мне была знакома лишь малая его часть. В странствиях Наамах возлежала в публичных домах с незнакомцами из любви к Благословенному, и только к нему; я же в городе Элуа занималась этим ради обогащения и собственного удовольствия. Но тем вечером мне наконец открылась суть ее жертвы. Мне было наплевать, выживу я или умру, но дело касалось не только меня одной. Пусть Жослен считал меня предательницей, но ради него, ради Алкуина, ради Делоне и ради его клятвы Исандре де ла Курсель я должна была выжить. Любой ценой.

У меня больше не оставалось других причин цепляться за жизнь, только месть.

Моему господину-скальду, чтобы войти в раж, хватило простых поглаживаний; я едва начала ублажать его ртом, как вдруг он шумно ухнул и швырнул меня на застеленное шкурами ложе, а потом с рвением застоявшегося китобоя пронзил меня своим гарпуном. Бриллиант Мелисанды качался на шнурке, с каждым ударом Гюнтера задевая мое лицо и обжигая, словно клеймом. Всегда существовала некая черта, заступив которую, я больше не могла управлять ни желаниями партнера, ни своими собственными. Через плечо Гюнтера я видела, как комнату заволакивает знакомым алым маревом, и изо всех сил стискивала зубы, а из глаз катились бессильные слезы из-за неизбежного предательства тела. Увы, Делоне солгал, говоря о моей истинной ценности. Память берегла его лестные слова: *«Я же могу создать из нее столь редкий инструмент, что принцы и королевы сочтут за честь играть на ней прелестную музыку»*. О да, я выказала себя редким инструментом, самозабвенно запев под грубым натиском варвара. Пришпиленная к кровати тяжелым волосатым телом хозяина, я сладостно затрепетала, достигнув вершины наслаждения. Ах, как отчаянно я презирала себя за этот трепет, а в особенности ту часть тела, которая упивалась небывалым унижением.

В большом зале мне пришлось еще выдержать похвальбу и хвастовство Гюнтера и завистливый интерес его теннов. Не такое уж большое унижение, если сравнивать с пережитым в спальне, но все равно унижение. Хедвиг это как-то почувствовала, остановилась рядом со мной и по-доброму погладила по руке.

— У него хвастливый язык, — тихо произнесла она, — но добрая натура. Не принимай близко к сердцу, детка.

Я молча подняла на нее глаза. Позже в моей душе даже поселилось сочувствие к Гюнтеру Арнлаугсону, но в ту ночь его не было и близко. Что бы Хедвиг ни увидела в моем взгляде, это заставило ее поспешно отойти.

Не могу пересказать куплетов, которые горланил тогда Гюнтер; да, моя память специально развита, но случаются события, которым только забывчивость не дает сгрызть тебя изнутри. Достаточно того, что я помню, как там, в большом зале чертога, сложилась моя репутация. Это я помню даже слишком хорошо. Скальды причислили меня к духам ночи, которые проникают в сны мужчин и искуснейшей порочностью заставляют их растратить семя; но Гюнтер будто бы взял надо мной верх благодаря непревзойденной доблести и заставил меня выкрикивать его имя, чем и подчинил своей воле.

Так они считали, и я не стала их разубеждать. Еще помню, что именно тогда впервые услышала перешептывания теннов, которые, думая, что я не слышу, обсуждали намерение Гюнтера подарить меня Вальдемару Селигу на Слете, общем собрании племен, чтобы завоевать расположение их верховного вождя.

Итак, я снова предназначалась в подарок принцу. Что ж, меня это не утешало. Хотя было интересно, что же Селиг за человек, если даже Гюнтер Арнлаугсон говорил о нем с неподдельным благоговением. Я страшилась грядущего. И думала о Жослене, который сидел где-то там на улице, трясаясь на морозе. И молилась, чтобы ему хватило ума остаться в живых. Молилась, чтобы мне не пришлось в одиночку сносить издевательства судьбы. Я думала об Алкуине и Делоне... Больше о Делоне, о его красивом благородном лице, о навеки угасшем умном взоре... И тогда я впервые оплакала его, сиротливо приткнувшись у очага. Меня сотрясли душераздирающие рыдания, и шумные скальды внезапно притихли, обратив на меня любопытствующие и даже сочувственные взгляды. Я вдохнула ртом воздух и вытерла с глаз слезы.

— Вы меня не знаете, — обратилась я к ним по-ангелийски, храбро глядя в их заросшие, непонимающие лица. — Вы не знаете, кто я такая. Если моя покорность представляется вам слабостью, вы ошибаетесь.

Они продолжали пялиться на меня, но без жестокости. С любопытством и непониманием, но без жестокости. И в тот момент я всеми фибрами души ощутила отчаянную тоску по дому, захотела во что бы то ни стало снова ступить на родную землю, по которой ходили Элуа и его Спутники.

— Вот это, — сказала я на скальдском, указывая на примитивную лиру в руке воина. Я не знала, как она называется на их языке. — Твой инструмент. Дай мне его, пожалуйста, ненадолго.

Без единого возражения тенн протянул мне свою лиру, а его товарищи рассмеялись. Я склонила голову, настраивая лады так, как учил меня учитель музыки, и одновременно пытаюсь складно перевести стихи. У меня имелся к этому врожденный талант, да и уроки Делоне многое мне дали. Закончив, я подняла голову и обвела взглядом присутствующих.

— По вашим законам я рабыня Гюнтера Арнлаугсона, — тихо произнесла я. — Но законы моей страны грубо попрали, предав меня и продав против моей воли. Я ангелийка, рожденная на земле, где пролил свою кровь Благословенный Элуа. Так послушайте песню, которую мы, ангелийцы, поем, когда разлучены с родным домом.

И я спела им по-скальдски «Плач изгнанницы» Телезис де Морне, королевской поэтессы. Ее нежные стихи не предназначались для грубого отрывистого языка варваров, и переводила я впопыхах, но хуторяне Гюнтера, думаю, все поняли правильно. Я уже говорила, и это истинная правда, что не слишком хорошо пою, но я ангелийка. И на состязании в пении между простым ангелийским пастухом и величайшим скальдским бардом, не колеблясь, поставила бы на пастуха. Ведь мы, ангелийцы, — и неважно, сколько капель божественного в нашей крови, — являемся потомками Элуа и его Спутников. Мы — те, кто мы были и есть.

В свою песню я вложила прощание с Алкуином и Делоне, обещание Жослену Веррёк хранить верность долгу и свою любовь к тем, кто продолжал жить на родине: к Гиацинту, Телезис де Морне, мастеру Тильхарду, Каспару де Тревальону, Квинтилию Руссу, Сесиле Лаво-Перрин и ко Двору Ночи в его поблекшей славе — ко всему, что приходило мне в голову при слове «дом».

Когда я закончила, на мгновение повисла тишина, и тут же чертог взорвался одобрительным ревом. Закаленные в битвах воины стряхивали с ресниц слезы, хлопая и требуя спеть еще. Такого бурного отклика я не ожидала; тогда я еще не осознала глубинной сентиментальности, заложенной в природе скальдов. Они любят поплакать не меньше, чем сражаться и рисковать. Гюнтер кричал громче всех, победно сияя и пуще прежнего гордясь своим завоеванием — мной.

Я покачала головой и вернула тенну его лиру; на ум не приходило ни одной песни, которую можно было бы быстро переложить на язык скальдов, и мне хватило мудрости опочить на лаврах. Какой бы ущерб я не понесла той ночью, все же мне удалось получить небольшой козырь, хотя и он мог дорого обойтись мне в будущем. Когда довольный Гюнтер повел меня к дверям, обнимая за талию, я снова услышала перешептывания.

Он был молод и здоров, мой хозяин, и ненасытен. У скальдов не существует даже понятия стыда, и когда вздыбленный фаллос Гюнтера оттопырил перед его клетчатых штанов, хозяин дал мне почувствовать свое возбуждение, прижавшись сзади у всех на виду. Да, требовалось немалое время, чтобы его утомить. К своему разочарованию, я почувствовала ответную влагу между ногами. Захотелось снова заплакать, но все слезы уже пролились, и хотя бы глаза, к счастью, остались сухими. Я сосредоточилась на шепоте теннов за спиной.

— Он будет дураком, если не отдаст ее, — донеслось до меня. — Даже у Вальдемара Селига нет ничего подобного.

«Подарок, достойный принца», — вспомнила я слова Мелисанды и покорно зашагала в свой личный ад.

Я лежала и смотрела на тлеющие угли в очаге спальни Гюнтера. Сам он крепко спал рядом со мной, исторгая из широкой груди могучий храп. Такое для меня тоже было новинку: за все время служения Наамах я ни разу не разделяла с гостем сон. Насытившись, Гюнтер уснул мгновенно, по-хозяйски закинув на меня руку, и не пробудился, когда я осторожно ее убрала. Я взяла это на заметку, как и то, что на двери спальни не было замка, поскольку отмеченные обстоятельства открывали мне возможность выскользнуть, не разбудив хозяина.

Судя по всему, Гюнтер не ждал от меня попытки сбежать. И правильно не ждал, потому что я боялась жалящего снега и долгого ледящего путешествия не меньше, а то и больше почти неизбежной последующей поимки... но в его презрительном доверии мне чудилась какая-то польза. И я осознала эту пользу, пока лежала без сна, позволяя мыслям прокладывать тропы между прошлым и будущим.

Увы, выбранный в итоге путь мне нравился не очень, даже совсем не нравился, и перспектива успеха моего замысла ужасала меня не меньше, а то и больше возможной неудачи.

Но все равно попытаться стоило — под лежащий камень вода не течет.

К сожалению, придумать оказалось легче, чем осуществить. Утром я, подавая Гюнтеру завтрак, ухаживала за ним с ненавязчивой грациозностью, отличительной чертой воспитанников Дома Кактуса. Мое изысканное обхождение доставило ему видимое удовольствие, и я понадеялась, что он в настроении проявить великодушие, но когда спросила разрешения повидаться с Жосленом, получила отказ.

— Нет, этот щенок пока не отбесился. Пусть еще малость помаринуется на псарне. Я не протяну ему руку, пока он не научится есть с нее, не откусывая пальцы, — ухмыльнулся хозяин. — Пусть наберется ума у своих новых друзей, небось, с такими зверюгами ангелийским лордикам не часто доводится компанию водить, а?

«Бедный Жослен», — подумала я, и в тот день больше о нем даже не заикалась. Гюнтер же погладил меня по голове и вышел из большого зала, чтобы заняться своими обычными делами на выезде: как я позже выяснила, иногда он охотился, а иногда объезжал свои угодья, проверяя, все ли в порядке у вилланов.

Итак, мне снова ничего не поручили, но в тот день женщины поглядывали на меня с неприязнью, очевидно, считая свои повседневные обязанности гораздо изнурительнее моих. Я бы охотно поменялась местами с любой из них, но им это даже не приходило в голову, они и мысли такой не допускали. Да, Хедвиг пока отказывала Гюнтеру, но на хуторе он считался очень привлекательным мужчиной и, как я со временем узнала, драгоценным призом для любой женщины, которая умудрилась бы вырвать у него клятву верности.

Я не умела сидеть без дела и попросила дать мне перо и бумагу, решив пополнить свой скудный репертуар переводами ангелийских песен. Хуторянки мою просьбу не поняли: у скальдов нет письменности как таковой, только магическая система рун, *футарк*, которую, по преданию, даровал своим детям Один Всеотец, заключив в этих рунах различные добродетели. Не вижу в этой легенде ничего смешного, поскольку точно знаю, что нас, ангелийцев, научил писать Шемхазай. Да, я считаю, что у него получилось гораздо лучше, чем у Одина, но, опять же, мое суждение предвзято. В любом случае на хуторе не нашлось

ни пера, ни бумаги, так что мне пришлось довольствоваться чисто вытертым столом и обугленной палочкой.

К счастью, скальдйики заинтересовались моей писаниной, и их враждебность ослабла, когда я объяснила, чем занята. Они наперебой принялись учить меня песням, которых я прежде не слышала: скальдйским песням, но не о войне, а о превратностях жизни, об урожае, уходе, любви, рождении детей и о смерти. Некоторые из них я помню до сих пор и очень жалею, что тогда у меня не было под рукой бумаги, чтобы записать все-все слова. Скальдам не хватает изоощренной мелодики и богатой палитры смысловых оттенков, но они восполняют недостающее удивительно цельными и искренними образами. Не думаю, чтобы кто-нибудь из ученых людей озаботился собрать эти простые напевы о домашнем очаге.

Как бы там ни было, к вечеру мой репертуар пополнился как переведенными ангелийскими, так и местными скальдйскими песнями, и мое выступление приняли восторженно. Гюнтер качал меня на коленях и довольно улыбался; казалось, благодаря своему невеликому по ангелийским меркам певческому дару, я стала для варваров чем-то вроде счастливого талисмана.

Вторая ночь почти ничем не отличалась от первой. Удовлетворенный и утомленный Гюнтер сладко уснул, а наутро я повторила свою просьбу. Он снова отказал, и я снова смирилась, но после третьей ночи попросила о той же милости еще раз.

— Когда его приручат, я, может, и отнесусь к нему по-доброму, — сказал Гюнтер, держа меня за волосы и улыбаясь. — А почему ты так настаиваешь, голубка? Разве я мало тебя ублажил под шкурами? Разве это не ты так громко вопила, а? — И он ухмыльнулся, адресуясь ко всем любопытным в комнате.

— Получать удовольствие от служения — это дар моего святого покровителя, милорд, — угрюмо отозвалась я и пояснила, коснувшись внешнего уголка левого глаза: — Вот знак, что я им отмечена.

— Слово лепесток розы, плавающий по темным водам, — Гюнтер привлек меня к себе, чтобы запечатлеть поцелуи на обоих веках.

— Да, похоже. — Я отстранилась от него, встала на колени и подняла глаза. — Но я связана с Жосленом Верреём тем обетом, который он дал своему святому покровителю. И если нам с ним запретят видеться, наши боги могут проявить немилость и отвернуться от нас. И тогда их дары рассыплются в прах. — Я помолчала и добавила: — Это дело чести, милорд. Сам по себе Жослен скорее умрет, чем станет есть из ваших рук. Но если он увидит, что я вам полностью покорилась, а святой Кушиэль не лишил меня за это своей благосклонности, он может тоже уступить.

Гюнтер задумался.

— Тогда ладно, — кивнул он, поставил меня на ноги и шлепнул по мягкому месту. — Можешь повидаться с парнем, чтобы он помирился со своими богами. Но передай ему, э-э... что если он не угомонится, да поскорее, я от него избавлюсь! Жрет больше гончих, а пользы от него никакой! — Хозяин крикнул теннам: — Харальд! Кнуд! Отведите-ка ее к волчонку. — И зловеще добавил: — И проследите, чтобы он ее не погрыз.

Ухмыляющиеся воины тут же подскочили ко мне, готовые сопровождать куда приказано. Я взяла свою меховую накидку и вышла с ними за двери большого зала скальдйского чертога.

К псарне вела недлинная, утоптанная снежная тропка, но Харальд и Кнуд вся дорогу

бережно меня поддерживали, услужливо помогая преодолевать ухабистые участки. В каком бы качестве я здесь ни находилась, меня определенно ценили.

Собак держали за грубо сколоченным забором. Там же находилась длинная низкая будка, предназначенная для защиты псов от непогоды. Харальд Безбородый перегнулся через забор, что-то крикнул и постучал по крыше конуры. Я услышала, как внутри зазвенела цепь.

Когда Жослен выполз на улицу, я ахнула.

Он выглядел ужасно: длинные волосы засалились и свалялись, из-под отросшей челки яростно сверкали глаза. Ошейник на шее до крови истер кожу, а пепельно-серое рубище совершенно не защищало от холода. Кассилианец сел на корточки на утоптанном снегу, не обращая внимания на собак, которые тыкались в него носами, очевидно, признавая за члена стаи.

И при всем при этом он оставался по-ангельски красивым.

— Пустите меня к нему, — обратилась я к Кнуду.

Тот посмотрел на меня с сомнением, но отодвинул засов. Я вошла в загон и присела напротив своего бывшего телохранителя.

— Жослен, — пробормотала я на нашем общем с ним языке. — Мне нужно с тобой поговорить.

— Предательница! — выплюнул он, наскреб зловонного, пропитанного мочой снега и швырнул в меня. — Гавкай по-скальдйски, вероломная дочь шлюхи! Оставь меня!

Я увернулась, так что большая часть снега меня не задела, и вытерла лицо.

— Хочешь узнать, кто настоящий предатель, кассилианец? — гневно ответствовала я. — Исидор д'Эгльмор платит скальдам за набеги на деревни Камлаха. Как тебе такое, а?

Жослен, уже отвернувшийся, чтобы набрать новую пригоршню вонючего месива, резко повернулся ко мне лицом, и в его глазах зажегся вопросительный — и, к счастью, человеческий — огонек.

— Зачем это ему?

— Не знаю, — тихо ответила я. — Возможно затем, что это позволило ему снова созвать под свои знамена Союзников Камлаха и начать формировать собственное войско. Знаешь, он даже просил короля отдать ему Искателей Славы Бодуэна. Сама слышала.

По-прежнему сидя на корточках, кассилианец замер, уставившись на меня.

— Ты вправду считаешь, что он собирается устроить переворот.

— Да. — Я взяла его за руки. — Жослен, вряд ли мне по силам вынести поход через эти земли. Но ты на это способен, а я могу тебя освободить. Гюнтер не охраняет меня и не сажает на цепь. Ночью я могу выбраться из чертога. Могу раздобыть для тебя по меньшей мере оружие, одежду и огниво. У тебя есть шанс. Ты сумеешь добраться до Города Элуа, доставить послание Русса и рассказать королю, что творит д'Эгльмор.

— А что будет с тобой? — Он по-прежнему не сводил с меня глаз.

— Это неважно! — с нажимом ответила я. — Гюнтер намеревается взять меня на Слет скальдйских племен и там подарить Вальдемару Селигу. Я порасспрашиваю о дороге домой и добуду для тебя все, что смогу. У тебя есть шанс сбежать!

— Нет. — Он с подавленным видом покачал головой. — Нет. Если ты не предательница... Федра, я не могу бежать без тебя. Я дал обет Кассиэлю, а не короне. Я не могу тебя оставить.

— Ты дал Кассиэлю обет защищать корону! — воскликнула я. Харальд и Кнуд с интересом посмотрели на нас, и я понизила голос. — Если ты служишь мне, сделай то, о чем

я прошу, Жослен.

— Ты не знаешь, чего просишь. — Он склонил голову и в отчаянии прижал основания ладоней к глазам. — Ты просто не понимаешь. Мой обет никак не связан ни с тронами, ни с коронами. Кассиэль покинул Единственного Бога, потому что Бог забыл о своем долге любви и бросил Элуа бен Иешуа на произвол судьбы. И до того, как отрекся от небес, и после того, как Единственный Бог его проклял, Кассиэль являлся Идеальным Спутником. Если ты говоришь правду, если ты не предательница... я не могу оставить тебя, Федра но Делоне!

— Жослен, — взмолилась я, хватая его за руки и отводя их от лица. Глянула на Харальда и Кнуда и махнула им, давая знак отступить от нас подальше. — Жослен, я от всего сердца прошу тебя это сделать. Разве твой долг не обязывает тебя повиноваться мне?

Он с несчастным видом покачал головой.

— Знаешь, как мы, служители Кассиэля, называем других Спутников Элуа? Заблудшими. Проси меня о чем угодно, только не об этом. Кассиэлю было плевать на королевства и королей. Я не могу тебя бросить.

Вот так вот мой, казалось бы, реальный план перешел в область фантазий.

— Ладно, — сказала я резко, отчего Жослен так быстро вскинул голову, что его цепь зазвенела. — Тогда, если хочешь служить мне как Идеальный Спутник, давай же, служи! Только ты ничего не стоишь, пока сидишь тут на привязи, как собака!

Он поперхнулся и тяжело сглотнул. Претерпевать унижение кассилианцам ох как непросто.

— Чем же я могу тебе услужить, о миледи Федра, рабыня скальдов?

Харальд и Кнуд облокотились на забор, с интересом наблюдая за нами. Пусть они и не понимали нашего разговора, но наверняка заметили, что Жослен слушает меня с невиданной кротостью.

— Во-первых, — неумолимо начала я, — ты научишься быть хорошим рабом, полезным в хозяйстве. Будешь рубить дрова, таскать воду — все, что прикажут. Гюнтер Арнлаугсон уже почти решил убить тебя, чтобы не переводить еду понапрасну. Во-вторых, ты усвоишь язык скальдов. — Жослен протестующе забряцал цепью. Я подняла руку. — Если хочешь остаться моим Спутником, — безжалостно продолжила я, — ты будешь служить нашему господину, постарайся завоевать его доверие и сделаешь из себя подарок, достойный принца! Потому что если ты этого не сделаешь, Гюнтер в любом случае отдаст меня Вальдемару Селигу, а тебя рано или поздно убьет забавы ради. Клянусь тебе, Жослен, если ты меня послушаешься и сумеешь остаться в живых, я сбегу вместе с тобой и преодолею это безбрежное море снега! Ты согласен?

Кассилианец склонил голову, и сальные светлые волосы скрыли его чеканные ангельские черты.

— Да, — прошептал он.

— Хорошо, — кивнула я и повернулась к теннам. — Он начинает понимать свое положение, — обратилась я к ним на скальдийском. — И согласен выучить ваш язык. Я сама стану его учить, чтобы он побыстрее смог понимать и исполнять приказы милорда Гюнтера. Как считаете, этого достаточно, чтобы отнестись к нему по-человечески?

Мужчины переглянулись и пожали плечами.

— Он останется на псарне, пока делом не докажет, что чего-то стоит, — высказался Кнуд.

Я согласно кивнула.

— Слушай, — обратилась я к Жослену, который внимал моим словам с тусклым огоньком надежды во взгляде. — Вот так на их языке звучит слово «я»...

Так я обрела свою третью ипостась в рабстве у варваров, хотя для них самих значимыми пока казались только две. Наложница, певица... и учительница.

Стоит отдать Жослену должное, схватывал он быстро. Взрослому усваивать чужой язык сложнее, чем ребенку, но хотя кассилианец уже утратил детскую живость восприятия, он восполнял ее упрямой настойчивостью. Харальд и Кнуд, выполнив роль моих сопровождающих в первый раз, провозгласили себя моими постоянными спутниками и забавлялись, наблюдая за нашими уроками. Как я поняла, они считали Жослена настоящим дикарем, из-за глупости неспособным воспринять ни правил человеческого общения, ни даже базового запаса слов. По правде говоря, трудно их в этом винить: если бы я сама видела кассилианца только с той же стороны, что и они, то, скорее всего, точно так же сочла бы его безнадежным дикарем.

В каждом из нас существует четкая грань между цивилизованностью и дикостью. Любому, кто считает, будто уж он-то никогда ее не пересечет, могу лишь сказать, что не испытываю, каково быть всеми преданным и покинутым, невозможно знать, насколько эта грань близка.

Гюнтер с добродушной снисходительностью следил издалека за нашими успехами. Он дорого заплатил за ангелийского принца-воина, и когда я вызвалась превратить неуправляемого, злобного пленника в человека, способного верно служить вождю племени, Гюнтер, пожалуй, был рад дать мне возможность попытаться оправдать его расходы.

Воспользовавшись добротой Хедвиг и других хуторянок, я смогла принести Жослену кое-какие вещи, чтобы скрасить его жизнь на псарне: одна скальдйика дала мне поношенную, но еще приличную шерстяную безрукавку, другая — тряпок, чтобы обмотать руки и утеплить обувь. Я даже разжилась плохо выделанной медвежьей шкурой, которая, правда, воняла, зато грела. К несчастью, собаки сходу разорвали ее в клочки, а какой-то пес довольно сильно цапнул Жослена за левую руку, когда тот пытался отбить шкуру. Но Кнуд, взяв с меня обещание держать рот на замке, выделил мне немного бальзама для ран. Он будто бы получил его у сельской ведьмы, которая вложила в снадобье волшебную целительную силу. С волшебством или без — бальзам пах обычной лечебной мазью, — но рука Жослена зажила без нагноения.

Думаю, Гюнтеру доставляло удовольствие тянуть с оценкой достижений Жослена. Я была слишком занята, чтобы считать дни, но прошло не меньше двух недель, прежде чем хозяин решил устроить проверку. За все это время Гюнтер лишь однажды заглянул на псарню, чтобы проведать своих любимых псов и побросать им ломтики вяленого мяса, провоцируя свары. Забавы ради он бросил один кусочек и пленнику. Меня там не было, но позже мне в подробностях рассказали эту историю: Жослен ловко поймал лакомство на лету и со скрещенными руками по-кассилиански поклонился Гюнтеру.

После этого эпизода я сочла своего ученика почти готовым к возвращению в мир людей — уже в качестве ангелийца, а не дикого существа, каким он показал себя при первой встрече со скальдами. Мы на каждом занятии вначале репетировали приветствие, закрепляя базовые фразы на скальдйском языке, и только затем переходили к расширению словарного запаса. Когда Гюнтер наконец изъявил желание посмотреть на пленника, Жослен был во всеоружии.

Небо хмурилось, назревала метель. Гюнтер с теннами уже несколько часов пьянствовал в чертоге, когда ему вдруг взбрело в голову проведать кассилианца. Он прихватил меня с собой, завернув в теплые шкуры, и в компании нескольких своих людей зашагал на псарню. Скальды пели, шутили и передавали по кругу мех с медовухой.

Дойдя до псарни, Гюнтер обнял меня и кликнул Жослена. Тот внезапно вынырнул из клубка вертлявых псов. На секунду оторопел, увидев меня в обнимку с Гюнтером, но все же сумел, сохранив бесстрастность, упруго встать и отвесить поклон.

— Ну что, ангелиец, как успехи, а? Моя голубка научила тебя разговаривать по-человечески? — спросил Гюнтер, стискивая мое плечо.

— Я служу своему господину, — медленно произнес Жослен на скальдском языке с заметным акцентом и снова по-кассилиански поклонился Гюнтеру, держа кисти на тех местах, где должны были торчать рукоятки кинжалов.

— Ага, значит, волчонок умеет не только рычать! — засмеялся Гюнтер, и его тенны подхватили смех. — Что будешь делать, если я спущу тебя с цепи, ангелиец?

Среди прочего я принесла Жослену обрывок веревки, чтобы завязать сальные волосы в хвост. Даже в обносках и на грязной псарне мой телохранитель умудрялся выглядеть истинным кассилианцем.

— Я буду делать то, что прикажет господин, — произнес он, снова кланяясь.

— Да? — скептически протянул Гюнтер. — Хм, нужно носить воду и дрова, а Хедвиг жаловалась, что домашние слуги не успевают. Пожалуй, работа для тебя найдется, волчонок. Но откуда мне знать, что ты сдержишь слово, а? Что не попытаешься сбежать или перерезать нас во сне, если я тебе поверю? У меня нет лишних людей, чтобы сторожить тебя и днем и ночью!

Жослен непонимающе заморгал от обилия незнакомых слов и слишком быстрой речи.

— Господин хочет, чтобы ты дал клятву, что не попытаешься сбежать или напасть на его людей, — перевела я.

Кассилианец задумался.

— Скажи господину вот что, — наконец произнес он. — Пока ты в безопасности, я буду служить и защищать это поселение, словно родной дом. Я исполню все, что господин прикажет, только не стану сражаться со своим народом, за исключением людей д'Эгльмора. В этом я клянусь.

Я перевела его речь для Гюнтера, говоря достаточно медленно, чтобы Жослен успевал улавливать суть и согласно кивать. Скальд почесал подбородок и задумался.

— Мальчишка всем сердцем ненавидит Кильберхаара. Настолько сильно, что, боюсь, ради мести нарушит свою клятву, и неважно, насколько он сейчас искренен. Что скажешь, голубка? Сдержит ли волчонок данное слово?

— Милорд, — честно ответила я, — он связан этой клятвой намного сильнее, чем можно выразить словами. Скорее рассыплются горы и коровы полетят, чем он ее нарушит.

— Что ж, я тебя услышал. — Гюнтер ухмыльнулся Жослену. — Похоже, моя голубка укротила волка, что даже собакам оказалось не под силу. Я дам тебе, ангелиец, одну ночь, чтобы попрощаться с мохнатыми друзьями, а утром посмотрим, какой из тебя получится слуга.

Кассилианец явно понял общий смысл сказанного. Он снова поклонился и сел на снег, скрестив ноги и не обращая внимания на трущихся об него псов.

— Буду ждать распоряжений господина, — ответил он по-скальдски.

— Он что, так всю ночь и просидит? — с любопытством спросил у меня Гюнтер.

— Не знаю. — Я уже по горло накушалась упрямой кассилианской чести и отчаялась понять логику, которой Жослен руководствовался. — Он может.

Гюнтер покотился со смеху.

— Вот ведь шальная голова! Обязательно покажу его на Слете, если будет служить как полагается! Волк и голубка, прирученные в селении Гюнтера Арнлаугсона! Даже Вальдемар Благословенный может позавидовать такой удаче! — Пребывая в хорошем настроении, он повел теннов обратно в чертог, громко затянув песню о том, как щедро наградит его верховный вождь.

Я разок оглянулась. Ну конечно, Жослен так и сидел на снегу без движения, провожая нас взглядом.

Каким бы грубым и необузданным ни был Гюнтер, но слово свое он держал: на следующее утро с Жослена действительно сняли цепи. Проникшийся ко мне приязнью Кнуд привел меня на это посмотреть. Я не сомневалась, что кассилианец тоже сдержит обещание, но опасалась, что после долгого содержания в кандалах свобода опьянит его и лишит рассудка. Когда охранник разомкнул ошейник, Жослен дернулся. Мускулы его заметно подрагивали, выдавая желание взвиться, но кассилианская дисциплина быстро одержала верх — мой воин взял себя в руки и смиренно поклонился.

— Что ж, посмотрим, как он себя покажет, а? — сказал Гюнтер и указал большим пальцем на одного из теннов. — Торвил, сегодня ты пригляди за ним. Пусть займется домашней работой. Только не давай ему никакого оружия, понял? Если понадобится ломать лед на ручье, чтобы набрать воды, пускай ломает голыми руками. А когда докажет, что не замышляет против нас худого, может, поручим ему колоть дрова или вроде того.

— Ага, Гюнтер. — Торвил коснулся рукояти топорика на поясе и усмехнулся, обнажив дыру на месте пары зубов, выбитых в дружеском поединке. — Я с него глаз не спущу, не бойся.

Судя по моим наблюдениям в тот день, Жослен не дал ему ни единого повода для беспокойства. Кассилианец охотно трудился, без усталости таская с ручья ведра с водой, чтобы наполнить бочки в большом зале чертога — задание не из легких. Торвил же ходил за ним хвостом, насвистывая и чистя ногти острым концом кинжала.

А женщины из хозяйства Гюнтера таращились на Жослена, как зачарованные.

Никто из них до этого не видел его, если не считать первой ночи, когда пленника приволокли на веревке, озлобленного и облепленного снегом. Теперь же хуторянки смогли его как следует рассмотреть. Грязный и заросший, воняющий псарней, Жослен все равно выглядел истинным ангелийцем.

— Должно быть, на вашей родине он был принцем! — прошептала мне на ухо восхищенная Хедвиг, когда он с пустыми ведрами вышел из кухни. — Не могут же все ваши мужчины уродиться такими красавцами!

— Да, на нашей родине не все мужчины такие, — сухо ответила я, гадая, как бы к ее словам отнесся Гюнтер. Одна из девушек помоложе по имени Айлса ухитрилась потереться грудью об Жослена и захихикала, когда он густо покраснел и выронил коромысло. Пожалуй, кассилианца слова Хедвиг задела бы даже больше, чем Гюнтера.

Хозяин и его тенны вернулись с охоты румяные и довольные, притащив с собой крупного оленя. Конечно же, по такому поводу устроили пир. Гюнтер много выпил, но не настолько много, чтобы забыть приковать Жослена за ногу к огромной каменной скамье у очага. «По крайней мере, внутри ему будет тепло», — подумала я, одновременно восхищаясь предусмотрительностью скальда и кляня его за нее. Уходившийся за день Жослен свернулся на камышовом настиле. Даже не будь он связан клятвой, сомневаюсь, что в ту ночь кассилианец сбежал бы, даже оставь Гюнтер дверь нараспашку, а его без оков.

Холодные зимние дни тянулись и тянулись, Жослен ни разу не взбрыкнул, и постепенно наша жизнь вошла в колею. Однажды, когда Гюнтер с теннами по обыкновению куда-то ускакали, мы с Хедвиг решили дать Жослену вымыться. Памятуя, как сама была благодарна за первое омовение в плену, не берусь даже вообразить его радость. Пришлось дважды

опорожнить лохань — настолько загрязнилась вода. Я в свое время досадовала на недостаток уединения в купальне, но в сравнении с кассилианцем я мылась словно за семью замками. Женщины всех возрастов, от хихикающей Айлсы до старой Ромильды, чьей улыбки я до того момента ни разу не видела, набились в комнату, чтобы хоть одним глазком взглянуть на нагого Жослена.

Тот юноша, каким он был в первые дни нашего знакомства, умер бы от стыда, но теперь кассилианец лишь покраснел и вежливо не обращал внимания на хуторянок, пытаясь сохранить жалкие остатки достоинства. Даже самая дряхлая старуха, темноглазая Турид, пришла на него посмотреть и кстати принесла шерстяной колет и штаны, оставшиеся от ее убитого в набеге брата.

Жослен расстроился, когда его серые кассилианские лохмотья бросили в угол с очевидным намерением попозже сжечь их, поэтому я бережно собрала его грязные тряпки. Я-то понимала — это все, что у него осталось в память о доме.

— Не волнуйся, — ободрила я. — Твоя старая одежда будет выстирана и починена, даже если мне придется сделать это своими руками.

Я говорила по-скальдийски, как и всегда, когда рядом были варвары. Жослен уже неплохо овладел их языком, и его словарный запас с каждым днем увеличивался.

— Я бы тебя поблагодарил, — усмехнулся он, — только уже наслышан о твоих швейных талантах.

Женщины засмеялись. Действительно, Хедвиг не раз пыталась научила меня шить, чтобы привлечь к бесконечной починке одежды, но пока что я в этом деле не преуспевала.

— Давай я все зашью, — лукаво вызвалась Айлса и забрала у меня вонючие лохмотья, строя Жослену глазки. — Помогать обездоленным чужакам — это добродетель, которая вознаграждается.

Сидящий в лохани кассилианец беспомощно моргнул, глядя на меня, и подтянул колени к груди, чтобы скрыть интимные места.

— Так тебе и надо, — сказала я ему на ангелийском и добавила по-скальдийски, обращаясь к номинальной хозяйке: — Хедвиг, я прослежу за тем, чтобы этот грязнуля оделся и причесался, если ты одолжишь мне гребень.

Она с сомнением смерила Жослена взглядом.

— Пусть еще разок намылится и сполоснется, — наконец последовало решение. — Не нужны нам тут блохи от гюнтеровских собак. И так от них тошно.

Хедвиг принесла гребень и весьма любезно велела женщинам выйти из купальни, чтобы Жослен мог domыться без помех. Я расчесала ему волосы, с трудом раздирая колтуны.

Расчесывание, как ни странно, успокаивало меня, навевая воспоминания о детстве в Доме Кактуса. Чистые и разглаженные, волосы Жослена светлым шелковистым водопадом ниспадали до середины спины. Я не стала сооружать тугой кассилианский пучок, а заплела ему толстую косу и перевязала веревочкой. Жослен терпеливо сидел, впервые за долгое время доверив себя заботливым рукам.

— Вот так, — пробормотала я, машинально перейдя на ангелийский. — Пусть теперь эти клуши на тебя посмотрят!

Он скривился, но решительно вышел из купальни. Если раньше женщины с любопытством пялились на него, то теперь откровенно поедали глазами, и я понимала, почему. Чистый и ухоженный Жослен, казалось, светился посреди безыскусного большого зала. Неудивительно, что тенны Гюнтера так мною восхищались — должно быть, для них я

выглядела столь же прекрасной, как мой ангелиец для скальдских женщин.

Так как на его купание ушла почти вся вода из бочек, Жослену пришлось заново их наполнить. Он грациозно ходил с коромыслом к ручью и обратно, всякий раз отряхивая снег с башмаков перед тем как войти в зал.

Сидящая за шитьем в углу Айлса наблюдала за ним и улыбалась.

Раньше Гюнтер ничего такого не замечал, но тем вечером он мигом разглядел перемену. Лежа со мной в постели после совокупления, он об этом заговорил. Меня с самого начала удивляла его привычка болтать, насытившись, если вечерние возлияния не смывали его мысли.

— Бабам-то приглянулся твой ангелиец, — сказал он. — Что они, интересно, нашли в этом безбородом юнце?

Значит, вот почему он считал Жослена мальчишкой.

— У нас не принято отращивать бороды, как у скальдов. А у представителей старинных родов, в которых течет кровь Элуа или его Спутников, обычно совсем не бывает растительности на лице. Жослен давно уже взрослый, — пояснила я и с улыбкой добавила: — Похоже, ваших женщин сложнее ввести в заблуждение, чем мужчин.

Но Гюнтер был не в настроении шутить.

— А Хедвиг тоже находит его симпатичным? — спросил он, задумчиво хмурия светлые брови.

— Она восхищается его красотой, — честно призналась я, — но не строит ему глазки, как, к примеру, Айлса, милорд.

— Айлса — это сущее наказание, — проворчал он. — Скажи-ка, твой ангелиец так же обучен постельным делам, как и ты? Люди Кильберхаара ничего об этом не сказали.

Я едва не рассмеялась, но сдержалась, предвидя, что Гюнтер поймет меня неправильно.

— Нет, милорд, — ответила я. — Жослен дал клятву никогда не возлегать с женщиной. Это часть его обета.

Брови Гюнтера взлетели вверх.

— Серьезно?

— Да, милорд. Он родился в знатной семье, но воспитан как священнослужитель, как монах, отрекшийся от суетных наслаждений. Таково обязательное условие его служения.

— Значит, мальчишка не обучен ублажать женщин, как ты — мужчин, — задумчиво протянул Гюнтер.

— Нет, милорд. Он обучен искусству воина и телохранителя, а меня научили доставлять наслаждение в постели, — объяснила я и добавила: — Как мужчинам, так и женщинам.

— Женщинам? — удивленно переспросил скальд. — Какой в этом смысл?

— Если у милорда возникает такой вопрос, — немного обиженно отозвалась я, — то, полагаю, ответа он не заслуживает.

Наверное, я задела Гюнтера, поскольку он отвернулся и какое-то время молчал, явно о чем-то размышляя. Глядел в потолок и рассеянно теребил бархатный шнурок, на котором висел бриллиант Мелисанды.

— Я всякий раз доставляю тебе большое удовольствие, — наконец прищурился он на меня. — Хотя ты говоришь, что это дар твоего святого покровителя.

— Порою дар, а порой проклятие, — пробормотала я.

— Таковы все дары богов, — пожал он плечами, не сводя с меня немигающего взгляда. — Но я тут вот что подумал, а вдруг ты это сказала только затем, чтобы я разрешил

тебе повидаться с ангелийским мальчишкой, а?

Иногда было сложно не упускать из виду, что, хотя Гюнтер скальд, он бесспорно умен. Я покачала головой.

— Я вам не солгала, милорд.

Конечно, не все мои слова были правдой: я ведь не знала наверняка, может ли Стрела Кушиэля не слететь с тетивы. Но я совершенно точно была ее жертвой.

— Значит, по-твоему, я не сумею ублажить ангелийскую женщину, если она не обладает твоим проклятым даром?

— На всем свете я единственная, кто им обладает, — прошептала я. — Милорд желает, чтобы я ответила честно?

— Да, — резко кивнул он.

Я вспомнила, как Сесиль когда-то отозвалась о Хильдерике д'Эссо.

— Милорд занимается любовью, будто кабана заваливает, — сказала я: для скальда это не звучало таким оскорблением, как для ангелийца. — Геройский натиск редко приятен для женщины.

Гюнтер обдумал мои слова, рассеянно поглаживая усы.

— Ты могла бы показать мне какие-нибудь премудрости, — наконец лукаво усмехнулся он. — Если, конечно, ты действительно так хорошо обучена ублажать, как все время рассказываешь.

При этих словах я опять чуть не рассмеялась, хотя на этот раз смех был бы горьким. Лежать бы мне в могиле, не сумею я исключительно ублажить Мелисанду Шахризай, чьи собственные умения не уступали искусности любого из посвященных Двора Ночи.

— Да, милорд, я могла бы, если вам так угодно, — согласилась я.

— Будет интересно научиться чему-нибудь новенькому. — Его губы по-прежнему кривила ухмылка, но на сей раз я без труда разгадала прозрачную хитрость. Я уже знала, что Хедвиг трижды отказывала Гюнтеру. Если он и вправду подарит меня Вальдемару Селигу на Слете племен, то, несомненно, попытается с ней сойтись и в четвертый раз. После наших с ним жарких ночей не думаю, что Гюнтер Арнлаутсон сможет долго довольствоваться холодной, одинокой постелью.

— Но это также и небезопасно, — внезапно выпалила я, однако он уже повеселел и лишь посмеялся над моими словами.

— Значит, прямо завтра начнем, хорошо? — спросил он и жизнерадостно добавил: — А если кому-нибудь об этом сболтнешь, голубка, я отправлю твоего дружка назад на псарню.

Закончив со мной, Гюнтер перекатился на бок и вскоре захрапел. Я лежала без сна, закатывая глаза при мысли о завтрашней ночи, и молилась Наамах, прося ее совета и помощи.

Да уж, миссия мне предстояла архисложная.

Так началось мое второе учительство в земле скальдов, и, смею сказать, мой ученик неплохо продвинулся, во всяком случае, для варвара. И за все время я ни разу не слышала, чтобы он жаловался или досадовал на меня. Но это породило новую опасность.

Первый ужас для раба — рассердить господина, а вот второй — ему угодить. Под ласковой рукой довольного хозяина слишком легко забыть обо всем, что его не касается, но важно для тебя. У скальдов другой календарь, а по ангелийским меркам до собрания племен, именуемого Слетом, оставалось еще несколько недель, и, освоившись во владениях Гюнтера, мы с Жосленом попали в ловушку привыкания к своим новым ролям. Кассилианец носил

здесь маску рабской покорности так долго, что иногда — я видела — забывал о том, что это всего лишь маска.

А я, к своему огорчению, временами засыпала с гордостью за свое успешное наставничество, поскольку Гюнтер с замечательной хваткостью усваивал наши тайные уроки.

Но так продолжалось лишь до следующего набега.

Он окатил меня ушатом ледяной воды. Гюнтер и его тенны поднялись среди ночи и разбудили всех домочадцев, чтобы помогли собраться на разбой. Мужчины смеялись, шутили и проверяли остроту клинков. Они не облачались в броню, но тщательно укутывались в шкуры. У каждого воина при себе имелся щит, меч или топор и излюбленное варварами оружие — короткое копье.

Привели лошадей, которые перебирали ногами и выдыхали клубы пара под блеклым звездным небом. Я догадалась, что скальды выедут незадолго до рассвета, пересекут границу с первыми лучами солнца и обрушатся на какую-нибудь несчастную деревню. Среди суеты и суматохи мы с Жосленом смотрели друг на друга, бледные и онемевшие. Я заметила, как кассилианца затрясло и как он отвернулся, таясь от Гюнтера и его теннов. Жослен поступил мудро, уйдя с глаз долой, и я не видела его до тех пор, пока наш хозяин, на ходу убирая меч в ножны, не подошел ко мне и не воскликнул:

— Я еду на битву, голубка! Поцелуй меня и молись как следует, чтобы к ночи я вернулся целым и невредимым!

Честно говоря, я думаю, что в ту минуту он просто забыл, кто я такая и откуда родом. Но я-то ничего не забыла и поэтому обмерла.

И тут между нами выросла жилистая фигура кассилианца, который легко отвел от меня руки Гюнтера и вперил в него тяжелый взгляд голубых глаз.

— Милорд, — тихо попросил он, — она же ангелийка, смилуйтесь, не лишайте ее последней капли гордости.

Не могу передать словами их молчаливый диалог. Гюнтер шурился, оценивая возмущение Жослена, а тот спокойно смотрел ему в глаза. Спустя секунду предводитель скальдов коротко кивнул.

— Поехали! — крикнул он и зашагал к теннам.

Они высыпали на улицу — живая мощь, мех и железо, — вскочили на лошадей и поскакали в сторону границы, а оставшиеся хуторяне проводили свою дружину радостными возгласами. Жослен опустился на колени и подавленно на меня посмотрел. Я же просто стояла, глядя на улицу в открытые двери, и беззвучно плакала.

Скальды вернулись после наступления темноты.

Вернулись с победой, радостные, полупьяные. Они пели, шатаясь под тяжестью награбленного: скромных крестьянских пожитков, мешков с зерном и провизией. Харальд громко хвастал, что прирезал больше всех ангелийцев, но встретившись со мной взглядом, осекся и покраснел. Но Безбородый был лишь одним из многих.

Собрав разрозненные рассказы в цельную картину, я поняла, что на обратном пути налетчики повстречали отряд воинов из Союзников Камлаха под флагом с изображением меча. На втором знамени были молот и наковальня на желто-алом фоне. Значит, то были не люди д'Эгльмора. Два тенна, в том числе Торвил, погибли в стычке, но скальды одержали победу, перебив половину ангелийцев, прежде чем ускакали в метель.

При отъезде Гюнтера, казалось, тронули мои чувства, но вернувшись триумфатором, он больше о них не заботился. Мне хватило ума предупредить Жослена, чтобы не вмешивался. Слава Элуа, он подчинился, а не то пьяный Гюнтер мог бы его жестоко наказать. Когда празднование подошло к концу и захмелевшие воины вповалку улеглись в зале, вождь под одобрительные выкрики перекинул меня через плечо и унес на ложе.

В эту ночь уроков я не проводила.

Когда Гюнтер отвалился, я оставила его храпеть в постели и выбралась в зал, где развалились пьяные тенны, ворочаясь и бормоча во сне. Кто-то из них все же озаботился приковать Жослена к скамье. Я подумала, что он тоже спит, согретый теплом очага, но при моем почти бесшумном приближении его глаза распахнулись.

— Не могла там оставаться, — прошептала я.

— Понимаю. — Он осторожно подвинулся, ни разу не звякнув цепью, и освободил для меня место на охапке камыша. В обязанности Жослена входило настилать перед очагом свежий камыш, когда в большом зале подметали. Я опустилась на пол и свернулась калачиком рядом с кассилянцем. Он обнял меня, а я положила голову ему на грудь и уставилась на затухающие в очаге угли.

— Ты должен бежать, — прошептала я.

— Не могу. — Его голос звучал совсем тихо, но я все равно уловила в нем боль. — Я клялся Кассиэлю и не могу оставить тебя здесь.

— В ад твоего Кассиэля! — прошипела я. В глазах заципало.

Твердая грудь вздымалась и опадала под моей щекой.

— Он, ходя по земле, считал, что и так уже в аду, ты же знаешь, — отозвался шепотом Жослен и легонько погладил меня по голове. — Я слышал эти легенды всю жизнь, но до сих пор не понимал их в полной мере.

По телу прошла дрожь.

— Я тоже, — прошептала я, думая о Наамах, которая возлегала с незнакомцами и с подлым шахом Персиса, и о скальдийском военачальнике Вальдемаре Селиге. — Я тоже.

Потом мы долго молчали. Я почти уснула, когда снова услышала тихий голос Жослена.

— Как д'Эгльмор это терпит? Он же обрекает ангелийцев на верную смерть под топорами скальдов.

— Десяток людей погибнет, зато еще сотня встанет под его знамена, — сказала я, глядя на угли. — И появится повод обвинить короля в потерях, понесенных Камлахом из-за того, что из столицы не прислали войска. Таков же был его план и с Искателями Славы. Герцог д'Эгльмор подгребает под себя империю. Не знаю, какой путь он изберет, но прекрасно понимаю, к какой цели он стремится. Что мне интересно, так это почему Гюнтер его не боится?

— Потому что герцог ему платит, — горько произнес Жослен.

— Нет, — я покачала головой, по-прежнему лежа у него на груди. — Здесь нечто большее. Гюнтер держит за пазухой что-то, о чем д'Эгльмор не подозревает. Варвар хохотал, когда я ему сказала, что Кильберхаар много чего не знает. Похоже, это именно то, о чем Гонзаго д'Эскобар предупреждал еще год назад: скальды наконец обрели вождя, умеющего думать.

— Да поможет нам всем Элуа, — прошептал Жослен.

После этого мы больше не говорили, я уснула и проснулась от того, что кто-то легонько тянул меня за рукав. Открыв глаза, я увидела над собой взволнованное морщинистое лицо Турид, которая встала раньше всех, чтобы приняться за работу. Из-под промасленных шкур на окнах в большой зал струился неяркий свет, а тенны все еще спали, дыша перегаром.

— Уходи, — прошептала старуха. — Они скоро проснутся.

Думаю, именно тогда я начала осознавать, что наши с Жосленом отношения изменились. В ту ужасную ночь нам показалось естественным искать поддержки друг у друга, но опасливое удивление Турид окрасило для меня нашу близость в новые цвета. Я села и смахнула с волос и юбки опметки камыша. Жослен лежал, наблюдая за мной. Не знаю, о чем он думал. Ни он, ни я не осмелились заговорить, боясь разбудить теннов. Я на прощание сжала его ладонь, встала и, обходя храпящих воинов, прокралась вслед за Турид в покои Гюнтера, где забралась в уютную постель из мягких теплых шкур.

Скальд что-то проворчал во сне и перевернулся, привлекая меня к себе. Не закрывая глаз, я лежала в могучих объятиях, презирая его всей душой.

После набега жизнь на хуторе потекла прежним чередом, хотя мы с Жосленом в обозримом времени навряд ли поддались бы ее обманчивому спокойствию. Вылазка скальдов послужила нам горьким напоминанием о том, за кого они нас держали.

Зима и в Городе Элуа не самое приятное время года: холодает, а жалищий ветер нередко разгоняет людей по домам и останавливает торговлю и досуг. Но тяготы городской зимы не идут ни в какое сравнение с зимовкой в поселении скальдов. Здесь мы оказались в снежной ловушке. Частенько разыгрывалась метель или мороз так крепчал, что даже сами варвары не решались надолго покинуть натопленные дома. Но и когда пригревало солнце, ехать было некуда, а делать особо нечего. Слуги, женщины и вилланы проще переносили скуку, поскольку для них всегда находилась какая-нибудь работа. Но Гюнтер и тенны, не имея возможности охотиться или с дозором объезжать свои земли, маялись от безделья. Той зимой я увидела, почему скальдийские воины так любят биться об заклад, ссориться и напиваться: когда день за днем они вынуждены сидеть взаперти в большом зале, им просто нечем больше заняться.

Конечно, чтобы убить время, у них на вооружении есть богатая поэтическая традиция, и та зима выдалась урожайной на разнообразные песни. Вдобавок к известным мне еще с отрочества боевым гимнам и мирным речитативам, которым меня научили местные женщины, я наслушалась длиннющих героических саг, озорных частушек, эпических сказаний о войне богов с великанами, а также восхвалений и поэм, посвященных Вальдемару Благословенному.

О нем рассказывали великое множество удивительных историй.

Будто бы, когда мать его умерла в родах, в дверь племенного чертога поскреблась волчица. Тенны, открывшие дверь, не посмели причинить ей вреда, поскольку мех ее был сплошь белым без единого пятнышка и по этому признаку все сразу поняли, что перед ними не простой зверь. Волчица прошла через большой зал прямо к младенцу Вальдемару и легла рядом с ним, а он бесстрашно вцепился в снежный мех на ее брюхе и принялся сосать молоко.

Еще подростком он уже вымахал на полголовы выше любого мужчины в родном селении и отличался недюжинной силой. Отец выдал ему пригоршню золотых и велел объехать скальдийские земли. Вальдемар отправился в путь в скромной одежде, сопровождаемый лишь двумя верными теннами. Тем, кто оказывал ему гостеприимство, он называл свое имя и платил золотом. Тех же, кто гнал его прочь, юноша вызывал на бой и неизменно побеждал, и только потом назывался. Так его имя прославилось по всей необъятной стране скальдов.

Как-то во время своих странствий Вальдемар освободил попавшего в силлок филина, а тот обернулся чародеем и одарил спасителя чудесным талисманом, который делает оружие противников тупым и неспособным нанести рану. Потом герой встретил колдунью, родившую от великана сына, вызнал у нее, что жизнь отродья сокрыта в некоем клубке корней, и швырнул тот клубок в огонь, прикончив тем самым богомерзкое чудовище. Колдунью Вальдемар тоже хотел убить, но она умолила оставить ей жизнь, отдав ему взамен талисман, защищающий от любого

яда.

Наконец вернувшись в родное селение, герой узнал, что отец его погиб, а самый могущественный из теннов, Лотнир, взял в жены его сестру и объявил себя хозяином селения и вождем племени. Узурпатор встретил Вальдемара с распростертыми объятиями и протянул кубок с отравленным медом. Юноша выпил до дна и выплеснул опивки в снег, который в том месте зашипел и задымился, но Вальдемару никакого вреда не сделалось. Ночью Лотнир прокрался в комнату, где спал герой, и ударил его кинжалом, но мигом затупившиеся лезвие соскользнуло с кожи как с дубленой шкуры, а спящий только вздохнул. Утром отдохнувший Вальдемар вызвал вероломного Лотнира на поединок и убил одним ударом копья, таким сильным, что острие разом раскололо щит и пронзило сердце предателя. Сделавшись вождем, Вальдемар выдал овдовевшую сестру за одного из своих верных спутников.

Вот какие истории рассказывали о Вальдемаре Благословенном, и хотя мне не хватало наивности, чтобы в них поверить — в некоторых я узнала переиначенные легенды древних эллинов, — от воодушевления, с которым скальды их слушали и повторяли, мне становилось не по себе. Варвары считали своего предводителя настоящим героем и не без причин. Пусть даже большую часть его подвигов выдумали сказители, он действительно совершил невероятное — объединил под своей рукой враждующие племена скальдов. Неудивительно, что они перед ним преклонялись.

В нашей уединенной жизни то и дело случались ссоры, отвлекавшие хуторян от томительной зимней скуки. К несчастью, в самом центре одной из таких ссор оказался Жослен.

Юная скальдйика Айлса не теряла интереса к пригожему пленнику. Верная слову, она выстирала и заштопала его серое рубище и вручила ему с очаровательной улыбкой. Жослен покраснел и тоже улыбнулся — как еще он мог ей ответить, будучи рабом? Однако он не стал сразу переодеваться, а продолжил носить подаренную Турид шерстяную одежду. Айлса надулась и стала шпынять его с обиженным видом. Тогда Жослен обрядился в свое старое рубище, лишь бы ее успокоить.

Хедвиг пыталась вразумить девушку, жестко напомнив ей о том, что Жослен — всего лишь раб и собственность Гюнтера. Айлса же весьма к месту привела похвальбу вождя, будто он пленил принца-воина, и заявила, что, как сын ангелийского лорда, Жослен никакой не раб, а заложник, чей статус гораздо выше.

Гюнтер внимательно следил за ходом спора. Думаю, он не принимал всерьез доводы Айлсы, но возможность получить за Жослена выкуп его заинтересовала. Вождь спросил кассилианца, заплатит ли его отец за возвращение сына, Жослен, не подумав, ответил, что непременно заплатит, как и префект Кассилианского Братства, но сразу оговорил, что без меня его одного никто выкупать не станет.

Эти слова подкинули Гюнтеру пищу для размышлений и подстрекнули Айлсу продолжить поползновения. Вряд ли выкуп был действительно возможен — при всей их воинственности нашим пленителям не удалось бы прорваться через весь Камлах, чтобы доставить свое требование, а д'Эгльмор наверняка не стал бы для них посредничать, — однако разговоры о выкупе не утихали и добавляли мне беспокойства.

Все бы ничего, но тут Эврар Острозыкий, грубый тенн, заслуживавший своего

прозвища, который давно ухаживал за Айлсой, не на шутку приревновал ее к Жослену.

Дело осложнялось еще и тем, что Айлса кокетничала напрапалу, поскольку мнила себя первой красавицей в селении, а Эврар был неказист с виду, хотя и богат. Он принялся преследовать кассилианца. Тенью следуя за беззастенчивой Айлсой, тенн постоянно норовил столкнуться с Жосленом, но вместо томных взглядов и якобы случайных прикосновений награждал его тычками, подножками и насмешками. Снова и снова Жослен пытался обойти обидчика или заблаговременно уступить дорогу, но раз за разом был осмеян, а то и сбит наземь. Дошло до того, что Жослен даже не мог спокойно настелить камыш на чисто выметенный пяточок у камина, потому что Эврар каждый вечер поджидал его там, обругивал и награждал оплеухой за несвоевременное усердие.

Да, Жослен не давал ни Гюнтеру, ни его теннам поводов для недоверия, но особой любви они к нему все равно не испытывали, поскольку ревновали к пригожему чужаку своих женщин. А когда видели на его лице морщинки от затаенной ярости, то, вспомнив первые дни нашего плена, еще пуще над ним издевались, надеясь разжечь в нем забавы ради прежний безудержный гнев.

И в конце концов им это удалось.

Это случилось вечером, когда на улице свирепствовала метель и хуторяне были вынуждены сидеть в большом зале. Заиндевший Жослен зашел с охапкой дров для кухни. Поймав его взгляд, Айлса послала пленнику воздушный поцелуй и зазывно выпятила внушительную грудь.

Покраснев и растерявшись — он еще не до конца утратил кассилианское пуританство, — Жослен не заметил подставленную Эвраром подножку, споткнулся и растянулся на полу во весь рост, рассыпав поленья.

Но даже тогда он сдержался. Я тихо играла на лютне и краем глаза наблюдала, как Жослен встал на колени и, склонив голову, принялся подбирать дрова. Гюнтер сидел в кресле у огня и лениво следил за происходящим.

— Посмотрите-ка, — презрительно воскликнул Эврар, схватив Жослена за косу мускулистой рукой. — Что это за мужик такой с косой до пояса, но без единой щетинки на подбородке? Что за мужик краснеет как девица и бровью не ведет, когда его принижают до раба? Говорю вам, это не мужик, а натуральная баба! — Тенны расхохотались. Я заметила, что Хедвиг недовольно поджала губы. Плечи Жослена окаменели, но он продолжал собирать дрова, не обращая внимания на насмешки. — Тихоня-то наш, однако, краше многих девок, а? — тем временем не унимался Эврар. — Может, стоит проверить, что там у него в штанах!

У каждого человека есть свой особый талант. Острозыкий лучше всех умел насмехаться, и по напряженному молчанию Жослена уловил, что наступил тому на большую мозоль.

— Что скажете? — обратился он к двоим своим прихвостням. — Помогите-ка мне снять с этого волчонка тряпье, и давайте проверим, сучка он или кобель, а, ребята?

Я перестала играть и посмотрела на Гюнтера, надеясь, что он остановит разошедшихся теннов. Однако вождь изнывал от скуки и, похоже, предвкушал забавное развлечение.

Эврар Острозыкий и его пособники окружили Жослена, очевидно намереваясь повалить его на пол и раздеть. В их планах я не сомневалась, но не могла предугадать, как среагирует кассилианец. Едва первая рука легла на его плечо, он упруго вскочил на ноги, сжимая в каждой руке по крепкому полену.

Думаю, в тот раз скальдам впервые довелось увидеть схватку в подобном стиле. Навыки

Жослена за время плена нимало не притупились: недели тяжелого труда и подавляемой ярости только обострили его боевые качества. Он дрался с текучей, смертоносной и контролируемой силой, импровизированное оружие мелькало в воздухе, обрушиваясь на противников словно из ниоткуда. За считанные секунды в большом зале воцарился хаос: тень бросались в бой и, шатаясь, отступали, прикрывая покалеченные руки и разбитые головы.

Насмотревшись на тренировки, я уже немного разбиралась в кассилианской двуручной манере сражаться. Ее разработали, чтобы превратить воина в живой непробиваемый щит для вверенных его защите. Сейчас же, не имея подзащитного, Жослен сосредоточенно оборонялся, не нанося особого вреда людям Гюнтера. Вождь наблюдал за схваткой с тем же любопытством, с которым следил за первым боем Жослена после нашего пленения. Наконец семь или восемь скальдов, объединив усилия, сумели повалить кассилианца на пол, где, хохоча, попытались стянуть одежду с его дергающегося тела.

Я набрала в грудь воздуха, чтобы закричать, хотя слова не шли на ум, но Гюнтер меня опередил, приказав:

— Довольно!

Ах, как могуче звучал его клик: клянусь, от рева дрогнули потолочные балки. Тень присмирели и позволили Жослену встать. Он, шатаясь, поднялся на ноги — одежда в беспорядке, губы дрожат от злости, — но, к его чести, как обычно скрестил руки на груди и отвесил короткий поклон в сторону Гюнтера.

Именно самообладание, думаю, Жослена и спасло. Вождь забарабанил толстыми пальцами по подлокотнику и лукаво прищурился на разозленного Эвра.

— Значит, готов побиться об заклад, что он не мужик, а Острозыкий?

— Гюнтер, — желчно отозвался Эврар, шустро заглывая приманку, — этот инородец, этот твой *раб*, устроился в нашем селении как кукушонок в чужом гнезде! Смотри! — последовал взмах в сторону Айлсы. — Смотри, как он уводит у нас из-под носа наших женщин в свои грязные рабские объятия!

— Если хочешь увидеть, кто кого уводит, — заметила Хедвиг, недобро глядя на Айлсу, которая только фыркнула, — тебе стоит присмотреться к той вертихвостке, Гюнтер Арнлаугсон!

Раздался хохот еще сильнее, чем после слов Эвра. Гюнтер подпер кулаком подбородок и уставился на Жослена.

— Что ты скажешь, ангелиец?

Если Жослен чему-то и научился во владениях Гюнтера, помимо рабского труда, так это тому, как скальды воспринимают подобные оскорбления и как на них отвечают. Он поправил одежду, а затем спокойно посмотрел в глаза нашему хозяину.

— Милорд, ваш человек ставит под вопрос мою мужественность. Прошу позволить мне сталью доказать, что он ошибается.

— Ну-ну. — Гюнтер удивленно поднял светлые брови. — Значит, мы так и не выбили волчонку клыки, хм? Что ж, Острозыкий, мне послышалось, что тебя вызвали на хольмганг. Что скажешь?

Слово «хольмганг» было для меня новым, но услышав его, Эврар побледнел.

— Гюнтер, он ведь всего лишь раб! Я же не могу всерьез сразиться с рабом. Это же позор!

— С одной стороны, он, может, и раб, а с другой, может, и нет, — неопределенно

отозвался Гюнтер. — Вальдемара Селига однажды захватили вандалы, и он по очереди сражался с их лучшими воинами, пока они не признали его вождем своего племени. Поэтому, Вальдемар Селиг во время плена был рабом?

— По-моему, Вальдемар Селиг никогда не был ангелийским хлыщом! — прошипел Эввар. — Хочешь выставить меня на посмешище?

— Хм, думаю, никто не станет над тобой смеяться, если выйдешь с этим волчонком на хольмганг. — Гюнтер хохотнул и окинул взглядом зал. — Что скажете, други, а?

Потирая побитые места, тенны ответили кислыми взглядами. «Нет, — подумала я, — никто не станет смеяться». Гюнтер улыбнулся и стукнул кулаком по подлокотнику.

— Значит, так тому и быть! — выкрикнул он. — Завтра у нас хольмганг!

Пусть скальды и не жаловали Жослена, Эввара Острозыкого тоже мало кто любил. Юный Харальд одобрительно взревел и выкрикнул первую ставку: серебряная монета на ангелийского волчонка. Ее тут же принял один из приятелей Эввара, и общим собранием порешили: поединок состоится.

Со спокойным достоинством Жослен собрал поленья и унес на кухню.

Рассвет следующего дня выдался ясным, и тенны, предвкушая редкое развлечение, решили устроить настоящий праздник. Я до сих пор не понимала, что такое хольмганг. Воины торжественно вынесли на улицу большую шкуру и утоптали в снегу квадратную площадку. Шкуру расстелили посреди утопанного места и закрепили железными стержнями, а по углам площадки вколотили четыре ореховые палки, обозначив наружную границу.

Хотя Эввара в селении недолюбливали, многие тенны болели за него как за единоплеменника. Они столпились вокруг него, проверяя остроту клинка и предлагая советы и запасные щиты.

Жослен в замешательстве понаблюдал за приготовлениями и наконец подошел к Гюнтеру с почтительным вопросом:

— Милорд, не соизволите ли изложить мне правила этого боя?

— Что, горячая голова, бросил вызов, а сам не знаешь, как драться? — поддразнил его вождь и сам же посмеялся над своей шуткой. — Это хольмганг, волчонок! Каждому бойцу дается по мечу и по три щита, и тебе самое время поискать друга, который их тебе одолжит. Кто первый прольет кровь противника на шкуру, тот и победил. Кто обеими ногами сойдет со шкуры на снег, считается бежавшим с поля боя и, значит, проигравшим. — Скальд с ухмылкой снял с пояса меч. — Ты доблестно защищал свою честь, ангелиец, и за это я одолжу тебе не худший из моих клинков. Но щиты тебе придется выпрашивать у кого-нибудь другого.

Жослен сомкнул пальцы на рукояти, посмотрел на лезвие и поднял глаза на Гюнтера.

— Милорд, моя клятва запрещает мне сражаться на мечах, — сказал он и протянул оружие обратно рукоятью вперед. — Я вправе обнажить меч только если намереваюсь убить противника. Прошу вас, дайте мне мои кинжалы и... — в скальдском языке не имелось специального слова для наручей. — Мои защитные пластины для рук, и я сражусь с этим человеком и оставлю его в живых.

— Это хольмганг. — Гюнтер дружелюбно похлопал его плечу. — Здесь бьются только на мечах, и если сможешь, волчонок, убей противника, иначе завтра или послезавтра он бросит тебе новый вызов. В любом случае я поставил на тебя. — Тут вождь отошел, чтобы крикнуть тенну, который неправильно отмерил расстояние для ореховой палки. Я стояла,

дрожа под меховой накидкой, а Жослен рассматривал меч. Он не держал настоящего оружия в руках со дня нашего пленения. Кассилианец беспомощно поднял на меня глаза.

— Если он убьет тебя, — сказала я по-ангельски, стараясь не стучать зубами, — то я останусь совсем без защиты. Но я не вправе диктовать тебе, какой путь выбрать.

Кнуд, мой снисходительный охранник, подошел к нам.

— Вот, — проворчал он, протягивая Жослену свой щит. — Держи, парень. Нет чести в том, чтобы заставлять раба сражаться наполовину безоружным.

— Спасибо, — поблагодарил его Жослен, неуклюже кланяясь в обнимку с оружием.

Кнуд коротко кивнул и поспешно отошел, насвистывая, словно его дело — сторона.

Жослен закрепил щит на левой руке, подбросил меч, поймал и покрутил его в разные стороны.

На дальнем конце шкуры Эврар в свою очередь сделал несколько выпадов и удачных взмахов, вызвав шквал смеха и подбадривающих возгласов. Да, прославился он острым языком, но наверняка его клинок тоже разит без промаха, раз сохранил ему жизнь в десятке набегов. С опытным воином-скальдом непросто справиться. Его товарищ стоял наготове с запасным щитом, а чуть поодаль маячил еще один.

— Итак, закончили со ставками? — выкрикнул Гюнтер, наконец одобвивший площадку. — Значит, мы готовы! Да начнется хольмганг, и тот, кому брошен вызов, пусть ударит первым!

Улыбаясь со стиснутыми зубами, Эврар ступил за шкуру и поелозил ногами для устойчивости. Жослен отважно шагнул ему навстречу. Женщины тоже пришли посмотреть на поединок, и многие вздохали, глядя на моего ангелийца.

— Отруби его девчачью голову, Острозыкий! — выкрикнул один из теннов, и все дружно засмеялись.

— Эврар бьет первым, — предупредил Гюнтер Жослена, и тот кивнул, крепче сжимая щит.

В тот ясный зимний день небо над головой было голубым и безоблачным, а заснеженная земля ослепительно-белой. Эврар издал продолжительный рык, зародившийся в груди и набравший полную силу, когда тенн вскинул меч и бросился вперед. Закутанные в шкуры скальды вопили и хлопали. Думаю, только мы с Жосленом в те секунды хранили молчание.

Кассилианец поднял щит Кнуда, который принял на себя удар, но разлетелся в щепки. Эврар, продолжая реветь, изготовился к повторной атаке.

Никогда не видела кассилианца, сражающегося с мечом, только несколько упражнений на учебных поединках с Алкуином. Сейчас Жослен держал клинок двумя руками и двигался вбок, как танцор. Вот он парировал второй удар Эврара и тут же сам ударил, расколов щит противника.

— Щит! — крикнул Эврар, поспешно отступая. — Щит давайте!

Жослен позволил ему поудобнее взять второй щит, а сам опустил меч наискось рукоятью у плеча, прикрывая торс.

Среди ангелийских воинов кассилианское Братство — это прежде всего непревзойденные телохранители. Они обучены сражаться в сложнейших позициях, а не только на поле боя, и не носят щитов, лишь наручи. Думаю, Жослену их здорово не хватало в тот день, но он обошелся и без них. Сделал обманный выпад, увернулся от могучего взмаха меча Эврара и ринулся вперед. Второй щит противника был пронзен насквозь. Жослен тут

же ловко сдернул его с руки скальда на землю и, быстро топнув ногой, разломил пополам.

— Щит, — прошипел побелевший Эврар, готовясь к новой атаке.

Не знаю, о чем тогда думал Жослен, но я смотрела на его прекрасное лицо, когда он принял прежнюю стойку, и видела на нем только спокойствие, безмятежное и непоколебимое. Он грациозно развернулся под голубым небом, лишь слегка наклонив голову, чтобы избежать удара Эврара. Меч в вытянутых руках описал ровную дугу, устремленную вверх, и в падении мелькнул звездой, обрушившись на третий и последний щит. Щепки брызнули во все стороны.

— Нет! — дрожащим голосом взмолился Эврар. Поднял руку и отступил, встав одной ногой на утоптаный снег. Может, я бы его даже пожалела, если бы не вспомнила, как он хвастался, что насадил на копьё десятки ангелийцев. — Прошу.

Жослен снова занес меч, и солнечный свет, отразившись от клинка, на секунду осветил его лицо.

— Я не нарушу правил, скальд, — тихо сказал он, старательно подбирая слова на чужом языке. — Сойди со шкуры или умри.

Проходи поединок без свидетелей, думаю, Эврар Острозыкий сдался бы. Но площадку окружали воины, с которыми он не раз и не два сражался плечом к плечу, и все они, затаив дыхание, наблюдали за схваткой. А еще там были женщины. Если Эврар боялся потерять лицо, приняв вызов от раба, представляете, сколь многого он бы лишился, сбежав от раба, как последний трус?

Мне не нравился этот человек, но признаю: он храбро встретил свою смерть. Вынужденный выбирать, куда дальше двинуться: к зрителям-скальдам или к ожидающему его решения кассилианцу, Эврар с громким ревом бешено ринулся в атаку на врага. Жослен, отшагнув, парировал удар, сделал пируэт и ответил выпадом снизу вверх, хлестнув скальда поперек живота и резко вздернув меч.

Даже я поняла, что это был смертельный удар. Эврар рухнул на шкуру и остался лежать без движения. Под ним медленно растекалась лужа крови. Ненадолго воцарилась тишина, а потом Гюнтер потряс кулаком и что-то одобрительно выкрикнул, и тенны принялись вторить ему кто во что горазд. По их правилам схватка была справедливой и честной. Жослен с побледневшим лицом стоял, глядя на поверженного противника. Я вспомнила, что он никогда прежде не убивал, и прониклась к нему особенной теплотой за его чувствительность. Внезапно кассилианец рухнул на колени, положил перед собой меч и, молитвенно сложив ладони, тихо забормотал какую-то молитву.

Закончив взывать к своему покровителю, он встал, очистил лезвие и подошел к Гюнтеру. Скальд с хитрой улыбкой взял протянутый меч.

— Спасибо, милорд, что позволили мне защитить свою честь, — без выражения произнес Жослен и поклонился. — Прошу прощения за смерть вашего тенна.

— Острозыкий же сам ее на себя навлек, гм? — ответил Гюнтер, обнял мощной рукой Жослена за плечи и встряхнул. — А ты, волчонок, не желаешь занять его место?

— Милорд? — недоверчиво вытаращился Жослен.

Вождь усмехнулся:

— Я готов рискнуть, ангелиец! Ведь пока осторожный думает, отважный побеждает, а? Если я верну тебе оружие, будет ли твоя клятва по-прежнему тебя связывать? Ты готов служить и защищать мою жизнь ценою своей, если потребуется?

Жослен сплотнул: да, это было искушение, какому он никогда прежде не подвергался.

Посмотрел мне в глаза и решительно вскинул голову.

— Я готов служить вам, милорд, — произнес он. — Пока миледи Федра но Делоне находится в безопасности.

— Дело слажено. — Гюнтер еще раз стиснул плечи Жослена и встряхнул его. — Ликуйте же! — взревел он. — Сегодня этот парень доказал, что он настоящий мужчина!

Тенны ответили приветственными криками и потянулись к Жослену, чтобы похлопать его по плечу и похвастаться выигрышем либо пожалеть о проигрышных ставках на исход хольмганга. Тело Эврара еще не остыло, а по кругу уже передавали мех с медом и кто-то затянул новую песню, на ходу складывая историю о поединке Эврара Острозыкого и ангелийского парнишки-раба.

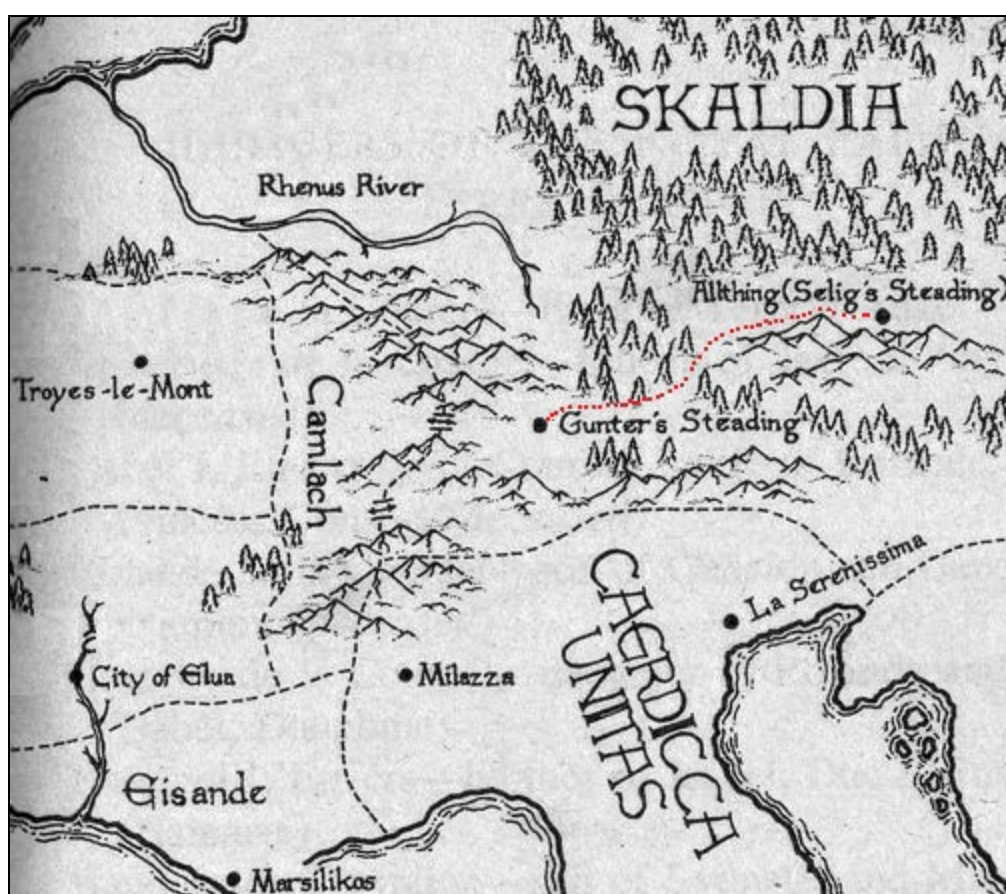
Я недолго понаблюдала за происходящим, все еще дрожа, а потом вернулась в чертог с Хедвиг и другими женщинами, чтобы подготовиться к вечернему пиру. Трудно было сообразить, на какую дорогу свернула теперь наша с Жосленом судьба — к лучшему или к худшему.

Было крайне странно возле Гюнтера видеть Жослена в полном облачении брата-кассилианца: в залатанном сером рубище, в наручах на предплечьях, с кинжалами на поясе и мечом за спиной. Получив некоторую свободу, он возобновил тренировки и каждое утро выполнял упражнения, составлявшие основу кассилианского стиля ведения боя.

Скальды наблюдали за его грациозными пируэтами с интересом и недоверием. Сами они дрались без особых изысков с дикарской прямолинейностью, полагаясь на свою врожденную свирепость и умелое владение мечом, которое в большинстве своем постигали с молодых ногтей.

Их отношение к приемам и принципам Жослена напрямую обуславливалось их восприятием Земли Ангелов в целом, и, признаюсь, я так до конца и не разобралась, что же варвары думали о нас, ангелийцах. В их речах я слышала и насмешку, и тоску, и презрение, и зависть — и этот разнобой почти полностью захватил мои мысли, когда селение занялось сборами к поездке на Слет племен, поскольку моя жизнь во многом зависела от способности понимать природу скальдов.

Ах, если бы у меня была карта с отметкой нашего хутора и точки встречи, намеченной Вальдемаром Благословенным! Делоне, конечно же, научил меня читать географические карты, и, смею заверить, я бы смогла сориентироваться не хуже любого генерала. Но карты не было, а определять свое местоположение по звездам, как мореплаватели, я не умела. И потому знала только, что мы находимся недалеко от одного из перевалов через Камаэльский хребет и что на Слет поедем в сторону востока. Семь дней пути, а то и восемь, как сказал Гюнтер.

Для него само собой разумеется, что я поеду с ним, и он так и не считал нужным предупредить, что предназначил меня в дар Вальдемару Благословенному. Представлять

селение вместе с Гюнтером отправлялись двадцать теннов, Хедвиг и три ее подруги. Женщины не имели тех же прав, коими обладали мужчины, но по старому преданию — у варваров все основывалось на них — Брунхильда Отважная одолела Хобарта Длинное Копье в двух из трех поединков и тем самым отвоевала для скальдиек возможность выступать на Слете. Подозреваю, Гюнтер хотел бы поехать без женщин, но опасался гнева Хедвиг. Не знаю, умела ли она сражаться, но с примечательной легкостью орудовала поварешкой, которую, не мешкая, пускала в ход, когда кто-то из мужчин осмеливался ей перечить.

Что касается Жослена, то он естественно попал в число избранных как личный телохранитель Гюнтера. Вождь был тщеславен, и его поступь обрела вельможную горделивость с кассилианцем за спиной, то и дело кланявшемся с ангелийским изяществом.

Итак, мы готовились к поездке, и тут я впервые познакомилась со скальдийскими предсказаниями. В большой зал привели дряхлого жреца Одина, который возглавил процессию, направившуюся к священному по-зимнему голому дубу. Возле ствола жрец расстелил на снегу покрывало из белоснежной шерсти и начал что-то бормотать, одновременно бросая на ткань деревянные брусочки с вырезанными на них рунами. Он повторил ритуал трижды и наконец объявил, что боги благоволят поездке.

Тенны Гюнтера тут же взревели, колотя короткими копьями по щитам. Я, как всегда дрожа на пронизывающем ветру, про себя помолилась Благословенному Элуа, прося о защите, а также Наамах и Кушиэлю, чья метка была моей неотъемлемой частью. На одну из голых узловатых веток рядом со мной опустился взъерошенный ворон, потоптался и зыркнул на меня круглым черным глазом. Поначалу я испугалась, но потом вспомнила, что, когда Элуа странствовал по холодным землям скальдов, вороны и волки были ему друзьями, и это меня отчасти ободрило.

Предвесенняя оттепель днем растапливала лед на ручье, и в путь следовало пуститься на рассвете. Последний день прошел в суматошных сборах, в которых я не участвовала, а только наблюдала за всеобщей суетой. Привычный к дальним поездкам Гюнтер рано отправился спать, прихватив меня с собой. Я думала, что он не тронет меня, чтобы сохранить силы и утром встать бодрым, но обманулась — он овладел мною по-солдатски быстро и напористо, излился с победным возгласом, скатился на постель и тут же уснул.

Я успела обучить хозяина многим премудростям Наамах приятным для женщин, но он не считал нужным применять их с рабыней, поскольку ее предназначение лишь в том, чтобы доставлять ему удовольствие, а уж в особенности со мной, отмеченной проклятым даром. Я без сна лежала в темноте, дрожа после произвольных спазмов отвратительного мне блаженства и гадая, что меня ждет в ближайшем будущем.

Мы проснулись на рассвете и собрались. Сияющий Гюнтер вошел в спальню с охапкой шерстяного белья и шкур — подарком, призванным защитить меня от холода. К моему удивлению, он даже встал на колени, чтобы помочь мне надеть теплые меховые гетры и показать, как их правильно зашнуровать. Закончив же с гетрами, не встал, а задрал мои юбки, развел бедра и запечатлел поцелуй на моей жемчужине Наамах, как я его учила.

— Я тебя не забуду, — проворчал он, одернул мой подол и заглянул мне в глаза. — Может, твои боги и вправду прокляли тебя, но для себя Гюнтер Арнлаугсон считает твой дар благословением.

Нежность была последним, чего я от него ожидала, но ледяной блеск бриллианта Мелисанды на его шее не дал мне растаять, напомнив о многом, что хотелось забыть. Я взяла лицо Гюнтера в ладони и поцеловала его в губы, благодаря за теплую одежду.

Большого он и не ждал. Вполне довольный поднялся с колен и отправился проверять взнузданных лошадей.

«Что ж, вот и все, — угадала я. — Он утвердился в своем решении».

Дорога на Слет племен заняла восемь полных дней, и к концу я уверилась, что ничего более тяжкого мне пережить не по силам. Мне досталась собственная лошадь, поскольку Гюнтер заботился о скакунах и не позволял им нести больше одного седока. Я бесконечно долго тряслась в седле, кутаясь в шерсть и меха, и отпустила поводья, как только заметила у моей крепкой кобылки привычку без взбрыков следовать за остальными. Недолгую оттепель сменил трескучий мороз, и на снегу образовалась ледяная корка, которая больно резала лошадям ноги и замедляла наше продвижение. Останавливаясь на ночевку, скальды первым делом обихаживали скакунов, смазывая их израненные ноги бальзамом из медвежьего жира.

Примитивные палатки из шкур почти не защищали от холода. Гюнтер держал меня при себе, хотя даже не пытался мною овладеть, но теперь я сама по ночам прижималась к нему — ради тепла. Жизнь в нас теплилась благодаря горячей похлебке и ломтикам вяленого мяса, на которые через пару дней я уже не могла смотреть без отвращения.

Земли, по которым мы ехали, своей красотой вызывали восторг, хотя я не считала уместным ими восхищаться. Скальды, казалось, мерзли гораздо меньше, чем я, и всю дорогу горланили песни, выпуская изо ртов клубы пара. Щеки Хедвиг от холода порозовели, а глаза заблестели, словно у юной девушки.

Даже Жослен переносил лютую стужу легче меня, но этого следовало ожидать, поскольку его родной Сьоваль расположен в гористой местности, и он с детства привык к такой погоде. Как и большинство мужчин, движение радовало кассилианца больше, чем сидение на одном месте. Кто-то одолжил ему накидку из медвежьей шкуры, и он с горячим воодушевлением от заката до рассвета скакал на лошади. Вспомнив слухи, будто в посвященных Дома Жасмина имелась толика бходистанской крови, я впервые за долгие годы подумала о своей матери, гадая, не от нее ли мне досталась нетерпимость к холоду.

На восьмой день мы добрались до места Слета, расположенного в огромной чашеобразной долине, окруженной лесистыми горами. Посреди нее было небольшое озеро, вокруг которого скальды и устроили лагерь.

Полагаю, центром стал родной хутор Вальдемара Селига, который он унаследовал по праву рождения, утратил и отвоевал в бою, а после превратил в процветающее селение. Пусть и неказистый по ангелийским стандартам, здешний чертог раза в три превосходил размерами оплот Гюнтера, а рядом с ним находились еще две примерно такие же по размеру пристройки. По всему берегу озера рассыпались группы палаток прибывших на встречу с вождем представителей скальдийских племен.

Нас заметили издали — где-то за милю до людского скопища. Лес казался мне необитаемым и беззвучным, если не считать редкого хруста сломавшейся на морозе веточки, как вдруг Кнуд, опытный лесовик, приложил к носу палец и многозначительно кивнул Гюнтеру. Но, думаю, и его застали врасплох трое внезапно выросших из сугроба перед нами скальдов в белых волчьих шкурах и с копьями наперевес.

Жослен в одно мгновение повернул лошадь к ним боком и соскочил на землю, где застыл, скрестив руки с обнаженными кинжалами. Его маневр озадачил местных охранников так же, как нас — их неожиданное появление, и они удивленно заморгали, отчего приобрели глуповатый вид под белыми волчьими мордами, доходившими им до бровей.

Гюнтер расхохотался и махнул своим теннам и остальным сопровождающим, приказывая держаться за ним.

— Стало быть, собрался защищать меня, а, волчонок? — спросил он. — Что ж, хорошо, но сейчас нам всем лучшая защита — гостеприимство Благословенного! — Он дружелюбно кивнул преградившим дорогу скальдам. — Счастливо встретиться, братья. Я Гюнтер Арнлаугсон из племени марсов, приглашенного на Слет.

— А что это за бойца ты притащил в самое сердце нашей страны, Гюнтер Арнлаугсон? — кисло поинтересовался старший из тройки, явно злясь, что его застали врасплох. — Он-то уж точно не из марсов, разве что ваши женщины бегали к любовникам через границу.

Хедвиг громко фыркнула, и один из теннов Вальдемара покосился в ее сторону. Заметив меня, он удивленно приоткрыл рот и потянул соседа за рукав.

— Диковинных иноземцев, что я привез, я покажу только самому Вальдемару Благословенному, — хитро усмехнулся Гюнтер. — Но они мне верны, а, волчонок?

Жослен одарил его вежливым взглядом, поклонился и убрал кинжалы в ножны.

— Я служу и защищаю, мой господин.

— Значит, сам и будешь за них в ответе, — решил старший охранник и пожал плечами. — Мы проводим вас вниз.

— Ведите, — добродушно принял приглашение Гюнтер.

И наш отряд спустился к озеру. Проводники первыми пробирались по сугробам, указывая путь нашим лошадям, которые иногда по грудь погружались в снег.

Сверху скопление палаток казалось многочисленным, в долине же — бесконечным. Вокруг озера раскинулся настоящий палаточный город, в котором роились бесчисленные прибывшие на Слет скальды. Они пока не использовали геральдических символов, но я заметила некоторые различия в одежде разных племен: крой, цвета, манера шнуровки и, конечно, украшения. Представители одного племени, например, увешивали себя бронзовыми дисками, а другого — обнажали грудь и носили на шеях ожерелья из медвежьих зубов.

В воздухе витала напряженность, наверное, неизбежная, при том что в долине собралось так много разных племен, недавно враждовавших между собой. Я явственно ощущала эту напряженность, пока мы ехали по широким снежным проходам между чужими стоянками. Незнакомые тенны пристально следили за нами, держа наготове оружие, а малочисленные женщины разглядывали нас с ревнивым интересом. Только дети и собаки, казалось, не замечали тлеющей вражды, они с криком и лаем бегали от палатки к палатке, играя в бесконечные догонялки.

Повсюду на нашем пути слышались перешептывания. Мы с Жосленом выделялись даже среди людей Гюнтера, живших в непосредственной близости от ангелийской границы. Здесь же мы походили на пару породистых пустынных скакунов Баркеля л'Анвера в конюшне, заполненной тяжеловозами.

— Сам поселишься здесь, — сказал Гюнтеру наш проводник, указывая на один из чертогов поменьше. — Можешь взять с собой двух теннов. Ваша главная женщина и с нею еще две могут остановиться вон там, — он показал на второй чертог, — а четвертой место в лагере с другими вашими теннами. — Разбивайте палатки, где захотите. В день каждый может взять по одной охапке дров из общей поленницы и по одному котелку каши утром и вечером, в остальном же сами о себе позаботьтесь. И за лошадьми своими тоже сами приглядывайте.

Тенны заворчали, хотя и ожидали чего-то подобного, а Гюнтеру не понравилось, что его отселили в малый чертог.

— Я желаю немедленно встретиться с Вальдемаром Селигом, — заявил он. — У меня для него важное известие.

— Объявишь свое известие на Слете, чтобы слышали сразу все, для кого оно важно, — парировал не впечатленный старший охранник. — Но Благословенный уже сегодня вечером будет принимать подношения, так что если вы ему что-нибудь привезли... — Он махнул в сторону: — Двери большого чертога откроются, когда солнце будет в пальце от вершины вон той горы.

«Значит, Вальдемар знает толк в церемониале, — отметила я, — и понимает, как управлять сердцами мужчин». Нелегкая мысль.

— Спасибо, брат, за твою обходительность, — ответил Гюнтер с ноткой иронии в голосе, и проводник, уловив ее, слегка поморщился, но молча кивнул и отправился восвояси.

Гюнтер же отвел Хедвиг в сторону и что-то ей тихо сказал, пока остальные ждали. Она бросила на меня печальный взгляд, а по ее губам я прочитала обещание все исполнить.

— Прекрасно! — громко выкрикнул Гюнтер, окидывая взглядом наш небольшой отряд. — Со мной останешься ты, волчонок, и ты, Брид. Остальные, делайте как сказано. Встречаемся на этом же месте, когда солнце будет на два пальца над той горой, поняли? Пошевеливайтесь.

Я не была вполне уверена, что назначено мне, но тут Хедвиг и еще одна женщина по имени Линнеа спешили и, улыбаясь, поманили меня за собой. Мой добрый Кнуд потянулся за поводьями моей лошади, пряча от меня глаза.

Гюнтер и Брид тоже слезли с коней, и вождь нетерпеливо махнул Жослену. Но тот остался в седле: голубые глаза метали молнии, лошадь под ним слегка гарцевала — похоже, он сильно сжимал коленями ее бока. Даже мне было сложно понять, что происходит, а кассилианцу, верно, пришлось в десять раз труднее. Он довольно быстро освоил простые слова и фразы на скальдском языке, но в громком гомоне огромного лагеря было сложно вычленять и разбирать чью-то отдельную речь.

— Милорд, мой обет вам действует, пока миледи Федра в безопасности, — напомнил он Гюнтеру.

— С ней ничего не случится, волчонок, — ответил скальд. — Она отправится к королю, а ты пойдешь вместе с ней.

Жослен посмотрел мне в глаза, и я кивнула. Он спешился и бросил поводья ближайшему тенну.

А потом Хедвиг взяла меня за руку и увела, я лишь пару раз отважилась оглянуться, чтобы увидеть, как мужчины пошли в противоположную сторону, а незнакомые варвары от своих палаток, переговариваясь, шурились нам вслед.

В женском чертоге на нас глазели не меньше, а в шепотках слышалась злая зависть. В глубине души я не могла не почувствовать благодарности к Хедвиг за ее доброту и хороший пример, который она подавала женщинам в селении Гюнтера. Хотя она и не являлась там законной хозяйкой или старшей по возрасту, но вела себя повелительно, одергивая наших притеснителей и прогоняя любопытных из купальни, чтобы я или Жослен могли хотя бы помыться в уединении.

В купальной комнатке женского гостевого чертога было тепло и влажно. Линнеа принялась наполнять лохань для мытья, как и Кнуд, не глядя мне в глаза. Хедвиг стояла у

двери и ждала, но не отводила взгляд. Я расстегнула фибулу и позволила тяжелой накидке упасть на пол.

— Что он тебя попросил? — шепотом спросила я.

— Сделать так, чтобы твоя красота засияла, — тихо ответила она.

Я расшнуровала меховые гетры, обнажив ноги, а потом сняла шерстяное платье.

— Он сказал, зачем это нужно? — спросила я, скидывая нижние юбки из некрашеной шерсти, и залезла в воду.

— Да, — прошептала Хедвиг еще тише и покачала головой. — Деточка, если бы я могла этому воспрепятствовать, я бы так и поступила. Но мы живем в мужском мире, где нам пока удалось отвоевать только право голоса.

После этих слов я взяла ее руку и поцеловала, совсем как в первый день плена.

— Хедвиг, ты подарила мне доброты намного больше, чем я того заслуживаю, — пробормотала я.

На этот раз она не отдернула руку, а ласково погладила меня по щеке.

— Ты принесла в мой дом редкостную красоту, малышка, — сказала она. — Не только своим обликом, но и всем поведением. Ты перепевала наши песни так хорошо, как никто другой. Спасибо тебе за это.

Значит, я что-то значила для нее и для других хуторян, значит, они не рассматривали меня только как игрушку Гюнтера. От этого открытия из моих глаз потекли слезы, и я тут же вылила на голову черпак воды, чтобы их скрыть. Ни к чему было давать дополнительный повод меня жалеть. Закончив мыться, я вытерлась, и Линнеа помогла мне надеть платье из мягкой белой шерсти. Не знаю, где они всю дорогу его прятали. Ткань слегка измялась, но влажная ладонь разгладила складки. Я спокойно сидела на стуле, пока Хедвиг расчесывала мне волосы. Она аккуратно распутывала сбившиеся за восемь дней поездки колтуны, пока темные блестящие локоны не рассыпались по моей спине.

— Глянь-ка, где там солнце, — попросила Хедвиг Линнеа, и та, коротко кивнув, выскользнула из купальни.

— Значит, я готова? — поинтересовалась я.

Хедвиг в последний раз провела гребнем по моим волосам.

— Если Вальдемар Селиг видел хоть одну столь же прекрасную девушку, — довольно произнесла она, — я съем свои сапоги.

От неожиданности я засмеялась. Хедвиг улыбнулась и неуклюже стиснула меня в объятиях.

— Я буду скучать по тебе, деточка. По тебе и твоему красивому парню.

Тут в комнату ворвалась Линнеа с встревоженным лицом.

— Они уже собираются, — выдохнула она и принялась спешно хватать наши вещи.

Если в Городе Элуа я считалась подарком, достойным принцев, несомненно, в лагере варваров я была достойна их короля. Накинув меховой плащ, я покинула женский чертог бок о бок с Хедвиг и Линнеа, не обращая внимания на шепотки за спиной.

У главного чертога собрались представители нескольких племен. Люди Гюнтера гордо стояли дружным отрядом, выпрямившись во весь рост, и, уж поверьте, мы с Жосленом держались ничуть не хуже. Пусть ростом я была пониже скальдов, но в гордости ничуть им не уступала.

Заходящее солнце окрасило багрянцем высокие деревянные двери, обитые медью. С наступлением сумерек становилось все холоднее. Как и ожидалось, когда светило ровно на

ширину пальца зависло над вершинами деревьев на горе, двери медленно отворились.
Вальдемар Благословенный ждал нас.

Может, Вальдемар Благословенный и поставил церемониал себе на службу первым из скальдов, но по части умения красиво привлечь к себе внимание Гюнтер тоже был не лыком шит. Со своей обычной хитростью он пропустил вперед делегации от других селений, и мы вошли в чертог последними. В результате мое первое впечатление о чертоге стало таким: много-много скальдов, в основном мужчин, одновременно набившихся в один зал. Со своего места я не видела почти ничего, кроме бравых вояк в одежде из шерсти и шкур.

За исключением впечатляющих размеров строение не могло похвастаться ничем примечательным. По планировке оно почти в точности повторяло чертог Гюнтера: вон там, наверное, кухня, рядом с ней кладовые, а по другую сторону — спальни. Зато камин был выше любого мужчины, и я не могла даже вообразить, какими огромными вымахали деревья, пущенные на потолочные балки.

Тем вечером аудиенции у Вальдемара Селига ждали четыре селения: два из племени марсов, включая наше, одно из маннов и одно из гамбрийцев. Многие другие племена, включая могущественных суэвов и вандалов, прибыли и представились раньше.

Все делегации несли дары королю — или Гюнтер был не единственным, кому пришла в голову такая мысль, или же это было в обычае у скальдов. Богатые гамбрийцы привезли золото, чем вызвали у многих зависть. Своими глазами я того золота не видела, зато слышала вокруг разговоры о нем. Другое селение марсов, в котором жил искусный резчик по дереву, доставило жезлы, украшенные рунами, что тоже считалось дорогим подарком.

Мы следовали за маннами с хутора Лейдольфа, которые развернули на всеобщее обозрение дюжину безупречных снежно-белых волчьих шкур. В зале заахали, поскольку добыть белых северных волков очень непросто и они являются тотемными животными Селига. Отобранные им лично доверенные тенны носили белые волчьи шкуры и назывались Белыми Братьями — я узнала об этом там же, в большом чертоге, ожидая за маннами своей очереди.

Спины рослых варваров загораживали мне обзор, но слышала я превосходно, и поэтому первым, что впечатлило меня в Вальдемаре Благословенном, стал его голос, когда он приветствовал гостей, вручавших дары. Голос был глубоким и с выверенными интонациями, создававшими у каждого из присутствующих иллюзию, будто король обращается именно к нему.

Наконец посланцы из селения Лейдольфа отошли, и настал наш черед предстать перед человеком, своею волей объединившим варваров.

Гюнтер шагнул вперед, и его тенны напряженно встали полукругом за спиной вожака. Хедвиг с женщинами держались чуть поодаль, как и мы с Жосленом: встреча с верховным военачальником — дело прежде всего воинов-скальдов. Поэтому впервые я увидела Вальдемара Селига в просвете между плечами теннов. Я не разглядела толком его лица, только отметила, что мужчина он крупный и широкоплечий. Благословенный восседал на огромном деревянном стуле, похожем на трон и по сути им являвшимся.

Ангелийцы преклонили бы колени, но не скальды. Гюнтер стоял перед главнокомандующим, гордо выпрямив спину.

— Гюнтер Арнлаугсон из племени марсов, рад встрече, брат, — тепло поприветствовал его Вальдемар Селиг низким бархатным голосом. — Мне греет душу, что ты, чье селение

завоевывает нам славу на западных границах Скальдии, не преминул прибыть на Слет.

— Наш отряд прибыл на Слет, преследуя наилучшие намерения, — цветисто ответил Гюнтер, — чтобы заверить великого Вальдемара Селига в своей преданности. Я привел перед твоё лицо вот этих теннов, чьи копья без устали сражаются с твоими врагами, и домовитую Хедвиг Арильдсдоттир, благодаря которой не гаснет огонь в нашем очаге.

Хедвиг взволнованно кивнула — она не могла похвастаться невосприимчивостью к ловушкам церемониала. Я сделала шаг в сторону, чтобы получше рассмотреть Селига, и наконец увидела его умные зеленовато-карие глаза.

— Добро пожаловать, люди селения Гюнтера Арнлаугсона.

— Мы тоже приготовили для тебя дар, Благословенный, — хитро продолжил Гюнтер, подавшись назад. Нас с Жосленом подтолкнули на пяточок перед тронем. — Изволь принять, о командующий, этих двух ангелийских рабов, купленных на золото, завоеванное ценой скальдийской крови.

Не сомневаюсь, до Вальдемара уже дошли слухи о нашем приезде. Услышав слова Гюнтера, он не удивился, но разглядев нас с Жосленом, приподнял брови. Это я увидела совершенно ясно, поскольку мы стояли прямо перед ним и никто больше не загораживал мне обзор. Я посмотрела прямо в блестящие любопытные глаза и присела в реверансе — не в быстром и бессознательном, каким воспитанницы Двора Ночи выражают свое почтение, но в глубоком и значительном реверансе, каким пристало приветствовать чужеземного принца и которому я научилась у Делоне.

Вальдемар Селиг понял смысл моего жеста — судя по его оценивающему взгляду. Он был достаточно красив для варвара: высокий и крепкий, лет тридцати с небольшим, с живыми умными глазами на волевом лице. Его рыжевато-каштановые волосы перехватывала золотая заколка, а борода была разделена пополам и оплетена золотой проволокой. Для воина-скальда он обладал слишком чувственным ртом, но его лицо казалось непроницаемым.

Жослен отвесил ритуальный кассилианский поклон, годившийся на любой случай и не имевший особого значения. На несколько секунд задумчивый взгляд Вальдемара задержался на мне — сосредоточился на моих глазах, особенно на левом. Он, похоже, заметил алую крапинку и сделал себе мысленную зарубку.

— Ты привел ко мне еще два голодных рта, Гюнтер Арнлаугсон? — насмешливо спросил он.

По залу прокатился хохот, и мой бывший хозяин покраснел. Я поняла: Селиг не знал, кто мы такие, но признал за нами определенную ценность. Просто не до конца определился, велика ли она и стоит ли публичного оглашения.

Но Гюнтер не пожелал сносить ни насмешек, ни пренебрежения.

— Эта красавица обучена дарить удовольствие королям, — сказал он и после паузы добавил: — Господин.

Ах, моя бездумная похвальба... Но хитрый варвар вложил в мое высокомерное речение совсем иной смысл. Он озвучил перемену, которую еще никто из скальдов не признал вслух. Гюнтер ясно видел, что происходит, и без обвиняков говорил об этом Жослену. Но во всеуслышание назвать стяжавшего власть вождя «королем» перед толпой воинов из разных племен, никогда не имевших единого правителя, — совсем другое дело. Только тут я поняла в полной мере значительность дара Гюнтера. Таким образом он признал за Вальдемаром Селигом новый статус.

Благословенный поерзал на похожем на трон стуле, медля с решением. Ему не требовалось экзотических мехов, чтобы приковать к себе всеобщее внимание. От движения пламя в огромном камине за его спиной всколыхнулось, бросив на нас тень.

— А парень чему обучен?

— Он сын лорда, — тихо ответил Гюнтер, — а еще ангелийский жрец-воин, давший обет, который связывает его с этой девушкой. Он будет беречь твою жизнь превыше своей собственной, если ты обеспечишь девушке безопасность. Спроси своих теннов, если мне не веришь.

— Это так? — поинтересовался Селиг у Белых Братьев. Один из воинов в волчьем облачении переступил с ноги на ногу и что-то пробормотал. Любопытный взгляд короля снова упал на меня. — Это так?

Не думаю, что он ожидал ответа — Гюнтер же не упомянул, что я владею их языком. Я снова присела в глубоком реверансе.

— Да, это так, милорд, — сказала я на чистом скальдийском, пропуская мимо ушей поднявшийся вокруг удивленный ропот. — Жослен Веррёй — член кассилианского Братства. Ганелон де ла Курсель, король Земли Ангелов, шагу не делает без двух верных телохранителей-кассилианцев.

Это была поистине опасная игра. Но в том, как Селиг все вокруг себя обустроил, в его разумности и сдержанности, я разглядела жажду цивилизованности, стремление принести своему народу общественное устройство, позволяющее завоевывать славу и благосостояние не только кровью и железом. Жослен снова поклонился, подтверждая мои слова.

— Красавица, обученная улаживать королей, стоит передо мной и говорит на нашем языке, — тихо произнес Вальдемар Селиг. — Что еще может в ней таиться? — Кто-нибудь другой мог бы сказать это просто так, в шутку, но скальд был смертельно серьезен. Он изучал взглядом мое лицо. — Я бы не отказался послать такую как ты к своему врагу, чтобы искутить его и заставить сделать глупость. Как, говоришь, ты попала в рабство?

Такого вопроса я не ожидала, хотя следовало бы, уже кое-что узнав о Селиге. Все мое время: есть время лукавить, а есть время говорить правду. Глядя в беспощадные глаза, я поняла, что сейчас пришло второе.

— Милорд, — сказала я, — меня предали, потому что я слишком много знала.

Вся моя жизнь лежала в этих словах, как в линиях на ладони — для того, кто умел по ней читать. Не уверена, умел ли Вальдемар Селиг, но он, несомненно, обладал способностью видеть узоры судьбы. Он кивнул, больше себе, чем мне.

— Да, такое могло случиться, — подтвердил он, — с девушкой, обученной служить королям. — Люди вновь зашептались: Селиг признал правдивой нашу с Гюнтером историю. Но никто не стал возражать. — А ты? — внезапно последовал вопрос к Жослену. — Как получилось, что ты сюда попал?

У меня были весомые сомнения по поводу скорости, с которой кассилианец был способен соображать, — не идущей ни в какое сравнение с его моментальной физической реакцией, — но в ту минуту Жослен меня порадовал. Он повернулся ко мне и заговорил по-ангелийски:

— Скажи ему, что я дал обет любой ценой защищать твою жизнь, — потребовал он. — Скажи, что для меня это дело чести.

Я снова взглянула на Вальдемара Селига, который вдруг поднял руку.

— Я... немного... говорю на вашем языке, — запинаясь, произнес он по-ангелийски. —

Наверное... ты немного знаешь мой, чтобы... понять, о чем речь. — Он перескочил на довольно беглый каэрданский: — Говоришь ли ты на языке ученых, ангелиец? Тогда я пойму твои слова.

Жослен кивнул, невольно вытаращившись на скальда.

— Да, милорд, — ответил он по-каэрдански. — Со мной все обстоит в точности так, как сказал Гюнтер Арнлаугсон.

— Значит, — Вальдемар Селиг смерил Жослена взглядом, — ты клянешься защищать мою жизнь даже ценой своей собственной, как сказал Гюнтер Арнлаугсон, а, Жуслин Фирьей?

Селиг не пропустил мимо ушей произнесенное мною имя Жослена и запомнил его, к тому же говорил на нашем языке, пусть и с жутким варварским акцентом, да еще неплохо владел каэрданским. Чем больше я узнавала этого человека, тем страшнее мне становилось. Гонзаго д'Эскобар был прав — Вальдемар Благословенный очень и очень опасен.

Жослен вновь обрел присутствие духа, и его лицо сделалось холодной непроницаемой маской кассилианской выучки. Из присутствующих в чертоге только Гюнтер и его тенны, толпившиеся позади нас, знали, как виртуозно ангелийский пленник обращается с оружием. Он стоял буквально в паре шагов от объединителя скальдов, вооруженный и относительно свободный. Думаю, он мог бы убить Вальдемара Селига в три движения, и тогда, почти наверняка, хрупкое единство варварских племен, собравшихся на Слет, не пережило бы смерти верховного вождя. Разделенные и лишённые главнокомандующего, скальды стали бы тем, кем всегда и были — досадной угрозой для наших границ, которую нетрудно отогнать сравнительно небольшими силами.

Но тем самым Жослен нарушил бы свою клятву, поскольку нас обоих за такое точно убили бы, а то и чего похуже. Кассиэль отринул Бога, чтобы сопутствовать Элу; Жослен в тот момент сделал столь же судьбоносный выбор.

— Клянусь, — сказал он на каэрданском, — при условии, что миледи Федра но Делоне будет в безопасности.

— Фэй-дра, — протянул Вальдемар Селиг, глядя на меня. Я снова присела в реверансе, ощущая тяжесть его взгляда. — Так тебя зовут?

— Да, милорд.

— Фэй-дра, ты станешь учить меня ангелийскому языку. Я хочу им овладеть. — Он снова посмотрел на Жослена. — Жуслин, давай-ка посмотрим, что ты за воин. — Селиг кивнул одному из Белых Братьев и сделал непонятный жест двумя пальцами.

С боевым кличем тенн с копьём наизготовку ринулся на вождя, нацелясь нанести смертельный удар. Селиг не шевельнулся. Возможно, это была постановка — точно не знаю. Но тогда я поверила, и сейчас верю, что атака была настоящей. От своих людей Вальдемар требовал беспрекословного послушания, и даже приказ напасть на него они бы выполнили.

Я заметила довольную ухмылку Гюнтера, когда Жослен сорвался с места. Скользящий, как намащенный шелк, он оказался между Селигом и тенном и своими кинжалами перехватил наконечник копья у самого сердца вождя. Слегка шевельнув плечами и запястьями, кассилианец выдернул копьё из рук Белого Брата и одновременно сильно пнул нападавшего в живот, выбив из него дух, так что тенн согнулся и попятился.

Отвесив короткий поклон, Жослен вручил копьё Селигу. Под улюлюканье зрителей побежденный воин нахмурился, поправил шкуру на плечах и вернулся в строй Белых Братьев.

— Да! — глаза короля скальдов сверкали от восхищения. Он встал, держа копьё, по-дружески положил руку на плечо Гюнтера и громко объявил: — Ты принес мне отличный подарок, Гюнтер Арнлаугсон!

Вальдемар Селиг высказал одобрение, и скальды дружно захлопали и завопили. Но, оглядывая лица в большом чертоге, я пришла к неутешительной оценке. Варвары славили Вальдемара и только его, в их взглядах и возгласах не было ни капли добрых чувств к двум ангелийским рабам. За исключением людей Гюнтера, в лицах скальдов я не увидела ничего, что тронуло бы мое сердце. Женщины смотрели на меня с завистью и злобой, мужчины же — с похотью и презрением, а вот Жослена они явно ненавидели.

Уже в тот вечер мне стало предельно ясно: мы оказались среди врагов.

Ближе к ночи Селиг устроил пир для местечковых вождей, и, как и следовало ожидать, Гюнтер сидел очень близко к нему. Это был типичный скальдийский пир: мед тек рекой, застольники пели песни, похвалялись и вели споры о политике. Я там присутствовала, поскольку новый хозяин приказал мне прислуживать за столом и наливать в пустеющие кубки мед из тяжелого глиняного кувшина. Мне пришлось заново наполнять кувшин бесчисленное число раз.

А вот сколько раз я наполняла кубок Селига, сосчитать было нетрудно, потому что он почти не пил. Остальные скальды, конечно, перепились, и он им это позволил, но сам Вальдемар Селиг оставался трезвым. Я наблюдала за его расчетливыми глазами и видела, как он следил за вождями. Днем они показались ему в лучшем виде, вечером же, бражничая, раскрыли свои истинные натуры, и он получил возможность, слушая пьяные языки, доподлинно узнать, что было в трезвых умах. От повадки Селига меня пробирала дрожь.

Также я заметила, что он следил и за мной. Без каких-либо знаков одобрения с его стороны я чувствовала, что ему нравилась моя ангелийская манера прислуживать: полотняная салфетка, которую я держала под доньшком кувшина, умение подойти со сподручной стороны и правильное положение рук, когда я наливала мед, — тысяча и одна мелочь, которым меня обучили при Дворе Ночи, где ценились грациозность и ненавязчивость. Эти мелочи ничего не значили для других скальдов, которые тянули ко мне свои кубки и навряд ли заметили бы, пролей я мед мимо цели, но Вальдемар Селиг сумел оценить мои умения.

Жослену он тоже приказал присутствовать на пиру, и тот занял традиционную позицию кассилианского телохранителя: застыл в трех шагах за левым плечом подзащитного, держа расслабленные ладони на рукоятках кинжалов. Наверное, Селиг уже расспросил, как это должно выглядеть. И принял меры предосторожности: сам-то он почти не оглядывался на Жослена, а вот два Белых Брата пристально наблюдали за чужаком. «Ему по вкусу наши традиции, — подумала я. — Он станет королем, но эти грубые пропойцы не годятся для королевства, которым он хотел бы править». Я вспомнила о родине, и кровь в жилах похолодела.

В ту ночь не велось разговоров о причине всеобщего собрания, застольники увлеклись похвальбой и рассказами о былых свершениях. Два вождя, суэв и гамбривиец, сцепились из-за давней кровной вражды и вскоре обнажили мечи. Пьяные перевозбужденные скальды очистили площадку для боя. Я увидела среди них и Гюнтера, который выкрикнул ставку, положив начало многим таким возгласам.

Но Вальдемар Селиг, громко ударив кубком по столу, заставил всех замолчать.

— Вы кто? Мужчины? — с яростно пылающими глазами спросил он в полной

тишине. — Или псы, дерущиеся за кость? В моем доме есть правило. Любой, кто таит обиду, может прийти с ней ко мне. И любой, кто хочет разрешить спор оружием, должен будет сразиться со мной. Вы этого хотите? Ты, Ларс Хогнисон? Ты, Эрлинг Быстрый? Желаете сразиться со мной, а? — Скальды забормотали, переступая с ноги на ногу, похожие на двух мальчишек, которых взрослый застал дерущимися и пристыдил. — Нет? Хорошо. Тогда помиритесь и ведите себя, как надлежит братьям.

Струны в душах скальдов весьма отзывчивы. Двое мужчин, минуту назад готовых вырвать друг другу глотки, по-дружески обнялись.

— Хорошо, — тихо одобрил Вальдемар Селиг, вставая и будто заполняя зал своей мощью. — Все вы здесь, — обратился он к вождям, — потому что возглавляете свои селения и умеете вести за собой людей по избранному пути. А раз так, то вы не можете не понимать, как важно для скальдов сплотиться, оставив позади давнишние склоки. Если вы хотите и дальше сохранить власть над своими людьми, учитесь объединяться, а не разделяться. Разделенные, мы лишь стаи псов, грызущиеся на псарне из-за костей. Вместе же мы составим самый могучий из народов!

Варвары разразились восторженными криками, но Вальдемар Селиг был слишком умен, чтобы почивать на лаврах.

— Ты, — он указал на Гюнтера, — Арнлаугсон из племени марсов. Не твой ли голос я слышал выкрикивающим ставку?

Гюнтеру хватило ума принять смущенный вид.

— Я впал в азарт, Благословенный, — пробормотал он. — Небось ты тоже давал себе волю, чтобы немного согреться холодной зимой.

— Если человек для сугрева делает ставки на собачьи бои, — спокойно ответил Вальдемар, — как думаешь, сколько собак с его псарни доживет до весны? — Он сел и закатал свой правый рукав, обнажив сильную руку. — Ставка — это вызов, Гюнтер Арнлаугсон. Ты гость в моем чертоге, и раз тебе неймется с кем-нибудь схватиться, я готов тебя потешить. Что же ты поставишь? Может, тот камень, что сверкает на твоей шее? Тоже ангельский трофей, я не ошибся?

Пойманный на горячем, Гюнтер покосился на меня. Я не удержалась от жалости к нему: проклятый бриллиант Мелисанды всем приносил одни беды.

— Тебе приглянулся этот камень? — задыхаясь, прохрипел Гюнтер, снимая шнурок с бриллиантом и протягивая Селигу. — Тогда он твой!

— О нет. — Вальдемар улыбнулся. — Твое уважение мне дороже любого камня, за просто так я его не возьму, но готов по-честному завоевать, Гюнтер Арнлаугсон. Иди сюда, если хочешь сделать ставку, и попытай удачи в схватке на руках. — Он повел плечами, и мускулы на его руке забугрились под кожей. Лишенные хорошей драки на закуску, скальды захлопали, предвкушая соревнование в силе. «Умный Селиг, — подумала я. — Сначала пристыдил их, а потом решил развлечь, посрашив в поединке». Вожди не видели расчетливости его намерения, но я-то все ясно понимала.

Делая хорошую мину при плохой игре, Гюнтер поднял сомкнутые руки, показывая всем сверкающую подвеску, и шагнул к столу. Скальдов восхищает смелость, и они вознаградили его одобрительными возгласами. Вальдемар лишь хищно усмехнулся. Мужчины сели друг напротив друга. Гюнтер положил камень на стол, и они сцепили ладони, а потом принялись отчаянно стараться опустить кулак противника на столешницу.

Ничего красивого в той схватке я не увидела. Как я уже удостоверилась, Гюнтер

Арнлаугсон был очень сильным и достойным соперником даже для такого богатыря как Селиг. Лица противников исказились и покраснели, на шеях выступили жилы, а мышцы рук вздулись от натуги. Но что суждено, того не избежать. Запястье Гюнтера начало подаваться под напором Вальдемара, мало-помалу кулак Гюнтера клонился и клонился к столу, пока наконец не стукнул о дерево.

Белые Братья ликовали громче всех, но радость была всеобщей. Даже Гюнтеру хватило достоинства улыбнуться, потирая руку. «Теперь и тебе повезло от него избавиться», — подумала я, когда он взял бриллиант Мелисанды и поднес его победителю.

Однако я поспешила.

Вальдемар Селиг покачивал шнурок с камнем на пальце.

— Никогда не давайте повода говорить, — обратился он к скальдам, — будто мы жестокие хозяева, которые отбирают у ангелийцев даже их никчемные безделушки. Пусть сохраняют то, что считают драгоценным! Но разве нам нужны ценности народа, сызмальства обученного кому-нибудь служить? — Он повысил голос до крика: — Фэй-дра!

Дрожа, я поставила кувшин, подошла и опустилась перед ним на колени. Даже не глядя на Вальдемара, я чувствовала исходящий от него жар.

— Милорд, — пробормотала я.

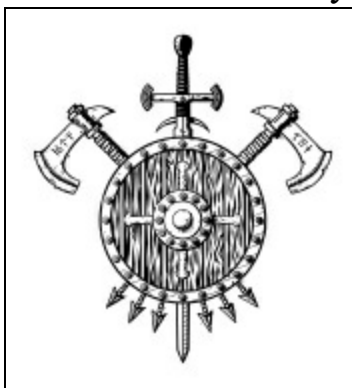
Шнурок знакомо обвил мою шею. Проклятый бриллиант Мелисанды вернулся на свое место в ложбинке между моих грудей.

— Видите, — сказал Селиг, — как ангелийка встает на колени, чтобы с благодарностью принять из моих рук то, что по праву принадлежит ей! Запомните этот миг, потому что он — пророческий! — Он взял меня за волосы и заставил поднять голову, а скальды заулюлюкали. — Смотрите внимательно в наше будущее!

Гюнтер подарил меня ему как своего рода символ, и Вальдемар Селиг был достаточно умен, чтобы и дальше использовать меня в таком качестве себе на пользу. Варвары закричали и принялась чокаться своими кубками, а он с улыбкой упивался их воодушевлением. В тот момент я увидела всю глубину его жестокости. Вальдемар Селиг присвоит то, что желает, любой ценой, даже рискуя уничтожить все, чего добивается. Я дрожала как осиновый лист в безжалостной хватке короля варваров.

И неотвратимо из этого публичного унижения во мне родилось отвратительное, позорное желание. Ах, если бы в тот момент Селиг захотел взять меня перед пятью десятками скальдийских вождей, я бы стала подгонять его криками, стала бы умолять его об этом надругательстве. Я не сомневалась, что так бы и сделала, и потому заплакала, презирая свою подлую природу.

За спиной Селига я мельком увидела лицо Жослена, его четкий и бесстрастный ангелийский профиль. Кассилианец смотрел прямо перед собой. Я сосредоточилась на нем, как на священном изваянии, и принялась молиться в глубине души.

На следующий день состоялся Слет.

К моему молчаливому облегчению, ночью накануне Вальдемар Селиг не разделил со мной постель. Мне определили место для сна на тюфяке среди служанок прямо на полу большого чертога, которое я с благодарностью заняла, не обращая внимания на кислые лица соседок. Селиг со мной далеко не закончил — я не питала иллюзий, — но в ту ночь я с радостью свернулась на мешке, набитом колочей соломой, и позволила себе провалиться в забытие.

Наутро после шумного пира среди скальдов преобладали трезвые настроения. Не знаю, где ночевал Жослен, но, когда все проснулись, нас с ним завели в маленькую кладовую, примыкавшую к большому залу чертога, где проходил Слет. Домашние слуги шныряли между воинами, поднося им еду и напитки. Как я поняла, каждому вождю селения было разрешено привести с собой двух теннов и главную женщину. К моему неудовольствию, дощатая перегородка, отделявшая нашу клетушку, так плохо пропускала звук, что ни Жослен, ни я не смогли разобрать, о чем говорили варвары на своем собрании.

Единственная милость, которую явил нам Благословенный Элуа, заключалась в том, что в крошечную каморку посадили только нас двоих. Белые Братья, втолкнув нас, заперли дверь на наружный засов. В какие бы символы не предназначал Вальдемар Селиг своих ангелийских рабов, на Слете мы ему не требовались. Очевидно, тамошние речи были запретными для ушей чужеземцев и предназначались лишь скальдам.

Я прислушивалась к нечленораздельному бормотанию за шершавыми досками, эхом гудевшему под высоким потолком. Жослен вышагивал взад-вперед по тесному помещению: толкнулся в дверь, досадливо обследовал мешки с зерном и бочонки с элем и окончательно уверился, что самим нам наружу не выбраться и ничего с этим не поделать.

— Как думаешь, насколько все плохо? — наконец негромко спросил он, прислонившись к бочке.

— Тихо, — прошипела я, пытаюсь сосредоточиться. Но без толку. Смысла речей разобрать не удавалось. Одного слова из десяти было недостаточно, чтобы понять, о чем говорят в зале. Я недовольно глянула на Жослена, и тут мне в голову пришла идея. Я посмотрела на бочонок, потом на широкие потолочные балки. Вспомнила, как акробаты из Дома Шиповника издевались над кассилианцем на улице и как мы с Гиацинтом забрались на бочку, чтобы получше рассмотреть, из-за чего сыр-бор.

— Жослен! — от спешки голос сорвался; я вскарабкалась на бочонок. — Иди сюда, помоги мне!

— Ты с ума сошла, — неуверенно протянул он, но уже подкатывал второй бочонок к первому.

Я привстала на цыпочки, оценивая высоту потолка.

— Они там что-то замышляют, — сказала я. — Если нам удастся сбежать и добраться до Исандры де ла Курсель, ты готов ей доложить, мол, у скальдов против ангелийцев какой-то хитрый план, но... простите, мы не смогли подслушать, что они задумали, а? Давай-ка ставь бочонки друг на друга, мне нужно забраться повыше.

Жослен, не переставая ворчать, повиновался. У него это заняло какое-то время, потому что бочонки были тяжелыми. Я не сводила глаз со стропил.

— Помнишь акробатов? — спросила я, взгромоздившись на самый верх построенной им пирамиды. — Теперь подними меня на плечи вон к той балке. С нее я смогу услышать, что говорят в зале.

Жослен нервно сглотнул, глядя на меня снизу вверх.

— Федра, — осторожно сказал он, — у тебя не получится.

— Нет, получится, — уверенно кивнула я. — Вот тебя поднять я действительно не смогу, а забраться на стропила, чтобы добыть информацию, смогу. Именно к такому Делоне меня и готовил. Помоги же мне сделать мою работу. — Я протянула Жослену руку.

Он ругнулся, но из врожденной съовальской тяги к знаниям взялся за мою руку и вскарабкался на верхний бочонок.

— Хотя бы возьми мою фуфайку, — проворчал он, снимая серую безрукавку, и надел ее на меня. — На балке, должно быть, пыльно; если измажешься, скальды могут догадаться, что ты туда лазила, а нам это совсем не нужно. — Укутав меня, Жослен встал на одно колено и помог мне взобраться ему на плечи.

Я справилась быстро, стараясь не смотреть вниз. Пол остался далеко-далеко, и хотя пирамида из бочонков была надежной, как скала, оставалось чертовски мало места, куда можно было поставить ногу. Мы сработали слаженно, будто долго вместе тренировались: Жослен наклонил голову, ссутулился, а я выровнялась и встала на его плечах во весь рост.

Мои пальцы не доставали до стропилины всего ничего.

— Подними меня руками, — прошептала я Жослену. Он встал поудобнее и схватил меня за щиколотки. Косточки хрустнули под его железными пальцами. Вытолкнутая вверх, я обхватила руками толстенную балку, подтянулась и забралась на нее.

Да, чертог Вальдемара Селига строили из могучих деревьев. Устроившись на стропилине, я посмотрела на Жослена. Он остался далеко внизу на нашей пирамиде из бочонков, и его обращенное ко мне лицо было бледным и обеспокоенным.

Итак, вот я и на балке. Лежа на животе — брус оказался шире меня, — я поползла вперед. Занозы под ногтями заставили меня со странной тоской вспомнить пыточный крест Хильдерика д'Эссо. Стропилину покрывал толстый слой пыли и сажи, и я мысленно поблагодарила Жослена за одолженную фуфайку. Пядь за мучительной пядью я медленно-медленно продвигалась вперед, пока не выглянула над перегородкой, отделявшей нашу кладовую от просторного зала. Там я и остановилась, позволив темным локонам упасть мне на лицо, чтобы скрыть светлую кожу на случай, если какому-то скальду взбредет в голову посмотреть наверх.

Наверное, мне следовало бояться до полусмерти, и я действительно боялась. Но помимо страха я чувствовала и странное воодушевление, рожденное из неповиновения захватчикам и возможности при всей бедственности моего положения попытаться применить свои умения против врагов родной страны. Эти ощущения были сродни тем, что я иногда испытывала с покупателями моего тела, но в тысячу раз сильнее.

Большой зал был набит битком, и на балке оказалось чертовски жарко из-за тепла от пылающего камина и огромного количества людей. Кто-то занял сидячие места, но большинство скальдов стояли, включая Вальдемара Селига, который возвышался надо всеми. Похоже, я не пропустила ничего важного. Жрец Одина, должно быть, испросил благословения у Всеотца и сонма скальдийских богов, а собравшиеся вожди и тенны один за другим присягнули Селигу. Они как раз заканчивали, когда я начала слушать.

Вальдемар постоял, уперев руки в бока, и дождался, пока все замолчали. Его окружали

шестеро Белых Братьев, и сверху он казался черным костерищем на снежном кругу.

— Когда на Слет собирались наши предки, — начал он, и хорошо поставленный голос разнесся по всему залу, — их целью было разрешить споры между племенами, договориться о торговле и о брачных союзах, сойтись с непримиримыми врагами на хольмгангах и установить границы своих земель. Но сегодня мы собрались по другой причине. — Он медленно повернулся, окидывая всех взглядом; по напряженному вниманию скальдов я поняла, что все они у него в руках. — Мы — народ воинов, лучших воинов на всем белом свете. Знаете, как каэрдианские няньки пугают плачущих младенцев? Скальд услышит, придет и тебя заберет. Но остальной мир закрывает на нас глаза, потому что там уверены, будто мы надежно заперты внутри границ нашей страны, где мы непрерывно истребляем сами себя. Представьте, иные народы достигают расцвета и скатываются в упадок, строят великолепные дворцы, пишут книги, прокладывают дороги, водят по морям корабли, а скальды тем временем только грызутся между собой да сочиняют об этом песни.

Поднялся ропот: Вальдемар Селиг пронзил сердце священной традиции. Он не пошевелился, хотя немного повысил голос.

— Я говорю вам чистую правду! За нашей границей, в Земле Ангелов, лорды одеваются в кхитайский шелк и едят фазанов с серебряных блюд во дворцах из каэрдианского мрамора, пока мы напиваемся до беспамятства в своих деревянных домах, одеваемся в шкуры и обгладываем мясо с костей!

— Мозг — вот что самое сладкое, Селиг! — выкрикнул какой-то тенн. С балки я увидела, что он тут же получил тычок под ребра, но Вальдемар не стал ему отвечать.

— Во имя Всеотца, — продолжил он, — подумайте, мы ведь можем больше! Гораздо больше! Вы ищете славы, братья мои? Так подумайте как следует. Можно ли по-настоящему прославиться, убивая друг друга? Не лучше ли нам занять постоянное место в этом мире и заявить о себе не как о варварах, годящихся лишь пугать детей, но как о непобедимой армии, подобной рати Тиберия, о которой станут со страхом и восхищением говорить в тысяче земель! И тогда скальды больше не будут цепными бойцовыми псами, которых нанимают для охраны каэрдианских и ангелийских караванов, а сделаются властителями, при чьем появлении сыновья и дочери покоренных народов станут уважительно падать ниц!

Он их покори́л. Меня аж передернуло от громких оваций и от раздурившихся лиц воодушевленных скальдов. Печально, но одобрительно кричали даже женщины. Даже глаза доброй Хедвиг заблестели после слов Селига — наверняка она уже вообразила себя хозяйкой беломраморного дворца, разряженной в шелка и бархат.

Честно говоря, не могу их винить. Гордиться величи́ем своей родины — это прекрасно. Но варвары вели себя как дети, едва начавшие усваивать суть вещей. И, словно дети, они не желали понять, что надо много трудиться, чтобы что-то создать, — нет, они мечтали просто отобрать то, что создано другими. И ни один из них не думал, сколь дорого обойдется другим народам их захватническая мечта.

Слово взял мужчина примерно лет сорока, с такими же широкими плечами, как у Вальдемара Селига, но не такой высокий. Позже я узнала, что это был Колбьорн из племени маннов, чьи тенны собирали сведения на юге.

— Ты предлагаешь нам стать властителями? Но каким образом, скажи нам, Селиг, как мы сможем этого добиться? — прагматично спросил он. — Насколько мне известно, города-государства Каэрдианского Союза держатся настороже и заключили между собой договоры о совместном сопротивлении любому вторжению. От Милаццы до Серениссимы стоят

дозорные башни и гарнизоны, а на юг проложены хорошие дороги. Пусть империя и развалилась, но осколки Тиберия все равно способны быстро собрать армию в пять тысяч пехотинцев.

— Да, мы слишком поспешно показали каэрдианцам свои притязания, — спокойно ответил Селиг, и я вспомнила рассказ Гонзаго д'Эскобара, как король Скальдии Вальдемар безуспешно просил себе в жены дочь герцога Милаццы. До сих пор я не совсем верила в эту историю. Должно быть, Селиг многое вынес из того неудачного опыта и стал более предусмотрительным. — Но Каэрдианский Союз — политическое объединение вечных соперников. Он — лишь тень былой славы Тиберия. Как только мы укрепимся и заявим о себе, каждый из городов попытается с нами договориться, и где не удастся взять свое силой, мы одолеем хитростью.

Конечно, он был прав; любой альянс между городами-государствами временный и подвержен капризам властителей. Они могут объединиться против общего врага, но как только речь пойдет о политической выгоде... наперегонки кинутся подставлять друг друга, чтобы заручиться наибольшими выгодами от сильного покровителя. Каждый захочет в итоге оказаться на одной стороне с победителем, а не с побежденными.

Но пока что они едины и готовы к нападению. А значит, остается Земля Ангелов, моя любимая родина.

— Тогда где и как мы можем сейчас получить преимущество? — недоверчиво спросил Колбьорн. — Ангелийцы стерегут горные тропы, и нам никогда не удавалось пробиться туда большим войском.

В толпе я увидела переминающегося от нетерпения Гюнтера. Вальдемар Селиг вытащил из-за пояса сложенную бумагу, похожую на письмо, и постучал сгибом по ладони.

— Ангелийский король старый и слабый, — довольно произнес он. — У него нет наследника, только девчонка, которая даже еще не замужем. Нам поступило предложение от ангелийского герцога Дэйгль-мора, которого наши люди зовут Кильберхааром. Он надеется с нашей помощью стать королем. Хотите послушать, что он нам предлагает?

Варвары взревели, и Селиг медленно прочитал письмо, на ходу переводя с каэрдианского на скальдийский. Я слушала, и у меня кровь стыла в жилах. В общих чертах план Исидора д'Эгльмора сводился к следующему: орду скальдов пропустят через два южных перевала, чтобы вовлечь королевскую армию в битву и занять ее в Нижнем Камлахе. Малая часть скальдийского войска под командованием самого Вальдемара Селига двинется в северные ущелья, где им якобы будут противостоять д'Эгльмор и Союзники Камлаха, но на самом деле они встретят скальдов с распростертыми объятиями. Распустив слухи о кровопролитнейших сражениях, стороны будто бы проведут переговоры и договорятся о мире. Скальды согласятся отступить в обмен на взаимовыгодный торговый договор, земли на побережье на севере Аззали и признание Вальдемара Селига королем Скальдии. Но главной ценой мира для Земли Ангелов станет восшествие на престол герцога д'Эгльмора. И если Ганелон де ла Курсель на это не пойдет, — писал предатель Исидор, — объединенное войско Вальдемара Селига и Союзников Камлаха нападет на королевскую армию с тыла, разгромит ее и захватит трон силой.

Лежа на стропиле, я беззвучно рыдала, ужасаясь, что ангелиец способен вот так предать родину, но еще и ярясь из-за наглости этого чудовищного плана. Подо мной Вальдемар Селиг сложил послание герцога и снова постучал сгибом по ладони, заговорщицки ухмыляясь своим теннам.

— Вот интересное предложение, — добавил он, — которое позволит нам возвыситься. Но у меня есть идея получше! — Он помахал письмом. — Этот Кильберхаар хитрый и храбрый воин, но он совсем не знает скальдов, если рассчитывает, что мы как круглые дураки удовольствуемся частью, когда можем завладеть всем! Если вы согласны, я отвечу ему, что мы принимаем его предложение, и пусть он дальше своими руками роет себе яму. Мы отправим достаточно людей в южные ущелья, чтобы уверить Кильберхаара в нашем партнерстве, укрепимся там, потом нападём, отступим и заманим ангелийцев в горы. Перевалы может удерживать горстка воинов, поэтому лжесоюзникам никогда не узнать, сколько нас там на самом деле. — Селиг заткнул письмо за пояс и принялся возбужденно размахивать руками, будто рисуя в воздухе стрелки на карте. — А основным войском мы пройдем через северные ущелья и нападём на Кильберхаара, когда он явится на псевдопереговоры! Потом мы сами по себе атакуем ангелийскую армию с тыла и припрём ее к горам, и так одержим свою победу!

Теперь уже все скальды вскочили на ноги, одобрительно крича, и огромный зал заходил ходуном. Я крепче вжалась в балку, трясясь всем телом.

Вальдемар Селиг обождал, пока гомон затих.

— Что скажете? — спросил он спокойно. — Стоит ли овчинка выделки?

Он задал вопрос, и у толпы наготове был ответ: воины все как один выразили поддержку, вопя, топая ногами и потрясая мечами. Только у некоторых женщин лица погрузнели — наверное, они задумались, сколь многие погибнут на этой войне. К моей радости, Хедвиг была одной из этих немногих. Но никто из них не стал возражать. Мужчины же рвались выступить в поход хоть на следующий день.

Селигу пришлось потрудиться, чтобы их урезонить.

— Нельзя затевать такую войну зимой, — сказал он, как только скальды обрели способность слушать. — Я прочел много книг. — Он замолчал, ожидая, когда они переварят это заявление и впечатлятся: мало кто из варваров хотя бы видел книги вблизи, если кто-то из них и умел читать, то только футарк — простейшую руническую письменность, символы, вырезанные на дереве или на камне.

— Я прочел труды величайших полководцев Эллады и Тиберия. Все они сходятся в одном: армия держится на провианте. Если нам придется оборонять горные проходы, нельзя это делать в голоде и холоде на конях, которых мы не в силах прокормить. Следует дожидаться лета, когда созревает урожай, много зверя для промысла, солнце припекает и не нужно по ночам жечь костры, чтобы не замерзнуть. Пусть все мужчины, уехав со Слета, начнут подготовку к этому дню. Пусть все кузни раскалят свои горны, чтобы каждый солдат нашего войска был как следует вооружен. Пусть женщины подсчитают запасы в кладовых и соберут фураж для армии. Как думаете? Годится такой план? Предлагаю голосовать.

Я была удивлена, что он затеял голосование, пусть даже после шквала одобрительных возгласов, но он это сделал. Вальдемар Селиг был умен: да, некоторые — думаю, и он сам — уже считали его королем, но он еще не был коронован. Как и следовало ожидать, решение приняли почти единогласно.

— Если у вас есть какие-то споры между собой, — в заключение сказал он, — давайте решим их прямо сейчас. Мы должны начать эту войну как братья, как единая армия, а не как разрозненные шайки, погрязшие в междоусобице. У кого есть вопрос, достойный того, чтобы обсудить его на Слете? — Кто-то заерзал: конечно же, споры имелись. Селиг окинул толпу взглядом. — Ты, Моттул из вандалов? Говорят, Хальвард убил сына твоей сестры. Ты его

обвиняешь?

Внутренние скальдийские дразги меня не волновали. Затылок покалывало, пора было возвращаться. Я начала отползать по стропилине на локтях и коленях. Ползти назад вслепую оказалось намного сложнее, чем вперед, к тому же юбки очень мешали. Бриллиант Мелисанды свисал с шеи, стучаясь о дерево; я боялась, что его блеск меня выдаст. Прошла, наверное, вечность, прежде чем я добралась до центра кладовой и глянула вниз.

Жослен обеспокоенно следит за моими перемещениями.

— Спускайся! — прошипел он, протягивая ко мне руки.

Теперь, скрывшись из поля зрения скальдов, я в полной мере осознала ужас того, чему стала свидетелем, и задрожала. Но раскисать было нельзя. Я ухватилась за балку и принялась осторожно свешиваться, пока не почувствовала руки Жослена, надежно обхватившие мои щиколотки.

— Отпускай, — прошептал он, и я, выпустив стропилину, соскользнула в его объятия. Он обхватил меня за талию и бережно поставил на бочонок.

Несколько секунд мы так постояли на вершине пирамиды, тесно прижавшись друг к другу на небольшом днище бочонка, и я тряслась в его руках, зарывшись лицом в теплую грудь. Скажи мне кто-нибудь год назад, что единственным моим утешением и опорой в жизни будет кассилианец, я бы расхохоталась ему в лицо. Я отстранилась и посмотрела на Жослена.

— Они готовятся к вторжению, — прошептала я. — Собираются захватить всю нашу страну, и проклятый д'Эгльмор им в этом поможет. Жослен, это не просто набег на приграничные села, это война. Мы должны найти способ предупредить своих.

— Найдем. — Он сказал это тихо, но с непоколебимой решимостью кассилианского обета. С непривычной нежностью взял мое лицо в ладони и кончиками пальцев стер слезы со щек. — Клянусь, Федра, я вытащу нас отсюда.

Я поверила ему, потому что нуждалась в вере и черпала из нее силы. Шум Слета за перегородкой начал затихать.

— Бочонки, — скомандовала я и быстро спустилась на следующий ярус. Жослен последовал за мной, таща верхний бочонок. Мы молча и спешно работали вдвоем: он спускал на пол тяжелые бочонки, а я один за другим откатывала их на место вдоль стен.

Наша торопливость оказалась излишней: мы давно закончили наводить порядок, а Слет все продолжался и за нами никто не приходил. Я вернула Жослену его фуфайку. Он, сидя на пятках, пытался смахнуть с нее пыль и сажу, а я отчищала свои рукава и юбки. Работая, я поглядывала на кассилианца, черпая утешение в его ангелийской красоте, которую поначалу в нем презирала, — в его гордых скульптурных чертах и чистых глазах, голубых, как летнее небо.

Должно быть, он тоже вспоминал, как мы познакомились, поскольку чуть позже поднял на меня взгляд и тихо сказал:

— Знаешь, когда меня приставили к тебе, я считал это наказанием. Я тогда думал, что ты просто дорогая игрушка для самых растленных из потомков Заблудших.

— Такой я и была, — горько прошептала я и коснулась бриллианта Мелисанды. — И до сих пор остаюсь. Будь я не такой, мы с тобой не сидели бы здесь, а Делоне и Алкуин были бы живы.

Жослен покачал головой.

— Если у Мелисанды имелся один план, несомненно, были и другие. Уверен, она

получила бы сведения, которые у тебя вытянула, и из другого источника. Просто ты раньше попалась ей под руку, вот и все.

— Я ей позволила себя использовать. И Вальдемар Селиг будет делать то же самое. — Я прислонилась к бочонку и закрыла глаза. — И да поможет мне Элуа, я приму его с радостью. Как бы не болела моя душа, я тысячу раз покажу ему, какой жаждущей и беспутной может быть ангелийская шлюха, и искренне поблагодарю, когда он со мной закончит.

Я открыла глаза и увидела, как Жослен осунулся и побледнел; он стал выглядеть так же худо, как я себя чувствовала. Но когда он заговорил, его слова обожгли меня пламенем:

— Значит, так и сделай, но живи! Когда этот урод ступит на ангелийскую землю, я встречу его первым и всажу в его кишки стальной клинок, а потом искренне поблагодарю его за доставленное удовольствие.

Рассмеявшись, я не знала толком, чему смеюсь, разве что безрассудству этого обещания в таких обстоятельствах. Не берусь объяснить это тем, кто никогда не томился в плену. Иногда безрассудство — единственное, что позволяет сохранить рассудок. Спустя секунду Жослен тоже понял абсурдность своих слов и криво ухмыльнулся.

Наконец засов на двери отодвинули: за нами пришли Белые Братья. Слет закончился, и скальды начали готовиться к войне.

Новости о грядущей войне разошлись по всему огромному лагерю, и костры той ночью пылали долго и яростно, отбрасывая мерцающие кровавые отблески на заснеженные склоны гор, а громкие боевые гимны и грохот копий о щиты, казалось, заставляли дрожать далекие звезды.

Вальдемар Селиг не только позволил скальдам вволю отпраздновать, но и открыл для них двери своих кладовых. Из чертога тенны выкатывали бочонок за бочонком с хмельным медом и тащили их к дальним палаткам, сгибаясь под тяжестью, — да, если бы Слет состоялся на следующий день после всеобщего пиршества, нам с Жосленом было бы не на что взобраться. Не сомневаюсь, Селиг планировал это угощение и заранее пополнил свои запасы.

В большом чертоге пировали те вожди, которых король счел ключевыми фигурами в своей стратегии; а еще он пригласил главных женщин всех селений. Улыбающийся как мальчишка Гюнтер тоже попал в число избранных. Он сумел заявить о себе, подарив Селигу ангелийских рабов, а его связь с Кильберхааром-д'Эгльмором, бесспорно, была крайне полезной. Гюнтер не единственный из скальдских вождей совершал набеги за деньги Кильберхаара, однако из всех достиг наибольшего успеха.

Хедвиг тоже пришла, раскрасневшаяся от предвкушения, хотя в ее глазах таилась печаль, особенно заметная, когда скальдйка бросала взгляды в мою сторону. Я была благодарна за ее доброту ко мне, но того, что она не выступила против нападения на мою родину, я ей простить не могла.

От нас с Жосленом даже не пытались таиться. По-видимому, Селиг счел необходимым скрыть от нас не весь свой замысел, а только его подробности. Король лишь изредка поглядывал на кассилианца, невозмутимо стоявшего за его спиной и ничем — разве что бледностью — не выдававшего своих истинных чувств. А вот Белые Братья не сводили глаз с Жослена и, на мой взгляд, были готовы пронзить его насквозь, если он просто шевельнется.

Меня Селиг держал подле себя, словно трофей, знаменующий уже одержанную победу. Это производило воодушевляющее впечатление на скальдов — чего он, без сомнения, и добивался.

Вальдемар не был таким откровенным и примитивным собственником, как Гюнтер, но множеством намеков давал понять, что я принадлежу только ему: трепал меня по голове, словно собаку, угощал кусочками еды со своей тарелки и так далее.

Я принимала знаки его внимания, не имея иного выбора. И с тоской вспоминала, как Гюнтер попросту взваливал меня на плечо и нес в свою комнату. Лучше уж простое изнасилование, чем это расчетливое проявление власти, которое постепенно лишало меня воли и наполняло страхом. Я не переставала думать о подслушанном плане вторжения скальдов в Землю Ангелов и не сомневалась, что Селиг убьет меня, если заподозрит в осведомленности. Он забавлялся с нами, своими рабами, всячески испытывая ангелийский характер и не боясь подставить спину вооруженному кассилианцу. Готовность рискнуть своей жизнью — важная черта характера; по большей части легенда о непобедимом Вальдемаре Благословенном именно на ней и строилась. Но как вождь он был предельно предусмотрителен и осторожен. И сделал бы все возможное, чтобы отвлечь малейший риск провала готовящейся военной кампании.

Предположив, что празднество продолжится до утра, я слегка расслабилась, ожидая, что новый хозяин снова отправит меня к служанкам.

Но он не оправдал моих ожиданий.

Селиг встал после третьего хорового запева, пожелал своим гостям спокойной ночи и сказал им праздновать дальше, пока есть желание. Уходя, он коротко переговорил с двумя Белыми Братьями.

— Приведите ее в мои покои, — донеслось до меня, когда он кивнул в мою сторону.

Страх наполнил меня, словно вода — легкие тонущего.

Но я осталась в зале большого чертога, разливая по кружкам мед, как мне было велено. Довольно скоро ко мне подошли двое теннов и, взяв за руки, повели прочь. Скальды выкрикивали нам вслед поощрительные непристойности и чокались полными кубками. В общем гомоне я различила голос Гюнтера, который цветисто превозносил мои умения, неоднократно им испытанные, компенсируя этой похвальбой потерю ценной рабыни.

«Я Федра но Делоне, — думала я, — рожденная при Дворе Ночи и обученная величайшей из живущих куртизанок Земли Ангелов, служительница Наамах. Я не поползу к королю грязных варваров как какая-нибудь рабыня».

Я шла по чертогу с высоко поднятой головой в сопровождении теннов. Не знаю, что скальды видели в моем лице, но многие смолкали, когда я проходила мимо.

И вскоре я предстала перед Вальдемаром Селигом.

Один из Белых Братьев тихо постучал в дверь. Позже я узнала, что здесь для разных ситуаций были условлены особенные секретные постуки, но в тот вечер просто на всякий случай запомнила частоту ударов. Селиг открыл дверь, и меня втолкнули в комнату.

Не знаю, чего я ожидала. Наверное, чего-то вроде спальни Гюнтера, только обширнее, и по части размера помещения я не ошиблась. Но это была единственная верная догадка. В комнате Вальдемара Селига имелся очаг и большая настоящая кровать с резным изголовьем. А еще там были полки с книгами и коробка со свитками, стальной нагрудник и шлем на специальной подставке, отчасти благодаря которым и возникла легенда о неуязвимости Селига для вражьего оружия. Большинство воинов-скальдов сражались без лат, Вальдемар выиграл свои у бойца какого-то племени, некогда сражавшегося на аренах Тиберия. Мой взгляд привлекла карта Скальдии на стене, начертанная на отбеленной шкуре; границы Каэрданского Союза и Земли Ангелов были прорисованы с примечательной тщательностью. Под картой располагался письменный стол, заваленный свитками и бумагами.

Вальдемар Селиг стоял посреди комнаты, высокий и грозный, и наблюдал, как я осматриваю его покои. На углу большого стола лежала потрепанная книга, и я позволила себе ее взять. Туллус Секст, «Жизнь Кинхила Ру».

— Для меня он величайший из героев, — тихо произнес Селиг. — Образец всякому, кто ведет за собой людей, согласна?

Я вернула книгу на место — рука дрожала.

— Кинхил-ап-Домналл объединил народы Альбы, чтобы защитить свою страну от завоевателей, милорд, — осторожно ответила я. — А на ваши земли, насколько мне известно, никто не покушается.

Мой отпор, похоже, слегка его удивил, а то и раздосадовал — на щеках выступил румянец. Скорее всего, никто не осмеливался перечить Вальдемару Селигу, а уж мне-то в моем положении тем более не стоило этого делать. Но среди моих талантов было и умение

угадывать потребности моих гостей, и я подспудно чувствовала, что нового хозяина недолго будет забавлять покорное соглашательство.

— Значит, ты умеешь читать по-каэрдриански, — сменил он тему. Подошел ко мне и принялся указывать на томики на полках. — Эту читала? Одна из моих любимых. — Он ткнул в роман Лавинии Целерес о странствующем герое Астинаксе. Я призналась, что да, читала. — Знаешь, на скальдийском языке нет книг, — задумчиво сказал Вальдемар. — У нас даже письменности никакой нет.

— Какая-никакая все же есть, милорд. — Рядом с ним я, наверное, выглядела ребенком, едва доставая макушкой до его подмышки. — Лет сорок назад Дидимус Понт из тиберийского университета приспособил каэрдрианский алфавит для записи звуков и слогов скальдийского языка.

Селиг посмотрел на меня сверху вниз.

— Правда? — искренне удивился он. — Надо бы разыскать его труды. Гюнтер не говорил, что ты такая ученая, Фэй-дра. Впрочем, заметь он твою просвещенность, так счел бы тебя ведьмой. Ценность образованности за гранью его понимания.

— Я рабыня, милорд, — пробормотала я, — и ничего более.

— Значит, ты хорошо образованная рабыня. — Казалось, он хотел что-то добавить, но передумал и продолжил показывать свои книги. — А вот эту читала? Она ангелийская.

Это был перевод на каэрдрианский «Трех тысяч радостей». Я едва не заплакала. Ах, именно это сочинение мы с Алкуином штудировали на уроках Сесиль. Величайшее пособие по эротике, которое должен был изучить каждый посвященный Двора Ночи.

— Да, милорд, — кивнула я, — эту книгу я тоже читала.

— Хр-рм, — откашлялся Селиг, взял том с полки и любовно погладил обложку. — По этим текстам я осваивал каэрдрианский язык, когда мне было девятнадцать, — начал он вспоминать с видимым удовольствием. — Меня учил одряхлевший наемник из Тиберия, возжелавший увидеть север. Я немало заплатил ему за те уроки. У него при себе не имелось никаких других книг, кроме этой — способной скрасить самые холодные ночи. — Длинные пальцы Вальдемара ласкали переплет. — Она мне дорого обошлась, но до сих пор мне не встречалась женщина, способная исполнить то, что здесь описано. — Он отложил книгу и взял меня за подбородок. — А ты способна.

— Да, милорд, — прошептала я, чувствуя себя абсолютно беспомощной в его руках, и от этого еще больше его ненавижу.

Но он ничего не предпринял, а лишь продолжил разглядывать мое лицо.

— Гюнтер рассказывал, будто ты так одарена богами, что любой мужчина доставляет тебе удовольствие, — произнес Селиг. — О чем свидетельствует метка в твоём глазу. Это правда?

Я могла бы солгать, но из непокорности ответила честно:

— Я действительно отмечена богами, чтобы в страданиях находить удовольствие, и не более того.

Он с удивительной нежностью коснулся моего лица, провел кончиком пальца по нижней губе, видимо, отмечая, как резко я втянула воздух и как участился мой пульс — пробудилось неотвратимое желание.

— Но я же сейчас не заставляю тебя страдать, — ласково прошептал он, — но вижу, что тебе и так приятно.

— Да? — Я закрыла глаза, молясь, чтобы голос не сорвался. — Я свободная ангелийка,

которую предали и сделали рабыней. Не говорите мне о страданиях.

— Я буду говорить тебе все, что посчитаю нужным, — сухо ответил Селиг, безо всякой издевки ставя меня на место, и отпустил меня. Я открыла глаза и посмотрела на него. Король скальдов постучал пальцем по отложенной книге. — Мне хочется испытать, каково это — обладать женщиной, обученной доставлять удовольствие королям. Начни прямо с первой страницы.

Склонив голову, я послушно встала на колени — именно с этой позы начинались «Три тысячи радостей».

* * * * *

Утром Вальдемар Селиг выглядел сытым и удовлетворенным. Со всех сторон раздавались неизбежные перешептывания, на которые я не обращала внимания. Жослен один раз посмотрел в мои уставшие глаза и не стал ни о чем спрашивать, за что я была ему безмерно благодарна.

Несомненно, я сумела доставить Селигу удовольствие. И достаточно изысканное. В отличие от Гюнтера, рвение нового хозяина смягчалось определенными познаниями, хотя бы теоретическими. Представьте, лет двенадцать, а то и дольше, он читал про науку ангелийской плотской любви, и желал достичь совершенства, которого Гюнтер не мог даже вообразить.

Вальдемар уже однажды женился — о чем я узнала позже. Мне удалось раскопать, что жена была ему под стать — страстной и вспыльчивой до вздорности дочерью вождя одного из селений племени суэвов. Селиг зачитывал ей отрывки из «Трех тысяч радостей», и они пробовали применять советы оттуда на практике, смеясь и катаясь по огромной постели. Но она быстро забеременела, и роды оказались крайне тяжелыми из-за неправильного положения младенца: он прожил всего один день, а женщину убила горячка.

Возможно, Селиг не стремился бы к завоеваниям, останься она в живых. Но разве тут угадаешь? Однако я давно заметила, что чем счастливее человек, тем меньше страданий он готов причинить другим. И мне нравится думать, что с Вальдемаром так бы и случилось.

Несмотря на тяжелое похмелье, скальды вскорости начали собираться в обратный путь. Селиг объезжал палатки, прощаясь со всеми. Он являл собой внушительную фигуру, восседая на мощном вороном коне. В его волосах и бороде сверкала золотая проволока. Не стану отрицать, король варваров был привлекательным мужчиной. С ясными глазами, поскольку не позволял себе излишеств накануне, он деловито переговаривался со своими гостями, подбирая из теннов каждого селения самых быстрых гонцов, которым надлежало остаться при нем. Тем самым Селиг закладывал сеть связных.

Не получив приказа оставаться в большом чертоге, я вышла побродить по лагерю, рассчитывая попрощаться с Хедвиг. К тому же такое времяпрепровождение показалось мне более заманчивым, чем сидеть в душном зале и терпеть ненавидящие взгляды скальдов. Настроения в лагере значительно разнились с теми, что я отметила по приезде. Мужчины, недавно глядевшие друг на друга с почти нескрываемой враждой и опаской, теперь побратски обнимались и клялись беречь друг друга в бою, когда в следующий раз доведется встретиться. Да, речи Селига творили чудеса. В голове не укладывалось, как поднаторевший в интригах Исидор д'Эгльмор мог так ужасно сглупить. Наверное, он допустил в отношении Вальдемара ту же ошибку, что и большинство ангелийцев по отношению к нему самому. «Камаэлиты думают своими мечами», — вспомнились мне пренебрежительные слова на балу у Сесиль Лаво-Перрин. Пока камаэлитов в прочих провинциях считали воинственными

и туповатыми, их герцог д'Эгльмор строил изошренные планы захваты престола и наращивал свою армию. Интересно, говорил ли он о Вальдемаре Селиге теми же словами? Вряд ли. Я ни разу не слышала, чтобы кто-либо из ангелийцев признал за скальдами способность мыслить, хотя бы и мечом.

Погруженная в раздумья, я отвлеклась от дороги и забрела к палатке гамбрийцев, откуда как раз выходил какой-то тенн. Он ухмыльнулся, обнажив плохие зубы, и схватил меня за запястье с криком:

— Смотрите-ка, Селиг решил и нам дать попробовать вкус победы, хе-хе! Кто хочет перепихнуться по-королевски, а, парни? Чур, я первый, а следом все желающие!

Это случилось слишком быстро, буквально за пару секунд. В одно мгновение я глазела на гнилозубый рот, набирая в грудь воздуха, чтобы достойно ответить, а в следующее мгновение тенн уже умелым движением завел мою руку за спину и толкнул меня в снег, давя на затылок. Лежа лицом в утоптанном снегу, я слышала дружный хор поощрительных возгласов с редкими вкраплением осторожных протестов. Но до тех пор пока скальд не задрал мне юбки, выставив голые ягодицы на трескучий мороз, я не могла поверить, что это происходит со мной на самом деле.

А все потому, что изнасилование в Земле Ангелов является не просто преступлением против личности, как и во всех цивилизованных странах, и даже среди скальдов, правда, по отношению только к скальдйкам. У нас, ангелийцев, это еще и богоборчество. «Люби по воле своей», — завещал нам Благословенный Элуа, и изнасилование — это нарушение сей священной заповеди. Во исполнение вышнего закона на каждое служение Наамах от меня — даже от *ангуиссетты* — ожидалось предварительное согласие и ни один мой гость не посмел бы нарушить святости *сигнала*. Даже Мелисанда чтит *сигнал*, как и прочие установления нашей Гильдии. То, что она творила со мной в последнюю ночь... она бы остановилась, если бы я произнесла *сигнал*, в этом я никогда не сомневалась. Я молчала из упрямства.

А Гюнтер и Селиг брали меня не спросясь, против моей воли, не оставляя мне выбора, и потому мне мнилось, будто весь ужас насилия уже мною изведен. Но в те минуты, когда утоптаный снег таял и холодил мне щеку, а тенн-гамбрийец, нависнув надо мной, возился со своими штанами под похабные вопли обступивших нас скальдов, я вдруг поняла, что познала лишь малую толику этого кошмара.

И тут в гул голосов вклинился новый, и мне на шею перестало давить. Торопливо отползая и поправляя юбки, я подняла взгляд и увидела Кнуда, неказистое лицо которого в тот момент показалось мне прекрасным. Он поднял насильника за шиворот и дважды засадил ему кулаком в лицо.

Большого Кнуд сделать не успел — гамбрийцы налетели на него, и вся братская любовь между племенами в одночасье оказалась забыта. Мой защитник боролся изо всех сил. Забыв о собственном страхе, я схватила первый подвернувшийся под руку предмет — котелок — и обрушила его на голову ближайшего гамбрийца. Один из теннов перехватил мои руки и, прижав меня к себе, принялся с хохотом потираться о мои ягодицы.

В гаме и суматохе никто не заметил появления Вальдемара Селига.

Он восседал на огромном коне и свысока наблюдал за дракой, должно быть, набирая в грудь достаточно воздуха, чтобы на одном дыхании отдать приказ прекратить безобразие. Что он собирался сказать, так и осталось для меня секретом, поскольку следом за ним в окружении Белых Братьев подоспел Жослен и, слетев с лошади, кинулся в бой, выкрикивая

мое имя, словно боевой клич.

На сей раз он обнажил меч.

Двое гамбрийцев пали прежде, чем хоть кто-нибудь понял, что происходит. Тенн, который меня удерживал, с проклятием оттолкнул меня, выдернул из ножен меч и устремился вперед. На снегу уже алела кровь. То, что началось мордобоем, вдруг обернулось смертельной схваткой с Жосленом в центре. Он вертелся юлой, от клинка и наручей летели искры. Еще один гамбрийец свалился, прежде чем Вальдемар Селиг спешился, обнажил свой меч и с воплем вклинился в мешанину тел. Я наблюдала за побоищем, в ужасе прикрыв рот рукой.

До того я не вполне понимала, почему скальды буквально боготворят своего предводителя. Тогда это стало для меня очевидным. Он не обладал изощренным кассилианским мастерством и грациозностью. Но они ему и не требовались. Вальдемар орудовал мечом так же естественно, как дышал. Гамбрийцы отступили от него, продолжая наскакивать на Жослена.

— Ангелиец, приказываю тебе остановиться! — крикнул Селиг, побледнев от ярости.

Один из гамбрийцев попытался ткнуть Жослена копьем, тот отскочил и занес меч над нападавшим. Но варвару повезло. Вальдемар оттолкнул его мощным плечом и принял удар на свой клинок, а затем подступил к кассилианцу и рукоятью саданул его в висок.

Мой защитник рухнул на колени как подкошенный, ослабевшие пальцы разжались, и он выронил оружие. Жослен стоял на коленях, покачиваясь, окруженный телами скальдов, истекающими багровой кровью на белом снегу. Чуть поодаль застонал Кнуд и, шатаясь, поднялся на ноги. Все молчали. Вальдемар Селиг посмотрел на Жослена и скривился с видимым отвращением.

— Убейте его, — приказал он Белым Братьям.

— Нет! — пронзительным, будто не своим голосом выкрикнула я и кинулась к ним. Упав на колени перед Селигом, я взмолилась: — Милорд, окажите милость, оставьте его в живых! Он только защищал меня во исполнение своего обета, клянусь! Я сделаю все, все что захотите, только оставьте его в живых!

— Ты и так сделаешь все, что я захочу, — бесстрастно ответил Селиг.

Я не сказала: «Нет, если вы его убьете». Но я так подумала, и Селиг меня понял. Даже пронзенная стрелой Кушиэля, я бы постаралась любой ценой обуздать свою отзывчивость и, думаю, мне бы это удалось. Во всех нас, детях Элуа, переплетаются божественное и земное. Как и Жослен, обнаживший меч, я готова была сорваться, вынужденно балансируя на грани своей природы.

Но до трагедии не дошло. Кнуд, мой добрый Кнуд, прохромал вперед, потирая шишку на лбу. Ногой подтолкнул тело мертвого гамбрийца с яростно оскаленными гнилыми зубами. Штаны его были приспущены, а вялый бледный член лежал на бедре — жалкое зрелище.

— Я своими руками сбил этого гаденыша, когда он пытался залезть на твою девчонку, лорд Селиг, — честно признался Кнуд. — И это правда, что парень поклялся ее защищать. Такой у него обет перед ихним богом. Гюнтер держал их вместе, чтобы они усмиряли друг друга.

Пока Вальдемар обдумывал его слова, мы так и стояли на коленях — Жослен без признаков сознания, а я в молитвенном оцепенении.

— Кто-нибудь из вас пытался остановить насильника? — наконец спросил Селиг у гамбрийцев. Вождь селения неуверенно приблизился к нему. — Никто? Разве вы встанете

на сторону человека, крадущего моего коня? А мой меч? Нет? Эта женщина точно так же принадлежит мне, и даже больше. — Он схватил меня за волосы и встряхнул. За моей спиной Жослен что-то пробурчал и осел на снег. Селиг меня выпустил. — Снисходя к твоей просьбе о милосердии и принимая во внимание причиненные тебе страдания, — строго добавил он, — я пощажу парня, но закую его в цепи. Вигфус, — перевел он взгляд на вождя гамбрийцев, — я заплачу золотом за смерть твоих теннов. Так будет справедливо?

— Да, милорд. — Зубы скальда стучали — несомненно, он боялся, что Селиг призовет его к ответу за беспорядки. — Справедливо.

— Хорошо. — Вальдемар окинул собравшихся спокойным взглядом. — Возвращайтесь к своим делам, — приказал он, и скальды поспешили подчиниться. Только тогда он помог мне встать. Мои зубы громко стучали от холода и пережитого потрясения.

— Куда ты шла? — раздраженно спросил он. — Что, во имя Одина, ты забыла в лагере?

— Ах, милорд. — Я обхватила себя, дрожа и с трудом удерживаясь от слез. — Я хотела попрощаться с людьми Гюнтера. Они ведь были добры ко мне — некоторые из них.

— Надо было мне сказать, и я приставил бы к тебе сопровождающих. — Он подозвал одного Белого Брата. — Проводи ее к стоянке Гюнтера.

— Я сам ее туда провожу, лорд Селиг, — ворчливо вызвался Кнуд, а на приподнятые брови Селига пожал плечами. — Я привязался к этой девочке. Ничего худого с ней больше не случится — молва-то, небось, уже разошлась.

К тому времени я уже никуда не хотела идти, поглощенная беспокойством за Жослена, который лежал на снегу, часто дыша и глядя в никуда. Но я уже спасла ему жизнь, если он сможет за нее удержаться, и боялась просить Селига о чем-то еще.

— Хорошо. — Вальдемар разобрался с внеочередной заварушкой, и теперь ему не терпелось продолжить обход. — Приведи ее назад до темноты. — Он кивнул двум Белым Братьям. — Доставьте ангелийца в кузницу и закуйте в кандалы. Так он не наживет новых неприятностей. — Взгляд холодных глаз на секунду остановился на мне. — Надеюсь, что и ты тоже.

Я опустилась на колени и поцеловала Селигу руку. Он отмахнулся, зашагал к своему коню, запрыгнул в седло и ускакал. Кнуд бережно помог мне встать и повел прочь от побоища. Я оглядывалась через плечо на Белых Братьев, которые поднимали Жослена. Он было утвердился на ногах, но тут же согнулся и его вырвало, затем все же выпрямился и ушел с теннами к озеру, где пылали кузнечные горны. Один из Белых Братьев, приотстав, поднял меч Жослена и пристегнул к своему поясу, словно справедливо завоеванный трофей.

— Ты сделала для него все, что могла, девочка, — по-доброму сказал Кнуд. — Он выживет, если не станет больше дразнить Селига. Этот парень намного сильнее, чем выглядит. На моей памяти никто еще не пережил гюнтеровой псарни. Хотя на моей памяти туда, кроме твоего вояки, никого и не сажали. — Он усмехнулся собственной шутке. Возможно, для Кнуда она и была смешной, но я расплакалась. С неуклюжей нежностью он обнял меня и погладил по спине, сердито зыря на наблюдавших за нами скальдов.

Когда я немного успокоилась, он повел меня дальше — повел попрощаться с теми немногими людьми, которые отнеслись ко мне с толикой тепла в этой смертельно студеной, враждебной и беспощадной стране.

Прощаясь со скальдами из селения Гюнтера, я испытывала неловкость. И не только из-за нападения по дороге к ним, но и потому, что накануне все они единодушно объявили моему народу войну. Поскольку ничего изменить я не могла, пришлось делать хорошую мину при плохой игре. Харальд Безбородый — чья борода уже начала пробиваться, а значит, вскоре ему понадобится новое прозвище — должен был остаться в распоряжении Вальдемара Селига как лучший из наездников Гюнтера, и я надеялась, что Харальд, прежде не скупившийся на добрые слова обо мне, и здесь послужит мне на пользу.

Когда мы с Хедвиг обнялись и вместе поплакали, мне не потребовалось притворяться, будто я опечалена их отъездом, — в тот бедственный день меня печалило многое, почти все.

— Если Гюнтер сделает тебе предложение в четвертый раз, — шепнула я Хедвиг, — не отказывай ему. Он питает к тебе самые нежные чувства, несмотря на всю свою показную грубость, и вы с ним слишком хорошо подходите друг другу, чтобы размениваться на тех, к кому еще придется притираться. И если он все-таки выучился от меня паре-тройке способов доставить женщине удовольствие, зажги от моего имени огонек для Фрейи. — Я уже немного изучила пантеон скальдских богов и решила, что эта богиня по своей природе ближе всех к Наамах.

Хедвиг кивнула и, шмыгнув носом, отвернулась.

Потом Кнуд проводил меня в большой чертог, прихрамывая после ударов, которые он снес, заступившись за меня, и на прощание поцеловал мне руку, выбрав место, где нас не видели тенны Селига. Не настолько осторожная, я взяла лицо Кнуда в ладони и поцеловала его в лоб, про себя молясь Элуа, чтобы этот скальд вернулся с грядущей войны целым и невредимым. Благословенный Элуа, читающий в сердцах, не мог меня не понять. «Люби по воле своей», — думала я, глядя, как Кнуд поспешно хромот в сторону лагеря с сияющей улыбкой на невзрачном лице. Иешуа бен Иосиф, от чьей крови родился Элуа, просил своих последователей возлюбить их врагов — в тот день я отчасти поняла, что он имел в виду.

Но для меня было немислимо возлюбить их всех.

Жослен нигде не показывался. Я осмелилась спросить о нем Вальдемара Селига, вернувшегося вечером усталым после трудного дня. Он коротко ответил, что Жослен в безопасности, не оставив мне иного выбора, кроме как поверить ему на слово.

Только спустя трое суток я снова услышала о кассилианце, и за это время мне стало совершенно ясно, что в селении Селига меня не приняли и не примут. Его тенны неустанно следили за мной с похотью и презрением во взглядах, женщины же откровенно меня ненавидели, и ни те, ни другие даже не пытались скрывать свои чувства, не стесняясь присутствия самого Селига. Только дети поначалу относились ко мне как к своей. Вспомнив способ, которым Алкуин очаровал малышей в Перринвольде, я заплела нескольким косы, перевязав их, правда, не лентами, а обрывками веревок и шкур. Ребятишки пришли в восторг — всем детям нравится, когда им уделяют внимание, — но потом я увидела, как женщины, злобно на меня косясь, быстро распустили те косы под шумные протесты своих отпрысков, и больше уже не тратила силы на то, чтобы расположить к себе местных варваров.

Селиг все это наблюдал, но не хотел понять, почему его люди так меня невзлюбили. Возможно, он пытался смягчить всеобщую враждебность, когда делал комплименты моей внешности или умению прислуживать, но скальды расценивали его похвалы как

возвеличивание меня над ними, и от этого их ненависть только крепла.

А еще Вальдемар старался держать меня поблизости от себя, что тоже накаляло обстановку. Я очень обрадовалась, когда он поручил мне хотя бы приблизительно воссоздать скальдский алфавит Дидимуса Понта. Это занятие позволяло мне длительное время отсиживаться в королевских покоях вдали от злобных взглядов. Иногда Селиг привлекал меня, чтобы вместе поработать над картами Земли Ангелов, исправляя и уточняя их, насколько было возможно. Признаюсь, что при каждом удобном случае я изобретательно лгала и горжусь этим, поскольку сбить с толку противника — тоже способ защитить мою родину. Но когда Вальдемар попросил меня обучить его ангельскому языку, я не осмелилась водить его за нос. Если бы он узнал об ошибках в картах, то мог бы списать их на мое невежество, но по части владения родным языком подобного оправдания у меня не имелось.

Ночами же мы плодотворно трудились, постепенно осваивая «Три тысячи радостей». Тут нет смысла вдаваться в детали — для интересующихся ласки и приемы подробно описаны в книге. Я знала все из них, которые положено выполнять женщине, — даже не предусмотренные канонам Дома Кактуса. И я щедро делилась своими познаниями с Селигом, хотя некоторые услаждения он отвергал, сочтя их недостойными скальдской мужественности.

На четвертый день Вальдемар, хмурясь, сообщил:

— Жуслин Фирьой уже несколько дней не ест. Пожалуй, тебе следует с ним повидаться.

Сердце заколотилось: разлуку с кассилианцем я пережила спокойно, веря, что он в безопасности и здоров, пусть и в заключении. Я спешно накинула свой меховой плащ и вместе с Селигом отправилась к Жослену.

Его держали в маленькой хижине чуть поодаль от большого чертога, вроде бы принадлежавшей резчику по дереву. Один из Белых Братьев охранял узника, сидя перед натянутой в дверном проеме шкурой и скучаяще играя с кинжалом. Завидев нас, он вскочил.

Внутри оказалось холодно и грязно — воздух согревала только крохотная жаровня, в которой еле тлели несколько углей. Еще там имелись соломенный тюфяк и одеяло, но Жослен стоял на коленях на голом полу, скрестив руки и дрожа. Его руки и ноги были закованы, а цепь от щиколоток тянулась к ввинченному в пол железному кольцу. Она была достаточно длинной и не помешала бы воспользоваться тюфяком, так что Жослен, судя по всему, сам предпочел усугубить свои лишения.

Выглядел он ужасно: лицо осунулось, щеки запали, губы потрескались, волосы засалились. Селиг прислонился к стене, а я подбежала к узнику, опустилась перед ним на колени, вгляделась в изможденное лицо и по-ангельски сказала:

— Дурак! Что ты, по-твоему, делаешь?

Кассилианец поднял голову, его глаза были налиты кровью.

— Я нарушил обет, — хрипло прошептал он. — Я обнажил меч, чтобы убить, когда твоя жизнь смертельной опасности не подвергалась.

— Благословенный Элуа! И всего-то? — Я села на пятки и спрятала лицо в ладони. Вспомнив о Селиге, опустила руки и посмотрела на него. — Милорд, Жослен раскаивается, что поступил неправильно, учинив смертоубийство, — пояснила я на скальдском. — Таким образом он искупает свою вину.

Селиг понимающе кивнул.

— Скажи ему, пусть живет, — сказал он. — Я уже заплатил золотом за жизни убитых

им воинов и тем самым с лихвой искупил его вину. И я хочу, чтобы он научил меня своим боевым приемам. — Вальдемар на секунду замолчал, подбирая слова, и медленно повторил то же самое для Жослена на каэрданском.

Тот рассмеялся, да так, что я испугалась — смех был безудержным и полубезумным.

— Господин меня одолел, — по-каэрдански же ответил он Селигу. — Зачем победителю учиться бесполезным приемам, которые мне известны?

— Потому что я не считаю себя победившим — ты ведь не собирался со мной сражаться. Ты дал мне клятву и не ожидал, что я на тебя нападу, — логично ответил Селиг. — В иной ситуации не исключен и иной исход.

— Я не могу научить его драться по-кассилиански, — обратился Жослен ко мне на ангелийском, качая головой. — Я слишком много раз тебя подводил. И опять нарушил свой обет. Лучше мне умереть!

Я покосилась на Селига и тут же вперила яростный взгляд в ужасного глупца.

— Сколько раз тебе нужно напоминать, что ты всего лишь человек, а Жослен? Ты вовсе не возрожденный Кассиэль! И ты принес мне клятву, а сейчас мне, как никогда в жизни, нужна твоя помощь! — Я встряхнула его за плечи, повторяя слова наставника: — Помнишь, что сказал тебе Делоне? *«Попасть впросак, но продолжать сражаться и победить — это более сложное испытание, чем любая учебная схватка. Убери свой меч. Пусть он и дальше мне служит»*.

Жослен снова рассмеялся, на этот раз горестно, и шумно выдохнул.

— Не могу, Федра, клянусь, не могу! Мне даже убирать нечего — меча у меня больше нет. — Он поднял глаза на Селига, по-прежнему стоя на коленях. — Простите, господин, — произнес он на каэрданском, — я недостойн жить.

Тогда я разразилась ругательствами на всех трех знакомых ему языках и толкнула Жослена так, что он покачнулся и под тяжестью кандалов завалился набок, глядя на меня с открытым ртом.

— Да проклянет тебя Элуа, кассилианец, если это и есть предел твоей храбрости! — напустилась я на него уж не помню на каком языке. — Если мне повезет выжить, клянусь, я напишу префекту твоего ордена, как куртизанка из Двора Ночи послужила Элуа лучше, чем воин из Братства!

Не знаю, как расценил мою пламенную тираду Селиг; я бы не посмела взглянуть на него, даже если бы об этом подумала, но в тот момент эта мысль просто не пришла мне в голову. У Жослена не хватило сил быстро подняться, но он нахмурился, услышав мое страстное воззвание.

— Ты не посмеешь! — возмущенно возразил он, пытаясь встать на колени.

— Ха, а ты попробуй, останови меня! — Я поднялась на ноги и сверху вниз припечатала его последними словами: — Раз поклялся, так не скули, а служи и защищай, кассилианец!

Должно быть, это прозвучало зло и безжалостно, но в глубине души я Жослену сострадала. А злилась, потому что очень боялась. В некоторых обстоятельствах кнут действует вернее пряника. Звеня цепями, кассилианец снова встал на колени, трясаясь и глядя на меня красными глазами, в которых стояли слезы.

— Это так тяжело, Федра, — умоляюще протянул он. — Помоги мне Элуа, как же это тяжело!

— Знаю, милый, знаю, — прошептала я.

Селиг вышел за дверь и что-то сказал охраннику. Я не расслышала, что именно, а через

несколько минут хмурый тенн вернулся с деревянной миской полной бульона. Селиг кивнул и протянул ее Жослену.

— Ешь, парень, — приказал он на своем примитивном ангелийском. — И живи.

Кассилианец принял посудину трясущимися руками. Когда Вальдемар приподнял шкуру на двери, чтобы я вышла, я оглянулась и увидела, как Жослен поднес миску к губам.

«Он выживет, — с облегчением подумала я. — И у меня прибавится шансов уцелеть».

После этого Жослен перестал отказываться от еды и заметно окреп, хотя на его руках — особенно на запястьях, где крепились кандалы, — появились язвы. Они зудели и доставляли ему немало страданий, но Жослен использовал их как повод откладывать в долгий ящик занятия с Селигом. Немало заплатив золотом за сохранение жизни строптивного ангелийского жреца-воина, Вальдемар прислушался к моим мольбам и позволил мне раз в день навещать Жослена, справедливо рассудив, что раз он под моим нажимом выбрал жизнь, то мое присутствие укрепит его в этом решении. Теперь король убедился, сколь значим для кассилианца обет меня защищать.

Ах, как же я ждала этих посещений, ждала каждый день. Селиг был поглощен делами и поэтому приставил мне в сопровождение Белого Брата. По счастью, Жослен не успел показать, что уже неплохо овладел скальдийским языком, и наши разговоры на ангелийском не вызывали подозрений, а в отличие от Селига, ни один из его теннов нашего языка не знал.

Замыслить побег мы не могли просто потому, что селение слишком хорошо охранялось. Но мы много говорили о необходимости выжить и помогали друг другу не падать духом.

Терпение Селига было не безграничным, и вскоре он устал ждать, пока руки Жослена заживут, и прибег к помощи жреца Одина, который также занимался и целительством.

— Честно говоря, — признался Вальдемар мне ночью, — мне любопытно, как Лодур оценит тебя. Он старейший из моих учителей, и я высоко чту его мудрость.

Стоит добавить, что к тому времени растущее недовольство скальдов моей будто бы сладкой жизнью при Селиге внушило им уверенность, что я ведьма, специально посланная из Земли Ангелов, чтобы околдовать их правителя. Красное пятнышко в моем левом глазу варвары рассматривали как тому доказательство — несомненный признак черной природы.

Селиг лишь посмеивался над этими досужими выдумками.

— Они и про мать Лодура когда-то говорили, что она ведьма и способна вылечить любую рану, смертельную или нет, но только если раненый ей приглянется. На самом же деле она была умелой целительницей, совсем как ты умелая... в других занятиях.

Не помню дословно, что я на это ответила, но скорее всего как-то ему польстила. Изредка я отваживалась на дерзость, но в основном все же старалась говорить хозяину то, что ему хотелось слышать. И из того же послушания поехала с ним и двумя Белыми Братями к Лодуру Одноглазому на маленьком пони, подобранном специально для меня.

Впервые я увидела скальдийского жреца-целителя — жилистого тощегрудого старика — стоящим по колено в снегу в меховом жилете нараспашку. Его волосы были седыми и всклокоченными. Одной рукой он опирался на посох, а на кулаке другой держал ворона. Издалека казалось, будто Лодур беседует с птицей, но когда мы подъехали поближе, ворон сорвался и улетел. Тогда я сочла это скальдийской магией, но позже узнала, что целитель вылечил птице сломанное крыло и так приручил ее. Старик, не удивившись, обернулся к нам, и я увидела повязку на его правом глазу — вот почему его прозвали Одноглазым.

— Вальдемар Берундсон, — спокойно произнес он; до того я ни разу не слышала, чтобы короля скальдов величали по отчеству. Обычно его называли Селиг или Благословенный,

словно таково было его имя от рождения.

— Я привел к тебе Фэй-дру но Дэй-лоне из Земли Ангелов, учитель, — уважительно представил меня Селиг. Спешился и поклонился старику, а я повторила его движения, заметив, что и тенны сделали то же самое. — Ее одноплемянник страдает от язв, которые почему-то никак не заживают.

— Эхм. — Лодур пошел по снегу нам навстречу, двигаясь с проворством, неожиданным в столь преклонном возрасте. Его единственный глаз был пронзительно-синим, но сам взгляд не показался мне недобрый. В отличие от других скальдов, жрец не носил бороды, и сизая щетина едва пробивалась на дубленом загорелом лице. — Небось тебе нравится гладкая кожа, а? — Он перехватил мой взгляд и с ухмылкой погладил себя по подбородку. — Когда-то я встречался с девушкой, которой было по нраву чистое лицо, да так и привык бриться.

Мне встречались множество священнослужителей, но ни один не походил на этого. Я что-то пробормотала в ответ.

— Неважно, — отмахнулся Лодур и деловито ощупал меня сверху донизу крепкими, сухими ладонями. Я ошеломленно замерла на месте. Селиг, казалось, ничего не имел против самоуправства старика. — Ангелийка, да? — Он уставился на меня своим единственным глазом, задумчиво изучая мое лицо. Его обнаженная грудь была розовой; казалось, он не чувствовал холода. — А это как называется? — указал он на мой левый глаз.

— Стрела Кушиэля, — тихо ответила я.

— Значит, ты отмечена богами. Вроде меня, да? — Лодур засмеялся, тронув повязку на своем глазу. — Меня зовут Одноглазым, как и Всеотца. Знаешь эту историю?

Да, я знала, поскольку в селении Гюнтера довольно часто пели это сказание. Я даже помнила слова.

— Всеотец Один отдал свой глаз, чтобы Мимир позволил ему выпить из своего источника, — кивнула я. — Источника мудрости.

Лодур захлопал в ладоши, сунув посох под мышку. Тенны Селига что-то пробурчали.

— А вот что случилось со мной, — завел он нараспев. — Будучи глупым учеником, я выколол себе глаз и принес его в жертву, надеясь сподобиться мудрости, как Один. Знаешь, что тогда сказал мне наставник? — Я покачала головой, и Лодур склонился к моему лицу, не сводя с меня взгляда. — Он сказал, что так я познал одну, но важнейшую мудрость: богов не подкупишь. Эх, каким же дурнем я был! — Он хохотнул, вспоминая тот далекий день. Только скальд мог смеяться над подобной историей. — Но с тех пор я поднабрался ума, — добавил он.

— Учитель... — начал было Селиг.

— Знаю, знаю, — перебил его Лодур. — Язвы. И еще ты хочешь узнать, что я думаю об этой девушке. Что тебе сказать, Вальдемар Берундсон? Ты греешь на своей груди копье, брошенное ангелийским богом, и спрашиваешь моего мудрого совета? Да это все равно что просить немого растолковать дорогу глухому. Бестолку. Схожу-ка я лучше за травами.

Селиг хмуро прищурился на меня. Я изо всех сил сохраняла самообладание, ошеломленная не меньше него. Я привыкла считать себя жертвой Кушиэля, отмеченной его божественной любовью, как проклятием. Считать же себя его оружием было мне внове и очень волнительно.

Старик принес свои травы и вскочил на коня позади Селига ловко, словно мальчишка. Через величественный лес мы вернулись обратно в селение. Лодур что-то пришептывал себе

под нос и изредка напевал, но никто другой не произнес ни слова. Лоб Селига прорезали глубокие задумчивые морщины.

У хижины жрец-целитель трижды стукнул посохом на пороге и громко произнес заклинание, прежде чем шагнуть внутрь. Казалось, он освежил затхлый воздух в лачуге, принеся с собой свежий аромат снега и сосновых игол. Жослен очнулся от кассилианской медитации и во все глаза уставился на Лодура.

— Похож на юного Бальдра, а? — походя сказал старик Селигу, сравнив Жослена с коварно убитым богом весны и света, которого скальды считали самым красивым из своих богов. — Что ж, показывай свои язвы, парень. — Лодур присел на корточки рядом с пациентом и осмотрел припухшие ранки на его кистях и запястьях, потрескавшиеся, сочащиеся сукровицей и незаживающие. — Ха, одно из снадобий моей матушки вылечит эту ерунду в два счета!

Старик рассмеялся и принялся копаться в привезенном с собой мешочке. Вытащил небольшой каменный сосуд и выбил из него пробку. Не знаю, что за компоненты входили в тот бальзам, но вонял он знатно. Жослен скривился, когда гнилостный смрад ударил ему в нос, и вопросительно глянул на меня над головой Лодура, покрывавшего мазью его руки.

— Он целитель, — пояснила я на каэрданском, чтобы Селиг тоже понял. Мы по-прежнему притворялись, будто Жослен недостаточно знает язык скальдов, чтобы на нем изъясняться. — Лорд Селиг желает, чтобы ты поскорее выздоровел и преподал ему свои методы ведения боя.

Жослен слегка поклонился Селигу.

— С нетерпением жду того дня, когда окрепну достаточно, чтобы дать вам урок, милорд. — Он секунду помолчал. — Но чтобы вас учить, мне потребуется мое оружие, милорд, или хотя бы наручи. Кинжалы и меч можно заменить деревянными.

— Скальды не тренируются с деревянными игрушками. Я отдал твоё оружие кузнецу, чтобы он выковал для меня такое же. Ты получишь свои клинки назад, когда мы начнем заниматься. — Селиг бросил хмурый взгляд на одного из Белых Братьев; значит, он отобрал у добычливого тенна меч Жослена. — Вы закончили с ним, учитель?

— Да, почти. — Лодур уже ловко накладывал повязки из чистого полотна на смазанные бальзамом руки Жослена. — Этот парень быстро излечится. У ангелийцев в жилах не зря течет кровь древних богов. Конечно, она сильно разбавлена, но и несколько ее капель обладают невиданным могуществом, Вальдемар Берундсон.

Даже я не упустила прозвучавшие предупреждающие нотки, а уж Вальдемар Селиг, конечно, не мог оставить их без внимания.

— Древняя, могущественная кровь, но испорченная многими поколениями мягкотелости, учитель. Их боги склонятся перед нашим Всеотцом, а мы передадим магию их крови нашим потомкам, смешав ее с молодой и красной кровью скальдов.

Старик поднял голову, и его единственный глаз показался мне холодным и отстраненным, как у волка.

— Да сбудутся твои слова, юный Вальдемар. Надеюсь, тебе достанет сил и времени, чтобы их исполнить. Я же слишком стар, чтобы воевать с богами.

У меня по телу пробежал холодок. Несомненно, этот старый варвар владел магией. Я явственно почувствовала ее присутствие в хижине, почувствовала пронизывающую меня силу, шепчущую о темной земле и высоких елях, о крови и железе, о лисицах, волках и воронах. Лодур встал, ласково погладил Жослена по голове и убрал бальзам и перевязку в

свой мешок.

Сопроводив нас до центра селения, он отказался от предложения подвезти его домой в лес, сказав, что лучше пройдетя. Я, как всегда трясась от холода, ушам своим не поверила, но жреца, похоже, мороз не брал. Селиг о чем-то беседовал с Белыми Братьями, и я, воспользовавшись случаем, приблизилась к Лодуру, прежде чем он отошел.

— Вы ведь тогда не шутили, нет? — спросила я. — Когда сказали про оружие?

Я не смогла выразиться яснее, но он понял вопрос и медленно смерил меня взглядом, пока я стояла перед ним по щиколотку в снегу.

— Неисповедимы пути богов. Бальдра Красивого убил прутик омелы, брошенный рукой слепца, не ведающего, что творит. Ты уверена, что не несешь вслепую кому-то погибель, как тот прутик?

Я не придумала, что ему ответить, и старик рассмеялся.

— А все же, будь я юным, как Вальдемар, тоже рискнул бы ради тебя, — и с лукавой усмешкой добавил: — Да и в стариках, скинув хоть пару годков, попросил бы у тебя поцелуй.

Удивительно, но я покраснела. Лодур снова усмехнулся и, опираясь на посох, зашагал по снежному полю в ту сторону, откуда мы приехали. Никогда не встречала столь странного человека. Жаль, что больше нам свидеться не довелось.

В Вальдемаре Селиге тот день посеял новые сомнения касательно меня. Ночью в постели он не велел мне, как обычно, доставить ему удовольствие, а принялся задумчиво водить пальцам по линиям моего туара.

— Может, в этих рисунках заключена особенная магия, вроде магии рун, а, Фэй-дра, — обманчиво спокойно предположил он. — Как сама думаешь?

— Это всего лишь туар, обозначающий, что я посвящена в служение Наамах. Все ее служители имеют подобный рисунок на спине, и он не дарит ничего чудесного, за исключением свободы, которая достается по его окончании.

— Вот оно как. — Он положил ладонь с растопыренными пальцами мне на спину, накрыв довольно большой участок туара. — Говоришь, тебя продали в рабство, потому что ты слишком много знала. А я бы в таком случае просто убил тебя. Так почему ты жива?

Я словно наяву услышала донесшийся издали спокойный голос Мелисанды: *«Я не убью тебя, равно как не уничтожу бесподобную фреску или вазу»*, и прошептала:

— Милорд, я все еще жива, потому что единственная в своем роде. Вы убили бы волка с серебряным мехом, забреди такой в ваше селение?

Селиг задумался, а потом отстранился и мотнул головой.

— Не могу сказать. Возможно, убил бы, если бы решил, что к моему копыю серебряного волка привел сам Один. Но я не понимаю, что ты такое.

Да, к счастью для меня, даже Вальдемар Селиг, самый умный из скальдов, мог понять только простые удовольствия. Ну хоть какое-то утешение, и я была за него благодарна.

— Я ваша рабыня, милорд, — сказала я, склоняя голову и на время отбрасывая мысли о своем предназначении. Довольно гадать и умствовать.

В ответ король варваров потянулся ко мне, погладил по волосам и привлек меня к своему мощному телу.

Как и предсказывал Лодур, Жослен быстро исцелился. И, получив от Селига свое оружие, принялся обучать вождя скальдов ангелийскому искусству боя.

Я уделяла мало внимания занятиям, которые кассилианец проводил с Алкуином в саду Делоне, но теперь пристально следила за тренировками. Основу составляли упражнения, которые Жослен безукоризненно выполнял по утрам. Многократно пронаблюдав и проштудировав их в деталях, я поняла, что каждое имеет свою цель. Если отрешиться от замысловатых поэтических названий, которыми кассилианцы наделили свои упражнения, по сути своей они были ударами и выпадами, блокировками и парированиями, служащими для нападения и для защиты от одного или многих противников.

Неофиты Кассилианского Братства начинают обучение с десяти лет, когда их принимают в Орден. День за днем, многие годы мальчишки повторяют и повторяют предписанные базовые движения, пока не срастутся с ними настолько, что смогут выполнять их быстро-быстро в любом порядке, сознательно, бессознательно или во сне. И даже состоявшиеся воины начинают с тренировки каждое утро, чтобы память, заложенная в костях и мышцах, не подвела.

Когда Жослен сказал, что не сможет научить Селига своему искусству, мне подумалось, что речь о нарушении кассилианского обета; и только после начала занятий я увидела, что это попросту невозможно. Алкуин легко усваивал науку кассилианца, поскольку прежде не держал в руках оружия и стал для Жослена «чистым листом». А Вальдемар Селиг, многоопытный воин-скальд, хотел расширить арсенал своих приемов. Но те изыски, которым пытался обучить его Жослен, шли вразрез с напористой, целеустремленной манерой сражаться, усвоенной Селигом сызмальства. Ощувив себя коровой на льду, он разозлился и покончил с бесполезными уроками.

Оружие Жослена надежно заперли, и самого его вновь заковали в цепи.

А подозрения Селига получили новую пищу и выросли еще больше.

К королю приехал Колбьорн из племени маннов и привез новости с юга. Подслушивая, я узнала, что скальды из селений близ границы с Каэрдианским Союзом живут почти как тиберийская знать, владея красивыми домами и обширными угодьями, на которых трудятся рабы. Каэрдианцы считали южных скальдов достаточно цивилизованными, чтобы поддерживать с ними торговлю и переписку. Колбьорн прибыл с письмом для Селига.

Даже в суете большого чертога мне не составило труда сделаться невидимой, без движения застыв в темном уголке на коленях. Селиг полагал, что я по его заданию корплю над новым переводом, и не замечал меня, поскольку не высматривал; другие же, беря с него пример, закрывали глаза на мое присутствие, просто проходя мимо.

Я находилась слишком далеко, чтобы прочитать послание, но хорошо видела Селига, когда он сломал печать и расправил листок. На его лице отразилось облегчение.

— Кильберхаар ничего не подозревает! — воскликнул он, хлопая Колбьорна по спине. — Он клюнет на нашу приманку и поведет свои войска, как мы и договаривались. Хорошие новости, не правда ли?

Колбьорн что-то согласно пробормотал. Я не расслышала его слов, зато разглядела положенное на стол письмо со сломанной печатью, оттиснутой на золотом воске. Даже на расстоянии, даже переломленный этот герб я не могла не узнать. Три переплетенных ключа,

почти неразличимые взатейливых завитушках — символ Кушиэля, который, по легенде, хранил ключи от адских врат.

Герб дома Шахризаев.

«Ну конечно, — подумала я, стоя на коленях в молчаливой скорби. — Конечно. Мелисанда Шахризай достаточно умна, чтобы низвергнуть Дом Тревальонов, и слишком умна, чтобы пасть вместе с Домом Д'Эгльморов. Она будет оказывать поддержку и нашим и вашим, а в конце займет сторону победителя». Я стиснула бриллиант на своей шее и сжимала его все сильнее и сильнее до тех пор, пока на ладони не отпечатались все грани. Даже здесь я чувствовала на себе руку Мелисанды.

И тут сквозь пелену отчаяния я услышала, как Селиг между делом предложил Колбьорну на завтра поохотиться. Скальды и так очень гостеприимны, а манн к тому же принес Вальдемару ценное известие, поэтому в его честь решено было устроить большую охоту, а следом пир.

Именно тогда у меня родился план.

Тихо покинув чертог, я туда вернулась, уже не стараясь быть незаметной, подошла к Селигу и опустилась перед ним на колени. После его кивка спросила разрешения навестить Жослена. Он позволил и отправил со мной одного из Белых Братьев. Тащась по глубокому снегу, я внимательно изучала расположение ориентиров и построек, лихорадочно рисуя в уме карту. Возможно, мой план сработает. Если большинство теннов уедут на охоту. Если Жослен согласится сотрудничать.

Это главная загвоздка.

Я поднырнула под висевшей в дверном проеме шкурой; мой сопровождающий вошел следом. Жослен ежедневно выполнял свои упражнения, насколько позволяли кандалы, и в тот момент отжимался от пола. За исключением тренировок и медитаций, заняться ему было нечем. При нашем появлении он встал, звеня цепями. Белый Брат бегло осмотрел кассилянца с ног до головы и вернулся на улицу, предпочтя свежий морозец дымной затхлой хижине.

— Смотри, — обратился ко мне Жослен и толкнул ногой железную скобу, прибитую к деревянным доскам пола. Крепление так ослабло, что она сдвинулась. Я обрадовалась: одной преградой меньше.

— Что происходит? — спросил он. — Что за оживление там снаружи?

— Прибыл Колбьорн из племени маннов, — пояснила я. — Он привез Селигу письмо с юга, переданное через земли Каэрдрианского Союза. Жослен, я видела печать. Это письмо от Мелисанды.

Жослен помолчал, наверное, мысленно оценивая масштаб ее предательства. Я предвидела, что он будет потрясен.

— И о чем там речь? — наконец спросил он.

Я покачала головой.

— Мне не представилось возможности прочитать послание, но, судя по репликам Селига, она написала, что д'Эгльмор ничего не подозревает и собирается придерживаться плана, который предложил скальдам.

— Полагаешь, это правда?

Таким вопросом я не задавалась, слишком ошеломленная, чтобы толком рассуждать. Но да, Мелисанда вполне способна солгать кому угодно. Я хлопнула себя по лбу.

— Не знаю. Она может таким образом заманивать Селига в руки д'Эгльмора. Не исключено. — Мы посмотрели друг на друга. — В любом случае, — прошептала я, — усилиями кого-то из них наш королевский дом падет, а эта гадина останется в выигрыше. Жослен, ты мог бы убить голыми руками?

Он побледнел.

— К чему этот вопрос?

И я посвятила его в свой план.

Когда я закончила, Жослен принялся мерить хижину шагами, кружа по ней, насколько позволяла длина цепи. Видимо, он напряженно думал.

— Ты просишь меня нарушить мой обет, — наконец произнес он, не глядя на меня. — Напасть первым... убить без повода... Это идет вразрез со всеми принципами, которые я поклялся чтить. То, о чем ты просишь, Федра... это подлое убийство.

— Знаю.

Я много чего могла ему сказать. Например, что мы оба медленно умираем, он в цепях, а я — служа Вальдемару Селигу в окружении всеобщей ненависти. Или что мы сейчас на войне и во вражеском плену, а значит, не обязаны подчиняться правилам честного боя. Я могла бы это сказать, но не стала. Жослен и так все знал не хуже меня.

А убийство при любых обстоятельствах все равно остается убийством.

Спустя несколько томительных минут он поднял на меня глаза и тихим безжизненным голосом пообещал:

— Я сделаю то, о чем ты просишь.

На том мы и договорились.

Весь день я не находила себе места, сердце непривычно частило, а в животе то и дело сжимался какой-то комок, вызывая тошноту. Я прятала свое волнение за улыбками и обходительными жестами, тихо выполняя поручения Селига. Я разыгрывала роль под маской послушания и, должно быть, успешно, раз Вальдемар перестал на меня подозрительно щуриться и даже благодушно похвалил перед Колбьорном. Довольные, что назавтра Селиг целиком отдастся скальдийским забавам, а не ангелийскому разврату, его тенны и Белые Братья перестали обращать на меня внимание.

Той ночью Вальдемар снова взял меня. Так получилось, что в «Трех тысячах радостей» мы как раз дошли до главы под названием «Лось в гоне», и Селиг воспринял это как доброе предзнаменование, поскольку на следующий день предстояла охота на оленей. Стоя на четвереньках, я трепетала под ним, глядя на резное изголовье и пылая ненавистью, пока скальд толкался в меня, запрокинув голову и с силой сжимая мои плечи. «Наслаждайтесь, милорд, — думала я, — ловите удовольствие. Это ваша последняя ночь со мной».

Потом он уснул, а я лежала в темноте с открытыми глазами. Уголья в очаге слабо оранжево светились и отблескивали на металле. Я уставилась на ближайший сверкающий предмет, думая о тысяче разных мелочей. И вдруг поняла, на что я смотрю. На кинжал Селига, который тот оставил на столике рядом с кроватью, когда раздевался.

«Вот он, — подумала я, и меня захлестнула волна облегчения. — Вот другой путь, самый короткий. Цена будет выше, но результат... о, результат того стоит!» Повернув голову, я посмотрела на спящего мужчину, на его лицо в тусклом свете догорающего очага. Оно казалось умиротворенным, словно ему снился хороший сон. Он глубоко дышал, могучая грудь мерно вздымалась и опадала. «Вон туда, — сказала я себе, когда глаза привыкли к темноте. — В ямку между ключицами, обнаженную под раздвоенной бородой. Воткни туда кинжал и поверни». Я мало знала об оружии, но надеялась, что этого будет достаточно.

Требовалось только завладеть клинком.

Я осторожно приподнялась и над телом спящего потянулась к столику.

Кровать скрипнула, на моем запястье мигом сомкнулись сильные пальцы. Опустив взгляд, я увидела открытые глаза Селига. Да, он не Гюнтер, которого из пушки не разбудишь... Вальдемар Селиг, звали его скальды, Благословенный, Неуязвимый. Мне оставалось только признать поражение. Я едва не попала на горячем — на попытке заколоть короля скальдов. Пробормотав что-то себе под нос, я опустилась на него, приобняв, и положила голову ему на плечо.

Наверное, ему польстила мысль, что я во сне бессознательно нежно лащусь к нему. Селиг сонно хохотнул, что барабанным боем отдалось мне в ухо, и так меня и оставил. Его дыхание быстро обрело прежнюю размеренность. Я же еще долго лежала, заставляя одеревеневшие от ужаса мышцы мало-помалу расслабиться. Наконец, измученная страхом, я забылась тревожным сном.

Утро выдалось морозным и солнечным, чертог перед большой охотой кипел суматохой. Я ходила на ватных ногах не в силах отделаться от ощущения, будто в полубессознательном состоянии забрела в какой-то странный театр. После короткого ночного забытья ужас вернулся: я боялась того, что едва не случилось прошлой ночью, а еще больше — того, что случится в будущем. О том утре я почти ничего отчетливо не помню. Тенны собирались на охоту, женщины занимались повседневными делами, лошади били копытами на морозе — в моих воспоминаниях утро охоты слилось со страшным днем, когда люди Гюнтера собирались в набег и вернулись, распевая песни об убитых ими ангелийцах. Еще и Харальд Безбородый знакомо подмигнул мне, ощупывая начинающую отрастать щетину. Наверное, он еще не понял, что здешний народ меня не жалует. Все было как на хуторе Гюнтера. Только собаки лаяли по-другому, да Белые Братья тянули соломинки, жеребьевкой решая, кто из них останется меня караулить по приказу Селига. Тенн по имени Трюгве вытянул короткую соломинку и что-то проворчал под добродушные возгласы товарищей. Он резко осекся под предупреждающим взглядом короля. Я держала очи долу, не желая смотреть на человека, которому судьба короткой соломинкой подписала смертный приговор.

Охотники ускакали. Чертог почти опустел. Слуги занялись своей работой. Трюгве разлегся на скамье, заигрывая с одной из женщин. Я направилась в покои Селига. Тенн видел, куда я пошла, и кивнул, вероятно, полагая, что там я буду выполнять какое-то задание.

Оказавшись за дверью в одиночестве, я сняла фибулу со своей накидки из волчьей шкуры и зажала острый конец бронзовой булавки между зубами. Осторожно надавив, согнула крючком. Пришлось повозиться, но мне удалось отпереть сундук Селига, в котором

обнаружились стопки писем, ларчик с монетами, кое-какая одежда, а на самом дне — оружие Жослена. Послание Мелисанды Шахризай тоже попало среди бумаг, и я присела, чтобы его прочесть.

Почерк был ее — я его узнала, поскольку довольно часто видела ее письма к Делоне, пусть здесь она писала на каэрданском. Сообщение было коротким: та фраза, что уже произнес Селиг, да многозначительная приписка: «Надеюсь, мы друг друга понимаем».

Кожаные седельные сумки, ненужные на однодневной охоте, стояли в углу. Я подтащила их к себе и сунула письмо во внутренний карман, затем набила теплыми вещами из сундука. К моей радости, там отыскалось и огниво. Покончив со сборами, я надела накидку и с трудом заколола ее фибулой. Глубоко вдохнув, вернулась в чертог и подошла к Трюгве, по-прежнему увлеченному болтовней.

— С вашего разрешения, я схожу к своему другу, милорд, — тихо попросила я. — Лорд Селиг позволил мне навещать Жослена один раз в день.

Я говорила правду, и тенн это знал, но Селига рядом не было.

— Отведу тебя туда позже, — бросил охранник через плечо и повернулся к женщине, чтобы продолжить байку с того места, на котором я его прервала.

Я, потупившись, встала перед ним на колени.

— Если вам угодно, милорд, я могу пойти туда и одна. В селении никого нет, некому меня тронуть. Не хочу вас понапрасну утруждать.

— Ой, да пусть себе идет, — нетерпеливо буркнула скальдийка — ее звали Гердой. — Чай, скоро вернется, ведь знает уже, где для нее мягкая постель да еда от пуза!

В другой раз я бы возмутилась ее словами, но тут промолчала. Трюгве вздохнул, спустил ноги со скамьи, набросил на плечи шкуру, символизирующую его принадлежность к Белым Братьям, и надвинул на голову капюшон.

— Ага, чтобы потом Селигу кто-нибудь донес, что видел ангелийку, шлявшуюся без сопровождения? Чтобы я да ослушался приказа? Ну уж нет, я ее отведу. — Встав, он поднял щит и грубо схватил меня за руку. — Идем. И чтоб сегодня покороче, поняла?

Шагая рядом с Трюгве по заснеженной тропинке, я радовалась, что он не проявил ко мне доброты. Тем легче. Ужас немного отпустил, раз страшное уже происходило. Я слышала от воинов, что ожидание перед битвой переносится труднее всего. И в тот день убедилась, что так и есть.

В селении оставалось столь же мало людей, как и в большом чертоге; из других строений никто не выходил, и только у озера виднелись крошечные фигурки — у палаток, местами рассыпанных по широкой прибрежной полосе.

Мы дошли до хижины, где томился Жослен, и Трюгве жестом приказал мне идти первой. Отодвинув шкуру, я шагнула внутрь. В глазах еще играли отблески яркого солнца, и я не сразу заметила, что в центре хижины никого нет — лишь дыра в полу, где раньше крепилась скоба. Повернув голову, я увидела замершего у двери Жослена, а на его закованных руках — стальную цепь. Мы не проронили ни слова. Я отошла, освобождая дорогу для Трюгве.

Он успел сделать два шага, прежде чем Жослен задвигался, накиннув цепь ему на шею и безжалостно дернув. Заставив кассилианца совершить это злодейство, я заставила себя смотреть от начала до конца. Отчасти защищенный капюшоном, Трюгве недолго поборолся, жадно глотая воздух и цепляясь за руки Жослена, но тот изловчился, уперся коленом ему в спину, и ноги скальда подогнулись. Пока он оседал на пол, свистяще набирая в грудь воздуха

— Наверное, чтобы закричать, — Жослен сжал его голову в ладонях и резко повернул.

Я услышала, как с хрустом сломалась шея. Крик замер на губах Трюгве, и его глаза потухли. Так быстро...

— Давай сюда руки. — Я сорвала с накидки фибулу и принялась ловко орудовать острием, пока Жослен стоял с вытянутыми руками. Замки на кандалах были простыми. — Спасибо, Гиацинт, — пробормотала я, опускаясь на колени, чтобы освободить щиколотки кассилианца. На секунду подняла глаза. Он с каменным лицом потирал запястья. — Нужно его раздеть.

Жослен коротко кивнул.

— Давай.

Мертвые весят больше, чем живые, поэтому ушло немало времени, чтобы раздеть труп Трюгве, но мы это сделали, стараясь не глядеть друг на друга. Без лишних слов Жослен отвернулся, снял ветхое кассилианское рубище и натянул скальдийский наряд.

— Дай-ка на тебя взглянуть.

Осмотрев переодетого Жослена, я расплела его косу, шагнула к жаровне и набрала горсть золы. Втерла ее в волосы, чтобы потемнели, и немного намазала лоб, щеки и подбородок, чтобы исказить ангелийские черты. Глянув на Трюгве, я заплела кассилианцу несколько маленьких косичек, обрамлявших лицо и еще больше его скрывавших.

— Держи, — сказала я после, протягивая ему белую волчью шкуру.

Жослен набросил ее на плечи и по-скальдийски связал болтавшиеся передние лапы на груди, затем натянул капюшон, и маска волка с пустыми глазницами закрыла его лоб.

Это сработает. На расстоянии он вполне сойдет за Белого Брата.

— Готов? — спросила я. Жослен глубоко вдохнул и кивнул. — Всего опаснее большой чертог. Я не могла вынести оттуда сумки, не вызвав подозрений, но нам не обойтись без одежды и огнива, а еще там письмо Мелисанды. Можно взять съестные припасы в малом чертоге, там меньше народу.

— Мне нужно мое оружие.

— Оно не скальдийское. Возьми у Трюгве.

— Я не могу без наручей. Я не слишком силен в бое со щитом, ты же видела на *хольмганге*. — Он замолчал, а потом тихо добавил: — Мне подарил их дядя, а ему — его дядя, Федра. Позволь мне хоть их сохранить.

— Ладно. Возьми пока оружие Трюгве, без него ты будешь выглядеть странно. — Я боялась тратить время на спор. — Не поднимай высоко голову и шагай с мрачным видом. Если кто-то с тобой заговорит, качай головой. Если не отстанет, скажи вот что: «Приказ Селига. Он решил сделать привал на ночлег». Я произнесла последние слова по-скальдийски и заставила Жослена затвердить их, чтобы выговаривать без акцента. Он не забыл моих уроков. — И держись со мной, как с грязью, — добавила я на том же языке. Если я забудусь и обращусь к нему на ангелийском, мы пропали.

— Погоди. — Он встал на колени рядом с телом Трюгве, уже начавшим синеть в холодной хижине.

Скрестив руки, Жослен прочел кассилианскую молитву, ту же, что произносил над телом Эврара Острозыкого. Со стороны смотрелось дико: воин-скальд молится как кассилианец. Потом Жослен поднялся на ноги, надел пояс Трюгве с мечом и повесил на плечо щит.

— Идем, — на скальдийском позвал он.

Я отодвинула шкуру и вышла на яркое зимнее солнце.

На каждом шаге нашего пути я ждала, что вот-вот раздастся сигнал тревоги, что убиенный Трюгве каким-то образом возопит к небесам о нашем преступлении. Мы шли и шли по снежному полю к чертогам, а они, казалось, все отдалялись и отдалялись. Мне до сих пор снятся кошмары о том переходе. День выдался безжалостно ясным, что увеличивало опасность разоблачения Жослена. Он держал голову под волчьей маской опущенной и крепко сжимал мое плечо.

Наверное, Белые Братья не ходили так торопливо, или они все же ускоряли шаг, возвращаясь в тепло? Я не могла уверенно вспомнить — а ведь меня намеренно учили обращать внимание на подобные мелочи. Казалось, холод сковал даже мой разум.

Сначала мы зашли в малый чертог, где меня не очень хорошо знали. После нескольких любопытных взглядов в нашу сторону один из слуг с некоторой опаской приблизился и поклонился Жослену, видимо, из уважения к облачению Белого Брата.

— Чем могу помочь?

Жослен дернул меня за руку и прорычал, довольно убедительно изображая сердитого тенна:

— Скажи ему.

Не те слова, которым я его учила, но тоже сойдут; возможно, так мы вызовем даже меньше подозрений.

— Лорд Селиг решил устроить ночной привал с Колбьорном и еще несколькими воинами, — пояснила я. — Он послал нас за мехом меда, двумя мешками овощей для похлебки и за котелком. Принесите припасы прямо в конюшню, милорд Трюгве хочет поскорее вернуться к Благословенному.

— Всего один мех меда? — недоверчиво переспросил слуга и опасно сглотнул, глянув на хмурого Жослена.

— Три, — отозвался тот, отвернулся и, снова больно дернув за руку, потащил меня к дверям.

Я не была уверена, что наше представление сработало, пока не услышала, как слуга за спиной просит кого-то ему подсобрать.

Колени дрожали, пока мы шли к большому чертогу. Жослен так втолкнул меня через порог, что я чуть не упала и очень на него за это рассердилась. Злость придавала мне сил, чтобы распрямиться и пронзить обидчика яростным взглядом. Он оставил без внимания мое негодование и последовал за мной по пятам в покои Селига.

Слава Элуа, любвеобильной Герды нигде не было видно. Очутившись в комнате, я закрыла дверь и указала на сундук, который не потрудились запереть. Жослен открыл крышку, покопался и быстро вытащил свое оружие: надел наручи, заменил пояс Трюгве своим, сунул кинжалы в ножны. Снял волчью шкуру, чтобы надеть перевязь, привесил на нее за спину ножны с мечом и снова накинул белый мех. Я прикрыла рукоять меча его пышными волосами, молясь, чтобы никто не заметил воина-скальда с кассилианским оружием. Жослен подхватил седельные сумки и кивнул на дверь.

— Письмо Мелисанды! — вдруг ахнула я во внезапном озарении.

— Я думал, оно у тебя, — остановился Жослен.

— Так и есть. — Я вырвала сумки из его рук, опустила на пол, открыла ту, в которую

положила уличающее послание, лихорадочно порылась и нашла его. — Селиг же не знает, что мы в курсе его намерения предать д'Эгльмора, — мрачно пояснила я. — Если мы заберем письмо Мелисанды, это выдаст нашу осведомленность. Селиг изменит план, и наше преимущество будет потеряно. Жаль, но придется отказаться от возможности предъявить доказательство. — Я положила письмо обратно в стопку, где его нашла. Руки дрожали, я вытерла вспотевшие ладони об юбки и напоследок глубоко вдохнула. — Ладно. Идем.

Но легко уйти нам не удалось.

Мы были уже на полдороге к двери, когда Герда вышла из кухни и заметила нас.

— А сейчас куда ты собрался? — жалобно поинтересовалась она, направляясь к нам. — Трюгве, ты же обещал!

— Приказ Селига, — буркнул Жослен и потянул меня к двери.

— Слыхом не слышала ни о каком приказе! — Герда, уперев руки в бока, быстро приближалась.

Еще немного, и она поймет, что под капюшоном не Трюгве. Я стряхнула руку Жослена и встала между ними.

— А с чего бы тебе об этом слышать? — спросила я, вложив в голос все презрение, какое смогла. — Разве за тобой лорд Селиг посылает всякий раз, когда хочет получить удовольствие? Или за какой-то из твоих подружек? — Я обвела взглядом оторопевших от моей дерзости скальдиек. По крайней мере сейчас уже никто не смотрел на Жослена. — Нет, никто из вас не способен ему угодить, — высокомерно продолжила я. — И, как истинный король, он призывает ту, что умеет ублажать королей. Вот и сегодня, решив сделать привал, лорд Селиг послал за мной. А вам, если надеетесь и дальше пользоваться его расположением, лучше не забываться и не подвергать сомнению его приказы!

Я развернулась на пятках и зашагала к выходу. Жослен передернул плечами, обогнал меня и распахнул дверь. За спиной послышался недовольный гул, будто я разворошила палкой осиное гнездо. Если нас все же поймают, в этом селении никто и слова не скажет в мою защиту.

— Не так быстро, — запыхавшись, напомнил Жослен уже на улице.

Ноги сами несли меня все быстрее, но — спасибо за разумное предупреждение — я заставила себя замедлить шаг.

Конюшня Селига — на мой взгляд, недостойная такого названия — представляла собой длинный навес, защищающий разве что от ветра, сбоку от большого загона. Скальды не холят своих лошадей, а держат их в суровых условиях. В загоне несколько оставшихся скакунов жались друг к другу на морозе и среди них мой маленький пони. Увидев Белого Брата, к нам подбежал один из слуг.

— Припасы уже все здесь, — задыхаясь, отчитался он, — и вашу лошадь сейчас оседлают. Интересно, с чего бы это охотники вдруг решили заночевать в лесу в такую холодрыгу, а?

— Приказ Селига, — коротко отрезал Жослен.

— Лорд Селиг изволил также послать и за мной, — повелительно добавила я. — Поскорее приведите моего коня и оседлайте.

Слуга вопросительно посмотрел на Жослена и получил в ответ короткий кивок. Тогда отбежал и что-то крикнул двум мальчишкам, которые помчались в загон, чтобы вывести моего пони. Между тем слуга опять подошел к нам.

— А корм для лошадей? — Я коснулась руки лже-тенна. — Сколько лорд Селиг велел

привезти мешков корма? Дюжину?

Жослен послал мне сердитый взгляд и кивнул:

— Да, дюжину.

— Сейчас сделаем. — Слуга снова умчался.

Глазам не верилось, когда люди Селига, сами того не ведая, помогали нам с побегом: оседлали лошадей, нагрузили их припасами и вывели из загона. Жослен приторочил к своему седлу еще и сумки Селига. Запрыгнул на коня и нетерпеливо щелкнул пальцами — скальдский жест, но я уловила стальной отблеск наруча под шерстяным рукавом и задержала дыхание. К счастью, больше никто этого не заметил. Я забралась на пони и взяла повод. Руки дрожали. «На таком морозе пальцы заледенеют и отвалятся», — думала я, ожидая, что Жослен тронется, пока не вспомнила, что он не в курсе, в какую сторону поехали охотники. Страшно представить, сколько мелочей способны были выдать нас с потрохами! Я ударила пятками пони и, приблизившись вплотную, прошептала соучастнику на ангельском:

— Езжай к северу от озера, а потом навверх, в горы.

Этого хватило. Он коротко кивнул слуге и по-скальдски нетерпеливо взревел:

— Пошел!

Пришпорил своего коня и поскакал к озеру, а я старалась не отставать.

Пришлось проехать мимо гостевых палаток, в которых еще оставались люди: на охоту пригласили только избранных. К счастью, Харальд входил в их число. Во всем селении только он, возможно, достаточно пригляделся к Жослену, чтобы узнать его по посадке на лошади, по мерцанию стали на запястьях, паре кинжалов и по торчащей за плечами рукояти меча.

Но Харальд уехал с Селигом, и больше никто не определил бы на расстоянии, что Белый Брат рядом со мной вовсе не скальд. Горстка теннов издали выкрикнули приветствия и пару дружелюбных непристойностей. Жослен рассмеялся в ответ и продемонстрировал от кого-то перенятый неприличный жест. Люди Гюнтера частенько изображали такой за моей спиной и громко гоготали, когда я ловила их на горячем.

День выдался столь морозным, что легкие горели, а окоченевшее лицо ощущалось маской. Я с ужасом думала о ночи, когда станет еще холоднее. «Эх, надо было и палатку прихватить», — запоздало пожалела я. Скальды не брали их с собой на охоту или в ночные набеги, но Селиг вполне мог затребовать, послав за мной. «Если мы замерзнем до смерти, то по моей вине», — мучилась я мрачными предчувствиями.

Мы добрались до северного берега озера и двинулись по следу десятков всадников и собак, ведущему из долины. Подъем был крутой, но нашим лошадям повезло идти по уже утопанному снегу. Мы взбирались в гору, внимательно прислушиваясь, чтобы издали различить шум охоты. Но слышали только звуки леса: птичье чириканье и тихий треск засыпанных снегом ветвей. На вершине я обернулась, чтобы посмотреть на селение сверху — оно осталось далеко внизу, а озеро походило на голубую чашу.

Жослен подышал на пальцы и спросил:

— Куда дальше?

Я огляделась, думая.

— Давай еще немного проедем по следу охотников, пока хутор совсем не скроется из виду. А потом свернем на запад. — Я поплотнее укуталась в шкуру, ежась от озноба. — Жослен, дальше у меня четкого плана нет. Благодаря картам Селига я выяснила, где мы

сейчас и где Земля Ангелов, но не представляю, как нам отсюда добраться домой живыми. В любом случае надо двигаться поскорее, пока наш побег не обнаружили. И я забыла о палатке.

— Ты молодец, что нашла способ сбежать и разведала, в какой стороне наш дом, а дальше уже я позабочусь, чтобы мы добрались туда целыми и невредимыми. — Жослен оглядел лес. Его голубые глаза под капюшоном Белого Брата одновременно казались и знакомыми и чужими. — Не забывай, — добавил он, — я ведь вырос в горах.

Я решила ему довериться и так же, как он, подула на леденеющие руки.

— Тогда вперед.

Еще немного проехав по проложенной охотниками тропе, мы круто свернули влево — на запад. После нескольких десятков шагов Жослен остановился и, всучив мне повод своего коня, пешком вернулся и еловой веткой замел наши следы.

— Ничего не видно, если нарочно не искать, — довольно выдохнул он, бросил ветку в кусты и вновь запрыгнул в седло. — А в сумерках они точно не заметят. Поехали, не будем давать им фору.

Увы, мы кое-что забыли, и вскоре эта забывчивость вылезла нам боком. Мы старались хранить тишину, нас выдавали лишь скрип седел и дыхание да фыркание лошадей. Но и эти негромкие звуки не прошли мимо ушей Белых Братьев, охранявших подступы к селению Селига.

В белых шкурах на снегу они были невидимками. Кнуд, возможно, их заприметил бы, но нас застигло врасплох, когда двое теннов с боевым кличем вдруг выскочили прямо перед нами, уже держа копьа наизготовку.

Они замерли, увидев на Жослене такое же облачение, что и у них.

— Рад встрече, брат, — осторожно поздоровался один, опуская копье. — Куда путь держишь?

Не думаю, чтобы у кассилианца имелся выбор. Он ведь не мог — даже оставаясь неразоблаченным — предложить стражам границ достаточно убедительное оправдание нашего присутствия, а потому они бы в любом случае не пропустили нас дальше. Жослен что-то пробормотал, выдернул из ножен меч и направил коня на скальдов.

Того, что с ним заговорил, он зарубил единственным точным ударом. Второй успел отшатнуться и поднять копьё к тому моменту, когда кассилианец к нему повернулся. Судя по мечущемуся взгляду, Белый Брат колебался, в кого целить: в лошадь или во всадника? Наконец он метнул копье в Жослена, прямо в сердце. Кассилианец пригнулся, и оружие просвистело над его спиной. Выпрямившись в седле, он устремился на тенна. Тот проворно выставил щит и сумел отбить несколько ударов, прежде чем навсегда утомился.

За всю свою жизнь я не видела ничего краснее, чем свежепролитая кровь на снегу.

Жослен с потрясенным лицом медленно подъехал ко мне. Его глаза, недавно блестящие, как у любопытного мальчишки, теперь показались мне глазами больного старика.

— Это нужно было сделать, — тихо сказала я.

Он кивнул и спешился, чтобы очистить и убрать в ножны меч. Избегая взглядом безжизненного лица, подошел к Белому Брату, которого убил первым. Руками в меховых рукавицах мертвец все еще сжимал так и не пригодившееся копье. Жослен аккуратно снял с него эти рукавицы и передал мне.

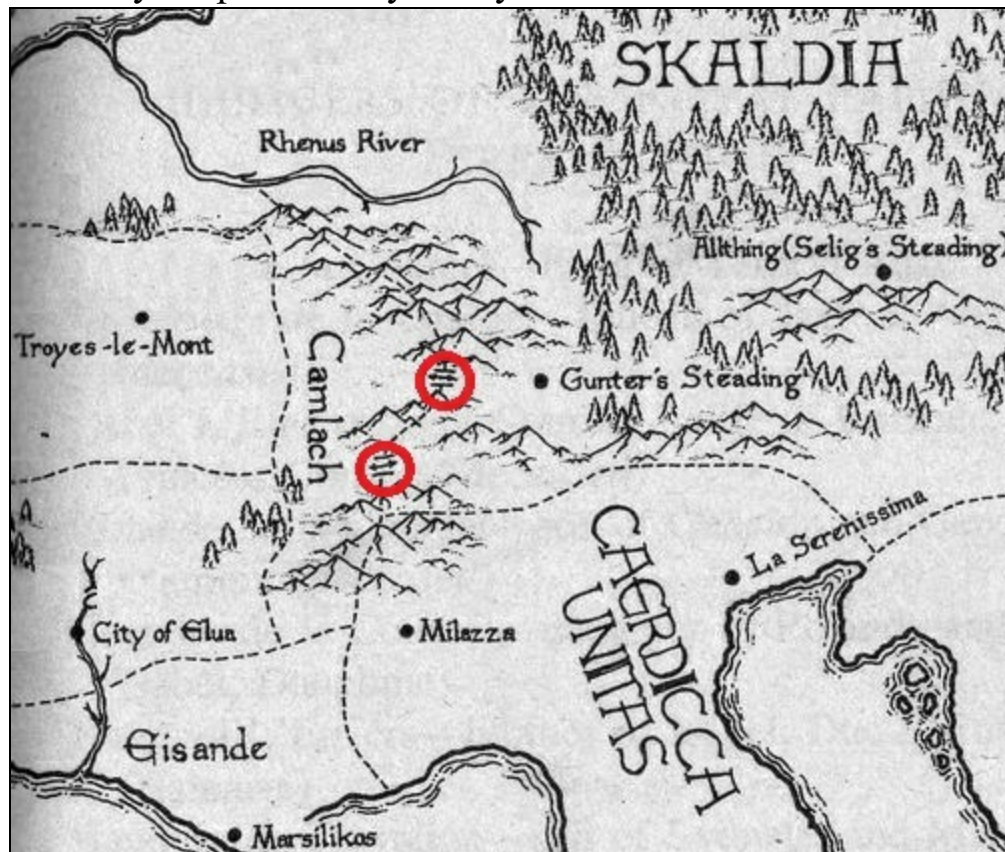
— Ничего не говори. Просто надень.

Я беспрекословно подчинилась. Руки в них утонули и с трудом держали повод, зато немного согрелись. Кассилианец вновь вскочил на коня, и мы двинулись дальше.

Больше нам никто не встретился, и чем дальше, тем пустынное выглядела местность. Продвижению препятствовал глубокий снег, местами мой пони проваливался в сугробы по грудь. Но, несмотря на малый рост, он казался выносливее скакуна Жослена. Однажды нам пришлось пересечь горный ручей, который так быстро несся меж узких берегов, что не замерзал. Мы позволили лошадям понемногу напиться, то и дело вынуждая их оторваться от воды — Жослен сказал, что если дать им враз наполнить животы ледяной водой, то потом случатся мучительные колики. Он вылил мед из двух мехов и наполнил их из ручья.

Мы останавливались только чтобы дать лошадям роздых, и очень ненадолго. Вместо обеда прямо в седлах сжевали по горсти сухого овса, запивая набранной водой. Время от времени Жослен спешился и сам протапывал тропу, ведя своего коня в поводу — чтобы отдохнул от ноши. Когда я посинела от холода, кассилианец и меня заставил спуститься на землю. Поначалу я разозлилась, но позже ощутила, что согрелась, пока шагала. Конечно, Жослен был прав, оберегая лошадей. Загони мы их, и нас наверняка бы поймали.

Я держала в голове карту маршрута до самого низкого перевала Камаэльского хребта. Но поскольку ориентироваться на местности я толком не умела, следовать умозрительной линии по бескрайнему снегу оказалось не так-то просто. Когда солнце начало клониться к горизонту и длинные черные тени деревьев из ближайшего леса хищно потянулись к нам сбоку, я поняла, что мы отклонились от правильного курса. Пришлось чуть повернуть лошадей к скатывающемуся оранжевому диску. На запад.

— Хватит, — вскоре прервал долгое молчание Жослен. Над деревьями оставалась узенькая полоска света. — Еще немного, и мы не сможем разглядеть, где устроить привал на ночь.

Он спрыгнул с коня и привязал поводья к ближайшей крепкой ветке. Я сделала то же самое, пытаясь не дрожать перед лицом надвигающейся темноты.

— Думаешь, здесь будет безопасно развести костер? — спросила я, стуча зубами.

— Небезопасно будет его не развести, если ты не хочешь во сне замерзнуть до смерти.

Жослен утрамбовал небольшую площадку в снегу и принялся собирать и сносить туда хворост. Я помогала как могла, тоже стаскивая дрова к будущему кострищу.

— Сначала надо обиходить лошадей, — сказал он, достал из седельной сумки огниво и присел, чтобы высечь искру. С трех попыток трут так и не воспламенился, и я поникла духом. Кассилианец же, не отчаиваясь, вытащил кинжал, аккуратно наскреб стружек с сухой ветки и снова ударил кремнем о кресало. На этот раз горка стружек занялась. Жослен бережно раздувал и подкармливал огонек хворостинками, пока не разгорелся небольшой костерок.

— А мне что делать? — Я чувствовала себя отчаянно бесполезной.

— Вот. — Он вручил мне котелок. — Налей сюда воды из меха и напои лошадей. Для себя мы потом натопим снега. Когда закончишь с лошадьми, начинай варить похлебку.

Обстоятельства определяют все и способны принудить к чему угодно. В доме Делоне я бы побрезговала брать в рот пищу, приготовленную в котелке, из которого пили лошади, а на том привале это меня совсем не заботило. Мой крепкий пони опустил голову в котелок и принялся жадно хлебать. Я время от времени отнимала посудину, чтобы он не застудился, выпив за раз слишком много холодной воды. В такие моменты пони поднимал голову и смотрел на меня из-под мохнатой челки темными влажными глазами. Капли на пушистой морде мигмом замерзали.

Пока я выполняла поручение, Жослен трудился с посрамившей меня неутомимостью: расседлал лошадей и обтер их шерстяной тряпкой, смастерил кожаные путы и стреножил нашу пару верховых, покормил их зерном, которое пахло, честно говоря, лучше похлебки, которую я варила для нас, построил из веток шалаш и набрал хвороста на ночь. А еще нарубил мечом елового лапника и устроил из него лежанку на снегу. Порывшись в одежде, которую я забрала у Селига, Жослен нашел шерстяную накидку, которую постелил сверху.

— Так мы не дадим снегу вытянуть тепло из наших тел, — пояснил он, сел на самодельную кровать и положил перед собою меч. — Нам... нам придется спать вместе, в обнимку, чтобы было теплее.

Услышав его запинку, я приподняла брови:

— После всего, что нам довелось пережить, это тебя смущает?

Жослен склонился над мечом и провел по лезвию каменным точильным бруском. Я не видела его лица, отблески пламени чернили пустые глазницы на волчьей морде, закрывавшей его лоб.

— Да, мысль о твоих обьятиях меня смущает, Федра, — тихо признался он. — Мне мало за что осталось держаться, если говорить о моих обетах.

— Прости. — Оставив кипящую похлебку, я подошла, села рядом с ним и обхватила руками в громадных рукавицах его руку. — Честно, Жослен, — вздохнула я, — прости, пожалуйста.

Мы посидели бок о бок, глядя на огонь, который весело пылал в бескрайней ночи, растапливая яму в снегу и разбрасывая танцующие блики по белому покрывалу зимы.

— Прошлой ночью я пыталась убить Селига, — поделилась я.

Жослен дернулся и всем телом повернулся ко мне.

— Зачем? За покушение скальды тебя бы растерзали.

— Знаю. — Я смотрела на пляшущие языки пламени. — Но если бы покушение удалось,

то главные проблемы разрешились бы наилучшим образом. Никакой другой вождь не смог бы возглавить всех скальдов, не смог бы занять место Селига. Только он способен удерживать вместе разрозненные, зачастую враждебные друг другу племена. А тебе не пришлось бы нарушать обет.

— И что случилось? — тихо спросил Жослен.

— Он проснулся, — пожалала я плечами. — Может, это правда, что он неуязвим. Старый жрец-целитель назвал меня копьем Кушиэля, и тем сподвиг на убийственные мысли. Но Селиг не вовремя проснулся. К счастью, он не разглядел моего намерения.

— Ах, Федра. — Жослен со свистом втянул воздух и прерывисто выдохнул, будто бы смеясь. — Игрушка развратных богачей. Ах, Элуа... теперь мне по-настоящему стыдно. Жаль, что я не успел поближе узнать Делоне, воспитавшего такую замечательную ученицу.

— И мне жаль. — Я сняла одну рукавицу и вытащила веточку, застрявшую в волосах Жослена, а затем принялась играть с выбившейся прядкой, наслаждаясь ее шелковистостью. — Но, если уж совсем начистоту, при нашей первой встрече ты показался мне...

— Иссохшим стариканом-кассилианцем, — закончил он, с улыбкой глядя на меня. — Помню-помню.

— Нет! — Я резко дернула его за волосы и улыбнулась. — Так я представляла тебя до нашей встречи. А увидев воочию, решила, что ты заносчивый, самодовольный, исполненный ханжества мальчишка-кассилианец.

На этот раз Жослен рассмеялся искренне и звонко.

— Ты не ошиблась. Таким я и был.

— Конечно же, ошиблась. Будь ты таким, каким я тебя считала, то сломался бы и умер от унижения еще на псарне Гюнтера. Но ты не сдавался, а продолжал сражаться и оставался верным себе. И только благодаря твоей защите я до сих пор жива.

— Нет, это ты сумела защитить и себя и меня, Федра, — покачал головой Жослен и поворошил угли кончиком меча. — Уж в этом отношении я не питаю иллюзий. Но клянусь, теперь я сделаю все, что потребуется, чтобы в целости и сохранности доставить тебя к Исандре де ла Курсель. Если же в итоге я буду проклят братьями за свои проступки, пусть предадут анафеме по полной, от души, а не походя, как за ерунду какую-нибудь.

— Понимаю, — пробормотала я, не в силах забыть глаза Жослена, когда он убил Белых Братьев. Мы немного посидели в тишине, пока я не сказала: — Пора поесть.

— Поесть и поспать. Нам потребуются силы. — Встав, он убрал меч в ножны и принес котелок с похлебкой. У нас имелась всего одна ложка, поэтому мы ели по очереди мое горячее, но невкусное варево. Когда котелок опустел, Жослен вычистил его и наполнил снегом, пока я сидела, замерзшая снаружи, согретая изнутри и сонная от усталости, завернувшись в меховую накидку.

Мы улеглись на постель из сосновых ветвей и укрылись всем, чем могли. Я тесно прижалась к Жослену и вскоре почувствовала, как тепло его тела проникает в меня.

— Спи, — прошептал он мне в волосы. — Сегодня они нас не найдут. Спи.

И я уснула.

Утром я проснулась одна, замерзшая до одеревенения.

В свое время дорога от селения Гюнтера на Слет показалась мне невероятно трудной, но с теперешней она не шла ни в какое сравнение. Не вполне это сознавая, в ту поездку я являлась частью племени, причем драгоценной и лелеемой частью. Тогда мне не приходилось ни обихаживать свою лошадь, ни готовить еду, ни заботиться об устройстве стоянки.

А после побега на меня навалилось множество путевых забот, потому что продвигаться следовало быстро, а Жослен, пусть и на все руки мастер, не мог в одиночку справляться со всеми делами. Он все же был непривычен к скальдийской глуши, где холод вгрызается в кости глубже, а снега выпадает куда больше, чем в родных ему горах Сьоваля.

В той поездке, опасаясь шуметь, мы изобрели и освоили свой собственный язык быстрых жестов, кивков и гримас. Я научилась многим доселе неведомым мне вещам, которые, как казалось совсем недавно, не могли пригодиться в моей жизни, например, как седлать пони или как прокладывать путь в густом лесу, где затаившиеся под снегом корни грозили обезножить и лошадей, и людей. Научилась наматывать на голову шерстяную шаль наподобие бурнуса, сберегая драгоценное тепло и защищая лицо от пронизывающего ветра. Научилась скалывать наморозь с поклажи и без остановки ехать сквозь метель. Научилась чистить копыта от льдинок, до крови вонзавшихся в уязвимую стрелку на конской подошве. Научилась носить на поясе и использовать в простой работе кинжал Трюгве, захваченный Жосленом.

Новыми навыками пришлось овладевать ускоренно, поскольку мы спешили на пределе своих возможностей, почти загоняя и себя, и лошадей. Кожа от холода теряла чувствительность, и приходилось внимательно искать на себе белые пятна обморожения. На вторую ночь вокруг места, облюбованного нами для ночлега, кружила стая волков — совсем рядом между деревьями мелькали пушистые хвосты. Жослен спешно развел костер, а потом оббежал поляну с горящим факелом. Волки углубились в лес, но потом вернулись и ночью сверкали на нас глазами, отражавшими пламя.

Ни на второй, ни на третий день мы не увидели ни одного человека. Происшествие, едва не обернувшееся трагедией, украло у нас драгоценный час. Мы остановились и спешили на заснеженном горном хребте, чтобы определиться, где находимся. Прищурившись от сплошной белизны, я указала на север, где в голубое небо за раздвоенной вершиной горы поднималась тоненькая струйка дыма.

— Селение Раскогра, — произнесла я приглушенно сквозь несколько слоев шерстяной ткани. — Из племени суэвов. Нужно взять чуть южнее и следовать по хребту.

Жослен кивнул и сделал шаг вперед.

Снежный козырек под его ногами вдруг обрушился. С криком кассилианец упал и кубарем покатился по склону вместе со снежной лавиной. Я в ужасе отшатнулась назад на твердую почву и вцепилась в торчащую из снега скалу. Возле мысков моих ног зияла пустота. Верный пони сбоку тряхнул головой и встревоженно фыркнул, а конь Жослена отбежал на несколько метров и там остановился, закатывая глаза.

Дрожа, я глянула в пропасть.

Далеко внизу Жослен, очевидно живой, выбирался из снега. Он постибал руки и ноги,

быстро охлопал себя, наверное, в поисках ран, нащупал оружие. Кинжалы были на месте, но меч выпал из ножен. Я увидела клинок лежащим плашмя на снегу на полпути к вершине.

Заметив меня, кассилианец махнул рукой, давая знать, что не пострадал. В ответ я указала ему на меч. Даже издали я разглядела его недовольную гримасу.

Жослен взбирался обратно на гору почти час, поскольку снежный покров трижды не выдерживал веса его тела и сползал к подножию. Большую часть этого времени я провела, гоняясь за его норовистым конем, который испуганно выдыхал облачка пара и отскакивал при моем приближении. Наконец я вспомнила, как приманивали лошадей дети в Перринвольде, и соблазнила трусишку горстью овса. Завладев поводом, я вдруг разом ощутила, что невыносимо устала и замерзла, в отчаянии прижалась лбом к теплой лошадиной шее и разрыдалась; слезы текли сами собой и замерзали на щеках. Конь же, дожевывая угощение, извернулся и ткнулся мордой мне в волосы, словно и не он послужил причиной моего расстройства.

Наконец вскарабкавшись на вершину, Жослен изнеможенно повалился на спину и устался в небо. Я молча протянула ему мех с водой.

— Надо идти, — прохрипел он, наверное, застудив грудь от запредельных усилий на морозе, и с трудом встал.

Я кивнула.

— По крайней мере лошади отдохнули.

Жалкая пародия на остроумие, но приходилось черпать поддержку во всем подряд.

И мы продолжили путь.

Той ночью никто из нас и слова не обронил о потерянном времени, но оба держали ухо остро, подскакивая при малейшем звуке: сходе снега, треске ветвей, когда замерзший сок разрывал в них деревянные жилы.

Жослен, уставившись в костер, ворошил угли хворостиной — обычный признак его глубоких раздумий.

— Федра. — Его голос меня напугал и показал, насколько я близка к срыву. Беспощадные потемневшие глаза поймали мой взгляд. — Если... когда они нас настигнут, я хочу, чтобы ты кое-что сделала. Что бы я тогда ни говорил, что бы ни учинял, не обращай внимания, а сделай так, как я скажу сейчас. Вот, посмотри на это.

Встав, он подошел к нашей поклаже и вернулся с щитом Трюгве. Это был простой круглый деревянный щит, обтянутый шкурой, с железным диском в центре и ремнями, за которые его следовало крепить на руке. Я еще гадала, почему Жослен его не выбросил, раз привык сражаться без щита.

Под ночным небом Скальдии кассилианец затянул крепёжные ремни у меня на предплечье и долго показывал, как правильно обращаться со щитом, прикрывая тело от ударов с разных сторон.

— Если тебе выпадет шанс, — тихо заключил он, — хоть малейший шанс сбежать, не упускай его. Ты уже достаточно знаешь, чтобы выжить в одиночку, пока есть припасы. Но если сбежать не удастся... обязательно воспользуйся щитом. А я со своей стороны сделаю все, что смогу.

— Служить и защищать, — прошептала я, глядя на его темный силуэт под звездным небом, подсвеченный сполохами костра. И мое сердце пронзила доселе невиданная боль. — Ах, Жослен...

— Иди спать, — пробормотал он, отворачиваясь, — я подежурю первым.

На четвертый день повалил снег.

Погода играла с нами, как кошка с мышью: то остервенело хлестала порывами ветра с жалящей белой крупой, то вдруг отступала, давая нам передышку и возможность устремиться вперед. Тогда мы понукали коней, пригибаясь к их шеям, или спешили и брели по пояс в снегу до следующей метели, запускавшей в нас ледяные когти.

От убийственного холода я вся онемела и словно спала наяву, сидя в седле или топая по следам Жослена. Только его ругань и увещания побуждали меня двигаться дальше. Не знаю, долго ли мы так шли. Время шаг за шагом сошло на нет в белой пелене с редкими просветами, когда снег переставал и можно было разглядеть местность.

Студеный ветер проносился по скалам и деревьям с резким свистом — то пронзительным, то вдруг стихавшим. Я так привыкла к этому шуму, что не сразу заметила изменение: больше он не взывал и успокаивался, но только нарастал, нарастал и нарастал.

— Жослен!

Ветер сорвал слово с моих губ, но Жослен меня услышал и развернулся — странная заиндевшая фигура в волчьей шкуре. Рукой в рукавице я указала назад.

— Они идут.

Он настороженно вскинул голову, озираясь вокруг. В снежной круговерти ничего было не разглядеть.

— Сколько их?

— Не могу сказать. — Я замерла, отчаянно напрягая слух, чтобы различить на ветру далекие крики. — Шесть. Может, восемь.

Его лицо помрачнело.

— Поспешим!

И мы погнались вслепую, будто в кошмарном сне. Я сгорбилась в седле и прижалась к шее своего пони. Морозный воздух кинжалами вонзался в грудь при каждом вздохе, пока пони силился угнаться за Жосленом, тараня снег. Теперь я слышала ее отчетливее — кровавую боевую песнь скальдов, которая неслась на крыльях ветра и по-вороньи вскаркивала в уши, подгоняя нас вперед и вперед, внушая безумный ужас.

Наши силы давно были на исходе, и оторваться от погони нам не удалось. Я услышала вой скальдийских псов, вскоре свора нас окружила. Мы выехали на поляну рядом с выступом скалы. Конь Жослена едва волочил ноги, а бока верного пони тяжело вздымались под моими коленями.

Кассилианец остановил скакуна, и в его обветренном лице я увидела бесконечное спокойствие.

— Вот здесь, Федра, — четко произнес он. О, это невозможно забыть! Жослен кивнул на выступ, спешил и протянул мне щит Трюгве. — Держи и защищайся, как только сможешь.

Я послушно слезла с уставшего пони и надела на руку щит, вжавшись спиной в скалу. Наши лошади стояли без движения, опутив головы и дрожа, пока пена на их боках превращалась в ледяную корку. Прикрываясь щитом, я, не сходя с места, смотрела, как Жослен, вынув из ножен меч, шагает к середине поляны навстречу скальдам: одинокая фигура, тонущая в снежном буране.

Я почти угадала: их оказалось семеро. Наверняка добровольцы, лучшие люди Селига, самые быстрые наездники, самые опытные ищейки. Удивительно, что на погоню за нами у них ушло целых четыре дня. Вой внезапно прекратился, и скальды в тишине выехали из

снежной пелены, темные и зловещие. Семеро. Они выстроились перед Жосленом полукругом. Он стоял против них один, держа рукоять меча у плеча и лезвием наискось закрывая тело — кассилианская защитная позиция.

А затем он бросил меч под ноги и поднял руки вверх.

— Во имя Селига, — выкрикнул он на сносном скальдийском, — я сдаюсь!

Варвары загоготали, и тут налетел порыв ветра, швырнувший мне в лицо горсть снега. Я невольно зажмурилась. Когда шквал утих, я открыла глаза и увидела, как четверо воинов спешили и подошли к Жослену: трое с обнаженными мечами, а один — с боевым топором наготове. Двое всадников держались чуть поодаль. Третий направился в мою сторону.

Жослен, по-прежнему не опуская рук, неподвижно ждал, пока ближайший скальд не коснулся его груди кончиком меча. И только тут мой защитник пришел в движение и отмахнулся от скальдийского клинка наручем на предплечье. Внезапно оба кинжала сверкнули у него в руках, и он затанцевал, столь же непредсказуемый, как ветер.

Никто никогда не напишет поэму, достойную той завораживающей битвы, поэму о кассилианской пляске смерти в заснеженной глуши Скальдии. Темные силуэты сновали как демоны на белой поляне, только звон клинков сопровождал их смертельные па.

А всадник, поехавший в мою сторону, все приближался и приближался, пока я всем телом не вжалась в скалу, выставив перед собой щит.

Им оказался Харальд Безбородый из селения Гюнтера.

Я зачарованно уставилась на него; за два удара сердца он соскочил с коня, подбежал ко мне, обхватил одной рукой и приставил кинжал к моему горлу.

— Ангелиец! — громко завопил Харальд, сияясь перекричать шум битвы. — Прекращай! Девчонка у меня! — Я брыкалась как бешеная, и он стиснул меня сильнее, тихо пробормотав: — Не бойся, я ничего тебе не сделаю. Селигу ты нужна живой.

Одна из фигур на поляне замерла — должно быть, Жослен. Он уже снова завладел мечом: я узнала его по манере взмаха. Двое скальдов лежали без движения, но пока я смотрела, один из всадников прищпорил коня, замахиваясь боевым топором.

— Жослен! — отчаянно выкрикнула я. — Не слушай его!

Харальд ругнулся и зажал мне рот рукой. Я наступила ему на ногу и едва не вырвалась, но он быстро меня перехватил и притиснул кинжал, дав почувствовать острие. Краем глаза я увидела, что Жослен упал, перекатился, но продолжил сражаться, а скальдийский всадник медленно оседал в седле, заваливаясь набок.

— Я поменялся с одним из теннов Селига, чтобы поехать за тобой, и дорого за это заплатил, — прошипел Харальд. — Не вынуждай меня причинять тебе боль, ангелийка! Я хочу обелить достоинство нашего селения, вернув тебя!

Он с силой прижал меня за плечи к своему боку, щит неловко повис между нашими телами. Я украдкой сбросила рукавицу и, пошарив на поясе, нащупала рукоятку кинжала Трюгве. Сомкнув на ней пальцы, вытащила оружие из ножен.

Жослен снова был на ногах и вертелся на белой поляне, быстрый и ловкий. Помимо всего прочего, за время нашего плена он здорово научился двигаться на скользком снегу. Ему противостояли два пеших скальда и всадник. Уверена, никого из них никогда не заставляли со связанными руками много миль бежать по заснеженной пустыне на веревке за лошадью Гюнтера Арнлаугсона. Меч кассилианца просвистел сквозь падающий снег, и еще один пеший скальд упал.

— Отпусти меня, Харальд, — тихо попросила я, выгибаясь, чтобы взглянуть ему в лицо.

Совсем молодой, золотистая щетина только проклюнувшейся бороды едва начала отрастать. Несмотря на холод, моя рука, сжимавшая кинжал, была скользкой от пота. — Я свободная ангелийка.

— Не пытайся меня околдовать! — Он упрямо отводил взгляд, отказываясь посмотреть мне в глаза. — Я не поддамся твоим чарам, ангелийка. Ты принадлежишь Вальдемару Селигу!

— Харальд. — Моя рука дрожала, держа кинжал близко-близко к его животу, скрытая щитом между нами. Тесно прижатая к скальду, я чувствовала его тепло. Когда-то он подарил мне накидку из шкуры, которая и сейчас была на мне, он первым начал слагать обо мне песни. Слезы застили глаза. — Отпусти меня, Харальд, или, клянусь, я тебя убью.

Сосредоточенный на битве, он выкрикнул предупреждение последнему всаднику, едва избежавшему меча Жослена — тот пытался перерубить сухожилия коня. Мой защитник изнемогал, отчаянно цепляясь за надежду.

Как и я.

— Прости, — прошептала я, и изо всех сил вонзила кинжал в Харальда.

Думаю, сначала он даже не понял, что произошло: глаза его вытаращились, хватка ослабла. Он опустил взгляд и увидел кинжал, который до тех пор скрывал щит. Всклипнув, я дернула рукоятку вверх, к его сердцу, и отпустила. Харальд попятился, глядя на меня недоумённо, словно обманутый мальчишка. Казалось, его глаза спрашивали: «Что ты наделала?»

Я не ответила, и он тяжело осел на снег, где остался лежать без движения.

Оставшийся в живых всадник увидел это и издал вопль. Отвернувшись от Жослена, он пришпорил лошадь — зловещая стремительная фигура в молочной пелене. Бежать было некуда, я молча ждала своей участи. Вдалеке Жослен убил последнего противника и помчался к ближайшему коню.

В снах действие иногда замедляется. Вот и в этом нескончаемом снежном кошмаре время, казалось, приостановилось. На меня надвигалось искаженное яростью лицо скальда, выкрикивающего проклятья, которые я не могла разобрать на ветру. Харальд сказал, что я нужна Селигу живой, но, думаю, он бы не слишком огорчился, получив меня и мертвой. Примерно за двадцать шагов от меня скальд поднял руку с копьем, а с пятнадцати его метнул.

Я зажмурилась, выставив перед собой щит Трюгве.

Удар едва не оторвал мне руку и сбил меня с ног. Открыв глаза, я увидела, что всадник возвышается прямо надо мной. Щит, все еще болтавшийся на моем предплечье, раскололся от удара и больше не мог защитить. Смертоносный наконечник копья прошил его насквозь.

Будь у скальда второе копьё, я бы умерла в тот день. Это точно. Но он уже метнул все свои копья, и поэтому соскочил с коня и вынул из ножен меч.

— Нет! — воскликнул Жослен, и скальд развернулся против сидящего теперь в седле кассилианца.

Я пыталась освободиться от бесполезного щита, отползая по снегу. С хмурым лицом Жослен подстегнул скакуна, направляя его прямо на нас.

Слишком быстро, слишком резко. Лошадь споткнулась, потеряла равновесие и, опустив голову, рухнула на снег. С мечом в руке Жослен вылетел из седла и ударился оземь в нескольких метрах от хрипящей коняги.

Скальд взглянул на меня и ухмыльнулся жестокой улыбкой воина, которому нечего

терять.

— Ты первая, — выдохнул он и двумя руками поднял меч, готовясь меня пронзить.

— Элуа, — прошептала я, готовясь к неминуемой смерти.

Но меч так и не опустился.

Он выскользнул из пальцев скальда и упал в снег. Тот опустил глаза на свою грудь, из которой торчало окровавленное острие клинка Жослена. Думаю, все смертельные раны, полученные в бою, оказываются неожиданными. Скальд медленно повернулся, поднося руки к убийственному жалу. Я увидела рукоять и лезвие, вонзившееся между его лопаток. Жослен все еще лежал, опираясь на одну руку, — он метнул меч, не в силах встать. Воин неверяще посмотрел на него, тяжело опускаясь на колени. Сжимая острие пронзившего его меча, наш последний преследователь испустил последний вздох.

Воцарилась тишина, прерываемая лишь воем метели. Жослен, кряхтя, поднялся на ноги и, шатаясь, подошел ко мне. Вблизи я увидела, что ему рассекли щеку, но рана уже замерзла, как и кровь в волосах. Он перевернул скальда на живот и высвободил свой клинок, упершись ногой в мертвое тело, чтобы сподручнее было тащить. Я устало выпрямилась, опираясь о скалу, и мы обнялись, поддерживая друг друга.

— Знаешь, насколько мизерный был шанс метнуть меч точно в цель? — пробормотал Жослен, нетвердо держась на ногах. — Нас такому не учат. Так не делается.

— Нет. — Я сглотнула и кивнула на Харальда, недвижимо лежащего у скалы и уже припорошенного снегом: — Знаешь, ведь это он дал мне накидку из шкур. И не потребовал ее вернуть.

— Да, знаю. — Жослен отпустил меня и попытался, зажимая бок, удержаться на ногах сам, без поддержки. — Надо уходить. Возьми... возьми все, что может нам пригодиться. Воду, еду, корм для лошадей... и одеяла лишними не будут. Нужен один конь под припасы, выбери самых свежих. Хорошо бы убраться отсюда подальше, прежде чем встать на ночлег.

Собирать трофеи с мертвецов — довольно мрачное занятие. По слухам, скальдйики при этом поют. Я попыталась представить, как добросердечная Хедвиг с песней раздевает убитого, и не смогла, а вот женщины из селения Селига, обдававшие меня злобой и ненавистью, легко вписались в отвратительную картину. Нет, мы с Жосленом, мародерствуя, не пели и даже не разговаривали, а просто делали то, что требовалось, онемев от ужаса.

Упавшая лошадь сломала ногу, и следовало прекратить ее мучения. Жослен кинжалом рассек крупную вену на ее шее. Я отвела глаза. Мы взяли двух коней посвежее, а остальных отпустили, надеясь, что они найдут дорогу домой быстрее, чем их учуют волки. Но верного пони я решила взять с собой, не в силах оставить его на растерзание серым хищникам. К тому же, по правде говоря, он был вынослив и быстро восстанавливал силы. Позже я узнала, что эту породу вывели специально для морозной Скальдии, потому что благородные каэрданские и арагонские скакуны, как нельзя лучше подходящие для битвы, плохо переносят холод.

Итак, мы продолжили свой нелегкий путь.

Изначально я планировала, достигнув реки Данрау, двигаться вдоль берега, пока не дойдем до Камаэльского хребта. Жослену же пришло в голову какое-то время следовать по руслу, чтобы вода смыла наши следы, а потом свернуть на юг, оставив возможных преследователей с носом.

Можно было только гадать, гонится ли за нами кто-то еще, много ли преследователей и далеко ли они от нас, но я подозревала, что Селиг отправил не одну поисковую партию.

Мы последовали плану Жослена. Лошади, осторожно переступая по каменистому дну, довольно долго шли по холодной быстрой реке, пока не вскарабкались на берег. Кассилианец сделал то же, что и четыре дня назад: вернулся и замел наши следы, ведущие к воде. Не знаю, как его на это хватило. К тому времени холод и усталость пробрали меня до самых костей, и я едва соображала. Когда мой спутник вернулся, я глянула в его запавшие глаза и поняла, что ему еще хуже, чем мне. Странная это штука — человеческая выносливость. Выбравшись из реки, я готова была заявить, что с меня хватит, но увидев изнуренность Жослена, нашла в себе скрытые силы, чтобы двигаться дальше и даже пешком прокладывать путь по снежной целине в сгущавшихся сумерках. Снова поднялся ветер, а в поле зрения не попадалось ничего похожего на укрытие, только голые скалы да редкие деревца. К тому времени я уже научилась высматривать место для стоянки. Но подходящей площадки не наблюдалось, поэтому я продолжала шагать и шагать вперед и вперед.

Мысли мешались в голове, пока я тащила по бесконечной зиме, ведя в поводу свою лошадь. Жослен бессильно обмяк в седле, а тяжело нагруженный пони замыкал наш караван. Переставляя ноги, я перебирала тысячу воспоминаний о доме, о приемах, которые посещала, о моих дорогих гостях, о Делоне и об Алкуине. Возвращалась мыслью в мастерскую туарье, на целебные источники святилища Наамах, в библиотеку Делоне, которую когда-то считала самым безопасным местом на свете. Думала о Гиацинте и «Петушке», и о той жертве, что мы с тсыганом принесли в храме Благословенного Элуа.

В какой-то момент я начала молиться, не произнося слов, явственно вспоминая величественный храм Элуа, алые анемоны в моих руках, теплую влажную землю под босыми ногами, мрамор, остудивший мои губы, и добрый голос жреца. «Люби по воле своей, —

сказал тогда он, — и Элуа направит тебя на путь истинный, неважно, сколь долгод он будет». Я слепо цеплялась за эти слова на своем нескончаемом пути. И вдруг, упершись в препятствие, остановилась и увидела перед собой каменную стену.

«Вот и конец, — подумала я, ощупывая кручу. — Дальше не пройти». Я бестолково водила руками, не смея оглянуться на Жослена.

Левая рука внезапно провалилась вперед, не встретив сопротивления. В скале открывался темный провал. Углубившись во мрак, я слепо обшаривала пространство, надеясь, что моя лошадь слишком устала и никуда не ускачет.

Пещера.

Я зашла внутрь довольно далеко, вынюхивая следы присутствия волка или медведя. Завывания ветра утихли в каменных сводах, и с непривычки тишина ощущалась странной. Казалось, в этом просторном убежище никто не обитал. Я выскочила наружу и по снегу заковыляла к Жослену. Он устало посмотрел на меня из-под заиндевелых ресниц.

— Там пещера! — крикнула я, приложив ладони рупором ко рту, чтобы быть услышанной на ветру, и указала в сторону прохода. — Без факела ничего не видно!

Осторожно, будто каждое движение причиняло ему боль, Жослен спешил, и мы завели лошадей под каменный козырек. В сумеречном свете достали огниво и одну из захваченных у поверженных скальдов палок с вымоченными в смоле тряпками на конце. Я высекла искру, и факел вспыхнул.

Держа его над головой, я устремилась в пещеру.

Она простиралась глубже, чем я ожидала, и от входа значительно расширялась. Я покрутилась на месте, освещая факелом стены. Никого живого здесь действительно не было, но посередине обнаружили остатки кострища. Глянув вверх, я увидела высоко над головой маленькую трещину в каменном потолке, через которую, наверное, уходил дым.

Годится. Даже лучше, чем годится.

Я воткнула факел в расщелину и отправилась за Жосленом. На сей раз именно я сделала львиную долю работы: поухаживала за лошадьми, которые довольно вздыхали, избавившись от укусов метели, набрала хвороста и развела костер поверх старого пепла. Даже нашла упавшее деревце и, наполовину втащив его в пещеру и накрыв одеялом, соорудила подобие навеса для пони. Сухие ветки горели, не чадя. Наше пристанище мало-помалу прогрелось, и можно было насладиться и светом, и теплом.

На сей раз пришлось обойтись без постели из еловых ветвей, но меня это не огорчило, поскольку каменный пол возле костра был гораздо теплее снега. Жослен расстелил там шкуры и одеяла, которых благодаря запасливому скальдам теперь имелось в избытке. Мы сели рядом и поужинали похлебкой из вяленой оленины, тоже захваченной в том бою и в немалом количестве — хвала кладовым Селига.

Закончив ужинать, я вычистила котелок и набрала в него снега, чтобы растопить и согреть на огне, подбросила дров в костер. Взяла мех меда, который Жослен не опустошил, и туесок с бальзамом, найденный у одного из скальдов. Аккуратно промыла горячей водой порез на щеке Жослена и рану на его голове, а затем вытерла тряпицей, смоченной в меду.

— А я все удивлялась, зачем ты сохранил этот мед, — улыбнулась я, когда он скорчил гримасу. — Предусмотрительно.

— Не за этим. — Кассилианец снова сморщился, когда я промокнула порез у него на щеке. — Подумал, что тебе может пригодиться. Скальды пьют его, чтобы не замерзнуть.

— Правда? — Я отпила глоток. На вкус напиток и вправду походил на забродивший мед

и приятно обжег мое горло. По телу разлилось тепло, и мне стало почти что жарко. — Неплохо. — Я села на пятки и устала на Жослена. — Итак, насколько тяжелы раны, которые ты скрываешь?

Он криво ухмыльнулся в свете костра.

— Так очевидно?

— Конечно. Не будь идиотом. — Уже ласковее я попросила: — Дай взглянуть.

Он молча задрал куртку, и у меня перехватило дыхание. Торс пестрел синяками и ссадинами, шерстяная туника под меховой накидкой задубела от темной крови, которая все еще сочилась из раны на левом боку в ладони от бедра.

— Жослен, — я закусила губу, — надо зашивать.

— Дай-ка мне мех. — Он запрокинул голову и сделал большой глоток. — Я взял швейный набор у одного из ребят Селига. Там, в сумке.

Я не хирург и не швея, и пока я ковырялась, Жослен прикончил почти весь мед. Черные стежки вразбой протянулись через бок, но рану я зашила.

— Вот, держи, — он протянул мне мех, когда я вытянулась рядом, вконец измочаленная. — Ты отлично справилась, с честью перенесла все тяготы пути. Федра...

— Тс-с. — Приподнявшись на локте, я прижала пальцы к его губам. — Жослен, не надо. Не хочу об этом говорить.

Замолчав под моим прикосновением, он моргнул. Тогда я убрала руку и приникла к его рту своими губами.

Не знаю, зачем я это затеяла. В тот момент я ни о чем таком не думала, вообще ни о чем не думала. Мои распущенные волосы завесой скрыли наши лица. Жослен послушно приоткрыл рот под моим нажимом, и наши языки соприкоснулись, пока только кончиками, ласково и робко. Его руки заскользили по моим бокам, и я поцеловала его крепче.

Огонь горел без присмотра, лошади вздыхали и чихали возле входа в пещеру, и их сонное фырканье и редкий перестук копыт были единственными звуками, сопровождавшими нашу любовь. Следовало ожидать, что Жослен будет действовать неуверенно — как кассилианец и девственник, — но он усваивал каждый мой жест с горячим интересом, подхватывая мои дары с трепетным воодушевлением. Он погладил меня по спине, и я заплакала — такая безраздельная любовь таилась в его прикосновении — и в поцелуе распробовала соленый вкус собственных слез. Прежде мне не доводилось выбирать самой. Когда Жослен вошел в меня, я вздрогнула от восторга, и он заботливо отстранился, но я вновь с силой притянула его к себе и полностью растворилась в своем избраннике.

Только в конце я слегка отодвинулась, чтобы посмотреть в его лицо над собой, такое ангельское и любимое. Лицо моего избранника. Он вскрикнул, изливаясь, — удивленно и восторженно.

Потом поднялся, отошел и уткнулся лбом в стену.

Лежа на шкурах у огня, я следила за ним взглядом, и мое сердце пронизывала странная боль. Жослен, мой кассилианец, мой защитник, прекрасный атлет, чье совершенное тело тяжело изранено на службе мне. Последние события не укладывались у меня в голове, особенно то, что мы вместе блаженствуем здесь, в уютной пещере, живые и обнаженные, а не замерзаем на ледяном ветру, истекая кровью.

— Давай считать, что все это нам снится, — вслух сказала я. — Жослен, представь, что мы просто спим, а завтра проснемся.

Он повернулся ко мне, нахмуренный и мрачный.

— Федра... Я служитель Кассиэля. Я не могу цепляться за свои обеты, пусть даже по крайности нарушил их все, и одновременно поступать вопреки им. Без силы, без поддержки обетов, которые мне прививали с детства, я не выдержу и просто сломаюсь. Понимаешь? Без них от меня ничего не останется!

— Да. — Глаза защипало от слез, но я сдержалась. — Думаешь, я смогла бы продержаться в этом аду, не будь я служительницей Наамах и избранницей Кушиэля? Я тебя понимаю.

Жослен кивнул и сел рядом со мной на импровизированной постели.

— У тебя опять кровь идет. — Я пошарила в сумке в поисках чистой тряпицы, сложила ее в несколько слоев и прижала к ране на боку Жослена, стараясь не смотреть ему в глаза. Теперь прикосновения к его горячей коже воспринимались по-новому.

— Я думал... — начал Жослен, но запнулся и откашлялся. — Значит, не только боль доставляет тебе удовольствие. Не знал.

— Нет. — Я подняла на него взгляд и невольно улыбнулась, умилившись его виду: серьезный и неуверенный, нагой и избитый, с пшеничными волосами, заплетенными в скальдийские косички. — Ты так думал? Я нахожу отраду и в искусстве Наамах, а не только под бичом Кушиэля.

Кассилианец протянул руку, коснулся камня Мелисанды, все еще висевшего на моей шее, и тихо предположил:

— Но зов Кушиэля для тебя громче всего.

— Да, — прошептала я, не в силах солгать. Сжав бриллиант в кулаке, я дернула его вниз, и шнурок развязался. — О, Элуа! Будь это мне под силу, я бы, не задумываясь, вырвалась из-под его власти! — с отвращением выдохнула я и отшвырнула подарок Мелисанды. Он тихо стукнул о каменную стену.

Жослен прищурился во мрак, нерассеянный костром.

— Федра, — увещевающе произнес он, — у нас же больше нет ничего ценного.

— И это тоже никакая не ценность, — упрямо возразила я. — Я лучше умру от голода, чем воспользуюсь подачкой предательницы.

— Правда? — Он сурово посмотрел на меня. — Разве не ты заставила меня поступиться гордостью, лишь бы остаться в живых?

Я немного помолчала, обдумывая его слова.

— Ладно, — пришлось согласиться. — Давай сюда этот проклятый камень, я его сохраню. Буду носить и помнить. Если нам придется покупать себе жизнь, мы им расплатимся. — Мой голос стал громче, зазвенев под сводами пещеры. — А если не придется, приберегу до того дня, когда представится возможность швырнуть его под ноги Мелисанде Шахризай. И тогда она получит ответ на свой вопрос, тогда она убедится, что стрела Кушиэля сильнее его крови!

Жослен молча принес бриллиантовую слезинку и завязал шнурок на моей шее. «Лучше уж он, — думала я, поднимая волосы, чтобы ему было удобнее, — чем все остальные, кто уже накидывал на меня эту петлю».

Закончив, он ласково погладил меня по спине.

— Жаль, что тебе не удалось завершить туар, — прошептал Жослен. — Знаешь, он очень красивый. Как и ты.

Я повернулась, чтобы посмотреть ему в глаза.

Он лукаво улыбнулся.

— Пусть мне и довелось сбиться со строгого пути Кассиэля, — тихо произнес он, — по крайней мере я утешаюсь тем, что утратил целомудрие в объятиях несравненной куртизанки, достойной королей.

— Ах, Жослен... — Я наклонилась, взяла его лицо в ладони и поцеловала в лоб. — Ложись. Нам предстоит дальняя дорога, а тебе нужно восстановить силы и подлечиться. Я убаюкаю тебя сказкой на ночь, если хочешь... у вас в Братстве помнят о том, как Наамах искушала Кассиэля? В Доме Кактуса часто повторяют эту историю...

Я принялась нараспев рассказывать ему легенду о наших покровителях, и Жослен уснул с улыбкой на устах, не дослушав до конца. «И хорошо, — подумала я, — ведь эта история не может похвастаться исчерпывающим завершением и слушателю приходится самому додумывать, что же случилось дальше».

Легенды о богах и ангелах довольно часто будто бы оборваны, потому что имеют продолжение уже в истинной Земле Ангелов, куда, как всем известно, ушли наши прародители. Это нам, смертным, не дано воли, чтобы отклониться от предназначения. Каждый из нас должен прожить свою жизнь и пройти свой путь.

Утром костер почти потух, оставив лишь холодный пепел и несколько еле тлеющих угольев, так что пришлось одеваться, ежась от прохлады. Ни слова не прозвучало о том, что случилось ночью. Да и что тут говорить? Романтики со мной не согласятся, но я не вижу смысла распинаться о любви, когда на кону стоит выживание. Да, предложив списать чудесное происшествие на сон, я говорила искренне. Просыпаться было крайне печально. Мы принялись спешно готовиться к отъезду.

Метель утихла, и полупрозрачные облака, пятнавшие небо, казались порожними. Снаружи в пещеру просачивался сероватый утренний свет. Я быстро погрузила на пони наши пожитки, держа меховые рукавицы в зубах и чувствуя, как замерзают пальцы. Жослен, за ночь заметно оклемавшийся, проверял конские копыта.

— Федра! — вдруг воскликнул он, когда выпустил переднюю ногу одной из лошадей. Та встревожено топнула, и по стенам разнеслось эхо.

Я проследила за указующим жестом Жослена.

На большом камне перед входом в пещеру виднелся символ Элуа. В отраженном свете восходящего солнца знак сверкал серебром. Я ошарашено глазела на него и только через какое-то время сообразила закрыть рот. Нас с Жосленом охватило восторженное воодушевление.

— Знаешь, что это значит? — задыхаясь, спросил он. — Они останавливались тут на ночлег, когда шли по землям Скальдии! Элуа, Кассиэль, Наамах... все Спутники! — Подойдя к выходу из пещеры, Жослен благоговейно возложил руки на скалу. — Они здесь были.

— Они здесь были, — эхом отозвалась я, глядя на четкие серебристые линии и вспоминая свою безмолвную молитву. «Мы спали и видели сны в священном месте», — подумала я, а вслух сказала: — Жослен, идем домой.

Нехотя оторвавшись от камня, он посмотрел на меня, кивнул и накинул на плечи волчью шкуру Белого Брата.

— Домой, — твердо сказал он и зашагал.

Я была очарована сладким сном и знаком от наших божественных прародителей, не забывших своих несовершенных потомков, в чьих жилах текла лишь тонкая струйка божественной крови. Крови, дарящей право на благословенную землю, на золотую мечту, от которой нас отделяли мили и мили снежной пустыни.

Снаружи нас ждала студёная скальдийская зима.
И дом.

В последующие дни поисковые отряды Селига нас так и не нагнали. Единственным врагом всю дорогу оставалась скальдйская погода, и она сумела доставить немало хлопот. На отобранных лошадях мы ехали чуть быстрее, останавливаясь лишь с приходом сумерек, чтобы разбить лагерь и провалиться в сон. Время от времени по пути попадались селения, но мы уже освоились в лесной глуши, и потому заранее успевали определить близость жилья. Мы огибали все хутора по широкой дуге и не останавливались на ночлег меньше чем в часе езды от ближайших человеческих следов. Пару раз в сумерках мы видели волков, а однажды пробудили от зимней спячки лютого медведя в его берлоге, которую по ошибке сочли пустой. Раньше мне казалось, будто мой коренастый пони и шагом-то еле поспекает за более длинноногими лошадьми, но пока мы, взрывая снег, в ужасе мчались прочь от разъяренного хищника, верный конек неотвязно скакал позади нас, громко всхрапывая от страха. Буквально в пяди от его бабок мелькали лапы с когтями длиной с мою ладонь. Говорят, будто самыми большими из живущих на земле зверей являются воспетые в баснях бходистанские слоны, а самыми свирепыми же, по моему мнению, можно назвать скальдйских медведей. Не приведи Элуа встретиться. Слава Благословенному, зимняя стужа в кои-то веки сыграла нам на руку, потому что вскоре косолапый прекратил погоню и потрусил обратно в свое логово досыпать до весны.

После этого до Камаэльского хребта мы добрались без происшествий.

Легкого способа перебраться из скальдйских земель в Землю Ангелов не существует. На севере, где заканчивались горы, путь преграждала быстрая и полноводная река Рейн, переплыть которую невозможно, а мостов со времен Тиберийской империи сохранилось немного. Тиберийцы с их легионом инженеров и строителей могли соорудить переправу за один день, если находили поблизости достаточно густой и высокий лес. Но после распада Тиберия ангелийцы считали реку естественной границей.

Напрашивалась мысль проехать вдоль гор до прибрежных земель и умолить пропустить нас в Аззаль, поскольку не было оснований сомневаться, что там живут верные короне люди, хотя бы тот же Гислен де Сомервилль, который, как я полагала, все еще управлял Тревальоном. Но одно дело пересечь скальдйскую глушь, а совсем другое — несколько дней тащиться вдоль границы в военное время (пусть ангелийцы и не знают пока об этой войне). Нет, обстоятельства вынуждали нас штурмовать заснеженный кряж, и из практических соображений мы решили воспользоваться самым южным из Великих ущелий.

Целый день мы углублялись в тени от высоких пиков Камаэльских гор и на ночь остановились у их подножия. Снег здесь был глубже и передвигаться стало труднее. Но стремление вдохнуть воздух родной земли по другую сторону сурового хребта придавало нам сил.

Утром же наши надежды были развеяны.

Я боялась, что Селиг так просто нас не оставит, и эти страхи — увы! — оправдались. Учуяв людей, Жослен пешком отправился на разведку и вернулся в мрачном расположении духа. Он отвел меня в безопасное место, откуда открывался вид на снежную равнину перед южным ущельем. Там стояли лагерем человек сорок скальдов из племени марсов, преграждая нам путь к перевалу.

Харальд сказал, что поменялся местами с одним из теннов, отобранных в погоню лично

Селигом. Теперь я увидела, что Селиг не только отправил воинов по нашему следу, а еще и разослал гонцов по селениям, и в результате скальды принялись караулить ущелья.

Отчаянно не желая сдаваться, я посмотрела на Жослена.

— Ни единого шанса, — с сожалением покачал он головой. — Их слишком много на открытом пространстве, Федра. Меня тут же убьют.

— И что тогда будем делать?

Он заглянул мне в глаза, словно нехотя повернулся и уставился на высокие горные вершины, возвышающиеся над нами.

— Нет, — запротестовала я. — Жослен, я не смогу.

— Придется, — прошептал он. — Другого пути просто нет.

На равнине внизу скальды жгли костры, пели песни, играли, бражничали, кричали и затевали шутливые схватки. Несмотря на кажущуюся беспечность, наверняка на постах стояли часовые, зорко обозревая окрестности. Скорее всего, среди них были и люди из селения Гюнтера, те, кого я знала, кого потчевала медом. Иногда в чистом прозрачном воздухе до нас доносились воинственные возгласы. Если до скальдов уже дошла молва о том, что мы сделали с догнавшими нас теннами Селига, нас сразу убьют, не моргнув глазом. Пройти через лагерь варваров невозможно, и обойти его тоже нельзя.

Жослен прав. Другого пути нет.

Я покрепче запахнула накидку и поежилась.

— Тогда идем. И да смилостивится над нами Элуа.

Нам пришлось настолько трудно, что даже вспоминать об этом тягостно, а потому я не стану описывать каждый шаг того опасного путешествия. Достаточно сказать, что мы его пережили. Жослен, нахлестывая свою бедную лошадь, проехал вдоль хребта прочь от заблокированного ущелья и, вернувшись на закате, сообщил, что видел следы горных коз, забравшихся наверх в скалы. Убравшись подальше от скальдов, мы заночевали у подножия гор, осмелившись разжечь лишь маленький костерок. Жослен всю ночь подкармливал веточками огонек, который поместился бы в его пригоршню. Но крохотного пламени хватило, чтобы поддержать в наших телах тепло жизни, пусть и едва-едва.

А утром мы начали подъем.

Когда гора стала круче, ехать верхом сделалось невозможно, поэтому мы спешили и зашагали дальше, цепляясь за скалы замерзшими руками и ведя лошадей в поводу. В первый же день я осталась без коня. Страшно не люблю об этом вспоминать; моя верховая отшатнулась от внезапно двинувшегося снежного пласта и потеряла равновесие. Была бы я в седле, тоже полетела бы с утеса. А так мы лишились части припасов и лошади, гибелью которой я сильно опечалилась.

— Не горюй, — просипел Жослен, чьи глаза, казалось, отражали мою скорбь. — Еще дня на два еды нам хватит, главное, чтобы хватило сил продержаться эти два дня.

И мы продолжили путь, переместив почти все припасы на пони. Как хорошо, что я его не бросила, отбирая скальдийских коней, — в горах он шел гораздо увереннее своих длинноногих собратьев.

Чуть позже оступилась лошадь Жослена.

Это случилось, когда мы достигли пика — такого высокого, что приходилось дышать часто-часто и каждый вдох кинжалом впивался в грудь. В горах невероятно красиво — я от многих слышала такое мнение и готова подтвердить, что оно правдиво. Но вряд ли у меня получится описать возвышенные красоты Камаэльских гор, и не из недостатка поэтичности

в глубине души, а потому что с каждым шагом я боролась за жизнь и не могла позволить себе отвлечься, чтобы насладиться видом. Из последних сил мы достигли вершины и устремились вниз.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Спускаться, пожалуй, легче, чем подниматься. Но и опаснее. Ступив в невидимую под снегом трещину, лошадь Жослена сломала переднюю ногу. Пришлось ее зарезать, и прошлый опыт нисколько не упростил кассилианцу эту задачу. На этот раз он поднес к вене котелок, прежде чем ее рассечь.

— Один из людей Баркеля л'Анвера рассказывал, что аккадианцы пьют кровь своих верблюдов, когда надолго застревают в пустыне, — пояснил он, не глядя на меня. — Это поможет продержаться несколько дней и нам, и твоему пони. А лошадь все равно погибла, Федра.

Я не стала спорить: он был прав. Дальше мы подкреплялись разбавленной кровью. И, возможно, благодаря этому выжили в горах и целыми и невредимыми спустились в Камлах.

В провинцию герцога-предателя Исидора д'Эгльмора и Союзников Камлаха.

Конечно, глупо было бы ожидать, что нам удастся пересечь ангелийские пограничные земли незамеченными. Поэты — уверена, никто из них уж точно не бывал на вершинах Камаэльских гор — прозвали ту зиму Лютой. И не столько из-за стужи, сколько из-за непрерывных набегов скальдов, державших пробираться через ущелья. Стражи границы не дремали.

Союзники Камлаха нашли нас той же ночью.

Да, верно, мы повели себя неосторожно, опьяненные радостью, что живы, что дошли до родной земли. Устроились на ночлег на открытом месте и разожгли маленький костер, который, должно быть, сиял в ночи, словно одинокий маяк, поскольку земли ангелийских предгорий почти необитаемы, как и со стороны скальдов.

Довольно скоро небольшой отряд выехал из темноты, тихо бряцая оружием. Отблески пламени заметались по кольчугам. Жослен выругался, вскочил, принялся забрасывать костерок снегом, но поздно: нас уже застигли.

Похоже, воины удивились этой встрече не меньше, чем мы, а может, и больше. С десяток вооруженных всадником ошеломленно уставились на нас. Сердце ушло в пятки, и я лихорадочно обвела их взглядом в поисках знаменосца.

В глаза бросился пылающий меч на полотнище. Союзники Камлаха. Слава Элуа, не люди д'Эгльмора. И еще один флаг с елью на утесе, серебряное на зеленом. «Чей же это Дом?» — отчаянно припоминала я.

Краем глаза я увидела, как Жослен начал склоняться в церемонном кассилианском поклоне, одновременно накрывая ладонями рукояти кинжалов. Я с криком налетела на него, сбив с ног. Мы покатались по сугробам, а всадники, не двигаясь, наблюдали за нами. К какому бы Дому они ни принадлежали, мне не хотелось, чтобы пошли слухи об одинокой женщине, которая путешествует по диким землям Камлаха в сопровождении кассилианца.

Один из ангелийцев спешил к нам — опытный воин в доспехах с латками.

— Ваши имена! — резко бросил он.

Только тогда я сообразила, как мы выглядели со стороны: обветренные, замерзшие, в варварских одеждах из шкур, куда-то пробирающиеся посреди беспощадной зимы с единственным скальдийским пони под вьюками.

— Милорд! — выдохнула я, жестом приказывая Жослену молчать. — Простите, если мы

доставили вам беспокойство, поверьте, мы не имеем дурных намерений! Неужто мы нарушили границу ваших владений?

Солдат расслабил плечи, услышав мой голос, интонацию и явно ангельский выговор.

— Нет, девочка, здесь проезд не возбраняется. Но вблизи от границы нынче небезопасно. Кто вы такие и куда направляетесь?

Да, его так просто с толку не собьешь. По всей повадке — командир отряда.

Я с трудом сглотнула и принялась плести паутину лжи:

— Перед вами Сурия из Трефайля, милорд. А это мой кузен Джарет. — Я задрожала боясь выдать себя неосторожным словом. — Несколько дней назад налетчики из Скальдии разграбили нашу деревню. Мы... Моего кузена сильно ударили по голове, и я спрятала его в пустом амбаре. Там, слава Элуа, бандиты нас так и не нашли, но оставили голыми и босыми, милорд, порушив все хозяйство. Мы забрали эти скромные пожитки у тех, кому они больше не пригодятся, а потом решили отправиться в Город — туда-то варвары точно не сунутся. Неужели мы поступили неправильно?

Рискованная игра. Я не имела представления ни где мы находились, ни насколько хорошо эти воины знали приграничные горные селения. Уверена я была лишь в одном: когда-то скальды действительно разграбили Трефайль — родную деревню Алкуина.

— Нет-нет, вы все сделали верно. — Я не могла различить лицо мужчины в тусклом свете угольков, которые Жослен раскидал по снегу, спешно туша костер. — А почему вы при виде нас так засуетились? Приняли за скальдов?

— Вы вполне могли ими оказаться. — Я поежилась и покосилась на Жослена. Он молчал в тени волчьей маски, надвинутой на лоб. — Мы же не видели, кто идет, милорд, а вы так внезапно подъехали. Мой кузен испугался.

Жослен молча кивнул, изображая из себя недалекого деревенского увальня, за что я мысленно его возблагодарила.

Командир отряда задумчиво закусил нижнюю губу. Некоторое время он молча разглядывал нас, по-видимому, оценивая одежду и припасы. Я слегка отвернулась, рассчитывая, что темнота скроет метку Кушиэля в моем глазу. С каждым мгновением крепла надежда, что байка сработает, но потомки Камаэля слишком привыкли к военным хитростям, чтобы верить первому встречному.

— Нечего вам делать в Городе Элуа, — издалека начал камаэлит. — Зима повсюду выдалась суровой, и в Городе сейчас лихорадка. Отправляйтесь-ка с нами в Буа-ла-Гард. Маркиз Лагард не прогонит от порога беженцев, там о вас позаботятся. — Он повернулся к воинам и распорядился: — Брис, езжай вперед и скажи кастеляну, что мы возвращаемся и не одни. Опиши ему эту парочку во всех подробностях.

Он сделал ударение на последнем слове, точно-точно.

Всадник начал поворачивать коня на север.

Жослен задвигался стремительно, как молния, и, что неожиданно, не в кассилианской обтекающей манере, а скорее по-скальдйски, с жестокой целеустремленностью. Кинжал — всего один — высверкнул из ножен, а второй рукой Жослен дернул к себе командира и приставил к его горлу клинок.

— Давайте, — резко приказал кассилианец, — спешивайтесь. Сейчас же!

Воины Буа-ла-Гарда, яростно пронзая его взглядами, подчинились. Жослен стиснул зубы и не отвел кинжала; пленный стоял, не шевелясь.

Мне особых распоряжений не потребовалось. Я шустро собрала вещи и взгромоздила

сумки на нашего скальдийского пони.

— Возьми двух лошадей. — Жослен держался напряженно и тяжело дышал: я догадывалась, чего ему стоило прижимать лезвие к горлу собрата-ангелийца. — Остальных разгони.

Я так и поступила, не глядя на десяток вооруженных солдат, застывших без движения, будто скованных ненавистью, но не решавшихся пожертвовать командиром в попытке меня остановить. Вышколенные лошади не хотели убегать от хозяев. Мои крики и взмахи не отпугнули скакунов, но наконец я догадалась шлепать их по крупам. Кони разбежались в разные стороны, кроме двух, чьи поводья я заблаговременно примотала к дереву. Пытаясь освободиться, они дергали головами, закатывая большие глаза так, что на виду оставались только белки.

— Ф... Сурия, в седло. — Жослен ругнулся от досады, что чуть не выдал мое имя, и спрятал кинжал.

Командир отряда резко вдохнул.

— Далеко вы не уйдете, — желчно предупредил он. — Мы вас скоро нагоним.

— Наши родичи в Марсиликосе нас защитят! — отважно бросила я. — Вы не вправе задерживать свободных ангелийцев!

— Тихо! — шикнул Жослен. — Сурия, уходим!

Раньше он послушался меня, а теперь пришел мой черед беспрекословно подчиняться. Я отвязала трофейную лошадь, вскочила в седло и поскакала в лес, ведя за собой в поводу навьюченного пожитками пони.

Врагу не пожелаю испытать с непривычки подобную скачку куда глаза глядят по лесной чаще. Двигаясь наобум, то и дело приходилось продирааться через заросли; обеим лошадям передавался мой панический страх. Жослен нагнал меня через полмили — темный призрачный всадник, — и мы устремились прочь, опять спасаясь от погони.

Ночь выдалась ясной, слава Благословенному Элуа, над головой мирно мерцали далекие звезды. Без них мы наверняка заблудились бы, но Большой Плуг и Путеводная звезда направляли наши шаги, заливая снежный пейзаж тусклым серебристым светом. Держа в голове карту, я уверенно прокладывала путь на юг, надеясь пересечь один из главных трактов королевства: Дорогу Эйшет, которую тиберийцы называли Путем Пауллуса.

Дорога Эйшет ведет на юг, к морскому побережью; Марсиликос — столица провинции Эйсанд, основанная еще древними эллинами задолго до прихода Элуа, крупный порт, куда навевываются многие путешественники. Я надеялась, что люди маркиза Лагарда клонут на мою приманку и устремятся за нами на юг.

Мы достигли Дороги Эйшет на рассвете; камаэлитские кони тяжело дышали от усталости, все в пене и мыле. Пони трусил за нами, его бока тяжело вздымались, но он упорно топал вперед и вперед; сама полумертвая от усталости, при виде измученной лошадки я устыдилась.

Обычно в это время года торговля почти замирает, а посреди Лютой зимы тракт протянулся перед нами широким и пустым, озаренным бледно-золотистым отблеском рассвета.

Союзники Камлаха отставали не больше, чем на милю.

— Высматривай дорогу, — из последних сил сказала я Жослену. — Любую дорогу на запад. И молись, чтобы они поскакали дальше на юг, в Марсиликос.

Кассилианец устало кивнул, и мы снова пустились вскачь, нахлестывая утомленных

лошадей. Солнце уже наполовину высунулось из-за горизонта, когда, следуя по Дороге Эйшет, мы увидели поворот, отмеченный указателем с символом Элуа, означавшим, что ответвление ведет в Город.

— Туда, — махнул Жослен.

Я склонила голову и прислушалась. Где-то вдали слышался топот десятков копыт. С дюжину всадников, чьи скакуны устали не меньше наших.

— Вперед! — выдохнула я и пришпорила лошадь.

И мы отчаянно устремились на запад.

Примерно через милю мы встретили кибитку иешуитов.

По правде говоря, мы едва не въехали ей в бок, выскочив из-за крутого поворота. Дорога была узкой. Наши почти загнанные лошади резко остановились, мулы в упряжке поджали уши и оскалили зубы. Жослен что-то крикнул (не разобрала, что именно), и из-за прикрывающей кибитку дерюги высунулась девичья головка, а возница оглянулся, чтобы на нас посмотреть. Он был коротко острижен, лишь от висков спускались длинные пейсы, по которым я и узнала иешуита.

Я было открыла рот, но Жослен заговорил первым:

— Благословен Ты, Господь, Б-г наш, отец, — произнес он запыхавшимся голосом и уважительно отвесил кассилианский поклон, прежде чем я успела его остановить. — Извините за вторжение.

— Благословен Иешуа-Помазанник Б-жий, — тут же заученно отозвался возница, сверля нас пронизательным взглядом темных глаз. — Похоже, ты последователь Отступника.

Он обращался к Жослену, который снова поклонился. Из-за дерюги высунулось второе личико и раздался звонкий девичий смех.

— Да. Я Жослен Веррёй из Кассилианского Братства.

— Ясно. И кто же за тобой гонится?

Я набрала в грудь воздуха, чтобы ответить, но Жослен снова меня опередил.

— Люди, которые отступили даже от учения Благословенного Элуа, отец, плода лозы Иешуа бен Иосифа. Пожалуйста, пропустите нас, и мы поедem дальше с миром. Деблагословит вас Б-г...

— А зачем они за вами гонятся?

— Скорее всего, чтобы нас убить, — нетерпеливо вклинилась я. — Милорд...

— Думаю, ваши лошади долго не протянут.

Я тоже так думала, но еще немного они бы прошли, а в тот момент я хотела лишь по возможности увеличить расстояние между нами и преследователями, чьи лошади вымотаны не меньше. Им в помощь наверняка будут посланы новые поисковые отряды на свежих скакунах, а если мы успеем пересечь границу Камлаха до того, как нас схватят, то получим шанс ускользнуть.

— Да, милорд, но...

— Спрячьте нас, умоляю, — резко перебил меня Жослен, в упор глядя на иешуита. — Отец, люди, которые за нами гонятся, и не подумают искать нас в иешуитской семье. Они считают нас мятежниками, возможно, даже шпионами скальдов. Но я вам клянусь, мы не те и не другие. Мы просто свободные ангелийцы, которым повезло сбежать из варварского плена, и мы обладаем сведениями, от которых зависит свобода всего нашего народа.

Я со свистом втянула воздух, испугавшись того, как легко Жослен выдал наш главный секрет.

Иешуит медленно кивнул и оглянулся на кибитку.

— Что скажешь, Данель?

Занавески раздвинулись, и показалась женщина с добрыми глазами на суровом лице, которая оттеснила двух девочек вглубь кибитки. Она смерила взглядом нас с Жосленом, и черты ее смягчились, особенно при виде моего спутника.

— Он же служитель Отступника, Таави, давай поможем. — Чуть громче она крикнула дочерям: — Девочки! Ну-ка подвиньтесь! У нас гости!

Вот так мы и присоединились к иешуитам.

До той встречи я и не знала, что между Кассилианским Братством и иешуитами прослеживается связь. А ведь это лежало на поверхности, и ничто не мешало мне увидеть очевидное. Хотя кроме кассилианцев это мало кого занимало, но каждому известно: Кассиэль, даже став Отступником, как звали его иешуиты, никогда не переставал быть верным Единственному Богу, а просто в отчаянии отдалился от него, надеясь исправить его ошибку. Единственный из всех Спутников Элуа, Кассиэль неуклонно следовал заповедям своего Господа и ни разу не делил ложе со смертными.

Конечно, кассилианцы считали, что их святой покровитель абсолютно правильно возложил на себя обязанность, которой пренебрег Единственный Бог, — любить и оберегать отпрыска Сына Божьего Иешуа, — с чем иешуиты в корне не соглашались. Но это разногласие не умаляло достаточного для точки соприкосновения их общего убеждения, что Кассиэль сознательно обрек себя на вечные муки, выбрав путь Спутника Элуа, став Внуку Божьему Идеальным Спутником.

Мы отпустили лошадей из Буа-ла-Гарда, шуганув их на юг. Дочери Данели и Таави неожиданно прониклись симпатией к нашему скальдийскому пони и упросили отца не прогонять его. Подумав, тот поддался на уговоры, и нашего верного пони привязали к кибитке сзади.

— Щепотка правды приправляет ложь, словно соль пищу, — прагматично заметил Таави. — Вы же отпустили коней. Если спросят, скажем, что лошадка сама к нам прибилась. Если нас найдут.

Нас нашли.

Это случилось едва ли через час после встречи с иешуитами и вскоре после того, как Жослена и меня разместили в кибитке, предварительно спрятав наши вещи. Данель с хладнокровной расторопностью указывала хихикающим дочерям, куда подвинуть рулоны ткани и мотки шерсти, чтобы соорудить для нас укрытие. Как выяснилось, Таави был ткачом, а его жена — красильщицей. Повинуясь распоряжениям матери, девочки расчистили нам местечко в прибранной кибитке, не переставая хихикать и подталкивать друг друга. Очарованный Жослен им улыбнулся, и они звонко засмеялись.

У Делоне я научилась слушать и слышать. И первой различила стук копыт.

За всю свою нелегкую жизнь я ни разу не чувствовала себя такой беспомощной, как в те минуты, когда сидела съездившись в темноте за рулонами тканей, пока Таави неспешно отвечал на вопросы всадников — судя по голосам, двоих — с обезоруживающей откровенностью. Нет, они едут не в Город Элуа, а в Арэн, где живут их родственники. Да, они нашли пони на Дороге Эйшет, где он бродил один без поклажи. Нет, больше они с самого утра никого не видели. Да, камаэлитам можно заглянуть в кибитку. Таави отдернул занавеску, и на дружинников Буа-ла-Гарда уставились три молчаливых и настороженных иешуитки.

Из своего тайника я углядела лицо одного из воинов — усталое и безучастное. Занавески задернулись; нам разрешили продолжить путь.

Девочки тихо попискивали от возбуждения, пока мулы неспешно трусили по дороге. Данель шикнула на дочерей и тут же обняла их. Я тихо перевела дух и услышала, как сидящий рядом со мной Жослен тоже с облегчением выдохнул.

С иешуитами мы пропутешествовали три дня.

Некоторые отрицают в людях врожденную доброту. Таким, доведись им пройти мой путь, многое показалось бы сном. Да, мне пришлось увидеть, как глубоко люди могут пасть, но я видела также и каких высот способен достичь дух человеческий. Видела, как люди, от которых я ничего подобного не ожидала, проявляли участливость, которая пробивалась из них, как горный цветок из камней.

Семья Таави одарила нас истинной добротой.

Они не задавали вопросов, а хлебосольно делились всем, что имели. Я немного успела выспросить об их жизни, и жалею, что не узнала больше. Они были родом из камаэлитского села, в котором их семьи обосновались поколение назад, чтобы восполнить нехватку ткачей и красильщиков. Но когда в селе началась лихорадка, именно иешуитов объявили разносчиками заразы, хотя было совершенно очевидно: болезнь привез гонец из Города Элуа. Поэтому Таави с женой и дочерьми и сбежали на юг, побросав в кибитку свое имущество.

Мне было странно видеть полную семью. Никогда раньше я не задумывалась — за исключением дней, проведенных в Перринвольде, — как так получилось, что на мою долю досталась бессемейная жизнь. Я совсем смутно помнила родителей — путешествие и караван — и гораздо отчетливее дуэину Дома Кактуса. Для Жослена же все было иначе. До десяти лет он рос в любящей семье. С братьями и сестрами. Он знал, как играть с детьми, как их поддразнивать и щекотать. И девочки-иешуитки за все это его обожали.

Таави и Данель улыбались, довольные тем, что правильно решили нам помочь. Ко мне они относились с ненавязчивой жалостью и разговаривали очень ласково.

Их доброта заставила меня взглянуть на себя по-новому.

Я даже начала сожалеть о том, кто я есть.

В нескольких милях от Города Элуа наши с иешуитами пути разошлись. Вечером накануне расставания мы сидели вчетвером у костра. Иешуиты не хотели наведаться в Город, где, по слухам, продолжала свирепствовать лихорадка, а для нас с Жосленом не было иного пути.

— Мы доведем вас до самых ворот, — озабоченно предложил Таави. — Думаю, крюк будет небольшим, а с нами вы в безопасности. Разве не так? Никому нет дела до бедного ткача и его семейства.

— Вы и так много для нас сделали, отец, — ласково ответила я. К тому времени я уже усвоила, что «отец» — это просто уважительное обращение к старшему по возрасту, и называла так Таави, хотя ему было далеко до преклонных годов. — Мы не знаем, как нас встретят в Городе. Отправляйтесь, пожалуйста, безо всяких крюков прямо в Арен и живите там счастливо и благополучно. Вы сделали для нас гораздо больше, чем мы смели надеяться.

Девочки — Майя и Рена, шести и восьми лет — играли на поляне. Майя нацепила белую волчью шкуру Жослена и гонялась за старшей сестрой, взвизгивая и смеясь, а Рена пряталась за мирно стоящим пони и хихикала. Данель умиротворенно наблюдала за дочерьми. Меня умилила эта бесстрашная невинность, звонкий смех, долетающий до сумрачного неба. Если Вальдемар Селиг придет сюда, беззаботный детский смех маленьких ангелийцев и иешуитов больше не будет свободно разноситься под родными звездами, загорающимися в небе.

— Но все же я...

— Нет. — Жослен перебил с ласковой улыбкой, но с непоколебимой твердостью. — Мы

доедем с вами только до перекрестка дорог, отец, а последние мили пройдем пешком. Даже ради любви самого Кассиэля я не стану и дальше подвергать вашу семью опасности.

Таави открыл рот, чтобы возразить, но Данель дотронулась до его руки.

— Оставь их, — нежно попеняла она. — Им виднее, как для них лучше.

Тогда иешуит нехотя кивнул.

Охваченная внезапным порывом благодарности, я сняла с себя бриллиант Мелисанды и протянула Таави. Драгоценный камень замерцал в свете пламени.

— Вот, возьмите, прошу вас, — сказала я. — За все, что вы для нас сделали. Эта безделушка поможет вам обосноваться в Арене.

Супруги переглянулись, затем дружно покачали головами, глядя на сверкающий бриллиант на шнурке, свисающий с моих пальцев.

— Нет, это слишком, — наконец произнес Таави. — Мы ведь решили помочь вам, не преследуя никакой выгоды.

Данель, все еще держа мужа за руку, согласно кивнула.

— Но... — запротестовала я.

— Нет, — твердо отказался Таави. — Спасибо, Федра, но мы не можем принять такой дорогой подарок. Это слишком.

— Тебе от этой безделушки не избавиться, — усмехнулся Жослен, глядя мимо меня на Майю и Рену, которые, забыв об игре в догонялки, крепко обнимали на прощанье скальдийского пони. — Но, может, нам удастся вас отблагодарить чем-то другим, — улыбаясь, добавил он.

Рано утром мы разошлись, перед расставанием сердечно благословив друг друга со слезами на глазах. Забравшись на козлы, Таави цокнул языком, и мулы неспешным шагом тронулись на юг. Данель и девочки махали нам из кибитки, а за нею на поводу бодро трусил мой мохнатый пони. Он был самым верным и стойким из всех наших лошадей, и хотя мне было жаль с ним расставаться, меня радовало, что новые хозяева не обделят его ни уходом, ни лаской.

Впереди, чуть западнее, белели стены Города Элуа, моего родного дома. Жослен выдохнул облачко пара в морозный утренний воздух и забросил наши припасы на плечи. Мы оставили себе немного вещей — большая часть досталась семье Таави. Я сохранила свою накидку из шкуры и кинжал Трюгве, а Жослен сунул в сумку одеяние Белого Брата, немного еды от щедрот Данель и пару мехов с водой. Вот и все, чем мы могли подтвердить рассказ о том, где так долго пропадали.

Спокойствие, которое мы ощущали, путешествуя с иешуитами, испарилось по мере приближения к Городу. Мы отсутствовали несколько месяцев. Кто теперь сидит на троне Элуа? Насколько далеко протянулись щупальца заговора, погубившего Делоне? Кто в нем участвовал, а чьи руки чисты? С нарастающей тревогой я осознала, что нас ожидает немало ловушек. Что там сказал Алкуин? Доверяй Руссу, Тревальону, Телезис де Морне, дофине, не королю.

Вряд ли Квинтилий Русс сейчас в Городе; скорее всего, он зимует с флотом. Тревальон... вот он, возможно, здесь. Но живет, вероятно, во Дворце, как и королевская поэтесса Телезис де Морне и, конечно, Исандра де ла Курсель. А я слишком хорошо помнила, чем обернулась наша попытка разыскать дофину во Дворце.

«Благословенный Элуа, — истово взмолилась я, — прошу, пусть Мелисанда Шахризай будет в отъезде».

Но даже если в Городе ее нет, я не представляла, кто у нее в союзниках и насколько широко предательница раскинула свои сети. И не видела способа добраться до кого-нибудь из особ, перечисленных Алкуином, минуя череду заслонов во Дворце, а больше я никому довериться не смела.

За исключением Гиацинта.

Я поделилась своими мыслями с Жосленом. Он меня выслушал, но ничего не ответил.

— Тебе это не по душе?

Кассилианец шагал, глядя на горизонт. С оглядкой на зиму дорога мало-помалу оживала — все чаще мимо проезжал экипаж, и его пассажиры с любопытством на нас смотрели. Усталые после тяжелых испытаний, грязные, в грубых шерстяных одеждах и накидках из шкур, перевязанных бечевками и застегнутых на бронзовые фибулы, к тому же за плечами Жослена торчала рукоять кассилианского меча — ничего удивительного, что мы обращали на себя внимание. От этого мне стало не по себе, и с каждым шагом беспокойство усиливалось.

— Больше у тебя на примете никого нет, к кому можно пойти? — наконец спросил Жослен. — Поклонники, друзья Делоне?

— Слишком рискованно. — Налетел ветер, и я поплотнее закуталась в накидку. — Мы же не о простой встрече со старым знакомым говорим, Жослен. Придя к кому-то, мы тем самым вложим в его руки нити наших жизней. Свою я согласна доверить Гиацинту и никому другому.

— Принц Странников известен своей ушлостью даже среди тсыган, — иронично протянул кассилианец. — Как думаешь, сколько золота он выручит за твою жизнь?

Не задумавшись, я отвесила ему пощечину. Мы остановились, пристально глядя друг другу в глаза.

— Чем бы он ни прославился среди тсыган и всех остальных, — тихо произнесла я, — Гиацинт всегда был мне другом, даже когда со мной никто больше не дружил, и ни разу — слышишь? — ни разу не выпросил ни сантима. После казни Бодуэна де Тревальона Гиацинт даже дал мне денег, чтобы принести искупительную жертву в храмах в память о принце. Ты знал, что я была прощальным подарком Мелисанды принцу Бодуэну накануне ее предательства?

— Нет. — Обветренное лицо Жослена побледнело, на щеке алел след от моей пощечины. — Прости.

— Если у тебя есть идея получше, — мрачно продолжила я, — давай, выкладывай. Но не смей наговаривать на Гиацинта.

Жослен посмотрел на городские стены. Уже можно было разглядеть покрывающий их иней.

— Я могу обратиться к капитану королевской гвардии. Он тоже кассилианец и обязан дать мне аудиенцию. Он связан клятвой, и поэтому ему можно доверять.

— Уверен? — Я подождала, пока он снова на меня не посмотрел. — Ты точно уверен, Жослен, без всяких сомнений? Сам подумай, ты исчез из города заодно со своей подопечной — скандально известной служительницей Наамах, дорогой игрушкой развратных богачей, — оставив позади перебитых домочадцев Анафиэля Делоне, которому клялся в верности. И как, по-твоему, это можно истолковать, а, мастер клинка? Представляешь, какие слухи тут распространялись в наше отсутствие? Уверен, что Кассилианское Братство примет тебя с распростертыми объятиями?

Мои слова сыпались на Жослена как удары; я видела: ему даже в голову не приходило, что его кассилианскую честь могут подвергнуть сомнению.

— Никто бы не посмел ничего такого предположить! — ахнул он. — А если бы чей-то черный рот и изверг на меня подобную хулу, ни один кассилианец в это бы не поверил!

— Никто не посмел бы? Ни один кассилианец не поверил бы? — устало повторила я. — Но эта мысль напрашивается, если связать бесспорные факты, и не сомневайся, она многим пришла на ум, ведь люди склонны думать о других самое худшее. Что же до веры... Во что поверить легче? В примитивное убийство из похоти и жадности или в широкий, тщательно продуманный заговор с целью сдать трон Земли Ангелов скальдам, в предательский заговор, о котором известно только нам с тобой?

Помолчав, Жослен резко кивнул, выпрямился и вновь взглянул на Город.

— Хорошо, сделаем по-твоему. Молись, чтобы твое доверие к тсыгану себя оправдало. Да и все равно нам нужно еще пройти через ворота.

Я посмотрела на высокие стены и поежилась.

Несмотря на наши опасения, проникнуть в Город оказалось самым легким из ожидавших нас испытаний. Два усталых стражника остановили нас в воротах, глянули на лохмотья и вяло приказали назваться. Я сказала им выдуманные имена и коротенько изложила историю про селение, где жили Таави и Данель. Стражники задали еще несколько небрежных вопросов, в основном о здоровье, и попросили высунуть языки.

Мы смущенно повиновались. Один из привратников подошел, рассмотрел нас поближе и пропустил в Город.

— Раз такой пристальный досмотр, значит, здесь и правда мор, — шепнул мне Жослен.

Я ничего не ответила, ошеломленная тем, что вновь нахожусь под защитой родных стен. Для Жослена Город мало что значил, он не был ему домом. Кассилианец не родился и не вырос здесь, как я. От памятной красоты вокруг мне захотелось заплакать: мощные улицы, обсаженные высокими деревьями с голыми ветвями... А люди, о! Несмотря на холод и лихорадку, люди по-прежнему ходили по улицам, все как на подбор ангелийцы, и их певучие голоса ласкали мне уши, словно музыка.

Смеркалось. Мы пешком отправились в Сени Ночи, петляя по районам победнее, где наш потрепанный вид не бросался в глаза. От запахов готовящейся в домах и трактирах еды у меня потекли слюнки: настоящая ангелийская кухня! Мы добрались до Сеней Ночи как раз вовремя. Уже зажглись уличные фонари, и на променад вышли первые гуляки. Их было меньше, чем я помнила по прежним временам, но они все равно роскошно смотрелись в шелках, бархате, парче и мерцающих в свете фонарей драгоценностях.

— Жослен, внутрь нам нельзя, — прошептала я, пока мы стояли в тенистом переулке через дорогу от «Петушка». — Нас заприметят, и к полуночи слух о нашем возвращении дойдет до Дворца. В Сенях Ночи языками треплют быстрее, чем ты моргаешь.

— И что тогда делать, есть предложения?

— Думаю, да. Слушай, — и я выложила ему свой план.

В конюшне Гиацинта было тихо — для его делишек еще слишком рано. Лошади дремали в стойлах, пахло хорошим сеном. Двое мальчишек лет двенадцати-тринадцати на дежурстве играли в кости. Мы застали их врасплох. Один ойкнул, увидев Жослена с обнаженным мечом, и оба съежились от страха. Неудивительно: даже без волчьей накидки Белого Брата в варварской одежде и со спутанными грязными волосами он больше походил на скальда-налетчика, чем на кассилианца.

— Работаете на Гиацинта? — спросила я, и ребята кивнули. — Хорошо. Ты, — я указала на того, который не ойкнул. — У меня к тебе поручение, и только от тебя зависит жизнь твоего товарища. Найди Гиацинта и скажи ему, чтобы срочно шел сюда. Только тайно, чтобы никто не заметил. Передай, что старый друг нуждается в его помощи. Если спросит, кто именно, скажи, что тот, с кем он ел тартинки под мостом на перекрестке Терция. Все понял?

Мальчишка быстро кивнул и задыхающимся голосом повторил:

— Старый друг. Тартинки. Перекресток Терция. Да, ми... да.

— Хорошо. — Я и сама не обратилась бы к себе как к благородной даме, учитывая мой потрепанный вид. — Если скажешь кому другому хоть одно словечко, или если кто-то тебя подслушает, имей в виду, твой приятель умрет, как если бы ты сам перерезал ему горло. Ясно?

— Да! — Он закивал так быстро, что челка упала на глаза. — Да, клянусь, я все сделаю путем, только не убивайте его!

— Хорошо, — повторила я и зловеще добавила: — И заруби на носу, если ты сваляешь дурака и мы тебя не прикончим, будь уверен, это сделает Гиацинт. Ступай!

Он стремглав выскочил за дверь, и до нас донесся топот бегущих ног.

Жослен убрал меч в ножны.

— Если твой приятель сдержит слово, ты в безопасности, — обратился он ко второму пареньку, который вытаращенными от ужаса глазами смотрел на нас. — Но не вздумай пытаться удрать.

Мальчишка в страхе замотал головой.

Мы ждали, напряженные, как туго натянутые струны арфы. С того самого момента, когда я очнулась от дурмана Мелисанды в накрытой рогожей повозке с тошнотой и болью во всем теле, я постоянно прислушивалась к приближающимся шагам. И эту поступь узнала мигом — легкую походку Гиацинта, танцующий стук его подошв по брусчатке.

А затем он вошел в конюшню, закрыл дверь, и вся его деланная непринужденность испарилась. Он повернулся к нам, и на его лице я увидела одновременно надежду и недоверие.

— Федра? Ты?!

Сделав два шага вперед, я бросилась в его объятия.

Жослен снова обнажил меч и встал на стражу у двери, чтобы никто не вломился, а подручные Гиацинта не сбежали. Мальчишка, которого мы посылали за тсыганом, вернулся и теперь замер с круглыми глазами и с прижатым ко рту кулаком. К стыду своему, я совершенно расклеилась; неделями сдерживаемый ужас наконец прорвался наружу, и я зарыдала, уткнувшись лицом в плечо Гиацинта. Друг крепко меня обнимал и шептал слова утешения дрожащим голосом. Наконец я взяла себя в руки и отступила, вытирая слезы.

— Успокоилась? — Гиацинт вопросительно приподнял брови, и я, кивнув, глубоко вдохнула. Тсыган подманил мальчишек и порылся в кошеле. — Так, слушайте сюда, вы двое. Сегодня вы здесь ничего особенного не видели. Поняли? — Оба молча кивнули. — Вот. — Он дал каждому по серебряной монете. — Вы отлично отдежурили. Берите деньги и держите рты на замке. Даже друг с дружкой чтоб не смели трепаться. Если распустите языки, клянусь, я призову *дромонд* и нашлю на вас такое проклятие, что пожалеете, что на свет родились. Усекли?

Мальчишки явно усекли. Гиацинт их отпустил, и они припустили прочь, напоследок

бросив пару испуганных взглядов на Жослена.

Сам Гиацинт его не сразу рассмотрел, но приглядевшись, пока Жослен убирал меч в ножны, недоверчиво моргнул:

— Кассилианец?

Жослен криво усмехнулся и склонил голову:

— Принц Странников.

— Благословенный Элуа, я-то думал, тебе нельзя обнажать меч... — Гиацинт встряхнулся, словно пытаясь пробудиться ото сна, и решительно сказал: — Идемте. Отведу вас в дом. Вы правы, показываться на улицах вам небезопасно.

Я обреченно закрыла глаза.

— Неужели все думают...

— Да. Вас судили и приговорили заочно, — неожиданно тихо ответил Гиацинт. — За убийство Анафиэля Делоне и его домочадцев.

Гиацинт жил все в том же доме на рю Куполь, но теперь — увы! — один. К моему сожалению, пресловутая лихорадка унесла жизнь его матери. Тсыганка сжалась над семьей соплеменников с больным ребенком, пустила их на постой и заразилась; сейчас в доме уже не было жильцов и Гиацинт не намеревался сдавать комнаты до окончания эпидемии. Мы узнали от него, что первыми признаками болезни являлись белые пятнышки на языке; очевидно, именно поэтому городские стражники у ворот велели нам показать языки и только.

Знакомый дом ощущался странно пустым без матери Гиацинта, что-то бормочущей у плиты. Гостеприимный хозяин подогрел воду для ванны и отправил одного из своих посыльных в «Петушок» за едой, сказав, что проведет вечер дома.

Возможность вымыться и переночевать в тепле показалась невиданной роскошью. Мы расселись вокруг кухонного стола и набросились на тушеных с розмарином голубей, запивая их неплохим красным вином. Жадно поглощая ангелийскую пищу, мы с Жосленом наперебой рассказывали Гиацинту о том, что пережили. К его чести, тсыган ни разу не перебил, внимая неаппетитным подробностям испытаний, выпавших на нашу долю. Услышав об измене д'Эгльмора и о грядущем нашествии скальдов, он аж побелел.

— О нет, — выдохнул Гиацинт, — герцог не мог!

— Еще как мог! Он же хочет победить, хочет сесть на трон. — Я отхлебнула вина и поставила бокал на стол. — Но даже не представляет, какое огромное у Селига войско. Нам нужно с кем-нибудь поговорить, Гиацинт. С дофиной или с кем-то еще, имеющим к ней доступ.

— Погоди минутку... — пробормотал друг, беря свой кубок. — Если кто-то узнает, что вы заявили в город, можете распрощаться с жизнью. Вас уже приговорили к смертной казни.

— Но как... почему? Почему вдруг решили, что это мы? — Жослен тоже выпил вина, отчего слегка разгорячился. — Какая нам-то с этого выгода?

— Могу рассказать самую распространенную версию. — Гиацинт покрутил кубок, глядя, как плещется темно-красная жидкость. — Ходят слухи, будто Баркель л'Анвер отвалил вам кучу денег за то, чтобы ты, красавица, предала своего хозяина, а ты, кассилианец, — свою клятву, за то, чтобы вы, впустив в дом аккадианскую гвардию л'Анвера, позволили ему наконец поквитаться с Делоне. Отомстить за Изабель. А впоследствии вас обоих якобы увезли в Хеббель-им-Аккад. Конечно, доказательств тому нет никаких и герцогу не было предъявлено официальное обвинение, но толки об убийстве Доминика Стрегацца отнюдь не обеляют его репутацию.

— Я бы никогда... — начала я.

— Знаю. — Гиацинт поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза. — Я знаю, что это все неправда, и твержу это всем, кто готов слушать. Кстати, у вас и помимо меня нашлись защитники. Каспар Тревальон и Сесиль Лаво-Перрин. А префект Кассилианского Братства особым письмом отстаивал невиновность своего ордена в твоём лице, — тсыган кивнул Жослену. — Но Парламент жаждал поскорее найти и осудить преступников. Сами понимаете, никуда не годится, если люди вдруг начнут думать, что можно вот так внаглую убить ангелийского лорда и не понести наказания.

— А Мелисанда? — спросила я, уже предвидя ответ.

Гиацинт встряхнул смоляными кудрями.

— Если она за этим и стояла, ей удалось остаться в стороне.

— Ну конечно. Роль безвинной свидетельницы она уже разыгрывала на суде над принцем Бодуэном; Мелисанда слишком хитра, чтобы пользоваться одной и той же схемой дважды. — Я рассеянно повертела в пальцах бриллиантовую подвеску и кисло добавила: — Ее прямое вмешательство выглядело бы подозрительно.

Гиацинт принялся молча убирать со стола, складывая тарелки в лохань для мытья.

— Все, что мое — твое, Федра, — наконец сказал он, вернувшись за стол и подперев руками подбородок. — Поэты и игроки вхожи повсюду и водят знакомство со всеми; через них я могу передать твою весточку кому угодно. Вот только не могу поручиться, что у них не развяжутся языки.

Я невольно посмотрела на хмурого Жослена.

— Говоришь, префект ограничился письмом? — спросил он у Гиацинта, который в ответ кивнул. Кассилианец покачал головой и неохотно сказал: — Нет, я в нем не уверен. Если он защищал невиновность ордена, а не мою... если прислал письмо, а не приехал лично... Нет. Не исключу, что префект может наслать на нас королевскую гвардию. Лучше я для ясности обойдусь без курьеров и сам наведаюсь к нему на поклон. — Жослен снова глянул на Гиацинта: — Одолжишь коня?

— Да, конечно.

— Нет. — Я прижала пальцы к вискам. — Это небезопасно и отнимет драгоценное время. Должен быть какой-то другой путь, покороче. — Внезапно меня осенило, и я подняла голову: — Гиацинт, сможешь найти кого-нибудь, способного доставить письмо Телезис де Морне?

— Да раз плюнуть, — ухмыльнулся тсыган. — Любовную записку? Послание от почитателя? Нет ничего легче. Единственное, не могу обещать, что печать по прибытии окажется целой и невредимой.

— Неважно. — Мысли приходили в голову одна за другой. — Бумага есть? Я напишу то, что действительно важно, на круитском. Если кто-то из твоих знакомых поэтов и игроков умеет читать на языке пиктов, я съем этот стол.

Покопавшись в комодке, Гиацинт принес мне бумагу, чернильницу и перо, кончик которого очинил своим острым ножом. Я быстро набросала игриво-любезную двусмысленную пустышку по-ангелийски и добавила несколько строк на круитском, расположив их так, чтобы сошли за стихи.

*«Последняя ученица того,
кто мог бы стать придворным поэтом,
ждет вас в доме Принца Странников
и молит о помощи
во имя лебедушки принца,
его единственной и любимой».*

Я зачитала написанное вслух, сначала на ангелийском, затем, запинаясь, на подзабытом языке пиктов.

— Круитский, — прошептал Жослен, которого я, похоже, снова удивила. — Ты и по-

круитски говоришь?

— Не слишком хорошо, — призналась я, умолчав, что, не зная, как будет по-круитски лебедь, назвала Исандру де ла Курсель «птенцом длинношеей водной птицы». Но Телезис де Морне прекрасно владела этим редким языком, и именно она давным-давно сказала мне, что Делоне наверняка стал бы придворным поэтом, не помешай ему роковые обстоятельства. — Ну как, сойдет?

— Еще бы, да это куда лучше, чем просто сойдет. Нет, оставь без подписи. — Гиацинт, до того лениво покачивавшийся на стуле, выхватил у меня письмо и достал печатку, чтобы как следует запечатать его сургучом. — Сегодня народ ломанется в «Лютню и маску». К завтрашнему полудню твое послание окажется в руках у Телезис де Морне, даже если мне придется умаслить половину прохвостов из Сеней Ночи, чтобы его доставить.

В считанные секунды тсыган накинул плащ и выскочил за дверь.

— Что ж, ты была права, решив ему довериться, — тихо промолвил Жослен. — А вот я ошибался. — Я посмотрела ему в глаза через стол; кассилианец криво ухмыльнулся. — Мне хватает мужества это признать.

— Что ж, а ты был прав насчет Таави и Данели, — признала я. — Как-то к слову не пришлось, но, по правде, когда ты попросил у них убежища, я готова была тебя убить. Но ты оказался прав.

— Они хорошие люди. Надеюсь, у них все благополучно сложится. — Он встал. — Если на сегодня от меня больше ничего не нужно...

— Иди, поспи. — При мысли о постели я подавила зевок. — Я пока тут посижу, подожду Гиацинта.

— Тогда я тебя оставлю. Уверен, тебе хочется с ним поговорить без лишних ушей. — Та же кривая улыбка, но было в ней что-то, от чего у меня вдруг сжалось сердце.

— Жослен... — Я подняла на него глаза. В этой кухне, где я бывала еще ребенком, все, что мы недавно пережили с ним вместе, казалось нереальным. Как страшная сказка. — Жослен, через что бы мы с тобой ни прошли... ты все сделал правильно. Ты исполнил свой главный обет: служить и защищать. Ты сумел вернуть меня домой в целостности и сохранности, — тихо произнесла я. — Спасибо.

Он отвесил кассилианский поклон и удалился.

Гиацинт отсутствовал довольно долго и вошел в дом тихо-тихо, аккуратно провернув ключ в замке. Я встрепенулась, успев задремать за кухонным столом.

— Чего не спишь? — Он сел рядом со мной и взял меня за руки. — Я-то думал, ты уже десятый сон видишь.

— Как все прошло?

— Нормально. — Он рассматривал мои ладони, бережно их поворачивая. — Послание попадет к Телезис завтра, если юный Марк-Батист не сцепится с Иафетом но Эглантин-Варденном, а это вряд ли. Он считает, что под моей крышей нашел приют скандально известный Сарфиэль-Затворник, которому точно достало бы дерзости попросить Принца Странников передать неподписанное любовное письмо королевской поэтессе. Кстати, Телезис долго болела, но ее выходил личный врач короля, и сейчас она идет на поправку. Федра, не обижайся, но твои ладони выглядят так, словно тебя продали в рабство на галеры.

— Знаю. — Я убрала руки. Красные, обмороженные, исцарапанные и израненные, с въевшейся грязью, которую не оттереть с одного раза. — Зато теперь я сумею развести костер из единственного сырого полена в разгар метели.

— О Элуа Милосердный. — В темных глазах Гиацинта блеснули непролитые слезы. — Я ведь думал, что потерял тебя, навсегда потерял. Делоне, Алкуин... Федра, я думал, что больше никогда тебя не увижу. Не могу поверить, что ты выжила. Выжила и вернулась домой, а тут этот приговор... Знай я, что ты жива, защищал бы тебя всеми силами. Мне так жаль.

— Понимаю. — Я с трудом сглотнула. — Ничего, по крайней мере, я теперь дома. Если же мне суждено умереть... Ах, Гиацинт, прими соболезнования из-за кончины твоей мамы.

Он помолчал, тупо глядя на плиту, возле которой раньше суежилась его мать, бормоча пророчества и позвякивая украшениями из золотых монет.

— Спасибо. Я по ней скучаю. Всегда думал, что она доживет до того дня, когда я по праву рождения займу свое место среди тсыган и перестану заниматься ерундой в Снях Ночи. Но я слишком долго ждал. — Он потер глаза. — Пора спать. Ты, верно, с ног валишься.

— Да. Спокойной ночи, — прошептала я, целуя его в лоб.

Я чувствовала на себя взгляд Гиацинта, пока шла к теплой и мягкой постели.

Порою устаешь настолько, что не можешь заснуть. Вот и в ту ночь сон бежал от меня. За долгие месяцы я отвыкла спать одна, отвыкла спать на чистых полотняных простынях под теплым бархатным покрывалом. Даже когда я пригрелась, расслабилась и поддалась сонливости, чего-то не хватало. Поняв же, чего именно, я едва не подскочила, как раз перед тем, как сон окончательно утянул меня в бездну забвения, стирая эту нечаянную мысль, совсем как волны слизывают детский рисунок на песке.

Мне не хватало Жослена.

* * * * *

Я спала долго и, проснувшись, не помнила, что мне снилось. Гиацинт уже встал и всюду суежился по хозяйству — скромный дом сверкал чистотой. Он нанял готовить и убирать дочь тсыганской швеи, с которой прительствовала его мать. Молодая тсыганка, удостоенная его доверия, с опущенной головой занималась домашними делами, явно желая угодить Принцу Странников и боясь посмотреть в глаза и ему, и его таинственным гостям.

— Она никому ничего не скажет, — пообещал нам Гиацинт, и мы поверили.

Он нашел для нас одежду, вернее, купил у той самой швеи. Я снова выкупалась, бормоча благодарственные молитвы при виде того, как горячая вода смывает с моей кожи следы рабства у скальдов, и надела принесенное другом платье из темно-синего бархата, севшее вполне по фигуре.

Жослен в сизом дублете и штанах пытался расчесать свои волосы, влажные и чистые, но сильно спутанные после скальдских косичек. Он не стал возражать, когда я пришла ему на помощь и принялась избавлять от колтунов.

Кинжалы, перевязь, наручи и меч грудой кожи и металла лежали на кухонном столе.

— Ты не... — начала я.

Он покачал головой, и пряди заструились по плечам.

— Пусть я и защитил твою жизнь, но все равно нарушил свои обеты. Пока я не вправе носить оружие.

— Хочешь, чтобы я заплела их в одну косу? — Я разделила шелковистую массу его светлых волос.

— Нет, — решительно отказался Жослен. — Соберу в пучок. На это у меня еще есть право, как у жреца.

Да, он был жрецом, а я об этом позабыла. Я смотрела, как он ловко скручивает пряди в пучок на затылке. Даже безоружный он выглядел настоящим кассилианцем.

Гиацинт молча наблюдал за нами, и его изогнутые брови напоминали мне о том, как сильно все изменилось за прошедшие месяцы.

— Это надо сжечь, — наконец сказал он, картинно морща нос от резкого запаха белья, шкур и шерстяной одежды, что мы сняли.

— Нет, не надо, — быстро возразила я. — Элуа, одна только эта вонь и послужит доказательством того, что мы не врем! Ведь больше подтвердить свою историю нам нечем.

Жослен рассмеялся.

Качая головой, Гиацинт выглянул в окно и напрягся.

— Внизу экипаж, — тихо предупредил он. — Идите в заднюю часть дома, там есть выход к калитке. Если это не Телезис, я задержу их насколько смогу.

Жослен быстро подхватил свое оружие, и мы спрятались в судомойне, откуда было рукой подать до выхода во двор.

Ждать пришлось недолго. Открылась дверь, и вошел, судя по шагам, один человек, которого Гиацинт витиевато поприветствовал. Голос посетительницы было невозможно спутать ни с чьим другим: пусть он и звучал слабее, чем я помнила, но все равно оставался медовым, глубоким и женственным.

Телезис де Морне.

Помню, как я, шатаясь и плача, вышла из судомойни, а Телезис тем временем сняла капюшон, открыв знакомые невыразительные черты и огромные темные глаза, в которых читались одновременно и печаль, и радость. Она быстро и ловко заключила меня в неожиданно крепкие объятия.

— О дитя... — прошептала она мне на ухо. — Я так рада видеть тебя живой. Анафиэль Делоне гордился бы тобой. — Она схватила меня за руки и встряхнула. — Поверь, он гордился бы тобой.

Я сглотнула слезы, собралась с духом и сказала, преодолевая дрожь в голосе:

— Телезис... Нам необходимо срочно поговорить с дофиной, Каспаром Тревальоном, адмиралом Руссом и с кем угодно, кому вы доверяете. Скальды замыслили вторжение, у них есть единый вождь, а герцог д'Эгльмор намерен предать корону...

— Тс-с. — Она еще раз встряхнула мои руки. — Я получила твое послание, Федра, и очень обрадовалась, потому что всегда знала, что ты не предательница. Давай сейчас же поедем во Дворец на аудиенцию к Исандре де ла Курсель. Ты готова это вынести?

Предложение оказалось ошеломляюще внезапным. Я лихорадочно и неуверенно огляделась. Жослен стоял рядом со мной с пустыми руками, но при полном кассилианском вооружении.

— Одна она никуда не поедет, — предупредил он смертельно-нежным голосом. — Во имя Кассиэля я буду свидетелем на этой аудиенции.

— И я. — Гиацинт грациозно поклонился в залихватской манере Принца Странников, но когда выпрямился, его глаза были холодными и черными. — Я уже один раз потерял Федру но Делоне, миледи, к стыду своему, предприняв мало мер для ее защиты. И не собираюсь вновь допускать ту же ошибку. Возможно, мой скромный дар *дромонда* как-то да пригодится.

— Возможно, тсыган. — Телезис де Морне взгляделась в Гиацинта цепким взглядом темных глаз и положила изящную ладонь на его предплечье. — Молюсь, чтобы твой дар

ПОМОГ НАМ.

Все было почти как в старые времена, но не совсем так же: закрытый экипаж снова вез меня во Дворец на тайную встречу с потомком Элуа, но я больше не являлась любимицей почитателей Наамах, одетой в изысканнейший наряд и ожидаемой в сладостном предвкушении. В тот день мне досталась роль приговоренной убийцы и беглой скальдийской рабыни в неказистом платье от щедрот прохвоста из Сеней Ночи, ожидающей суда наследницы престола.

Только алая крапинка в глазу да незаконченный туар на спине напоминали о том, что я еще и *ангуссетта* Делоне, единственная *ангуссетта* за три поколения ангелийцев.

По дороге мы с Жосленом рассказали историю наших злоключений Телезис де Морне. На этот раз без личных подробностей, сосредотачиваясь лишь на том, что касалось заговора с целью захвата трона Земли Ангелов. Поэтесса внимательно слушала, время от времени отворачиваясь, чтобы откашляться.

Она, казалось, верила нам. Но поверит ли Исандра де ла Курсель? С ней я не встречалась, поэтому предугадать не могла.

Экипаж подъехал к укромному входу во Дворец, где нас встретили гвардейцы в ливреях Дома Курселей — темно-синих с серебристым гербом. Помня уроки Делоне, я пригляделась к стражникам и кое-что заметила. Серебряное кольцо на мизинце левой руки у каждого из них.

— Это личная гвардия дофины, — пояснила Телезис, подавляя кашель. Она, очевидно, перехватила мой взгляд. — Им можно полностью доверять.

Гвардейцы потребовали наше оружие: Жослен с коротким поклоном сдал меч и кинжалы, а Гиацинт сначала протянул стражнику нож, который носил на поясе, а потом, пожав плечами, достал еще один из ботинка. У меня в котомке с пожитками, оставшимися у нас после рабства у скальдов, нашли кинжал Трюгве. Поскольку он являлся одним из немногих вещественных доказательств в нашу пользу, я отказалась его отдать.

— Я за них ручаюсь, — твердо сказала Телезис, и гвардейцы не стали ей возражать, равно как и обыскивать ее. Придворная поэтесса, как доверенное лицо дофины, похоже, была вне подозрений.

Итак, нас обезоружили и повели на встречу с Исандрой де ла Курсель.

Я уже видела ее издали, когда пряталась под стулом в театре, а еще на суде над Домом Тревальонов, но все равно не знала, чего от нее можно ожидать.

Нас отконвоировали в небольшую приемную, как позже выяснилось, относящуюся к покоям короля, а не дофины, на что имелась веская причина. Мой самый большой страх мигом отступил, едва я увидела, что в комнатке не было ни одного представителя ангелийской знати. Значит, нас по крайней мере выслушают, а не арестуют прямо на пороге.

Исандра де ла Курсель сидела на стуле с высокой спинкой, за ее спиной стояли шестеро гвардейцев в ливреях королевского дома — все как один с серебряными кольцами на мизинцах. Лицо дофины было непроницаемым и холодным и отличалось фарфоровой красотой, должно быть, унаследованной от матери. Только длинная изящная шея выдавала в принцессе представительницу династии Курселей, избравшей своим символом лебедя.

— Ваше высочество, — Телезис присела в реверансе, — от всего сердца благодарю вас за великодушно предоставленную аудиенцию.

— Мы ценим вашу службу нашему Дому, поэтесса. Кого это вы нам привели? — Исандра говорила в точности как я помнила: одновременно непринужденно и сдержанно. Она наверняка знала, кто мы такие. Вопрос был чистой формальностью.

— Это Федра но Делоне, Жослен Веррэй из Кассилианского Братства и... — Телезис замялась, не уверенная, как представить Гиацинта.

Тсыган сделал шаг вперед и поклонился:

— Гиацинт, сын Анастасии из табора Маноха.

Тсыганское имя — никогда прежде не слышала, чтобы он так себя называл. До сих пор я даже не знала имени его матери. Но было не время предаваться скорби об усопшей, поскольку Исандра де ла Курсель смотрела прямо на меня, и фиалковые глаза горели на ее бледном лице словно угли. Очевидно, приписываемое мне предательство казалось ей самым тяжким.

— Ты, — начала она. — Ты, кому Анафиэль Делоне дал свое имя, обвиняешься в убийстве своего наставника, который поклялся защищать меня ценой своей жизни. Чем ты ответишь на это обвинение, *ангуисетта*?

Меня от макушки до пят волной захлестнуло необъяснимое чувство. Представьте, я потеряла почти все, что любила, прошла через пытки, рабство и убийственный холод скальдийской зимы, и все ради того, чтобы мне в лицо бросили этот гнусный поклеп. Я смотрела в глаза дофины, и красная пелена застилала мой взор, пока я вспоминала слова, доверенные мне давным-давно:

— Во имя птички принца, его единственной и любимой, ваше высочество, я должна передать вам послание от адмирала Русса. Когда в Альбе воцарится Черный Кабан, Старший Брат уступит!

Слова прогремели в маленькой комнате, эхом отдаваясь от стен. Гвардеец переступил с ноги на ногу, а в глазах Исандры промелькнуло любопытство.

— Да, — кивнула она. — Я знаю. Квинтилий Русс прислал еще одного гонца. Это все, что ты можешь сказать в свою защиту?

— Нет, не все. — Я набрала в грудь воздуха. — Но это сообщение было мне доверено много недель назад в салоне у туарье, как раз когда вершилась трагедия. Клянусь, я невиновна в гибели Анафиэля Делоне и его домочадцев, и пусть земля разверзнется и поглотит меня, если я лгу. Жослен Веррэй из Кассилианского Братства, сопровождавший меня, также невиновен. — Он молча поклонился. Я не сводила глаз с Исандры. — Вас предали, ваше высочество. Герцог Исидор д'Эгльмор за вашей спиной замышляет государственный переворот и сговаривается со скальдийским вождем Вальдемаром Селигом. Я больше двух месяцев прожила рабыней среди скальдов, пока не представился случай сбежать от них. Варвары собираются на нас напасть с поущения д'Эгльмора. А потом предать его. И если их орду не остановить, они победят.

Не знаю, поверила она или нет, но кровь отлила от ее лица, отчего дофина стала похожа на мраморную статую, восседающую на стуле. Только глаза ее по-прежнему сверкали.

— Так ты обвиняешь Исидора д'Эгльмора, героя королевства, командующего Союзниками Камлаха, в этом ужасном преступлении?

— Да, обвиняю, и не только его. — Я удерживала ее взгляд, хотя лиловый огонь в ее глазах вгонял меня в ужас. — Я также обвиняю леди Мелисанду Шахризай из Кушета, которая является соучастницей д'Эгльмора. Именно она обрекла Делоне на гибель, и именно она в собственноручном письме завершила Вальдемара Селига, что его замысел

безупречен.

Исандра отвернулась и что-то прошептала одному из гвардейцев. Тот, кивнув, вышел. Она с бесстрастным лицом снова повернулась ко мне.

— Расскажите все, чему вы будто бы стали свидетелями.

Мы с Жосленом, дополняя друг друга, поведали ей нашу историю, начав с Самой долгой ночи. Рассказали о бойне в доме Делоне, о предательстве Мелисанды и о нашем рабстве. Дофина Земли Ангелов слушала и смотрела в пустоту, подперев рукой подбородок. Телезис де Морне в подходящий момент высыпала на мраморный пол содержимое нашей котомки, и принцесса увидела наши поношенные скальдийские одежды и кинжал Трюгве. А в конце Гиацинт выступил вперед и описал, как нашел нас на своей конюшне.

— И это все, что у вас есть? — задумчиво произнесла Исандра де ла Курсель, разглядывая предметы на полу. — Невероятная история и груда вонючих шкур в качестве подтверждения?

— Призовите Мелисанду Шахризай! — выпалил Жослен. Его голубые глаза гневно сверкали. — И допросите ее! Клянусь своими обетами, каждое наше слово — чистейшая правда!

Отправленный с поручением гвардеец вернулся, проскользнув в дверь и аккуратно затворив ее за собой. Исандра вопросительно приподняла бровь, и он покачал головой.

— Похоже, леди Шахризай сейчас нет в Городе, — пробормотала Исандра. — Но если ваш рассказ правдив, если вы столь многое про нее узнали, почему она оставила вас в живых? — Взгляд холодных глаз вновь вонзился в меня. — Представители Дома Шахризаев отнюдь не дураки, а Мелисанда в первую очередь.

Я открыла рот, чтобы ответить, и поняла, что не в силах облечь свои мысли в приличествующие слова. Как объяснить мое предназначение далекой от плотских страстей дочери короля? Я покраснела. Исандра не отводила глаз, пока я смятенно мялась на месте. Гиацинт и Телезис заговорили одновременно. Мне было унижительно слышать их двусмысленные фразы.

— Ответ, ваше высочество, стоит тысячи дукатов, и вам потребуется время, чтобы его получить, — произнес Гиацинт.

А Телезис, перебивая его, процитировала поговорку эйсандинских рыбаков:

— Если в сеть для ловли креветок попадет горящий лосось, отпусти его обратно в море.

— И? — один лишь звук и слегка приподнятые брови.

— Ваше высочество. — Жослен поклонился, вновь держа себя в руках, его голос прозвучал спокойно и весомо на фоне молчания дофины. — Если бы потомок Кушиэля убил человека, отмеченного его стрелой, то навлек бы проклятие на весь свой Дом. Равно как и убийство жреца счастья никому не приносит. Мелисанда Шахризай не забрала наши жизни, но наверняка считала, что у скальдов мы неминуемо погибнем. Вряд ли она допускала, что нам удастся сбежать от них и вернуться в Город. Никто в своем уме не мог бы такого вообразить, — рассудительно добавил он. — Сейчас мы стоим здесь, перед вами, лишь потому, что Благословенный Элуа нам благоволил.

— Это ты так говоришь. Что еще?

Телезис де Морне выступила вперед.

— Я ручаюсь за них, ваше высочество. Я знала Анафиэля Делоне. Хорошо знала. Он всецело доверял своим ученикам.

— Настолько, что доверил им все свои секреты? — Исандра перевела взгляд на поэтессу. — Настолько, что рассказал Федре, как дал клятву меня защищать?

Телезис беспомощно всплеснула руками, взглядом моля меня о помощи. Думаю, она догадывалась, что этой тайной наставник со мной не поделился.

Странное ощущение вернулось, волна словно выплескивала мою душу за пределы тела.

— Нет, миледи, — прошептала я. — Про эту клятву он мне не рассказывал. Но мы с Жосленом послужили бы и ему, и вам гораздо лучше, будучи посвященными в эту тайну. — Слова сами слетели с языка и, произнесенные вслух, уязвили меня своей горечью. — Анафиэль Делоне учил меня и использовал, но держал в неведении, надеясь, что тем самым меня защитит. А если бы он не оберегал меня от опасных сведений, то, может, и не погиб бы, поскольку, зная, что поставлено на кон, я вовремя разгадала бы замысел Мелисанды Шахризай. Она приблизила меня к себе настолько, что я все видела, но не понимала, что именно вижу, и вот теперь он мертв.

Жослен заерзал, тем самым призывая меня замолчать. Мы, бывшие рабы, научились понимать друг друга без слов. Запоздалое предупреждение, я слишком далеко зашла в своем гневе. Я беспомощно смотрела и смотрела на дофину, и тут внезапно меня осенила такая простая мысль, что я чуть не рассмеялась от облегчения.

— Стражники, ваше высочество, спросите у стражников!

Жослен снова пошевелился, на этот раз вторя моей просьбе:

— Ваше высочество! Мы добивались встречи с вами, а потом с придворной поэтессой в ночь убийства Делоне. В обоих случаях нам дали от ворот поворот. — Он неожиданно улыбнулся, сверкнув белыми зубами. — Кассилианец и *ангуиссетта* в *сангровой* накидке. Несомненно, кто-нибудь из охраны нас вспомнит.

Мгновение мне казалось, что дофина нас не слушает, но она кивнула гвардейцу, которого уже отсылала с поручением.

— Иди. Будь осмотрителен. — Затем вновь перевела взгляд на нас, и мне вдруг удалось углядеть под властной маской испуганную молодую женщину. — О, Элуа, — прошептала она. — Значит, все это правда?

Тогда я поняла природу ее гнева, проистекающего из страха, и опустилась на колени, глядя на принцессу снизу вверх. Мы принесли ей самые страшные новости из тех, что ожидает услышать любой правитель: о грядущей войне, о военных приготовлениях противника и об измене в самом сердце королевства.

— Да, миледи, — тихо подтвердила я. — Это все правда.

Она немного помолчала, наверное, свыкаясь с услышанным. И мне удалось разглядеть в ней кое-что еще: пугающую решимость, которая шла из глубины души, заостряя черты ее милого юного лица и ожесточая рот. Тут я вспомнила, что передо мной дочь неистового Роланда де ла Курселя, которого любил и превозносил Делоне.

— А мой дядя? — спросила она, вновь взяв себя в руки. — Герцог л'Анвер?

Я покачала головой и грациозно поднялась с колен, как учили в Доме Кактуса.

— Насколько мне известно, Баркель л'Анвер не имеет к заговору отношения, ваше высочество. Он и Делоне ради вас даже забыли о старых обидах между собой.

— Это правда, что по его приказу убили Доминика Стрегацца?

О да, я уже усвоила, что Исандра де ла Курсель признает только безжалостную правду.

— Полагаю, это действительно так, — тихо ответила я. — Делоне расплатился именем убийцы вашей матери за мир с герцогом л'Анвером. Скорее всего, чтобы защитить вас от

такой же судьбы, ваше высочество.

Исандра и глазом не моргнула.

— А ты узнала для него это имя.

— Нет, не я. У меня был товарищ по ремеслу. — Сердце вновь сжалось от горя: по приезде в Город старая рана разбередилась. — Его звали Алкуин но Делоне. Это он сумел разоблачить козни Стрегацца. И погиб вместе с милордом Делоне.

— Ты и его оплакиваешь. — Исандра с любопытством посмотрела на меня и тут же погрустнела. — Жаль, что мне не довелось узнать Делоне получше. Жаль, что нам с ним было отпущено так мало времени. — Она посмотрела на дверь, куда чуть раньше вышел гвардеец, встала и поманила нас за собой. — Идите-ка сюда.

Мы вчетвером в сопровождении стражника последовали за ней и, миновав две двери, очутились перед третьей, которую загораживали два пожилых кассилианца, расступившиеся по приказу дофины. Жослен старался на них не смотреть. Исандра сделала шаг в комнату и остановилась; мы выглядывали из-за ее плеч.

Ганелон де ла Курсель, король Земли Ангелов, лежал на кровати под темным балдахинном. Лицо его, изрезанное глубокими морщинами, казалось восковым и бездвижным. Он выглядел гораздо более старым, чем я его помнила. Сперва я подумала, что он уже упокоился вечным сном, но потом разглядела, что его грудь размеренно поднимается и опускается.

— Вот лежит мой дедушка-король, — тихо сказала Исандра, крутя на пальце массивный золотой перстень. Я узнала кольцо, то была печатка Роланда, на которой принес клятву Делоне. — Вот лежит венценосный правитель нашей прекрасной страны. — Она попятилась, и мы поспешили отступить в коридор. — В эту Лютую Зиму он пережил второй удар, — продолжила принцесса, закрывая дверь и кивая кассилианцам, которые вновь заняли свой пост, расслабленно скрестив руки. — Пока что я правлю от его имени. Пока что аристократы королевства меня терпят. Но если мы стоим на пороге войны... Не знаю, сколько еще я продержусь, пока кто-нибудь не выдернет из моих рук бразды правления. Я даже не знаю, благословение или проклятье, что король все еще жив. Сколько он еще протянет? Не знаю.

Кто-то ахнул. Я испуганно покосилась на Гиацинта. Он прислонился к стене, отчаянно дергая пуговицу на воротнике бархатного дублета. Смуглая кожа посерела.

— Гиацинт! — метнулась я к другу.

Он отмахнулся, сложился пополам и выпрямился, с шумом втягивая воздух.

— Три дня, — слабым голосом вымолвил он. Оперся рукой о стену и повторил: — Король умрет через три дня, ваше высочество. — Тсыган перевел взгляд на Телезис. — Вы же просили меня прибегнуть к *дромонду*, миледи.

— Что ты такое говоришь? — Голос Исандры стал холодным и жестоким, как скальдйская зима. — Ты приписываешь себе дар прорицателя, сын Анастасии?

— Я владею *дромондом*, хотя и не так искусно, как моя матушка. — Гиацинт провел руками по лицу. — Ваше высочество, однажды Благословенный Элуа, утомившись, искал убежища среди тсыган в Бходистане, а мы прогнали его и Спутников градом камней, а вслед еще кричали, мол, будьте навеки прокляты, навеки обречены бродить по земле, ища и не находя места, которое назвали бы домом. Было глупо, конечно, насыпать проклятие на сына Матери-Земли. Она не замедлила с карой, назначив нам ту же судьбину, что мы прочили Элуа, и теперь мы сами обречены вечно скитаться по Длинному пути. Но из жестокого

милосердия Мать-Земля наградила нас *дромондом*, умением пронизать завесу времени, чтобы в следующий раз мы видели будущее яснее.

Исандра дослушала, не шевелясь, и вдруг резко повернулась к стоящим на страже королевской спальни кассилианцам.

— Вы будете молчать. Во исполнение вашей клятвы. — Оба отвесили одинаковые ритуальные поклоны. — Пойдемте обратно.

Посланный с поручением гвардеец уже вернулся, приведя с собой стражника. Тот глянул на нас с Жосленом и вытаращил глаза.

— Да, вот эти самые, — уверенно сказал он. — Парень тогда был в сером, а девчонка в темно-красной накидке. Хотели повидать королевскую поэтессу. Но я тогда подумал...

— Хорошо, — кивнула ему Исандра де ла Курсель. — Мы тобой довольны. Но помни, это наша тайна, и разглашение ее приравнивается к государственной измене и карается смертью.

Стражник слотнул и так убито понурился, что я его даже пожалела. Дофина отпустила его и о чем-то тихо переговорила со своим гвардейцем. Наверное, за стражником будут приглядывать. Мы все стояли тихо, пока принцесса, забыв о нас, с измученным лицом мерила шагами приемную.

— Да смилостивится Элуа, — бормотала она. — Кому мне довериться? Что делать? — Вспомнив о нашем присутствии, она спохватилась. — Вы имеете право на нашу благодарность. Вы оказали нам услугу, огромную услугу, ради чего перенесли многие страдания и тяготы. Не сомневайтесь, мы вам благодарны и проследим, чтобы с вас сняли все обвинения и объявили вас героями королевства. Даю вам в том слово монарха.

— Нет, — непроизвольно слетело с моих губ. Я кашлянула, не обращая внимания на предостерегающие взгляды Жослена и Гиацинта. — Мадам... ваше высочество, ничего этого никак нельзя сделать, — нехотя продолжила я. — Исидор д'Эгльмор — ваш первейший враг — подобрался вплотную к трону. Он командует армией, готовой воевать. У вас единственное преимущество: ему пока неизвестно, что вам известно о его предательских планах. Оправдав нас, вы обнаружите свою осведомленность, и он немедленно пустит в ход войска. Нет, лучше, пока герцог выжидает, созовите тех, кому доверяете, и устройте совет. Если вы не соберете верные вам силы, не выстроите оборону, он рано или поздно нападет и сможет победить. Но самое страшное, что при любом исходе Земля Ангелов после вооруженного мятежа останется беззащитной перед ордами скальдов.

Холодные фиалковые глаза изучали меня.

— Тогда тебя по-прежнему будут считать убийцей, Федра но Делоне, по-прежнему будут считать бесчестной погубительницей твоего наставника и благодетеля. И твои друзья тоже будут слыть преступниками.

— Так тому и быть. — Я выпрямилась. — Гиацинт в безопасности, о нашей с ним дружбе никому не ведомо. Жослен... — Я посмотрела на кассилианца.

Он поклонился мне с печальной кривоватой улыбкой.

— Я в любом случае грешен. Поскольку нарушил все обеты, кроме одного, чтобы мы добрались сюда живыми, ваше высочество. Я не боюсь суда людей Земли Ангелов, когда впереди меня ждет более страшный суд, — тихо заключил он.

Исандра помолчала, затем кивнула.

— Поверьте, меня печалит эта вынужденная несправедливость. — Ее слова и осанка были исполнены достоинства; я поняла ее и поверила ей. Передо мной стояла дочь

наследного принца, которого беззаветно любил Делоне. Интересно, как он относился к ней самой? Тут в глазах Исандры зажегся расчетливый огонек. — Но вы представляете слишком большую ценность, чтобы отправить вас в какое-нибудь безопасное место вдали от Города, как и ты, тсыган, если твой дар истинен. Именем моего деда я беру вас под защиту трона.

На том аудиенция и закончилась.

Предсказание Гиацинта сбылось: Ганелон де ла Курсель, король Земли Ангелов, скончался через три дня.

Из происходившего в те дни я мало что видела своими глазами, потому что сидела взаперти во Дворце под охраной личной гвардии Исандры. Какие-то новости удалось разузнать от стражников, другими поделился словоохотливый королевский врач, который после обследования наложил повязки на все еще не зажившие раны Жослена и прописал обильное питание для восстановления сил, поистраченных за время побега. По большей части мне казалось, что я сплю и вижу сны, а настоящая жизнь протекает где-то за порогом моего сознания. В своем убежище мы слышали траурный перезвон колоколов, не звучавший с тех давних пор, когда я была воспитанницей в Доме Кактуса. Мы видели печальные лица гвардейцев и черные повязки на их руках. Но происходящее все равно представлялось мне иллюзорным.

Только одно затрагивало меня: я кожей чувствовала беспокойство Города и окружавшего его королевства. Хотя ангелийцы еще не знали, какая страшная угроза надвигается на нас с востока, слухи о набегах скальдов обрели небывалый размах, тем паче Исидор д'Эгльмор и полдюжины лордов Камлаха испросили дозволения не являться на похороны короля и коронацию Исандры, утверждая, что было бы опрометчиво оставить провинцию без защиты.

Коронацию провели с неподобающей поспешностью. После стольких лет правления Ганелона многие не могли так сразу поверить, что он умер. Вдобавок моровое поветрие изрядно проредило не только простой народ, но и ангелийскую знать — только в Парламенте пустовало пять мест, а то и больше. Те же, кому повезло выжить, не принимали всерьез юную королеву, которая до сих пор не вышла замуж.

Все это рассказала Телезис де Морне, которой дозволялось нас навещать. Она еще оправлялась от лихорадки, но как-то очень медленно, и меня пробирала дрожь при звуке ее лающего кашля.

Больше всего я страшилась вестей о Мелисанде Шахризай. Хотя по слухам она находилась в Кушете — с цветистыми соболезнованиями от Дома Шахризаев ко двору явился один из ее кузенов, Фаншон, — в стенах Дворца, где состоялась наша с ней последняя встреча, ее призрак неотступно меня преследовал. Я то и дело трогала ее бриллиант, по-прежнему висящий на моей шее, талисман мести, от которого я не смела избавиться, и слишком часто думала о ней. Выживание во враждебной среде занимало ум целиком и полностью, но теперь, на родной земле, в относительной безопасности у меня вдруг образовалось много времени, чтобы рассуждать и вспоминать. Да, я так и не произнесла для нее свой *сигнал*, но за этим единственным исключением отдала все, что имела, этой безжалостной женщине, которая по сути обагрила свои руки кровью Делоне. Она играла на мне, как на арфе, и я покорно пела под ее пальцами. Не в силах об этом забыть или хотя бы не думать, я мучилась изо дня в день.

Именно Жослен нашел для меня выход.

Он видел и понимал мое томление, что неудивительно, поскольку он вместе со мной вошел в ловушку Мелисанды и вместе со мной очнулся в повозке, такой же разбитый и измученный. И он был жрецом, о каковом аспекте кассилианского служения я постоянно

забывала. Не глядя мне в глаза, он строго сказал:

— Федра, ты с готовностью отдаешь свой долг Элуа и Наамах, которой служишь. Но, неся на себе след стрелы Кушиэля, ты дерзаешь противиться его воле, презирая свою природу. — Жослен бесстрастно посмотрел на меня. — Ты сломаешься, если пойдешь против своего бессмертного покровителя. Я-то знаю, поскольку сам был на грани, и это ты меня спасла. Но из твоего тупика я не способен тебя выручить. Попроси разрешения посетить храм Кушиэля. Там тебе помогут раскаяться и избыть твой грех в покаянии.

Я ухватилась за этот совет, и Исандра де ла Курсель позволила мне отлучиться из Дворца под охраной гвардейца, наказав скрывать лицо под капюшоном.

Не стану распространяться о том, что ждало меня в храме. Те, кто прибегает к жестокому милосердию Кушиэля, и так знают, а тем, кто в нем не нуждается, знать это незачем. Из служителей Спутников Элуа последователи Кушиэля строже всех хранят тайны, унося их с собой в могилу. Будь это не так, никто не приходил бы к ним каяться. Эти жрецы безлики — под просторными мантиями и бронзовыми масками невозможно угадать даже их пол. Когда я сняла капюшон, черные прорези в масках обратились к алому следу стрелы Кушиэля в моем глазу и без вопросов меня приняли.

Храм меня ужаснул — под защитой его священной сени я вдруг ощутила, как много зла принесла в себе. Я прошла через ритуалы очищения, а затем, обнаженная, встала на колени у алтаря с огромной бронзовой статуей самого Кушиэля, сурового и спокойного, где двое жрецов привязали мои запястья к железным кольцам. Там я исповедовалась.

И подверглась бичеванию.

Я то, что я есть; и теперь, не стыдясь, сознаюсь, что заплакала от облегчения, когда на мою спину обрушился первый удар плети и железные грузила на кончиках кожаных хвостов рассекли кожу. Боль, только боль, чистая и багряная, наполнила меня, вытесняя вину.

Бесстрастное лицо Кушиэля плыло предо мной в кровавой пелене; позади меня высилось то же самое лицо, отлитое в бронзовой маске жреца, орудовавшего плетью с жестокой безличной любовью. Моя спина горела от боли, нестерпимой и желанной. Не знаю, как долго длилось бичевание. Казалось, что вечность, но все равно недостаточно. Кожаные хвосты плетки намokли от моей крови и весь алтарь был усеян красными брызгами, когда жрец наконец остановился.

— Освободись же, — пробормотал он под заглушавшей слова маской. Взяв тряпку, окунул ее в таз с соленой водой и обтер мою исполосованную спину. Я закричала, когда от соприкосновения открытых ран с солью боль преумножилась, да, я закричала и затряслась, а храм бешено завертелся перед глазами.

Вот так я и искупила свою вину, избыла свой грех.

Жуткая тоска, столько дней мучившая меня во Дворце, оставила меня в покое. Я будто снова вернулась в детство с его простыми радостями, будто снова вернулась в тот день, когда меня впервые высек палач дуэйны. Жослен лишь раз взглянул на меня и тут же отвернулся. Но в тот миг меня это не задело. Я была полностью удовлетворена и всем довольна.

— А у нас тут новости, — сообщил Гиацинт; с такими известиями он никак не мог ждать. — Дофина... в смысле, королева, объявила, что на две недели уезжает в отдаленное имение, дабы оплакать деда. Туда она созывает на совет лордов, которым может доверять. Мы тоже с ней едем.

И мы поехали.

Увы, на тот совет Исандра решила пригласить очень немногих. Смею предположить,

что если бы речь шла о каком-нибудь однозначном государственном деле, то она привлекла бы большее число вельмож, однако вопрос измены д'Эгльмора был слишком каверзным и опасным. Там присутствовала Телезис, просто потому, что ей доверяла королева. И Каспар Тревальон, на которого полагался Делоне. Перси де Сомервилль, показавшийся мне более старым и менее отважным, чем я помнила. Баркель л'Анвер — вот ему бы я по своей воле никогда не доверилась. И еще двое, которых я до сих пор не знала в лицо, зато слышала, как о каждом из них Делоне отзывался с пиететом: герцогиня Роксана де Мерельо из Эйсанда, прозванная Госпожой Марсиликоса, и Тибо Сьовальский, ученый граф де Толуард. Если бы не похороны Ганелона да не коронация Исандры, вряд ли они приехали бы в Город с такой поспешностью.

А еще на совете присутствовал префект Кассилианского Братства, высокий, суровый, с лицом, словно вырезанным из старинной слоновой кости, и ястребиными глазами. Его седые волосы, собранные в тугую пучок, имели оттенок желтизны, присущий преклонному возрасту, но осанка была по-юношески прямой.

Для совета Исандра де ла Курсель удачно выбрала имение в одном из королевских охотничьих угодий в Ланьясе. Ухоженное и уединенное, с преданными слугами, далекими от политической арены. Поблизости находилось родовое поместье де Сомервиллей, а Перси Ланьясский с давних пор славился верностью трону.

Ланьяс в лице Сомервилля, Аззаль, представленная Тревальоном и сыном де Сомервилля Гисленом, Намарра, послушная герцогу л'Анверу, Эйсанд и Сьоваль. Ни Кушета, ни Камлаха. Королева не осмелилась довериться никому из этих провинций.

Расклад сил я начала осмысливать, когда совет уже начался, а поначалу собравшиеся лорды присматривались друг к другу в ожидании Исандры. В большой зале, удобно и со вкусом обставленной, но не официозной, гости расселись на стульях и диванах согласно своим предпочтениям. Слуги подали легкие закуски, разлили по бокалам вино и удалились.

Когда королева готовилась предстать перед собравшимися, я была рядом, поскольку она держала нашу троицу при себе, скорее всего, во избежание преждевременных слухов. Приказав перешедшим к ней от деда кассилианцам караулить у дверей, Исандра ненадолго замерла, по-видимому, принуждая себя к спокойствию. «А она ведь не старше меня», — подумала я и немного ее пожалела.

Но она была королевой.

Исандра вошла в комнату, мы втроем следом, и королевский совет начался.

Я немало поразилась, когда из-за спины юной властительницы увидела, как семь знатнейших особ королевства миглом вскочили и принялись кланяться и приседать в реверансах.

— Садитесь, дамы и господа, — кивнула им Исандра, — позволяю вам на время пренебречь церемониалом. Вы пожалеете, что не сидите, когда узнаете, зачем я вас созвала.

— Федра! — с неприкрытым удивлением и, к моей благодарности, с явной радостью воскликнул Каспар Тревальон. Он быстро подошел и заключил меня в объятия. — Так ты жива, — выдохнул он, беря меня за плечи и оглядывая с ног до головы, словно не веря, что я — это я. — Благословенный Элуа, ты жива!

Следующим приблизился Баркель л'Анвер, улыбаясь одними губами.

— *Ангуиссетта* Делоне, — протянул он, — и кассилианец. Как вам живется от моих щедрот при дворе калифа? Слышал, я отправил вас прямиком в Хеббель-им-Аккад, озолотив за предательство вашего господина.

Я повернулась к нему, но Жослен опередил меня на шаг.

— Ваша светлость, — спокойно произнес он, — это не повод для шуток.

Герцог смерил его оценивающим взглядом.

— А ты, как посмотрю, отрастил шпоры, парень. Что ж, надеюсь, племянница, ты привела их сюда, чтобы наконец очистить мое имя от подозрений.

— Это одна из причин, но, боюсь, ничтожнейшая, — сказала королева.

— Милорд Ринфорт! — В голосе Жослена я услышала то же облегчение, что сама испытала в храме Кушиэля. Мой защитник подошел к префекту Кассилианского Братства и встал перед ним на колени, скрестив руки и склонив голову. — Милорд Ринфорт, — тон удивил меня сухостью, — я сознаюсь, что нарушил свои обеты и вверяю себя вашему суду.

— Тебя обвиняют в том, что ты предал дом, которому принес клятву служить и защищать, Жослен Веррэй, — сурово ответил префект. — Это гораздо серьезнее, чем просто нарушение, юный брат.

— В рекомом он не повинен. — Исандра де ла Курсель произнесла это во весь голос, по-королевски разнесшийся по комнате. — Милорд Ринфорт, главная клятва вашего ордена осталась нерушимой. Хотя я бы, пожалуй, предпочла, чтобы это было не так. Выслушайте их историю, и только потом судите.

И мы еще раз поведали о своих злоключениях.

Собравшиеся внимали нам молча и не без недоверия. Я их за это не виню. Исандра была права: пока мы рассказывали, вельможи попадали на стулья. За это я их тоже не виню. История была долгой и неудобоваримой. Когда мы закончили, воцарилась тишина.

Я не могла угадать, о чем думают наши слушатели, даже Каспар Тревальон, который был для меня как дядя. Немногие мысли, что я смогла прочесть с лиц, не сулили ничего хорошего.

— Конечно же, дорогая Исандра, — начал Баркель л'Анвер с обманчивым безразличием, — ты не ожидаешь, что мы примем всерьез эту нелепую байку? — Он единственный позволил себе расслабленно разлечься на диване — хищный, словно охотящийся леопард, — и лениво поигрывал концами бурнуса, стянутого на шее. Я видела в нем только опасность, но, как ближайший родственник, герцог имел все резоны поддерживать королеву.

— Безусловно, я не полагаюсь только на их слова, — твердо ответила она и вздернула подбородок, обнажив изящную шею. — Мои гвардейцы осторожно предприняли кое-какие расспросы. Четверо дворцовых стражников подтвердили, что видели Федру и Жослена той ночью — они добивались аудиенции у меня. А один из стражников к тому же заметил их в обществе Мелисанды Шахризай. После тщательного обследования королевский врач, который с детства следит за моим здоровьем, счел их состояние вполне соответствующим описанным ими тяжким испытаниям — от обморожений до ран на запястьях Жослена Веррёя после кандалов.

— Но тому могут быть иные объяснения и иные причины, — задумчиво пробормотал граф де Толуард.

— Могут, — кивнула Исандра. — Но главным доводом обвинения являлось исчезновение Федры и Жослена, которое трактовали как бегство с места преступления. Однако вот же они, перед нами, и вполне связно объясняют свое отсутствие.

— Можно ли раздобыть другие доказательства в их пользу? — поинтересовалась Роксана де Мерелью.

Миновав возраст расцвета, когда под стенами Марсиликоса, должно быть, толпились ее поклонники, она до сих пор сохранила зрелую красоту и не закрашивала седину, поблескивающую в угольно-черных волосах. Меня очаровали ее темные глаза — одновременно и добрые, и умные.

— Да, миледи, — ответила я, присаживаясь перед ней в реверансе. — Можете послать гонца в Камлах к графу Буа-ла-Гарду, чьи люди нашли нас в лесу. Или, — добавила я, сурово глядя на Баркеля л'Анвера, — можете проникнуть в земли скальдов, если желаете получить сведения из первых рук. Я готова отметить на карте селение Гюнтера Арнлаугсона, это несложно. Расспросите его об ангелийских рабах, которых он купил у камаэлитских солдат.

— Что ж, если вы сказали нам правду, сделав это, мы раскроемся перед д'Эгльмором, а то и погибнем без толку, — проворчал герцог, почесывая светлые волосы, остриженные необычно коротко для ангелийского аристократа. Доверяла я его помыслам или нет, в его уме я не сомневалась. — На первый взгляд это выглядит как хорошая ловушка. Делоне явно постарался, обучая тебя, *ангуссетта*. Если же я ошибаюсь и ловушки здесь нет, вот тогда да помоги нам Элуа.

— Безо всяких «тогда», помоги нам Элуа, — тихо вмешался Каспар Тревальон. — Я знаю Федру но Делоне с детства и никогда не верил и не поверю, будто она приложила руку к убийству Анафиэля. И я убежден, что она говорит нам чистую правду. Что касается кассилианца... посмотри на него, Баркель. У него честное, бесхитростное лицо. А вот с тобой я не знаком, — добавил он, глядя на Гиацинта, — и не вижу, в чем здесь твой интерес.

Тсыган кашлянул, чуть зардевшись от смущения: он впервые в жизни обращался к столь благородному собранию.

— Я знаю Федру дольше всех, — заявил он, — даже дольше, чем знал ее Делоне. Я видел ее в ту ночь, когда они с Жосленом вернулись в Город. Она не лжет.

— Но зачем? — задумчиво полюбопытствовал Тибо де Толуард, — Зачем Исидору д'Эгльмору вдруг понадобилось убивать Делоне?

Каспар Тревальон и Телезис де Морне переглянулись, но ответила на этот вопрос внезапно покрасневшая Исандра.

— Полагаю из-за того, — с достоинством произнесла она, — что я попросила Делоне помочь мне в одном деле, которое д'Эгльмор счел крайне опасным для своих амбиций.

— Нет! — Баркель л'Анвер резко сел. — О нет. Ты ведь не собираешься следовать старому плану?!

— Собираюсь, — с горящими глазами выпалила королева. — И непременно последую!

— Нет. — Его глаза засверкали. — Если в этой нелепой истории есть хоть доля правды... Исандра, я готов посодействовать твоему союзу с наследным принцем Арагонии, который принесет тебе две тысячи копий!

— Львица Аззали, — между делом заметил Каспар Тревальон, — подошла намного ближе к осуществлению задуманного переворота, чем кто-либо допускал. Если бы ей удалось перевезти армию Маэлькона-Узурпатора, сына старого круарха, на нашу сторону пролива, они пронеслись бы через всю страну, словно серп сквозь колосья.

Перси де Сомервилль покачал головой с золотисто-седой шевелюрой и впервые заговорил:

— Они, пожалуй, застали бы нас врасплох, если б сумели переправиться, но, скорее, сгинули бы в море. Гислен ведь пробовал совершить нечто подобное по приказу короля. Хозяин Проливов потопил все его корабли.

— Никому не под силу объяснить или предвидеть решение Хозяина Проливов, — подумал вслух Тибо де Толуард. — Он же пропустил через пролив старого круарха с посланниками, но неизвестно, какой ценой. Если бы мятежникам удалось... — Внезапно его осенило, и он побледнел. — Но попытка сорвалась из-за Исидора д'Эгльмора и Мелисанды Шахризай. Ваше величество, позвольте спросить, что связывает вас со злосчастным островом Альба и при чем здесь Анафиэль Делоне де Монрев?

Теряясь в догадках, я повторила про себя незнакомое имя: «Де Монрев?»

Исандра де ла Курсель сложила руки на коленях и вновь выпятила подбородок.

— В шестнадцать лет, — тихо пояснила она, — я была обещана в жены наследнику круарха, сыну его сестры — Друстану маб Нектхане, принцу круитов.

Вот что происходит, когда внезапно открывается истина: слепящая белая вспышка, и тут же вместо темного пятна на гобелене истории проступает недостающий узор. Тогда, на королевском совете, со мной именно так и случилось.

— Делоне! — ахнула я, излив в этом возгласе все свое горе. — О, Элуа, то послание, Квинтилий Русс, Хозяин Проливов... Вы искали возможность для принца пиктов высадиться на ангелийской земле! Но зачем, ваше величество... почему вы обратились именно к Делоне?

— Анафиэль Делоне де Монрев. — Лицо Исандры озарилось тенью улыбки. — Ты даже не знала, как его по-настоящему зовут, верно? Его отец, граф де Монрев, отрекся от него, когда Анафиэль навсегда связал свою судьбу с моим отцом и наотрез отказался жениться и породить наследников. Тогда Анафиэль взял фамилию своей матери, которая не прекращала его любить несмотря ни на что. Милорд де Толуард наверняка знает эту историю, ведь он тоже из Сьовалья.

— Сарафиэль Делоне, — внезапно произнесла Госпожа Марсиликоса Роксана де Мерельо. — Она родилась в Эйсанде. Есть у нас старая легенда об Элуа и рыбаке по имени Делоне. Сарафиэль, представьте, считала того рыбака своим прародителем. Она отправила сына ко мне на воспитание, когда он был ребенком.

— Благословенный Элуа! — Голова пухла от переизбытка новых сведений, и я сжала ее ладонями. Гиацинт успокаивающе взял меня за руки.

— Мой дед не раз использовал Делоне, — безжалостно продолжила Исандра. — Конечно, он не питал симпатий к поэту, но не сомневался в крепости его клятвы и верности трону. Дед хотел убедиться в небесполезности альянса со смещенным наследником. Я же хотела кое-чего другого. — Хладнокровие ей изменило, и последние слова она произнесла шепотом: — Я хотела Друстана маб Нектхану.

После признания королевы воцарилась тишина, почти такая же долгая, как и после нашего с Жосленом рассказа. Ее прервал резкий смех Баркеля л'Анвера.

— Так тебе нужен синий парень? — недоверчиво спросил он. — Ты и вправду хочешь выйти замуж за синего парня?

Глаза Исандры вспыхнули огнем.

— Я хочу выйти замуж за законного наследника королевства Альбы, с которым обручена! Да, дядя. И именно устройством этого брака занимался Анафиэль Делоне, когда, чтобы не дать осуществиться моему желанию, его убили.

— Но как... — вмешался лорд Ринфорт, префект Кассилианского Братства. Его подбородок дрожал, пока старик силился осмыслить услышанное. — Какое отношение это имеет к скальдам и герцогу д'Эгльмору?

— Никакого, — тихо ответила Исандра. — Или самое непосредственное.
Только тогда до меня дошло, что совет будет долгим.
Очень долгим.

Признаться, я наравне с остальными не понимала нежелания Исандры расторгнуть помолвку с принцем пиктов, низложенным наследником альбанского престола. Годом раньше я, наверное, была бы очарована романтизмом этого сюжета, но теперь, побыв несколько месяцев рабыней-наложницей короля варваров, порядком подостыла к дикарской романтике.

Но при этом я в чем-то сочувствовала Исандре, когда она решительно и страстно излагала свою позицию, меряя шагами комнату.

— Всю свою жизнь, — чеканила королева, сомкнув руки за спиной и вздернув подбородок, — я служила жертвенной пешкой в игре на создание выгодного альянса через династический брак. Ангелийские лорды, увивавшиеся за мной, — бесстыдные потомки кровосмесительных связей, пресыщенные всем, кроме власти, — видели во мне лишь кратчайший путь к трону. А круитов наш трон не привлекал. Они приехали в Землю Ангелов, следуя полученному во сне предначертанию, столь сильному, что даже Хозяин Проливов подчинился ему и пропустил делегацию.

При этих словах Исандра глянула на Телезис де Морне, а у меня в голове промелькнуло воспоминание об ужине во внутреннем дворике, который Делоне устроил после переговоров с круархом. Будто наяву послышался голос Алкуина: *«Я смог уловить слова о видении, сестре короля, черном кабане и серебряном лебеде»*.

Черный кабан. Я пошевелила губами, беззвучно повторяя уже на круитском: «Черный кабан».

Члены королевского совета заерзали — большинству из них разговоры о видениях пришлись не по вкусу.

— Друстан маб Нектхана не стремится править Землей Ангелов, — твердо произнесла Исандра. — Мы с ним обсуждали и это тоже, когда, смеясь, на ломаных языках строили планы, как вырастем, поженимся и будем вместе править нашими королевствами. Да, то были наивные мечты безоблачной юности, но мечты не обязательно иллюзорны. В те дни я увидела в Друстане что-то истинное, что смогла бы полюбить, как и он во мне. Когда он рассказывал о своей Альбе, его глаза загорались, будто звезды. И я не готова отказаться от союза с ним ради преходящей политической целесообразности.

— Но вы же королева, дорогая мадам, — тихо напомнила Роксана де Мерельо. — Для вас свободный выбор может оказаться непозволительной роскошью.

— Правящий дом Арагонии... — вмешался л'Анвер.

Госпожа Марсиликоса его перебила:

— Дом Арагонии в любом случае пошлет нам помощь при вторжении скальдов, потому что арагонцы отлично знают: после Земли Ангелов они следующие на очереди. Но самая насущная и непосредственная опасность находится не снаружи, а внутри наших границ. — Она с грустью посмотрела на Исандру: — Самым простым решением, ваше величество, стал бы ваш брак с Исидором д'Эгльмором.

— Усадить предателя на трон? — взвился граф де Сомервилль. — Если то, что нам тут рассказали, правда...

— Если это правда, — не позволила оборвать себя Роксана, — а первым делом следует выяснить, так ли это... Если это правда, то у нас нет иного выбора, кроме как завоевать

лояльность герцога д'Эгльмора любимым возможным способом. Иначе война.

Собравшиеся ворчливо выразили согласие. Исандра побледнела — от лица отлила кровь.

— Нет, — прошептала я. Разговор стих, и все уставились на меня. — Такой выбор все равно не уберезет от войны. Остается угроза со стороны скальдов, а они в десять раз опаснее Исидора д'Эгльмора. И не забывайте про Мелисанду. Она... она через Каэрдианский Союз переписывается с варварами, с самим Вальдемаром Селигом. Я-то видела, сколько у него воинов. Если до скальдов дойдет, что их предали... даже лояльность всех Союзников Камлаха не спасет Землю Ангелов от вторжения.

— Тогда мы арестуем Мелисанду Шахризай, — бесцеремонно припечатал лорд Ринфорт, кассирианский префект. — Это достаточно просто.

Я глухо рассмеялась.

— Милорд... о милорд, с Мелисандой Шахризай ничто и никогда не бывает просто. Думаете, она по чистой случайности находится сейчас в Кушете, а не в Городе? Я бы на это не поставила.

— Но почему? — Тибо де Толуард подергал себя за косу рассеянным жестом ученого и нахмурился. — Зачем ей предавать королевство? Что она рассчитывает получить, столь крупно рискуя?

Все снова посмотрели на меня — все до одного. Я машинально коснулась бриллианта на шее и зажмурилась.

— На кону даже не одно королевство, а два, но, поймите, для нее самое важное — игра, а не просто ставки, — прошептала я. — Шахризай вовлечены в игру Домов и престолов с тех самых пор, как Элуа ступил на нашу землю, и Мелисанда преуспела в ней лучше всех. — Я открыла глаза и обвела собравшихся взглядом. — Она допустила единственную ошибку, малюсенькую ошибку, из-за которой я жива и стою сейчас перед вами. Но не рассчитывайте, что Мелисанда ошибется еще раз. Мнение, будто самым опасным из наших врагов является герцог д'Эгльмор, не просто неверно, а, боюсь, губительно. Тот же Вальдемар Селиг — куда более грозная фигура.

— Мы не можем что-либо предпринимать, закрыв глаза на бунтующую провинцию, — возразил Перси де Сомервилль.

— Но нам не известно доподлинно, а бунтует ли Камлах, — прагматично добавил Баркель л'Анвер. — Вот что нужно сделать в первую очередь: выяснить, правдива ли эта невероятная история.

— Но, разумеется, — напомнил ему Толуард, — ничем себя не выдавая.

— Разумеется, — с долей иронии кивнул л'Анвер.

Каспар Тревальон почесал подбородок и спросил у Перси де Сомервилля:

— А где Искатели Славы принца Бодуэна? Помнится, д'Эгльмор просил короля передать их под его начало.

— Уж вам-то следовало бы знать, — кисло ответил главнокомандующий королевскими войсками. — Дебоширят в Тревальоне под предводительством Гислена. И как только Марк терпел их вольницу?

— Мой кузен всегда отличался беспредельным терпением, — усмехнулся Каспар. — Иначе он бы не выдержал супружества с Лионеттой. Вот что я предлагаю: отправьте Искателей Славы к д'Эгльмору. Пусть себе думает, будто королева к нему добрее, чем покойный король. Гвардейцы Бодуэна отнюдь не жалуют Исидора д'Эгльмора, который

опозорил их имена и погубил их принца. Пускай они проедутся по Камлаху и посмотрят, кто там верен короне, а кто нет.

— А где гарантия, что сами Искатели Славы верны короне? — скривилась Роксана де Мерельо. — Ведь именно Дом Курселей устроил суд над Бодуэном де Тревальоном и приговорил его к смерти.

— Ах да, — тихо согласился Каспар. — Жестокий Ганелон де ла Курсель, не помнящий родства. Но милосердная Исандра де ла Курсель может вернуть герцога Марка де Тревальона и его дочь Бернадетту из изгнания.

— И забрать у моего сына имения, прежде им принадлежавшие, так что ли? — с ноткой угрозы в голосе уточнил Перси де Сомервилль.

Каспар внимательно на него посмотрел.

— Я слышал много хорошего о вашем Гислене, милорд де Сомервилль. Но он потомок Анаэля, и потому никогда не снискает любви жителей Аззали, чьим родовым грехом является гордыня. Никогда, если не найдет способа сделаться одним из них. К примеру, взяв себе жену из Тревальонов.

— Бернадетту...

— А хоть бы и ее.

Исандра с мрачным лицом внимательно следила за обменом репликами.

— Аззаль находится на побережье, нам нельзя допустить там раздор, — спокойно произнесла она. — Милорд де Фурсэ, ваш кузен Марк совершил государственную измену, поддерживая умолчанием преступное предприятие своей жены, Лионетты. Если ему предоставить возможность искупить вину, он согласится?

— Ваше величество, — поклонился ей Каспар Тревальон, граф Фурсэ, — мой злосчастный кузен ангелиец в изгнании. Да, он согласится. И, клянусь своей жизнью, будет вдвойне верен короне за дарованный шанс доказать свою лояльность. Не сомневайтесь, мадам, Дом Тревальонов не даст вам повода пожалеть об этом помиловании.

Молодая королева закусил губу и склонила голову.

— Значит, быть посему. Вы знаете, где он? — Она посмотрела на Каспара, и тот кивнул. — Мы с ним свяжемся. Но сначала переговорите с Искателями Славы и внушите им, что верность короне обелит их имена. Возьмете Искателей на себя, милорд?

— Да, — твердо ответил Каспар де Тревальон.

— Хорошо. — Исандра выглядела собраннее, чем до принятия этого решения. — Я списалась по поводу наших дел с принцем Бенедиктом, насколько осмелилась. Очень кстати, что мои дядья помирились. — Она посмотрела на Баркеля л'Анвера, который кивнул без малейшего признака насмешки.

«Неплохо», — подумала я, впечатленная ее дипломатическими успехами. О, те ангелийцы, что призывали посадить на трон принца Бодуэна, сильно ее недооценивали; в Исандре де ла Курсель, несомненно, имелся железный стержень королевской закалки!

— Серениссима не в состоянии помочь нам людьми, — тем временем продолжила королева. — От нее рукой подать до Скальдии, и, значит, дяде Бенедикту тоже следует готовиться к нападению. Но он твердо обещал помочь нам с разведкой. — Она обвела собравшихся взглядом. — Нам необходима ясность по ряду вопросов, дамы и господа. Поддержат ли нас Арагония и города-государства Каэрданского Союза? Каковы передвижения скальдов? Кто кому верен в нашей собственной стране? Сколько солдат мы сможем мобилизовать, и насколько они боеспособны? И ответы на эти вопросы нам

необходимо получить безотлагательно и тайно. Что вы готовы предпринять?

Не стану пересказывать предложенные дальше пространные и хитроумные планы. В конце концов лорды договорились, что каждый сделает все от него зависящее и со всей возможной осмотрительностью. Префект Кассилианского Братства согласился создать сеть гонцов для передачи сведений из провинции в провинцию. Неплохая задумка, поскольку никто не заподозрил бы кассилианцев в политических интригах. Думаю, только сильнейшее желание обелить подмоченную Жосленом репутацию ордена сподвигло префекта пообещать обеспечить каналы связи. В отношении предполагаемых предателей решили молчать, пока не появятся неоспоримые доказательства измены и не сложится положение, при котором разоблачение станет выигрышным ходом.

Когда все не терпящие отлагательств вопросы утрясли, Баркель л' Анвер вернулся к теме Альбы.

— Что ж, Исандра, — лукаво заговорил он, — вот мы и продумали в меру своего разумения первые шаги на случай гражданской войны и вторжения неприятеля. Так что там насчет твоего синего парня? Как обстоят дела на прекрасной Альбе?

Ответил Каспар Тревальон, потирая переносицу. К тому времени все уже изрядно утомились.

— Друстан маб Нектхана сумел избежать кровавой бани и с матерью, сестрами и горсткой верных воинов с боем прорвался на западное побережье Альбы, где нашел убежище у далриад. Это все, что нам на сей момент известно. Если далриады согласятся за него сражаться, принцу будет вполне под силу вернуть себе трон, но пока что они не соглашаются.

— Этим сведениям сто лет в обед, — саркастично ответил Баркель, — я давно их знаю, как и большая часть жителей королевства, как знал и Ганелон. Из-за чего он, между прочим, намеревался разорвать помолвку дофины, к счастью, не преданную огласке. Но неужели это все, что удалось выяснить вашей хваленой разведке, неосмотрительность которой стоила жизни Анафиэлю Делоне?

— Нет, — Телезис де Морне вклинилась тихим, но хорошо поставленным голосом, привычным к публичной декламации. — Делоне держал связь с Квинтилием Руссом, передавшим нашу просьбу Хозяину Проливов, просьбу пропустить на наш берег Друстана маб Нектхану и его людей. Если бы они высадились у нас, принц и Исандра могли бы пожениться. А затем Земля Ангелов помогла бы Друстану вернуть трон Альбы, ну а Альба в свою очередь помогла бы Исандре удержать ангелийский престол.

— Точь-в-точь план Львицы Аззали, — пробормотала Роксана де Мерелью.

— Который не увенчался успехом, — напомнил ей Каспар. — Да, похоже. Только мы, в отличие от Лионетты, испросили согласие Хозяина Проливов.

— А он, — вставил Тибо де Толуард, — насколько я понимаю, такового не дал.

— Вот что он ответил, — уточнила Телезис: — «Когда в Альбе воцарится Черный Кабан, Старший Брат уступит». Это послание от Квинтилия Русса должен был получить Делоне в тот день, когда его убили.

Я знала эти слова, знала их назубок, но они крутились и крутились в голове, словно понуждая еще что-то вспомнить.

— Бессмыслица какая-то, — едко бросил Баркель л' Анвер.

— Неправда, — покачала головой Телезис. — В Альбе и в Эйре десятки племен, не всего четыре народности. Народ Красного Быка, из которого нам знакомы Маэлькон и

Фоклайдха, народ Белой Кобылы — это далриады, народ Золотой Лани на юге и народ Черного Кабана — родичи Друстана маб Нектханы и Кинхила Ру. Хозяин Проливов дал понять, что выполнит нашу просьбу, когда принц Друстан вернет себе трон.

— Как великодушно с его стороны, — пожал плечами л'Анвер. — С тем же успехом он мог пообещать выполнить нашу просьбу, когда Благословенный Элуа вернется из подлинной Земли Ангелов и лично к нему обратится. Это тупик.

И тут я наконец-то вспомнила.

— Не пренебрегай Куллах Горрым, — произнесла я. — Гиацинт! — я возбужденно пихнула друга. — Помнишь? Так сказала твоя мать. «*Не пренебрегай Куллах Горрым*», — повторила я. — Не пренебрегай Черным Кабаном!

— Помню, она так сказала, — нахмурился Гиацинт. — Но мы тогда ничего не поняли.

— Зато теперь понимаем! — воскликнула я. — Черный Кабан — это принц Друстан.

— Говоришь, твоя мать тоже владела даром видеть будущее? — спросила Исандра, глядя на Гиацинта.

— Да, ваше величество. — Он поклонился. — Ее дар был намного сильнее моего. И раз она так сказала, значит, это правда.

— А сейчас ты что-нибудь видишь в будущем?

Он уставился в пространство, черные глаза заволокло пеленой. Наконец Гиацинт потрянул головой.

— Какой-то корабль, — пробормотал он. — И больше ничего. Когда путь разбегается на множество тропинок, я не могу видеть далеко вперед. Отчетливо видна только прямая дорога, ваше величество. Как тогда, с вашим дедушкой-королем.

— Ну, предсказать смерть короля мог кто угодно, — проворчал Перси де Сомервилль. — Ганелон лежал на смертном одре.

— Тсыган предсказал точный день его смерти, — напомнила Исандра и принялась размышлять вслух: — Обещание Хозяина Проливов может склонить далриад помочь Друстану. Ах, если бы Делоне не убили, он съездил бы к ним на переговоры. А кроме него и его ученика я больше не знаю человека, владеющего круитским, кому могла бы довериться. — Она, словно извиняясь, посмотрела на Телезис. — О вас, дорогая, речи нет, вам я доверяю всецело и не сомневаюсь, что вы готовы поехать для меня на Альбу. Но лекари едины во мнении, что зимний вояж по суше и по морю вас погубит.

— Это всего лишь мнение, — пробурчала Телезис де Морне.

Я видела, что она, даже измученная лихорадкой, искренне хотела отправиться в дальний и нелегкий путь, чтобы послужить Исандре.

И тут взгляд темных глаз поэтессы внезапно остановился на мне.

— Мадам, — обратилась она к Исандре. — У Анафиэля Делоне было двое учеников.

Я потрясенно выдохнула и прошептала:

— Что вы такое говорите?

— Я говорю... — Телезис зашлась натужным кашлем. — Федра но Делоне, ты могла бы выступить королевским послом вместо погибшего Анафиэля.

— Миледи, — запротестовала я, переводя взгляд с Телезис на Исандру и обратно, не уверенная, к кому из них обращаюсь. Голова шла кругом. — Миледи, я же *ангуиссетта*! Я обучена служению Наамах! Меня не учили быть послом!

— Чему бы тебя ни учили, ты явно мастерица своего дела, — коротко заметил Баркель л'Анвер. — Представь, Роже Кламель столь безутешно оплакивал тебя, что похудел чуть не

вдвое. Он сейчас тощий как щепка. Нет, Анафиэль Делоне обучил тебя куда большему, чем просто служение Наамах, маленькая *ангуиссетта*. Ты первая шляха, которой удалось обдурить скальдийского вождя и сбежать от варваров, чтобы предупредить королеву об измене.

— Милорд! — Мой голос срывался от ужаса. — У меня не получится повторить то, что пришлось проделать ради выживания в Скальдии. У меня не хватит сил вновь такое вынести!

— Круиты не скальды, — урезонила меня Исандра. — И ты будешь под защитой Квинтилия Русса, одного из величайших адмиралов в нашей истории. Федра, я благодарна тебе за все, что ты сделала. Очень благодарна. И не стала бы просить о новой услуге, не будь дело таким срочным.

Я обмерла, ничего не ответив.

Жослен встал и церемонно поклонился королеве. Повернулся ко мне, и я, подняв голову, увидела, что его лицо сияет бесстрашной решимостью.

— Федра, — произнес он звенящим, отчаянным голосом, — мы уже пережили самое худшее, что можно вообразить. И я снова отправлюсь с тобой. Я ведь поклялся служить и защищать!

На мгновение мужество Жослена подстегнуло и мою отвагу. Но тут голос префекта окатил нас ушатом ледяной воды.

— Брат Жослен! — резко обратился к моему телохранителю лорд Ринфорт. — Мы рады, что ты не повинен в смерти Анафиэля Делоне. Но ты недавно признался, что нарушил свои обеты, и сдался на наш суд. Ради спасения души ты должен прежде всего искупить свою вину покаянием. Только тот, кто последователен в стремлении быть Идеальным Спутником, подходит для служения потомкам Элуа.

Жослен моргнул, с открытым ртом глядя на префекта, но тут же взял себя в руки.

— Милорд, — произнес он и поклонился, — я все еще связан клятвой дому Анафиэля Делоне. — И с тоскою добавил: — Если и есть для меня спасение, оно только в непреложном соблюдении этой клятвы!

— Я освобождаю тебя от клятвы дому Делоне, — решительно сказал лорд Ринфорт. — Да будет так.

— Милорд! — Жослен дернулся, словно от удара. — Милорд префект, прошу вас, не надо!

Старик вперил в него ястребиный взор:

— Какие прегрешения ты совершил, юный брат?

Жослен опустил глаза и начал монотонно перечислять:

— Я не сумел сберечь жизнь своим подопечным... Я убивал в гневе вместо того, чтобы только защищаться. Я... я умышленно убил человека, от которого не исходило опасности. И я... — Он мрачно посмотрел на меня. Я вспомнила пещеру Элуа и волшебство, свершившееся там между нами. После паузы Жослен перевел взгляд на Гиацинта. — Я обнажил меч, чтобы просто пригрозить.

— Это тяжелые грехи, — покачал головой префект. — Пока ты не очистишься, я не могу благословить тебя на служение, брат Жослен. Твое место займет другой член ордена.

В зале воцарилась тишина. Никто, даже Исандра, не решался вмешаться в дела кассилианцев. Жослен стоял наособицу с задумчивым видом. Поднял взгляд к потолку, потом снова посмотрел на меня. Я вспомнила, как он противостоял в одиночку, бросив меч, отряду скальдов и убийственной снежной буре. На нашем пути он не раз и не два принимал

решения, какие не пришли бы в голову ни одному кассилианцу. Его усмиряли цепями, кровью, голодом и холодом, но не сломили. Я хотела, чтобы меня защищал только Жослен и никто другой.

— Ваше величество, — с безупречным поклоном обратился он к Исандре. — Примете ли вы мой меч на службу защитника Федры но Делоне?

— Сделаешь так и будешь вовеки проклят, юный брат! — резко бросил префект. — Обеты Кассиэля даются на всю жизнь и до скончания времен!

Исандра де ла Курсель с непроницаемым лицом недолго подумала. Наконец кивнула.

— Мы принимаем твой меч, — церемонно ответила она и обратилась к префекту: — Милорд Ринфорт, нам жаль прекословить вам. Но в подобных вопросах представляется более правильным следовать заповедям Благословенного Элуа, а не установлениям Кассилианского Братства. Согласно же учению Элуа, юный Жослен волен сам выбрать для себя судьбу.

— Заблудшим неминуемо придется расплачиваться! — сквозь сжатые зубы прошипел префект. — Быть посему. Такова твоя воля, брат Жослен?

— Да, — глухо, но твердо ответил Жослен.

Префект отвесил ритуальный кассилианский поклон и взмахнул обеими руками в воздухе, словно что-то ломая.

— Жослен Веррэй из Кассилианского Братства, я предаю тебя анафеме. — Он снова поклонился, на этот раз Исандре. — Теперь этот отщепенец отлучен и целиком в вашем распоряжении, ваше величество.

— Хорошо, — просто ответила она. — Федра но Делоне, ты согласна взять на себя миссию, предназначенную твоему покойному наставнику, и доставить наше послание принцу круитов Друстану маб Нектхане?

После того что совершил Жослен, у меня не оставалось выбора. Я встала, охваченная одновременно страхом, гордостью и предвкушением, и присела в реверансе перед королевой.

— Да, ваше величество, я поеду для вас на Альбу.

— Хорошо, — повторила Исандра и задумчиво добавила: — Вот только не ясно, как безопасно переправить тебя к Квинтилию Руссу.

— Куда? — Я догадывалась, где сейчас находится адмирал, и тем более боялась ответа.

— В Кушет. — Слово тяжелое, будто камень.

— Ваше величество, — неожиданно сказал Гиацинт. — Насчет этого у меня есть одна идея.

Гиацинт довел до сведения присутствовавших на королевском совете, что у тсыган есть свой маршрут в Кушет. Да, тсыгане издревле живут среди нас, ангелийцев, и кочуют по нашим дорогам, но мы об их путях почти ничего не знаем. А Гиацинт знал. Потому что страстно мечтал занять место в дедовом таборе, полагающееся ему по праву рождения. Правда, пока он в Сенях Ночи изображал из себя Принца Странников, то, за исключением своей матери, этой мечтой делился, наверное, только со мной.

Тсыгане повсюду известны как выдающиеся барышники и конезаводчики. Особенно их привлекает Эйсанд, поскольку там разводят самые ценные породы лошадей, на которых постоянный спрос среди тореро, выступающих на арене в смертельно опасных схватках с быками. Но в Кушете также есть коневодческие хозяйства, куда тсыгане приезжают ранней весной, чтобы отобрать первых жеребят.

Суть плана Гиацинта заключалась в том, чтобы отправиться в Кушет тсыганским путем и отыскать его родной табор Маноха. А уж там, по его предположению, уговорами или деньгами мы убедим тсыган принять нас в табор и под личиной барышников доедем до Восточного мыса, где стоит флот Русса.

Замысел представлялся опасным, поскольку, путешествуя вначале маленькой группой, мы будем уязвимы. Но одновременно он был великолепен, потому что такой маскировки уж точно никто от нас не станет ожидать.

В итоге чаша весов склонилась в пользу задумки Гиацинта.

Признаться, больше всего я боялась не гнева Хозяина Проливов, не опасностей далекой Альбы и не дикарей-круитов в синих татуировках. Больше всего я боялась путешествия через Кушет, родную провинцию Дома Шахризаев. Но вряд ли хоть один кушелинский лорд или даже сама Мелисанда додумается искать предательскую красную точку в глазах молодой тсыганки.

Итак, решение было принято.

Подробности обсудили уже после того, как королевский совет завершился дружной клятвой его участников хранить тайну и верность престолу. Обильно поужинав, мы собрались в узком кругу: Каспар и Телезис, изначально посвященные в намерения Исандры касательно Альбы, а также Жослен, Гиацинт и я. Отъезд планировался только через неделю, поскольку на излете зимы путешествуют лишь самые отчаянные сорвиголовы. Вдобавок требовалось предпринять кое-какие приготовления, которыми Гиацинт и Телезис собирались заняться по возвращении в Город.

Закончив обсуждать дела, мы позволили себе немного поболтать.

— Федра, — начал Каспар Тревальон, беря меня за руки, — до сего момента мне не представилось возможности тебе сказать, как горько я оплакивал Анафиэля Делоне. Он был мне... другом, самым лучшим другом за всю мою жизнь. Мир понес тяжелую утрату, лишившись его острого ума и добрейшего сердца. А Алкуин... я знал его с детства. Мальчик был редким сокровищем.

— Спасибо, милорд. — Я благодарно стиснула его ладони, на глазах снова выступили слезы. — Делоне всегда считал вас одним из лучших людей в королевстве.

— Порой мне казалось, что это глупо, — вздохнул Каспар, — так фанатично чтить клятву, данную давно почившему человеку. Верность этой клятве дорого обошлась

Анафиэлю.

— Да. — Я вспомнила, как горько мне было признаваться Исандре де ла Курсель на первой аудиенции, что наставник держал меня в неведении о наиважнейшем обстоятельстве своей жизни. — На его слово всегда можно было положиться, и за это я его особенно любила.

— Как и все остальные, — с улыбкой согласилась Телезис. — За исключением тех, кто его ненавидел. Делоне у каждого вызывал сильнейший душевный отклик. Федра, его дом и прочее имущество отошли суду. У тебя есть что-нибудь свое?

Я покачала головой и дотронулась до бриллианта Мелисанды.

— Только вот это, — криво усмехнулась я, — заработанное потом и кровью. Похоже, я обречена носить этот проклятый камень, пока не удастся швырнуть его в лицо той, что меня им наградила. Но судьи меня почти ничего не лишили. Львиная доля моего золота отправилась к мастеру Роберу Тильхарду, как плата за окончание моего туара. — Я оглянулась через плечо и пожала плечами. — Ответственность за эту потерю я возлагаю на Мелисанду Шахризай и Исидора д'Эгльмора.

— Клянусь, — торжественно произнес Каспар Тревальон, снова сжимая мои руки, — в память об Анафиэле Делоне, пока я жив, ты ни в чем не будешь нуждаться, Федра. А когда мы покончим с этой миссией, я порадею, чтобы к тебе вернулось доброе имя. — Он покосился на Жослена и добавил: — К вам обоим.

— Спасибо. — Я поцеловала графа в изрядно увядшую с нашей последней встречи щеку. Молчаливый и задумчивый Жослен с благодарностью кивнул.

— Полагаю, — заметил Гиацинт, — за эту услугу мы вправе ожидать от королевы достойной награды, как по-вашему? — Он посмотрел на наши испуганные лица и усмехнулся. — Ой, да перестаньте! Если собираетесь кочевать с табором, так учитесь думать по-тсыгански.

Жослен брезгливо скривился.

— Это все же лучше, чем думать как Белый Брат, — обратилась я к нему на скальдийском.

Он на секунду округлил голубые глаза, услышав язык нашего рабства, но тут же слабо улыбнулся.

— Научишь меня говорить по-круитски, как научила скальдийскому?

— Ну, не знаю, — протянула я. — А в этот раз потребуется заковывать тебя в цепи на псарне, чтобы добиться послушания и внимания к моим словам?

— Нет, — усмехнулся Жослен и рассеянно провел ладонями по волосам, которые, освободившись из кассилианского пучка, свободно падали пшеничными волнами ему на плечи. — Я уже усвоил, как полезно прислушиваться к твоим словам и сколь опрометчиво пропускать их мимо ушей, Федра но Делоне. Твой господин тобою бы гордился.

— Надеюсь, что так. — Я посмотрела ему в глаза и тихо добавила: — Спасибо.

Мы не стали обсуждать сделанный им выбор, его отступничество. Жослен отвел взгляд, вода пальцем по щербинке на резном подлокотнике.

— Ну, — пробормотал он, — я ведь не мог оставить тебя на попечении какого-нибудь высохшего старикана-телохранителя. — Он поднял глаза на Гиацинта и улыбнулся: — А твоего общества, тсыган, ни один праведный кассилианец точно не выдержал бы. Я, по крайней мере, могу надеяться пережить это путешествие, не сойдя с ума.

— Рассчитываю на тебя, — невозмутимо парировал Гиацинт. — Ты сильно изменился с

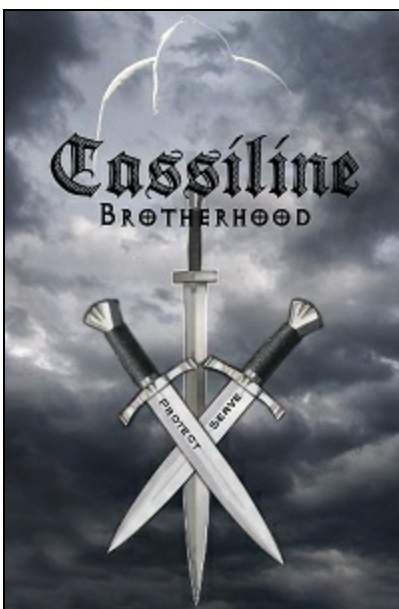
того дня, когда Федре пришлось спасти тебя от разбушевавшихся акробатов-шиповников, кассилианец. Надеюсь, нам не придется столкнуться с чем-то посерьезнее их проказ.

— Да будет на то воля Элуа. — Жослен встал, отвесил привычный поклон и замер со скрещенными руками. Покачал головой. — Простите. Слишком поздно, я с ног валюсь.

Мы пожелали ему спокойной ночи, и он ушел.

— Знаешь, — своим проникновенным голосом произнесла Телезис, — мой двоюродный дед был из кассилианцев. У них существует особое название тому, что Жослен сегодня сделал. — Ее темные глаза поймали мой взгляд. — Мы стали свидетелями Выбора Кассиэля.

Мне не требовалось объяснений. Я все поняла.

* * * * *

Следующие дни я провела в относительном уединении, пока королевские гонцы мчались на все четыре стороны королевства. Исандра снизошла к моей просьбе и мне доставили из королевской библиотеки несколько трудов про Альбу, книги на круитском языке и трактаты о Хозяине Проливов. Жаль, что под рукой не было книжного собрания Делоне. Я вспоминала, как изучал историю Хозяина Проливов Алкуин, и жалела, что его нет рядом. А еще я жалела, что не присутствовала на роковой встрече Ганелона де ла Курселя с прежним круархом. Тогда во Дворец Делоне сопровождал Алкуин, чему я несказанно радовалась, поскольку сама посетила Дом Валерианы, где любовалась плетками и прочими орудиями в комнатах для удовольствий.

Теперь те предметы казались мне детскими игрушками. Я на себе прочувствовала, каково это, когда насилуют душу, и, смею заверить, страдания плоти не идут с душевной мукой ни в какое сравнение.

На четвертый день Исандра призвала меня к себе.

— Я кое-кого пригласила с тобой повидаться, Федре, — осторожно начала она. — Человека, по моему мнению, достойного доверия.

Вспыхнула догадка, что речь о Сесиль Лаво-Перрин, по которой я ужасно скучала с самого возвращения в Землю Ангелов; Телезис, кстати, призналась, что рассказала Сесиль обо мне и та плакала от радости, узнав, что я жива. Но когда Исандра посторонилась, из-за ее спины вышла не хозяйка Перринвольда, а хорошо мне знакомый худой старик — мастер Тильхард, туарье.

Приветствуя его, я встала на колени, глаза застила пелена слез. Я схватила скрюченные пальцы художника и принялась их целовать. Он, ворча, высвободил руки.

— Вот всегда так, — пожаловался он, — с *ангуиссеттами*. Дедушка меня предупреждал, что с ними только так и бывает. Что ж, глупышка, между нами осталось незавершенное дело, и наша королева приказала мне довести его до конца. Ты готова, или мои старые кости тащились в такую даль зазря?

Все еще стоя на коленях, я подняла полные слез глаза на Исандру.

— Спасибо, ваше величество.

— Да уж, благодарность здесь уместна, — слегка улыбнулась она. — Мастера Тильхарда было не так-то просто уговорить. Но в дальний путь лучше отправляться, закончив все домашние дела, а Телезис де Морне обратила мое внимание на твой незавершенный туар.

Королева удалилась, и слуги отвели нас в уединенную комнату, где возле стола уже были разложены инструменты туарье. Я разделась и легла. Мастер заворчал, увидев почти зажившие рубцы от бичей жрецов храма Кушиэля, но счел мою кожу пригодной для работы.

— А где ваш ученик, мастер Тильхард? — спросила я, пока он, бормоча себе под нос, смешивал краски.

— Умер, — последовал отрывистый ответ. — От лихорадки. Ты станешь самой последней, самой великой работой моей школы, *ангуиссетта*. Я слишком стар, чтобы браться заново обучать кого-то себе на смену.

— Наамах наверняка благословит вас за ваши труды, — прошептала я.

Мастер Тильхард что-то неразборчиво буркнул, приложил станок к моей спине и ловко стукнул по нему молоточком. Сотни игл вонзились в кожу, навеки вгоняя в нее пигмент. Смакуя удовольствие от этой изысканной боли, я закрыла глаза. Что бы ни ждало меня в будущем, я уже получила свою награду. Мой туар будет завершен. И пусть впереди на каждом шагу подстерегают опасности — я пойду навстречу судьбе той, кем объявила себя перед Вальдемаром Селигом: свободной ангелийкой.

— Молодец, что хотя бы научилась лежать спокойно, — раздраженно пробормотал мастер Тильхард и снова ударил молоточком.

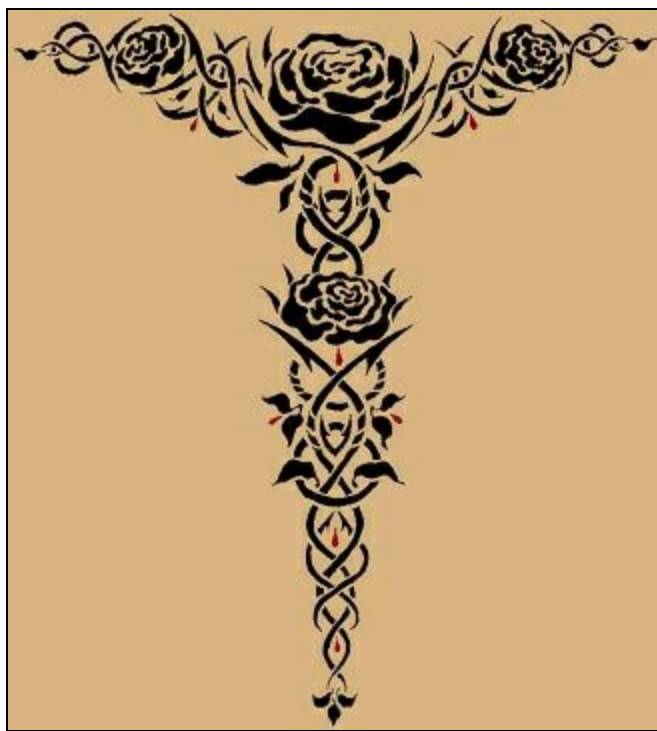
Боль красным цветком расцвела на моем позвоночнике, пустив корни в конечности. Я ахнула, цепляясь за край стола, и заерзала, тут же опровергнув похвалу туарье. Возможно, Исандра и рассказала ему о моем новом статусе героини королевства, но его отношение ко мне ни капельки не изменилось. Мастер Тильхард — художник, а я — его холст. Он хлопнул меня по ягодицам, призывая к спокойствию.

— Чертовы *ангуиссетты* неисправимы, — проворчал он. — Дедушка был прав.

И вот наступил момент, когда я осталась одна и смогла как следует рассмотреть свой туар. Комната была неплохо обставлена, хотя, на мой вкус, темновата и с затхлым воздухом, но, в конце концов, это же охотничье поместье, а не Дворец. На стене висело большое овальное зеркало в золоченой раме, и я, встав к нему спиной, убрала волосы наперед и оглянулась через плечо.

Да, мой завершенный туар выглядел потрясающе.

Резкие черные филигранные линии тянулись вверх от изящных завитушек на пояснице, расплзались по всей ширине спины и сходились в элегантном узоре на затылке. Редкие каплевидные алые акценты резко контрастировали с черными штрихами на моей молочно-белой коже. Давным-давно мне казалось, что эти красные точки должны напоминать о стреле Кушиэля, но теперь, глядя на них, я думала о Лютой Зиме, о непроходимых лесах Скальдии, о черных ветвях и о снеге, забрызганном алой кровью.

Потрясающе, и очень мне подходит.

Раздался стук. Я быстро накинула шелковый халат, открыла дверь и, увидев Исандру де ла Курсель, начала опускаться на колени.

— О, прекрати, — остановила она. — Я по горло сыта церемониалом, к тому же мы с тобой своего рода родственницы, если вспомнить отношения между Делоне и моим отцом. — Эта крамольная мысль меня взволновала, но Исандра не дала мне времени ее обдумать. — Все получилось, как ты хотела?

— Да, ваше величество. — Я отошла от двери, чтобы пропустить королеву. — Вы очень ко мне добры. Спасибо.

Она смерила меня любопытным взглядом.

— Можно посмотреть?

Монарху не отказывают, тем более когда он просит. Я молча развязала пояс, сняла халат и повернулась к Исандре спиной.

— Так вот как выглядит туар Наамах. — Она легонько провела кончиками пальцев по свежевывататуированному узору. — Больно?

Я подавила дрожь.

— О да.

— Прощу прощения. — В ее голосе послышались нотки изумления. — Благодарю тебя. Можешь одеваться.

Я быстро накинула халат и вновь встала к ней лицом.

— Вы, мадам, никогда не видели слугителей Наамах?

— Нет. — Исандра покачала головой. — Дедушка запрещал мне подобные связи. Девственность невесты ценится высоко, особенно среди варваров, — сухо добавила она. — К примеру, среди аккадианцев.

— Благословенный Элуа заповедовал нам любить по воле своей, — произнесла я. — И даже король не смеет нарушить эту заповедь.

— Так-то оно так. — Она беспокойно зашагала по комнате, в тусклом свете ее льняные волосы казались огоньком свечи. — Но постарайся понять. Вот когда твой туар принадлежал Анафиэлю Делоне, ты же не могла дарить свое искусство тем, кого выбирала сама, так ведь?

Я же принадлежу трону, Федра. Но все равно стараюсь следовать заповедям Элуа, и именно поэтому отправляю тебя в Альбу с посланием для Друстана маб Нектханы. Если ты потерпишь неудачу... если моя мечта не сбудется, у меня по-прежнему останется невинность для брачной ночи и надежда, что Элуа пошлет мне достойного супруга.

— Я сделаю все, что в моих силах, — прошептала я.

— У тебя редкостная способность к выживанию. — Фиалковые глаза Исандры смотрели прямо на меня. — Остается надеяться, что она и дальше тебе не изменит. — В ее тоне снова проскользнуло любопытство: — Скажи, а почему служители Наамах выбивают на себе туары?

— Вы не знаете? — Я улыбнулась и повела плечами, чтобы почувствовать прикосновение шелка к израненной иглами спине. — По легенде Наамах помечала тех, кто доставлял ей наслаждение, исцарапывая ногтями их спины. Эти отметины божественного экстаза не сходили у людей до конца жизни. Вот мы и наносим туары в знак уважения и памяти.

— А-а. — Исандра удовлетворенно кивнула. — Понимаю. Спасибо за разъяснение. — Она направилась к двери, но на полпути остановилась. — Твой товарищ Гиацинт вернется только завтра, и тогда вы займетесь подготовкой к отъезду. Полагаю, пока тебе будет небезынтересно прочитать вот это. Текст маленький и не отнимет у тебя много времени. — Она вручила мне тонкую книжицу в потертом переплете. Открыв, я увидела страницы, исписанные незнакомым почерком. — Это дневник моего отца, — тихо пояснила Исандра. — Он начал делать заметки в Тиберийском университете, а закончил вскоре после моего рождения. Там много написано о Делоне. Именно из-за этого дневника я и решилась встретиться с ним и попросить о помощи.

— В театральной гримерной, — не подумав, кивнула я, вспоминая тот день. Тут же вскинула глаза на удивленное лицо королевы и покраснела. — Это долгая история, ваше величество. Наставник так и не узнал, что я тоже там была.

Исандра покачала головой.

— Дядюшка прав. Что бы ты ни делала, Федра но Делоне, тебе все удастся просто блестяще. — Она посерьезнела. — Мой отец женился не по любви, а из чувства долга. Надеюсь, милостью Элуа, ты убережешь меня от подобной доли. Я буду молиться, чтобы ты вернулась в целости и сохранности и привезла с собой моего принца круитов. Увы, больше мне нечем тебе помочь. Придется всеми силами защищать королевство.

В сравнение с тем бременем, что лежало на плечах королевы, мое собственное показалось почти ничтожным.

— Я сделаю все возможное, ваше величество.

— Знаю.

Мы посмотрели друг на друга: две ангелийки примерно одного возраста, но такие разные.

— Удачи, — пожелала Исандра и, взяв мое лицо в ладони, благословила меня поцелуем в лоб. — Пусть Элуа тебя бережет. Молюсь, чтобы нам довелось снова свидеться.

И она ушла, оставив меня с законченным туаром и дневником принца Роланда. Поскольку мне было больше нечем заняться, я до поздней ночи сидела и читала.

* * * * *

Утром из Города вернулся Гиацинт. Он привез трех лошадей, съестные припасы и двух вьючных мулов под поклажу.

И одежду.

Для себя Гиацинт купил кричащий наряд, традиционный у бродячих тсыган, и накидку цвета шафрана. Похожую накидку с капюшоном он припас и для меня, а еще синее бархатное платье с юбкой в три слоя, нижний из которых был темно-красного цвета. Пусть и довольно вызывающее, платье выглядело добротным, но поношенным — местами ткань лоснилась.

— Тсыгане ничего не выбрасывают, только совсем уж негодные вещи, — напомнил Гиацинт. — Федра, ты будешь моей незаконнорожденной кузиной, обманом проданной в бордель в Сенях Ночи тсыганом-полукровкой. Ты ведь понимаешь в этом толк. — Он ухмыльнулся. — Что касается тебя, кассилианец... — Гиацинт поднял серую накидку и встряхнул, демонстрируя подкладку.

Она оказалась переливчатой и многоцветной: марена, тернослив, охра, лазурь и перламутр. Я рассмеялась, прикрыв рукой рот.

— Знаешь, что это за одежка? — спросил Гиацинт.

Я кивнула.

— Однажды видела такую. Это плащ мендаканта.

— Вот что Телезис придумала вместе с Госпожой Марсиликоса. — Гиацинт протянул плащ Жослену, который бесстрастно его принял. — За тсыгана ты по-любому не сойдешь, даже за полукровку. А нужно какое-то объяснение, почему ты с нами.

Итак, бывшему кассилианцу досталась роль мендаканта, странствующего проповедника из Эйсанда. В свое время Спутница Элуа Эйшет даровала смертным способность чарующе музицировать и рассказывать чудесные истории. Ангелийцы превозносят ее дары вопреки недругам, которые утверждают, будто она научила нас притворству и обману. Не берусь судить, какая из версий ближе к истине, но эйсандинцы действительно прекрасные рассказчики, а лучшие из них становятся мендакантами. Они дают обет путешествовать по королевству, чтобы ткать завораживающий гобелен из слов — из правды и вымысла.

Если какой-то ангелиец и пустится странствовать по Длинному пути с тсыганами, то только мендакант.

— Умеешь врать и сплетать байки, а, кассилианец? — с ухмылкой поинтересовался Гиацинт.

Жослен набросил плащ на плечи. Серая как голубиное крыло ткань казалась такой же строгой, как его прежнее рубище, пока при движении не открывалась разноцветная подкладка.

— Научусь, — отрезал он.

— Начать можешь с вот этого, — произнесла Исандра де ла Курсель, неожиданно вошедшая в комнату.

Она кивнула своему старому кассилианскому телохранителю, и тот протянул Жослену ворох сверкающей стали. Знакомое мне оружие Жослена: кинжалы, наручи и меч. Он вытаращился на королеву.

— Оружие принадлежит твоей семье, а не Кассилианскому Братству, верно? — пояснила Исандра. — Ты предложил мне свой меч, Жослен Веррэй, и я его приняла. Так пусть этот меч и прочее твое снаряжение помогут тебе сослужить мне службу. — На ее губах играла слабая улыбка. — А теперь тебе следует придумать, почему вдруг странствующий мендакант вооружился на манер кассилианца.

— Спасибо, ваше величество, — пробормотал Жослен и машинально поклонился со

скрещенными руками.

Затем взял у хмурого кассилианца и застегнул на талии пояс с кинжалами, надел наручи и перевязь. С торчащей из-под плаща мендаканта рукоятью меча за плечом Жослен казался выше и осанистее.

— Ты неплохо справился, — обратилась Исандра к Гиацинту, который в ответ любезно поклонился. Оглядела нас. — Ну вот, все готово для вашего путешествия. Федра... — Она протянула мне массивный золотой перстень на длинной цепочке. Я взяла его и осмотрела: на печатке красовался герб Дома Курселей с изображением лебедя. — Это кольцо моего отца, — пояснила Исандра и протянула руку, на которой красовалось точно такое же. — Я теперь ношу дедушкино. Покажи его Квинтилию Руссу, если он усомнится в правдивости твоих слов. А когда доплывешь до Альбы, отдай Друстану маб Нектхане. Он узнает это кольцо. Я носила его со дня гибели отца.

— Да, ваше величество. — Я надела цепочку и спрятала кольцо под одеждой. Оно скользнуло ниже бриллианта Мелисанды.

— Хорошо, — кивнула Исандра. Она держалась по-королевски ровно и гордо, не позволяя себе демонстрировать иных чувств, кроме отваги. — Да пребудет с вами Благословенный Элуа.

Это было прощание, приказ отправляться в путь. Гиацинт и Жослен поклонились, я присела в реверансе.

И мы выехали.

Место, куда мы направлялись, называлось Гиппокампом. Многие считают Кушет суровой и скалистой землей, но это справедливо только для побережья. А в основном провинция столь же плодородна и красива, как и любая другая из шести: с уютными долинами и полноводными реками.

Мы ехали на запад через Ланьяс по дороге Древнего леса, ведущей в Кушет — по крайней мере, так считал Гиацинт. Он не был уверен, что мы следуем правильным путем, пока не заметил *чайдроу* — один из неприметных знаков, которые оставляют тсыгане на своих стоянках. Впрочем, даже заплутав, мы не попали бы в переделку в мирном Ланьясе, где властвовал граф де Сомервилль. Анаэль наделил смертных даром земледелия, научил выращивать богатый урожай и заботиться, чтобы земля не скудела. Ланьясцы слыли миролюбивыми увальнями, но сражались как львы, защищая свою родину, — примером чему доблестная служба Перси де Сомервилля на посту королевского главнокомандующего.

Город Элуа мы покинули по хорошей погоде: из-за ранней оттепели воздух повлажнел, и дул теплый ветерок. Несмотря на страх перед грядущим путешествием, усевшись в седло, я обрадовалась. Уж поверьте, нет ничего хуже ожидания, когда жуткие вымыслы пожирают разум, как вороны — падаль. И после ледяного ужаса Скальдии Древний лес казался почти дружелюбным.

Первый день прошел без происшествий. Нам встретились только несколько молчаливых фермеров, горбящихся над яровыми на своих полях. Добравшись до лесной дороги, мы оказались на ней единственными путешественниками.

Из Гиацинта получился прекрасный попутчик. Он взял с собой небольшой тамбурин и в дороге наигрывал веселый мотивчик. После нашей с Жосленом жуткой гонки в мертвом безмолвии, когда мы на пределе сил скакали, охваченные отчаянием, такая беспечность казалась глупой и даже опасной, но умом я понимала, что Гиацинт прав. Тсыгане ничего не делают тишком, а шум маскирует не хуже тишины.

После привала обнаружился первый признак того, что на этой дороге у нас имелись предшественники: кострище у ручья. Судя по кусочкам металла на выжженной земле, след оставила походная кузня, а ведь тсыгане славятся искусной ковкой. Гиацинт принялся дотошно осматривать местность и вдруг победно воскликнул. А когда мы с Жосленом подбежали, махнул рукой на воткнутую в землю расщепленную палку, один конец которой указывал на запад.

— *Чайдроу*, — кивнул Гиацинт. — Мы на верном пути.

И мы поехали дальше, следуя за тсыганскими метками, которые он находил. Вскоре и мы с Жосленом научились их замечать. Не стану вдаваться в подробности того путешествия, поскольку дни проходили без особых происшествий. Гиацинт многое рассказал нам о тсыганах, готовя к предстоящей встрече с табором. В свою очередь я научила спутников нескольким словам на круитском языке. Он дается сложнее скальдийского, поскольку содержит несколько звуков, которых в ангелийском языке нет. Я всегда недоумевала, зачем Делоне заставил меня вызубрить варварское наречие; забавно, что та наука вдруг остро пригодилась.

На привалах я перечитывала дневник принца Роланда, который королева вручила мне накануне отъезда. Из этой тонкой книжицы я узнала наконец полную историю рокового

романа, сподвигшего Анафиэля Делоне посвятить свою жизнь защите интересов Исандры де ла Курсель и сделать меня той, кем я стала — куртизанкой, умом не уступающей самым опасным придворным.

Принц и мой будущий господин познакомились в Тиберийском университете — об этом мне было давно известно. Но дневник заставил меня посмотреть на Делоне другими глазами. Показал мне его красивым, порывистым юношей, одержимым жаждой познания. Прежде я не представляла, каким он был в молодости. Меня удивили его стихотворения, бережно записанные Роландом де ла Курселем: едкие остроумные эпиграммы, высмеивающие как студентов, так и преподавателей. Оказывается, это Роланд начал звать его Делоне, намекая на девичью фамилию его матери и на легенду об эйсандинском рыбаке, которым прельстился сам Элуа. Когда же Роланд и Делоне стали парой — я краснела, читая этот эпизод и гадая, как восприняла его Исандра, — университетские преподаватели ввели в обиход прозвище «Антиной» в честь возлюбленного древнего тиберийского императора.

Дневник прояснил мне и характер самого Роланда, великодушного и бесшабашного. Он предавался радостям любви, не думая о возможной расплате, и руководствовался скорее заповедями Благословенного Элуа и старомодными понятиями о гордости и чести, нежели политическими интригами королевских династий. Могу себе представить, как обожал Делоне это беспечное благородство неспособного хитрить принца, и в какое отчаяние оно его приводило.

Смерть Эдми де Рокай развела их. Уже после университета, после того как отец отрекся от Делоне, из-за чего тому пришлось взять девичью фамилию матери.

Как ни странно, мы с Гиацинтом, строя догадки, довольно близко подоברались к истине: действительно, съовальские Дома Рокай и Монрев — до сих пор странно думать, что Делоне от рождения звался иначе, — многое связывало, а Анафиэль и Эдми с детства дружили. Родителям удалось просватать Эдми за наследного принца благодаря доброй славе Дома Рокай и родственным связям с королевским домом Арагонии.

Помолвка всем казалась удачной; молодые люди питали друг к другу нежные чувства, а Эдми была согласна пренебречь страстью в обмен на то, чтобы в будущем стать королевой Земли Ангелов и матерью наследника престола.

А потом она погибла на охоте.

Если верить дневнику, Роланд искренне оплакивал невесту и столь же искренне отрицал причастность к трагедии Изабель л'Анвер. Принц считал, что Делоне обвиняет ее поскольку снедаем горем и ревностью. Типичная человеческая ошибка: приписывать малознакомым людям лучшие побуждения, а близким и любимым — тягчайшие грехи. О да, Роланд так сильно любил Делоне, что боялся проявить к нему излишнее снисхождение, а потому приблизил к себе Изабель, поддавшись ее льстивым речам. Вскоре принц и Изабель обручились — Дом Анверов не уступал в могуществе Дому Рокай, — а затем и поженились. Делоне же сочинил песню, ославившую новобрачную по всему королевству.

На мой взгляд, Роланд все понял, когда Изабель потребовала казни Делоне. В дневнике он описал долгие споры с королем, в которых защищал своего возлюбленного. Было заключено мучительное соглашение. Делоне сохранили жизнь и скромное имущество, которым он располагал после отречения отца, но его стихотворения предали жестокой анафеме. Их хранение и распространение стало приравняться к государственной измене.

Об этом я слышала. Но не знала о том, что, когда все книги с творениями Делоне дотошно собрали по всему королевству и сожгли, принц Роланд де ла Курсель плакал, глядя

на тот костер. Думаю, кроме нас с Исандрой об этом никто больше не узнал.

Впоследствии Роланд и Делоне снова как-то сблизились. Примирению принц посвятил всего несколько фраз: *«Все прощено, хотя, наверное, никогда уже не будет так, как прежде. Что ж, если нам отказано в безоблачном прошлом, да ниспошлет нам Элуа счастливое будущее»*. Читая, я вначале подумала, что это не о Делоне, а об Изабель, но следующие записи рассеяли мое заблуждение.

Родилась Исандра, и это событие привнесло в жизнь Роланда радость и ужас. Отцовство было для него внове, но камень преткновения заключался не в этом — увы, любому, умеющему читать между строк, дневник говорил, что отношения принца с женой серьезно разладились. Я, конечно, вопреки рассудку надеялась, что Исандра намеков не поняла.

Регулярные записи на этом заканчивались. Из последующих обрывистых строк мне врезались в память вот эти: *«Анафиэль принес клятву на моем перстне, и мое сердце возрадовалось, невзирая на досаду отца и дражайшей Изабель. Не могу похвастаться, будто являюсь цельным человеком. Нет, я расколот, и Анафиэль — это моя мудрая половина. Дать же дочери обет преданности я должен весь целиком»*. И дальше: *«Обет дан в присутствии жрецов Элуа»*.

Вскоре Роланд совсем забросил свой дневник. Догадываюсь, по какой причине: он погрузился в обязанности наследника престола, а затем отправился в Камлах на Битву Трех Принцев, где и сложил голову.

«Столько людей погибло, — думала я, сидя вечером у костра. — Столько пролилось крови». Я делала свои первые шаги в Доме Кактуса, когда эти события формировали жизнь Исандры. Как, впрочем, и мою, только я об этом, к счастью, тогда не знала. Да, тогда моя нынешняя миссия скрывалась далеко в будущем. И пока я училась час за часом безропотно стоять на коленях и под правильным углом подавать сладости в конце трапезы, Исандра познавала, как жадность, властолюбие и ревность разъедают человеческие души.

Неудивительно, что она так отчаянно цеплялась за девичью мечту о любви. Я посмотрела на потрепанный дневник, а потом на запад, где за деревьями садилось солнце. Мы подобралась совсем близко к Кушету, если еще не пересекли границу. В лесу это было сложно определить. Где-то за горизонтом скрывался Пролив, растревоженная ветром водная гладь — серая, сверкающая, узкая и смертоносная, словно клинок, — отделяющая Исандру от ее мечты.

«Не просто от романтической девичьей мечты, — напомнила я себе, — но от мечты королевы». Когда руки синего парня Исандры возьмут корону, в них окажется копье, тысяча копий. Осуществив свою мечту, наша королева положит конец моему кошмару: коленопреклоненные ангелийцы, склонившие головы перед скальдийскими мечами.

При мысли о Вальдемаре Селиге меня передернуло. Не верилось, что круитский принц способен бросить вызов ему — могущественному и отважному вождю с десятками тысяч верных соплеменников за спиной. Но все же... когда-то скальды ощутили на своих шеех сапоги тиберийских солдат, а круиты никогда не знали поражения. К тому же Друстан маб Нектхана происходит из рода Кинхила Ру, который изгнал тиберийскую армию с родной земли.

Слабая, призрачная надежда, сбудется ли она? Пока что все зависело только от нашей троицы. Я прижала дневник принца Роланда к груди, будто священную реликвию, и подняла глаза к загорающимся высоко в небе звездам, молясь, чтобы у нас все получилось.

Размах тсыганской конной ярмарки на Гиппокампе застал меня врасплох.

После того как мы оставили за спиной Древний лес, приходилось выбирать путь из множества дорог. Мало-помалу промозглый холод отступающей зимы сменялся теплым ветерком грядущей весны, на деревьях появлялись бледно-зеленые почки, а на дорогах — люди.

Среди путешественников мы видели много тсыган, настоящих Странников, следующих по своему Длинному пути.

Гиацинт рассказал, что в конце лета на Гиппокампе проводится еще одна лошадиная ярмарка, где продают годовалых стригунков, предлагая их знатым *гадзе* по безумным ценам. И весеннее торжище по сравнению с летним просто пустышное. А самая крупная распродажа происходит в середине лета в Эйсанде. Весенняя ярмарка устраивается в основном для тсыган, поскольку здесь выставляют совсем маленьких жеребят, чей успех способен предвидеть только опытный коневод с верным взглядом и знанием родословных.

Никто и никогда не пытался сосчитать тсыган в Земле Ангелов: они слишком часто перемещаются и слишком подозрительны, чтобы честно позволить себя переписать. Увидев, как они съезжаются на ярмарку, я поразилась, до чего их много — гораздо больше, чем обычно думают.

На подъезде к Гиппокампу мы обгоняли длинные тсыганские караваны. Не веря своим глазам, я наблюдала, как разительно меняется Гиацинт. Его тсыгане признавали за своего и громко приветствовали на тарабарском диалекте. А почему нет? Он им явно нравился: молодой, смелый, красивый и по всем приметам один из них. Гиацинт кричал в ответ, махая бархатной шапкой, его темные глаза торжественно сверкали. Тсыганские слова в речи его соплеменников перемешивались с ангелийскими, но в итоге я почти ничего не понимала.

— Ты не предлагала научить меня тсыганскому языку, — проворчал державшийся рядом со мной Жослен.

— Я сама его не знаю, — с досадой ответила я.

Даже Делоне не признавал тсыганский полноценным языком. За все время знакомства с Гиацинтом — и посиделок у него на кухне — я так и не поняла в полной мере, сколь много для него значило быть тсыганом. При мне они с матерью говорили по-ангелийски. Я вспомнила чудные словечки, которыми Гиацинт пересыпал свою речь в день нашего знакомства, вспомнила, как он бранился, когда меня отыскали гвардейцы дуэйны. Нет, тогда я не понимала, не могла понять. Когда он подрос и купил старых коняг, а со временем сумел построить процветающий извозчичий двор, я не сообразила связать его успешное начинание с древней тсыганской традицией — возиться с лошадьми. Я просто думала, что Гиацинт умен и смекалист, не беря в голову, что коневодство у него в крови.

Забавно, как стремительно порой меняются наши взгляды. За время поездки на Гиппокамп я стала смотреть на Гиацинта по-другому. Мы миновали множество тсыганских повозок, намного ярче и удобнее, чем скромная иешуитская кибитка Таави и Данель, хотя и схожих по конструкции; из окон то и дело высовывались девушки, которые строили Гиацинту глазки. Я научилась отличать незамужних: они ходили с непокрытыми головами. Девушки болтали и заигрывали с Гиацинтом, и чем больше внимания он привлекал, тем более желанным для них становился.

Тсыгане кажутся ангелийцам довольно бесстыдными — даже на мой взгляд, некоторые тсыганки вели себя нескромно, — но это только видимость, как я узнала впоследствии. Их вызывающее поведение — просто маскарад. Целомудрие в их среде почитается величайшей добродетелью. Но тогда я об этом не подозревала и, признаюсь, раздражалась, глядя, как нахалки наперебой борются за внимание Гиацинта.

Что до Жослена, его внешность вызывала хихиканье и перешептывания. Скальдийки неприкрыто его вождели, тсыганки же не осмеливались к нему приблизиться. Их останавливало правило *лаксты*. Гиацинт не смог подобрать равнозначного слова на нашем языке, но по сути это незапятнанность репутации тсыганских женщин. Ее можно потерять сотней способов — я-то свою, по придуманной Гиацинтом легенде, давным-давно потеряла, если вообще имела, — но хуже всего допустить смешение драгоценной тсыганской крови с кровью *гадзе*, инородца.

Воочию убедившись в важности этого закона, я в какой-то мере осознала, сколь великий грех совершила мать Гиацинта. Она не только лишилась девственности без подобающего союза, тем самым осквернив свое тело и став *врайной*, но и запятнала свою родословную. Тем самым она утратила *лаксту*, всю свою ценность как тсыганской женщины.

Но тсыгане, едущие на Гиппокамп, этого не знали. Они лишь видели, что Гиацинт говорит и поступает как один из них. Думаю, это ангелийская кровь подарила ему ослепительную красоту, но тсыгане рассматривали его как идеальный образчик своего рода, настоящего Принца Странников.

Да и кем еще он мог быть, со своей яркой дорогой одеждой, смуглой кожей, блестящими черными кудрями и задорным огоньком в темных глазах? Когда он крикнул, что ищет табор Маноха, тсыгане с готовностью показали, в какую сторону ехать. Манох, старый патриарх, уже занял место на поле. Конечно же, он с радостью примет внука, кровь от его крови, а заодно с ним и все дядья, тетки и двоюродные братья-сестры, с которыми Гиацинт никогда не встречался.

Такой была давняя мечта Гиацинта, и она, похоже, сбывалась. По мере приближения к стоянке родного табора Гиацинт все явственней томился в предвкушении, а его белые зубы все чаще сверкали в невольной улыбке.

Простая и обыденная мечта: быть принятым соплеменниками, найти свою семью. Я молилась, чтобы она претворилась в жизнь. Гиацинт очень многим рискнул, отправившись с нами в опасную миссию, и исполнение давнего желания стало бы для него самой лучшей наградой. Но мы с Жосленом не могли не думать об одном и том же, пока ехали бок о бок и вели в поводу вьючных мулов с легкостью, выработанной за долгие дни наших странствий. Я видела отражение своих опасений в голубых глазах кассилианца. Он, презревший святой обет, слишком хорошо знал, как внезапно все может измениться.

Мы достигли Гиппокампа.

Это было обыкновенное поле и не более того, просторное и, несмотря на раннюю весну, уже зеленое. Широкий участок земли, поросший свежей травой, тянулся вдоль могучей реки Лусанд, прорезающей весь Кушет. Мы приехали как раз вовремя. Многие тсыганские таборы уже добрались до места и обустроивали на поле свои кибитки, шатры и загоны для лошадей, но некоторые еще были в пути, и потому мы достаточно легко нашли место для стоянки и вбили по углам колышки с яркими лентами, специально купленными Гиацинтом.

Куда ни оглянись, повсюду были лошади: пони, упряжные, охотничьи и верховые,

тяжеловозы и даже боевые кони с широкими спинами и изогнутыми шеями, достаточно могучие, чтобы нести на себе всадника в полном доспехе, но длинноногие и проворные в бою. Поодаль топтались худосочные годовалые жеребята и малыши, еще пошатывающиеся на некрепких тонких ножках.

В центре поля находилась общая поляна с костром посредине, вокруг которой разместились самые влиятельные таборы. Многие тсыгане, столпившиеся вокруг огня, музицировали, пели и плясали. Я предположила, что они отмечают какой-то свой праздник, но Гиацинт заверил, что его народ так развлекается при каждой okazji. На окраинах большого лагеря, где расположились и мы, собирались компании числом поменьше.

Солнце клонилось все ниже к горизонту, и в воздухе начали разливаться ароматы вкусной и сытной горячей еды, отчего наши припасы, закупленные на королевские деньги, — лепешки, сыр, орехи, сушеные фрукты и вяленое мясо — показались еще более пресными, чем обычно. Как всегда предприимчивый Гиацинт сходил к нашим соседям, где обменял мех неплохого вина на три миски тушеной дичи с фенхелем и прошлогодней морковью и заверения в том, что нас еще покормят.

Это был мудрый шаг, положивший начало дружбе с соседями, как это принято у Странников. Рядом с нами пристроилась молодая семья, еще не ставшая полноценным табором; вожак — *тсероман* — Неси, представил нас своей жене Гизелле, ее сестре, мужу сестры и своему двоюродному брату, который тоже прибыл со своей семьей. Вокруг сновали и спали на руках у матерей дети, от младенцев до десятилетних, а то и старше, подростков. Тсыгане женились молодыми. Женщины осыпали меня приветственными поцелуями, мужчины кивали, с любопытством оглядывая нас темными глазами. Я неплохо усваиваю языки и довольно скоро начала разбирать их искаженную ангелийскую речь, обильно пересыпанную тсыганскими словечками. Гиацинт поведал соплеменникам нашу легенду о том, как тсыган-полукровка обманом продал меня в бордель, а затем совершенно ни к чему, на мой взгляд, добавил, что его мать из жалости приютила меня, увидев, как я побираюсь на улице.

Потом Гиацинт представил Жослена, который быстро поклонился, отчего его плаш взметнулся, явив буйство цветов. Семья Неси рассмеялась, а дети вытаращились на «мендаканта».

Гостеприимные соседи пригласили нас к своему костру, где муж сестры Гизеллы — кажется, его звали Парди — собирался поиграть на скрипке.

В тот вечер мне здорово помогло, что тсыгане считали молчание добродетелью; я тихо сидела рядом с Гиацинтом, слушала, как он беседует с Неси, и пыталась понять, о чем речь. К моему удивлению, чуть поодаль Жослен весьма успешно вел рассказ на ангелийском под аккомпанемент скрипки и тамбуринов. Гизелла, ее сестра и дети внимали ему с раскрытыми ртами, и с каждой минутой подтягивались все новые слушатели, привлеченные байкой мендаканта.

— ...И тогда я сказал принцессе скальдов: «Миледи, вы прекраснее луны и всех звезд на небе вместе взятых, но я не могу исполнить ваше желание, поскольку уже дал нерушимый обет Кассиэлю». А она ответила: «Что ж, если ты не можешь на мне жениться, тогда тебе придется сразиться с моим братом Бьорном, поскольку никто не смеет отказать принцессе и остаться в живых». Бьорн же был могучим воителем. Однажды он победил колдунью, и та в обмен на свою жизнь наделила его способностью превращаться в медведя...

Я встряхнула головой, вновь переключаясь на Неси и Гиацинта. Кассилианец

превратился в мендаканта — подумать только!

— Если ты и вправду внук Маноха, — говорил Неси, насколько я могла разобрать, — ты должен его отыскать. *Баро кумпай*, четыре наибольших табора, стоят вон там. — Он указал на гигантский костер в центре поляны, где широко раскинулись огороженные стоянки с загонами для множества лошадей. — Но если ты просто ищешь тсыган и *кушти гря*, чтобы вместе поехать на запад торговать... — Неси пожал плечами, оглаживая аккуратные усы. — Может, нас такое дело заинтересует, если будет *чокай*. Достаточный, чтобы наш *лав* стал табором.

— У нас достанет золота, чтобы любой, кому повезет вместе со мной, сделал себе имя, — уклончиво ответил Гиацинт на чистом ангелийском и бросил на меня взгляд, ища поддержки. Я кивнула. — У меня много важных друзей в Городе Элуа. Но нет ничего важнее крови, правда? Поэтому сначала я повидаюсь с Манохом.

— Что ж, — с улыбкой кивнул Неси. — Не ходи к нему сегодня, *ринкени чаво*, поскольку старый тсыган кралис чертовски *гавверинг*, когда выпьет, и запросто вышибет тебе *дандос* своим посохом, если ты под горячую руку объявишь себя сыном Анастасии. Иди к нему завтра с утра и помни, кто дал тебе добрый совет, а, *ринкенти*?

— Непременно. — Гиацинт по-тсыгански пожал не ладонь, а запястье Неси. — Спасибо.

Неси отошел потанцевать с женой. Они представляли собой блестящую пару, яркую и красивую.

— Что такое *гавверинг*? — спросила я Гиацинта, глядя на танцующих.

— Ты все слышала? — ответил он вопросом на вопрос и помолчал. — Не знаю. Это непереводаемо. Строгий. Воинственный.

— А *кушти гря*? *Ринкени чаво*? *Тсыган кралис*?

Он искоса на меня посмотрел и вздохнул.

— Делоне хорошо обучил тебя подслушивать. *Гря* — это лошади. Неси говорил, что у него есть хорошие лошади на продажу, *кушти гря*. *Ринкени чаво* означает... — он лукаво ухмыльнулся, — красавчик. Я не сказал ему, что наполовину ангелиец.

Я подождала и повторила:

— А *тсыган кралис*?

Гиацинт посмотрел в сторону центра поля, где стояли самые высокие палатки, ездили самые яркие повозки, а в загонах теснились самые лучшие лошади.

— Король тсыган, — наконец рассеянно ответил он.

— То есть это правда? Твоя мать действительно была тсыганской принцессой? — от удивления вопрос прозвучал грубо. — Прости.

— Не извиняйся. — Он покосился на меня. — Я... я сам не был до конца уверен, пока Неси это не подтвердил. Я всегда верил матушке, но...

— Понимаю. — Я сочувственно улыбнулась и погладила его по кудрявой голове. — Принц Странников.

Где-то за спиной Жослен продолжал свой рассказ. Теперь он, изображая персонажей в лицах, рычал, как воин-медведь. В ответ раздавались испуганные и восторженные выкрики — детям его история явно пришлась по душе. Старый префект умер бы от стыда.

Молодая тсыганка с непокрытыми длинными волосами пригласила Гиацинта на танец. Он, словно извиняясь, посмотрел на меня и встал. Конечно, я все поняла: с его стороны было бы странно отказаться. Вот если бы мы с ним были обрученной парой, то другой разговор.

Однако Гиацинт, как убежденный тсыган, не мог обручиться со служанкой-*врайной* из борделя. Да и без борделя, будучи по легенде незаконнорожденной дочерью полукровки, я не могла претендовать на *лаксту* — привилегию чистокровных тсыганок.

А значит, не подходила внуку *тсыган кралис*.

Остается только удивляться, что гордость сильнее всего проявляется у отверженного народа, каким во многих странах считались тсыгане. Я размышляла об этом, сидя в одиночестве у костра и глядя на пляшущих и на Жослена, сплетающего свою первую мендакантскую байку. Для нашей миссии мои мысли не имели никакого значения.

А для меня — имели.

Утром мы отправились к Маноху.

Лошадиная ярмарка на Гиппокампе длится три дня, и тот день был первым. По тсыганской присказке, в первый день положено смотреть, во второй — говорить и только на третий — покупать. Хотя с народной мудростью не поспоришь, но к третьему дню ушлые аристократы-*гадзе* обычно прознавали про ярмарку и приезжали за лошадьми, поэтому львиная доля торгов к тому времени уже завершалась и оставалось лишь окончательно рассчитаться.

Так что внешне непринужденные разговоры при осмотре лошадей на самом деле велись чрезвычайно серьезно. Чтобы устроить встречу с Манохом, Гиацинт решил принять участие в торгах, поскольку, давным-давно утратив наивность, не ожидал, что его встретят с распростертыми объятиями, явись он к деду по собственному почину с душой нараспашку.

Итак, сначала мы прогуливались по загонам и разглядывали лошадей. Жослен, которому были доверены все наши деньги — мендакант или нет, но человек с воинской выправкой и кассилианскими кинжалами из всей нашей троицы казался наименее вероятной жертвой карманников, — вытащил массивное ожерелье, также переданное ему на хранение. Я хорошо знала это затейливое украшение из золотых монет, принадлежавшее покойной матери Гиацинта.

На моей шее оно вызвало пересуды, поскольку редко какая *дидикани* осмеливалась носить тсыганский *галл* — как я довольно быстро догадалась, эти слова означали «полукровка» и «украшение из монет», — но цель была достигнута. Один из племянников Маноха нас заметил и, прислонившись к заборчику из связанных между собой жердей, завязал с Гиацинтом разговор. Выяснив, что мы хотим нанять людей в помощь, купить лошадей, переправить их на запад и там выгодно перепродать, тсыган отвел нас к Маноху.

Встреча с тсыганским королем произошла в его шатре, ярком и хорошо обставленном. Я ожидала увидеть дряхлого старика вроде Ганелона де ла Курселя, но забыла, что тсыгане женятся молодыми. Возраст Маноха не поддавался точному определению — на Длинном пути тсыгане быстро стареют, — но, думаю, ему исполнилось немногим больше шестидесяти. Я запомнила темные ястребиные глаза, седые как сталь волосы и густые усы.

— Ты хочешь забрать моих людей и лошадей на запад? — потребовал ответа патриарх. — Кто ты такой, чтобы о чем-то просить? Из какого табора?

Конечно, он произнес не эти самые слова: как и все тсыгане, Манох говорил на своем языке. Что-то я поняла, о чем-то догадалась. Некоторые реплики остались для меня невразумительными, и Гиацинт перевел их мне позже. То, что я сейчас рассказываю — это всего лишь мои воспоминания, отдельные узоры, по прошествии лет срисованные с обширного гобелена этой причудливой истории и, как байки мендаканта, весьма приблизительные.

— Я ищу храбрых мужчин и хороших коней, чтобы заключить очень выгодную сделку, *кралис*, — без запинки принял вызов Гиацинт.

Манох подозвал одного из племянников, что-то ему шепнул и отправил восвояси.

— Расскажи, что за сделка.

Гиацинт поклонился.

— Королевский адмирал со своим флотом стоит на Западном мысе. Знающие люди мне

подсказали, что тамошним воякам скоро понадобятся лошади.

Тут он не соврал; если Квинтилий Русс согласится отправиться в поход через Пролив на одном-единственном корабле, ему потребуются хорошо вооруженные отряды всадников, чтобы охранять оставшийся флот и удерживать позиции до его возвращения. Кушет только условно можно было считать нейтральной территорией. Но эти подробности, конечно же, не следовало разглашать.

— Ничего подобного я не слышал, — пренебрежительно бросил Манох. — Кто ты такой, что тебе вдруг принесли новость поперед меня? Ты так и не назвался, и не сказал, из какого ты табора.

— Я приехал из Города Элуа, где многих знаю и многое слышу. — Гиацинт посмотрел старому тсыгану в глаза. — Зовут же меня Гиацинт, сын Анастасии. И я происхожу из твоего табора, дедушка.

Немолодая тсыганка у стенки шатра уронила глиняную чашку. Та с глухим стуком упала на пол, но не разбилась. За исключением этого звука в шатре стояла гробовая тишина. Манох моргнул сморщенными веками под густыми бровями.

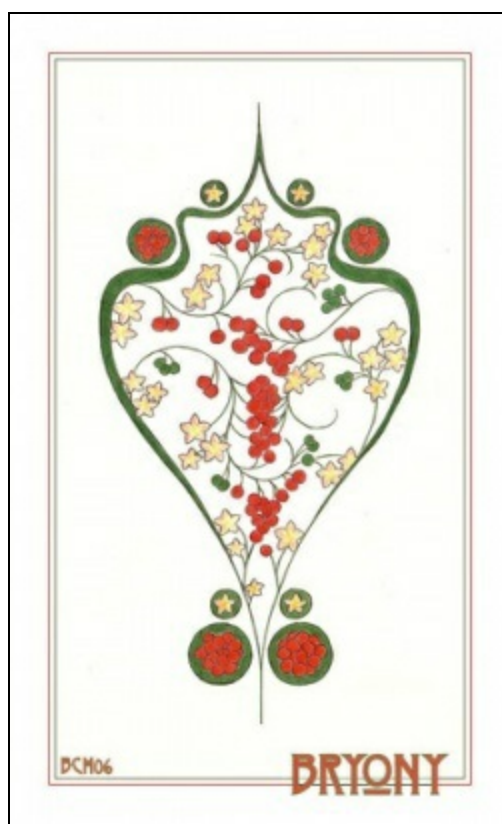
— Сын Анастасии? — протяжно переспросил он. — У Анастасии родился мальчик? Сын?

— Да, я ее сын, — просто подтвердил Гиацинт.

И тут началось форменное светопреставление. Манох громко призвал одного из своих племянников, дерганого тсыгана лет сорока, который вбежал в шатер и бухнулся на колени перед патриархом. Дальше последовали рыдания и объятия: Манох, не скрывая слез, привлек к себе Гиацинта и расцеловал в обе щеки.

Уже позже я собрала всю историю по кусочкам, а в те волнительные минуты то и дело теряла нить разговора. Итак, в тот единственный раз, когда табор Маноха пришел в Город Элуа, призванный сейчас в шатер племянник по имени Ксавин напоролся на посвященного из Дома Брионии.

Дом Брионии — самый зажиточный из тринадцати Домов, что не удивительно, ведь его посвященные превыше всего ценят богатство во всех его формах, и ничто их так не возбуждает, как деньги. Если раздеть всех служащих Казначейства, на спинах половины наверняка обнаружатся туары Брионии, поскольку деловое чутье ее посвященных уже давно стало легендарным, а сами они любой ценой устроятся поближе к финансам.

Бриония также единственный Дом, чьи посвященные не чураются азартных игр и пари. И они почти никогда не проигрывают. Даже тсыганам.

Я, как и Гиацинт, верила, будто его мать в свое время безрассудно влюбилась в ангелийца, за что и поплатилась, — сама она рассказывала именно так. Ах, из любви к сыну бедная женщина скрыла от него ужасную правду: она лишилась своей добродетели, своей бесценной *лаксты*, потому что ее кузен Ксавин поставил на карту ее невинность, играя с посвященным Дома Брионии, конечно же, свято уверенный, что будет в выигрыше. Тсыгане знают тысячу способов обдурить *гадзе*.

Однако Ксавин проиграл.

И не только проиграл, но и под нажимом гвардейцев дуэйна Дома Брионии оплатил свой долг не принадлежащим ему имуществом, гнусно обманув свою кузину, дочь Маноха, которая была молода и мечтала о приключениях. Он ложью принудил ее встретиться с гостем, который щедро заплатил Дому Брионии за удовольствие соблазнить тсыганскую девственницу.

Эта мерзкая история ввергла меня в ужас едва ли не больше, чем любая другая из услышанных или пережитых, потому что ударила не в бровь, а в глаз. Будь Анастасия не тсыганкой, а ангелийкой, такое злоупотребление расценивалось бы грубым нарушением законов Гильдии, но Гильдия защищает только ангелийцев, оставляя тсыган и другие нетитульные народы жить по их собственным законам. Впрочем, и по тсыганским законам Ксавин совершил преступление, за которое был лишен всего своего имущества и прав в пользу Маноха и смог остаться с соплеменниками только в качестве парии. В любом случае я считаю, что Дом Брионии повинен в ереси, поскольку насилие над матерью Гиацинта нарушило заповедь Благословенного Элуа, которая распространяется на всех, а не только на ангелийцев. Служение Наамах должно вершиться по доброй воле или не вершиться вовсе.

Анастасия же, будучи тсыганкой, держала ответ перед законом своего племени. Ее объявили *врайной* и в горячих слезах изгнали из табора, куда она так никогда и не вернулась.

Но от нее остался сын, Гиацинт, и пусть он по происхождению *дидикани*, полукровка, мать воспитала его настоящим тсыганом. К тому же Манох безутешно оплакивал потерю Анастасии. Еще бы, единственная дочь, единственное родное чадо, драгоценная жемчужина в куче детей его братьев и сестер, чей призрак — после ее смерти — взывал к отцу уже не один месяц. Старик-то уж думал, что его плоть и кровь сгниют в могиле пустоцветом, а тут у него нашелся родной внук.

Принц тсыган. Принц Странников.

Остаток дня пролетел как вихрь. Нашу стоянку разобрали и перенесли в табор Маноха где одновременно шли торги и празднество. Мы с Жосленом держались поодаль, ошеломленные и полузабытые, пока Гиацинт воссоединялся с кузинами-кузенами, двоюродными тетусками и дядьями, о существовании которых ранее и не подозревал.

Манох не отпускал новообретенного внука далеко, выспрашивая о его детстве и юности в Сениях Ночи и о нелегкой жизни его матери. Старику польстили ее успехи в качестве предсказательницы. Манох ударил себя кулаком в грудь и заявил, что из всех женщин его рода никто так искусно не владел *дромондом*, как Анастасия.

Эти слова я сумела понять и слегка приподняла брови, вопрошающе глядя на Гиацинта, который, вместо того чтобы похвастаться собственными успехами на той же ниве, ответил мне окорачивающим взглядом и даже отрицательно покачал головой. Значит, Делоне не ошибался: *дромонд* у тсыган — исключительно женское дело. Мужчинам предсказывать будущее действительно запрещено.

Когда сгустились сумерки, тсыгане разожгли костры и принялись пить и плясать под безумно быструю музыку. Гиацинт веселился заодно со всеми: брэнчал на тамбурине и танцевал с незамужними девушками — на его внимание претендовали по меньшей мере с дюжину тсыганок. Я сидела поодаль и наблюдала, как пламя костра взблескивало на его белых зубах, когда Гиацинт улыбался.

Тут ко мне прихромала старая карга, морщинистая, как последнее зимнее яблоко, и согбенная под весом обширного золотого ожерелья.

— Добрый вечер, матушка, — вежливо поздоровалась я.

Тсыганка посмотрела на меня и усмехнулась.

— Не для тебя все это, а, *чави*? Нет, не для тебя, даже не будь у тебя дурного глаза с красной точкой. Знаешь, кто я такая? — Я ошеломленно мотнула головой. Старуха скрюченным пальцем постучала себя в грудь. — Я Абхирати, бабушка Анастасии. Дар передался ей от меня и ни от кого другого. — Она ткнула тем же пальцем в меня, перенося нас обоих на кухню к матери Гиацинта. — В твоих жилах не течет ни капли тсыганской крови, *чави*, что бы там наш парень ни говорил. Ну чего рот-то разинула? Разве не знаешь, что *дромонд* позволяет видеть не только вперед, но и назад?

— И что же вы там видите?

— Достаточно. — Старуха лукаво усмехнулась. — Да, дома удовольствий. В этом-то парень не соврал, а? Твоя мать уж точно была шлюхой. Но ты не незаконнорожденная, нет, ты не из таких.

Я посмотрела на Гиацинта в окружении новообретенных членов семьи.

— Может, лучше бы я была такой. У моего отца было имя и он дал его моей матери, но не мне. А мать без оглядки продала меня в служение.

— Твоя мать не обладала даром смотреть ни вперед, ни назад, — пренебрежительно отмахнулась Абхирати. — А вот его мать обладала. — Она кивнула на Гиацинта. — Как

думаешь, что она про него видела? Длинный путь и табор или что-то другое, какое-то отражение в глазу, отмеченном красной точкой? — Старуха снова хохотнула. — Ох, что же моя внученька видела в будущем своего сыночка? Подумай об этом, *чави*.

И она с трясущимися от смеха плечами захромала прочь.

— Что-то не так? — спросил выросший рядом Жослен.

— Кто тут разберет? — отозвалась я, пожав плечами. — Похоже, у меня судьба такая: то и дело выслушивать тсыганских прорицателей и мало что понимать из их слов. Буду рада, когда мы наконец-то отправимся в путь. Думаешь, Манох даст Гиацинту людей и лошадей?

— Думаю, Манох даст ему все что угодно, — усмехнулся Жослен. — Даже голову Ксавина на блюде поднес бы, не прости Гиацинт мерзавца. — Примирение произошло чуть ранее и сопровождалось потоками пьяных слез. — Я только надеюсь, что наш пособник не забудет, зачем мы здесь.

— Не уверена, что у нас с ним одни и те же цели, — тихо ответила я, наблюдая за дикими плясками тсыган. — Больше не уверена.

* * * * *

Второй день по традиции отводился на переговоры.

У Маноха имелось на продажу с полдюжины молодых лошадей, трех- и четырехлеток с блестящими, гладкими шкурами, большей частью предназначенных для охоты, которые прекрасно подошли бы и для патрулирования границы. И столько же юношей из табора мечтали о приключениях и с радостью вызвались поехать верхами на Западный мыс, чтобы там заключить выгодную сделку и вернуться уже в повозке.

Гиацинт напустил на себя смекалистый и ушлый вид. Торг бесконечно тащился по кругу, и в какой-то момент я подумала, что того гляди умру от скуки. Потом тсыгане принялись по одной дотошно осматривать и пробовать лошадей. Мы прокатились по Гиппокампу, как и сотни других покупателей, охваченные весенней лихорадкой, крича и смеясь под топот копыт. Гонка без победителей и проигравших. Кузнецы наблюдали за нами из маленьких походных кузниц, выставленных на краю поля, и улыбались, сверкая белыми зубами на черных от сажи лицах.

— Вот эта, похоже, малость прихрамывает, — задыхаясь, сказал Гиацинт, переходя на шаг под ивами у реки. На длинных плетях уже зеленели почки. Жослена мы где-то потеряли в пылу скачки. — Думаю, дедушка меня проверяет.

— С него станется, — пробормотала я. От бешеного галопа друг заметно покраснелся. — Гиацинт... ты ведь понимаешь, что не обязан ехать с нами в Альбу. Если ты поможешь нам добраться до Квинтилия Русса... собственно, это ведь все, что ты обещал Исандре.

— Да, понимаю. — Мои слова его отрезвили. Гиацинт бросил взгляд на Гиппокамп, обширное поле, яркое от пестрых нарядов и шатров его народа. — Я не... Федра, я не знал, что они так тепло меня примут. Надеялся, но совсем не был уверен. Не ожидал, что будет вот так вот.

— Конечно, не ожидал, — кивнула я, глядя на него с болью в сердце. — Но получилось так, как получилось. И сейчас ты волен выбирать, Принц Странников.

Не требовалось говорить вслух, что, выбрав табор и тсыган, он потеряет меня и нашу дружбу — в чем бы она ни заключалась и во что бы ни могла перерасти. Да, я о том поцелуе в шумной таверне, в котором таилось обещание. Мы оба это понимали. И поэтому молча вернулись в табор Маноха, где старый патриарх с радостью убедился, что Гиацинту хватило

уменья распознать негодную, хромую лошадь.

* * * * *

На третий день тсыгане вершили торг. Но наш торг уже завершился, оставалось только ударить по рукам для порядка. Шестеро юных тсыган из табора Маноха готовились наутро отправиться с нами в путь. Не помню их имен, но парни были дерзкими и храбрыми. Они искоса посверкивали на меня темными глазами и подталкивали друг друга под ребра, видимо, думая об одном и том же: как будут следовать по Длинному пути за компанию с опозоренной полукровкой, не обладающей *лакстой*, а значит, не имеющей, что терять. Пока что от открытых поползновений их удерживал страх. Страх перед моим дурным глазом, а может, перед повадкой Жослена хвататься за рукояти кинжалов, едва заметив неподобающие взгляды в мою сторону.

И, как водится, на третий день приехали несколько кушелинских аристократов. Они с довольным видом расхаживали по пробивающейся зеленой траве Гиппокампа и явно гордились своей прозорливостью, позволившей им утереть нос соотечественникам, сняв сливки с раннего урожая тсыганских скакунов.

Мы, забавляясь, наблюдали за пришлыми, сидя на складных табуретах у шатров табора Маноха. Кое-кто из женщин проникся ко мне достаточной теплотой, чтобы поделиться секретами *хоккано* — тысячи изобретенных тсыганами способов заставить чужака расстаться с деньгами. Стоило посмотреть, как гордые храбрые тсыгане подобострастно тянули к *гадзе* руки, услужливые и раболепные, и вдохновенно лгали. Из великодушия я не назову имени кушелинской маркизы — хотя я ее узнала, не сомневайтесь, — которая отдала одной из кузин Гиацинта узелок с монетами и драгоценностями, когда та поклялась, что если закопать золото на месте рождения слабенького белоснежного жеребенка, проклятие с животного будет снято. Сами понимаете, вернувшись через три дня на место, аккуратно отмеченное воткнутой в землю палкой с белой ленточкой, маркиза с сопровождающими выкопали на пустом поле лишь разочарование.

— Освобождать такие прекрасные вещи от дураков-владельцев — высшая доброта, — самодовольно заявила тсыганка, когда вернулась к шатру и, вытащив из лифа узелок, принялась ощупывать его содержимое. — Конечно, — добавила она, — даже среди *гадзе* встречаются такие, с которыми шутить не стоит.

Она кивнула подбородком куда-то на другой конец поля.

Я посмотрела в ту сторону, и время для меня внезапно остановилось.

Пятеро аристократов в сопровождении нескольких гвардейцев медленно ехали по полю, глядя по сторонам, болтая и смеясь под бледно-голубым небом. Как всегда справные лошади и упряжь выделяли их из общей массы кушелинов; невозможно было не узнать эти черные как ночь плащи с золотой замысловатой вышивкой в восточном стиле, длинные вьющиеся иссиня-черные волосы, бледные, как слоновая кость, лица и яркие сапфировые глаза.

Шахризаи.

Трое мужчин, выбирающих боевых коней. И две женщины.

Одной из которых оказалась Мелисанда.

Я успела позабыть — как я могла? — насколько она прекрасна. Чарующее и ненавистное, ее безупречное лицо блистало подобно звезде в россыпи бриллиантов. Маленькая и незаметная, презренная полукровка среди тсыган, я смотрела на нее через Гиппокамп и чувствовала, как по коже бегут мурашки, как я превращаюсь в камень из ненависти и — ах, помоги мне Благословенный Элуа — всепоглощающего желания. Никто

другой, даже Делоне, не знал меня так, как она. Только она понимала, каково это: быть такой, какой я была. Какой являюсь до сих пор и останусь до самой смерти.

Каждое движение Мелисанды, каждое ее ерзание в седле, каждое почти неуловимое натягивание поводьев я чувствовала на себе, своею кожей, плотью и костями.

А вслед за ненавистью и желанием навалился страх, поскольку я здесь находилась не как тсыганка-полукровка, не как служительница Наамах или избранница Кушиэля, но как Федра но Делоне, посланница королевы Земли Ангелов Исандры де ла Курсель, а Мелисанда Шахризай — самая опасная изменница в королевстве за всю его историю.

Передо мной мелькали свет и тьма, пока я дышала короткими вздохами, а сердце мое колотилось, как у перепуганного кролика. Меня окружали голоса, что-то бормочущие на ангелийском и тсыганском, но слова не пробивались через шум в моих ушах, подобный океану — низкий пугающий рокот. Но даже издали я слышала беспечный смех Мелисанды. Мимо плыли неразличимые лица. В какую-то секунду я осознала, что меня трясут за плечи и не кто-нибудь, а встревоженный Жослен. Его золотые волосы струились сквозь застлавшую мой взор красную пелену, пока он встряхивал меня, — поцелованная солнцем пшеница хлестала кровавый морок.

Но вдруг Жослен пропал, и осталась только она, Мелисанда, в пятидесяти метрах от меня, развернутая в три четверти, беззаботная и прекрасная. В любой момент она могла повернуться ко мне лицом и увидеть меня, довершить протянувшую между нами связь. Ее бриллиант жерновом давил мне на грудь, бархатный шнурок словно ждал, когда она возьмет его в руку.

Предвкушение рвало меня на части.

— *Она минует тебя и ничего не заметит.*

В мой ужас вторгся низкий настойчивый голос, крючком зацепившийся в глубине души и выдернувший меня из морока. Пелена рассеялась; я моргнула и различила лицо Гиацинта, его красивые темные глаза. Он держал меня за руки, нежно, но твердо. За его спиной Шахризай продолжили свой путь — маленькие черные фигурки на гарцующих лошадях.

— *Она минует тебя и ничего не заметит,* — повторил Гиацинт.

В его голосе слышалась печаль.

Принц Странников сделал выбор.

Да, *тсыган кралис* за пару дней сердечно полюбил своего внука-полукровку, это было очевидно и несомненно.

Но после слов Гиацинта, выдернувших меня из забытья, на поле повисла тишина — вроде той, когда одна огромная волна уже разбилась о скалы, а следующая еще на подходе. И точно, вдруг все разом загомонили.

— *Врайна!* Он обучен *дромонду!* Сын Анастасии говорит *дромонд!* Он на нас на всех навлечет проклятие!

Не стану перечислять тех, кому принадлежали возмущенные голоса, сотни возмущенных голосов. Но можете не сомневаться, что обвинения в сторону Гиацинта летели от всех его двоюродных бабушек-дедушек, тетушек-дядьев и кузенов-кузин, которые вроде бы охотно впустили его в свои сердца. Гиацинт безропотно сносил их нападки, молча глядя мне в глаза. «Не ради меня, — подумала я. — Пожалуйста, не делай этого только ради меня». Он понял и покачал головой.

В отдалении закупики из Дома Шахризаев с любопытством оглянулись на беснующихся тсыган и вернулись к торгу за боевых коней для грядущей войны, о которой во всем королевстве, как им мнилось, больше никто не знал. Шахризаи даже не пытались спорить о цене, а просто перебивали любые ставки.

Сбоку мстительно скалилась старая ведьма с сотней золотых монет на морщинистой шее.

Гиацинт застыл без движения.

Жослен, сжимая рукоятки обнаженных кинжалов, медленно разворачивался туда-сюда, чтобы защитить меня в случае опасности, изящный и смертоносный.

— Это правда, *чаво*, внучок? — возвысил голос Манох.

Его ястребиные глаза были печальны, когда он выступил вперед из толпы тсыган, расступившихся перед своим патриархом.

Гиацинт отвесил грациозный поклон Принца Странников.

— Да, дедушка. Я и вправду обладаю даром *дромонда*. И мама научила меня им пользоваться.

— Тогда это действительно *врайна*. — Манох прерывисто вдохнул, словно дыхание причиняло ему боль. — Слушай меня, сын Анастасии, ты должен сейчас же отказаться от этого дара. *Дромонд* — не мужское дело.

Глянь в ту секунду Мелисанда на взволнованный табор, она бы тут же все поняла. Даже не разглядев меня, она бы увидела круг, окаймленный затихшей толпой, а в центре — Гиацинта и кассилианского воина-жреца в плаще мендаканта... О да, Мелисанда бы точно поняла, что я тут как-то замешана. Делоне научил ее тому же, чему и меня: смотреть, слушать и различать узоры в мнимом хаосе спутанных нитей. В этом мы с ней были на равной ноге. Но Элуа снова явил свое благоволение: моя возлюбленная врагиня так и не посмотрела в нашу сторону. Шахризаи, скользнув по скопищу бродяг пренебрежительными взглядами, отдали все внимание лошадям, за которыми и прибыли на Гиппокамп.

В ответ на слова Маноха Гиацинт с бесконечным сожалением покачал головой, глаза его напоминали черные жемчужины, блестящие от слез.

— Не могу, дедушка, — тихо ответил он. — Ты отсекаешь себя и от рода мою мать, изгнал

ее из табора, но я не откажусь ни от нее, ни от ее дара. Я же ее сын, ее частица. Если *врайна* быть тем, кого она из меня сделала, значит, я *врайна*.

Что же Анастасия видела в будущем своего сына? Какое отражение в глазу, отмеченном красной точкой? Не знаю. Зато теперь мне стало очевидным, что наша миссия невыполнима без Гиацинта. И избранный им Длинный путь совсем не тот, по которому шли тсыгане с тех самых пор, как по земле ходил Благословенный Элуа, отринутый ими.

— Значит, быть посему, — решил *тсыган кралис* и отвернулся от внука. — Моя дочь мертва. И ее сын тоже умер для нас.

Тсыгане принялись хвататься за головы, всхлипывать и причитать, оплакивая Гиацинта, словно он и не стоял перед ними живой и невредимый. Кровь отхлынула от его лица, так что он посерел. Жослен, не теряя времени, убрал кинжалы, быстро сгреб пожитки и увел нас из табора Маноха. На окраине Гиппокампа мы снова повстречались с семьей Неси.

— Все еще хочешь сделать себе имя? — прямо спросил у тсыгана Жослен на простом ангелийском.

Застигнутый врасплох, Неси прищурился на нас и перевел взгляд на свою жену. Та пожала плечами, посмотрела на остальных и, решительно кивнув, принялась скликать детей.

Где-то вдалеке Шахризаи, наверное, заканчивали торг. От этой мысли я поежилась, словно в ознобе.

— Договорились, — твердо сказал Жослен. — Собирайте пожитки и лошадей. Мы едем на запад.

Его командному голосу невозможно было не подчиниться.

Тсыгане умели удивительно быстро сниматься с места. По-моему, большинству армий не помешало бы перенять у них этот навык. У семьи Неси имелась одна кибитка, пара упряжных лошадей и пять скакунов на продажу. Для охоты из этой пятерки годились только два коня, остальные — племенная кобыла с жеребенком и годовалый стригунок. За считанные минуты Неси продал кобылу и молодняк, а взамен купил еще двоих рысаков и длинноногого мерина-иноходца сомнительного происхождения. Гизелла с сестрой тем временем успели запрячь лошадей в кибитку и загрузить туда детей со скарбом.

Но как мы не спешили, а слухи все равно нас нагнали. Трогаясь со стоянки, наши спутники уже явно знали, что для *тсыган кралис* Гиацинт умер. В какой-то момент мне показалось, что Неси сейчас откажется от уговора, но Жослен уже отсыпал ему золота в залог успешной сделки с Руссом, и жадность вкупе с желанием лучшего победили. Тсыган решился рискнуть.

Четыре дня мы неспешно ехали вдоль реки Лусанд на запад, к суровому, скалистому побережью Кушета. В центральных землях провинции долина Лусанда была плодородной и обжитой, и в дороге нам встретилось немало людей. Тсыгане на ходу торговали, чинили посуду и подковывали лошадей в обмен на еду и вино. Иногда мы видели аристократов под охраной гвардейцев в сверкающих кушелинских доспехах, но не боялись разоблачения. Семья Неси обеспечивала прикрытие ничуть не хуже, чем мог бы табор Маноха. В людных местах Жослен не раз устраивал представления, а тсыганята с жестянками шныряли между зрителями и выпрашивали медные монетки. Я договорилась с Гизеллой, чтобы пострелята не воровали кошельков, поскольку, если нас посадят в тюрьму, поездка провалится.

Теперь мой кассилианец поражал красноречием, а друг-тсыган, наоборот, хранил молчание. На первом же ночлеге я села поговорить по душам с Гиацинтом; остальные тактично отделились.

— Знаешь, ты все еще можешь вернуться к родным, — сказала я. — К примеру, когда мы закончим миссию и ты получишь награду. Думаю, Манох тебя примет, ты же его единственный родной внук. К тому же тсыгане любят прощать, они вспыльчивы, но и отходчивы.

Гиацинт покачал головой и тихо ответил:

— Нет. Дед так и не простил мою мать, его единственную родную дочь, хотя искренне оплакивал ее. По законам тсыган некоторым деяниям нет прощения. Убийство, воровство, предательство они могут простить... но только не *врайну*. Я об этом знал с самого начала. Но как же я увлекся ими, Федра. Наверное, потому, что никогда не ведал, каково это — иметь большую семью, много-много кузенов, дядек-тетек и прочей родни.

— Да, конечно. — Я взяла его за руку. — Поверь, я тебя понимаю.

Столько хотелось сказать, но слова не имели смысла. Мы долго сидели бок о бок и просто молчали. Гиацинт приобнял меня, а я положила голову ему на плечо, проваливаясь в усталую дрему, которая всегда обволакивает меня вслед за сильными переживаниями, и наконец заснула, хотя во сне думала, что не сплю. По крайней мере, в этот раз мне не пригрезилась Мелисанда; близость Гиацинта отгоняла привычный кошмар. Я так и проспала до самого утра, а, пробудившись, увидела, что провела ночь, прильнув к низложенному Принцу Странников. Мои волосы шелковой пеленой рассыпались по его груди. Кто-то заботливо укрыл нас одеялом. Я села, моргая от яркого света. С другого конца лагеря Жослен кивнул мне и вежливо отвернулся. Гиацинт заворочался, просыпаясь.

Ужасно не хотелось отлепяться от его теплого тела. Я нащупала перстень Исандры на цепочке под платьем, чуть ниже тяжелого бриллианта Мелисанды.

Королевская служба превыше всего.

* * * * *

Тяжелая и неповоротливая тсыганская кибитка не позволяла нам двигаться быстро даже по дороге. К вечеру третьего дня зеленая весенняя долина наконец сменилась скалистыми пейзажами, а тракт — узкой однопуткой, на четвертый же день мы еле плелись, поскольку кибитку то и дело приходилось толкать. Дети радостно визжали внутри, пока все мужчины — Неси, его зять, кузен, Гиацинт и Жослен — упирались в задок повозки спинами и, кряхтя, пытались ее продвинуть.

Но, остановившись на ночлег, мы уже чуяли соленый запах моря.

Я осмотрела ориентиры с вершины высокого холма и сверилась с выданной Исандрой картой — роскошь после скальдийской глуши. Жослен заглядывал мне через плечо.

— Нам вот сюда, — показала я. — Это Западный мыс. Флот Русса стоит в трех милях к северу от него. Если поедем по дороге к югу от вот этой гряды, доберемся до адмирала где-то к полудню.

Пришпорив коня, Гиацинт проскакал к голове процессии. Мы успели заранее обсудить, что делать в подобном случае. Пусть лучше говорит Принц Странников, чем я или Жослен, многим запомнившиеся по прежним временам.

— Куда тащитесь, тсыгане? — презрительно поинтересовался капитан. В образе тсыганки я острее обычного чувствовала уничижительные интонации.

— У нас торговое соглашение с королевским адмиралом, — сообщил ему Гиацинт. — Можно проехать дальше, милорд?

Капитан отвернулся и сплюнул.

— Королевский адмирал имеет полную власть над морем, но сейчас вы в не в море, а в Морбане. Никто не проедет через герцогство без разрешения герцога. Так что дожидайтесь его светлости.

Действительно, мы уже некоторое время двигались по землям Морбана — обширного суверенного герцогства в провинции Кушет. Понятно. Куинсель де Морбан охраняет подступы к королевскому адмиралу. Гиацинт обернулся, будто бы оглядывая нашу пеструю компанию, и на секунду встретился со мной взглядом. Я едва заметно кивнула. Бессмысленно прорываться с боем, когда войска Морбана близко и начеку.

— Значит, подождем, — спокойно согласился Гиацинт.

И мы смиреннько ждали, пока солдаты устраивались на привал, отправив гонца на юг. Взрослые тсыгане испугались, но терпели, а дети — наше лучшее прикрытие — бегали и веселились. Одной из малышек повезло найти кроличью нору с крольчатами, так что ребятишки не скучали.

Довольно скоро подоспел Куинсель де Морбан со вторым отрядом гвардейцев. Теперь их стало уже сорок; если у нас и имелся призрачный шанс дать воякам бой, он испарился с прибытием герцога.

Потупившись, я наблюдала за Морбаном из-под ресниц.

Я помнила его, высоко и стройного, красивого той же суровой красотой, что и его край — безжалостной и жестокой. Песчаные волосы с изморозью седины, серые, словно штормовое море, холодные глаза. Я помнила, как он обменивался колючими репликами с Мелисандой в Самую долгую ночь, как он коснулся меня, скользнув рукой под расшитый бриллиантками прозрачный наряд.

— Просите пропустить вас через мои земли? — без предисловий поинтересовался герцог слегка ироничным тоном. — Какие у тсыган могут быть дела с моряками?

Гиацинт поклонился.

— Ваша светлость, у нас с королевским адмиралом торговое соглашение касательно коней.

— С каких это пор на кораблях понадобились кони? — Де Морбан обвел нашу компанию пристальным взглядом и выделил Жослена. — А это еще кто, во имя Элуа?

— Ваша светлость! — Жослен спешился и изящно поклонился, взмахнув плащом с цветастой подкладкой. — Перед вами всего лишь скромный мендакант из Марсиликоса. Если пожелаете, я готов рассказать, как причудливые повороты судьбы привели меня...

— Достаточно, — оборвал его де Морбан и устало обмяк в седле. — У меня нет времени на твои рассказы. Значит, Квинтилий Русс задумал обзавестись кавалерией? — Серые глаза сощурились. — Я мог бы сделать лучшее предложение касательно этих лошадей, тсыган. Что скажешь?

Члены семьи Неси возбужденно зашептались, но Гиацинт с грустью покачал головой.

— К сожалению, ваша светлость, я дал адмиралу свое честное слово. Поклялся духом своей матушки, да покоится она с миром.

Де Морбан скрестил руки на передней луке седла.

— Да? — с усмешкой переспросил он. — И чего же стоит честное слово тсыгана? Может, двойную цену Русса?

И снова семейство Неси зашептало, но быстро притихло.

— Может и так, — улыбнувшись, сказал Гиацинт. — А может, у нас найдется, что еще предложить вашей светлости. Памятный подарок в оплату за проезд? — Он погладил своего коня. — Смотрите, какой конь, ваша светлость, ходкий, из себя ладный... пригодится вам такая животино?

— Похоже, Русс с тобой не поскупился. На обещания. — Герцог бесстрастно взирал на Гиацинта. — Нет, зря стараешься, тсыган. Не в моих интересах позволять адмиралу покупать лошадей. Но я готов заключить с тобой справедливую сделку. Дам тебе цену Русса, и даже накину сверху.

Гиацинт пожал плечами.

— Ну что ж, сила солому ломит. Как пожелаете, ваша светлость. Только прошу у вас дозволения все же повидаться с адмиралом, чтоб повиниться перед ним за свою необязательность. — Тсыган обхватил себя руками, словно от холода, голос задрожал: — Боюсь, если он меня не простит, призрак покойной матушки будет вечно преследовать меня по ночам, лишая сна и отдыха, пока до смерти не уморит.

Отличное получилось представление; смею сказать, многие бы купились. Но кушелины с рождения очень подозрительны, а Куинсель де Морбан не удержал бы герцогства, будучи доверчивым или падким на жалость. Он откинулся в седле и, еще раз оглядев нашу пеструю компанию, покачал головой.

— Нет, тсыган, так мы тоже не поладим. Не хочешь еще чем-нибудь поделиться?

— Милорд! — воскликнул Жослен. Слегка ударив коня пятками в бока, он подъехал к переговорщикам, вытащил из ножен оба кинжала и одним быстрым жестом протянул их герцогу рукоятками вперед. — Осмелюсь предложить вам вот это чудесное оружие в обмен на разрешение проехать к адмиралу. Взгляните, настоящие кассилианские кинжалы, выкованные триста лет назад. Если пожелаете, я расскажу, откуда они у меня...

— Нет. — Де Морбан поднял руку. — Мне без надобности жреческие побрякушки, кассилианец, мендакант или кто там ты есть. Итак, лошадей у вас куплю я, если у вас нет к адмиралу никакого другого дела, о котором вы готовы мне рассказать, предлагаю на этом и закончить.

Его гвардия сноровисто выстроилась перед нами; сорок солдат между нашим

маленьким табором и таким близким морем, где уже виднелся флот Квинтилия Русса. Подобраться к цели так близко и вдруг потерпеть неудачу! Может, удастся вернуться сюда ночью?

Должно быть, Жослен подумал о том же, и лицо его выдало.

— Гоните сюда своих кляч. Чем быстрее мы закончим, голубчики, — процедил де Морбан, — тем быстрее вы сможете отправиться восвояси. Я приставлю к вам конвой до границы Кушета, чтобы в пути вас никто не обидел.

Он подразумевал, чтобы мы не попытались вернуться. Я явственно расслышала эту заднюю мысль в его словах. Конечно, на шее у меня висело кольцо Исандры, которое, будь герцог лоялен трону, могло бы в два счета открыть нам путь. Я прикинула, а не предьявить ли де Морбану перстень. Но ведь будь герцог лоялен, зачем бы ему нам препятствовать? А вот если он союзник Мелисанды... нужно отыскать другой способ.

Дом Морбанов в Кушете не такой древний, как Дом Шахризаев, но достаточно стар, чтобы править герцогством. Передо мной потомок Кушиэля. Значит, есть одно предложение, над которым он наверняка призадумается.

— Милорд. — Забавно, что нежные, кроткие интонации воспитанницы Дома Кактуса усваиваются на всю жизнь. Я вскинула голову и выехала вперед, чтобы посмотреть де Морбану в глаза с достаточно близкого расстояния — пусть он увидит мою метку. — Милорд, в обмен на проезд мы можем предложить вам кое-что еще.

Куинсель де Морбан резко вдохнул, и лошадь под ним загарцевала.

— Ты! — выдохнул он, успокаивая скакуна, и прищурился: — Я думал, ты на поводке у Мелисанды. Слышал, что тебя осудили за убийство Делоне, поэта принца Роланда.

— Нет! — Жослен, с опозданием уяснив, что я наделала, схватил меня за руку. — Федра, нет!

Я стряхнула его пальцы, не сводя глаз с де Морбана.

— Вы знаете, кто я, ваша светлость. Вы знаете, что я предлагаю. Одна ночь. Беспрепятственный проезд. И никаких вопросов.

Герцог приподнял брови, но выражение его лица почти не изменилось.

— В Городе Элуа ты не стала бы диктовать мне такие условия, *ангуиссетта*. Почему бы мне попросту не поискать тебя там? Я достаточно богат, чтобы расплатиться с тобой деньгами.

— Теперь я сама владею своим туаром и сама определяю условия, — спокойно ответила я. — Свою цену я назвала. От вас я не приму никакой другой.

Взгляд де Морбана скользнул по Жослену, по его искаженному мукой лицу.

— Помнится, в связи с убийством Делоне ходили какие-то слухи о предателе-кассилианце. Сочтет ли королева достойными награды сведения об убийцах любимца ее отца? — Серые глаза вновь вперились в меня, оценивая воздействие этих слов. — Или, может, Дом Шахризаев проявит больший интерес? Мелисанде нравится знать все обо всем.

За спиной я слышала яростное бормотание Гиацинта, чувствовала нарастающий гнев Жослена. Они считали, что я совершила ошибку и подвела всех нас. Делоне порой тоже так думал, когда я шла на риск с некоторыми своими гостями. Но я была уверена в себе, потому что ни разу в жизни не ошиблась, угадывая желания гостя. И не стала отвечать на угрозы де Морбана, а лишь твердо выдержала его взгляд. «Вы знаете, что я такое, милорд, — думала я. — Единственная в своем роде, первая *ангуиссетта* за три поколения. Я рождена, чтобы служить таким как вы. Огонь Кушиэля в ваших жилах холоднее льда, и только я одна могу

его воспламенить. Решайтесь сейчас, или не познаете меня никогда».

Напряжение между нами нарастало, будто жар костра. Наконец Куинсель де Морбан криво улыбнулся, отчего у меня по спине пробежали мурашки.

— Какое мне собственно дело до того, что некто подсылает тсыганских барышников, шлюх и жрецов к королевскому адмиралу? Хорошо, *ангуиссетта*, я принимаю твое предложение. — Он слегка поклонился и простер руку на юг. — Разрешаю вам всем на одну ночь воспользоваться моим гостеприимством. Утром можете выезжать к Квинтилию Руссу. Договорились?

— Это не... — запальчиво начал Жослен.

— Ваша светлость, может... — одновременно с кассилианцем заговорил Гиацинт.

— Да, договорились, — громко перебила я их обоих. — Давайте составим договор в ваших покоях, ваша светлость. Если ли у вас жрец, чтобы засвидетельствовать подписи?

На лице Куинселя де Морбана отразилось слабое изумление: очевидно, он не ожидал от меня таких предосторожностей.

— Я пошлю за жрецом в храм Кушиэля на Западном острове. Тебя устроит?

— Вполне.

Так мы и попали в гости к герцогу де Морбану.

Бывало и хуже. Замок Морбан стоял на скальном уступе, обрывающемся в море, неприступный с трех сторон и хорошо укрепленный на входе. В пасмурный день он показался мне довольно угрюмым местом — весна пока только подступала к захвату позиций в этом суровом краю.

Поднимаясь по продуваемому склону, мы все дрожали; семья Неси — даже дети — испуганно хранила молчание. Но де Морбан не бросал слов на ветер и гостеприимно распорядился, чтобы людей разместили и накормили, а лошадей увели в конюшню.

Вместе с настоящими тсыганами он отправил на кухню и Гиацинта, который стиснул зубы, но спор затевать не стал. Де Морбан попытался отослать с ними и Жослена.

— Ваша светлость, — с трудом сдерживаясь, возразил кассилианец. — Я дал клятву защищать миледи Федру но Делоне. Прошу вас, не пытайтесь меня принудить нарушить мой обет.

— Эка, как ты заговорил. — Де Морбан прищурился на плащ мендаканта. — Кроме настоящих кассилианцев, пожалуй, никто столь безрассудно не блюдет верность своим клятвам. Так ты и впрямь только притворяешься мендакантом, а, жрец?

Спустя секунду Жослен резко кивнул.

— Хорошо. Можешь в продолжение своего маскарада развлечь моих домочадцев.

Несколько гвардейцев де Морбана толкнули друг друга в бока, улыбаясь в предвкушении, словно мальчишки. Радость их была столь заразительна, что я тоже невольно улыбнулась. Видимо, зима в Морбане была столь же скучной, сколь и длинной.

— Постараюсь, ваша светлость. — Жослен отвесил привычный кассилианский поклон и тихо добавил: — Причините ей боль, и вы умрете. Даю в том слово.

— Да? — Де Морбан приподнял брови. — Но она рождена для боли.

Он развернулся и позвал мажордома.

Жослен крепко схватил меня за руку.

— Федра, не надо! Клянусь, я найду другой выход...

— Перестань. — Я коснулась его щеки. — Ты же сам в свое время сделал выбор Кассиэля, так зачем же удерживаешь меня от выбора Наамах? — Сунув руку под корсаж, я вытащила кольцо Исандры и сняла с шеи цепочку. — Просто сохрани вот это, ладно?

Я думала, он продолжит меня отговаривать, но Жослен только молча взял перстень. Его лицо заметно переменилось: стало абсолютно бесстрастным, каким бывало в селении Гюнтера, а потом у Селига, когда моему кассилианцу приходилось смотреть, как наши хозяйева-скальды используют меня для плотских утех.

Но там мы были в рабстве, а здесь — нет.

Де Морбан не солгал. Он действительно послал за жрецом, и вскорости прибыла пожилая женщина в черном одеянии служительницы Кушиэля, правда, без маски, но с розгой и плетью. Ее облик полностью отражал жестокое милосердие ее покровителя. Де Морбан отнесся с ней с глубоким уважением, из чего я заключила, что он не нарушит условий нашего договора.

Во всяком случае, не пойдет против буквы.

— А каков твой сигнал? — любезно поинтересовался герцог, держа перо наготове.

Этим вопросом он застал меня врасплох: после Скальдии я, считай, забыла о многих

деталей своего служения. Начав отвечать, я спохватилась и в последнюю секунду произнесла:

— Перринвольд.

После всего произошедшего использовать в качестве *сигнала* имя Гиацинта казалось неправильным. Да и то ощущение безопасности, что оно мне прежде дарило, увы, улетучилось.

Де Морбан кивнул и занес *сигнал* в договор. Жрица надела бронзовую маску Кушиэля и опустила свой перстень в лужицу горячего воска под текстом, скрепляя соглашение печатью.

— Ты же понимаешь, что после вашего отъезда я начну задавать вопросы, — предупредил герцог, передавая документ мне на подпись. — Наш договор мне этого не запрещает, а здравый смысл подсказывает допросить Русса и его людей, пока они на землях Морбана.

— Да, милорд, — дрожащей рукой я начертала свое имя. — Но вы же понимаете, что вопросы могут представлять опасность, поскольку чреватые ответами.

Он с любопытством на меня посмотрел.

— Значит, Анафиэль Делоне действительно научил тебя еще и думать. Я что-то такое слышал, но до сих пор не верил. Помнится, в ночь нашего знакомства в твоей красивой головке не крутилось ни единой мысли.

Да, ни единой мысли помимо тех, что крутились вокруг поводка в руке Мелисанды. Вспоминая ту ночь, я невольно покраснела. Де Морбан кивнул жрице, которая поклонилась и молча удалилась.

— Ты и впрямь творение Мелисанды, а, милая? — задумчиво спросил герцог. Взялся за пригревшийся на моей груди бриллиант и притянул меня к себе. Я споткнулась, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее и быстрее. — Тогда я так и подумал, но теперь уже сомневаюсь. Что за игру она затеяла? Скажи мне хотя бы вот что: это она тебя ко мне подослала? Замыслила выведать, кому я верен?

— Никаких вопросов, милорд, — прошептала я. Голова кружилась. — Вы обещали.

— Да. — Он отпустил бриллиант. — Обещал.

Служители Наамах видят своих гостей насквозь. В герцоге я разглядела страх, сильный страх, способный прогнать любое желание. Едва он принял решение, как его обуяли сомнения. Ему не повезло править герцогством в родной провинции Дома Шахризаев, в самой гуще их змеиных интриг. Я отступила на шаг и сделала еще один выбор, столь же опрометчивый, как и первый.

— Нет, — выдохнула я и посмотрела в его тревожные глаза. — Дарю вам один ответ, милорд, а потом вы либо истребуете то, что вам причитается по договору, либо сразу отпустите нас своей дорогой. Мой ответ: нет. Если кто-то из людей и может считаться моим творцом, то только Анафиэль Делоне. И если я здесь во исполнение чьего-то замысла, то только его.

— Несмотря на его кончину. — Герцог не спрашивал, а просто констатировал факт. — Слышал, сам он до гроба остался верен клятве, данной принцу Роланду. Даже когда тот покинул наш бранный мир. — Де Морбан уперся обеими ладонями в стол, рассматривая договор. — Если ты подарила мне правдивый ответ, значит, ты здесь, чтобы исполнить волю Исандры.

— Я здесь, чтобы прежде всего подарить вам удовольствие, милорд, — парировала я, кивая на бумаги.

— О да. — Он отвлекся от документа и хитро посмотрел на меня. — Мне доставит удовольствие, Федра но Делоне, если прежде всего ты вымоешься и оденешься как подобает. Меня не привлекают тсыганские девки... ты уж потрафь моим вкусам.

— Как пожелаете, — присела я в реверансе.

Женщины в Морбане отнеслись ко мне по-доброму, скрывая любопытство за привычной молчаливостью — жители побережья Кушета по природе не разговорчивы. Меня сначала долго мыли в огромной ванне, а потом, пока я сидела и сохла в шелковом халате, вокруг хлопотала швея с ворохом нарядов, решая, какой мне лучше подойдет. Несмотря на суровость земли и обитателей, Морбан не был совсем уж лишен роскошных вещей. Таких как подобранное мне платье: насыщенно-алое с открытой спиной, так что львиная доля моего законченного туалета оказалась обнажена.

Признаться, я немало повосхищалась своим отражением в зеркале, пока прятала волосы под золотистую сеточку, а потом вертелась, рассматривая резкие линии туалета на спине и свое повзрослевшее лицо: цвет платья чудесно подчеркнул глубокий *бистровый* цвет глаз и алую крапинку стрелы Кушиэля.

Наверное, мне не стоило с воодушевлением ожидать этого свидания, ведь я согласилась на него из крайней необходимости. Но с девичества посвятив себя служению Наамах, я испытывала глубочайшее, невыразимое словами удовлетворение, когда представлялся случай применить мое искусство на практике. При мысли о Жослене и Гиацинте угрызения совести несколько охладили мой восторг. А вспомнив Гюнтера и Вальдемара Селига, я едва не съезжилась от стыда. Но после всех испытаний и унижений я все же не забыла своих обетов, данных в храме Наамах, и жертвенную голубку, трепещущую в ладонях.

Это то, чем я стала, то, что я есть.

И отсюда проистекают все мои силы.

Куинсель де Морбан ожидал меня в саду — весьма неожиданно и для этого мужчины, и для этого места. Сад располагался во внутреннем дворике, как у Делоне или во Дворе Ночи, только был больше. Стены защищали его от ветра, факелы и жаровни поддерживали тепло, хитрая система зеркал в погожие деньки собирала солнечный свет, а в случае холодного дождя или снега над нежными растениями навешивали рамы с промасленным шелком.

Весна лишь начиналась, а здесь уже всюду цвели разнообразные цветы: аралии и наперстянки, азалии, венерины башмачки и незабудки, орхидеи и флоксы, лаванда и даже розы.

— Вижу, тебе здесь нравится, — тихо произнес де Морбан. Он стоял у маленького фонтана, жадно изучая меня взглядом. — На содержание этого сада уходят тысячи дукатов. Один мой садовник из Ланьяса, другой из Намарры, и они вечно друг с другом спорят. Но я считаю, мой сад того стоит. Я же ангелиец. И знаю цену удовольствиям. — Он потянулся ко мне. — Знаю цену тебе.

Я, не колеблясь, подошла. Он притянул меня к себе, к стройному телу в черном бархатном дублете с гербом Морбана на плече. Меня затопила темная волна желания, когда одной рукой он сжал мои ягодицы, а другой схватил за затылок, запутавшись пальцами в сеточке для волос. Запрокинув мою голову, он впился в мой рот крепким, безжалостным поцелуем.

Я сама сделала выбор. За прежние грехи, за Мелисанду и скальдов, я уже покаялась и понесла епитимью. С похожим на боль облегчением я сдалась своим чувствам, сдалась этому кушелинскому лорду с его сильными жестокими руками.

Подняв голову, Куинсель де Морбан посмотрел на меня почти благоговейно.

— Так это правда, — прошептал он. — Сказки о стреле Кушиэля... Это все правда.

— Да, милорд, это все правда, — выдохнула я; если бы он в тот момент заявил, что луна заперта в его конюшне, я сказала бы то же самое.

Де Морбан отпустил меня и отвернулся, чтобы сорвать красивую серебристую розу, осторожно избегая шипов.

— Видишь? — вложил он цветок мне в руку. — Такой больше нигде не найти. Этот сорт вывел мой садовник из Намарры. Назвал ее Звездой Наамах. — Герцог держал мою ладонь своею и, стиснув пальцы крепче, усилил мою хватку на стебле. Шипы пронзили кожу, и я блаженно ахнула: кости словно растаяли.

Серебристая роза между нами благоухала в ночи, обожженной факелами, а из моего кулака медленно, капля за каплей, сочилась кровь. Де Морбан не сводил с меня глаз, прижимаясь ко мне, его вздыбленный фаллос упирался мне в живот. Герцог выпустил мою руку, и я опустилась на колени, угадав его желание. Выронила ненужную розу, расшнуровала гультфик, ждала окровавленной ладонью готовый к битве клинок, а потом взяла его губами.

Драгоценный сад вокруг нас упивался ночью, пока я ублажала де Морбана ртом. Наконец он отстранился от меня и излился. Капли млечной жидкости, жемчужные и соленые, брызнули на мою кожу, на темные листья и шелковистые лепестки. Герцог застонал от удовольствия и, уронив голову, глянул на меня. Резко сорвал сеточку с моей головы; густая масса волос рассыпалась по плечам и по спине.

— Ужин, — наконец отдышавшись, сказал он. — А после я покажу тебе свою комнату для удовольствий, маленькая *ангуиссетта*.

Все еще стоя на коленях, я слизнула с губ капельку его семени. Комната для удовольствий. По коже пошли мурашки от предвкушения бича.

— Как пожелаете, милорд, — прошептала я.

Нет смысла вдаваться в подробности той ночи; ужин подали просто роскошный — очевидно, повара де Морбана мастерством не уступали его садовникам. Запомнились свежешелловленные кальмары, которые едва не извивались на тарелках, приготовленные в собственном маслянистом соку, и последовавшая за ними восхитительная камбала, фаршированная рисом с редкими пряностями. Три сорта вин из долины Лусанда и нежнейший яблочный десерт... забыла его название. Де Морбан не сводил с меня глаз, серых, пронизательных и всезнающих. Он успел раскусить, кто я такая, и теперь следил, как желание огненной лихорадкой течет в моих жилах.

— Почему Исандра отправила тебя ко мне? — попробовал он возобновить допрос.

Я отодвинула стул и с трудом встала, борясь с темным искушением. «Где-то, — внушала я себе, — где-то неподалеку Жослен травит байки гвардейцам де Морбана». Я как за талисман цеплялась за воспоминания о нем, о его смертельном танце с теннами Селига в снежном водовороте, и эти зимние картины остудили мою кровь. Я покачала головой.

— Хорошо, никаких вопросов, — быстро сказал герцог. — Никаких вопросов. Федра, прости меня, сядь.

— Вы поклялись именем Кушиэля, — тихо напомнила я, но послушно села.

Перегнувшись через стол, он провел пальцем по брови над моим левым глазом, отмеченным стрелой Кушиэля. У герцога-воина были шершавые, мозолистые руки.

— Именем Кушиэля, — согласился он.

Итак, наша ночь началась.

Все происходило, как и всегда в подобных случаях. Де Морбан отвел меня в прохладный подвал под замком на самом краю Земли Ангелов, где изобретательно оборудовал комнату для удовольствий и флагелларий. Когда он зажег факелы, каземат напомнил мне каноническую обитель Кушиэля. И вскоре моя кожа стала липкой от крови и пота, лицо герцога за мелькающим бичом багрово расплылось, а в ушах зазвенел мой собственный умоляющий голос. Всласть намахавшись, Морбан оседлал меня и глубоко вонзился в мою плоть.

Ах да, он мастерски пускал в ход флешетты. На что я, признаться, не рассчитывала.

Там, в логове Куинсея де Морбана, я тысячу раз разлеталась на куски в блаженной агонии. Он был хорош, лучше любого другого из моих гостей, когда наконец позабыл об осторожности ради бешеного наслаждения, когда его лицо исказилось от необоримой страсти. Он был родом из Кушета, и жестокость составляла его суть, пела в его крови. Он хотел — о, Элуа, как же он хотел! — чтобы я произнесла свой *сигнал*. Когда он перестал задавать вопросы, соблюдая договор, то только потому, что прежде всех ответов он жаждал заветного слова. И, скажи я его, оно стало бы ключом ко всем моим секретам.

Но я прибегла к *сигналу* лишь однажды, с одной-единственной гостьей, которая не просто истерзала мое тело, а сумела расколоть вдребезги мою душу. Куинсель де Морбан мог всецело владеть моей плотью, мог заставить меня вздрагивать, дрожать, стонать, биться в пораженческом экстазе. Да, он мог и делал все это, победно рыча.

Но *сигнала* от меня не добился.

В конце концов его усталость взяла верх над нашим упоением.

— Позаботьтесь о ней, — кивнув в мою сторону, приказал герцог охрипшим голосом своим слугам и надел шелковый халат. — Обращайтесь с ней бережно.

Полагаю, они послушались — я не помню их действий, только их потрясенные лица. Народ Кушета понимает, каково это — служить Кушиэлю. Каждая клеточка моего тела изнывала от боли и от блаженства. Закрыв глаза, я позволила себе провалиться в глубокий омут сна.

Утром я проснулась абсолютно разбитой на хрустящих полотняных простынях, перепачканных засохшей кровью. Личный врач герцога, глядя в пол, вошел в комнату, пока я еще прохлаждалась в постели. Ночью он уже обработал мои раны. А теперь принялся менять повязки и втирать бальзам в до сих пор кровоточащие рубцы. Мне стало ощутимо лучше еще на середине процесса, и я отпустила умельца с благодарностью.

Куинсель де Морбан подарил мне новую одежду: подходящую для путешествия, но дорогую, какую носят знатные дамы в Кушете. Я изъявила признательность во время совместного завтрака.

— Полагаю, тсыганское тряпье тебе дальше без надобности, — ухмыльнулся он. Серые глаза лучились. Я приподняла брови, не найдя учтивого ответа. — Вот еще, — герцог пододвинул ко мне маленький предмет.

Кольцо — безупречный серебряный ободок, украшенный черными жемчужинами с багряным отливом.

— Угодившим служительницам Наамах принято же дарить подарки, верно? — лукаво усмехнулся де Морбан. — Это колечко принадлежало моей матери, я собирался передать его своей будущей жене. Но в мире много женщин, из которых можно выбрать невесту, а вот другую *ангуиссетту* я вряд ли встречу. Носи его и вспоминай меня. Надеюсь, ты не оставишь служение Наамах, Федра но Делоне.

Иногда возражать уместно, иногда — немислимо. В тот момент этого делать не стоило. Я надела кольцо на палец и поклонилась герцогу де Морбану.

— Мои воспоминания о вас будут исключительно теплыми, милорд.

Он беспокойно поиграл столовым ножом.

— Буду с превеликим интересом ждать, во что же выльется твоя тайна. Уповаю на то, что не пожалею о своем выборе.

Честно говоря, я не знала, чем для герцога обернется его выбор. Судя по выступлениям на королевском совете, сторонники королевы считали, что он еще не определился, на какую сторону встать. Как суверенный герцог, он единовластно решал судьбу Кушета и мог не принимать во внимание, кому привержены жители провинции: короне или мятежникам. Последнее слово оставалось за ним. В конце концов я ответила просто:

— Ваша светлость, я тоже на это уповаю.

Так мы и расстались: обнаженные клинки наготове, недоверчивость и опрометчивость. Де Морбан приказал привести Жослена, который вскоре ворвался в трапезную: обезумевший от волнения, с красными глазами, как после бессонной ночи. Он взглянул на меня с порога со страхом и укором. Я спокойно посмотрела на него над ободком чайной чашки.

— Она в порядке. Разочарован, кассилианец? — усмехнулся герцог. — Я тебя понимаю. Признаюсь, мне бы хотелось на пробу скрестить меч с кем-то вроде тебя.

Жослен ответил де Морбану лишь хмурым уничтожающим взглядом и опустился на колени рядом с моим стулом.

— Это правда? Ты в порядке, Федра?

— Его светлость де Морбан верен нашему договору, — сказала я, уставившись на Куинселя и рассеянно вертя кольцо на пальце. Это было легче, чем смотреть в глаза Жослену, который заметил бы охватившую меня негу и не преминул бы выразить свое кассилианское неодобрение. — Значит, мы вольны сейчас же продолжить путь, так, ваша светлость?

Герцог скорчил разочарованную гримасу, похоже, обуздывая себя. Затем взмахнул рукой, отпуская нас и привлекая внимание слуг.

— Наш с тобой договор завершается, — коротко и сухо произнес он. — Можете путешествовать по Морбану куда захотите. До королевского флота и дальше. — Помолчав, он добавил: — Один день, Федра. Я даю тебе один день форы, прежде чем подчинюсь долгу, который велит мне допросить королевского адмирала на предмет ваших с ним сношений.

— Благодарю, ваша светлость.

Жослен быстро шагал по каменным коридорам замка Морбана, а я, морщась от боли, пыталась не отставать. Наконец он со стиснутыми зубами остановился, поджидая меня.

— Ты способна ехать верхом? — вопрос прозвучал резко.

— Справлюсь, — процедила я.

Окинув меня взглядом от макушки до пят, кассилианец покачал головой и продолжил путь чуть помедленнее.

— Никогда не пойму, — сказал он на ходу, глядя прямо перед собой, — зачем ты делаешь то, что делаешь, и почему называешь это удовольствием.

— С твоей-то вспыльчивостью? Ты бы должен меня понимать лучше многих других.

Жослен приостановился и возмущенно выпучил на меня голубые глаза.

— Ничего я не вспыльчивый! И потом, причем тут я, когда вопрос о тебе?

— Ты ужасно вспыльчивый, Жослен Веррэй. Просто прячешь свою горячность под кассилианской выдержкой. — Я покрутила рукой и потерла плечо — сустав ломило. Пыточный крест де Морбана сколачивали для более высоких жертв. — Но у тебя не слишком хорошо получается. Я же видела, Жослен, своими глазами видела, как ты вышел из себя в той схватке со скальдами. Видела, как ты сражался, будто загнанный в угол волк, без малейшего шанса на победу. Каково оно, давать себе полную волю, а? Каково изо всех сил рваться в бой, даже зная, что потерпишь поражение? Ты чувствуешь облегчение, когда твоя истинная природа берет верх?

— Да, — тихо отозвался он и отвел взгляд.

— Ну вот, — что-то щелкнуло в моем плече, и боль утихла. — А теперь представь, что это облегчение усиливается и усиливается в десятки, в сотни раз с каждым новым ударом и наконец, протащив тебя сквозь мучительную агонию, превращается в столь великое и ужасное удовольствие, что пронзает тебя, словно копьем. — Я потрясла рукой и убедилась, что владею ею в полной мере. — Представь, и тогда ты поймешь, хотя бы отчасти, каково это — служить Кушиэлю.

Помолчав, Жослен поднял на меня скорбный взор.

— С тобой так было даже среди скальдов?

— Нет, конечно. — Я тряхнула головой, прогоняя унижительные воспоминания, и продолжила: — У скальдов было совсем иначе. Там я не выбирала, не имела собственной воли. Думаю, тогда я послужила лишь оружием в руках бессмертного.

— Стрелой Кушиэля, — в этих словах прозвучали нотки, напомнившие мне Лодура Одноглазого, жреца варварского бога Одина. Жослен почему-то вздрогнул. — Ладно, идем, давно пора уезжать. Де Морбан обещал нам свободу передвижения на один день. Думаешь, он сдержит слово?

— Да, — кивнула я. — Сдержит. На один день.

— Вот, держи. — Жослен снял с шеи цепочку с кольцом Исандры. — Она доверила его тебе.

Я молча забрала перстень, и мы поспешили вперед.

Во дворе нас уже ждали Гиацинт и тсыгане, лихорадочно готовящиеся пуститься в дорогу: взрослые, дети и лошади рвались продолжить путь. Тсыгане не любят спать за каменными стенами, считая, что это к несчастью.

Шурин Неси запряг лошадей и мотнул головой в сторону ворот.

— Поехали скорее, *ринкени чаво*, пока морской *кралис* не передумал! — поторопил он Гиацинта, которого считал нашим вожаком.

Гиацинт вопросительно посмотрел на меня.

— Я в порядке, — выдавила я, запрыгивая в седло и пытаюсь не кривиться от боли. — У нас в запасе всего один день. Поехали.

Люди де Морбана провожали нас взглядами, а некоторые кричали вслед и смеялись. Дружелюбные напутствия предназначались Жослену, который в ответ улыбался и кланялся.

— Похоже, ты отлично их развлек, — усмехнулась я.

Он пожал плечами.

— А что мне оставалось делать? Сходить с ума от беспокойства? Опять же, повторенье — мать уменя.

— На мой взгляд, тебе больше нравится покорять людей не оружием, а байками, — поддразнила его я. На сердце становилось все легче по мере того, как мы все дальше и дальше отъезжали от стен Морбана.

— Я бы не стал заглядывать столь далеко, — сухо сказал Жослен, но в уголках его рта притаилась улыбка.

День выдался теплым и ясным, в воздухе чувствовалась влажность, по небу проплывали редкие облака. Мы тащились по извилистой прибрежной дороге, почти тропе, внизу синесерые волны разбивались о скалы, иногда обрызгивая нас соленой морской водой. Над головой носились чайки, пронзительными криками рассекая утреннюю тишину. Я прищурилась, сиюсь разглядеть за лазурной зыбью твердыню Альбы, но остров слишком далеко отстоял от Кушета. Вот в Аззали, говорят, с нашего берега в хорошую погоду можно различить белые скалы по ту сторону пролива.

Где-то через час мы наконец увидели людей. Внизу, под нашими ногами, открылась узкая песчаная бухта. Один из тсыган, ехавших впереди, громко крикнул, и дети, высыпав из повозки, принялись прыгать и показывать на что-то вдали.

Королевский флот стоял в устье бухты: почти сорок кораблей ошестинившихся мачтами. Паруса были спущены, но над каждым судном морской бриз развевал штандарт Дома Курселей с серебряным лебедем. Потрясающее зрелище. На берегу расположился обширный лагерь, где сновали туда-сюда фигурки моряков. На песке их дожидались с сотню гребных шлюпок, а еще сколько-то шли по волнам к кораблям или обратно. Да, мы нашли Квинтилия Русса.

— Поехали! — крикнул Гиацинт, побуждая двигаться дальше.

Тсыганам передалось наше нетерпение, и наш отряд поспешил вниз под уклон. Люди Русса заметили нас еще на середине склона и с озадаченным видом сучились, держа руки наготове на рукоятках коротких мечей.

Круча наказала за опрометчивую спешку: разогнавшаяся на спуске повозка сошла с дороги и повисла над обрывом. Испуганные тсыганята перекричали даже чаек. Гизелла с сестрой, взволнованно вздыхая, пересчитали детишек по головам, а Неси и остальные мужчины объединили усилия, чтобы вытянуть повозку обратно на дорогу.

— Езжайте дальше, *чави*, — ласково предложила мне Гизелла, поправляя на голове платок и опытным взглядом следя за потугами сильного пола. — Кибитку-то и без вас вытащат. А вы не тратьте времени даром, а лучше займитесь торгом. Давайте, езжайте, добудьте имя для табора Неси, который в погоне за золотом добрался до самого моря.

Я кивнула и подозвала Гиацинта и Жослена. Мы осторожно спустились на берег. К тому времени прибыл уже сам адмирал, его крупная внушительная фигура рассекала толпу моряков так же уверенно, как корабль — волны.

— Что это у нас тут за бродяги? — проревел он, щуря яркие голубые глаза. — Яйца Элуа! Неужто Странники решили проложить свой Длинный путь прямо по морю?

В отличие от Каспара де Тревальона, грубоватого Квинтилия Русса я никогда не воспринимала как дядю, но он все же близко дружил с Делоне и я знала его с самого детства. В горле неожиданно образовался комок.

— Милорд адмирал, — наконец выдавила я, спешиваясь и с трудом приседая в реверансе, — милорд адмирал, я к вам с посланием от нашей королевы.

Я подняла на него глаза, а он посмотрел на меня сверху вниз, и на его обезображенном шрамом лице отразилось подлинное изумление.

— Клянусь десятью тысячами akkaдианских дьяволов! — прогрехотал Русс, заставив моряков усмехнуться, а тех, что поближе к нему, еще и заткнуть уши. — Девчонка Делоне! — Он обнял меня так крепко, что кости затрещали, а в груди не осталось воздуха, даже чтобы охнуть от боли, которую могучие руки причиняли моей истерзанной спине. — Что во имя семи преисподних ты тут делаешь? — спросил Русс, наконец отпустив меня. — Я слышал, судейские придурки в Городе обвинили тебя в убийстве.

— Так и было, — прохрипела я. — Это... это первая из причин, почему я здесь, а не там.

Квинтилий Русс прищурился на меня, а потом на тсыганскую кибитку, застрявшую на скальной тропе.

— Помогите-ка им спуститься, — приказал он своим людям, и с десятков ворчащих моряков тут же зашагали к повозке. — А какая вторая?

Наконец-то дыхание вернулось.

— Я неплохо говорю по-круитски.

— А-а-а. — Один долгий слог, и в его хитрых глазах зажглась искорка понимания. — Идем, нам, похоже, много чего нужно обсудить. — Адмирал уставился на Гиацинта и Жослена. — Вы тоже в деле?

Оба кивнули.

— Тогда пошли. — Он потер подбородок. — Удачно, что вы привели лошадей. Они мне здесь пригодятся.

— На это мы и рассчитывали, — кивнул Гиацинт.

Королевский адмирал провел нас в свой огромный шатер, где стояло несколько сундуков, заваленных картами и книгами. Помимо сокровищ знания там было и золото с камнями.

— Нет времени даже сложить пожитки или хотя бы обзавестись толковой женой, — проворчал Русс, сгребая с крышки одного из сундуков драгоценности, которых хватило бы на выкуп короля. — Садитесь. Давайте, выкладывайте, каким ветром вас сюда занесло. Начните с самого начала. Кто убил Анафиэля Делоне?

Мы с Жосленом принялись рассказывать, как гонец адмирала застал нас в мастерской туарье.

— Это был Элрик Лейт, он сумел вернуться, сохранив в целости свою шкуру, — перебил Русс. — Его доклад я уже слышал. А потому не сомневаюсь, что виновата не ты, девочка, и не твой кассилианец. Ну и еще потому, что ты обожала Делоне, как младенец титьку. За его

домом, по словам Элрика, тогда следили. Так кто же его убил?

— Исидор д'Эгльмор, — выпалила я и, набрав в грудь побольше воздуха, быстро рассказала о событиях, случившихся после смерти наставника.

Когда я выдохлась, Жослен подхватил нить повествования. Теперь адмирал слушал, не перебивая, и его лицо постепенно темнело от ярости. Когда мы закончили, он сидел молча, словно удерживая в себе гнев. И вдруг взорвался: принялся носиться по шатру, ревя, бранясь и расшвыривая вещи. Кто-то снаружи сунул было голову в шатер и быстро убрался, когда мимо носа пролетела глиняная миска.

Отбушевав, Квинтилий Русс вздохнул.

— Может, это вы мне байки такие травите, а? — с надеждой спросил он.

Я покачала головой и, достав кольцо Исандры, предъявила его адмиралу.

— Королева вручила мне вот это. Чтобы показать вам, а потом отдать принцу круитов.

— Угу. Кольцо Роланда. — Адмирал бросил на перстень небрежный взгляд и снова тяжело вздохнул. — Ну да, конечно, я его знаю. Вижу, вы со мной не шутите. Но скажу так: я лучше поведу флот на север и поднимусь по Рейну, чтобы усилить там наших и надрать задницы скальдам — и камаэлитам, если придется, — чем отправлюсь выполнять дурацкое поручение на Альбу.

— А если это совсем не дурацкое поручение? — заспорила я.

Квинтилий Русс скривился.

— Знаешь, мы ведь уже пробовали добраться до того острова длинным путем. Вышли из нижнего Сьоваля и прошли много-много лиг, чтобы не пересекать проклятые Проливы. Достигли-таки западных берегов. И кто же нас там встретил, а? Тысяча далриад с зелеными волосами. Они что-то орали и потрясали копьями. Мы даже не стали высаживаться на землю.

— Сколько кораблей? — внезапно спросил Гиацинт.

— Пятнадцать, а что... — насторожился Русс.

— Нужен только один. — Гиацинт сглотнул, будто слова причиняли ему боль. — Вот что я видел, когда Исандра попросила меня предсказать будущее. Один-единственный корабль.

Еще один тяжелый вздох вырвался у адмирала.

— Цветок, распускающийся в ночи, тсыганский прорицатель и... кассилианец в плаще мендаканта. Вот кого прислала ко мне Исандра. Должно быть, записала меня в дураки, раз велит к вам присоединиться. — Квинтилий Русс почесал голову и встряхнул путанными рыжими космами, местами заплетенными в косицы. — А ты что скажешь, кассилианец?

Жослен поклонился.

— Милорд адмирал, я скажу, что какой бы выбор вы ни сделали, решать нужно быстро. Потому что к завтрашнему полудню сюда прибудет герцог де Морбан и начнет задавать вопросы.

— Морба-ан, — презрительно протянул Русс. — Запер меня тут, как лиса цыплят. Кстати, как вам-то удалось мимо него проскочить, а? Элрик в свое время едва прорвался, а после смерти короля де Морбан еще пуще стережется.

Гиацинт и Жослен посмотрели на меня, а я приподняла брови и потупилась:

— Нам помогла всеблагая Наамах.

— А-а-а, — ухмыльнулся адмирал. — Ученица Делоне до самого конца! Что ж, тогда я действительно должен решать, и быстро. Небось я опять понапрасну надеюсь, но все же

спрошу: у королевы случайно нет плана, как миновать Старшего Брата?

Я разочарованно покачала головой.

— Но он же, кажется, согласился вас пропустить, милорд. Вы же вели с ним переговоры и получили ответ. Когда в Альбе воцарится Черный Кабан! Помните эти слова?

— Я чуть не потонул, добывая этот самый ответ. — Русс почесал подбородок. — У меня по-прежнему нет права пересекать Проливы, детка. Я ничего не получил, кроме туманных слов, — слов и разрешения сохранить свою никчемную жизнь. Теперь сообразила, почему Делоне так стремился разгадать тайну Брата Трех Сестер? И беловолосый паренек Алкуин...

За пологом шатра, на берегу, кто-то играл на цимбалах и тамбурине, и музыка вкупе с ритмичными аплодисментами моряков рассеивала гнетущую тишину.

Гиацинт заерзал.

— Милорд, тут такое дело... Мы пообещали тсыганам хорошие деньги за их лошадей. Они всю дорогу помогали нам прятаться. Маскарад работал до самых земель Морбана.

— Почему бы и нет. — Адмирал ухватил аккадианские драгоценности. Из мощного кулака свешивались нити жемчуга и рубиновое ожерелье. — Мне-то, как утопленнику, это богатство не пригодится, и раз уж моей мощне суждено лежать на дне Проливов, почему бы капельку не потратиться. Зато тсыганам будет чем похвастаться на Длинном пути, а?

Я не ювелир, чтобы оценить драгоценности, которыми расплатился Квинтилий Русс, и не барышник, чтобы разобраться, хороших ли лошадей он получил взамен. Но думаю, щедрость его превзошла любые ожидания: тсыгане вытаращились на золото и камни и принялись благодарить адмирала в самой цветистой манере, обещая прославлять его имя на каждом перекрестке.

Потребовалось время, чтобы спустить повозку на пляж и заключить сделку, и когда Русс и Неси ударили по рукам, уже смеркалось. Тсыгане собирались переночевать на берегу и отбыть с утра пораньше. Они с обычной быстротой разбили маленький лагерь, а потом Гизелла завела бойкую торговлю специями среди ангелийских моряков, которым поднадоела пресная рыбная похлебка. Жослен напоследок развлекал детей мендакантской историей, в небе загорались первые звезды, далекие и безопасные над огромным беспокойным морем.

Гиацинт взял меня с собой, когда пошел попрощаться с Неси.

— Пусть на Длинном пути тебе сопутствует удача, *тсероман* табора Неси, — нараспев произнес он и церемонно поклонился. — В нашем путешествии ты показал себя прекрасным товарищем.

Неси огладил свои усы.

— И ты, — кивнул он и с ухмылкой добавил: — *Ринкени чаво*. — Потом посерьезнел — тсыгане настоящие мастера по части смены настроения. — *Чаво*, не знаю, правда ли, что ты говоришь *дромонд* или нет. Мне наплевать. Но если люди при мне скажут, что у Маноха нет внука, я объясню им, что это ложь. И буду произносить твое имя и вспоминать тебя. В моем таборе тебе навсегда положен почет.

— Спасибо тебе. — Гиацинт крепко пожал ему руку. — И твоей семье, твоему табору.

— Отличная сделка на самом западном берегу. — Неси посмотрел на море, на прибой. — Твои слова оказались правдой. Теперь мы богаты. — Он поклонился мне. — И тебя мы тоже будем помнить, *чави*. Уж ты-то родилась ни в каком не в переулке, или я слепой дурак.

— Спасибо, — я поцеловала его в щеку. — Будь добр к женщинам без *лаксты*, если собираешься меня помнить.

— Я вспомню тебя в мечтах. — Неси подарил нам последнюю белозубую улыбку и, махнув на прощание, вернулся к своей семье.

— Еще не слишком поздно, — сказала я Гиацинту.

Он смотрел на море, в сумеречном свете казавшееся серебристым.

— А знаешь, может, Русс и прав. Может, Длинный путь не заканчивается там, где начинается море. И если кому и суждено продолжить дорогу по волнам, то, конечно же, Принцу Странников, да?

— Да, — кивнула я, беря его под руку. Мы вместе смотрели на море, волнующееся и беспредельное, постоянно пребывающее в движении. — Если не застрянем здесь до приезда де Морбана, — добавила я, заметив приметную фигуру Квинтилия Русса на берегу. Адмирал вышагивал по песку, время от времени останавливаясь и глядя на свои корабли.

— Не застрянем, — уверенно отозвался Гиацинт. — Он решится. Другого пути нет. Один корабль, я его видел. — Тсыган помолчал и вдруг вкрадчиво спросил: — А как тебе дражайший герцог де Морбан?

— Вправду хочешь узнать? — Я попыталась разглядеть его лицо в слабом свете звезд Гиацинт рассмеялся.

— А почему нет? Я и про других тебя спрашивал.

— Ладно, — ответила я, снова уставившись вдаль. — Герцог де Морбан был со мной очень, очень хорош.

— Я так и подумал. Ты вышла от него довольней некуда. — Гиацинт накрутил локон моих волос на палец. — Ты же знаешь, я этого не боюсь, — прошептал он. — Не боюсь того, что ты есть.

— Нет? — я коснулась бриллианта Мелисанды. — А вот я боюсь.

Мы вернулись к шатру Русса, там я оставила Гиацинта и отправилась поговорить с адмиралом, который все еще мерил шагами берег, как разозленный лев. Моряки благоразумно держались от него подальше. Уже взошла растущая луна, и на море легла мерцающая дорожка света, словно Длинный путь.

— Милорд, — обратилась я к Руссу, опускаясь на колени. Песок оказался влажным и прохладным.

Квинтилий Русс гневно развернулся ко мне.

— Не надо мне тут штучек из Двора Ночи, девочка! Я должен сделать нелегкий выбор.

— Да, милорд, — отозвалась я, не вставая с колен. — Я понимаю. Нелегко выбрать: выполнять приказ королевы или нет.

— Да не в этом дело! — вскричал он, и его рокочущий голос заглушил шум волн. Адмирал сел на корточки передо мной и заговорил тише: — Послушай, детка, Исандра де ла Курсель предана стране и из нее получится хорошая королева. Я это знаю, и Делоне это знал, и Каспар Тревальон. Именно поэтому мы ей и помогали. Союз с Альбой был бы прекрасен... будь он возможен. Но шансов практически никаких, а у нас, если вы с приятелем не лжете, на носу гражданская война и вторжение скальдов, и все это одновременно. Поэтому, видишь ли, я и выбираю, где лучше послужить короне: в этой глупой миссии, которая скорее всего закончится полным провалом, или сражаясь с мятежниками и варварами за свою страну? У меня сейчас больше сорока кораблей и тысяча отборных бойцов, способных сражаться на море и на суше. Яйца Элуа, они одолели даже

аккадианцев, которые дерутся как десять тысяч дьяволов! Исандра де ла Курсель молода и неопытна, она пока мало что знает об управлении государством и еще меньше о войне. Как я лучше ей помогу? Подчинившись ее приказу или нарушив его?

Продолжая покорно стоять на коленях, как меня учили с раннего детства, я подняла голову и посмотрела ему в глаза.

— Ничего у вас нет, — тихо сказала я. Квинтилий Русс уставился на меня, как зачарованный. — Думаете, в битве на суше ваши сорок кораблей что-то изменят? Думаете, ваши бойцы чего-то стоят? Милорд адмирал, я видела скальдов, и их больше, чем песчинок на этом пляже. Сотни тысяч... — Я набрала горстку песка и медленно высыпала сквозь пальцы. — Как вы хотите умереть, адмирал? Мы же ангелийцы. Выбирайте, как лучше принять смерть: от полчищ дикарей или следуя за мечтой?

Презрительно фыркнув, Квинтилий Русс поднялся и повернулся ко мне спиной, обратившись лицом к морю.

— Ты такая же, как твой учитель, — проворчал он, в шуме прибоя я едва улавливала его речь. — Даже еще хуже. Его слова хотя бы не срывались с губ куртизанки. — Я промолчала. Адмирал обреченно вздохнул. — Может, Старший Брат и смилостивится над нами, дураками этакими. Ладно, отчаливаем на рассвете.

Квинтилий Русс собирался отчалить на рассвете. Примерно так и получилось.

Правда, мы погрузились в шлюпку и двинулись к его флагманскому кораблю, когда солнце уже взошло. Приняв решение, адмирал сразу же принялся деловито готовиться к отплытию, но ночи не хватило, чтобы оставить флотским все необходимые указания.

Я пыталась уследить за его распоряжениями, но Квинтилий Русс не желал, чтобы *ангуиссетта* Делоне ходила за ним хвостом, поэтому мне удалось ухватить лишь обрывки приготовлений. Адмирал назначил своего помощника главным над флотом на время своего отсутствия и среди прочего приказал ему сформировать береговую бригаду для охраны границ королевства. Четверть кораблей Русс отправил в Аззаль, повелев им встать на якорь в Тревальоне, лояльном короне благодаря Гислену де Сомервиллю, и распорядился, чтобы об этом перемещении известили Исандру. Если для королевских курьеров закроется проезд через Морбан, они смогут передавать весточки через Тревальон.

Остальным морякам ставилась задача не просто выдержать допрос герцога де Морбана, но и постараться выяснить его политические предпочтения. У Морбана имелся собственный флот — я этого прежде не знала, — и герцог, буде он окажется предателем, сможет повести свои корабли на север и оттуда совершать набеги на побережье Аззали, тем самым отвлекая береговую охрану от других прибрежных земель и Рейна.

Голова шла кругом от возможностей и стратегий. До смерти Делоне я не осознавала, насколько тонка и опасна грань, по которой он шел к своей цели, лавируя между союзниками и врагами. Но раз уж он совершил губительную для себя ошибку, то, значит, и сам этого не осознавал, во всяком случае, не полностью. Мелисанда вела игру изощреннее, чем Делоне, и сумела скрыть от него предательство д'Эгльмора. Эта тайна стала для меня явной благодаря моему проклятому невезению.

А теперь я ввязалась в еще более замысловатую игру, о которой моя врагиня пока еще не подозревала. Наверное. От этой мысли я вздрогнула. Теперь я — Стрела Кушиэля, пущенная в его потомка. Что бы ни готовило для нас море, по крайней мере, оно отдалит меня от Мелисанды. Увидев ее на Гиппокампе, я больше себе не доверяла. Да, в наш последний раз я удержалась и не произнесла свой *сигнал*, не выдала ей послания Русса... но не поручусь, что и в следующий раз сумею держать себя в руках. С тем же де Морбаном я подошла к заветной черте ближе, чем считала допустимым. Только отчаяние и горестное оцепенение не дали мне проговориться, когда Мелисанда терзала меня в день ужасной смерти Делоне и

Алкуина. И даже тогда мне до полного поражения оставался лишь крохотный шажок.

В следующий раз... Я опустила кончики пальцев в воду, пока гребцы взмахивали веслами, а берег отдалялся. В следующий раз все будет совсем по-другому. Помоги мне Элуа, я с нетерпением предвкушала новую встречу со своей главной целью, несмотря на все свои опасения.

Грань между любовью и ненавистью куда тоньше, чем острие флешетты. Однажды Мелисанда сказала мне об этом, но я не смела обдумать эту мысль, когда ее имя готово было в любой момент сорваться с моего языка. А еще она говорила, что во мне ее привлекает не покорность, а наоборот, мятежность. Именно это разительно отличало ее от остальных моих поклонников, которые не умели да и не стремились пробудить мой бунтующий дух.

Именно это сильнее всего вгоняло меня в ужас.

Что ж, если мне не под силу освободиться от ее владычества, по крайней мере, я могу от нее уехать. Глядя на горизонт, я провела пальцем под бархатным шнурком. Наверное, Мелисанда Шахризай хотела посмотреть, далеко ли я убегу в ее ошейнике, далеко ли заведет меня воля к сопротивлению. Хотя вряд ли она предполагала, что мятежность направит меня на зеленые берега недостижимой Альбы. По милости Элуа моя мятежность может даже привести к тому, что изуверские замыслы прекрасной интриганки будут разоблачены и пресечены.

Признаться, я молилась, глядя на грозные воды. Если мне суждено погибнуть в смертоносных волнах, пожалуйста, пусть моя последняя мысль будет не о Мелисанде.

Хотя вряд ли такое возможно.

Пока я сидела, погруженная в эти мрачные раздумья, сильные гребцы Русса подвели лодку вплотную к кораблю. Нам спустили веревочные лестницы, и пришлось карабкаться наверх. Руки и ноги скользили по мокрым от соленой воды веревкам. Я всегда считала себя проворной, но балансировать на постоянно раскачивающейся деревянной палубе оказалось делом не из легких.

Вдобавок Квинтилий Русс потешался над нашей неуклюжестью, а сам расхаживал по кораблю с непревзойденной легкостью, как ни странно, не свойственной ему на суше. На ходу он выкрикивал команды, которые тут же выполнялись, и довольно скоро мне стало ясно, почему именно его назначили королевским адмиралом. Он вверил нас заботам первого помощника, жилистого и востроглазого Жана Маршана, который отвел нас в каюту с четырьмя свисающими с потолка гамаками.

Пока мы раскладывали свои вещи, моряки поднимали якорь и ставили паруса.

Так сложилось, что преподанная мне с детства наука кораблей практически не касалась. До вчерашнего дня я ни разу даже не видела моря, не говоря уж о путешествии по волнам. Матросы с потрясающей ловкостью лазали вверх и вниз по мачтам, привязывая и отвязывая там какие-то веревки, а я не понимала, что они делают. Мне было ясно лишь то, что Квинтилий Русс отдает приказы, а команда их споро претворяет в жизнь. Тридцать человек спустились в трюм, чтобы сесть на весла, и огромное флагманское судно, медленно развернувшись, двинулось от суши в открытое море. Поднялись три темно-синих паруса с лебедем Дома Курселей: средний был самым большим, а которые спереди и сзади — те поменьше. Ветер тут же их надул, и они захлопали, отчего серебряные лебеди, казалось, забили крыльями.

Отплытие происходило быстрее, чем мне воображалось. Вот корабль медленно поворачивается, неуклюже переваливаясь на вспененных гребнях, а весла с кажущейся

бесполезностью бьют по воде. А вот уже волны равномерно набегают навстречу одна за одной и прокатываются дальше к берегу, который все отдаляется и отдаляется.

Матросы одобрительно закричали, когда Квинтилий Русс открыл бочонок вина. Позже я узнала, что по морской традиции в начале путешествия каждому мореходу полагается осушить кубок на дорожку.

Мы не стали отнекиваться. Гиацинт выпил вино залпом, восторженно оглядываясь вокруг. Я глотала понемногу, ощущая, как огненная жидкость согревает меня изнутри на пронизывающем ветру. Позеленевший Жослен опасно смотрел в свой кубок.

— Боюсь, матроса из меня не выйдет, — пробормотал он.

Проходящий мимо Квинтилий Русс хлопнул его по плечу.

— Пей, парень, — добродушно посоветовал он. — Если полезет обратно, так тому и быть. Просто перегнись через борт и принеси жертву Властелину Глубин.

Совет оказался пророческим. Я сочувственно вздохнула, когда Жослен, осушив кубок, схватился за перила и перегнулся через борт, выворачиваясь наизнанку. Гиацинт ухмыльнулся и сказал:

— Кассилианцы не годятся для Длинного пути, если он ведет через море!

— Зато он умеет запалить костер из мокрых веток в метель, — бросилась я защищать Жослена. — Что-то я не видела тсыган в сердце скальдийской глуши, Принц Странников.

— Тсыгане не настолько глупы, чтобы таскаться по скальдийской глуши, — парировал Гиацинт и отошел понаблюдать за работой матросов.

Его походка уже мало отличалась от поступи моряка. Я кисло смотрела ему вслед, оставленная ухаживать за недужным кассилианцем. Есть что-то бесконечно жалкое в вооруженном мужчине, выплевывающем полупереваренный завтрак.

Русс решил плыть на запад, используя ветер, дующий сквозь Проливы. Он надеялся, что достаточно сильный бриз быстро пронесет нас через владения Хозяина Проливов в открытое море, откуда уже нетрудно будет добраться до южного берега Альбы.

Замысел был неплох, и мы здорово продвинулись. Спустя несколько часов покачивания на волнах мы оказались в горловине между двумя невидимыми берегами: покинутой нами Земли Ангелов и Альбы, куда стремились. Погода оставалась ясной, дул попутный ветер. Пока мы шли на запад, перед нами расстилалось лишь открытое море, и кровь леденела в жилах при виде его бескрайности. Матросы пели. Да, мореплаватели действительно слеплены из другого теста. Даже в самых отчаянных положениях я всегда перво-наперво выясняла, где нахожусь, и намечала себе место, куда двигаться, в согласии со своим внутренним компасом. Для них же все иначе. Неизвестность, пустынный морской простор манит их чем-то, чего я не могу даже вообразить.

Тсыгане называли берега Кушета крайним западом. В тот день я увидела, что Кушет был лишь самым началом крайнего запада, поскольку водная гладь тянулась в бесконечную даль туда, где каждый вечер заходит солнце. Крайний запад находится за пределами наших познаний. Если верить жрецам, в той стороне Мать-Земля и Единственный Бог создали королевство, в котором солнце никогда не умирает, а лишь отдыхает, подлинную Землю Ангелов, где с улыбкой босиком гуляет Элуа, и там, где он ступает, вырастают цветы.

Не берусь судить, правда ли это, — могу лишь верить всем сердцем и душой.

Наше путешествие протекало спокойно и довольно приятно, но ближе к вечеру ситуация переменилась.

Судьба настигла нас как всегда неожиданно, когда уже казалось, будто опасные воды

остались позади и дальнейший путь пройдет как по маслу. Никто же точно не знает, насколько далеко простираются владения Хозяина Проливов. Очевидно, дальше, чем считал Квинтилий Русс, поскольку беда пришла, когда он, уже не остерегаясь, уверенно стоял у руля своего флагамена и выкрикивал команды матросам, замерявшим глубину, чтобы определиться, пора или нет поворачивать на север.

Все началось с ветра, поднявшего волны на дыбы.

Конечно, это естественно в море, где ветер — единственный господин, диктующий курс. Да, естественно. Но тот ветер... не могу объяснить. Он задул, стелясь по воде, наперерез легкому бризу, который продолжал надувать наши паруса, и заставил волны покатиться в обратную сторону.

— О нет, — выдохнул Квинтилий Русс, крепче берясь за штурвал и глядя в небо. — Нет, Старший Брат, пощади!

Я тоже подняла глаза к прежде ясному и благожелательному небу. Над головой, закрыв солнце, сгущались быстро темнеющие грозные тучи.

— Что это? — спросила я адмирала, заранее страшись его слов.

Вопросы опасны, поскольку чреваты ответами. Я сама это сказала накануне герцогу де Морбану. Квинтилий Русс посмотрел на меня с ужасом в ярко-голубых глазах. Старый шрам навеки опустил один уголок его рта, и второй сейчас опустил с ним вровень в скорбной гримасе.

— Это он, Хозяин.

И тут небеса разверзлись.

Никому не пожелаю пережить шторм в открытом море. Наш корабль, казавшийся таким устойчивым и безопасным на безбрежной морской глади, швыряло и мотало, как погремущку. Встречный ветер, минуту назад представлявшийся капризом природы, набрал разрушительную силу и вздымал гребенчатые валы выше самой высокой из наших мачт. Небеса, окрасившись в жуткий темно-лиловый цвет, всверкивали молниями. Невозможно было определить, день сейчас или ночь.

— Спустить паруса! — выкрикнул Русс, и его громогласный рык потонул в свисте ветра и шуме дождя. — Спустить паруса!

Матросы каким-то чудом его слышали. Я видела, как они судорожно цеплялись за фок-мачту, видела темные силуэты высоко вверху на фоне расколотого молнией неба. Паруса рухнули, будто камни, и на моих глазах по меньшей мере одна фигурка сорвалась в беснующееся море, когда судно сильно накренилось на правый борт. Пелена дождя застилала обзор, но я каким-то чудом разглядела Жослена, медленно, но целеустремленно пробиравшегося ко мне. Я понадеялась, что хотя бы Гиацинт сидит в относительной безопасности в нашей каюте, но не слишком в это верила: пока светило солнце, он мелькал в толпе матросов, слишком поглощенный их работой, чтобы спуститься вниз отдохнуть. Скорее всего, шторм, налетевший внезапно, застиг тсыгана на палубе, а он не из тех сухопутных крыс, кто празднует труса.

Добравшись до мачты, за которую я держалась, Жослен вцепился в нее и наклонился надо мной, своим телом заслоняя от бушующей стихии. Вымокшая до нитки, я попыталась выглянуть из-под него, но мои же собственные мокрые волосы упали на глаза.

— Мы разворачиваемся, да? — крикнул Жослен. — Милорд адмирал! Мы разворачиваемся?

— Вон он! — проревел Квинтилий Русс, трясущимся пальцем показывая на волны.

Хозяин Проливов явился.

Те, кто никогда не путешествовал через Проливы, наверное, обвинят меня во лжи, но мне бы никогда не измыслить такого кошмара. Съезжившись под Жосленом, я увидела Хозяина Проливов — огромную голову, движущуюся к нам над водой. Лицо его складывалось из волн, волосы из грозовых туч, глаза метали молнии, и, клянусь, он разговаривал. Громовой голос обрушился на нас, взламывая уши и заставляя корчиться от ужаса.

— КТО ПОСМЕЛ МЕНЯ ТРЕВОЖИТЬ?

Подобное порождает подобное. Вцепившись в руль, королевский адмирал осмелился ответить, потрясая кулаком и взревывая, чтобы перекричать свист ветра:

— Я посмел, старый козел! И если тебе угодно, чтобы твой драный черный кабан правил Альбой, ты меня пропустишь!

Загрохотал смех, и морское лицо выросло в три раза выше нашей грот-мачты, отчего отважный Русс показался ничтожно малым.

— ЭТО НЕ ТВОЯ МЕЧТА, МОРЕХОД! ЧЕМ ЗАПЛАТИШЬ?

— Назови свою цену! — проревел адмирал, железной хваткой сжимая штурвал. Нос корабля зарылся в волны, но Русс не сходил с курса, выкрикивая непокорные слова: — Просто назови цену, ты, старый козел! Я отдам все, что потребуешь!

Судно поднялось на гребень волны и, как на ладони, понеслось к разверзнувшейся в небе огромной пасти, черной и бездонной. Хозяин Проливов смеялся, готовясь поглотить нас всех разом, и смех его грохотал пуще горной лавины.

«Это конец», — подумала я, зажмуриваясь.

И тут почувствовала, что Жослен больше не закрывает меня своим телом от ударов стихии.

— Песня! — его голос прозвучал резко, громко и уверенно. Он схватил меня за плечо и заставил выпрямиться, несмотря на бешеную качку. — Мы дадим тебе песню, какую ты никогда не слышал, о повелитель Проливов! — выкрикнул кассилианец в нависшее над нами зыблящееся лицо. — Песню!

— Какую еще песню? — отчаянно спросила я, когда корабль вновь вознесся на гребень волны. Дождь немилосердно хлестал Жослена по щекам, его волосы промокли и свисали как водоросли, но он по-прежнему крепко удерживал меня на месте. В пелене дождя мне казалось, будто мы с ним последние смертные, еще не канувшие в бездну. — Жослен, какую песню?

Он что-то сказал в ответ; я не расслышала слов, тут же подхваченных и унесенных ветром. Но мыслимые и немыслимые тяготы, что нам довелось пережить, научили нас понимать друг друга, даже не слыша. Я легко прочитала ответ Жослена по губам.

Селение Гюнтера.

Идея показалась мне дурацкой, но перед лицом смерти разумничать не приходится, и я затянула песню, которую переняла у женщин из селения Гюнтера, Хедвиг и остальных: песню об ожидании и тоске, о погибшем молодым красивом тенне, омытом кровью и скорбью, о севе и сборе урожая, о рано наступающей старости и об огне в очаге, обещающем жизнь, пока дом заметен снегом.

Я не Телезис де Морне, чей голос очаровывает всех и каждого. Но у меня есть дар к языкам, которому помог раскрыться Делоне. Скальдийские песни, прежде никем не записанные, я затвердила наизусть, выскребая слова опаленной палочкой на доске.

Домашние песни варварок, не удостоенные вниманием ученых мужей. И сейчас я, надсаживаясь, пела эти песни, хотя ветер срывал слова с моих губ, пела для Хозяина Проливов, чье ужасное огромное лицо плыло по воде.

Он слушал, и море постепенно успокаивалось, а жуткие черты мало-помалу расплескивались на отдельные волны.

Я пела, пока шторм утихал и волны толкались в борта, а Жослен крепко держал меня, не давая шататься. Пела до хрипоты. Набившиеся в трюм матросы начали потихоньку выбираться на палубу. Я охрипшим голосом завела хороводную о малых детушках и молодой еловой поросли, и тут Квинтилий Русс встряхнулся и крикнул:

— Ты принимаешь нашу жертву?

Море заплескалось, и на поверхности вновь выступило лицо, довольное и умиротворенное, но кошмарно огромное! Рот-водоворот мог проглотить весь наш корабль целиком.

— ДА-А-А, — прошелестел ужасный голос. — МОЖЕТЕ ПРОЙТИ.

И Хозяин Проливов окончательно исчез.

Отзыв стихии обрушился на нас как последний удар, а потом море снова стало спокойным: волны мерно прокатывались навстречу, с запада дул ветерок. Тучи рассеялись — еще даже не стемнело. Я глубоко вдохнула и выдохнула. Горло не на шутку саднило.

— Это все? — хрипло спросила я Квинтилия Русса, обмякнув в надежных руках Жослена.

— Ага, все, — подтвердил адмирал. Его голубые глаза рыскали во все стороны, словно не веря тому, что видели. Русс задержал опасливый взгляд на мне. — Значит, Делоне таки научил тебя, как утихомирить Старшего Брата?

В ответ я невольно хихикнула и прошептала:

— Нет, не Делоне меня научил, это были песни скальдских женщин, чьи мужья и братья собираются нас всех убить.

А потом сомлела.

Очнулась я в темной каюте, лежа в раскачивающемся гамаке, как в колыбели. Мрак разгоняла единственная лампа с мерцающим тусклым огоньком. Рядом с ней на стуле дремал знакомый силуэт.

— Гиацинт, — прошептала я.

Он тут же вскинул голову, и в темноте сверкнули белые зубы.

— Думала, я смылся?

— Не была уверена. — Я попыталась сесть, но не сумела и рухнула обратно в гамак. — Видела, как одного матроса смыло за борт.

— Четверых, — тихо внес поправку Гиацинт, больше не улыбаясь. — И погибло бы еще больше, если бы Жан Маршан не заставил каждого принайттовиться к какой-нибудь опоре.

— Значит, ты это видел. — Я все еще хрипела. Да уж, орать песни, перекрикивая море, — то еще испытание.

Гиацинт кивнул — едва различимое движение в густой тени.

— Видел.

— Где Жослен?

— На палубе. — Тсыган зевнул. — Пошел посмотреть на звезды и определиться, куда нас занесло. К счастью, его больше не тошнит.

Я засмеялась, но тут же перестала. Смех царапал горло.

— Мы все обязаны ему жизнью.

— Ему? Но это же ты пела. — Гиацинт с любопытством уставился на меня.

— По его подсказке. Это он вспомнил про песни из селения Гюнтера... — Я утомленно откинулась на подушку. — Никогда не думала, что буду за что бы то ни было благодарна скальдам.

— Лишних знаний не бывает, — отозвался Гиацинт, повторяя слова Делоне, многократно слышанные от меня. — Даже то, что ты переняла у варваров, может оказаться полезным. Даже *дромонд*. — Он встал, отведя волосы, поцеловал меня в лоб и задул лампу. — Спи.

Рассвет следующего дня выдался спокойным и ясным, словно Хозяин Проливов извинялся за вчерашний шторм. Ночью мы повернули на север, огибая южное побережье Альбы, и теперь справа по борту виднелись далекие размытые очертания зеленых берегов.

— Где будем высаживаться? — спросила я у Квинтилия Русса.

Мы с адмиралом стояли рядом на палубе. Ветер трепал полы моей накидки, но казался тише, чем вчера, и не таким пронизывающе-холодным. Я уже почти полностью оправилась после вчерашних испытаний и в тысячный раз воздала хвалу Благословенному Элуа за свою способность быстро исцеляться.

— Хороший вопрос, — сухо ответил адмирал. Он выглядел осунувшимся и усталым: поспал-то, наверное, всего ничего, поскольку доверил управление судном кормчему только после того, как окончательно убедился, что опасность миновала. Могучей рукой он махнул в сторону берега. — До Альбы, при всей ее труднодоступности, мы таки добрались. А вот где сейчас искать низложенного круарха Исандры — загадка не из простых.

— Я думала, вы знаете, где его искать, — разочарованно протянула я. — Вы же говорили, что уже нашли принца. Среди далриад.

— Я знаю, где живут далриады. — Русс изготовился было сплюнуть, но глянул на меня и сглотнул. — Они занимают западный берег Альбы недалеко от острова Эйре. Мой источник сообщил, что Друстан маб Нектхана как раз туда и сбежал. Но земли далриад весьма обширны.

— А есть ли уверенность, что это сообщение соответствует действительности?

Русс пожал плечами:

— Делоне то же самое говорил, да и Телезис де Морне. Они каким-то образом обменивались посланиями с альбанцами, с которыми Телезис свела знакомство во время своего изгнания. Потом письма перестали приходить, и Делоне решил, что Маэлькон-Узурпатор их перехватывает. Тогда-то я и провел полтора десятка кораблей до Альбы длинным путем, минуя Проливы, но так и не смог встретиться с принцем пиктов.

Да, напрасно я возмущалась, когда Русс назвал затею с нашей миссией дурацкой. Задумавшись, я присела на перекладину у его ног. Жослен на носу корабля выполнял свои кассилианские упражнения — темный силуэт на фоне рассветного неба, рассыпающий с клинков солнечные зайчики. Похоже, он наконец обрел устойчивость на морской зыби.

— И сколько нам осталось идти до земель далриад? — спросила я.

— Таким ходом примерно день, не больше. — Квинтилий Русс вновь пожал плечами. — А там, будем надеяться, удача нам снова улыбнется и местные тебя послушают и отведут нас к друстановским круитам.

Признавшись, что не имеет четкого плана, адмирал вывел меня из равновесия. А я и без того сомневалась, достанет ли мне познаний, чтобы объясниться с островитянами. Одно дело осваивать иностранную речь по книгам, с учителями, которым ангелийский родной, как и мне, и совсем другое — искать общий язык с урожденными альбанцами; к тому же не факт, что далриады пользуются тем же диалектом, который мне преподавали. Эйре — это отдельный остров; пойму ли я наречие людей, которые, по неподтвержденной гипотезе, относительно недавно переселились отсюда на Альбу? Или оно окажется совершенно мне незнакомым? Ученые не располагают достоверными сведениями о далриадах, поскольку

тиберийская армия не успела добраться до их земель, прежде чем была изгнана восстанием Кинхила Ру. А если, не приведи Элуа, их язык разительно отличается от всех, которыми я владею... как мне растолковать им наши намерения? Если просто предъявить кольцо Исандры и сказать «Друстан маб Нектхана», вряд ли далриады поймут, чего нам от них нужно.

Я размышляла над этой проблемой довольно долго, пока в голове не сложилась цельная картинка. «Лишних знаний не бывает».

— Гиацинт, — подумала вслух я. — А вдруг он нас выручит? Он же может заглянуть в будущее и подсказать, куда нам лучше высадиться.

— Ты так в него веришь? — Русс искоса посмотрел на меня с явным сомнением в голубых глазах. — А по мне, так достаточно того, что по его подсказке мы вышли в морскую экспедицию на единственном корабле. Даже Делоне не был абсолютно надежен, девочка, а уж он-то умел добыть правдивую информацию из самых неожиданных источников.

Подперев рукой подбородок, я смотрела на бегущие за бортом волны.

— Знаю. Но, милорд адмирал... *дромонд* не ошибается. Когда мне было тринадцать, мать Гиацинта безо всякой моей просьбы сделала мне предсказание. Тогда я пыталась выведать что-нибудь о Делоне. А она мне сказала, что я пролью горькие слезы в тот день, когда тайное станет явным.

— Полагаю, так оно и случилось, — проворчал Русс, когда я надолго замолчала.

— Предсказанный ею день растянулся на два. — Волны поглощали мое внимание — бесчисленные, но такие разные. — Первым был день Самой долгой ночи, когда Мелисанда Шахризай купила меня для себя и обманом заставила проговориться, что от вас, милорд, ожидается посланник, чье прибытие и побудило людей д'Эгльмора напасть на Делоне. Тогда я узнала, что Делоне был возлюбленным принца Роланда. А вторым стал тот страшный день, когда моего наставника убили вместе со всеми домочадцами, вместе с Алкуином, которого я любила как брата. В тот день я узнала, что Делоне дал клятву любой ценой защищать Исандру де ла Курсель — этот завет передал мне умирающий Алкуин. Да, милорд, я по сию пору лью горькие слезы, оплакивая те роковые дни, когда тайное стало явным.

Квинтилий Русс недолго помолчал, занимаясь штурвалом.

— Такое предсказание мог сделать кто угодно, — наконец буркнул он. — Любой сообразит, что опасно охотиться за тайнами прошлого.

— Верно, — согласилась я. — Но мать Гиацинта на моих глазах прибегала к *дромонду* дважды. Во второй раз, впав в транс, она произнесла: «Не пренебрегайте Куллах Горрьим». Знаете, что это означает, милорд?

Русс подумал, а затем покачал головой. Рыжеватые волосы развевались на ветру.

— Вот и она тоже не знала, — подняла я палец. — На круитском языке «Куллах Горрьим» означает «Черный Кабан». И совершенно непонятно, милорд, откуда она взяла эти слова и почему сказала их мне. — Я встала и потянулась. — Когда покажутся берега далриад, вы позволите Гиацинту заглянуть в будущее?

— Ты привела мне слова его матери, — продолжил упираться Квинтилий Русс, хотя в его упрямстве наметилась слабина. Никому из видевших Хозяина Проливов в голову не придет отрицать сверхъестественное. — А сам парень тебе что-нибудь такое предсказывал, что потом сбылось?

— Мне нет, — честно ответила я. — Он боится заглядывать в будущее своих друзей. Но

однажды он подарил предсказание Мелисанде Шахризай.

— И что же он ей сказал? — Адмирал держал штурвал, но уже не так сосредоточенно. Всем морякам по душе интересные истории, вот и Русс косился на меня с явным любопытством.

— Тот, кто покорствует, не всегда слаб, — повторила я памятные слова, и по коже прошел холодок, заставивший меня обхватить себя руками.

А затем я встала и зашагала прочь, кутаясь в подаренную герцогом де Морбаном бархатную накидку, теперь пропитанную морской солью, и чувствуя спиной сверлящий взгляд адмирала. Многие сочли бы, что это пророчество ничего не стоит, но только не тот, кто покорствует.

Я прошла по дочиста отдраенной деревянной палубе — Квинтилий Русс не терпел нерадивости на своем корабле — и отыскала Гиацинта, который увлеченно рыбачил с борта. Он тут же обернулся ко мне и принялся хвастаться:

— Смотри, Федра! Три к одному, я выиграл! — Он предъявил мне веревку с нанизанными рыбинами, чьи серебристые тела дергались и извивались, лишённые воды. — Мы с Реми малость поспорили, — добавил тсыган, кивая на сидящего рядом матроса, который казался скорее позабавленным, чем опечаленным проигрышем.

— Да, ты везунчик, — бегло глянула я на улов. — Гиацинт... Если я попрошу тебя посмотреть, где наш Длинный путь вновь возвращается на сушу, ты сможешь?

Черные глаза лукаво блеснули в солнечном свете. Гиацинт схватил самую большую рыбину и обеими руками протянул мне со словами:

— Для тебя, о Вечерняя Звезда, я готов на все. Уверена, что не хочешь попросить своего кассилианца? Не боишься, что он мне позавидует? Или приревнует?

Я невольно захихикала.

— Ничего, я рискну.

Весь день и всю ночь мы шли вдоль берега Альбы, улавливая парусами слабый ветер. А третий день на море встретил нас туманом и штилем, штандарт Курселей вяло повис на грот-мачте. Русс, бранясь, усадил гребцов на весла, и мы мучительно медленно продолжили движение. Зеленый берег то показывался, то скрывался в белесом мареве.

— Сейчас или никогда, — мрачно пробасил адмирал, вызвав меня на палубу. — Приведи своего тсыганенка, Федра но Делоне. Пусть укажет путь.

На этот раз Гиацинт держался серьезно. Он медленно вышел на нос корабля и устремил взор в плотный туман. Головой он слегка водил из стороны в сторону, словно охотничий пес, пытающийся унюхать след, ничего не видя и не слыша. Матросы внимательно следили за ним, полагаясь на его удачливость — как я позже узнала, многих из них Гиацинт уже обчистил в кости, — и даже Квинтилий Русс, невзирая на все свои сомнения, затаил дыхание.

— Ничего не вижу, — прошептал Гиацинт, пытаясь руками раздвинуть влажную пелену перед собой. — Федра, я не могу разглядеть наш путь в этой мгле.

Я подошла к нему; моряки, бормоча, отступили. Жослен молча держался рядом.

— Ты можешь, Гиацинт, я знаю, ты можешь. — Я взяла тсыгана за руку. — Это всего лишь туман! Разве он сравнится с завесой над будущим, которую ты легко проницаешь?

— Это *врайна*. — Гиацинт поежился; рука его на ощупь показалась мне ледяной. — Родичи были правы, Манох был прав — *дромонд* не мужское дело.

В борта корабля бились мелкие волны, никуда нас не несущие. Мы угодили в штиль.

Гребцы ждали команды.

— Принц Странников, — тихо сказала я, — Длинный путь предначертан и неизбежно приведет нас домой. Постарайся увидеть его, постарайся увидеть, куда нам сейчас идти.

Гиацинт снова вздрогнул, его черные глаза потускнели от страха.

— Нет, ты не понимаешь. Длинный путь бесконечен. Для тсыган нигде нет дома, нам суждена вечная дорога.

— Ты наполовину ангелиец! — воскликнула я и хорошенько встряхнула друга. — Гиацинт! В твоих жилах течет кровь Элуа, которая привязывает тебя к дому, и тсыганская кровь, которая ведет к нему. Ты можешь увидеть правильную дорогу, ты должен ее увидеть! Где Куллах Горрым?

Гиацинт вновь повертел головой. Черные кудри набрякли от влаги.

— Ничего не вижу, — повторил он, содрогаясь. — Это *врайна*! Они были правы. Я никогда, никогда не должен был заглядывать в будущее. Мужчинам не пристало разгонять завесу. И теперь в расплату за мой страшный грех на наши головы послан этот туман.

Я стояла, цепляясь за его руку, озираясь по сторонам. Диск солнца с трудом, но просвечивал сквозь молочную пелену, а верхушки трех мачт в ней тонули.

— Если не видишь сквозь туман, — нашла я, — то посмотри над ним!

Гиацинт вытаращился на меня, а затем перевел взгляд на грот-мачту, наблюдательная бочка на которой терялась в дымке.

— Оттуда, что ли? — испуганно переспросил он. — Ты хочешь, чтобы я посмотрел из «вороньего гнезда»?

— Твоя прабабушка, — решительно сказала я, — как-то загадала мне загадку. Что такое увидела Анастасия за завесой времени, отчего решила обучить сына запретному *дромонду*? Длинный путь, тсыганскую кибитку и место у костра или затерянный в тумане корабль, везущий кольцо от королевы ее суженому? Тебе решать.

Гиацинт помолчал, уставясь на меня, а потом со вздохом полез на мачту.

Долго-долго мы стояли в тишине, вглядываясь в серую пелену над головами, в которую он нырнул. Корабль лениво покачивался на волнах. И тут послышался слабый далекий крик:

— Туда!

Куда бы Гиацинт ни показывал, с палубы мы ничего не видели. Квинтилий Русс выругался, пробираясь обратно к штурвалу.

— Цепочку, живо! — проревел он, отчего матросы подскочили. — Ты! И ты! — ткнул он пальцем. — Лезьте наверх! Маршан, зови барабанщика, пусть гребцы приготовятся! Последуем тсыганской указке!

Матросы тут же задвигались, подстегнутые волей Русса.

— Северо-северо-запад! — завопил кто-то сверху. — И фонарь на нос, адмирал!

Огромный корабль поворачивался медленно, взрезая туман. На самом носу матрос держал горящий фонарь. Сверху выкрикивали курс, и Русс крутил штурвал, пока фонарь для наблюдателей с мачты не оказался на одной линии с указующей рукой Гиацинта, высмотревшего путь из высокого «вороньего гнезда».

— Все, хватит прохлаждаться, парни! — скомандовал адмирал. — Весла в воду!

Из трюма донесся мерный барабанный бой и громкий голос Жана Маршана. Два ряда весел дружно задвигались, толкаясь от морской глади. Фрегат, набирая скорость, пошел вслепую сквозь густой туман.

Даже не моряку понятно, насколько это было опасно в такой близости к незнакомому и

невидимому берегу. Я придвинулась к Жослену, и мы вдвоем принялись наблюдать за тем, как Квинтилий Русс управляет кораблем. Изуродованное шрамом лицо адмирала выражало дерзкую решимость — он кинул жребий. Не могу сказать, долго ли нам пришлось пробиваться сквозь ослепляющую пелену — по моим ощущениям, чуть не до вечера, а на самом деле управились задолго до полудня.

Раздался еще один крик — поправка курса. Направляемые Гиацинтом, мы шли к берегу, все еще невидимому, но однажды мелькнувшему неожиданно близко. Лицо адмирала мрачнело с каждым всплеском, а костяшки пальцев на руле побелели. Внезапно впервые за день поднялся ветер, надув паруса. Гребцы подняли весла, предоставив бризу нести фрегат по волнам.

Мы разом вынырнули из тумана в солнечный свет, скользнув через узкую горловину в длинную скалистую бухту, глубоко врезающуюся в берег.

Матросы восторженно заулюлюкали, гораздо громче, чем при отплытии. Высоко вверху Гиацинт цеплялся за перила «вороньего гнезда», бледный и обессиленный.

Впереди расстилался каменистый пляж, за которым виднелись зеленые холмы и серебристая лента реки.

А на том пляже нас, как нарочно, уже поджидали до зубов вооруженные люди.

— Бросайте якорь! — рев Квинтилия Русса прогремел громом среди внезапно ясного неба, пока матросы торопливо спускали и привязывали к реям паруса, а гребцы, зарывшись веслами в воду, замедляли ход корабля.

Гиацинт на нетвердых ногах отковылял от грот-мачты. С громким всплеском якорь рухнул за борт. Флагман остановился в глубоких водах бухты боком к берегу. В вышине реял флаг Дома Курселей. Адмирал что-то пробормотал себе под нос, достал из кошелька золотой и, размахнувшись, швырнул его за борт. Блеснув на солнце, монета бултыхнулась в волну. Морской обычай велит заплатить дань Властителю Глубин после опасного перехода.

А потом все мы выстроились вдоль борта, глядя на берег.

Нас встречал небольшой отряд, не больше дюжины воинов в ярких шерстяных пледах. Но они довольно яростно размахивали мечами, которые колко взблескивали под солнцем.

— Кого ты видишь? — спросил меня Русс, указывая на них и щуря глаза.

Я проследила за его взглядом. Двое, стоящих впереди, казались пониже остальных. Первый из них, темноволосый, в отличие от спутников, стоял спокойно, а самый маленький то и дело подпрыгивал, потрясая укороченным копьем. Если сравнить его рост с длиной меча...

— Ребенка, — ответила я. — Я вижу ребенка, а может, двух.

Русс нахмурил рыжеватые брови.

— Ты у нас королевский посол. Что прикажешь делать?

Я поплотнее запахнула на себе накидку и на секунду сжала в кулаке кольцо Исандры.

— Пойдемте к ним, — решила я. — Дайте мне в сопровождение шесть опытных воинов, милорд. И я возьму с собой Гиацинта и Жослена.

— Тогда на берегу мы будем в меньшинстве, — холодно отозвался адмирал.

— Чем докажем далриадам наше доверие. — Я покосилась на Жослена, который с живым интересом смотрел на берег. Он оперся на перила, стальные наручи сверкали на солнце. — Если там засада, милорд, всего вашего экипажа может не хватить, чтобы отбиться. А если мы видим весь их отряд, наши силы будут примерно равны, ведь с нами воин Кассилианского Братства. И, милорд, прошу вас уделить толику ваших сокровищ на подарки для далриад. Королева сторицей возместит все ваши расходы.

— Ладно.

Квинтилий Русс выкликнул матросов — среди них оказался и рыбачивший вместе с Гиацинтом Реми — и отдал необходимые приказы, на время передав управление судном Жану Маршану. Затем скрылся в своей каюте и вернулся с сундучком, полным шелков, самоцветов и сосудов с пряностями. Я одобрительно кивнула, словно понимала толк в таких вещах. А потом на воду споро спустили шлюпку, с борта бросили веревочную лестницу, и вот мне уже помогают слезть.

Моряки сели на весла, и мы двинулись по сверкающим волнам, с каждым взмахом весел приближаясь к неизведанному чужому берегу и удаляясь от безопасного корабля, единственного оплота всего ангелийского по эту сторону Проливов. Я высоко держала голову, изо всех сил стараясь показать, будто знаю, что делаю.

Метрах в тридцати от берега мы уже явственно различали, кто нас там ждет. Мужчины, несомненно, были воинами — светловолосые и румяные, высокие и мускулистые, они

напомнили мне скальдов, отчего я невольно поежилась. Но я не ошиблась: впереди встречающих нетерпеливо подскакивал и что-то кричал ребенок, маленький рыжий мальчик с золотой гривной на шее.

Второй предводитель оказался не ребенком, а юной стройной девушкой с черными волосами и смуглой кожей, которая держалась с завидным достоинством. При нашем приближении воины-далриады обступили ее со всех сторон, изготовившись к защите.

— Добро пожаловать, — громко поприветствовала нас смуглянка. Ее круитский язык звучал протяжно и мелодично.

Она протянула к нам руку, и далриады замахали мечами, издавая воинственный клич, а затем убрали клинки в ножны и бросились в воду, чтобы вытащить нашу шлюпку с мелководья на галечный пляж. Мальчик носился туда-сюда, потрясая коротким копьём.

— Добро пожаловать, — повторила девушка — на вид совсем юная, с ровными рядами синих точек, вытатуированных по линии скул. В ее темных глазах плясали искорки, и она по-прежнему протягивала к нам руку.

Мои ангелийцы, не двигаясь, сидели в шлюпке, уже не покачивающейся на волнах, а твердо стоящей на берегу. С легким удивлением я осознала, что, кроме меня, больше никто не понимает ее слов. Я осторожно встала, боясь качнуть лодку и лишиться равновесия.

— Меня зовут Федра но Делоне, — медленно начала я, аккуратно подбирая круитские слова и старательно пытаюсь подражать интонации девушки, — я прибыла на вашу землю посланцем от Исандры де ла Курсель, королевы Земли Ангелов. Мы ищем Друстана маб Нектхану, истинного круарха Альбы.

Едва с моих губ сорвалось имя Друстана, воины разразились ликующими воплями, топя и гремя мечами. Мальчик неистовствовал больше всех. Смуглянка улыбнулась и положила руки ему на плечи, успокаивая.

— Я Мойред, сестра Друстана, — просто представилась она. — Мы вас ждали.

— Как такое возможно? — удивилась я, но, опамятовшись, повернулась к своим спутникам и сказала по-ангелийски: — Все хорошо. Они рады нас видеть.

Сильные моряки помогли мне выйти из шлюпки; я едва не упала, наконец ступив на твердую землю. Мойред улыбнулась еще шире, приблизилась, положила руки мне на плечи и пристально всмотрелась в лицо. Ее широко поставленные и очень темные глаза из-за синих точек на щеках казались еще больше.

— Во сне мне было видение, — спокойно пояснила она. — Бреннан играл на берегу и вдруг над ним пролетел лебедь. Малыш метнул в птицу копьё и попал в глаз. Лебедь пал на землю, сбросил перья, выдернул из глаза копьё и заговорил. Поэтому, проснувшись, я пошла за Бреннаном, чтобы посмотреть, где он метает копьё в чаек. Узнав место из сна, позвала сюда людей Имонна. Мы ждали. И вот вы здесь.

Я вздрогнула под ее теплыми ладонями.

— Видение и вам подсказало путь? — Мойред оглядела нашу компанию и остановила взгляд на Гиацинте. — Это ты следовал за сном, — сказала она, подошла к нему и коснулась его лица тонкими смуглыми пальцами. — Ты видел сон наяву.

Гиацинт ошеломленно отшатнулся от ее прикосновения. Люди Русса и далриады сторожко разглядывали друг друга, готовые в случае чего выхватить мечи. Бреннан запрокинул голову и спросил что-то у Мойред. Я почти разобрала его слова, почти.

— Можно нам встретиться с вашим братом? — спросила я у девушки, чувствуя, что упускаю нить событий.

— Конечно, — все еще улыбаясь, она повернулась ко мне. — Но сначала вы должны предстать перед Близнецами, повелителями далриад.

Со стороны процессия, наверное, казалась странной. Двое моряков остались на берегу у шлюпки, чтобы передать новости о встрече на корабль. Все остальные отправились в путь по узкой тропе, петлявшей по зеленым холмам. Далриады смеялись и вопили, один из них усадил маленького Бреннана себе на плечи, изображая лошадку. Ангелийцы шли молча, во все глаза глядя по сторонам. Я по мере возможности постаралась объяснить им происходящее, хотя и сама мало что понимала.

Владыки далриад обитали в чертоге на вершине самого высокого холма. По рассказам, их чертог подобен замку Ти-Муир, где правит Его Величество король Эйре. Каменное здание под соломенной крышей, внутри оштукатуренное и выбеленное. Но такое простецкое описанием не воздает ему должного. Чертог огромен, в него ведут семь дверей, в которые люди заходят согласно своим рангам. У жителей Эйре на этот счет существует свод законов.

Нас пропустили через Солнечную дверь, что было высокой честью, хотя тогда я этого не знала: нам присудили второй ранг. Наивысшему первому соответствовала дверь Белой Кобылы, через которую позволялось входить лишь потомкам Ти-Муир. Нас усадили в приемной; Бреннана отправили с каким-то поручением, а воины-далриады с горящими глазами рассредоточились по комнате. Из соседнего помещения до нас долетели отголоски спора.

— Ты будешь говорить от имени лебедя, — спокойно обратилась ко мне Мойред. — Кто еще с тобой?

— Вот он, — не колеблясь, указала я на Квинтилия Русса, державшего сундучок с подношениями. — И он, и вот он. — Я поочередно кивнула в сторону Жослена и Гиацинта, которые неловко поклонились.

— Хорошо, — сказала она и ушла, а вскоре вернулась и объявила: — Близнецы согласны вас принять.

Я обвела взглядом адмирала, кассилианца и тсыгана, черпая силы из их стойкой уверенности во мне. Глубоко вдохнув, последовала за Мойред в тронный зал владык далриад.

Не знаю, чего я ожидала увидеть, все происходило так быстро, что воображение не успевало разыграться. Но то зрелище застало меня врасплох: брат и сестра почти на одно лицо, застывшие на двойном троне. Имонн и Грайне.

Теперь я уже насмотрелась на Близнецов, а тогда, ошеломленная, сделала то, что умела лучше всего: взяла у Русса сундучок и, встав на колени с потупленными глазами, протянула им. Сквозь ресницы я заметила, что Грайне смотрела на меня с любопытством, беспокойно поглаживая золотую гривну на шее. Имонн был более решительным. Он взял сундучок, отставил в сторону и резко задал какой-то вопрос.

— Они прибыли повидать Друстана, — ответила ему Мойред. Я выхватывала слова на диалекте Эйре из ее мелодичной речи и собирала их воедино. — Они ищут встречи с круархом.

Имонн нахмурился, но Грайне встала, в ее серо-зеленых глазах вспыхнул огонек. Она была высокой и по здешним меркам очень красивой. Черты ее лица были поглубже, чем ценится у нас, но волосы и глаза даже мне внушили восхищение, как и чувственный улыбающийся рот. На поясе она носила меч и, по моей прикидке, была немногим старше Жослена — лет под тридцать, не больше.

— Скажи им: добро пожаловать, — произнесла Грайне. — И приведи брата.

— Миледи, — запинаясь, сказала я, рискнув поднять голову; язык еще не приспособился к непривычной гортанной речи. — Кажется, я вас и так понимаю.

Она внимательно посмотрела на меня и изогнула рыжие брови. Имонн со своего трона что-то проворчал. Я разобрала только одно слово: «беда». Он, как и сестра, был высок, но волосы его имели оттенок посветлее, а глаза отливали болотной зеленью.

«Вот оно как», — подумала я, а вслух обратилась по-ангельски к своим спутникам:

— Уже послали за круархом.

Мы слышали его прежде, чем увидели: среди других шагов его хромающая походка явно выделялась. Я уже о ней и забыла. В памяти тут же ожил смешливый и беззаботный голос Делоне: *«А Исандра де ла Курсель, цветок королевства, будет учить косолапого варвара-принца танцевать гавот».*

В тронный зал вошел Друстан маб Нектхана, принц пиктов, свергнутый круарх Альбы.

С ним явились женщина постарше и две помоложе — наверное, мать и сестры, — а также Мойред. За ними следовали несколько воинов. Пикты были словно сшиты на одну колодку — все как на подбор стройные, смуглокожие и по меньшей мере на ладонь ниже Блинецов. Но Делоне обучил меня подмечать детали, и я отметила, как шустро далриады потеснились, уступая место низкорослым воителям.

Да, Друстан носил отличительный знак воина, синюю татуировку, которая рассекала его лоб и змеилась по щекам. Она выглядела чужестранной и варварской, но не уродливой, а темные глаза Друстана на ее фоне казались печальными и красивыми. Его плечи накрывал плед из рыжей шерсти, сколотый золотой фибулой.

— Ты — голос лебедя, — обратился он ко мне по-круитски, пристально глядя в глаза. — Что она хочет мне сказать?

Если бы он не заговорил первым... Друстан своим диковатым видом внушил мне страх, так что я не могла сходу сообразить, с какими словами к нему обратиться. Но что-то трогательное прозвучало в его голосе: легкие нотки надежды и юношеской неуверенности, которые легко различил мой тренированный слух. Я встала, сняла с шеи цепочку и протянула принцу золотую печатку Роланда. Перстень закачался между нами.

— Милорд круарх, — заговорила я нараспев, — Исандра де ла Курсель, королева Земли Ангелов, во исполнение уговора готова стать вашей женой.

Друстан маб Нектхана взял кольцо и крепко сжал в кулаке. Посмотрел на свою мать и трех сестер, которые одновременно кивнули.

— И какова же цена этого союза? — отрывисто спросил он.

Я посмотрела в его темные глаза, выделяющиеся на синем лице, глаза, видевшие потери и предательство, видевшие убийство отца. На мгновение мы поняли друг друга, принц пиктов и я.

— Земле Ангелов угрожает вражеское вторжение, — тихо начала я. — Если вы вернете себе трон Альбы, Хозяин Проливов пропустит вас на материк. Вот и цена: вы поможете невесте удержать ангельский престол. Такова цена брака с королевой Земли Ангелов, милорд.

Друстан перевел взгляд на Блинецов.

Владыки далриад оживились на своих тронах. Грайне наклонилась вперед, а Имонн, наоборот, вжался в спинку, словно избегая взгляда круарха.

— Что скажете, родные? — спросил Друстан по-круитски, его темные глаза сверкали. — Ты ждал знака, Имонн, так вот же он перед тобой. Давайте возьмемся за

оружие, давайте вернем себе Альбу. Люди Маэлькона разбегутся, а Хозяин Проливов вознаградит нас, сделав море спокойным, как ковер. Что скажете?

— Я скажу... — Грайне набрала в грудь воздуха.

— Нет, — оборвал ее Имонн, схватившись за свою гривну, и медленно продолжил на круитском: — Нет. — Он упрямо покачал головой. — Риск слишком велик, а этот знак ничтожно мало значит. Разве эти вестники нам помощники? Привели ли они нам армию? Привезли ли оружие? — Он открыл сундучок и показал всем его сугубо мирное содержимое, благоухающее специями. Грайне что-то одобрительно пробормотала, вытягивая отрез расшитого золотом зеленого шелка. — Нет! — Имонн захлопнул крышку, едва не прищемив сестре пальцы. — Нам привезли лишь слова да безделушки!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Дагда Мор! — рявкнула на него Грайне. Ее глаза метали молнии. — Ты дурак и трус! Я скажу...

— Говори что хочешь! — напустился на нее брат, вновь переходя на эйрийский диалект. — Далриады и шага не сделают, если мы вместе им не прикажем! Мы и так достаточно пострадались, стараясь удержать эти земли!

Не было надежды, что я неверно расслышала: смысл разговора прочитывался по одним лишь лицам Близнецов. Русс, Жослен и Гиацинт хмуро наблюдали за ссорой.

— Имонн, — повысил голос Друстан, отчего Близнецы разом замолчали. — Ты правишь этой землей только потому, что мой отец в свое время уважил обещание Кинхила Ру, данное далриадам. Кроме того, народ Куллах Горрым ни за что не пойдет против меня, равно как и многие из Тарбх Кро, так что Маэлькон имеет шанс поднять на войну только людей Красного Быка. Но как насчет твоих детей и их детей?

— Который будут рождаться и жить с мыслью, что их отец и дед трус! — выпалила Грайне. — Если мы не...

— Хватит! — выкрикнул Имонн, хватаясь за голову, и обратился к Друстану: — Думаете, народ Альбы согласится служить калеке, милорд?

Среди круитских воинов раздался ропот, а одна из сестер Друстана втянула воздух, приготовившись дать отпор, но мать легким прикосновением заставила ее промолчать. Друстан маб Нектхана рассмеялся, обнажив крепкие белые зубы, и вытянул руки. Рыжий плед соскользнул с обнаженных плеч, украшенных витиеватой синей татуировкой, которая змеилась до самых запястий, где синели так же наколотые на коже браслеты.

— А сам-то ты как думаешь, брат? Они уже служили мне и не раз. Когда я в седле, то у меня аж четыре сильных, здоровых ноги, и этого достаточно.

В тот миг я не удержалась и посмотрела на его увечную ногу, хотя до тех пор воздерживалась. Да, высокие кожаные ботинки не скрывали, что его правая щиколотка искривлена, из-за чего подошва не полностью становится на землю. А в остальном правая нога принца выглядела такой же жилистой и мускулистой, как и левая.

— Готов сразиться со мной на мечах и посмотреть, гожусь ли я для битвы? — тихо спросил Друстан, и Имонн отвел взгляд. — В таком случае ты ответил на свой вопрос, брат.

Воспользовавшись паузой, я быстро перевела этот диалог на ангелийский. Квинтилий Русс помрачнел, а Жослен посмотрел на Имонна и пробурчал с совершенно нехарактерной для кассилианцев яростью:

— Сразился бы я с ним — охота посмотреть, как ему понравятся мои «безделушки».

Между тем в тронном зале разгорелся спор, круиты и далриады принялись

переругиваться и даже толкаться. Грайне вклинилась в свару и стала что-то вдалбливать одному из пиктов, наполовину вытащив меч из ножен. Было удивительно наблюдать вооруженную женщину с мужскими повадками; как я узнала позже, права на оружие достаивались не все, а лишь самые сильные из женщин-далриад. Богатырки почитались и среди пиктов, хотя та же Нектхана и ее дочери не стали ввязываться в стычку. Напротив, они единственные из всех альбанцев сохраняли спокойствие, наблюдая за развертывающейся распрей в восемь одинаковых темных глаз.

Наконец Имонн с криком встал с трона, и шумное скопление спорщиков разошлось по сторонам. Близнецы довольно долго препирались, пока Имонн не вскинул руки, сдаваясь.

— Перед нами слишком важный вопрос, чтобы спешить с решением, — заявил он на круитском, глядя на меня. — Мы с благодарностью принимаем тебя и твои дары, Федра из Земли Ангелов. Сегодня мы устроим пир в честь вашего посольства, а завтра вернемся к этому разговору. Утро вечера мудренее. Вы согласны, мой принц?

Друстан кивнул, но вместо него речь повела Нектхана:

— Разумно говорите, милорд Имонн, — сказала она еще более глубоким и мелодичным голосом, чем ее дочь Мойред.

— Ага, уж что-что, а говорить-то он умеет, — презрительно бросила Грайне, потрянув рыжими волосами. — Говорит и говорит, пока судьи не закрывают ладонями уши, умоляя его заткнуться!

Губы Нектханы дернулись, словно сдерживая невольную улыбку.

— Такое умение — великий дар, это не подлежит сомнению. Но наши дорогие гости, верно, еле на ногах стоят после трудной дороги. Не предложить ли им отдохнуть и освежиться?

— Дагда! — Грайне оценивающе нас оглядела. — Да, конечно. — Хлопнув в ладоши, она призвала слуг. Оставив хозяйственные вопросы на попечение сестры, Имонн завернулся в накидку и с видом оскорбленного достоинства вышел из зала, уводя с собой воинов-далриад. Принц Друстан собрал вокруг себя круитов и что-то тихо им втолковывал. Я успела кое-что услышать: он поручил своим солдатам распространить среди далриад весть, что предстоит славная битва.

— Не бойся, — раздался рядом певучий голос. Я повернулась и увидела, что мне улыбаются Нектхана и ее дочери, младшей из которых оказалась Мойред. — Близнецы как разные лошади в парной упряжке, — продолжила мать круарха, кивая на Грайне. — Она рвется вперед, а он упирается всеми копытами. Но если ты сумеешь найти между ними равновесие, установить между ними согласие, то обгонишь ветер.

— И как же мне это сделать? — взмолилась я.

Но Нектхана лишь коснулась моего лба, с улыбкой глядя мне в глаза.

— Ты обязательно отыщешь способ. Для этого ты избрана.

Женщины развернулись и медленно покинули зал. Я, пожимая плечами, повернулась к своим спутникам.

— Итак, нам нужно каким-то способом привести Близнецов в равновесие, — хмуро пояснила я. — Если имеете идеи, прошу поделиться.

Меня поселили в одной комнате с Брейдаией, старшей из сестер Друстана и по круитским законам будущей матерью престолонаследника. Даже если Друстан женится на Исандре, их дети обычным порядком никогда не займут трон Альбы. Зато они смогут по праву претендовать на ангелийскую корону, эти наполовину пикты и потомки Элуа лишь по материнской линии, птенцы лебедушки из Дома Курселей. Признаться, для чистокровной ангелийки, рожденной и выросшей в Земле Ангелов, мысль отнюдь не из приятных.

— Мы Старшие дети Земли, — заявила Брейдаия, словно прочитав мои мысли. Приказав служанке взбить подушки, она спокойно мне улыбнулась. — За долгие тысячи лет до рождения Иешуа, до того, как он истек кровью на кресте, а Магдалина пролила слезы и на землю явился ваш Элуа, мы уже переплыли море и поселились в Альбе. Мы — народ Куллах Горрым, те, кто последовал за Черным Кабаном на запад еще до того, как ангелийцы научились считать, загибая пальцы, и измерять время. Когда в эту страну пришли другие, высокие и светловолосые Фалер Бан, Белая Лошадь Эйре, Тауру Кро с севера и Эйдлах Ор с юга, мы уже давным-давно здесь жили.

Далриады относились к Белой Лошади, а Маэлькон-Узурпатор — к племени Красного Быка. Об Эйдлах Ор, Золотой Лани, я ничего не знала.

— И они последуют за Друстаном? — спросила я. — Все-все?

— Если так пожелает Куллах Горрым, — просто ответила Брейдаия.

Почему-то ее слова меня не убедили.

Она посмотрела мне в глаза:

— Все будет так, как будет. Не бойся.

Наверное, она хотела меня утешить и успокоить, но после всего, что я повидала в жизни, это было непосильной задачей для девушки немногим старше меня, если не младше. Я видела, как герцог Исидор д'Эгльмор триумфально скачет во главе Союзников Камлаха, и слишком хорошо узнала захватнический, расчетливый ум Вальдемара Селига, чье воинство исчислялось десятками тысяч, а книжный багаж содержал рукописи величайших военных стратегов. На этом же берегу слишком много воды утекло с тех пор, как великий Кинхил Ру объединил круитов в разящий кулак против тиберийской армии, а нынешние вояки — пара вздорных Близнецов, татуированный принц да толпа невышколенных вооруженных задир — не внушали мне ни почтения, ни доверия. Они походили на детей, которые храбрятся в уверенности, будто знают, как встретить опасность, но лишь до тех пор, пока не столкнутся с нею лицом к лицу на деле.

А потом я вспомнила про вещий сон Мойред с белым лебедем, который указал ей, где встретить наше посольство, и засомневалась в своих сомнениях.

— Идем. — Брейдаия склонила голову, прислушиваясь. — Там начинается празднество.

Присоединимся?

И я пошла за ней в чертог владык далриад, настроенная отчаянно и бесшабашно, как Квинтилий Русс, когда он мчал свой флагман сквозь непроглядный туман к невидимым берегам.

Близнецы, не соглашаясь друг с другом по поводу политического курса, дружно проявили отменное гостеприимство. Пока мы отдыхали, на берег сошли матросы, не нужные на корабле, и чертог наводнила толпа гостей — ангелийцев, круитов, далриад, — шумных и веселых. Было странно видеть среди по большей части неприглядных иноплеменников так много ангелийцев, выделявшихся своей красотой, словно переливчатые жемчужины на фоне тусклого перламутра.

Представьте, все они неплохо поладили; моряки вообще словоохотливый народ и к тому же привычны к языковым барьерам. Пир был горой, поскольку альбанская земля плодородна, а далриадам достался обширный и богатый кусок. По ангелийским меркам еда была довольно безыскусной, зато изобильной: оленина и печеная рыба, весенние овощи, на удивление сладкий творог, густая похлебка и вино. Еще подавали хмельной напиток *уискхе*, который на первом глотке обжигал рот, а на втором уже легко лился в горло, оставляя послевкусие торфа и трав.

Вечер длился и длился, *уискхе* тек рекой, а далриадские барды услаждали наш слух длинными, монотонными балладами, которые я переводила для ангелийцев. О да, далриады очень любят поговорить — тот вечер показал, что Грайне совершенно справедливо упрекала брата за многословие. В какой-то момент Квинтилий Русс, уже побагровевший от вина, затянул песню ангелийских моряков, которую я, краснея, переводила для хозяев торжества. При этом я убедилась, что далриады и круиты уж никак не ханжи. Они хлопали в ладоши и поддерживали певца одобрительными криками, а под конец даже подхватили непристойный припев.

Пир отчасти напомнил мне Скальдию, но здесь все было иначе. Например, здешние женщины не уступали мужчинам в дерзости и с неприкрытым интересом разглядывали ангелийских моряков. Многие покидали пиршество задолго до окончания, и люди Русса уходили вслед за ними с довольными ухмылками — по крайней мере те, кого женщины манили за собой. Далриадки, на мой взгляд, не шли в сравнение с ангелийками, но матросы не проявляли разборчивости после долгого томительного воздержания в Кушете, где были напрочь лишены женского общества.

Когда Русс закончил выступление, поединщик Имонна, Кэрейг, высокий и крепкий воин, забавляясь, попытался вызвать Жослена на единоборство, указывая на его наручи и бурно жестикулируя. Жослен рукомашества не понял, и тогда Кэрейг разогнал толпу, очистив маленькую площадку в центре зала, и красноречиво обнажил меч.

Близнецы разразились одобрительными возгласами и осушили еще по кубку *уискхе*; далриады и ангелийцы принялись подзуживать воинов на сражение. Круиты во все глаза следили за происходящим. Жослен с обычной кассилианской сдержанностью посмотрел на меня, приподняв брови.

А я ни с того ни с сего оглянулась на Друстана маб Нектхану.

Как и прежде, между нами промелькнула искорка понимания. В его темных глазах, странно серьезных на изрисованном синими узорами лице, читался немой вопрос: «Может ли твой воин победить?» Я легонько кивнула. Он столь же малозаметно пожал плечами и сделал знак рукой, призывая толпу угомониться.

Я встала и обратилась к Близнецам:

— Давайте же посмотрим, каковы на деле ангелийские клинки, о владыки, — произнесла я, с удивлением отметив, что *уискхе* развязало мне язык. — Но условимся, что в этой схватке не должно пролиться крови! Пусть тот, кто будет обезоружен, честно признает свое поражение!

Близнецы приняли мои условия согласными аплодисментами. Жослен торжественно встал перед ними и поклонился со скрещенными руками. Квинтилий Русс, шатаясь, подошел ко мне.

— Я думал, кассилианцы сражаются только для защиты, — немного заплетающимся языком пробормотал он.

Я пожалала плечами.

— Этого кассилианца префект изгнал из их Братства. Теперь меч Жослена верой и правдой служит Исандре и для защиты и для нападения.

— А-а. — Глаза адмирала блестели, пока мы наблюдали за схваткой.

Кэрейг, взревев, занес меч и, опуская его, бросился вперед, здоровенный как гора. Кинжалы Жослена высверкнули из ножен и, скрестившись, отразили удар. Зрители рассмеялись, когда кассилианец ловко отскочил в сторону. Кэрейг, пошатнувшись, изготовился к следующей атаке. Снова зазвенела сталь — меч, не причинив вреда, скользнул по наручу. Жослен, текучий как вода, отпрыгнул и, перевернув кинжал острием вверх, ударил рукоятью по сжимавшему меч кулаку Кэрейга, который тут же разжался. Одновременно Жослен ногой подсек противника под коленки.

Тот с шумом рухнул на пол, выронив меч. Пока до Кэрейга дошло, что он обезоружен и повержен, скрещенные кинжалы Жослена уже уперлись ему в горло. Поединщик Имонна принял поражение благороднее, чем я от него ожидала. Когда Жослен поклонился и убрал свои клинки в ножны, Кэрейг встал и заключил его в медвежьи объятия, одобрительно хлопая по спине.

— По меньшей мере этим мы их здорово впечатлили, — заметил выросший рядом со мной Гиацинт. На его лице играла кривоватая хмельная улыбка, черные глаза блестели от *уискхе*. В его голосе я не уловила ни единой ревнивой нотки и сразу же поняла почему: рядом с тсыганом стояла улыбающаяся Мойред. Ну еще бы, он же видел сны наяву, чем определенно заинтересовал дочерей Нектханы. Гиацинт, пошатываясь, смотрел на меня, словно гадая, попрошу ли я его остаться или отпущу восвояси, а я терялась в сомнениях, что же он надеялся услышать.

— Да, хотя бы этим, но мы их впечатлили. — Рука сама потянулась пригласить его вихры. Я выпила слишком много или, наоборот, слишком мало, чтобы пойти сейчас с ним. — Ступай, куда пожелаешь, и лови развлечения, какие подвернутся, любезный Принц Странников, — мое напутствие прозвучало слегка обиженно. — А я тут, знаешь ли, по делам королевы.

В глазах Гиацинта загорелся огонек, и он, поклонившись, ускользнул на пару с Мойред.

Я оглянулась: Жослен стоял в кругу воинов-далриад и явно наслаждался их вниманием. Он смеялся и, с трудом подбирая слова, пытался объяснить островитянам, что такое Кассилианское Братство. Квинтилий Русс куда-то пропал, а его место подле меня заняли три молодых человека, которые, толкаясь, протягивали мне кубки с *уискхе*.

Советую всем, кому приходится выступать королевским посланцем без надлежащей подготовки, не постигнув предварительного этого искусства: будьте осторожны с

незнакомыми напитками.

К несчастью, мне такого совета никто в свое время не дал.

Отчасти я до сих пор помню события того вечера, но от большинства из них наутро остались лишь бессвязные обрывки. Помню, как Имонн пробился сквозь толпу и разогнал своих людей, осаждавших меня, чтобы предложить мне свою компанию. Помню, как Грайне спорила с ним, рыжие волосы раскинулись по ее плечам, словно мантия, а глаза горели от возбуждения. Точно помню, что Близнецы ссорились как дети.

Ссорились из-за меня.

Должно быть, в какой-то момент я что-то такое сказала; не помню, что именно, но, наверно, я уступила кому-то из них, а может, сразу обоим. Это, по-видимому, и послужило предметом их раздора, чтобы их распалить, многого не требовалось.

— Да любой здесь гораздо красивее тебя, Имонн, — насмехалась над братом Грайне. — Ради разнообразия я должна попробовать, каково это. Разве не так поступают те же ангелийцы? — Она посмотрела на меня в поисках подтверждения и, должно быть, я с ней согласилась. Ведь, в конце концов, ангелийцы и вправду стремятся к новым ощущениям. Последовавший ответ Имонна совершенно выпал у меня из памяти, в отличие от насмешливого взгляда Грайне и ее слов: — В любом случае выбирать нашей гостье.

И я выбрала.

Утром я проснулась с больной головой.

— Вы все такие, ангелийцы? Все обучены такому мастерству?

Это было сказано на языке жителей Эйре, который накануне я без труда понимала. Теперь же мне приходилось раздумывать чуть не над каждым словом незнакомо звучащего диалекта, одновременно стараясь выпутаться из скомканных простыней и поддержать разговор с одной из двух владык далриад, уже бодрой и почти полностью одетой.

— Нет, миледи, — ответила я на круитском, убирая волосы с лица, чтобы взглядеться в ее любознательные глаза. — Не все.

— Жаль, — с грустью вздохнула она, завязывая кушак.

В комнату влетела маленькая фигурка и запрыгнула на кровать, тут же зарывшись в покрывала, — малыш Бреннан, который, как я поняла, приходился Грайне сыном. Я скривилась от подкатившей тошноты.

— Тише, тише, — велела непоседе Грайне. Присев на край кровати, взъерошила волосы Бреннана и с любопытством посмотрела на меня. — Мне не слишком приятно знать, что в постельных делах кто-то меня превосходит. Но ты мне напомнила, что в ряде случаев кропотливость приносит лучшие плоды, чем поспешность. Именно таким образом ваших переговорщиков учат выражать почтение королям?

Если бы голова так не болела, я бы рассмеялась. Бреннан выскользнул из-под руки матери, со спины подполз ко мне и принялся с детским любопытством водить пальчиком по линиям *туара*.

— Нет, миледи, — повторила я, стискивая виски. — Просто постельные дела и составляют мое настоящее ремесло. — Я с грустью вспомнила о прошедшей ночи, об еще одном клине, который сама же вбила между вечно спорящими Близнецами. — Посланец из меня никакой, я так королеве и говорила.

— Ну, ты же владеешь разными языками, — заметила Грайне, один уголок ее рта приподнялся в полуулыбке. Она встала, чтобы полюбоваться своим отражением в небольшом зеркале, и воткнула в густые волосы украшенную самоцветом заколку. — К тому

же ты сумела получить от меня ключ к Имонну.

— Миледи? — Прикосновения ребенка отвлекали меня от нездоровья, но я все равно не могла взять в толк ее слов.

— Братишке всегда было невыносимо, когда я чем-то обладала, а он — нет, — сочувственно пояснила Грайне. — Конь, меч, брошь... что бы то ни было, Имонн с ума сходил, пока не получал равноценное или лучшее.

— То есть ради меня он отправится на войну?

Ее взгляд был по-доброму снисходительным:

— Если оставить его в покое и позволить выбирать рассудком, Имонн не скажет ни да, ни нет, пока бык не отелится. Просто ради тебя... нет, конечно. Но он сильно разозлится, если не овладеет тем, что досталось мне. Вот тогда он выйдет из себя. Это ключ, Федра но Делоне. — Мое имя она произнесла, словно пробуя на вкус, затем широко улыбнулась. — Хотя ты почти, *почти* достойна того, чтобы ради тебя развязать войну.

Выпроставшись из простыней, я с трудом села, скрестив ноги, и запустила пальцы в спутанные волосы. Без ничего на теле, за исключением бриллианта Мелисанды.

— Вы из этих соображений меня взяли?

— Нет. — Грайне хлопком в ладоши подозвала Бреннана. Он радостно обнял мать за талию. — В основном я имела в виду свое удовольствие. — Взъерошив мальчишке волосы, она серьезно на меня посмотрела. — Думаешь, от капитана твоего корабля родятся сильные сыновья и дочери?

— От Квинтилия Русса? — я усмехнулась, но тут же взяла себя в руки. — Да, миледи. В этом я уверена.

— Хорошо. — В ее серо-зеленых глазах на солнце сверкали искорки. — Завтра мы можем умереть, поэтому следует жить сегодняшним днем. А некоторые решения все же лучше принимать без промедления. Может, ты сумеешь втолковать это моему копуше-брату.

«Если ты сумеешь найти между ними равновесие...»

— Видимо, — улыбнулась я, — придется немедля этим заняться.

Меня немного подбодрило, что похмельем после *уискхе* в то утро мучилась не только я одна; глаза большинства ангелийцев превратились в щелочки, да и среди далриад хватало страдальцев. Видимо, не все островитяне отличались той же крепостью, что и Грайне. Некоторые круиты тоже морщились от головной боли, а вот Друстан к их числу не относился.

Тем не менее никому из моих товарищей по несчастью не пришлось, как мне, сносить неодобрение Жослена Веррëя.

— Позор! — прошипел он, едва уселся рядом со мной за стол, чтобы позавтракать. — Думаешь, любой вопрос нужно решать через чью-то постель? Думаешь, Исандра де ла Курсель на такое рассчитывала, когда выбрала тебя своим посланцем?

— Прости, — кисло проворчала я, пряча лицо в ладони. — Мне недостает твоей воинской выучки, чтобы решать вопросы мечом и кинжалами. Делаю, что умею. Впрочем, в этот раз я до чужой постели не дошла бы, если бы вы все меня не бросили. Может, тебе стоит попробовать включить и постель в свой арсенал приемчиков. Не получится, так хотя бы перестанешь всякий раз на меня злиться.

— Я никогда... — мрачно начал он.

Я кольнула его взглядом.

— Это было другое, — пробормотал он.

— Да. — Я потеряла раскальвающиеся виски. — Там и тогда было другое. А вот такое, как сейчас, случается, если отправить служительницу Наамах с дипломатической миссией в страну, где в почете крепкие напитки.

Жослен начал было набирать в грудь воздуха, наверное, чтобы дать мне отповедь, но передумал, глядя на мое измученное лицо. На его щеке дрогнул мускул — знак подавленной улыбки.

— По крайней мере, в этот раз тебе дали самой выбрать. Во всяком случае, так я слышал.

— О да, в этот раз я выбрала сама.

Он бросил взгляд на Грайне, которая хохотала во главе стола, с аппетитом поедая лепешку.

— А она довольно привлекательная. Для варварки.

Я засмеялась и тут же осеклась, потому что голова чуть не раскололась.

К полудню я достаточно оправилась, чтобы принять приглашение Друстана посмотреть столицу далриад — Иннисклан. Мы выехали верхами: Друстан, еще четверо круитов, Жослен и я. Во время прогулки увидели фермы, кузницу, мельницу и огромные стада, пасущиеся на зеленых весенних холмах.

Пейзаж был мирным, воздух — теплым и влажным, но моя кровь холодела. Весна разгоралась, и каждый день приближал лето и войну.

— В какой стороне ваш дом, милорд? — спросила я Друстана.

— Вон там, — развернув коня, он безошибочно махнул рукой на юго-восток. Как почти у каждого изгнанника, у него в голове был компас, всегда указывающий в сторону родины. — Там Брин Горридам, где на моем троне восседает Маэлькон. — Он оскалил белоснежные зубы, на разрисованном синими узорами лице образовалась пугающая

гримаса. — Я прибью его голову на городские ворота!

Помоги мне Элуа, оставалось только молиться, чтобы у него получилось.

— Как думаете, Имонн поддастся нашим призывам? — спросила я.

Друстан покачал головой; лицо принца больше не внушало мне страха.

— Если его загнать в угол, Имонн будет сражаться как лев, но сам по себе никогда не двинется навстречу опасности. Если Маэлькон надумает напасть на меня на этих землях, Имонн возьмется за оружие и не опустит меча до победы или до последнего вздоха. Но по своей природе он готов скорее защищаться, чем наступать.

— А если Грайне попробует двинуть войска против его воли, далриады ее поддержат?

Друстан задумчиво посмотрел на меня.

— Некоторые поддержат, да. Умения твоего воина зажгли их сердца. — Он кивнул Жослену, который в ответ вежливо улыбнулся, не понимая ни слова. — Но Грайне на такое не пойдет. Пусть она и бесстрашна, как орел, даже ей не под силу разорвать связь между Близнецами. — Зацепив повод за луку седла, принц вновь устремил взгляд на восток, где находился его родной дом, и дальше, к далеким берегам Земли Ангелов. Его голос переменялся: — Когда-то я мечтал о брачном союзе. Свободном и равноправном союзе двух соседних королевств. Воображал себе два трона, связанные шелковой нитью любви, а не железными оковами необходимости. — Он слабо улыбнулся. — Вот о чем мы с ней говорили и не могли наговориться: я на своем ужасном каэрданском, которого стесняюсь даже перед тобой, а она на круитском, которым владела немногим лучше. Но мы понимали друг друга с полуслова, даже не имея общего языка, потому что у нас была одна мечта на двоих. У Исандры де ла Курсель и у меня. Мечтает ли она до сих пор о том же?

Вдруг стало ясным то, что раньше я не вполне понимала: почему Исандра так настаивала на этом браке. Держа речь перед вельможами, она изъяснялась затертыми фразами, скрывая истинный смысл под обтекаемыми дипломатическими словесами. Но слушая Друстана, глядя на него, я угадала главное: моя королева любила этого мужчину со всей отчаянной страстью, всплывшей в шестнадцатилетней девочке при первой же их встрече.

И он горел таким же огнем.

— Да, милорд, — прошептала я. — Моя госпожа по-прежнему мечтает о том же.

Темные глаза принца остановились на моем лице. «Старшие дети Земли», — так сказала о своем племени его сестра Брейдайя. Возможно, он и не плохая партия для королевы Земли Ангелов.

— Я подожду решения Имонна неделю, — спокойно произнес Друстан. — Если он не передумает, подниму знамя Куллах Горрым и выступлю на Брин Горридам с теми силами, которыми располагаю. Думаю, сколько-то бойцов из других племен последуют за мной, хотя без далриад вряд ли их много наберется. Вы же на своем корабле вернетесь в Землю Ангелов. Скажи там Исандре, что я приду к ней, если выживу.

Ответить на это было нечего, поэтому я просто кивнула. Друстан развернул коня, подозвал своих людей, и мы поехали обратно в чертог Близнецов. По дороге я передала Жослену наш разговор.

— Я собираюсь кое-что предпринять, — помолчав, добавила я, — и тебе это не понравится. Просто... смирись и придержи язык. Прошу тебя. Клянусь именем Делоне, без этого не обойтись, другого выхода я не вижу.

Три дня прошло за встречами и переговорами. Весть о нашем посольстве

распространялась быстро, и каждый день в Иннисклан прибывали лорды далриад; все покои в чертоге Близнецов оказались заняты. Далриады были как на подбор высокими и воинственными и радовали глаз разноцветными пледями и изысканными золотыми украшениями, которыми повсеместно славятся. Некоторые уже собрались на войну, их волосы были слеплены известью в высокие белые гребни. Хотя Русс рассказывал о таких прическах, воочию они меня все равно поразили.

Но Близнецы правили далриадами совместно, и, пока Имонн предпочитал воздерживаться от активных действий, о войне не стоило и заикаться. В своем решении он имел немалую поддержку — среди далриад хватало таких, кто не желал ввязываться в войну ради круитов.

— Безнадежное наше дело, по-любому вернемся с пустыми руками, — мрачно пророчествовал Квинтилий Русс, наблюдая за происходящим. — Может, прямо сейчас и отчалим?

В тот день я говорила и говорила, пока во рту не пересохло, а в голове не образовался тугой клубок из фраз, ангелийских и круитских вперемиш, словно змеиное гнездо. Имонн со своего трона постоянно следил за мной горящими глазами, похоже, не вникая в суть моих умных речей. Но я же не оратор, чтобы очаровывать сердца словами. Я беру другим.

— У нас, милорд адмирал, по плану осталось четыре дня. — Я прижала ладони к глазам, борясь с усталостью. Вот уже три дня я вежливо отвергала явный интерес Имонна, притворяясь, будто не замечаю его настойчивых ухаживаний. Предложениям других соискателей и вовсе был потерян счет. Опустив руки, я улыбнулась Руссу: — Вы так торопитесь покинуть леди Грайне? На то есть особая причина?

Лицо со шрамом залилось краской, и адмирал пробормотал:

— Она хочет ребенка.

— Знаю. Считает вас хорошим производителем. Эта леди весьма прямолинейна в своих желаниях. — Честно говоря, Русс и Грайне отлично подходили друг другу, но об этом я предпочла умолчать.

— Сибеал было видение во сне, — объявил Гиацинт, говоря о средней дочери Нектханы. — Она видела тебя, Федра. Ты держала весы, и одна чаша сильно перевешивала.

— Ты так хорошо понял ее слова? — приподняла я брови.

Он сконфуженно посмотрел на меня.

— Сестры Друстана учат меня круитскому, а я рассказываю им про свой *дромонд*. Я-то всегда при них. Это *ты* постоянно где-то занята. Надо полагать, делами королевы.

— Что ж, хорошо, можешь передать своим ясновидящим, что весы еще не готовы уравниваться, — лукаво сказала я. — Кстати, а не видели ли они в своих снах тебя, о Принц Странников?

Гиацинт покачал головой, слегка хмурясь:

— Только один раз. Брейдайе приснился я на острове, и она спросила, не там ли я родился. Больше ничего.

— Странно, — протянула я и спустя секунду об этом забыла, потому что Друстан позвал меня разъяснить пользу альянса с Землей Ангелов очередному готовому слушать лорду из далриад. По крайней мере это мне удавалось. Я шла через чертог, чувствуя спиной взгляд Имонна. Он ловил меня глазами с того самого дня, когда я легла в постель с его сестрой.

Но Гиацинту я сказала правду. Пусть я и не умела вести дипломатических интриг, зато отлично знала, как распалить желание. Имонн поддавался медленно, в отличие от

порывистой сестры будучи по натуре осторожным и неторопливым. В первую ночь он попытал удачи и проиграл и теперь остерегался приближаться к обрыву. А мне требовалась его безрассудность.

Прошел четвертый день, затем пятый. Грайне и Имонн то и дело кричали друг на друга, поддерживаемые своими сторонниками. На моих глазах завязалась драка между далриадами и круитами, когда на одного из людей Друстана напали трое новоприбывших в чертог гостей. Тогда-то я и увидела, почему Имонн отказался сразиться с Друстаном. Проигрывая в крепости телосложения, круитский воин дрался с невероятной ловкостью и проворством, успешно тесня нескольких кряжистых противников, пока не прибежал, прихрамывая, разъяренный Друстан, мгновенно разоруживший далриад голыми руками.

Пожалуй, дружно навалившись и пустив в ход клинки, они могли бы убить его, но не стали и пытаться, со страхом и уважением разглядывая синие воинские татуировки принца, рыжий плед и принадлежащую ему по праву золотую гривну круарха Альбы.

— Скажите им завтра, милорд, — обратилась я к Друстану, когда далриады с извинениями ретировались. — Не на совете, а после, когда в зале начнется общий пир. Скажите им о своем решении.

Взглянув на меня, он кивнул.

— Хорошо, я сделаю, как ты желаешь.

Итак, это случилось на шестой день.

Как и в предыдущие дни, окончательного решения принято не было, Близнецы по-прежнему громко спорили. Но они свято чтит законы гостеприимства и ничем не обделяли своих гостей. На пиру Друстан встал перед пылающим очагом и обратился к Грайне и Имонну.

— Владыки далриад, — с поклоном начал он, — вы милостиво предоставили кров и пищу мне и моим людям, за что я вам бесконечно благодарен. Но я дал клятву. — Он поднял правую руку, и в свете огня заблестел перстень Роланда де ла Курселя. — И должен ее исполнить или умереть, пытаюсь. На принадлежащем мне по праву троне моего дяди сидит узурпатор, мой кузен-отцеубийца Маэлькон. Наверняка он старается укрепить свое положение. Так хватит терять время! Завтра я отправляюсь на восток, чтобы вернуть себе свое законное наследие. И если останусь в живых, дальше попробую пересечь Проливы.

В зале тут же воцарился знакомый бестолковый гомон. Я подождала, а затем пробралась к тронам Близнецов.

— О, владыки далриад, — почти пропела я с колен, — мы, ангелийцы, благодарим вас за отменное гостеприимство. Принц Друстан принял решение. Мы отчаливаем завтра, чтобы передать его слова нашей королеве.

Грайне царственно кивнула и отвела взгляд, скрывая веселые искорки в серо-зеленых глазах. Она наверняка догадывалась о моем плане — сама же дала мне ключ. Я поднялась с колен, присела в прощальном реверансе, сделавшем бы честь Дому Кактуса, распрямилась и начала отворачиваться от тронов.

— Подождите-ка! — запротестовал Имонн, хватая меня за плечо. — Миледи, вам необязательно так торопиться! Хотя бы... хотя бы выпейте со мной, хорошо? Вы не можете... — Он злобно покосился на сестру. — Мы же одинаковые, она и я, рождены из одной утробы! Вы не можете предпочесть кого-то одного!

— Милорд! — я возмущенно стряхнула его руку. — К чему вы меня принуждаете?! Я здесь королевский посол! Соболаговолите относиться ко мне соответственно моему рангу.

— Я никогда не принуждал женщину! — рявкнул он, отдергивая руку. — Но почему вы делаете такой однобокий выбор? Это же неправильно!

Я пожала плечами и спокойно объяснила:

— Милорд, как вы желаете ангелиек за их красоту, так мы ценим в иноземцах мужество и смелость, коих у вашей сестры в избытке.

— Думаешь, я не таков? — с каждым словом Имонн все больше свирепел. — Думаешь, мне не хватает смелости? Думаешь, моя сестра больше мужчина, чем я?!

Вокруг нас начала собираться толпа. Жослен ловко протиснулся ко мне. Почувствовав за спиной его ободряющее присутствие, я воззрилась на Имонна и с бесстрастным лицом снова пожала плечами:

— Зачем мне что-то выдумывать, милорд? Ваши действия говорят сами за себя.

— Причем громче, чем тебе кажется, Имонн, — насмешливо вмешалась Грайне; в толпе раздались смешки. С побагровевшим от гнева лицом он развернулся к сестре, сжав кулаки. Грайне ответила ему спокойным взглядом и изогнула брови: — Ты, братишка, сам постелил себе постель, где никому другому нет места, неужели вдруг разонравилось лежать в ней одному?

— Если тебе нужна смелость, — прорычал он сквозь стиснутые зубы, — смотри сюда! — Вскинув в воздух кулак, он выкрикнул: — Далриады идут воевать на стороне Друстана маб Нектханы!

Раздались одобрительные возгласы, недовольные стоны, если и прозвучали, были заглушены общим радостным хором. Имонн с воинственными возгласами то и дело скидывал кулак, похоже, полностью поглощенный грядущим сражением. Я даже подумала, что он обо мне позабыл — я ведь была не более чем очередным поленцем в неугасимом костре соперничества между Близнецами. Но Имонн быстро опамятовался и с горящими глазами и дерзкой улыбкой повернулся ко мне.

— Что скажешь на это, ангелийка? — схватил он меня за руки. — Достаточно смело для тебя?

Конь, меч, брошь... радость мальчишки, очередная победа. Я невольно улыбнулась и кивнула с зазывным блеском в глазах:

— Да, милорд. Достаточно.

Стоящий рядом Жослен испустил тяжелый вздох.

Вот так и случилось, что я поделила постель с обоими владыками далриад. Имонн несколько дней ходил с блаженной улыбкой, расчетливо готовясь к войне. Пожалуй, ему я услужила лучше, чем его сестре, поскольку действовала на трезвую голову.

Хотя Грайне тоже не жаловалась; в один из дней она перехватила меня в чертоге и надела мне на предплечье золотой браслет с замысловатым узором.

— На удачу, — улыбнулась она. — Богиня, который ты служишь, явно весьма могущественна.

Я очень сильно на это надеялась. На могущество и милость моих богов.

Впереди была война.

Конечно же, ангелийцам не вменялось в обязанность идти в наступление с войсками Друстана маб Нектханы — на первый взгляд эта битва была не нашей. Мы могли бы поднять паруса и долгим кружным путем попытаться обогнуть Проливы, держа курс на нижний Сьоваль. Но за такое решение островитяне, скорее всего, ославили бы нас трусами; к тому же мы лишились бы возможности сообщить важные новости королеве. Пока мы добрались бы по морю до родных берегов и дальше по суше до Исандры, круиты бы уже пересекли Проливы или полегли в битве с войсками узурпатора.

Друстан изъявил готовность, вернув себе престол, помочь Земле Ангелов, а потому мы, ангелийцы, выступая на его стороне, сражались бы, по сути, за себя. Квинтилий Русс оставил на корабле половину команды, распорядившись, что передать королеве в случае поражения.

Остальные принялись собираться в ратный поход.

Далриады едут на войну, словно на праздник: со смехом, кличами и шутками-прибаутками, пышно и блестяще разодетые. Их лорды сражаются на боевых колесницах, как в старые времена, — прекрасное зрелище, ожившая эллинская легенда. Круиты же ведут себя гораздо тише, но выглядят смертельно опасными — видели бы вы их безжалостные глаза и жестокие улыбки на разрисованных синим лицах.

Двадцать воинов, десять пар далриад и круитов, заблаговременно ускакали на самых быстрых лошадях в разные стороны, чтобы известить всю Альбу о начале войны. Они везли знамена, под которыми отряды пойдут в сражение, где изображались Фалар Бан, Белая Лошадь Эйре, на зеленом поле и Куллах Горрьим, Черный Кабан, на красном. Провожаемые напутственными возгласами, всадники вертелись в седлах, махая нам на прощание. Все понимали, что, скорее всего, вестники спешат навстречу своей смерти. Чем дальше они ускачут по вражеской территории, тем шире распространится молва о грядущей битве с узурпатором и тем больше союзников примкнет к армии Друстана по мере нашего продвижения на восток.

Кто-то добьется успеха, благодаря выучке. Кому-то просто повезет. А иные погибнут. Многие погибнут.

Принц молча смотрел вслед своему авангарду. В Иннисклан он привел всего пятьдесят бойцов, прорвавшихся сквозь войско Маэлькона, чтобы спасти наследника круарха с матерью и сестрами. А начинали тот прорыв две сотни храбрецов, среди которых был и родной отец Друстана, погибший от рук солдат под флагом Тауру Кро. Мать Маэлькона, Фоклайдха, происходила из бругантийцев, следовавших за Красным Быком, как раз ее родичи и захватили Брин Горридам, учинив кровавую баню, и в итоге усадили Маэлькона на трон.

«Неудивительно, — думала я, — что Львица Аззали сговаривалась с Фоклайдхой и Маэльконом. Вынашивая сходные замыслы, они друг друга отлично понимали». Тут же на память пришел Марк де Тревальон. Оставалось только гадать, вернулся ли он из изгнания, согласилась ли его дочь Бернадетта стать женой Гислена де Сомервилля и благословил ли этот союз сам бывший герцог. Вопросы без ответов множились и множились: объявлена ли уже война, на свободе ли д'Эгльмор, что там поделявают ядовитые змеи из Дома Шахризаев и на троне ли еще Исандра. Кто знает? И любопытно, послал ли королевский дом Арагонии войска и сколько, а еще, что уже стало известно Вальдемару Селигу.

Было ужасно досадно находиться столь далеко от гущи событий и от свежих новостей. Бесчисленные вопросы, как стая чаек, металась в голове. Мне пришлось ехать в войсковом арьергарде с Гиацинтом, Жосленом, Нектханой, ее дочерьми и домочадцами Близнецов. Летом в Земле Ангелов мы глотали бы пыль после армейской конницы, но весной на Альбе почти каждый день шли дожди, и влажная земля густо порастала свежей зеленью. Передняя шеренга нашего войска беспорядочно растянулась на целую милю, двигаясь с черепашьей скоростью пехотинцев.

На марше есть приходилось что ни попадя: армейские фуражиры обирали крестьян, ругавшихся сквозь зубы, круиты Друстана много охотились, метко разя стрелами разнообразную дичь. Ни один из солдат в походе не голодал.

Всю дорогу к нам присоединялись новые и новые союзники, становясь под знамена Куллах Горрьим.

В наши нестройные ряды вливались горстки декантийцев и корваникийцев, ордовалей и дюмнойцев, ведущих происхождение от рода Черного Кабана. С севера прибыл разношерстный отряд сигоев и вотадаев под знаменем Красного Быка — рослые и светловолосые, как далриады, с воинственными белыми гребнями из слепленных известью волос и синими круитскими тагуировками на лицах. Пришли известия, что племена Тауру Кро остались верны Маэлькону и убили шестерых гонцов Друстана.

Маэлькон уже знал о нашем походе и собирал армию.

Почему-то с военными действиями он пока выжидал.

Потом разнесся слух, будто после небольшой стычки юг принял сторону узурпатора и там собираются сжечь дома тех, кто отправился воевать за Куллах Горрьим. В наших рядах едва не начался мятеж, поскольку многие из примкнувших вознамерились вернуться домой, чтобы защитить свои семьи и имущество, но тут на горизонте показалось огромное войско.

Близнецы предложили немедленно идти в наступление, но Друстан заставил их выждать, всеми силами сдерживая боевой задор далриад, пока не стало ясно, кто именно движется нам навстречу: триновантийцы, атрибатийцы, кантики — народ Эйдлах Ор. На их флаге красовалась Золотая Лань на зеленом поле, а рядом несли знамя Черного Кабана, показывавшее лояльность новоприбывших Куллах Горрьим. Слух оказался ложным. Да, на юге состоялся бой, в котором народ Золотой Лани потерял сотни воинов, но сторонники Маэлькона потерпели сокрушительное поражение от тех, кто помнил свой кровный долг перед потомками Кинхила Ру.

Так, обрастая союзными войсками, мы постепенно подступали к Брин Горридам.

— Этот парень — прямо что-то невероятное, — сказал Квинтилий Русс, с кряхтением устраиваясь у костра. В сырую погоду у адмирала разыгрывалась болезнь суставов. — Никогда не спит. Армия Маэлькона непонятно где, а он знай себе скачет вдоль шеренг и чуть не для каждого находит доброе слово. Что за дурни на этом острове, раз позволяют своим женщинам воевать!

— А вы попробуйте остановить местных женщин, — усмехнулась я, думая о Грайне.

Русс ответил мне кислым взглядом.

— Женись я на одной из них, уж попробовал бы. Я тут вот что подумал: может, будет лучше, если я прикажу своим парням охранять тебя, а, миледи? Когда начнется битва, не годится тебе оставаться без защиты.

Внезапно заговорила средняя дочь Нектханы, Сибил. Адмирал непонимающе посмотрел на меня.

— Если сами вы не согласны отдать жизнь ради нашего блага, — медленно перевела я, — не просите нас умирать ради вашего.

— Я никому не желаю смерти, — нахмурился Квинтилий Русс и подождал, пока я переведу его слова, хотя Сибил, похоже, и так все поняла. — А меньше всего миледи послу нашей королевы.

Я обхватила руками колени и подняла глаза к небу, затянутому серыми облаками.

— Милорд адмирал, если вы желаете отрядить ваших людей на мою охрану ради их спасения, я поддержу ваше намерение, поскольку не хочу, чтобы ангелийская кровь проливалась на чужой земле, равно как и не хочу сообщать Исандре де ла Курсель скорбную весть о вашей гибели. Но если весь сыр-бор действительно из-за меня одной, тогда я говорю «нет». — Я перевела взгляд на Русса. — Это решение представляется мне глубоко ошибочным. Не при той цене, что мы просим островитян уплатить в ближайшее время за союз с нами.

Адмирал по-моряцки цветисто выругался в мой адрес; имя Делоне не раз просклонялось вкупе с честью и идиотизмом. Я подождала, пока он выговорится.

— Во время битвы я и так буду в тылу, милорд адмирал, — наконец продолжила я свою мысль. — Там я рискую не больше, чем родная мать принца. Вдобавок за мной присмотрит Жослен.

Русс снова выругался, встал и зашагал туда-сюда, время от времени тыча толстым пальцем в Жослена.

— Останешься с ней, да? — вопрошал он, сердито хмуря густые брови. — Клянешься, кассилианец? Не отойдешь от нее ни на шаг?

Жослен кивнул, его наручи кроваво блеснули в свете костра.

— Я уже дал такую клятву, милорд, — тихо отозвался он. — И буду вовеки проклят, если не сдержу ее.

— Я такое предложил только ради тебя, Федра. — Квинтилий Русс вытянулся передо мной и прерывисто вдохнул. — У моих парней руки чешутся как следует наподдать этим альбанцам. Пора размяться, а то ни одной драчки не случилось аж со времен заварушки в Хеббель-им-Аккаде. Но заковыка в том, Федра но Делоне, что если в этой битве тебя прихлопнут, то тень твоего наставника наверняка будет преследовать меня до самой смерти! Чего мне совсем не хочется.

— Она не умрет, — раздался глухой голос Гиацинта, голос его *дромонда*. Тсыган повернул голову и посмотрел на Русса отрешенными глазами, затуманенными видением. — Ее Длинный путь еще не подошел к концу, как и ваш, милорд адмирал.

— Говоришь, мы победим? — встрепенулся Русс: дар Гиацинта смущал его, тем паче что оказался истинным. — Так что ли, тсыган?

Гиацинт покачал головой, отчего черные кудри заплясали в воздухе.

— Я видел только, что вы и Федра вернетесь в море, не более того.

Адмирал снова пространно выругался.

— Пусть будет, как будет! Давайте сразимся за синего парня Исандры! Пусть альбанская кровь отведаст ангелийской стали. — Он поклонился мне и ухмыльнулся, отчего изуродованное шрамом лицо перекосилось. — Да благословит тебя Элуа, Федра, и твоего тсыганского колдуна, и кассилианского не пойми кого, что тебя защищает. Встретимся снова в море или в подлинной Земле Ангелов за Медными вратами.

— Да пребудет с вами благословенный Элуа, — пробормотала я, опускаясь на колени и

тут же вставая. Затем обняла его и поцеловала в обезображенную шрамом щеку. — Ни у одного короля или королевы никогда не было столь верного слуги, как вы, милорд Русс.

Адмирал покраснел: я почувствовала жар его щеки под губами.

— Как и столь необычного посла, — усмехнулся он, обнимая меня. — Необычного и успешного. Ведь это ты привела их всех сюда, девочка. Да пребудет с тобой Элуа.

Той ночью мы спали под затянутыми тучами небом, пока караульные пилились в темноту, дергаясь при малейшем шуме, а круитские разведчики патрулировали периметр лагеря, выискивая лазутчиков Маэлькона. До Брин Горридам оставалось меньше дневного перехода.

Когда над Альбой забрезжил рассвет, противник по-прежнему себя никак не проявлял, но Друстан все равно выстроил в боевом порядке свое войско: шесть тысяч солдат пехоты, семьсот конников и пятьдесят с лишним колесниц. Наш лагерь располагался на опушке близ небольшой рощицы, протянувшейся вдоль глубокой долины, за которой простирался Брин Горридам.

Принц, вскинув голову, медленно гарцевал на своем гнедом туда-сюда перед строем, ясно давая понять, что не собирается оттягивать встречу с силами Маэлькона.

— Братья и сестры! — выкрикнул он. — Вы знаете, зачем мы сюда пришли. Мы пришли, чтобы вернуть трон Альбы его законному наследнику! Мы пришли, чтобы низвергнуть Маэлькона-Узурпатора, обагрившего руки кровью собственного отца!

Солдаты ответили дружным «ура», потрясая копьями и стуча мечами о щиты; далриады, по моему, вопили громче всех. Имонн и Грайне стояли бок о бок в боевых колесницах во главе своей дружины, словно изготовясь к началу скачек, лошади в их упряжках скалились и фыркали друг на друга.

— Я Друстан маб Нектхана, все вы знаете мой род и моих предков. Но с сегодняшнего дня всех вас, кто выступает на моей стороне, я также считаю своей родней. Все вы отныне — мои братья и сестры. Когда над деревьями покажется солнце...

Бойцы почему-то притихли один за другим. Нам, обозникам, бесполезным в сражении, досталось место на узком уступчике у подножия каменистого утеса за спинами солдат, но семья Друстана почетно расположилась на самой вершине. Я видела только фигуру бравого круарха, возвышавшегося над людским морем, но не более.

И тут его сестра, Брейдайя, закричала и указала на что-то рукой.

Я тут же забралась к ней и вгляделась в рассветный сумрак.

Из рощицы, где на молодых березках набухали почки, а от теплой влажной земли поднимался туман, появился огромный черный кабан. Не знаю, как долго они живут, но тот кабан, должно быть, достиг весьма преклонных лет, раз вырос в такую громадину. Его массивная туша резко выделялась на фоне берез. Зверь поднял черный пятак, словно принюхиваясь; гигантские копыта могли бы послужить плугом на поле. Кто-то недоверчиво ахнул, и я с удивлением узнала собственный голос. Клянусь, я с холма чуяла кабанью вонь в утреннем тумане. Зверь всматривался в серый рассвет маленькими злобными глазками, а шесть с лишним тысяч пиктов, круитов и далриад потрясенно следили за каждым его движением.

Внезапно кто-то придушенно чихнул, и могучий боров, громко хрюкнув, развернулся и потрусил обратно в рощу, слегка припадая на заднюю ногу.

Тысячи плоток восторженно взревели. Темные глаза Друстана маб Нектханы на свирепом лице с синими узорами сверкали огнем, когда он поднял в воздух обнаженный меч

и воззвал, перекричав улюлюканье солдат:

— Следуйте за Куллах Горрьим!

С утрашающим рыком отряды бросились в атаку.

В нашей наспех собранной армии не было дисциплины, стратегии, порядка. Вояки ринулись в битву неудержимой ордой. Достигнув рощицы, всадники и колесницы замедлились, отыскивая проходы между деревьями, и пехотинцы вырвались вперед. Березовая роща внезапно наполнилась криками сотен воинов, стремящихся в долину.

Позже мне рассказали, что армия Маэлькона с ночи прокрадывалась по долине, надеясь, окружив нас с обоих флангов, внезапно напасть на рассвете. Их план вполне мог удался, если бы Друстан еще немного затянул с речью, а он бы так и сделал, не помешай ему черный кабан.

«Не пренебрегайте Черным кабаном».

Мы, оставшись в тылу, слышали ужасные звуки битвы, доносившиеся из-за рощи: звон клинков, предсмертные вопли, громохание доспехов. Застигнутые врасплох в низине без укрытий, люди Маэлькона гибли сотнями, когда тысячи сторонников Куллах Горрьим сбегали на них с зеленого холма. Но солдаты узурпатора все равно отчаянно сражались, дорого продавая свои жизни.

Теперь-то я это знаю, но тогда томилась в неведении. Помню, как лицо Гиацинта перекопилось от испуга, а затуманенные глаза неотрывно смотрели туда, где шумело сражение.

— Что ты видишь? — спросила я, встряхивая его за плечи. — Что ты там видишь?

— Смерть, — прошептал он в ответ. — Повсюду смерть.

Я посмотрела на тсыгана, потом ему за спину и заметила кое-что немаловажное.

Верховой отряд Тауру Кро, рыжеволосых светлокожих круитов с синими татуировками на лицах под знаменем Красного Быка.

— Маэлькон был прав! — крикнул один из них, вытаскивая из ножен меч и тыча им в нашу сторону; воины тут же сомкнули кольцо вокруг нашего утеса. — Берите их в заложники!

Конечно же, речь шла о Нектхане и ее дочерях, матери и сестрах Друстана. С которыми мы стояли плечом к плечу на каменистом уступе.

Эти женщины были круитками и, хотя не принимали участия в битвах, умели стрелять не хуже мужчин. Я не раз видела, как сноровисто они обращаются со своими луками. Но луки и стрелы остались в лагере, в нескольких десятках шагов от нас, а между нами и палатками гарцевали люди Маэлькона. Мы все были безоружны.

Кроме Жослена.

Я посмотрела на него, уже зная, что увижу. Жослен, не колеблясь, пришел в движение, выхватив из ножен кинжалы. В лучах утреннего солнца остро блеснули клинки и наручи, когда, шагнув вниз из нашей группы, мой защитник поклонился и тихо сказал:

— Во имя Кассиэля, я служу и защищаю.

Безо всяких церемоний солдаты атаковали.

Двое упали, затем фигур на земле стало трое, пятеро — врагов было слишком много, они торопливо спешивались, выхватывали из ножен мечи и пытались вскарабкаться на наш утес. Гиацинт с руганью подбирал камни и швырял их в наступающих с меткостью опытного уличного бойца. Маленькая темная фигурка соскочила с уступа. Один из Тауру Кро подобрался совсем близко и, потрясая мечом, бросился на меня; я поднырнула под его руку

и, оказавшись у него за спиной, с силой толкнула. Вояка, смеясь, отпрыгнул к своим товарищам.

— Жослен! — крикнула я. — Доставай меч!

Он на миг замер посреди боя, чтобы посмотреть на меня, в этом коротком взгляде я уловила воспоминание о Скальдии, об его нарушенном обете. Но тут же лицо Жослена ожесточилось, он ловко бросил кинжалы в ножны и выхватил из-за спины меч.

Маленькая фигурка прошмыгнула мимо него так близко, что кассилианец дернулся, но тут же продолжил сражаться, вертясь, словно танцор.

— Отступаем! — на гортанном круитском выкрикнул предводитель Тауру Кро; солдаты послушно отошли к своим коням. Вожак угадал. Жослен, не собираясь терять преимущество высокой позиции, не стал их преследовать и остался на выступе с обнаженным мечом.

И тут в воздухе запели стрелы.

Мойред, младшая дочь Нектханы, совсем еще девчонка, смогла добежать до лагеря, схватила там лук и полный колчан и принялась безжалостно пускать стрелы с тетивы одну за другой. Двое из Тауру Кро упали замертво, прежде чем их командир выругался и схватил копьё.

— К дьяволу заложников! — рявкнул он. — Убейте их всех!

И метнул копьё.

В Мойред.

Я увидела, как жало острия вонзилось девочке в живот. Она схватилась за древко обеими руками, с шумным выдохом повалилась навзничь. В тишине раздались два крика: горестный вопль Гиацинта и почти предсмертный стон Нектханы, спрятавшей лицо в ладони. Сестры Мойред взвыли низко и горестно.

И тут утро расколол еще один крик, крик ярости.

Видя, как Жослен сражается со скальдами, я думала, что это вершина боевого искусства, которую невозможно превзойти. Так вот, я ошибалась. Падающей звездой он обрушился на Тауру Кро, словно кассилианский берсерк с серебряной змеей в руке вместо меча. Солдаты один за другим падали на его пути, брызжа кровью из смертельных ран; они падали и умирали, бестолково сжимая свои копьё.

Сколько их было? Двадцать, как я потом сосчитала. Больше половины перебил Жослен, еще двоих застрелила Мойред. Когда Нектхана с дочерьми тоже бросились в гущу битвы со своими острыми маленькими кинжалчиками, от их рук погибло еще четверо или пятеро противников. Двоих походным ножом прикончил Гиацинт, Принц Странников.

Я же, трясаясь от ужаса, не убила никого.

Тут-то нас и нашел Друстан, круарх Альбы. Его украшенные синими узорами руки были по локоть обгажены кровью, в глазах плескалось мрачное торжество, а гнедой конь хрипел в пене и мыле. Победившая армия с триумфальными криками возвращалась через рощицу в лагерь. Друстан выпрямился и посмотрел на мать и двоих оставшихся в живых сестер, чьи похожие лица выражали одно и то же горе, а потом на младшую сестру, Мойред, на чьих губах навеки застыла слабая улыбка.

— О нет. Нет!

Жослен стоял на коленях, каясь перед Кассиэлем, Гиацинт скорбно понурился. Нектхана встала от тела дочери.

— Куллах Горрым взял то, что ему причиталось, — тихо произнесла она. — Сын мой, кто теперь правит Альбой?

Друстан повернул голову; к нему подкатила колесница, в которой восседал запыленный и окровавленный Имонн. За колесницей волочился труп крупного рыжеволосого мужчины с изуродованным лицом и местами содранной кожей. Маэлькон.

— Теперь правлю я, мама, — тихо ответил Друстан. — Узурпатор мертв.

— Убит лично круархом! — выкрикнул Имонн, подъезжая поближе. Увидев тело Мойред, он натянул вожжи. — Дагда Мор, нет...

— У каждой победы, — прошептала Нектхана с блестящими от материнских слез глазами, — есть своя цена.

В тот день мы не поехали в Брин Горридам, а остались в лагере близ поля брани.

Поэты нередко черпают вдохновение в битвах, но почему-то замалчивают в своих стихотворениях печальные последствия войны: хрипы умирающих, всепроникающая вонь, истерзанные тела со вспоротыми животами и разлагающимися на солнце внутренностями, клюющие плоть вороны и тучи жужжащих мух. Нет, поэты почему-то молчат об общих могилах, которые копают выжившие воины, проклиная мух да утирая соленый пот со лба.

Около двенадцати сотен Тауру Кро остались в живых и сдались в плен, а тысячи погибли. Сторонники Куллах Горрым учинили настоящую бойню, обрушившись на людей Маэлькона, как раз когда те совершали обходной маневр в долине, чтобы внезапно напасть.

Лишь одному маленькому отряду, пробравшемуся в лагерь Друстана с намерением захватить заложников, удалось застать нас врасплох. Но все те солдаты полегли от наших рук.

Я работала наравне с Нектханой и всеми ее дочерьми — оставшимися в живых дочерьми. Таскала воду для умирающих и трудящихся на поле битвы. Первым делом круиты собрали своих мертвецов, число которых превысило восемь сотен, по большей части далриад. Из тяжелых валунов воины складывали над погибшими могильник. Среди них я заметила Жослена и подошла к нему.

Он лишь покачал головой, когда я предложила ему черпак с водой. Красивое лицо казалось изможденным, засохшая кровь, цветом напоминавшая ржавчину, покрывала его кожу, одежду и даже толстую пшеничную косу. И об этом поэты тоже умалчивают в своих стихах.

— Ты сделал только то, что должен был, — тихо обратилась я к Жослену, по-прежнему протягивая ковш. — Те солдаты обнажили мечи, чтобы убить нас всех, а ты нас спас.

— Я должен был спасти и ее, — уныло ответил кассилианец и отвернулся, чтобы возложить на пирамиду еще один камень.

Отступившись от него, я пошла дальше. Протянула воду воину-круиту, который с благодарностью принял черпак и, держа обеими руками, принялся жадно пить. Я ходила и ходила за водой и обратно. Хуже всего были умирающие. В памяти то и дело всплывала ночь, когда убили Ги, как я тогда сидела на холодной брусчатке двора Делоне и зажимала рукой рану Алкуина, отчаянно пытаюсь остановить его теплую, липкую кровь. А еще вспоминалось, как Алкуин умирал в библиотеке, как он напоследок сжимал мою руку.

В тот день я много раз пережила эти страшные моменты заново, много раз оплакала и Ги, и Алкуина, и Делоне, и погибших за победу воинов Куллах Горрым, и бесславно перебитых солдат Тауру Кро. Под жгучим солнцем я продлевала жизни раненым живительной прохладной водой, а вороны кружили в вышине, ожидая своего часа.

Той ночью мы встали лагерем в долине и разожгли тысячу костров. Круиты одержали великую победу, и, конечно же, Друстан не мог отказать им в праздновании, хотя сестра его, Мойред, лежала на похоронных дрогах. Той ночью я наслушалась свирепых историй от Квинтилия Русса, который прихромал к костру, где я сидела. Его глаза блестели, хотя голова и левая голень были перевязаны.

— Благословенный Элуа, это стоило увидеть! — воскликнул он, со вздохом облегчения принимая мех с вином. — Ах, Федра, они разлетались перед нами как осенние листья на

зимнем ветру! А Друстан... Яйца Элуа! Он взрезал их ряды, как серп колосья, призывая Маэлькона. Да, они дикари, но... ого-го какие! Те же Имонн и Грайне — до чего жаль, что ты не видела их в бою! Их колесницы с пехотой на хвосте ворвались в долину, как... как... — Не подобрав подходящего слова, адмирал хлебнул вина и мотнул головой. — Она была великолепна, — наконец продолжил он. — Но Имонн... Яйца Элуа! Он сражался отважнее тигра. Как только этот парень примет решение, его уже не остановить. А Друстан и Маэлькон — о, вот это была знатная рубка.

Русс, размахивая руками, живописал, как из гущи сражения на вызов Друстана явился Маэлькон, громадный и грозный на сером боевом коне. Как вожди отчаянно бились, как Друстан одержал победу, как Грайне, ожидая, пока Имонн привяжет тело Узурпатора к колеснице, нарезала вокруг круга на своей.

Это была потрясающая история, доблестная и героическая. И трагичная.

В том бою погибли четверо ангелийских моряков.

— Они знали, миледи, — успокоил меня Квинтилий Русс, поймав мой печальный взгляд. И когда это я стала для него «миледи»? Нет, вспомнить не удалось. — Все люди, поступающие ко мне на службу, знают, чем рискуют, можешь не сомневаться. Умереть на суше... в бою... Это славная смерть. Не то что сгинуть в морской пучине. — Он покосился на меня и неловко кашлянул. — Кстати, я своим парням кое-что пообещал.

— И что же? — Признаться, он меня озадачил. — Милорд адмирал?

Русс снова кашлянул и почесал перевязанную голову.

— Ну, я им пообещал... пообещал, что выживших посвятят в рыцари. Лично ты... вы.

Удивительное дело.

— Я?!

— Вы здесь посол королевы, — сказал адмирал. — Они вас уважают. И у вас есть полное право такое сделать.

— Да неужели? Правда?

Сидящий на другой стороне костра Жослен поднял голову.

— Да, Федре, правда.

Это были первые его слова со времени нашей дневной встречи у могильника.

Я моргнула.

— Если так, Жослен, тогда тебя...

— Нет, — он резко оборвал мою мысль. — Не меня. Я был и остаюсь служителем Кассиэля, хоть и никчемным. Но моряки это действительно заслужили.

Я ошеломленно посмотрела на Квинтилия Русса и решила:

— Что ж, я готова посвятить ваших моряков в рыцари, если они и вправду этого хотят. Каждый из них, бесспорно, заслужил рыцарское звание, и даже более того.

Адмирал ухмыльнулся и неуклюже встал, приволакивая раненую ногу. Приложил пальцы к губам, оглушительно свистнул. Потом вынул из ножен свой меч и протянул мне. Оружие оказалось тяжелее, чем мне представлялось. Лезвие было уже чистым, но рукоять все еще липла к руке, влажная от пота. Я держала меч, чувствуя себя ребенком на маскараде, а ангелийские моряки тем временем выстраивались в шеренгу перед костром.

Одного за другим я посвятила их в рыцари. Русс подсказывал мне слова, оставалось только повторять. Во имя Элуа и от имени Исандры де ла Курсель, королевы Земли Ангелов, я пожаловала титул шевалье двадцати с лишним морякам. Сама я ощущала себя кривляющейся самозванкой. Но в глазах тех, кто становился передо мной на колени,

читалось, что они видят во мне нечто иное.

— Отлично справилась! — воскликнул Квинтилий Русс, когда церемония завершилась, забрал свой меч и хлопнул меня по спине. — Ха, я дам этому боевому отряду рыцарей-мореходов памятное название! Парни Федры! Пусть носят его с гордостью!

— Милорд, — запротестовала я, не уверенная, смеюсь или плачу, — это уже лишнее.

На противоположной стороне костра блестели глаза Жослена, покрасневшие от непролитых слез.

— Мы на войне, маленький цветок, распускающийся в ночи, — заявил адмирал, обдав меня густым винным духом. — Ты сама мне так говорила. Чего же ты ожидала на войне-то, а? Если они готовы сражаться за тебя — очень хорошо. Если готовы с гордостью за тебя умирать — еще лучше. Чего же ты хотела, когда уламывала меня отправиться в это плавание?

— Не знаю, — прошептала я и спрятала лицо в ладони. Там, в темноте за закрытыми веками, я увидела Вальдемара Селига и двадцать тысяч разъяренных скальдов, а с ними вооруженных до зубов Союзников Камлаха. Нет, неправда — я знала, чего хотела, когда пришла к Руссу. — Называйте своих рыцарей, как вам нравится.

И он так и сделал. Отряд с таким названием до сих пор существует в королевском флоте.

Когда адмирал куда-то ухромал, я отыскала Гиацинта, который сидел у тела Мойред.

— Я слышал, — отрешенно пробубнил он, глядя мимо меня. — Поздравляю.

— Гиацинт, — прошептала я его имя, столь долго служившее мне охранительным сигналом, и коснулась его плеча. — Я не искала славы, ты же знаешь.

Тсыган испустил тяжелый вздох, и на его лице появилось более осмысленное выражение.

— Знаю, знаю. Это все война. Но, Элуа, помилуй! Федра, почему так? Она же была всего лишь девушкой и совсем-совсем юной.

— И ты любил ее, — озвучила я очевидное.

— Любил? — скривил рот Гиацинт. — Любил? Да, может, и любил. По крайней мере мог бы полюбить. Она сказала, что я вижу сны наяву, помнишь? При нашей первой встрече, там, на берегу. — Его снова затрясло, и я сочувственно обняла друга. Он продолжил говорить, уткнувшись лицом мне в плечо. — Моя семья, мой народ прогнали меня из-за моего дара... да, ты верила в его полезность и заставила поверить адмирала... но она была первой, кто, коснувшись меня, назвал природу моего дара и приветствовал его, как благословение небес. То была она, дочь Нектханы...

Мы с ним оба плакали. Война — странная штука. Ее страшное дыхание отмело, как шелуху, все, что было между нами невысказанного, наносного. «Миссия ради королевы превыше всего». Я об этом постоянно помнила, как и Гиацинт, но все же, когда он повернул ко мне искаженное горем лицо, я подалась к нему и без оглядки на интересы королевы поцеловала его в губы. Он ухватился за меня, словно утопающий.

В Доме Бальзамника рассказывают, будто Наамах возлегла с шахом Персиса из сострадания, желая исцелить его душевную боль. Я выросла при Дворе Ночи и заучила все легенды из общего свода, но не понимала смысла именно этой, пока не вывела Гиацинта из освещенного пламенем круга у похоронных дрог Мойред.

Те из нас, служителей Наамах, кто дискутировал, деля ее желание на тринадцать разновидностей, Тринадцать Домов, жестоко ошибались. Верно, в желании богини много

нитей, много оттенков, но все они сплетены в единую ткань, многоцветную, словно плащ мендаканта. Утешение и искупление, печаль и радость, нежность и жестокость, расчет и жертвенность, власть и подчинение, страсть и игривость, любование избранником и собой — все это сплелось воедино на цветущей земле Альбы.

Поэты почему-то не слагают стихотворений и о том, как смерть пробуждает волю к жизни. Но я, не раз претерпевшая боль, сумела забрать ее у Гиацинта. Я принимала от него радость и скорбь, принимала и возвращала, принимала и возвращала много-много раз, пока мы оба не ощутили, сколь нерасторжимо они связаны и что одной не бывает без другой.

Друг, брат, любовник... Я легонько трогала его лицо в темноте, не прерывая поцелуя, не прерывая нашего единения.

Перед тем как излиться, Гиацинт застонал; я пустила в ход кое-какие навыки, усиливающие наслаждение.

— Тс-с-с, — прошептала я, прикладывая пальцы к его губам и дрожа, как натянутая струна арфы. — Ах, опять я до конца не знаю, что такое служение Наамах.

А после он отвернулся от меня, устыдившись своего порыва.

— Гиацинт. — Я прижалась щекой к его теплой смуглой спине и обняла его. — Маковый отвар притупляет боль и погружает в целительный сон, позволяя больному восстановить силы. А Наамах посылает нам желание, чтобы наши раненые сердца на время забыли о горе и начали исцеляться.

— Этому тебя тоже *научили*? — спросил он, горько сплюнув последнее слово.

— Да, — тихо отозвалась я. — Ты меня этому научил.

Тогда Гиацинт повернулся лицом ко мне, коснулся моей щеки и покачал головой.

— Все должно было случиться не так, Федра. У нас с тобой. Не так.

— Наверное, не так. — Я приладила его смоляные кудри, в тусклом звездном свете отливающие серебром, и мечтательно улыбнулась. — Наверное, мы с тобой должны были упоительно соединиться как Королева Куртизанок и Принц Странников, правящие Городом Элуа от Моннуи до Дворца, а не совокупляться от отчаяния на чужой земле, рядом с залитым кровью полем битвы, в окружении шести тысяч диких круитов. Однако мы с тобой вместе здесь и сейчас.

На это Гиацинт слабо улыбнулся.

— Давай вернемся, — сказал он, глядя на факелы и пылающие костры.

Далриады и круиты, презрев усталость, все еще праздновали победу. Где-то там, согнанные вместе под охраной, за триумфаторами наблюдали измученные пленные. Они тоже похоронили своих мертвецов, и им пришлось гораздо труднее даже без возведения могильника, поскольку павших Тауру Кро было очень много, а живых — совсем мало.

Когда мы вернулись, у тела Мойред уже сидели другие люди. Нектхана и ее дочери пели траурную песнь, тихую и протяжную. Их голоса переплетались, по очереди вступая и умолкая. Я стояла и слушала, впитывая печаль и красоту их плача, на глазах выступили слезы. Коленопреклоненный Жослен бубнил какую-то кассилианскую молитву. При нашем приближении он поднял голову и холодно посмотрел на меня. Да кто он такой, чтобы меня судить? Я взяла лицо Гиацинта в ладони, притянула к себе и поцеловала в лоб.

— Горюй и исцеляйся, — прошептала я.

Он кивнул и занял место среди скорбящих.

Я тоже встала на колени, глядя на малышку Мойред. В смерти ее лицо выглядело таким же безмятежным, как при жизни. Нектхана, Брейдайя и Сибил пели, сплетая воедино нити

жизни: победы и поражения, рождения и смерти, любви и ненависти. Я ненадолго задремала — такого со мной не случилось с самого детства в Доме Кактуса, когда мне приходилось часами стоять на коленях во время взрослых празднеств. Когда я проснулась, к женским голосам присоединился один мужской, низкий и земной. Я встряхнулась и подняла глаза на Друстана, который теперь вел мелодию вместе с матерью и сестрами.

«Все-таки в мужской привлекательности ему не откажешь», — подумала я к собственному удивлению, впервые разглядев в принце то, что, наверное, всегда видела Исандра. Черты Друстана под татуировкой были правильными, блестящие черные волосы волной ниспадали на плечи. Старшие дети Земли сплетали голоса, и от их скорбного причитания перехватывало дух.

А мы-то считаем их варварами.

Песня закончилась, Брейдайя завела новую, но на этот раз подхватили только женщины. Друстан подошел к Жослену и присел рядом с ним. Я подумала, что должна послужить им переводчиком, но молодой круарх Альбы заговорил на ломаном каэрдианском. «Которого стесняюсь даже перед тобой», — сказал он мне ранее, и, услышав речь Друстана, я поняла его стеснение.

— Ты... сражаться... за моя семья, — обратился он к Жослену. — Брат.

Круарх протянул руку Жослену. Тот лишь покачал головой, не сводя глаз с похоронных дрог.

— Я плохо сражался, раз ваша сестра погибла, а я все еще жив, мой король, — на безупречном каэрдианском, усвоенном с детства, ответил кассилианец. — Не оказывайте мне чести, не братайтесь со мной. Я недостоин, я вас подвел.

Устроившись поудобнее, Друстан поискал меня взглядом и кивнул. Я тихо подошла к ним, встала на колени и склонила голову.

— Сегодня погибли многие тысячи людей, и я не смог их спасти, — произнес Друстан по-круитски, глядя на Жослена. — Я, рожденный круархом, должен был отдать жизнь за свой народ, но многие погибли, а я все еще жив. По-твоему, сегодня все сделано неправильно, Принц Мечей?

Я перевела каждое слово, даже необычное обращение. Жослен поднял глаза на Друстана.

— Мой король, сегодня вы вернули себе то, что было вам положено по праву рождения, и отомстили за смерть своих близких. Вы восстановили справедливость. Это я не оправдал вашего доверия, нарушил клятву.

Переведя его речь для Друстана, я добавила пару фраз от себя о кассилианских обетах. Круарх задумчиво потер искалеченную ногу и наконец сказал:

— Ты не давал никаких клятв Куллах Горрьим. Все мы в равной степени рисковали жизнями, чтобы вернуть трон Альбы. Не унижай память о моей сестре, беря на себя вину за ее смерть, сводя ее самопожертвование к своей оплошности.

Жослен дернулся, услышав от меня перевод. Нет, высокомерие кассилианцев, даже преданных анафеме — этих в особенности, — за пределами моего разума. Не сразу, но все же Жослен понял, что пытался втолковать ему Друстан: он слишком много на себя берёт, слишком широко раздвигает границы своей ответственности. И потом, еще медленнее до него дошло, что, возможно, так оно и есть. Круарх молчал и просто смотрел на кассилианца, по-прежнему протягивая ему сильную руку, украшенную синими узорами.

— Брат, — наконец произнес по-каэрдиански Жослен и пожал протянутую руку. —

Если вы примете меня таким, каков я есть.

Это переводить не потребовалось; Друстан все понял и усмехнулся. Встал, потянул Жослена за собой и крепко его обнял.

— Вот вы где! — раздался за спиной женский голос. Развернувшись, я увидела Грайне и следовавшего за нею по пятам Имонна. На обоих ни царапины. Должно быть, они и вправду сражались как тигры. Наверняка. — Ах, сестренка, — печально протянула Грайне, глядя на Мойред. Вытащив из ножен украшенный самоцветами кинжал, она отхватила прядь своих рыжих волос и, подойдя к дрогам, осторожно положила ее под сложенные на груди руки Мойред. — Мы стократно отомстили за тебя, не сомневайся.

Имонн последовал примеру сестры. Его волосы были светлее, чем у Грайне, и все еще перепачканы известью, оставшейся от боевого гребня. Он нежно коснулся холодных рук Мойред.

— Спи с миром, сестренка. Мы будем воспевать твою доблесть.

— Люди хотят тебя видеть, — со своей обычной прямолинейностью заявила Друстану Грайне, глядя ему в глаза. — Хотят разделить с тобой горечь потери и сладость победы. Они последовали за Куллах Горрым и сегодня храбро за тебя сражались.

— Иду, — кивнул Друстан.

— И ты. — Грайне перевела взгляд на меня, все еще стоявшую на коленях, и улыбнулась. — Ты прибыла к нам как посланница Лебеда, ты призвала Куллах Горрым следовать за собой. Людям хочется увидеть и тебя.

— Иду, — эхом отозвалась я и встала, совсем низенькая рядом с рослыми Близнецами.

Жослен отвесил кассилианский поклон, старательно избегая моего взгляда.

Я покосилась на Гиацинта. Наши глаза на миг встретились — знакомые давно и недавно.

— Я останусь здесь, — тихо сказал он. — Пусть бдение совершают ясновидцы и прорицатели — для этого мы и нужны.

На следующий день мы вошли в Брин Горридам.

Достигли полноводной реки и промаршировали по берегу до самого залива; столица располагалась на восточном побережье Альбы. Город оказался на удивление небольшим, в архитектуре явственно прослеживалось влияние Тиберия. Жители толпой валили на улицы и приветствовали армию — видимо, Маэлькона в народе не любили. Дойдя до крепостных стен, мы нашли ворота открытыми, подъемный мост опущенным, а гарнизон — готовым сложить оружие.

До здешних солдат уже дошла молва о битве. И они выдали нам Фоклайдху. Мать Маэлькона.

Позже выяснилось, что поражение перед Куллах Горрым в сердца приверженцев Красного Быка вселил не только проигрыш войска Маэлькона, но и большое количество людей в столице, чьи семьи были затронуты учиненной Узурпатором резней и чьи глаза радостно засверкали при вести о возвращении законного круарха. В пылу сражения они бы не упустили возможности сквитаться за прошлые обиды.

Доблесть зачастую зиждется на благоразумии; Тауру Кро, охранявшие город, сдались без боя.

И Друстан маб Нектхана занял свой трон.

Флаг Красного Быка спустили, над Брин Горридам снова вознеслось знамя Черного Кабана. Сестру круарха, Мойред, похоронили с королевскими почестями. Голову Маэлькона-Узурпатора прибили над воротами столицы. Друстан не шутил и не миндальничал. Наблюдая за торжествующими круитами, я убедилась, что мы, ангелийцы, небезосновательно причисляем их к варварам.

Как почетной гостье мне было даровано право присутствовать на судилище над Фоклайдхой — право, от которого я бы с радостью отказалась. И вот я стояла и смотрела. Казалось, минула тысяча лет с того дня, когда я жалась к стене в Зале Заседаний, где Парламент вершил суд над Лионеттой де Тревальон; тогда мы с Алкуином изо всех сил вытягивали шеи, чтобы хоть что-то разглядеть. Теперь же я занимала место по левую руку от трона Альбы, плечом к плечу со своим защитником-кассилианцем, и старалась сохранять лицо бесстрастным, поскольку представляла саму королеву Земли Ангелов. Посвящая в рыцари мореходов Квинтилия Русса, я чувствовала себя самозванкой, а сейчас это ощущение вернулось ко мне стократ усиленным.

Не отпускала мысль, что если бы Исандра де ла Курсель могла предвидеть, сколь успешной окажется наша миссия, она ни в коем случае не выбрала бы послом меня, «нежеланного отпрыска шлюхи», как услужливо подсказывал из глубин памяти голос дуэины Дома Кактуса. Однако именно я была облечена королевским доверием и, даже являясь нежеланным отпрыском шлюхи, имела честь учиться у Анафиэля Делоне, который призрел меня и счел достойной своего имени, тогда как мои родители продали мое право носить их фамилию.

Высокая, нестигаемая женщина, державшая речь перед Друстаном, сидевшим на троне, стала причиной не только недавней резни, но и смертных приговоров, вынесенных в тот давний день, когда я привставала на цыпочки в Зале Заседаний.

В тот давний день объявили смертный приговор принцу Бодуэну де Тревальону, подарившему мне первый в жизни поцелуй. Ему передалась моя проклятая невезучесть. И он взял меня в качестве подарка от Мелисанды Шахризай, не зная, что тот подарок прощальный. Мелисанда обрекла на гибель своего любовника, выкрыв и вручив дознавателям письма, полученные его матерью, Лионеттой де Тревальон, от вот этой женщины, стоявшей сейчас перед круархом.

Тсыгане правы, наша жизнь — это Длинный путь.

Друстан позволил Фоклайдхе высказаться полностью. Она уверенно и вдохновенно говорила о том, что старые традиции свое отжили, что следует узаконить новые, по которым мужчине наследует сын, а не племянник от сестры. Звенящим голосом она заявила, что их с сыном переворот был не предательством, но благородным делом, призванным утвердить полноправность отцовства и вымести паутину бытующего суеверия, будто отец ребенка может быть и вовсе неизвестен, тогда как материнское чрево не лжет.

Эта рослая, крепкая женщина с рыжими волосами и воинскими татуировками на щеках, как я позже узнала, при аресте убила четверых солдат крепостного гарнизона.

Львица Аззали тоже разила наповал, пусть никогда и не держала в руках меча. И своего сына, Бодуэна, вырастила дерзким и смелым до безрассудства. Я задалась вопросом, а не походил ли на него Маэлькон.

Речь вдовы круарха звучала довольно убедительно и по большей части была рассчитана на местных мужчин, призывая их сбросить оковы матрилинейности и самим воспитывать рожденных от их семени детей, чтобы потом передать им, а не сестриным отпрыскам, все свое достояние.

Но Старшие дети Земли с Фоклайдхой не согласились.

Четыре пары одинаковых темных глаз не мигая смотрели на обвиняемую: Друстан, Нектхана, Брейдайя, Сибил. Останься Мойред жива, их было бы пятеро. Интересно, а придерживались ли когда-нибудь таких же законов ангелийцы? Если да, то появление Элуа положило этому конец, ведь свою генеалогию мы отслеживаем и по материнской, и по отцовской линиям до тех давних времен, когда Благословенный и его Спутники бродили по земле. Наше происхождение высечено на наших лицах и в наших душах.

На Альбе же, фактически заблокированной Хозяином Проливов, все совсем по-другому. Каждый круит обязательно знает лишь мать, родившую его. У детей Нектханы наверняка были разные отцы — воины, моряки, мечтатели. Так не про нее ли сказано: «Люби по воле своей»? Благословенный Элуа тоже был сыном Земли, был зачат в ее утробе из слияния крови и слез.

Дослушав защитную речь Фоклайдхи, Друстан склонил голову к стоявшим по правую

руку от него Близнецам.

— Что скажет народ далриад?

Имонн набрал в грудь воздуха и произнес:

— Круарх, ты как никто другой знаешь наши сердца и наши мысли. Твой дядя был нашим другом и передал эту дружбу тебе по наследству, как и все, чем владел. В Эйре мы не оставляем предателей рода в живых.

Граине согласно кивнула с неожиданной печалью в глазах. «Они тоже живут по старым традициям», — подумала я, вспомнив ее сына, Бреннана. Кто его отец? Мне даже не пришлось в голову спросить. Элуа знает, а не будет ли следующее ее дитя ребенком Квинтилия Русса.

Друстан посмотрел на меня.

— Что скажет Земля Ангелов?

Почему-то этот вопрос застиг меня врасплох, хотя предугадать его было нетрудно. Круарх явно желал поддержки от всех собравшихся при вынесении приговора вдове своего дяди. Я вспомнила, как голосовал Парламент на суде над Домом Тревальонов, вспомнила Львицу Аззали и суровое, юное лицо Исандры де ла Курсель в тот момент, когда она опустила вниз большой палец, требуя смерти для сестры своего венценосного деда.

— Сир, — словно не своим голосом ответила я Друстану. — Фоклайдха из племени бругантийцев учинила заговор супротив короны, супротив основ государства. Злоумышление было доказано и признано ею самой. Мы не станем просить о милосердии.

По залу разнесся шепоток; не все здесь знали, кто я такая, и мало кто раньше слышал, как я говорю по-круитски. Друстан не обратил внимания на ропот, пристально глядя на Фоклайдху.

— За свое предательство ты умрешь, — сказал он. — Из уважения к кровным узам между нами я дарую тебе быструю смерть.

Не знаю, чего я ожидала. Уж точно не такого. Seriously, я оказалась совсем не готова к тому, что произошло дальше. В Земле Ангелов осужденная на смерть Лионетта попросила принести кубок с ядом и, смеясь, осушила его одним глотком. Принц Бодуэн выбрал смерть воина — бросился на свой меч. Не варварство ли это? Пожалуй. Ведь все сводится к одному и тому же — живой человек делается мертвым. И этой дикой сути не меняет никакой ритуал в мире. Но даже после всего, что мне пришлось повидать, я содрогнулась, когда двое круитов, заломив Фоклайдхе руки, пригнули ее на колени перед Друстаном, который встал с трона и обнажил меч.

Клинок мелькнул в воздухе лишь один раз. Наверное, он был хорошо наточен для кровавой жатвы, да и народ Куллах Горрым отличается недюжинной силой, хотя ростом пониже тех, кто пришел на Альбу позже. Одним мощным ударом круарх перерубил шею приговоренной.

Голова Фоклайдхи с открытыми глазами покатилась по полу.

Тело тяжело рухнуло на каменный пол, от шеи растеклась лужа крови.

Я сглотнула, слава Элуа, подавив вскрик.

Жослен крепко ухватил меня за локоть — какое счастье, что верный товарищ был рядом и не дал мне опозориться. Обступившие трон Нектхана и ее дочери смотрели на обезглавленное тело Фоклайдхи с мрачным удовлетворением на смуглых лицах. Справа от них злорадно скалились Близнецы.

— Пусть на этом смертоубийство закончится, — тихо произнес Друстан, вытер меч и убрал его в ножны. — Те, кто принесет мне присягу на верность, останутся в живых.

Объявляю земли бругантийцев отчужденными и передаю под управление сигоев и вотадаев, единственных племен из рода Красного Быка, сохранивших верность Куллах Горрым.

Дикие пикты с севера, что проделали долгий путь, чтобы примкнуть к армии Друстана, затопали и завопили. Вот и выяснилось, что они в свое время сделали мудрый выбор, и круарх теперь тоже проявил мудрость, не лишив чести и родовых наделов народ Красного Быка, чем наверняка заслужил их благодарность.

Итак, в Альбе воцарился Черный Кабан.

У всех изгнанников в душе находится компас, постоянно указывающий в сторону дома. Я смотрела на восток; из открытых окон главного зала крепости Брин Горридам доносились запахи дождя и соленого морского бриза, смешиваясь с медным духом свежепролитой крови. Теплый, летний ветерок ласкал мои щеки. Сколько месяцев мы пробыли в пути, скитаясь по суше и по морю? В Земле Ангелов, наверное, давным-давно распустились цветы, а потом ветви деревьев отяжелели от плодов. Вспомнилось, как Телезис де Морне читала свой «Плач изгнанницы»: *«Сбирает там с жужжаньем мед пчела в лаванде синей...»* Скальды, скорее всего, уже собрались и движутся вперед, переходят Камаэльские горы, форсируют Рейн...

Пока мы вели на Альбе войну, наступило лето.

Все неотложные государственные дела невозможно было решить за один день. И за два, и за три тоже невозможно. День за днем круарх выслушивал прошения вождей племен и обычных людей, которых Маэлькон лишил прав или имущества. День за днем круарх восстанавливал попорченную Узурпатором справедливость. Нашим вопросом он тоже занимался, но требовалось немалое время, чтобы собрать армию, готовую пересечь проливы, ведь приходилось убеждать солдат, что защита ангелийской земли в интересах Альбы. И, конечно, едва вернув себе царство, Друстан должен был оставить значительные силы в столице, чтобы новообретенная власть, на период его отсутствия переданная в руки Нектханы, оставалась незыблемой.

В конце концов решили, что воевать отправятся три тысячи пехотинцев и четыре сотни всадников. К моему удивлению, Имонн, Грайне и половина далриад изъявили желание принять участие в нашем походе. Остальным надлежало вернуться в Иннисклан с вестями о победе и передать команде на флагмане адмирала Русса приказ взять курс на родные берега.

— Я уже достаточно далеко зашел, — упрямо заявил Имонн. — И когда арфисты в Ти Муир будут распевать песни о наших подвигах, не желаю, чтобы в тех песнях говорилось, мол, Имонн мак Конор из племени далриад сбежал домой, испугавшись лишней раз промочить ноги!

— А мне хочется посмотреть на край, где рождаются такие brave мужчины, — беззастенчиво улыбнулась его сестра Квинтилию Руссу, который кашлянул, чтобы скрыть смущение.

Грайне перевела взгляд на меня и подмигнула; я проглотила смешок. Близнецов просто невозможно было не полюбить.

С благословением Хозяина Проливов или без оно, морское путешествие в любом случае сулило немалые сложности, особенно с лошадьми. Сверившись с картами, Русс и Друстан решили, что лучше всего отправиться по суше на юг, к самому узкому месту Проливов. Марш пройдет по землям Эйдлах Ор, доказавших свою верность круарху. Если Элуа не оставит нас своей милостью, после короткого перехода по морю мы высадимся на берег на севере Аззали, в Тревальоне, где свяжемся с Гисленом де Сомервиллем, а может, и с бывшим герцогом де Тревальоном, который, скорее всего, уже вернулся из изгнания.

Если бы не страхи, разъедавшие мою душу как язвы, путешествие выдалось бы весьма приятственным. Альба — это прекрасный, зеленый, плодородный остров. Наша колонна длинной вереницей растянулась по старому тиберийскому тракту, проложенному вдоль восточного побережья с севера на юг. В этих местах тиберийская армия успела основательно обосноваться, пока Кинхил Ру не объединил племена и не прогнал захватчиков обратно за море.

Тогда благословенный Элуа еще странствовал по Бходистану, а Хозяин Проливов еще не властвовал над водами. Интересно, откуда он вообще взялся? Вспомнилось, как Алкуин часами просиживал в библиотеке Делоне над древними свитками и пергаменатами, пытаюсь своим живым умом разгадать тайну Старшего Брата Трех Сестер. Что бы ему ни удалось выяснить, мне он этого рассказать не успел. Жаль, что теперь уже не спросишь. Единожды наглядевшись на кошмарную водяную башку, я мечтала никогда больше не встречаться с загадочным существом и до дрожи в коленках боялась довериться его обещанию.

Это был только один из моих страхов, причем не самый худший. Я тревожилась за круитов. Три тысячи пеших солдат, четыре сотни всадников. Это совсем не много, если сравнивать с несметными скальдийскими полчищами. Правда, в бою круиты показались мне умелыми и свирепыми воинами... свирепыми, но недисциплинированными. Кинхил Ру одолел тиберийцев измором, без передышки посылая в атаку новых и новых бойцов, для чего и собрал все альбанские племена под знамя Куллах Горрым, но теперь численное преимущество было на стороне Вальдемара Селига. Который, кстати, изучал по книгам тиберийскую тактику.

Хотя сомневаюсь, чтобы скалды по-тиберийски следовали приказам военачальника. Вспоминая нередко вспыхивавшие свары между племенами перед Слетом, я надеялась, что скальдийским командирам будет сложно поддерживать в войске железную дисциплину, которая и сделала древний Тиберий столь грозной силой. Хотя бы одно очко в нашу пользу. Но у Селига все равно была огромная армия. И Союзники Камлаха.

Этим невеселым мыслям я и предавалась в пути, и каждый следующий солнечный день усугублял мои страхи, а летнее тепло лишь острее напоминало о быстром беге времени.

— Пытаешься все печали взвалить на свои плечи, а, Федра? — однажды тихо спросил меня подъехавший Жослен. Не знаю, как он догадался, о чем я думала — должно быть, мое лицо читалось, как открытая книга. — А что толку так терзаться? Неужели ты способна замедлить время или сократить расстояние? Вот меня недавно убедили, что не стоит брать на себя не свою ношу.

— Знаю, — вздохнула я. — Но не могу не терзаться. Ведь скалды... ах, Элуа, ты же их видел! Если альбанцы отправляются на верную смерть, то это я их туда направила, Жослен.

Он мотнул головой.

— Совсем не ты, а Исандра. Ты только передала им ее слова. Дальше их свободный выбор.

— Пусть это и были слова королевы, но произнесла-то их именно я, и к тому же сделала все, что было в моих силах, чтобы склонить пылких простаков к такому выбору. — Я поежилась. — Если бы не я, тех же далриад здесь бы не было. Ни одного.

— Верно. — К чести Жослена, он произнес это без обычного ехидства. — Но вот Друстан ведет войска на помощь Исандре ради их любви и клятвы. Он любит по воле своей. С этим не поспоришь.

— Я так боюсь этой войны, — прошептала я. — То, чему мы стали свидетелями в

Альбе... Глаза б мои на это не смотрели! А ведь здешние битвы ни в какое сравнение не идут с теми, что ждут нас в Земле Ангелов. И людей там погибнет гораздо, гораздо больше. Каково мне будет все это видеть? Нет, я не выдержу.

Жослен ответил не сразу, какое то время он молча глядел вперед, и его профиль на фоне зеленых полей казался чеканным.

— Понимаю, — наконец сказал он. — Меня это тоже пугает. Как и любого нормального человека.

— Помнишь, как мы проснулись в той повозке, когда Мелисанда нас предала? — спросила я. Он кивнул. — Тогда мне было все равно, жить или умереть. Довольно долго лишь ненависть к ней заставляла меня цепляться за жизнь. — Я коснулась бриллианта на шее. — Но сейчас все по-другому. Я боюсь смерти.

— Помнишь псарню Гюнтера? — Жослен покосился на меня. — Тогда я выжил лишь из ненависти к тебе, потому что считал тебя предательницей. Если бы мне заранее описали ту ситуацию и спросили, как бы я поступил, я бы поклялся, что покончу с собой, но не стану терпеть подобного унижения. А в селении Селига? Ты пристыдила меня и тем самым заставила жить.

Я вспомнила, как кричала на него, как толкалась, когда он, раненый и закованный в цепи, стоял на коленях на полу. Лицу стало жарко.

— Тогда я была в полном отчаянии и хотела тебя расшевелить. А ты сейчас делаешь для меня то же самое?

— Нет, — покачал головой Жослен, но при этом улыбнулся, словно предвкушал что-то приятное. От его улыбки по моему телу пробежали мурашки. — Вот они сделают, — продолжил он, поворачиваясь в седле, и кивком указал куда-то назад. — Вообще-то, я к тебе подъехал как раз, чтобы предупредить.

Я развернулась.

Позади нас шагали люди Русса; лошадей для них не хватало, и сражались они тоже пешими. Четыре ровные шеренги по шесть человек в каждой. Адмирал, чья рана на ноге все еще заживала, ехал рядом на коне. Увидев, что я на них смотрю, матросы в первом ряду заулыбались, а один из них, Реми, который научил Гиацинта рыбачить с борта, выступил вперед, держа свернутое знамя. За его спиной ряды сомкнулись, образовав клин.

Парни Федры.

Восседавший на могучем гнедом мерине Квинтилий Русс усмехнулся.

Реми развернул знамя и с громким криком поднял его вверх. Ветер тут же подхватил полотнище. Потом уже я узнала, что они сшили стяг сами — моряки на удивление искусные портные. Редкостная ткань и золотая канитель недешево им обошлись.

В центре прямоугольника цвета соболиного меха алел небольшой круг, в который впивалась золотая стрела с шипастым оперением. Внезапно я поняла, что это означает.

Стрела Кушиэля.

— О Благословенный Элуа! — я так залюбовалась знаменем, что не сразу спохватилась закрыть разинутый рот.

Улыбаясь, как мартышка, Реми стукнул древком о землю и завел речевку; остальные моряки ее подхватили, даже смеющийся адмирал присоединился к припеву.

*Хлещи нас до рубцов и ран,
Бей, не жалея — все мало нам,*

Мы Парни Федры!

— О нет! — я беспомощно рассмеялась, не находя слов от потрясения и восторга и радуясь, что круиты, которые воспринимали происходящее с добродушным недоумением, не понимали по-ангельски. — Элуа! Жослен, так ты об этом знал?

— Возможно, — признался он. В голубых глазах плясали искорки смеха. — Им нужно во что-то верить, Федра, сражаться ради чего-то. Ради знакомого имени, знакомого лица. Так сказал мне Русс, да я и сам сталкивался с подобным в Братстве. Кассилианец не может стать настоящим Спутником, пока не принесет клятву своему подопечному. Эти люди никогда в глаза не видели Исандру де ла Курсель, а тебя они знают.

*Нам всем в охотку кровь и боль,
Нас плетью отстегать изволь,
Мы Парни Федры!*

— Но... — все еще смеясь, спросила я, — зачем же вот так?

Жослен, улыбаясь, пожал плечами.

— Ты усмирила шторм своим пением, ты заставила далриад отправиться на войну, неважно, какой ценой. Моряки это видели своими глазами и оценили тебя по достоинству. Но перед лицом смерти бравада — самое то. Они же следуют в бой за *ангуиссеттой*. Давай, похвали их за лихость, за то, как они тобой гордятся. Хватит предаваться страхам.

— Я дам им больше, чем просто похвалу.

Развернув лошадь, я проскакала назад и спешила прямо перед несущим знамя Реми, отчего колонны остановились. Знаменосец скрыл проказливую улыбку, а я, взявшись за его рыжую косу, притянула голову к себе, чтобы крепко поцеловать. Когда я его отпустила, Реми вытаращил глаза и присвистнул. Ангелийцы радостно закричали.

— Клянусь, что для каждого из вас, кто выживет в этой войне, — объявила я, вновь взобравшись в седло, — я открою двери всех Тринадцати Домов Двора Ночи! Берегите здоровье, парни, оно вам там понадобится!

В ответ моряки разразились улюлюканьем и вновь принялись скандировать свою песню, а я вернулась к Жослену, чтобы продолжить путь.

— И как ты предполагаешь это осуществить? — спросил он.

— Найду какой-нибудь способ, — отмахнулась я, впервые за много дней чувствуя себя беззаботной. — Золото радушно приветствуют во всех Домах, так что я могу отправиться на свидание к калифу Хеббель-им-Аккада за большие деньги!

День за днем мы медленно тащились по землям Альбы, по владениям триновантийцев и кантиков; лето продолжалось: пшеница на полях из зеленой становилась золотой, яблоки на ветвях наливались спелостью. Наконец мы добрались до старого тиберийского городка Добрия, находящегося на берегу близ самого узкого места пролива. День выдался ясным. Мы немного задержались на высоких белых скалах, прежде чем спуститься к берегу. По зеленой траве подошли к обрывистому краю, чайки с резкими криками сновали между нами и открывшимся морем.

— Вон там, — указал Друстан.

За милями и милями серых вод виднелась она, далекая и еле различимая. Земля Ангелов.

Дом.

Народ Эйдлах Ор не терял времени даром.

Друстан заблаговременно послал вперед гонцов с распоряжениями о том, что требуется подготовить к нашему приходу, и Альба с готовностью подчинилась своему круарху. Огромная пестрая флотилия уже ждала нас в гавани: небольшие одномачтовые корабли, весельные шлюпки, шаланды, рыбацкие лодки и даже плоты.

— А дельце-то будет опасное, — пробормотал Квинтилий Русс, окидывая наметанный взглядом разномастный флот.

Подготовка к отплытию заняла почти два дня. Круиты, как правило, не покидали прибрежных вод, не углублялись в открытое море. Немногочисленные Парни Федры рассредоточились по местным экипажам, чтобы помочь своим опытом в мореходстве, далриады тоже выступили в роли наставников, поскольку постоянно курсировали между Альбой и Эйре. Судов, оборудованных стойлами для животных, увы, не хватало, и большую часть лошадей решили, завязав им глаза, переправить на плотях. Русс сразу предупредил плотоводов, что, если лошади перепугаются и начнут буянить, лучше согнать их в воду, чем перевернуться.

Среди всей этой суматохи к нам пробрался какой-то старый рыбак и дернул Друстана за полу плаща.

— Лорд круарх, — робко произнес он. — Скажи своим людям, чтоб не вздумали рыбачить на глубине! Нам дозволено отходить всего на три броска копья от суши, а дальше начинаются охотничьи угодья самого Владыки моря!

— Обязательно скажу, отец, — вежливо ответил Друстан. — Но не беспокойтесь, мы не на рыбалку собрались. И Владыка моря обещался нас пропустить через Проливы.

— Нет, ты скажи им! — настаивал старик. — Вы, Куллах Горрым, живете на севере да на западе и ничего здесь не знаете! Мы, Эйдлах Ор, рыбачим в этих водах. Мы знаем.

— Я скажу, — повторил Друстан.

И он сдержал обещание, когда обратился к армии, перед самым отплытием выстроившейся на берегу. Треть солдат уже погрузилась на корабли и плоты вместе с лошадьми, остальные ждали своей очереди. Речь была короткой, дующий с моря ветер разносил над толпой слова круарха.

— Друзья, мы собираемся пересечь Проливы, чтобы осуществить мечту о двух союзных королевствах! Мы собираемся пересечь Проливы, чтобы выполнить клятву, которую я давным-давно дал Исандре де ла Курсель, королеве Земли Ангелов! Если кто-то из вас хочет пойти на попятную, пусть сделает это сейчас, с полного моего благословения. Я никого не прошу рисковать жизнью ради этой мечты и этой клятвы. Но если вы ищете славы, которую будут воспевать тысячи сказителей, то следуйте за мной, и вы ее обретете! — Солдаты радостно завопили. — Эй, вот что еще накрепко запомните. Повелитель вод обещался нас пропустить, с его дозволения мы целыми и невредимыми кратчайшим путем доберемся до Земли Ангелов. Я уже это делал и знаю, что говорю! Но Проливы — владения Хозяина уважайте его право и не причиняйте вреда морским обитателям. Ну, что решите? Хватит вам смелости пойти со мной за море?

Конечно, смелость в островитянах тут же разыгралась, и рев тысяч плотов разнесся над гаванью. Отряд пиктов с севера, верных Друстану, орал громче всех, пытаясь под шумок

влиться в строй после затянувшегося прощания с женщинами из Эйдлах Ор. Цена союзничества с племенем Красного Быка, круарх не стал укорять Тауру Кро за опоздание на общевойсковой смотр.

— Тогда вперед! — скомандовал он, и исход начался.

Квинтилий Русс не ошибся: то, что творилось на воде, выглядело чрезвычайно опасным. После погрузки лошадей потребовался еще час, чтобы все люди заняли места на судах и флотилия начала выбираться из гавани. Руссу досталось командовать одним из лучших кораблей. Сам Друстан маб Нектхана, а также Гиацинт, Жослен и я, совершенно не обученные искусству мореплавания, вверили себя умениям адмирала.

Думаю, в менее серьезных обстоятельствах на наш флот невозможно было бы смотреть без смеха: нестройное скопище разномастных плавучих сооружений, вразброд ползущих по волнам. Перегнувшись через борт, я наблюдала, как один из Парней Федры кричал на незадачливых круитов, которые усиленно загребали веслами, но настолько вразнобой, что их плот лишь вертелся на месте.

— У Аззали есть флот, — пробормотал Квинтилий Русс, тоже заглядевшийся на горе-мореходов. — Может, лучше нам одним пересечь Проливы и оттуда отправить нормальные суда за здешними сухопутными крысами?

— Нельзя исключать, что флот Аззали уже на Рейне, милорд адмирал, — напомнила я. — Как и ваш. Но конечно же, если вы считаете, что так будет лучше, велите им вернуться на берег прямо сейчас, пока никто не потонул.

Он прищурился на бултыхающийся плот. Подчиняясь жестам и воплям ангелийского моряка, круиты наконец поняли, что к чему, и довольно шустро двинулись в правильном направлении.

— Ладно, пусть салаги попробуют. Без крайней необходимости мне совсем не хочется лишний раз идти через Проливы.

Да уж, вполне понятное нежелание: после того как я воочию увидела Хозяина Проливов, мне тоже не хотелось лишний раз рисковать встречей с этим могущественным существом. Кстати, едва мы вышли из гавани, случилось нечто странное. Поднялся попутный ветер, дующий от Альбы прямо в сторону Земли Ангелов. Ветер дул довольно сильно, но море оставалось спокойным, почти гладким. Наш флот выстроился в линию и медленно, но уверенно продвигался вперед. Берег виднелся уже далеко позади, белые скалы отдалялись от нас ярд за ярдом, мало-помалу ярды сложились в милю, а потом и в две. Альбанцам не откажешь в смелости и доблести — столкнувшись с доселе незнакомым делом, они с готовностью за него взялись, и руки, мозолистые от рукоятей мечей, теперь ворочали веслами, а спины сгибались в гребле.

То тут, то там над водой разносились ангелийские песни, их ритм помогал гребцам.

*Нам все равно, мужик иль баба,
Хоть близнецов возьмем на пару,
И пусть вы можете нас бить,
Мы не дадим вам победить!*

Круиты и далриады дружно подхватывали напев, повторяя бессмысленные для них слова на незнакомом языке. Стоя у руля и ведя корабль впереди остальной флотилии,

Квинтилий Русс покачал головой и усмехнулся.

— Никогда ничего подобного не бывало! — крикнул он. — Это плавание войдет в историю, можете не сомневаться! И Старший Брат держит слово! — Он кивнул Гиацинту. — Что скажешь, тсыган? Сможешь указать, куда нам держать путь?

Гиацинт, завернувшийся в свой поношенный и пропитанный солью шафрановый плащ, стоял на носу, глядя на морскую гладь, и ничего не ответил.

Тревога кольнула мне сердце, я подошла к нему.

— Что такое? Что ты видишь?

Он повернулся ко мне. Черные глаза затуманены *дромондом* — широко распахнутые, но смотрящие в никуда.

— В этом-то и соль. Я не вижу. Не вижу нашей высадки.

— И что это значит?

Гиацинт вновь устремил взгляд в море.

— Скорее всего, это значит, — тихо ответил он, — что где-то на пути отсюда и до берега Земли Ангелов есть развилка, за которую я не могу заглянуть.

Я бы продолжила расспросы, но тут по правому борту поднялся шум: смех, возня и удары. Шумели так, что все, кто бездельничал на нашей палубе, сбежались посмотреть. Даже Гиацинт присоединился к любопытствующим, отбросив свои страхи.

Колобродили на небольшом плоту, который занимали четырнадцать Тауру Кро из племени сигоев и один ангелийский матрос. Поскольку весел на всех не хватало, трое воинов с севера развлекались тем, что, лежа на краю настила и вглядываясь в толщу прозрачной воды, пытались поймать рыбу голыми руками.

Мне говорили, что на реках подобный промысел довольно распространен, но в море успеха не приносит. И не принес бы, если бы не длиннющий неосторожный угорь. Которого один из сигоев умудрился ухватить и вытащить на плот. Угорь бился о бревна, словно фурия, пока его с гоготом осыпали ударами весел и кулаков. Ангелиец азартно выкрикивал непонятные островитянам подсказки, плот бешено раскачивался.

Поначалу мы все хохотали. Наконец меткий удар попал угрю по голове, и тот, вздрогнув, замер. Мокрая, блестящая туша длиной с человека растянулась на настиле.

Внезапно ветер стих.

И тут я вспомнила предупреждение старого рыбака.

Тауру Кро опоздали на построение и не слышали речи Друстана, а ангелийцы его попросту не поняли, ведь круарх говорил на круитском, а я не переводила. Наши моряки руководствовались приказами своего адмирала.

Три броска копья от суши, а дальше начинаются охотничьи угожья Владыки моря.

Мы уже отошли от берега Альбы на три броска копья и на том не остановились, мы отошли от берега на много миль. Из-за внезапно стихшего ветра казалось, будто мир глубоко вдохнул и задержал дыхание.

Я сделала то же самое.

В прошлый раз Хозяин Проливов явился в разгар шторма, его голова-гора издали приближалась к нам над водой. А теперь это случилось иначе. Море вдруг разверзлось. Посреди нашего разношерстного флота закрутилась громадная воронка, лодки и плоты, угодившие в ловушку, едва не перевернулись, их пассажиры с воплями цеплялись за все подряд.

Водоворот все ширился и ширился, захватывая все новые и новые жертвы, а потом из

него начала стремительно подниматься огромная голова.

Часть попавших в заверть суденышек соскользнули по струям волос на затылке, а наш корабль оказался с другой стороны. Клянусь, несколько мгновений он несся носом вниз, как с водопада. Где-то вдалеке Квинтилий Русс выкрикивал приказы, неразличимые в штормовом реве. Я отчаянно вцепилась мертвой хваткой в перила и поклялась Элуа, что зажгу свечу в память о своем учителе акробатики, если останусь в живых. Какой-то матрос проскользил по мокрой деревянной палубе и вылетел за борт, его отчаянный вопль быстро потонул в бурлящем море.

Выше и выше, даже еще выше, чем я помнила, лицо Хозяина Проливов выростало над водой, прозрачное и сверкающее. В волнах, формирующих его черты, виднелись живые рыбины и водоросли.

Превысив всякое разумение, существо замерло, и море после громкого хлопка успокоилось, а наш корабль резко встал на ровный киль. От его удара о воду мои пальцы разжались, и я повисла на перилах животом. Разбросанные осколки нашего флота покачивались на волнах, словно пробки. Армия здорово нахлебалась воды, перепуганные лошади, оставшиеся на судах, истошно ржали, а некоторые фыркали из моря, неистово загребая ногами.

— Федра! — В мой плащ вцепилась сильная рука, вытягивая меня на палубу. То был Жослен, вымокший до нитки и потрясенный до глубины души. Я огляделась в поисках Гиацинта и увидела его лежащим неподалеку, куда его отбросило. А потом у меня не осталось времени высматривать выживших, поскольку Хозяин Проливов заговорил.

Струящееся огромное лицо-гора нависло над нами, чудовищный рот открылся, и оттуда прогрохотало:

— КТО ОХОТИТСЯ В МОЕМ МОРЕ?

Я рассказываю, что знаю — что видела и что слышала. И готова поклясться: Хозяин Проливов говорил по-ангельски. Я сама это слышала, и Жослен, и Гиацинт, и адмирал — все мы. Но поймавший угря сигой на плоту в ужасе закричал, и в ту же секунду круах Альбы Друстан маб Нектхана прошел вперед по палубе, даже ни разу не споткнувшись при всей своей косолапости.

— Это мои люди, Повелитель вод! — выкрикнул он на круитском, вытягивая шею, чтобы смотреть прямо в глаза Хозяина Проливов. — Я их не предупредил о запрете! Вина целиком моя!

Существо посмотрело вниз. С его огромных щек стекала вода.

— ТЫ ВЕДЕШЬ... АЛЬБАНЦЕВ?

Квинтилий Русс, ругнувшись, отошел от руля и встал рядом с Друстаном.

— Это мой корабль, и я его капитан, старый козел! Если вздумал собирать дань, возьми ее с меня!

Меньше всего мне хотелось отпустить безопасные перила и отрываться от Жослена, который сильными руками удерживал меня на месте, своим телом заслоняя от взгляда ужасного водяного лица. Меньше всего на свете.

Но с гнетущим отчаянием я прошептала своему защитнику:

— Отпусти.

Он лишь усилил хватку, и тогда я повернулась, чтобы посмотреть ему в глаза. Кассилианец кивнул, разжал пальцы, я отошла от перил и, возвысив голос, обратилась к жуткому созданию:

— Милорд, это я привела сюда этих людей, будучи посланницей Исандры де ла Курсель, королевы Земли Ангелов!

Лицо Хозяина Проливов повернулось ко мне. Плоть из текущей воды зыбилась, меняя очертания. В глазах сверкнула молния, темная пасть распахнулась.

— Я ЗАБЕРУ ВАС ВСЕХ!

Чтобы в полной мере описать то, что случилось далее, мне не хватает слов. Лицо наклонилось в воду, и чудовищная голова превратилась в гигантскую волну, которая подхватила наш корабль на гребень, словно игрушечный, и стремительно понеслась вперед. Неудержимо, как разъяренный бык, вал промчался по Проливам, неся наше суденышко на юг. Трудно в такое поверить, но, клянусь, это чистая правда.

Мы пролетали милю за милей, быстро покрыв расстояние как до изначальной цели, потом удвоили его, утроили, но все не останавливались. Не могу сказать, сколько времени это продолжалось. Ужас сменился любопытством, а затем медленно накапливающимся отчаянием. Неужели войска, оставшиеся в море, утонули? Я не могла прогнать это опасение. Мы неслись вперед и вперед, и огромная волна не сбавляла хода, пока наконец перед нами не вырос одинокий остров посреди морских вод. Он быстро приближался, и я, не видя никакой бухты, подумала, что Хозяин Проливов решил бросить нас на высокие серые утесы.

В последний момент вдруг открылась узкая гавань в скалах, окруженная естественными каменными стенами. Туда-то нас и принесла волна. В устье гавани она вздохнула и потекла назад, угрожающе высокий гребень опал до покатого уклона. Наш корабль соскользнул с него и устремился к берегу. Не уверена, есть ли в том заслуга Квинтилия Русса, но волна опустила нас в маленькую тихую бухту так же аккуратно, как кошка кладет мышь к ногам хозяина.

Я боялась, что это сравнение себя оправдывает.

В одежде местами все ещё мокрой, а местами — высохшей и задубевшей от соли, почти парализованные смертоубийственным путешествием, мы начали собираться с силами, выходя из ступора и озираясь по сторонам. На корабле было около тридцати человек, в основном круитов, и восемь лошадей. Именно один из людей Друстана и привлек громким возгласом внимание всех прочих к вновь открывшемуся обстоятельству.

В гавань вдавался узкий скалистый мыс. У воды были высечены широкие ступени. Лестница, сужаясь, вела наверх. Имея за спиной открытое море, а по бокам и впереди — каменные стены, я посмотрела наверх, где высоко над головой в небо поднимались ровные колонны. Издалека очень похожие на колоннаду эллинского храма. На фоне серого неба беломраморные столпы казались расплывчатыми.

Но круита привлекли не они.

На мысе нас поджидали две фигуры в мантиях.

— Я пойду. — Друстан заговорил первым, твердо и уверенно. В его темных глазах, окаймленных синими узорами татуировки, горела решимость.

Сразу вспомнилось, как он, не колеблясь, выступил вперед, чтобы ответить перед Хозяином Проливов за вину человека из Тауру Кро, убившего угря.

Нельзя было не восхищаться круархом.

Как нельзя было и не понимать его ценности для народа Альбы.

— Нет, милорд. — Я покачала головой, чувствуя, что спутанные ветром волосы отяжелели от соленой воды. Много ли потеряет Земля Ангелов, лишившись меня? Заметят ли соотечественники эту потерю? Народу, стоящему на грани войны, без надобности вымотанная путешествием *ангуиссетта*. — Похоже, мы недалеко от ангелийских берегов. Идти должна я.

Пока мы спорили на круитском языке, Квинтилий Русс заглядывал за борт, оценивая промежуток между нашим судном и нижними ступенями на мысе: в отличие от нас он-то знал, что никто никуда не пойдет, пока не спустят трап.

Более высокий из двух встречавших шагнул в нашу сторону и снял серый капюшон своей мантии, открыв неприметное молодое лицо и темные волосы.

— Воды здесь весьма глубоки, сирра, — звучно произнес он на староангелийском наречии. — Подведите корабль поближе да положите сходни.

— Слышали? — Русс развернулся от борта и щелкнул пальцами перед лицом ближайшего круита, который ответил лишь непонимающим взглядом. — Беритесь за весла! Будем швартоваться! — Адмирал обратился ко мне: — Что бы ты себе ни думала, девочка, в одиночку ты туда не пойдешь, будь хоть трижды распосланница королевы. Давай-ка, скажи этим синим парням, пусть налягут на весла, а потом вместе посмотрим, что за игру затеял Старший Брат.

Чувствуя себя немного по-дурачки, я подчинилась. Друстан бросил на адмирала долгий взгляд и отошел на корму, откуда принялся вглядываться в море, словно надеясь высмотреть оставшийся далеко позади флот. Не сомневаюсь, если он мог бы пожертвовать жизнью в обмен на безопасность своих людей, он бы это сделал. Но Русс был прав: прежде всего следовало выяснить, зачем Хозяин Проливов нас сюда привел.

— Что-нибудь видишь? — спросила я Гиацинта, пока весла шлепали по воде, приближая судно к мысу.

Тсыган с загадочной улыбкой посмотрел на обрывистые скалы и на широкие ступени.

— Я вижу остров, — пробормотал он. — А что видишь ты, Федра но Делоне?

С ответом я не нашлась. Вскоре корабль поравнялся с причалом, и Квинтилий Русс приказал бросить якорь. Трап перекинули на берег, но никто из нас не стал делать поспешных шагов. Мы стояли на палубе, ожидая, что скажут незнакомцы в мантиях.

Второй из них тоже опустил капюшон: мужчина в годах, седоволосый.

— Ступайте за мной, избранцы, коих Хозяин желает лицезреть, — произнес он на том же старинном диалекте, что и сопровождающий ему юноша. Я покосилась на Друстана — тот хмурился, не понимая, о чем речь. Старик принялся указывать пальцем: — Ты, ты, ты. И вот ты.

Друстан, Русс, я... и Гиацинт.

Жослен шагнул вперед, его скрещенные кинжалы сверкнули, когда он отвесил ритуальный кассилианский поклон.

— Куда идет она, туда иду и я, — тихо сказал он. — Я дал в том клятву во имя Кассиэля.

— Понука тебе здесь не поможет, — слегка улыбнулся ему служитель помоложе. Мотнул темной головой в сторону моря, и оно разом взволновалось, закачав наш корабль. — Сейчас твои попутчики целы и невредимы на берегах Первой Сестры. Обречешь ли их не на живот, а на смерть?

Я быстро-быстро перевела, и Друстан, оценив ситуацию, схватил Жослена за руку.

— Мой народ, мои люди, ты же слышал, сейчас они в безопасности, брат. Прошу, не делай ничего, что может пойти им во вред.

Жослен не отпускал кинжалов, пока я переводила ему слова Друстана, костяшки пальцев заметно побелели.

— До вечных мук и дальше, — произнес кассилианец с жутким выражением лица. — Я поклялся, Фебра.

Жизни трех с лишним тысяч пиктов и почти всех матросов Русса висели на волоске.

— Жослен, — прошептала я, — я скорее убью тебя или себя, чем позволю кому-то еще умереть из-за твоих обетов. Клянусь.

Он страдальчески посмотрел на меня; не знаю, что бы он ответил, но тут старший из прислужников Хозяина Проливов поднял руку и заговорил:

— Сей отрок принес обет Спутнику Элуа, — обратился он к младшему, который послушно склонил голову. — Пусть его идет.

Друстан внимательно следил за ними, водя взглядом с одного на другого. После моего перевода круарх кивнул и отпустил руку Жослена.

— Гилдас проводит избранцев к Господину, — сказал младший. — А я присмотрю за остальными. Усталость да оторопь довлеют над вами, путники. Здесь вы обретете отдохновение и умирение.

Я снова перевела для Друстана, и он, кивнув, успокоил своих людей. На том и порешили.

«Значит, у Хозяина Проливов есть слуги, причем смертные, — думала я, пока мы топали по трапу, а эхо наших шагов разносилось по воде. — Присуще ли им его умение повелевать морем, или они всего лишь говорят от его имени? Речь водяной головы каждый слышал на своем родном языке, эти же люди изъясняются на староангельском».

Вот о чем я размышляла, шагая, шагая, шагая по каменным ступеням. Гилдас шел впереди, Русс и Друстан — за ним. Из-за увечной ноги круарх взбирался по лестнице медленнее здорового мужчины, мне было нетрудно от него не отставать. Жослен держался рядом со мной, словно высоченный кассилианский репей, а Гиацинт тащился сзади. Я оглянулась с ним поговорить, но его непроницаемое лицо дало понять, что не стоит. Снизу доносился ободряющий гомон высадки на берег: цоканье лошадиных копыт по камням и десятки возгласов на разных языках.

Мы взбирались и взбирались все выше и выше, чуть ли не к небу. На самой вершине горы еще с моря я заметила колоннаду, похожую на храм. От причала направо уходила широкая пологая тропа, но нам пришлось карабкаться наверх по косогору, и в конце пути нас ждали самые трудные ступеньки — крутые и узкие, из белоснежного мрамора. Отнюдь не отличаясь изнеженностью, я задыхалась часто и прерывисто. И позавидовала людям и лошадям, свернувшим на боковую тропу. Русс тоже запыхался, Гиацинт втягивал воздух с

присвистом, Друстан же шел вперед с мрачной решимостью, не выказывая признаков усталости, хотя наверняка страдал сильнее любого из нас.

Жослен... Жослен был кассилианцем. Помнится, после многомильной пробежки по рыхлому снегу за лошадью тенна Гюнтера у него еще оставались силы на ненависть. Я стяхнула его руку, когда он попытался поддержать меня под локоть, помогая одолеть подъем.

А седовласый Гилдас даже не запыхался.

Наконец мы добрались до храма.

Видимо, такова моя судьба — иметь возможность любоваться потрясающими видами редкой красоты лишь будучи настолько утомленной, что ничего уже не интересно. Вот и на вершине этого одинокого острова, где колонны из белого мрамора устремлялись в открытое безграничное небо, словно отчаянная молитва к неотзывчивому божеству, я жалко согнулась, пытаясь отдышаться, и, не глядя по сторонам, во все глаза уставилась на одинокую мужскую фигуру посреди храма.

Он был высоким, облаченным в серую мантию, похожую на мантии встретивших нас прислужников, но иную, то и дело менявшую цвет под солнечными лучами. Продувной ветер не колыхал его одежду и не трепал длинные неприбранные волосы, которые на первый взгляд показались мне седыми, но мигом потемнели, едва на солнце набежали облака. Он стоял спиной к нам, а перед ним в самой середине прямоугольного помоста на треноге покоилась широченная и неглубокая бронзовая чаша с водой.

— Идите же, — поторопил нас Гилдас, и мы поспешили за ним по гладким мраморным плитам.

Высокий человек развернулся и посмотрел на нас зелеными, как водоросли, глазами. Лицо его в обрамлении седых прядей выглядело одновременно и дряхлым, и исполненным силы. Оно было белым как перламутр и таким же переливчатым, словно застывшие струи течения откуда-то из океанских глубин.

Перед глазами всплыло гигантское лицо из вод, ужасное и могущественное.

Всего лишь иллюзия. Просто пугало, порожденное живым разумом и властной рукой. А вот это... вот это и был настоящий Хозяин Проливов.

— Милорд, — прошептала я и опустилась на колени.

Друстан маб Нектхана, прихрамывая, сделал еще два шага вперед и посмотрел в глаза Хозяину Проливов. Сильный ветер рвал полы его алого плаща.

— Повелитель вод, — спокойно сказал круарх, — вы дали обещание. Вы обещали пропустить нас через Проливы, когда Черный Кабан воцарится в Альбе. Почему же вы сбили нас с курса и привели сюда?

Стоя на коленях, я лихорадочно думала. Друстан верно сопоставил заманчивое обещание безопасного плавания и беззубое предупреждение, которое трудно было принять всерьез. Хозяин Проливов нарочно завлек нас, потому что чего-то от нас хотел. Чего? Жослен рядом со мной держал руки у рукоятей кинжалов. Квинтилий Русс стоял, расставив ноги и опустив голову, словно готовый к атаке бык. Гиацинт же слегка покачивался, будто едва удерживал равновесие.

— Почему? — задумчиво протянул Хозяин Проливов, и морские бризы вокруг нас вздохнули. Сомкнув руки за спиной, он воззрился на безбрежное море. — По-че-му. — Он снова обернулся к нам, и я увидела, что его глаза потемнели, словно грозовые тучи. — Вот уже восемьсот лет я правлю стихиями, прикованный к этой скале, не нужный ни земле, ни

небу! — Он возвысил голос, и ветер заметно усилился, на горизонте за клубились тучи, а море далеко внизу так разволновалось, что до вершины донесся шум плеска волн о скалы. Вихрь взметнул волосы Хозяина Проливов в ужасающем подобии короны. — Восемь сотен лет! И ты смеешь спрашивать меня, почему?

Мы подобрались, противостоя штормовым порывам; я прикрыла лицо ладонями и в щелку между пальцами увидела, как Друстан маб Нектхана наклонился вперед, прищуривая глаза.

— Почему? — выкрикнул он. — Повелитель вод, вы держите моих людей в заложниках! Почему? Чего вы добиваетесь?

Ветер внезапно стих, Хозяин Проливов слегка улыбнулся, его глаза снова позеленели.

— Альбанец, — произнес он, четко выговаривая каждый слог, и указал на золотую печатку принца Роланда на руке Друстана. — Тебе достало смелости жить мечтой, которая меня освободит. Твоя мать видела это во сне. Лебедь и кабан. Альбанец и ангелийка, дерзкая, невозможная любовь. Но это только полдела.

Передо мной забрезжил свет истины. Эту науку преподавал мне Делоне: слышать невысказанное, видеть под поверхностью суть. Я поднялась с колен и осторожно вмешалась:

— Милорд, кажется, я понимаю, о чем речь. Вы не по своей воле прикованы к этому острову. И желаете разорвать эту связь. А для этого должны быть выполнены два условия. Одно из них — союз между альбанцем и ангелийкой — уже осуществилось: Друстан и Исандра помолвлены. В чем же заключается второе условие?

— Ах. — Он приблизился ко мне и коснулся моего лица. Ощущение было такое, словно под его пальцами моя плоть превращается в воду. Я закрыла глаза и вздрогнула. — Та, кто слушает, слышит и думает. Хорошо. Ты произнесла вопрос. Найдите на него правильный ответ, и я вас отпущу. — Он отстранился от меня и провел рукой над чашей полной воды; рукав мантии приобрел оттенок бронзы.

Вода пошла рябью и успокоилась, но теперь в ней виднелось не отраженное небо, а лицо Исандры де ла Курсель, которая сидела на походном троне посреди военного лагеря и внимательно слушала кого-то невидимого. Друстан вскрикнул, Квинтилий Русс прижал ко лбу кулак.

— Найдите правильный ответ на изреченный вопрос, — повторил Хозяин Проливов и улыбнулся, его глаза побелели, как старые кости, — и тогда я помогу вам всем, чем смогу. Если же ошибетесь, вас поглотит пучина. — Он указал на запад, где уже опускалось в море красное закатное солнце. — Даю вам одну ночь. Целую ночь. На утренней заре вы ответите верно или умрете.

Гилдас отвел нас в башню, высившуюся на утесе чуть пониже. Мы спустились по очередной лестнице с широкими мраморными ступенями на задах храма, а потом прошли по мощеной тропинке.

Шагали молча, погруженные в свои мысли. Под ноги стлались наши длинные тени, черные в закатном солнце, которое охватило башню словно пламенем, золотя серые стены и искристо всверкивая в стеклышках витражных окон. Только верхнюю часть башни украшали витражи, ниже остекление было самым обыкновенным.

Перед нами предстало редкостно красивое зрелище; если бы моя способность удивляться не была притуплена, я бы, наверное, поразилась. В прихожей нас ожидали слуги — несколько мужчин и женщин в невзрачной домотканой одежде.

— Ваших матросов устроили с удобством, лошадей поставили в конюшню, всем им будет покойно, — уведомил Гилдас, и сдержанная заботливость его слов показалась мне вполне искренней. — И вам самим здесь никто ущерба не нанесет. Милости просим, пока не отчалите, погостевать у Хозяина. Мы уж расстараяемся, приготовим вам воду горячую для омовения и сряду сухую, вино да ужин.

— А что с остальными, кто остался в море? — спросил Друстан, когда я перевела ему слова служителя. — Этот... жрец им тоже обещает оказать гостеприимство?

Я повторила вопрос на ангельском.

Гилдас поклонился, его серая мантия взметнулась, но в отличие от хозяйской так и осталась серой.

— Первая Сестра вон в той стороне, — он указал на юг. — Лигах в трех отсюда. У Сестры вдосталь скота, птицы да сидра, море вынесло ваших людей как раз на ее берега. Не оплошайте здесь, и для них все хорошо обойдется. Ручаюсь головой, коли вам нужно ручательство.

Друстан удовлетворился этим обещанием, как и Квинтилий Русс, чьи матросы остались в море вместе с круитами.

— Хозяин Проливов составит нам компанию за ужином? — спросила я Гилдаса.

Он покачал головой.

— Нет, миледи. Вам придется довольствоваться компанией друг друга.

— Господин явно выделяет вас из прочих слуг. — Я указала на его мантию, разительно отличающуюся от простецкой одежды терпеливо поджидающих нас людей. — Так вы его жрец?

Гилдас поколебался, прежде чем ответить:

— Пожалуй, так и есть, лишь нам с Тилианом доверено наполнять бронзовую чашу морской водой — на рассвете да на закате. А иногда, буде приключится такая нужда, мы ведем речи от лица Владыки. Да, нам и впрямь даровано право служить ему особо. Но все равно, будучи уроженцами Трех Сестер, мы не имеем силы снять проклятие.

Я вспомнила бронзовую чашу на треноге, мелкую, но широкую. Значит, дважды в день жрецы должны спускаться по бесчисленным ступенькам к морю и возвращаться на вершину со свежей водой, а сегодня из-за нас им пришлось проделать этот путь трижды. Неудивительно, что они при этом даже не запыхались.

— То есть уроженец островов не может разорвать узы, привязывающие Хозяина

Проливов к этому месту?

Помолчав, Гилдас едва заметно кивнул.

— Верно. Так вы извольте принять наше гостеприимство?

— Да, — улыбнулась я, не видя смысла отказываться, и добавила: — Спасибо, — поскольку Гилдас вольно или невольно дал мне ключ к разгадке.

Он-то наверняка услышал в моем «спасибо» лишь благодарность за гостеприимство, как я и рассчитывала.

Значит, вот оно в чем дело.

Не знаю, куда отвели остальных, а меня по винтовой лестнице проводили в роскошную спальню. За мной ухаживали трое служанок: совсем молоденькая и две постарше, тихие и скромные. Не думаю, что служить Хозяину Проливов так уж весело.

Комната была обставлена очень богато, и заметьте, воспитанная при Дворе Ночи я такими похвалами не разбрасываюсь. Кровать выглядела сказочно — резные столбики из эбенового дерева, расшитое золотом бархатное покрывало. А еще там была большая ванна, вырезанная из цельного куска мрамора, которую служанки наполняли горячей водой из чеканных серебряных кувшинов.

— Откуда здесь взялась вся эта роскошь? — поинтересовалась я, расстегивая фибулу и сбрасывая пропитанную солью накидку.

Молодая служанка, помогая мне снять платье, увидела туар и издала подавленный вскрик.

— Дары моря, — пробормотала женщина постарше, выливая в ванну очередной кувшин. «С потерпевших крушение кораблей», — поняла я и аккуратно сложила свою одежду.

Служанки благоговейно перешептывались между собой.

Смею думать, они так восторгались мной; эти местные уроженки, происходившие, скорей всего, из простолюдинов, особой красотой не отличались... Да, они говорили по-ангельски, но вряд ли кровь Элуа или его Спутников текла в их венах, если судить по внешности. То были чистой воды смертные, рожденные и вскормленные Матерью Землей, без малейших признаков небесных дарований или красоты, с детства отличающих даже беднейших ангельских крестьян. Благословенный любил пастушек и рыбаков, он не выискивал только знатных особ, чтобы удостоить их своим вниманием, — это уже человеческие придумки. Но Элуа и его Спутники явно не оставили следа в крови этого народа.

Забравшись в воду, я озаботилась другими материями.

Даже в самой бедственной ситуации горячая ванна идет на пользу внешности — не раз в этом убеждалась на собственном опыте. И я никогда не стеснялась наслаждаться роскошью, буде представлялась такая возможность. С того давнего дня, когда с герцогом де Морбаном был заключен и исполнен договор на свободный проход, мне не удавалось поухаживать за собой так, как я смолоду привыкла, и поэтому я с превеликой готовностью отдалась в руки служанок. В ход пошли душистое мыло и ароматические масла, гребни и ножницы. Наконец моя кожа и волосы начали чисто поскрипывать, избавившись от наслоений походной грязи и морской соли.

«Неплохо бы так жить», — подумала я.

Но потом вспомнила Хозяина Проливов и содрогнулась.

После мытья мне принесли одежду — старомодную и роскошную. Дары моря. Интересно, в чьем сундуке лежало выбранное мною дорогое платье из переливчатого

бронзового атласа с расшитым мелким жемчугом корсажем? А жемчужная заколка, которой я высоко заколола волосы, кому когда-то принадлежала?

Я с удовольствием изучала свое отражение в массивном зеркале с золоченой рамой.

Тут пришел слуга и с поклоном пригласил меня в столовую.

То была просторная зала с широкими окнами. На длинном полированном столе нас ждали серебряные тарелки и приборы на белых полотняных салфетках. Остальные уже собрались. У Квинтилия Русса при моем появлении заметно перехватило дух.

— Миледи Федра, — поклонившись, он протянул мне руку.

Похоже, о нас о всех позаботились в равной мере. Адмирал выглядел великолепно в коричневом сюртуке, парчовом жилете и белой рубашке с пышным жабо на широкой груди. Гиацинт щеголял в темно-синем дублете со вставками цвета олова на рукавах и в штанах того же оттенка. Прежде я видала его только в пестрых тсыганских нарядах, а теперь он до кончиков ногтей являл из себя молодого аристократа, пусть и грустного. Жослен же оделся в черное, чем сразу напомнил мне аскетичного Делоне. На его дублете поблескивал серебряный галун, а светлая коса словно туар змеилась по спине. Кассирианские наручи не слишком сочетались с этим облачением, хорошо хоть перевязь с мечом Жослен не стал надевать.

Друстан смотрелся страннее всех в черной шелковой рубашке с гофрированным воротником, темно-серых молескиновых штанах и в рубиново-красном бархатном камзоле. Его лицо, разукрашенное синими узорами круитской татуировки, казалось экзотическим театральным гримом или маской. Но каким-то непостижимым образом круарху удалось не погрешить против гармонии.

Я присела в реверансе, мужчины поклонились. Квинтилий Русс проводил меня к столу. Угощение в замке Хозяина Проливов было отменным, слуги, подавая новые и новые блюда, церемонно опускали глаза. Во время еды мы почти не разговаривали, но вот наконец тарелки убрали и слуги скрылись, оставив на столе поднос с графином наливки и пятью бокалами, которые Русс тут же наполнил.

— Итак, — приступил к делу адмирал, отпив и чмокнув губами. Со стуком поставил бокал на полированную столешницу, обвел нас пронизательным взглядом голубых глаз. — Мы должны отгадать загадку. Может, попробуем решить ее сообща?

Никто не ответил. Я глотнула наливки, и она сладко обожгла мое горло. Держа бокал, я встала и подошла к окну. Темная ночь уже скрыла море где-то внизу. Для чего же еще столько лет учил меня Делоне, как ни ради этого дня? Руководствуясь его наставлениями, я подцепила запутанную нить древней загадки и вытянула ответ. Не случайно на этом острове говорят языком старинных баллад, которых я затвердила великое множество. Я прижалась лбом к прохладному гладкому стеклу.

— Ты знаешь. — Тихие слова были сказаны по-круитски.

Не оборачиваясь, чтобы посмотреть на Друстана маб Нектхану, я кивнула, мазнув лбом по стеклу. В памяти крутились сотни древних сказаний: ангелийских, каэрдианских, скальдийских, круитских, эллинских... Я действительно знала. У них у всех есть общие схемы, похожие структуры, и меня научили улавливать это сходство. Да, я знала.

Друстан резко втянул воздух.

— Есть какая-то цена.

Я приложила руку к стеклу и полюбовалась ее очертаниями на фоне крошечной тьмы.

— Всегда есть цена, милорд круарх. И немалая.

Он встал за моей спиной; я развернулась и заглянула в испытующие глаза.

— Будь уверена, я готов заплатить любую назначенную цену, если это в моих силах.

Ну что тут еще скажешь? Я снова молча кивнула. Друстан какое-то время разглядывал меня, вертя печатку на пальце, а потом удалился.

— Чего это он наговорил-то, а? — потребовал объяснений Квинтилий Русс. — Клянусь десятком легионов чертей... я-то думал, мы здесь собрались, чтобы вместе поразгадывать загадку!

— Спросите у Федры, — вздохнул Гиацинт, поднимая осунувшееся лицо. — Она, похоже, думает, что уже все разгадала. Спросите и посмотрите, согласится ли она поделиться своими мыслями. — Он провел ладонями вверх-вниз по щекам.

— Если на эту загадку должна ответить именно я, то я это непременно сделаю, — тихо сказала я. Боль друга разрывала мне сердце. — Не ворчи на меня, Гиацинт.

Он сдавленно рассмеялся и вышел из-за стола.

— Как жаль, что твой Делоне не оставил тебя там, где нашел! Я оплакиваю тот день, в который он научил тебя думать.

И на эти слова у меня не нашлось ответа.

Взмахнув нарядными рукавами, Гиацинт отвесил мне низжайший поклон в стиле Принца Странников.

Квинтилий Русс нахмурился, глядя ему вслед, и мотнул головой.

— Что-то мне это совсем не нравится, — проворчал он, рассеянно хватая с подноса какую-то сладость. — Если знаешь разгадку, девочка, поделись с нами! Давайте вместе прикинем, как выиграть в этом положении!

— Милорд адмирал, — ответила я, — сожалею, но нет. Если бы Анафиэль Делоне докопался до этой разгадки, поверьте, он бы ни с кем не стал ею делиться. И я тоже не могу. Если вы сами разберетесь, что к чему, то признаете мою правоту.

Квинтилий Русс пробурчал что-то о чудачестве Делоне.

Жослен, все это время беспокойно вышагивавший по комнате, наконец остановился рядом со мной, сомкнув руки за спиной и вперившись в темноту.

— Мне ведь это не понравится, верно? — тихо спросил он.

— Нет, — подтвердила я.

Он упорно смотрел на невидимое отсюда море, пока я не коснулась его руки.

— Жослен. — Взгляд неохотно переместился на мое лицо. — С того самого дня, как тебя приставили меня охранять, я была для тебя испытанием. И тысячу раз проверяла на прочность твои обеты, пока само Братство не предало тебя анафеме. Клянусь, сейчас я так сделаю в последний раз. — Я кашлянула. — Если мы будем вынуждены... если нам суждено разлучиться, пожалуйста, смирись с этим. Тебя предназначали для службы королевским особам, а не нежеланным отпрыскам шлюх Двора Ночи. Ты уже поклялся в верности Исандре. И сослужишь ей немалую службу, если возьмешься защищать Друстана. Пообещай мне.

— Не могу, — глухо отказался он.

— Пообещай! — я сильнее стиснула его руку.

— Я уже принес клятву Кассиэля и не могу связывать себя никакими другими обещаниями!

Наверное, дальше настаивать не имеет смысла; я не вправе просить о большем, чем согласна дать сама. Разжав пальцы, я все же пробормотала:

— Даже Кассиэль уступал Элуа. Помни об этом.

— А ты помни, что ты не Элуа, — огрызнулся Жослен.

Той ночью в роскошной кровати королевских размеров мне не спалось. Сердце и разум переполняла тревога. Один раз я встала, взяла зажженную свечу и вышла в коридор — двери спален моих спутников были закрыты. Хотелось пойти к кому-нибудь, но, так и не решив, к кому бы податься, я вернулась в свою огромную пустую постель и в конце концов задремала. Во сне я беспокойно ворочалась и проснулась, запутавшись в простынях.

Как жаль, что с нами не было Делоне.

Начался новый день, часы неспешно утекали. Я отыскала библиотеку, где обнаружила сотни книг, считавшихся утерянными. Напитанные влагой страницы были непривычно толстыми, чернила местами расплылись, но строки все равно поддавались прочтению. В собрании нашелся поэтический сборник известной эллинской поэтессы со стихами, которых я никогда прежде не читала. Гонзаго д'Эскобар отдал бы коренные зубы, лишь бы подержать в руках это издание. Я медленно смаковала строки, пытаюсь сразу же переводить их на ангелийский и жалея, что под рукой нет пера и бумаги. Стихотворения были настолько красивыми, что я невольно расплакалась, забыв о том, где нахожусь. А потом за мной пришел Тилиан.

Близился полдень.

И снова прислужники провели нас на вершину по широкой извилистой тропе; только теперь она казалась на удивление знакомой. Хозяин Проливов ожидал нас в своем храме, открытом всем ветрам.

Раньше я никогда не понимала страдальцев, добровольно идущих на заклание. Я думала об Элуа, рассекшем собственную руку. Думала об Иешуа, позволившем распять себя на кресте. Формы самопожертвования различны, однако суть их в одном — в стремлении полностью отдаться тому, кому приносится жертва.

— У вас готов ответ? — спросил Хозяин Проливов, и его голос ветром разнесся по храму.

Сегодня его глаза сверкали, как море под солнечными лучами.

Я молча поежилась. Пусть это трусость, но я надеялась, что ответит кто-то другой.

Однако все мои спутники тоже промолчали.

— Да, милорд, у нас есть ответ на вашу загадку, — произнесла я тихо и обреченно. Подняла голову, цепляя взгляд Хозяина Проливов. — Разгадка в том, что один из нас должен занять ваше место.

Гиацинт отчаянно рассмеялся.

Хозяин Проливов смотрел на меня: теперь в его глазах клубились грозные тучи.

— Ты готова дать полный ответ?

Жослен со свистом втянул воздух, похоже, готовясь выхватить кинжалы. Квинтилий Русс ахнул, а Друстан склонил голову, вертя кольцо на пальце. Конечно, он тоже догадался. Старшие дети Земли, они ближе нас, ангелийцев, к древним легендам, к лабиринтам судеб.

— Да, — прошептала я. — Да, милорд.

— Нет.

На секунду я растерялась, не уверенная, чей это голос — совсем не похожий на обычный тембр Гиацинта. Правда, мой Принц Странников, с детских лет беспечный и ветреный, разительно переменялся после гибели Мойред. Он кашлянул и провел рукой по

черным кудрям.

— Вы призвали меня, милорд. И вот я здесь. Это я останусь вместо вас.

Хозяин Проливов хранил молчание.

Тут-то я поняла, что все происходившее накануне было всего лишь игрой.

— Нет, — выдохнула я, поворачиваясь к Гиацинту и сжимая его такое знакомое, такое родное лицо в ладонях. — Гиацинт, нет!

Он легонько взял меня за запястья.

— Брейдайе приснился сон, в котором я был на каком-то острове, помнишь? А когда мы отплыли к Земле Ангелов, я не видел впереди берега. Выходит, для меня Длинный путь заканчивается здесь, Федре. Пусть загадку отгадала ты, остаться суждено мне.

— Нет, — прошептала я, и следом крикнула: — Нет! — Слепленная отчаянием, повернулась к Хозяину Проливов: — Вы ищете себе преемника, вот и загадали нам эту загадку, ну так именно я на нее ответила! Это я должна дать полный ответ!

— Это не единственная и не самая важная загадка на этих берегах. — В голосе Хозяина Проливов слышалась восьмисотлетняя печаль. Солнце стояло высоко, и его лицо скрыла тень, когда он склонил голову. — Тот, кто накинёт на себя мои оковы, получит и мою силу. Назови ее источник, если пригодна к служению.

Жослен с протестующим воплем развернулся; похоже, до того самого момента он все еще считал, что может перехватить инициативу и сам дать ответ. Я подняла лицо к солнцу, думая, вспоминая, связывая. Библиотека в башне, где я недавно прочла давно утерянные стихи. Библиотека Делоне, где я провела много тоскливых часов, вынужденная учиться, тогда как предпочла бы развлекать гостей. Ах, вот бы сейчас вернуться туда. На память пришел Алкуин с падающими на лицо светлыми волосами, склонившийся над древним трактатом. И непривычно беззаботный голос Жослена в тот редкий миг, когда он, оглядывая полки, высказался как сын сьовальского ученого, каковым и являлся: «Полное собрание тамошней зауми, кроме разве что «Потерянной книги Разиэля». Неужели Делоне и иешуитски умеет читать?»

Кусочки головоломки собрались воедино, и я, моргая, опустила глаза.

— Это «Книга Разиэля», милорд.

Хозяин Проливов начал всем телом поворачиваться в мою сторону.

— Не вся, только отдельные страницы. — Слова Гиацинта звучали так, словно он говорил в полую камышину. — Страницы из потерянной «Книги Разиэля», которую Единственный Бог дал первому человеку, Эдому, чтобы тот властвовал над землей, морем и небом, а потом отобрал за непослушание и выбросил в морскую пучину. — Хозяин Проливов развернулся к Гиацинту. Тот снова отчаянно засмеялся, наконец увидев всю картину затуманенными *дромондом* глазами. — Подарок вашего отца, да? Адмирал зовет его Властелином Глубин и бросает в волны, жертвуя ему, золотые монеты, потому что суеверен, как все моряки. А иешуиты зовут его Владыкой моря, да еще Рахавом, что переводится как гордость и высокомерие. Тот самый Рахав, который упал с небес, раскололся и собрался воедино, упал, но не последовал за Элуа. — Гиацинт говорил все быстрее и быстрее, слова наперегонки срывались с его губ, тогда как пустой взгляд устремился по туннелю длиной в восемь столетий. Я вспомнила пылающий костер, пиликанье скрипок, играющего на цимбалах Гиацинта и ехидное бормотание старой тсыганки: «Разве не знаешь, что *дромонд* позволяет видеть не только вперед, но и назад?». — Небожитель зачал вас, милорд, овладев ангелийской девушкой, которая любила другого, любила мужчину с Альбы, сына Куллах

Горрым, простого смертного и одного из Старших детей Земли. Все верно?

— Все верно, — эхом отозвался Хозяин Проливов.

Гиацинт потер ладонями лицо.

— Тогда Проливы были открытыми, свободными водами... Рахав привез свою избранницу сюда, на этот самый остров, на Третью Сестру, нетронутую потомками Элуа, и здесь она родила вас... Она, конечно, любила вас, свое дитя, но пела печальные песни, словно запертая в клетке птица, и однажды одна такая песня перелетела через море и достигла Альбы. Тогда ее возлюбленный переплыл Проливы, чтобы освободить пленницу... — Гиацинт замолчал.

— Они погибли. — Бесконечно печальный голос Хозяина Проливов напоминал морской прибой. — Поднялись волны, лодка перевернулась, и пучина их поглотила. Я знаю, где покоятся их кости. — Он посмотрел на море между колонн своего огромного насквозь продуваемого храма, и на его лице отразилось застарелое горе.

— Единственный Бог наказал строптивного Рахава и вернул его на небо, — прошептал Гиацинт. — Но Рахав в отместку за непокорное сердце женщины и за собственную утраченную свободу наложил на вас проклятие, милорд. Он поднял из морских глубин разрозненные листы божественной книги и дал вам власть над волнами, а потом заклил вас вовеки оставаться здесь, разделяя Альбу и Землю Ангелов, пока снова не родится любовь, которая сподвигнет смертного переплыть гибельные Проливы, и пока кто-то не захочет добровольно занять ваше место.

— Все верно, — повторил Хозяин Проливов с завершенностью плещущей на берег волны, и я поняла, что проиграла.

Гиацинт выпрямился; его лицо прояснилось, и он снова рассмеялся, на этот раз весело.

— Что ж, милорд, гожусь ли я в служение?

— Да, ты годен и будешь служить. — Хозяин Проливов склонил голову, его глаза сострадательно посинели. — Долгое и трудное обучение предстоит тебе пройти, прежде чем ты будешь готов снять с меня цепи проклятия. И тогда, освободившись, я проследую путем Элуа в мир, где не откажутся принять ублюдка обитателя Небес.

— Ты жестоко нас поимел, Старший Брат, — угрюмо пробормотал Квинтилий Русс. — И что будет с парнем?

— Хочешь попенять на жестокость, так вспомни о моей судьбе, — неумолимо отрезал Хозяин Проливов. — Море обошлось с тобой по-доброму, корабельщик, считай, милостиво. Если бы не я, можешь не сомневаться, половина твоих горе-мореходов уже кормили бы рыб. А что до парня, так мой преемник будет так же, как и я, привязан к этому острову. Это проклятие невозможно снять, пока Единственный Бог не забудет о прегрешениях моего отца, а у него долгая память.

— А что с Проливами? — спросил по-круитски Друстан. Он морщил лоб, не вполне понимая, что происходит, поскольку Гиацинт говорил по-ангельски. Но основную мысль круарх, по-видимому, уловил. — Их по-прежнему будет нельзя переплывать?

— Ключ у тебя в руках. — Бледный палец указал на золотой перстень-печатку. — Женись и откроешь этот замок, разрушишь эту преграду.

— Ага, запросто. Между женихом и невестой всего-то тысяч двадцать воинственных скальдов да предателей из Камлаха, — саркастически вставил Квинтилий Русс. — А мы тем временем прохлаждаемся на богом забытой скале без какой-либо вражеской армии в пределах видимости.

— Что ж, я обещал помочь, — ответил Хозяин Проливов, не двигаясь с места. — И помогу. — Он взмахнул рукой над бронзовой чашей, и по воде пошла рябь. — Покажу вам, что творилось и творится в Земле Ангелов. Доставлю на сушу ваших людей, лошадей и оружие. Это все, что я могу сделать, но и это немало. Желаете прямо сейчас что-то посмотреть?

Мужчины почему-то устали на меня, а я ошеломленно глядела на них, чувствуя, как меня бьет дрожь. Воистину, есть предел тому, что разум способен воспринять за один день. Встав утром с постели, я с каждым шагом укрепляла в себе готовность связать жизнь с этим одиноким островом. Сложно разом свернуть с проторенной тропы.

— Нет, — отказалась я, мотнув головой и стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Милорд, с вашего разрешения, я бы хотела попросить у вас немного времени... час. Позвольте нам передышку?

— Хорошо. Я пошлю за вами за час до заката. — Он кивнул и повернулся к Гиацинту. — Даю тебе этот день. Только заруби на носу, что твоя нога больше никогда не покинет эту землю.

Гиацинт кивнул.

Он знал.

Снова оказавшись в башне, в зале с широкими окнами, я резким голосом попросила вина. Слуги аж подскочили и наперегонки бросились удовлетворять мое пожелание. В тот момент меня ничто не волновало. Когда вино принесли, я одним глотком выпила полбокала и сурово посмотрела на Гиацинта. Остальные тактично отошли, оставив нас вдвоем.

— Почему? — спросила я. — Почему ты это сделал?

Тсыган слегка улыбнулся, крутя в пальцах бокал. Под его глазами залегли темные круги, но сейчас, когда роковой рубеж остался позади, он, казалось, пришел в себя.

— Знаешь, без тебя я бы не смог разгадать эту загадку. У меня не было ответа. Я искал какую-то хитрую мелочь на заднем плане... Ответ был таким близким, таким всеобъемлющим, что я его не видел. — Он отпил вина и уставился в окно. — При первом взгляде на остров я уже знал, что мой путь заканчивается здесь. Просто не мог понять, почему так. Вчера, убедившись, что ты знаешь разгадку, я испугался.

— Гиацинт. — Голос сорвался, на глаза навернулись слезы. — Воюющей стране *ангуиссетты* без надобности. Это место должно было стать моим. Позволь мне остаться.

— А самому мне что тогда делать? — тихо спросил он. — Кидаться камнями в скальдов? Добивать палкой умирающих? Предсказывать судьбы? Воюющей стране и не умеющие воевать тсыганские полукровки тоже без надобности.

— Ты владеешь *дромондом*! Это больше, чем все, что я могу предложить!

— Именно *дромонд* привел меня сюда, Федра. — Гиацинт взял меня за руки и посмотрел на наши сплетенные пальцы. — Именно *дромонд* отделяет меня и от ангелийцев, и от тсыган. Он привел меня к тому месту, где я смогу стать своим. Позволь мне остаться. — Отпустив мои ладони, Гиацинт коснулся бриллианта на моей груди. — Кушиэль отметил тебя. Не знаю, какую цель он хотел поразить, пуская свою стрелу, но вряд ли это Хозяин Проливов.

Я поежилась и отвела взгляд.

— Кроме того, — с улыбкой добавил Гиацинт, — едва мы достигли бы суши, твой чертов кассилианец наверняка тут же развернулся бы, пересек Проливы вплавь и навлек бы на всех нас новое проклятие. И так плохо, что его ослепляют обеты, но то, что он по уши в

тебя влюблен, делает его очевидной угрозой любому разумному начинанию.

— Жослен? — я удивленно повысила голос.

Кассилианец с любопытством покосился в нашу сторону. Я покачала головой, и он отвернулся, продолжив разговор с Руссом.

— Да поможет ему Элуа, если он когда-нибудь это поймет. — Гиацинт ласково провел пальцем по моей левой брови над отмеченным красной точкой глазом. — Как и тебе.

— Гиацинт, — взмолилась я, отстраняясь и оглядывая просто обставленную комнату. — Посмотри на это... это место. Ты меньше всех в мире подходишь на эту роль! Без друзей, без смеха и музыки... ты же сойдешь с ума!

Тсыган тоже огляделся и пожал плечами:

— Я научу Хозяина Проливов играть на цимбалах, а волны — танцевать. Что ты хочешь от меня услышать, Федра? Если ты смогла перейти Камаэльские горы лютой зимой, я-то уж точно переживу испытание одиноким островом.

— Но восемьсот лет...

— Все может быть. — Гиацинт подпер подбородок кулаком. — Принц Странников, прикованный к скале в сердце стихий. Забавно, не правда ли? — Я пристально посмотрела на него, и он снова пожал плечами. — Остальные страницы «Книги Разиэля» где-то там, в море. Я всегда неплохо умел находить потерянное. Кто знает, а вдруг в утонувших страницах кроется нечто, способное меня освободить? А может, кто-то хитроумный, искусно отгадывающий разные загадки, придумает способ избавить меня от оков. — Он сверкнул зубами в своей неподражаемой улыбке. — Вполне в твоём духе, от тебя всего можно ожидать.

— Не надо, — взмолилась я, смеясь сквозь слезы. — Гиацинт, это не смешно.

— Смешно-смешно, хоть капельку, да смешно. — Он вдруг посерьезнел. — Окажи мне услугу, ладно? — Я кивнула. — Мой дом, конюшня... они должны отойти моим ребятам в Сениях Ночи. Я напишу завещание. Отдай его Эмилю, я оставил этого парнишку на хозяйстве за главного. Если от Города Элуа что-то сохранится после войны, Эмиль сообразит, что делать.

— Обещаю.

— Хорошо. — Он сглотнул, понимая необратимость своего выбора. — И принеси жертву Благословенному Элуа от имени моей матери.

Я снова кивнула; слезы застили взор.

— Анастасия, дочь Маноха.

Она пошла против тсыганских законов и обучила сына *дромонду*. «*Как думаешь, что она про него видела?* — вопрошала меня ее бабка Абхирати. — *Длинный путь и табор или что-то другое, какое-то отражение в глазу, отмеченном красной точкой?*» Теперь-то я знала, что Гиацинт видит в моих глазах, ведь это отражалось и в его зрачках: одинокая башня на затерянном в море острове.

— Я все для тебя сделаю.

— Спасибо. — Он встал и подошел к окну посмотреть на бесконечные волны, золотящиеся в свете клонящегося к закату солнца.

Русс, Друстан и Жослен молча наблюдали за нами с другого конца залы. Если круарх и адмирал раньше не знали, уверена, Жослен уже рассказал им, как давно мы с Гиацинтом дружим; Друстан понимал каэрдианский лучше, чем говорил на нем. Я познакомилась с Гиацинтом даже раньше, чем с Делоне, пусть всего на один день. Он был мне другом, когда

я больше никого не могла так назвать. Он был моим свободным выбором, когда мой туар принадлежал не мне.

Гиацинт повернулся и с серьезным видом предупредил:

— Федра, остерегайся Мелисанды Шахризай.

Я коснулась ее бриллианта и испуганно спросила:

— Это ты сейчас *дромонд* говоришь?

Он покачал головой и с кривой улыбкой ответил:

— Нет. В твоей жизни больше неожиданных поворотов, чем в байке мендаканта.

Сомневаюсь, что смогу увидеть твой путь дальше завтрашнего заката. Знаешь, назад смотреть гораздо легче — там все уже свершилось, все неизменно, нет никаких развилок, и можно заглянуть сколь угодно далеко. Я говорю просто как человек, который неплохо тебя изучил. Если тебе выпадет случай встретиться с ней наедине, не вздумай им воспользоваться.

— Ты вправду думаешь, что моей ненависти к ней недостаточно, чтобы не бросится к ней навстречу? — с горьким смешком спросила я. — Ах да, тебя же не было рядом со мной в повозке, когда я очнулась после ее предательства.

— Зато я был на Гиппокампе, когда отказался от своей семьи, чтобы вытащить тебя из оцепенения, в которое тебя поверг один лишь ее вид, — возразил Гиацинт. — Что бы ни было тому причиной, это не просто ненависть. Ей, конечно, не следовало выпускать из рук поводок после того, как она надела на тебя этот ошейник. Так не позволяй же ей вновь до него добраться.

Его слова были справедливы, и даже больше — правдивы, их подтверждение таилось в темных уголках моей души, как бы я ни отказывалась это признавать. Я прикусила губу и согласно кивнула.

— Не позволю. Да ниспошлет мне Благословенный Элуа возможность последовать твоему совету.

— Хорошо. — Гиацинт окинул нас всех взглядом и тихо сказал: — Если не возражаете, друзья, я хотел бы немного побыть один. Пора уже к этому привыкать, ведь скоро мы распрощаемся. И вам еще нужно продумать стратегию кампании после того, как Хозяин Проливов покажет расстановку сил в Земле Ангелов. С этой задачей вы управитесь только все вместе.

Итак, мы вернулись в храм Хозяина Проливов на вершине горы вчетвером, а не пятером.

— Готовы? — спросил Повелитель Вод на свой волшебный манер, так что каждый услышал вопрос на своем родном языке. Опустошенная горем, я больше не удивлялась этому чуду.

— Покажите нам все, что сочтете нужным, милорд, — ответила я за всех.

Хозяин Проливов взмахнул рукой над бронзовой чашей, в свете догорающего солнца его рукав показался янтарным.

— Вот, смотрите! — пророкотал он. — Война.

В последнем слове прозвучал темный холодный ужас океанских глубин. Мы окружили треногу с чашей и во все глаза стали наблюдать за картинами, проявлявшимися на поверхности воды.

Несметные орды скальдов с копьями, мечами и топорами, в шлемах и щитках переходят ангелийскую границу через северный проход. Они вторгаются в прибрежные земли и беснуются вдоль Рейна, бросая копья в корабли на реке и уворачиваясь от ответного града стрел. Варвары на южных проходах караулят ущелья и заманивают ангелийские дозоры на восток.

В камлахских горах Исидор д'Эгльмор, сверкая доспехами, выжидает во главе пятитысячной группировки войск под знаком Союзников Камлаха — пылающим мечом.

Глядя на него, я зажала кулаком рот. Ангелийцам же было заранее известно о грядущем вторжении Селига и о его стоворе с д'Эгльмором, ведь я все рассказала в подробностях! Неужели Исандра мне не поверила? А может, я слишком много ждала, полагая, что армия подчинится приказу юной королевы, основанному на ничем не подкрепленных словах служительницы Наамах, беглой скальдийской рабыни? «И вдобавок обвиненной в убийстве», — додумалась неприятная мысль. Но Исандре наверняка достало бы ума провести дополнительную разведку, чтобы убедить сомневающихся...

— Подождите-ка, — произнес Хозяин Проливов.

Картина на воде изменилась.

Полчища скальдов, словно саранча, текут через северный проход, сметая всех и вся на своем пути. Во главе левого фланга высится сам Вальдемар Селиг, восседающий на огромном боевом коне. Правый фланг доверено вести Колбьорну из племени маннов. Войско продвигается вперед полукругом, центральные отряды чуть отстают от фланговых.

Захватчиков так много, что мое предупреждение, учтенное или нет, ничего не решает.

Вот значительная часть ангелийской армии под знаменем с яблоней Перси де Сомервилля и под серебряным лебедем Дома Курселей оставляет южные проходы, перегруппировывается и спешит через Намарру на север, чтобы перехватить

скальдов.

А в горах Камлаха Исидор д'Эгльмор вскидывает руку и выкрикивает какой-то приказ. Вояки д'Эгльмора, выстроенные в боевом порядке, изготавливаются к атаке.

Интересно, он уже знает, что Селиг его предал? Квинтилий Русс рыдающим голосом принялся призывать проклятия на голову мятежного герцога.

И вдруг в рядах д'Эгльмора начинается непонятное смятение: Союзники Камлаха разворачиваются, руша построение.

Я до рези в глазах вглядывалась в воду, пытаюсь понять, что там происходит. А когда поняла, то заплакала.

Удар в спину. Солдаты из арьергарда вдруг обращаются против своих боевых товарищей, ожесточенно рубя и разя мечами. То тут, то там, в местах особенно ожесточенных схваток, видны поднятые на древках копий флажки Дома Тревальонов — три корабля и Путеводная звезда. Бунтари храбро сражаются не на жизнь, а на смерть.

По движению их губ угадывался боевой клич, который они выкрикивали, наскакывая на противников. Давным-давно я слышала, как они скандировали это священное для себя имя в победном марше: «Бодуэн! Бодуэн!» Видимо, не без задней мысли Каспар де Тревальон придумал отправить Искателей Славы в Камлах. Какую бы роль они ни сыграли в интригах Львицы Аззали, в конце концов гвардейцы принца Бодуэна отдали свой долг короне с лихвой.

Но Искатели Славы не одиноки в своем самоубийственном порыве. В рядах Союзников Камлаха находятся и другие бойцы верные трону. Наверняка они понимают, что обрекают себя на верную смерть.

Я в ужасе смотрела на побоище.

Вот д'Эгльмор что-то беззвучно кричит, скорее всего, команды своим солдатам.

Но после короткой междоусобицы контратака герцога захлебывается. Немногие выжившие мятежники отступают и, разделившись, бросаются вскачь к горам. Конники д'Эгльмора рвутся в погоню, но герцог их удерживает и снова выстраивает войска.

Он всегда был слишком умен, чтобы кидаться в бой очертя голову.

Вместо этого он допрашивает мятежников, захваченных живьем. Один из них — явный Искатель Славы, — рассмеявшись, плюет герцогу в лицо. Смелчака тут же валят на колени и приставляют к шее мечи. Д'Эгльмор задает какой-то вопрос.

Даже не слыша ответа, я догадалась, о чем речь, по тому, как сильно герцог побледнел. Видимо, до того момента он не подозревал о предательстве Вальдемара Селига.

Воина, принесшего дурную весть, убивают.

Вопреки моим ожиданиям, волшебная чаша Хозяина Проливов показала, что случилось со сбежавшими мятежниками.

Вот они, оглядываясь, спускаются с гор в поля Намарры. Наверное, удивляются, почему нет погони. Стремясь побыстрее ускакать от Союзников Камлаха, уцелевшие Искатели Славы налетают прямо на скальдов Вальдемара Селига.

Жослен придушенно вскрикнул. Я отвернулась.
— Смотри, — безжалостно приказал Хозяин Проливов.

Происходит новое побоище. По крайней мере, оно не затягивается: скальды умеют убивать по-быстрому, особенно воины Селига. Они поют, сражаясь, и обагрят кровью мечи.

Не сомневаюсь, что уже слышала эти песни.

Вдалеке мелькают флаги с ястребами гвардейцев д'Эгльмора, поспешно отступающих, пока захватчикам не до них.

И тут появляется ангелийская армия.

Битва разворачивается так широко, что невозможно наблюдать за всем полем боя одновременно.

Перед нами мелькали одна картина на другой.

Вот на острие атаки скачет граф Перси де Сомервилль, скорее всего, намереваясь войти клином в слабый центр вражеской группировки.

О Элуа, сколько крови! Ужасное зрелище.

Я попыталась сосчитать ангелийские знамена и не смогла, так их было много.

Сражаются воины Домов Съоваля, Эйсанда, Ланьяса, Кушета, Намарры. Ни одного флага из Аззали — тамошние войска ждут неприятеля на северной границе, удерживая Рейн. И ни одного из Камлаха, поскольку камаэлиты либо с д'Эгльмором, либо уже мертвы.

Золотой лев королевского дома Арагонии реет над отрядом копьеносцев примерно в тысячу человек в стальных шлемах с плюмажами. Арагонцы храбро пускают в ход длинные копья и останавливают скальдийскую пехоту.

Там же и герцог Баркель л'Анвер во главе двух сотен обученных в Хеббель-им-Аккаде кавалеристов. Они осыпают стрелами правый фланг скальдов.

Заметив герцога, я, признаться, удивилась. Друстан маб Нектхана с живым интересом

наклонился вперед. Ничего подобного он наверняка еще не видел.

Л'Анвер улыбается до ушей, концы его бурнуса развеваются из-под конического шлема. Всадники вертятся на одном месте, словно дервиши, поливая противника смертоносным дождем стрел. Одна из них втыкается в глаз Колбьорна из племени маннов.

Вот уж кого мне ничуть не жаль.

Да, я сомневалась в Баркеле л'Анвере, который так долго враждовал с моим наставником, но теперь обрадовалась, убедившись, что герцог на нашей стороне.

В конечном счете сказывается численный перевес скальдов — их просто-напросто слишком много.

Клин графа де Сомервилля пробивает центр скальдского войска, верша кровавую жатву; правый фланг варваров рассыпается в тщетной попытке увернуться от стрел лучников л'Анвера.

Но левым флангом, на востоке, командует Вальдемар Селиг.

Вот он, беззвучно крича, собирает войска в крепкий кулак и наносит мощный удар, отсекая от основной части ангелийской армии далеко зашедший авангард во главе с графом.

Недавняя атака сменяется массовым отступлением, но, к чести Сомервилля, оно происходит организованно.

Раньше я не могла взять в толк, почему его назначили верховным главнокомандующим, но теперь-то наконец поняла.

Ланьяские лучники, прикрываемые кавалерией, выстраиваются в ряд и на вытянутой руке вскидывают луки. С суровыми лицами они, не сдвигаясь ни на шаг, выпускают залп за залпом и удерживают скальдов, пока другие отряды спешно ретируются. Большинство тех лучников там и погибают, выжившие обязаны спасением людям л'Анвера, которые сражаются, как десять тысяч частенько поминаемых Руссом аккадианских демонов.

Это самопожертвование обеспечивает ангелийцам успешное отступление.

Войска возвращаются в Трой-ле-Мон, расположенный в холмах северной Намарры.

Позже я узнала, что Сомервилль, предусмотрел такой исход первого сражения и заранее подготовил город к осаде и обороне.

Там своих воинов встречает Исандра де ла Курсель, тоже готовая отдать жизнь за Землю Ангелов.

Первое, что мы увидели в бронзовой чаше Хозяина Проливов, стало и последним: сосредоточенное лицо королевы. Друстан шумно вдохнул, и тут движущиеся картинки растворились в воде, а на их месте появилась карта Земли Ангелов.

— Понимаете? — спросил Хозяин Проливов. — Вот здесь, — он ткнул в точку на карте,

где находился Трой-ле-Мон, — сидит в осаде ангелийская армия. Вокруг полчища скальдов. — Он повел пальцем дальше вдоль северной границы Аззали. — И здесь тоже они, пусть не так густо, но все равно не пусто. Вот в этих местах, — бледный палец переместился на южные проходы, — боевые действия не ведутся: слишком мало войск с обеих сторон. А дальше, — указующий перст уже на востоке Эйсанда, граничащего с Каэрданским Союзом, — стоят объединенные армии каэрданских городов-государств на случай прорыва скальдов.

— Труссы, — с отвращением проворчал Квинтилий Русс. — Ну да ничего другого от них ждать не приходится. Старший Брат, а не скажешь ли, где мой флот?

— Твой флот на стороне лебеда? — спросил Хозяин Проливов.

Меня немного удивило, что он этого не знал. Хотя чему тут удивляться: на воде можно видеть людей, но разговоров-то не слышно.

Адмирал кивнул.

— Вот тут. — Белый, словно кость, палец проследовал по течению Рейна. — Удерживают северную границу вместе с солдатами Аззали.

— Молодцы, — буркнул Русс.

— Значит, герцог де Морбан их отпустил, — задумчиво протянула я. — Кстати, а сам-то он где? Кто-нибудь заметил его знамя?

Все покачали головами. Нахмурившись, я склонилась над чашей.

— А где сейчас Исидор д'Эгльмор? — спросила я у Хозяина Проливов, позабыв о своем страхе перед ним. — Он все еще командует войском?

— Сребровласый Ястреб Севера. — Указующий перст завис над гористой границей Камлаха и Намарры. — Сегодня вот здесь, — кончик пальца коснулся поверхности воды, и карта пошла рябью, — но на одном месте не задержится. Он по собственной глупости попался в ловушку.

— Так ему и надо, — горько вздохнула я, думая об Искателях Славы и о сотнях верноподданных камаэлитов, погибших, чтобы положить предел притязаниям герцога на трон. Тронула бриллиант на груди. — А Мелисанда Шахризай?

Хозяин Проливов, чуть помедлив, покачал головой. Заходящее солнце заставило его изменчивые глаза загореться красным огнем. Гилдас и Тилиан переминались чуть поодаль — пора было спускаться к морю, чтобы заново наполнить чашу.

— Мне под силу увидеть великие события, — признался Хозяин Проливов, — а незначительные, увь, нет, за исключением разве что тех, участников которых я знаю в лицо.

— История по большей части складывается из незначительных событий, — пророкотал Квинтилий Русс.

Жослен переступил с ноги на ногу, и на подернутую рябью воду упала крестообразная тень рукояти его меча.

— Туда, — выдохнул на круитском Друстан маб Нектхана, не обращая на нас внимания. Наклонившись, он, беря пример с Хозяина Проливов, пальцем указал на Трой-ле-Мон, в точку, где недавно видел лицо Исандры. По поверхности снова пошли круги, размывая карту. Когда вода успокоилась, в ней виднелось лишь отражение закатного неба и больше ничего. — Вот туда мы отправимся!

Друстан посмотрел на меня — темные глаза блестели в окружении синих узоров. Я перевела взгляд на Квинтилия Русса — единственного из нас, кто имел опыт войны со скальдами, а тот в свою очередь покосился на высокую фигуру в мантии.

Хозяин Проливов повернулся к нам спиной и отошел к дальнему концу храма.

— Круарх Альбы был прав, упрекая меня в нечестной игре с вами. Я пригоню ваши корабли на любой берег моря, куда пожелаете. Но большего я сделать не в силах. У меня нет никакой власти над сушей. Я правлю лишь Первой и Второй Сестрами, будучи не вправе покидать Третью. И только.

— Милорд адмирал? — я не сводила глаз с Квинтилия Русса.

Тот откашлялся.

— Значит, доставь нас к устью Рейна, Старший Брат, и как можно дальше против течения. — Он почесал подбородок. — Для начала воссоединимся с моим флотом и кораблями Гислена де Сомервилля, усилим охрану северных границ. Может статься, вместе придумаем, как прорвать осаду Трой-ле-Мона.

Я перевела слова Русса для Друстана, который коротко кивнул. Как бы молод и влюблен он ни был, но все же не стал бы рисковать жизнями своих людей ради отчаянного наступления наобум.

— Завтра на рассвете, — сказал Хозяин Проливов, поворачиваясь к нам лицом, бледным и жутким на фоне темнеющих небес, — море отнесет вас, куда пожелаете. Будьте готовы.

— Будем, — пожившись, прошептала я.

И он нас отпустил.

Гилдас и Тилиан поспешно взяли за ручки бронзовой чаши, аккуратно сняли ее с треноги и бережно понесли к лестнице. А дальше принялись осторожно, ступенька за ступенькой спускаться к морю. Да, такой работе не позавидуешь.

Возвращаясь к башне, я окинула ее взглядом снизу доверху. В витражных заглубленных окнах горел свет, отбрасывая на каменные ниши янтарные, кобальтовые, рубиновые и изумрудные блики. Комната на самой вершине казалась охваченной радужным огнем.

Гиацинт.

Мы готовились отплыть на рассвете.

Нетрудно догадаться, что большую часть вечера мы провели, строя планы. Слуги принесли перья, чернила и чистый пергамент — писчей бумаги на Трех Сестрах не водилось. Я набросала карту Земли Ангелов и принялась наносить на нее районы боевых действий, а Русс, Жослен и Друстан, заглядывая мне через плечо, подсказывали под руку дополнения и коррективы.

Звучала чудовищная смесь ангелийского, круитского и каэрдианского языков. Я не успевала переводить. Наверняка любому постороннему человеку наш разговор показался бы совершенной тарабарщиной, однако мы друг друга неплохо понимали.

Гиацинт молчал, в его глазах залегли тени.

Конечно, мы описали ему увиденное в волшебной бронзовой чаше Хозяина Проливов. Тсыган выслушал новости, не проронив ни слова, но явно огорчился.

Было ясно, что присутствовать при обсуждении наших планов ему тяжело. Спустя какое-то время после ужина — ели второпях, блюда принесли прямо в библиотеку, — он поклонился и ушел, тихо пообещав:

— Утром я вас провожу.

Я смотрела вслед Гиацинту, когда неожиданно почувствовала на себе взгляд Жослена. Добившись моего внимания, он усмехнулся и развел руками. Посреди зимней скальдийской глуши нам не требовались слова. И тут я его тоже поняла.

— Милорд адмирал. — Квинтилий Русс поднял глаза от изображения каэрдианской катапульты, найденного на полках библиотеки. — Думаю, в военном планировании вы обойдетесь без меня.

— Ты прекрасно чертишь... — Он вдруг осекся, покачал головой, и его лицо со шрамом озарилось сочувствием. — Ладно, Федра, сегодня мы без тебя обойдемся.

Кивнув в знак благодарности, я удалилась в свою комнату.

Накануне служанки немало потрудились, чтобы найти для меня подходящий наряд, а тем вечером им пришлось еще труднее. Думаю, этим женщинам подобные хлопоты были только в радость; самая молодая часто хихикала. Порывшись в сундуках, где хранились чистые и с любовью восстановленные наряды, они подобрали для меня дивное платье цвета янтаря, оттенком напоминающее тлеющий огонь, с расшитым золотом парчовым корсажем. Со дна извлекли золотую сетку для волос и, представьте, запечатанные сургучом сосуды с нетронутыми морем притираниями какой-то знатной дамы.

Я наклонилась почти вплотную к потемневшему старинному зеркалу и нанесла на губы карминную помаду. Кроваво-красную, как метка в моем левом глазу, резко выделяющаяся на темном бистре радужки. Слегка окаймила черным веки. Я всегда мало красилась — в этом не было нужды.

Когда я выпрямилась, служанки потрясенно ахнули.

— Вы похожи на ожившую легенду, — тихо выдохнула старшая.

Я печально глянула в зеркало.

— О да, — кивнула я, думая о несчастной судьбе Гиацинта. — Очень похоже.

Дверь его спальни была не заперта. Держа в руке свечу, он резко вскинул голову, когда я ступила через порог. Я застала его готовящимся ко сну: без сюртука, в белой рубашке и

темных штанах. Гиацинт пронзил меня немигающим взглядом.

— Я не Бодуэн де Тревальон, — наконец сказал он презрительно. — Мне не нужен прощальный подарок, Федра.

Я закрыла за собой дверь и тихо ответила:

— Если тебе легче быть жестоким, разом обрубить все связи, я пойму и уйду. Но если нет... какой ты хочешь помнить нашу близость, Гиацинт? Как отчаянный порыв на поле боя у стен Брин Горридам или... здесь, так как должно?

Долгую минуту он молча смотрел на меня, а потом отвесил низкий поклон и обнажил белые зубы в сияющей улыбке:

— За Королеву Куртизанок!

В тот миг я его любила.

— И за Принца Странников.

Не стану рассказывать, что произошло между нами в ту ночь. Это никак не повлияло ни на предшествующие, ни на последующие события, и не касается никого кроме нас с Гиацинтом. Мне редко удавалось выбирать, кому расточать свои дары, кого тешить искусством Наамах. Той ночью я сама сделал выбор и ни разу о нем не пожалела.

Мы еще не спали, когда небо на востоке начало сереть.

— Ступай, милая, — неожиданно ласково прошептал Гиацинт, целуя меня в лоб. — Пока мое сердце не разбилось. Иди.

И я ушла.

Из роскошного наряда, поднятого с морского дна, я переделалась в подаренный Куинселем де Морбаном дорожный костюм, выстиранный с тем же бережением. Янтарное платье легло обратно в сундук, я поблагодарила сонных служанок и отправилась к своим спутникам.

Прощание происходило в продуваемом всеми ветрами храме. Хозяин Проливов стоял неподвижно, словно статуя; развевались только полы его мантии. За все земные сокровища я бы не согласилась снова пережить те горькие минуты. Не знаю, как их вынес Гиацинт, но он нашел, что сказать каждому из нас, пока корабль покачивался на волнах далеко внизу, а Тилиан с Гилдасом следили за погрузкой моряков и лошадей.

— Милорд круарх, — обратился он к Друстану, используя скудный запас круитских слов, почерпнутых от Мойред и ее сестер, — будьте уверены, я пригляжу за вами. — Взяв круарха за руку, провел пальцем по золотой печатке с лебедью. — Да хранит вас Благословенный Элуа.

Друстан кивнул и тихо ответил:

— Куллах Горрьим будут воспевать твою жертву.

Их глаза на секунду встретились; в переводе не было нужды.

Круарх захромал к лестнице, а к Гиацинту подошел Квинтилий Русс и заключил в объятия.

— Эх, парень! — грубовато воскликнул он. — Ты провел нас сквозь беспросветный туман в безопасную гавань. Никогда этого не забуду. — Он вытер с глаз навернувшиеся слезы. — И больше никогда не стану клясть во все корки Хозяина Проливов, так-то, Младший Брат. Если тебе хоть что-то понадобится, пошли ветер нашептать мне на ухо.

— Доставьте их всех на берег целыми и невредимыми, — отозвался Гиацинт. — Прошу только об этом, милорд адмирал, ничего другого мне не нужно.

Русс отступил, и его место занял Жослен.

— Тсыган, — пробормотал он, хватая Гиацинта за запястья, — у меня нет слов.

Тот лукаво улыбнулся.

— Забавно. А вот я многое хотел бы тебе сказать, кассилианец. Ты прошел долгий путь с нашей первой встречи, когда над тобой издевались акробаты-шиповники. Даже сумел прекрасно выступить в роли мендаканта.

— Этим успехом я обязан тебе. — Жослен помедлил. — Как и уроком мужества, тсыган. — И произнес традиционное тсыганское прощание, которое, должно быть, выучил в таборе: — Сколько бы я ни прожил, каждый день хоть раз да скажу твое имя.

— И я твое. — Гиацинт подался вперед и заговорил почти беззвучно, так что я ничего не расслышала.

Ожидая своей очереди, я повернулась к Хозяину Проливов. Тот наблюдал за происходящим затуманенными, словно запотевший хрусталь, глазами.

— Почему вы позволили нам плыть дальше на Альбу в обмен на песню? — Вопрос родился внезапно из тех глубин, где копятя неразгаданные тайны. — И Телезис де Морне пропустили за песню, и еще других. Почему?

Он посмотрел мне в лицо.

— Моя мать любила петь, — тихо ответил Хозяин Проливов голосом, подобным порыву ветра. — Иногда она пела для меня. Я не помню иной ласки, иной доброты. После восьми сотен лет на этом острове я жажду новых песен и за каждую готов отблагодарить.

Я поежилась и плотнее запахла накидку.

— У меня нет для вас ни доброты, ни благодарности, милорд. Цена вашей свободы слишком высока.

Хозяин Проливов не стал отвечать, а лишь поклонился. Думаю, он сознавал, сколь высока эта цена.

А потом Жослен отошел и настал мой черед прощаться.

На вершине одинокого острова посреди моря мы с Гиацинтом посмотрели друг на друга.

— Ты права, — сказал он. — Мы правили бы Городом Элуа от Моннуи до самого Дворца.

Вот и все, что он мне сказал, да больше и нечего было говорить. Я крепко обняла его. Чуть помедлив, он аккуратно высвободился из моих рук.

— Пусть Элуа бережет тебя, Федра, — заключил Гиацинт. — Иди. Поскорее оставь это проклятое место.

Всю долгую дорогу вниз, одолевая ступеньку за ступенькой, я не смела оборачиваться. Глаза застили слезы, и Элуа знает, кто помог мне подняться на корабль. Лица и предметы цветными пятнами расплывались перед глазами. Послышался крик Квинтилия Русса, затем звон цепи поднимаемого якоря. Корабль развернулся носом в открытое море, и в корму тут же задул попутный ветер. Паруса расправились, серые скалы пронесли мимо, и мы вылетели на простор, где взяли курс на север.

Только там, в открытом море, я наконец набралась смелости оглянуться. Их все еще можно было различить: колонны храма на вершине горы и между ними две маленькие фигурки — одна в мантии, неподвижная как статуя, а другая пониже, с развевающимися на ветру кудрями.

Внезапно мое внимание привлек крик за спиной. Один из круитов указывал куда-то вверх.

Высоко на снастях висел Жослен, цепляясь за веревки ногами и одной рукой, а в свободной сжимая обнаженный меч. Он поднял клинок над головой, и рассветное солнце зажгло полированную сталь, словно принимая рискованную дань уважения. На вершине скалы Гиацинт прощально вскинул руку и долго-долго не опускал.

Я смеялась и смеялась, пока не заплакала, или плакала, пока не рассмеялась — не уверена, как было на самом деле. Только когда остров скрылся за горизонтом, Жослен убрал меч в ножны и принялся ловко спускаться по мачте, а в конце спрыгнул на палубу.

— Ты как, в порядке? — чуть запыхавшийся, спросил он у меня.

— Да, — тяжело вздохнула я. — Или нет. Ах, Элуа... Кстати, Жослен... а что он сказал тебе на прощание?

Облокотившись на перила, мой кассилианец устремил взгляд на пенистый след, что корабль оставлял на воде, пока Хозяин Проливов гнал нас к берегам Земли Ангелов.

— Ну, он попросил сохранить это от тебя в секрете, — ответил Жослен. — Сказал, что незнание стреножит твой слишком прыткий ум.

Я обиженно вскинула голову и воскликнула:

— Неправда!

Хотя Гиацинт вполне мог брякнуть что-то в этом духе.

Жослен покосился на меня и признался:

— Нет, конечно. Он сказал, что если я кому-то позволю причинить тебе вред, он найдет на меня морскую пучину.

Тоже вполне в духе Гиацинта.

Я смотрела на морской простор за кормой, улыбаясь сквозь слезы.

— Друг мой, — прошептала я, — я буду скучать.

Волшебный ветер ровно дул весь день, гоня нас верным курсом. Мы неслись на гребне волны к северной части Аззали. Квинтилий Русс сжимал штурвал, изредка выкрикивая команды на ангелийском и ломаном круитском. Мы напряженно высматривали остальной флот, отчаливший с нами от Альбы, но не заметили никаких других судов на морском просторе.

И лишь достигнув устья Рейна, поняли, почему.

Наше войско добралось сюда раньше нас. Песчаные берега реки скрылись под несметным множеством шаланд, лодок, шлюпов и плотов, а южнее раскинулся обширный лагерь. Ах, как загорелись глаза Друстана, когда он увидел своих людей живыми и здоровыми.

Хозяин Проливов сказал Квинтилию Руссу, что без его вмешательства половина из них погибла бы в море. По-моему, утверждение сомнительное — но кому пристало опровергать слова Повелителя вод? Одна-единственная жизнь против сотен ничего не стоит. Но Гиацинт мой друг, и я его оплакивала.

Мы пришвартовались, и десятки соратников бросились помочь нам высадиться на берег. После победного плавания воссоединившись на твердой земле, все принялись обниматься, пожимать друг другу руки и взахлеб рассказывать свои истории, несусветные для любого, кроме участников этих событий. Видимо, мы прибыли на несколько часов позже остальных, и теперь им не терпелось напеть в свежие уши, как вначале огромные волны бережно донесли разномастный флот до гостеприимной Первой Сестры, а потом ласково, словно материнские руки, доставили в устье Рейна.

Да, когда Хозяин Проливов восстал из водоворота, не обошлось без потерь. Семнадцать

человек и четыре лошади. Я мысленно добавила их жизни к цене его свободы. Высокая цена.

Но большинство из отправившихся воевать за Землю Ангелов выжили.

В отсутствие круарха командование взяли на себя Близнецы и неплохо справились. Тогда об этом речи не зашло, но позже я услышала, что армия поначалу впала в уныние на берегах Первой Сестры и лишь неукротимая Грайне сумела вновь разжечь в солдатах боевой дух, а уж Имонн держал их в ежовых рукавицах, заставляя выпасать лошадей, сушить и чистить оружие и добывать провиант. В рядах армии нашлись знающие ангелийский люди из Эйдлах Ор, сумевшие договориться с местными жителями. Те выучили язык за долгие годы торговли и перекрикивания с рыбаками из Аззали. Некоторые из них оказывали гостеприимство Телезис де Морне в ее изгнании.

И когда жуткая водяная голова вновь поднялась над водами и приказала быстро грузиться на суда, именно Близнецы убедили солдат подчиниться. Меня там не было, поэтому не берусь рассказывать, что в действительности произошло на Первой Сестре, но год за годом барды из далриад слагают об этом все новые и новые песни.

Квинтилий Русс не стал терять времени на празднество в честь воссоединения. Несколько его моряков сгинули в море, но, во многом благодаря привитой адмиралом воинской дисциплине, потери для столь рискованного похода были небольшими. Собрав свою поредевшую команду, Русс вызвал добровольцев, отобрал из них пять лучших всадников и отправил в путь еще до заката.

Они поскакали на восток, чтобы найти Гислена де Сомервилля, командующего армией Аззали и флотом Русса. Я стояла рядом с адмиралом, провожая гонцов. Проезжая мимо под знаменем Дома Курселей и самодельным флагом со стрелой Кушиэля, они отдавали нам честь.

Парни Федры. Мои.

Не знаю, каково королям и королевам, когда они отправляют отряды на погибель со своим именем на устах. За последние два дня я пережила ужас и горе, и на проводах, шатаясь, хотела лишь залечь в тихом месте и поглубже уснуть. Но матросы Квинтилия Русса залихватски улыбались в седлах, отдавали честь и скакали на восток, отбрасывая длинные тени.

— Они приведут сюда настоящие корабли, милорд круарх, когда отыщут мой флот, — обратился адмирал к Друстану на ломаном каэрдианском. — Корабли, которые быстро переправят всю вашу армию вверх по Рейну!

Его глаза блестели в предвкушении.

Друстан кивнул.

— Сегодня заночуем здесь, — крикнул он на круитском, взглядом прося меня перевести. — Отпразднуем удачу выживших и почтим память павших. А завтра отправимся на войну!

Ушло некоторое время, чтобы свернуть лагерь и подготовить войско к маршу, но все же нам удалось выступить до того, как солнце поднялось высоко.

Лошадей на всех не хватало, но, к моему удивлению, Грайне отыскала меня в толпе и пригласила на свою боевую колесницу, которую переправила через Проливы, не смотря на все трудности и опасности. Я не стала отнекиваться и с радостью приняла ее предложение. Та поездка на колеснице стала для меня первой и последней, поскольку ни малейшего удовольствия не доставила. Колесница подпрыгивала и кренилась на ухабистой дороге так, что стучали зубы. Но даже нещадная тряска не помешала мне поразиться мастерством, с которым Грайне правила упряжкой: ноги напряжены, поводья в одной руке, а другая свободна, чтобы при необходимости быстро схватить копье или меч. Большая часть армии маршировала вдоль Рейна; из всей флотилии прихватили всего несколько кораблей. Непросто было выгребать против течения, но гребцы упрямо работали веслами, а ветер ровно дул в спину, надувая паруса.

Так мы и продвигались: пешком и верхом, на колесницах и на кораблях, словно могучей косой проходясь по прибрежным землям. В нескольких деревнях, которые случилось миновать, аззалианские крестьяне разглядывали нас с подозрением — видимо, боясь круитов, но из гордости не выказывая свой страх открыто. С помощью Жослена и Квинтилия Русса я по возможности успокаивала местных, хотя, наверное, их ввергали в еще большее замешательство учтивые словеса, лившиеся с губ куртизанки со Двора Ночи, путешествующей в компании разрисованных синим варваров.

Но крестьяне были понаслышаны о войне и делились с нами новостями; в каждой деревне имелось народное ополчение — крепкие мужики, вооруженные кто чем, зорко следили за рекой, высматривая, не появятся ли на том берегу скальды и не попытаются ли наладить переправу. А на вопрос об армии Аззали, нам указывали на восток.

Два с половиной дня мы шли, и шли, и шли, по ночам забываясь беспробудным сном. А посреди третьего дня вернулись гонцы Русса. Парни Федры примчались сломя голову, приняв от ангелийцев свежих лошадей, но отказавшись смениться.

Признаюсь, сердце мое затрепетало, когда вдаль показались всадники с развевающимися на ветру флагами: лебедем Дома Курселей и моим собственным курьезным гербом — стрелой Кушиэля. Я вцепилась в руку Грайне, и та направила колесницу навстречу конникам. Квинтилий Русс подоспел в авангард как раз вовремя, чтобы встретить гонцов.

— Милорд адмирал! — выкрикнул командир маленького отряда хриплым голосом. — Флот идет за нами!

Он указал на реку, где из-за широкой излучины Рейна один за другим выходили корабли — к нам спешил королевский флот с поднятыми флагами, и на каждом красовался лебедь. Гребцы работали столь усердно, что всадники едва опередили наше подкрепление.

Тогда я поняла, что, должно быть, чувствовали круиты, увидев наш одинокий флагман у своих берегов. Разразившись восторженными выкриками, солдаты поспешили на берег, где принялись ловить брошенные с судов тросы.

На подмогу прибыло больше тридцати боевых кораблей, над рекой закачался лес мачт. Радостный Квинтилий Русс выкрикивал приказы на чудовищной мешанине языков, руководя погрузкой армии. Когда все воины взошли на суда, те заметно осели. Гребцам пришлось

потрудиться, чтобы развернуться и двинуться против течения, но удача нас не оставляла: попутный ветер надувал паруса, помогая налегавшим на весла.

«Хозяин Проливов держит слово», — думала я, стоя на носу и глядя на реку.

Устроив лошадей и разместив свою колесницу, Грайне ко мне присоединилась. Мы плыли на адмиральском флагмане. С соседнего корабля что-то прокричал Имонн, привлекая наше внимание. Грайне громко ответила своему близнецу, смеясь и посылая воздушные поцелуи. Глядя на них, я невольно улыбалась.

— Нам никогда не удастся в полной мере отблагодарить далриад за все, что вы сделали, — сказала я Грайне.

Та посмотрела на Друстана, внимательно слушавшего Квинтилия Русса.

— Вы помогли нам занять место в истории, о которой барды будут петь детям наших детей, — возразила Грайне, кладя руку себе на живот и загадочно улыбаясь. — Такова заветная мечта всех далриад. Даже Имонн глубоко в душе мечтает о том же. — Она обняла меня. — Мы слышали о том, какая судьба постигла твоего друга. Сочувствую. Он был смел и весел.

— Спасибо, — тихо отозвалась я, глаза вновь обожгли слезы. Ах, Гиацинт.

Никогда не забуду проявленную Грайне доброту. Многим людям неловко видеть чужое горе, они сторонятся несчастного, боясь сказать что-то невпопад. Могу заверить, что утешение никогда не бывает неуместным. Доброе слово, рука поддержки... всегда принимаются с благодарностью. Грайне-то об этом хорошо знала, поскольку ее пронизательность и доброта даровали ей понимание того, в чем нуждаются сердца окружающих.

Даже при попутном ветре на перегруженных кораблях мы тащились еще целый день, но желающие грести не переводились, и поэтому никто не валился с ног от усталости. Сигои из Тауру Кро ворочали веслами долгие часы, видимо, стремясь искупить вину за случившееся в Проливах, их руки пузырились кровавыми мозолями. Вскоре об этом узнал Друстан, поговорил с солдатами, вызвавшими гнев Повелителя Вод, и дал им понять, что ни в чем их не винит.

Круарх был справедлив и великодушен; сама же я часть ответственности возлагала на себя, потому что не удосужилась предупредить ангелийских моряков об уговоре между островитянами и Хозяином Проливов. Но, честно говоря, он попросту слукавил, хитро расставив ловушку так, чтобы мы в любом случае в нее угодили.

Всадники Русса отыскивали адмиральский флот под началом Гислена де Сомервилля, который возглавлял половину войск Аззали, о чем незамедлительно нам донесли. Второй половиной аззалийской армии дальше на юго-востоке командовал Марк де Тревальон. Вместе они обороняли длинный отрезок границы и четыре полуразрушенных моста через Рейн. Мы собирались добраться лишь до первого моста, поскольку дальше по неглубокому фарватеру океанским кораблям Русса ходу не было. Флоту надлежало защищать отрезок реки от моста до моря. Гонцы застали все суда собравшимися у моста только потому, что сильный отряд в полторы тысячи скальдов, по слухам, собирался этот мост захватить.

Не думаю, чтобы переправа через реку играла какую-то ключевую роль в плане вторжения; из того, что мы видели в волшебной чаше, основные полчища варваров хлынули в Землю Ангелов через камлахский Северный проход. Но если Селигу удастся прорваться в Аззалию, он получит обширный плацдарм для нападений по всей нашей стране и намертво закрепится в прибрежных землях. А даже если захват не удастся, силами всего лишь горстки

людей — а для Вальдемара Селига несколько тысяч это не более чем горстка — он удержит в глухой обороне целую провинцию, тем самым обезопасив свои полчища от нападения аззалийских войск с тыла.

Воистину, вождь, умеющий мыслить. Гонзаго д'Эскобар не ошибся.

Заслышав шум битвы — вопли и лязг железа, — я поняла, что наша цель уже где-то рядом. Мы, на флагманском корабле, увидели картину сражения первыми. Среди скальдов отыскивались умельцы, которые в отсутствие флота Русса предприняли попытку навести понтонную переправу. Варвары пользовались тиберийской тактикой: выкопали на берегу окопы и построили перемещаемые стены-щиты, чтобы прикрывать строителей.

Однако тиберийские солдаты не допустили бы в своих рядах недисциплинированности, тогда как скальды действовали разрозненно, продвигались по грубо сколоченным плотам вдоль полузатопленных опор моста малочисленными группками. Только несколько сотен добрались до ангелийской земли, остальные пока мешкали на своем берегу. Люди Гислена маневрировали, укрываясь от скальдийских копий. Под командованием молодого де Сомервилля сражались всего семь сотен воинов, а позже я узнала, что его лучники за последние два дня остались совсем без стрел, стараясь удержать скальдов до нашего прибытия. И им это удалось.

Хотя мы едва не опоздали.

Когда наша флотилия двинулась к мосту, скальды замерли. Смею предположить, два дня назад, приступая к переправе, они выставили наблюдательный пост на случай возвращения кораблей, но здравая мысль в их головах долго не продержалась. Сердце заледенело при виде таких знакомых воинов-скальдов с железными мускулами и яростью в глазах.

Как хорошо, что ангелийские женщины не должны сражаться. Квинтилий Русс, тот не сробел и не стал колебаться. Его матросы были приучены без раздумий выполнять приказы, и адмирал принялся громогласно выкрикивать какие-то команды, понятные только морякам.

Скальды же начали скандировать имя Вальдемара Селига.

Друстан маб Нектхана быстро понял замысел Русса; несмотря на косолапость, он ловко забрался на нос флагманского корабля и воззвал к своим солдатам. На обращенном к вражескому берегу борту каждого судна выстроились альбанские лучники, защищая матросов, которые как обезьяны спустились по тросам в воду и принялись подтаскивать корабли на мелководье.

Отряды скальдов, скопившиеся у моста в ожидании переправы, бросились врассыпную. Те же, что уже переправились и оказались в ловушке на ангелийской земле, как и подобает храбрецам, не оглядывались в поисках спасения, а начали слагать баллады о смерти. Я слышала доносившиеся оттуда яростные и жестокие строки, и по спине шел холодок. Не сомневаюсь, что солдаты Аззали чувствовали то же самое.

Корабли заползли на мелководье; с грохотом спустили трапы — какие-то дотянулись до суши, другие угодили в воду. Друстан в развевающемся алом плаще продолжал выкрикивать приказы. Матросы навели скаты и вывели из трюмов напуганных лошадей, круиты и далриады взяли оружие наизготовку.

Да, зрелище было незабываемое: целая армия хлынула с судов по сходням и ринулась на берег, взметая со дна ил. Мне стало понятно, почему поэты слагают стихи о подобных эпизодах.

А потом началось сражение.

Оно не продлилось долго. При всей своей одержимой отваге скальды все же люди, а значит, получив рану, истекают кровью и умирают. Готовя своих воинов, Вальдемар Селиг явно не предвидел битву с дикой армией Друстана. Синелицые круиты, сбежав с кораблей, сражались с безжалостной яростью, не уступающей скальдийской.

Могу лишь догадываться, что Селиг рассказывал своим бойцам об ангелийцах, но если скальды, зажатые между рекой и людьми Гислена, рассчитывали встретить противника слабого и изнеженного, им пришлось убедиться в обратном. Солдаты Аззали сражались с суровой самоотверженностью — неохота служить потомку Анаэля, казалось, испарилась после возвращения в родную вотчину Марка де Тревальона, принявшего Гислена в зятя.

Я смотрела на битву с палубы, находясь под охраной Жослена и нескольких Парней Федры; после того, что случилось у стен Брин Горридам, Квинтилий Русс не собирался рисковать моей безопасностью.

Рассеяв врага, круиты Друстана вернулись покрытые кровью и с победным блеском в глазах. Они почти не понесли потерь. Повелители далриад громко сокрушались, что не успели вывести колесницы. А корабли прочно сели на мель. Больше пятидесяти человек потребовалось, чтобы сдвинуть один только флагман; Русс поручил Жану Маршану столкнуть на воду остальные суда, и гребцы налегли на весла, ведя нас к ангелийскому берегу.

Солдаты Аззали безжалостно зачищали поле боя. Раз увидев такое, никогда не забудешь — картина оставляет в памяти неизгладимый рубец. Небольшой командой мы сошли на берег: Русс, Жослен, я, двое Парней Федры, Друстан, Имонн, Грайне и несколько человек почетной гвардии из круитов и далриад.

Синие лица круитов больше не казались мне непривычными, но ангелийские солдаты вовсю на них тарачились, указывая нам путь к Гислену де Сомервиллю. Думаю, Друстан понял, о чем они шептались; он быстро учился и во время путешествия успел поднатюреть в нашем языке. Но лицо его сохраняло полную невозмутимость. А вот не понимавший по-ангелийски Имонн нахмурился; хотя на его лице татуировок не было, но гребень из волос, скрепленных известью, так или иначе выдавал в нем варвара. Грайне же, окруженная ангелийцами, улыбалась им и выглядела польщенной вниманием.

Мы застали Гислена де Сомервилля, когда он распоряжался захоронением убитых скальдов. Даже зная, что его называют «человеком дела», я бы никогда не подумала, что передо мной сын лорда, если бы не знаменосец по правую руку. Коренастый здоровяк, Гислен был одет в поношенную кирасу из железных пластин и промасленной кожи. Когда мы приблизились, он снял шлем и провел закованной в наруч рукой по потным светлым волосам.

— Я не поверил рассказам ваших людей, лорд адмирал, — выпалил он, обойдясь без приветствия. Глаза его были бледно-голубыми, как у отца, а черты лица — крупными, как у ланьясского крестьянина.

Квинтилий Русс и Жослен поклонились, я присела в реверансе. Друстан и его люди стояли столбом, не испытывая пиетета перед ангелийской знатью.

— Милорд де Сомервилль, — сказал Русс, — позвольте вам представить Друстана маб Нектхану, круарха Альбы. И Имонна и Грайне мак Конон, повелителей далриад.

Я перевела его слова на круитский, и только тогда альбанские гости поклонились, вернее, вежливо кивнули. Гислен де Сомервилль уставился на них почти восторженно.

— Вы действительно это сделали, адмирал, прошли через Проливы и привезли нам

подмогу, — восхищенно прошептал он и торопливо отвесил поклон. — Ваши величества.

— Не я, — возразил Русс и, положив руку мне на плечо, вытолкнул меня вперед. — Это сделала Федра но Делоне, посланница Исандры.

— Королевы Земли Ангелов, — привычно продолжил Гислен и тут же вытаращил глаза: — Шлюха Делоне?!

Вряд ли он хотел меня обидеть; я познакомилась с его отцом, графом Перси де Сомервиллем, после ознакомительного визита в Дом Валерианы в тот самый день, когда прежний круарх Альбы встречался с Ганелоном де ла Курселем. Помню, Делоне поручил Алкуину сопровождать королевского главнокомандующего. Полагаю, тем самым был скреплен союз во благо страны: пусть Делоне и не во всем доверял де Сомервиллю, он не сомневался, что граф достойный и верный короне человек. Но мы с Алкуином для Перси де Сомервилля были именно шлюхами Делоне. Неудивительно, что его сын ничего другого о нас не знал.

Так что Гислена наверняка удивили пара выскользнувших из ножен кассилянских кинжалов, неодобрительный ропот моряков Русса, короткий взрык круарха Альбы и с полдюжины круитских мечей, приставленных к горлу. Я угадала: Друстан уже неплохо понимал ангелийский.

Де Сомервилль растерянно моргнул.

— Милорд, — спокойно заговорила я, — действительно, я родилась и воспитывалась во Дворе Ночи, училась у Сесиль Лаво-Перрин из Дома Кактуса и завершила свой туар, служу Анафиэлю Делоне де Монрев. Вас что-то не устраивает? Моя родословная или заслуги на поприще служения Наамах?

— Ни в коем случае. — Гислен покраснел, и в воздухе разнесся аромат яблок — верный признак потомков Анаэля. — Но служители Наамах обычно не спешествуют Дворцу в... в таких делах.

Квинтилий Русс кашлянул. Друстан вопросительно изогнул брови. С блеском в глазах Жослен перевел слова Гислена на каэрданский, а Друстан уже на круитский для своих людей. Имонн неожиданно ухмыльнулся, а Грайне расхохоталась и, дружелюбно обняв Гислена за плечи, сказала на диалекте Эйре:

— А надо бы как раз для таких дел их и привлекать. Почему же еще, как думаете, далриады согласились за вас сражаться?

Да уж, на берега Земли Ангелов никогда не высаживалась более странная союзническая армия.

Я сжалась над Гисленом:

— Милорд, нам многое нужно вам поведать, но если коротко: мы по приказу королевы доставили на подмогу войска с Альбы и теперь срочно нуждаемся в вашем руководстве. Нам известно, что королевская армия осаждена в Трой-ле-Моне и еще кое-что, но далеко не все. Окажете ли вы нам гостеприимство и расскажете ли последние новости? Провиант у нас свой, обещаю, мы не объедем ваших солдат.

— Шутите? — Гислен встряхнулся и осторожно высвободился из объятий Грайне. — Вы же спасли наши шкуры. Не сомневайтесь, мы с радостью поделимся с вами всем, что имеем. Пусть ваши люди высаживаются на берег, мы всех радушно примем! — Он пошел прочь, на ходу выкрикивая приказы, которые аззалианцы спешно кинулись выполнять.

— От него пахнет яблоками, — задумчиво произнесла Грайне.

— О да, — согласилась я. — Пахнет.

Гислен де Сомервилль мог похвастаться не только приятным запахом.

Едва первоначальное изумление от встречи с нами прошло, он на деле проявил себя умным и способным военачальником. Рабочий стол в его палатке был завален подробными картами. Он показал нам, где именно на Рейне стоят войска Марка де Тревальона и где скальды предпринимали попытки прорваться через границу Аззали, последняя из которых едва не увенчалась успехом у нас на глазах. Он подробно описал, как происходило вторжение через северные ущелья, разъяснил план своего отца по отступлению в Трой-ле-Мон и в общих чертах рассказал, что творилось в стране, пока мы отсутствовали.

Казалось, ситуацию удавалось держать под контролем, но загвоздка заключалась в том, что как бы тщательно ангелийцы ни выстраивали стратегию и тактику, скальдов было слишком много. Сила солону ломит.

— Нашим в Трой-ле-Моне остается только отсиживаться за стенами, — мрачно заключил Гислен, обводя пальцем точку на карте, обозначавшую крепость. — В башне есть хороший глубокий колодец, так что от жажды они не умрут, и отец заранее завез туда провиант. Но запасенные припасы рано или поздно закончатся, а у Селига для прокорма вся чертова страна. Пока в его полчищах сохраняется дисциплина... — Он пожал плечами.

Друстан указал на карту и задал вопрос на круитском.

— Сколько скальдов держат осаду? — перевела я.

— Тридцать с чем-то тысяч, — опустил голову Гислен.

Услышав переведенный мной ответ, Друстан побледнел под татуировкой.

— А сколько ангелийцев в крепости? — спросила я от себя.

— Не знаю, какие потери понесла армия. — Гислен вытащил другую карту и положил ее поверх первой. Схема крепости. — До битвы насчитывалось восемь тысяч солдат. Но сколько из них выжило? Надеюсь, большинство. Смотрите, здесь внешняя стена, дальше рвы и ямы с кольями на дне, а вот тут вторая стена укреплений, — показывал он на схеме. — Насколько мне известно, пока что наши удерживают этот оборонительный пояс, но мои новости не свежее ваших, если морское зеркало Хозяина Проливов показало вам правду. Сама крепость за стенами тоже неплохо укреплена.

— Так дальше-то что? — спросил Квинтилий Русс.

Гислен посмотрел ему в глаза.

— Принц Бенедикт делает все возможное, чтобы набрать войско в каэрдианских городах-государствах. Если у нас будет достаточно солдат, сможем зажать скальдов с двух сторон, как между молотом и наковальней. Но каэрдианцы блюдут собственные местечковые интересы и не похоже, чтобы с их стороны можно было ожидать серьезную помощь.

— В таком случае они тоже падут, — тихо предрек Жослен, — без Земли Ангелов им не устоять.

Пока в полчищах Селига сохраняется дисциплина...

Я посмотрела на карту.

— Есть один шанс, — подумала я, не отдавая себе отчет, что произнесла это вслух, пока Гислен де Сомервилль не одарил меня вопрошающим взглядом. — Армия Селига очень разнородна, там ведь собрано много-много племен, не меньше сотни. — Я посмотрела на

Жослена и спросила: — Помнишь день, когда мы приехали на Слет? — Он кивнул. — Сразу бросалось в глаза, что между некоторыми из отрядов кровная вражда. Если получится подогреть их ненависть друг к другу, то дисциплину соблюдать перестанут... Хоть чем-то, но это поможет.

— И как же нам сотворить такое чудо? — скептически спросил Квинтилий Русс.

Гислен внимательно взгляделся в карту.

— Круиты их напугали, — задумчиво сказал он, постукивая пальцем по пергаменту. — Эти синие лица... скальды не могли взять в толк, кто на них напал. Даже с другого берега я прекрасно видел их замешательство. Знаете, они ведь очень суеверный народ. Если совершить несколько коротких набегов на их фланги, небольшими отрядами, быстро отступая... они, пожалуй, призадумаются. Только нам понадобится безопасное место для лагеря налетчиков, где-то вот здесь, в горах.

Я посмотрела на Друстана, Имонна и Грайне и пока не стала переводить.

— Сколько из наших выживет? — спросила я у Гислена. — Только честно.

Подняв на меня глаза, он набрал в грудь воздуха и тихо ответил:

— Ни один. В конце концов? Ни один. Каждый из нас проживет столько, насколько повезет, и ни днем больше. И может статься, что все мы погибнем понапрасну. Ты права, сделать скальдийское войско неуправляемым — это наш единственный шанс, но он в лучшем случае ничтожно мал.

— Спасибо, — кивнула я и перевела все сказанное для Друстана.

Тот молча выслушал меня и прохромал к выходу из палатки, чтобы посмотреть наружу, чем изрядно испугнул стражников. Имонн и Грайне переглянулись.

— Скажи ему, что я лично прослежу за возвращением его людей обратно на Альбу, — проворчал Квинтилий Русс. — Отправлю домой всех без исключения: и синелицых, и с известковыми гребнями. Когда мы их сюда зазывали, то обещали хорошую драку, а не верную смерть.

Думаю, Друстан его понял, потому что ответил еще до того, как я успела перевести:

— А что станется с твоим Гиацинтом? — спросил он у меня, разворачиваясь и поднимая руку так, что сверкнул перстень на его пальце. — Если я не женюсь на Исандре... если я умру, если Исандра умрет, то проклятие останется в силе, и что с ним в результате станется? И как мы попадем домой, раз Повелитель вод будет по-прежнему прикован к своей скале да еще и разъярится из-за нашего провала? Какая песня поможет нам миновать Проливы, а, Федра но Делоне?

Невольно навернулись слезы: это я привела его сюда дорогой без возврата.

— Не знаю, — прошептала я. — Милорд, я виновата.

— Здесь нет твоей вины. — Он пристально смотрел на меня темными глазами. — Ты выполняла приказ своей королевы; моя же судьба целиком в моих руках, ты не властна ее изменить. Но вот своим людям я должен дать честный выбор. Это моя судьба, моя война, но не их. Если уж куда ни кинь, везде клин, пусть решают сами, попытать ли счастья с мечом на суше или с веслом на море.

Я кивнула, ничего не видя в тумане слез. Друстан окликнул Блинецов, и они ушли, уведя с собой своих гвардейцев. Я перевела слова круарха ангелийцам.

— Справедливо, — тихо сказал Гислен, опустив голову и обводя пальцем Трой-ле-Мон на карте. — Что бы ты им ни говорила, когда призывала нам помочь, они наверняка не представляли истинного соотношения сил. Никто из нас не представлял. — Он поднял

голову и мрачно посмотрел на нас. — Но если вы отправитесь под Трой-ле-Мон, я пойду с вами. Там мой отец. — Он бросил взгляд на Жослена. — И, если не ошибаюсь, твой тоже, кассилианец.

Той ночью мы это обсудили.

Звезды мерцали в чистом черном небе, знакомые ангелийские звезды. В военном лагере невозможно уединиться; я нашла Жослена чуть поодаль от наших палаток. Он сидел под вязом и смотрел на лагерь. Здесь не было духа праздника, как в день после победы над армией Маэлькона — днем состоялась всего лишь стычка, не более того, маленький успех в большой безнадежной войне. Аззалианцы сосредоточенно чистили оружие в преддверье грядущего дня. Там, где разместились армия Друстана, у костров шли оживленные обсуждения, не смолкавшие почти до утра.

— Ты знал про отца? — спросила я Жослена, усаживаясь рядом с ним.

Он покачал головой.

— Не был до конца уверен. Знал только, что это возможно. Там, на острове, я не разглядел в чаше наше знамя, но ведь их было так много.

— Сожалею, — тихо прошептала я.

— Не сожалею, — хрипло ответил он. — Дом Веррёев всегда служил короне. Я говорил, что мой отец сражался в Битве Трех Принцев? Именно после нее его и посвятили в рыцари. — Уголок его рта чуть приподнялся. — Так же как ты посвящала людей Русса.

— Но у меня нет права даровать земли.

— Отцу земель тоже не даровали. — Он посмотрел на звезды. — Наше поместье невелико, но оно принадлежит семье уже шесть столетий. Мы приходим от Шемхазая. Каждое поколение пеклось о семейной библиотеке, отправляло одного сына в Кассилианское Братство и в меру сил служило короне.

— В осажденной крепости только твой отец? — спросила я.

Жослен снова покачал головой:

— Не думаю. Люк, скорее всего, поехал с ним.

— Люк?

— Мой старший брат. — Он вздохнул и подтянул колени к себе. — У меня есть и младший, но Матье почти наверняка остался дома. Младший — утешение матери, старший — сила отца. А средний пусть идет к Кассиэлю. Так говорят у нас в Съовале. Сестры всегда над этим подтрунивали. Их тоже три, я тебе говорил.

И он никого из родных не видел уже одиннадцать лет, это я хорошо помнила. Сейчас, должно быть, уже двенадцать. Больше половины моей жизни, и почти половину жизни самого Жослена. Я привыкла считать, что у него тоже нет корней, что мы с ним одинаковые перекасти-поле, но ошибалась.

Хотелось что-то сказать, но слова не находились. Поэтому я просто взяла Жослена за руку.

Он печально на меня посмотрел.

— Я думал, что мне представится возможность с ними повидаться, — сказал он. — Перед... ну, перед концом. Ждал, что в двадцать пять лет, по обычаю, Братство отпустит меня погостить домой, если исправно служить... — Он поежился. — Вернее, отпустило бы. Теперь-то меня изгнали. Как думаешь, мою семью об этом уже известили? Или они слышали только о том, что я осужден за убийство Анафиэля Делоне?

— Любой, кто тебя знает, не поверит, что ты убийца, Жослен.

— А что они могут обо мне знать? — возвысил он голос. — Когда прощались, мне было всего десять, Федра! Откуда им знать, каким я вырос? — Он выпрямил руки, и звездный свет отразился от стальных наручей. — Я и сам себя больше не знаю, — прошептал Жослен. — Ах, Элуа! Неужели мы прошли этот путь впустую?

— По-моему, еще рано судить, — отозвалась я, глядя за костры, на темную землю. Я и раньше имела представление, сколь многочисленны скальды, видела их полчища, но все равно... тридцать тысяч. Где-то там, в темноте, они осаждают последний оплот королевской армии, готовые уничтожить все, что мне дорого.

Жослен глубоко вдохнул, собираясь с духом.

— Что бы ни решили утром, мы с тобой должны спозаранку собраться и ехать в Тревальон. Там большой гарнизон, и Гислен обещал гостеприимство. Русс выделит тебе охрану. Его люди не позволят ему пренебречь твоей безопасностью.

Я посмотрела на него и ничего не сказала.

— Нет. — Он упрямо стиснул зубы, и даже в темноте я увидела, как побелели крылья его носа. — О нет, даже не думай.

— Они пришли сюда на мой зов.

— Они пришли сюда на зов нашей королевы! Ты просто передала им ее слова!

— Исандра де ла Курсель не играла на соперничестве Близнецов, чтобы подстрекнуть далриад отправиться на войну, — возразила я. — И не оставила своего лучшего друга прикованным к одинокому острову, чтобы попасть на проклятую битву. Я не могу вот так все бросить, Жослен.

— А что, во имя семи преисподних Русса, ты можешь сделать? — крикнул он. — Это же война!

Я пожала плечами:

— Например, я могу попробовать быть лицом, живым символом того, за что они сражаются и умирают. Ты ведь сам что-то такое говорил, помнишь?

На это у Жослена прямого ответа не нашлось.

— А если островитяне решат вернуться на Альбу? — зашел он с другого бока.

— Тогда я поеду в Каэрдианский Союз и предложу свои услуги принцу Бенедикту, — парировала я, заслужив удивленный взгляд. — А какие еще варианты? Друстан наверняка останется несмотря ни на что. Может, если каэрдианцы узнают о самопожертвовании круарха Альбы, кто-то из них тоже отважится к нам присоединиться.

— Каэрдианцы не станут сражаться за Землю Ангелов, — вздохнул Жослен. — Города-государства разобщеннее скальдов и соперничают между собой пуще Близнецов. Даже уловки Наамах их не объединят, Федра.

— Знаю, — кивнула я. — Но лучше пытаться что-то сделать, чем сложа руки ждать неминуемого поражения. — Вставая, я поцеловала его в щеку. — Мне жаль, что так сложилось с твоей семьей. Я буду за них молиться.

— Молись за всех нас, — прошептал он.

И той ночью я молилась. Уже давно я не обращалась с искренней мольбой к Благословенному Элуа, если не считать истошных вскриков из бездны ужаса. Я молилась Элуа и всем его Спутникам — а не только тем, что меня отметили, — прося у них мудрости, наставления и хотя бы маленького лучика надежды, способного развеять тьму отчаяния. Я молилась о безопасности отца и брата Жослена, Исандры де ла Курсель и всех осажденных в Трой-ле-Моне, молилась за Друстана, Близнецов и за их народ, за Русса и Парней Федры, за

Гислена, Тревальона и всех жителей Аззали и за томящегося в одиночестве посреди моря Гиацинта. Я молилась за Двор Ночи и все его Дома, за поэтов и игроков Сеней Ночи, за Телезис де Морне и Сесиль Лаво-Перрин, за доброго сенешаля Перринвольда и его семейство. Той ночью я помолилась за всех, кого знала, и за тех, с кем никогда не встречалась, за весь наш народ — душу и сердце Земли Ангелов. Не могу сказать, что это сильно помогло лично мне, но даже если на сердце не стало легче, по крайней мере, молитва позволила мне уснуть.

А наутро Друстан огласил решение островитян.

— Мы останемся и будем сражаться.

Он произнес это на каэрдианском языке, знакомым всем присутствующим. Гислен де Сомервилль внимательно посмотрел на круарха, не уверенный, что правильно понял.

— Все?

Друстан кивнул.

— Но вы дадите нам клятву, — продолжил он уже на круитском: длинные речи по-каэрдиански все еще представляли для него трудность. — Если мы погибнем, кто-то из вас обязательно донесет эту скорбную весть до Альбы. Наши семьи и друзья должны узнать, как мы умерли. Пусть поэты воспоют наши подвиги.

Я перевела его слова собравшимся, а затем ответила Друстану на его языке:

— Обещаю. — Круарх немигающе смотрел на меня темными глазами. — Клянусь, что любой ценой выполню вашу просьбу, милорд круарх. — Уже на ангелийском я обратилась с Гислену: — Клянусь именем королевы.

Мой кассилианец тихо вздохнул.

— Жослен, ну подумай. Если мы проиграем... если Проливы останутся закрытыми, то кто сможет их переплыть кроме меня? — попыталась я воззвать к его разуму.

— Она дело говорит, парень, — вставил Квинтилий Русс.

— Ночью она собиралась отправиться в Каэрдианский Союз, — проворчал Жослен. — Завтра попросит вас отплыть в Хеббель-им-Аккад. Если мое мнение вам интересно, лорд адмирал, нам бы запереть ее в темницу да выбросить ключ.

— Значит, решено. Я уже послал к Марку де Тревальону гонца с просьбой о встрече, — перебил нас Гислен. Развернув одну из карт, он ткнул пальцем в какую-то точку на берегу Рейна. — Встретимся вот здесь. Если Тревальон согласится, мы объединим войска под его командованием. Вчерашняя победа сберегла нам несколько сотен солдат. Лорд адмирал, простите, что без спроса, но я поручаю вам остаться с флотом и защищать западный берег Рейна. — Он вопросительно посмотрел на Русса.

Признаться, это решение стало потрясением для нашей компании: уж слишком долго Русс был сердцем нашей миссии. Но Гислен рассудил правильно — адмирал должен командовать флотом. Он мало что смыслил в сухопутных боях.

Русс медленно кивнул:

— Как скажете, милорд.

— Хорошо. — Гислен свернул карту. — Сворачивайте лагерь. Мы отправляемся.

Утром мы с Жосленом, Друстан и Близнецы попрощались с Квинтилием Руссом. Я прикипела душой к грубоватому адмиралу и теперь, когда пришла пора расстаться, в полной мере осознала, насколько мы все полагались на его стойкость и мужество.

— Да хранит тебя Элуа, девочка, — прохрипел он, заключая меня в медвежьи объятия. — У тебя в силу твоей извращенной природы смелости на десятерых, да вдобавок ты унаследовала от Делоне его чертов долг чести. Если снова потребуется пересечь Проливы, ты знаешь, к кому обратиться.

— Спасибо, — прошептала я. — Если потребуется, возьмете другого человека?

— Любого, кого скажешь, — пообещал он.

Я знала, что Русс сдержит слово; он отпустил с нами Парней Федры, как я ни возражала. На Рейне тридцать с лишним моряков погоды не делали, к тому же они считали своей почетной обязанностью меня сопровождать. Поймав укоризненный взгляд Жослена, я перестала спорить и с благодарностью пошла им навстречу. Матросы тоже имели право выбирать.

Весь день мы шли маршем и добрались до места встречи еще засветло.

Если Марк де Тревальон и удивился, увидев три тысячи круитов, он умудрился ничем себя не выдать, церемонно поклонившись Друстану. Я помнила бывшего властителя Аззали только по суду, где он держался столь же благородно. Гислена де Сомервилля Марк поприветствовал как сына; да, Гислен теперь был обручен с его дочерью Бернадеттой, вернувшейся из изгнания вместе с отцом.

Поначалу я недоумевала, кому же достался титул герцога де Тревальона, а позже узнала, что титул предназначался первенцу Гислена и Бернадетты. Оба мужчины обладали государственным умом и, очевидно, не считали уместным враждовать между собой из-за земельных владений, когда под угрозой находилась вся страна.

Марк де Тревальон обратился ко мне неожиданно тепло:

— Кузен Каспар хорошо отзывался о господине Делоне. Король всегда высоко ценил твоего учителя, считая его достойным всяческого уважения. Какое мнение я полностью разделяю.

Я благодарно кивнула и сглотнула комок в горле: неважно, сколько времени прошло с того страшного дня, когда я осиротела, произнесенное вслух имя Делоне неизменно бередило мои раны.

Гислен де Сомервилль коротко изложил нашу историю. Де Тревальон слушал, не перебивая, и одновременно чертил план наступления. Когда рассказ был закончен, встал и принялся мерить палатку шагами, сомкнув руки за спиной.

— Вы хоть понимаете, сколь малы шансы выжить в этой аванюре? — мрачно спросил он.

— Да. Мы все в курсе, — ответил Гислен.

Марк де Тревальон кивнул и тихо сказал:

— Тогда вам стоит попробовать. Я готов сотрудничать с твоими командирами. Не бойся, мы удержим Рейн, пока вы пытаетесь снять осаду с Трой-ле-Мона.

— Спасибо, Марк, — просто ответил Гислен.

Вот так и решаются серьезные дела. Оставив лордов обсуждать над картами стратегию

и тактику, я позаимствовала со стола пергамент и чернила и занялась сочинительством.

— Что ты там пишешь и кому? — спросил Жослен, вытягивая шею, чтобы рассмотреть строчки.

Я присыпала готовое письмо песком и встряхнула.

— Телезис де Морне, — пояснила я, показывая ему свое творение. — Если... если никто из нас не переживет следующие несколько недель, она единственная сумеет передать эту весть на Альбу. Хозяин Проливов прежде ее уже пропускал, да и Гиацинт с нею знаком не понаслышке. — Я криво усмехнулась, увидев гримасу кассилианца. — Думаешь, я рассчитывала справиться лишь своими силами, когда давала обещание круарху? Я ведь отлично понимаю, какой риск влечет за собой мой выбор.

Жослен покачал головой и тихо сказал:

— Не знаю, радоваться или страшиться из-за того, что ты это понимаешь.

Я подула на все еще влажные чернила.

— Радуйся. Ради Альбы.

А сама я радовалась тому, что с нами были Парни Федры. Жослен следовал за мной по пятам, когда я отыскала Реми и протянула ему свернутый пергамент в кожаном футляре.

— У меня есть поручение, — торжественно объявила я, — для самого храброго и отчаянного из вас. Нужно провезти это важное письмо через запруженные врагами земли в Город Элуа и отдать лично в руки королевской поэтессе. Готов ли кто-то из ваших людей на это подписаться, шевалье?

— Шутите? — воскликнул Реми, с широкой улыбкой протягивая ко мне руку. — Давайте сюда ваше письмо, миледи, и оно как пить дать доберется до нужной пристани!

Я с легкой душой вручила ему послание и совсем скоро уже махала вслед четверым всадникам, которые охотно отправились в дальний путь, предварительно вооружившись последними новостями от разведки де Тревальона, чтобы не наткнуться на скальдов. У уезжающих было больше шансов уцелеть, чем у нас, остающихся. Теперь я заручилась надеждой, что даже в случае моей смерти мое клятвенное обещание Друстану точно будет исполнено. Если бы могла, отправила бы с этим поручением всех Парней Федры.

— Все-таки ты не такая безрассудная, какой прикидываешься, — задумчиво протянул Жослен, глядя вслед гонцам.

— Пожалуй, — согласилась я. — Только иногда. Как бы мне хотелось, чтобы ты уехал с ними, Жослен.

Он вопросительно посмотрел на меня:

— Так никогда и не перестанешь испытывать мои обеты на прочность?

— Нет, не перестану. — Я сглотнула, борясь с внезапной болью в сердце. — Нет, если речь о моем выборе, кассилианец.

Прежде мы никогда не подходили настолько близко к признанию в своих чувствах; более того, мои слова прозвучали как вызов перед лицом неизбежного отчаяния. Жослен не улыбнулся, но отвесил привычный кассианский поклон.

— Пусть Элуа дарует тебе возможность проверить меня еще не один раз, — прошептал он. — Я готов с этим жить, если будешь жива ты.

Мы проговорили бы дольше, но война, как известно, не ждет. Вскоре меня позвали переводить для Друстана маб Нектханы и ангелийских командиров, планирующих опасное наступление.

— Хотел бы я что-нибудь рассказать вам о д'Эгльморе, — хмурился Марк де

Тревалльон, — но герцог спрятал свои войска в предгорьях, и пока не удалось установить, где именно. Затаился, как барсук в норе, и никак его не выследишь. — Он указал на карту. — Отступать вам, скорее всего, придется вот этим путем. У меня для вас есть только один совет, — добавил Марк, глядя на Гислена. — Убейте Селига. Если их сведения верны, — продолжил он, кивая на нас с Жосленом, — а у меня нет резона им не верить, Вальдемар Селиг — ключ ко всему. Как только он падет, скальды лишатся и главы, и единства.

Скальды верили, будто Селиг неуязвим для оружия. Неправдоподобно, конечно, но воспоминание о той ночи, когда я пыталась его убить, заставляло допустить, что и такое возможно.

— Мы постараемся, — тихо пообещал Гислен де Сомервилль. — Можешь не сомневаться.

— Милорд де Тревалльон, — осмелилась я вмешаться, — а что вам известно о Мелисанде Шахризай?

Лицо бывшего герцога ожесточилось; у него оставались свои счета с Мелисандой, чьи интриги ввергли его Дом в опалу. Но он лишь покачал головой:

— Последнее, что я слышал: Кассилианское Братство разыскивало Шахризаев, чтобы доставить на допрос. Кажется, безуспешно.

«Еще бы, — подумала я. — Мелисанда заметит кассилианца с пятисот шагов». Что ж, сейчас это не имеет значения. Я коснулась бриллианта на шее. Где бы она ни пряталась, на поле боя ее точно не будет.

Утром мы отправились на войну.

Не стану подробно описывать трудности со снабжением и организацией нашего войска. В конце концов все проблемы разрешились более-менее успешно, хотя я порядком охрипла, без умолку переводя, чтобы упразднить языковые барьеры.

Большая заслуга в том, что поход протекал довольно гладко, принадлежала Гислену де Сомервиллю. Несмотря на первоначальную неловкость, он наловчился управляться с разношерстным войском и нашел много общего с Друстаном маб Нектханой, которому хватало мудрости по достоинству ценить чужие умения.

Немало сделал и Имонн, превосходно подмечавший и исправлявший разные мелочи, пока они не обернулись крупными неприятностями. Достаточные запасы провизии и справедливое распределение оружия и лошадей — всецело его заслуга. Как бы Близнецы ни спорили друг с другом, в походе Грайне стояла за брата горой. Они составляли грозную единомышленную команду.

Мы маршировали на юг, отклоняясь на восток, к Камлаху, чтобы не наткнуться на отряды Селига. Мало приятного находиться среди армии, совершающей спешный переход. Никому не пожелаю. Наконец мы миновали холмы изрезанной реками Намарры и достигли командной высоты, с которой планировали наблюдать за осажденным городом.

Несколько скальдов при этом встретили свою смерть. Вальдемар Селиг, учтя заповеди военной науки, организовал караулы и патрули на захваченной территории. Но он не рассчитывал столкнуться с круитами, которые непревзойденно умели скрадывать добычу. Друстан пустил впереди разведчиков-следопытов, и они без лишнего шума убрали с нашего пути скальдийских часовых.

И вот мы добрались до холмов, с которых открывался вид на равнину, где раскинулся лагерь армии Селига.

— Их так много, — выдохнул Друстан на круитском, когда мы, лежа на животе,

обозревали диспозицию скальдов.

Да уж, кошмарно много. А ведь я подсчитывала, сколько их собралось на Слет, видела полчища в бронзовом зеркале Хозяина Проливов и слышала об их численности от Гислена де Сомервилля. Но все равно оказалась не готова к картине, открывшейся перед моими глазами. Скальды теснились возле крепостной ограды Трой-ле-Мона, словно муравьи вокруг муравейника. Крохотные фигурки сновали по равнине, собирались в колонны и волнами накатывали на бастионы. С высоты было видно, как мало вдоль стены защитных сооружений и как много уязвимых для атаки мест.

Очевидно, до прорыва скальдов оставалось недолго, после чего защитникам придется укрыться в самой крепости. Перси де Сомервилль выбрал Трой-ле-Мон, потому что форт был хорошо укреплен и к нему не примыкал город с безоружными мирными ангелийцами, которых пришлось бы защищать и кормить в случае осады. Наверное, это неплохая мысль при нашествии варваров — поначалу отсидеться за стенами, а потом ударить в спину, но Селиг не напрасно изучал тиберийские тактики.

Скальды сооружали осадные башни.

— Вот лучшее место для атаки, — практично сказал Гислен, кивая на строящуюся башню на краю лагеря. — Стрелы со стен до них не долетают, поэтому скальды не ожидают нападения, а все внимание отдают своей постройке. Согласны?

Я перевела для Друстана, который в ответ кивнул.

— Хорошо. — Гислен бросил долгий взгляд на осажденную крепость, без сомнения, думая о своем отце, а затем осторожно отполз от края обрыва. — Первым делом спланируем поэтапное отступление, — сказал он, обозревая холмистую местность с рачительностью фермера, задумавшего разбить сад. — Нужно обеспечить возможность уйти без больших потерь.

Если у кого-то еще оставались сомнения в способностях Гислена по части военной стратегии, после того дня они окончательно развеялись. Маршрут отступления растянулся на долгие мили среди холмов, где преследователям предстояло пройти череду засад и в итоге очутиться в узком ущелье, которое с легкостью можно было перекрыть и тем заставить скальдов уйти не солоно хлебавши.

На планирование атаки ушло два дня. Гислен осторожничал, пытался предусмотреть всевозможные случаи, но наконец дал отмашку. Я обрадовалась, узнав, что налетчиков возглавит Друстан.

Он вел пятьдесят круитов, включая лучших лучников, на самых быстроногих конях. Будь их больше, не удалось бы подобраться незамеченным, а меньшим числом не нанести заметного ущерба.

Я не видела самой атаки, поскольку находилась в самых дальних частях нашей армии, изготовившихся прикрыть отступление, на крутом лесистом холме с Жосленом и Парнями Федры. Гислен хотел как можно дольше скрывать нашу численность от скальдов.

Лишь позже мне стали известны подробности того налета.

Круиты Друстана атаковали на рассвете, когда силуэт недостроенной осадной башни едва проступал на фоне багровеющего неба, а фигуры скальдов, завернувшись в одеяла, лишь угадывались на земле.

Татуированные круиты напали без предупреждения: обрушились с холмов, как оживший ночной кошмар, и рассыпались по равнине, углубляясь во вражеский лагерь и сея погибель. Больше сотни скальдов не увидели того рассвета, встретив смерть во сне. Узнав об этом, я,

признаться, опечалилась, но совсем не так сильно, как когда услышала, сколько ангелийцев погубили северные варвары при наступлении.

Следуя плану Гислена, круиты зажгли просмоленные факелы от скальдйских костров и принялись швырять их в деревянную осадную башню. Друстан метнул свой первым, подавая пример. Ко времени, когда лагерь проснулся, гудя, словно разворошенное осиное гнездо, круиты уже отступали, скача прочь во весь опор, а лучники в арьергарде поливали преследователей дождем стрел — аккадианская тактика Баркеля л'Анвера, что так восхитила Друстана.

Наши почти оторвались, но только почти.

Все больше скальдов пускались в погоню.

Они нагнали круитов еще на путь к холмам. Дюжина воинов Друстана, остановившихся, чтобы прикрыть отход, пали в отчаянной схватке, слишком недолгой из-за численного преимущества противника. Друстан не оглядывался, только кричал своим людям, чтоб скакали дальше. Тут преследователи угодили в первую ловушку.

На высоких холмах по маршруту отступления Гислен выставил ланьяских лучников. Непокосимые и смелые, способные стрелять дальше, чем круиты с их короткими луками, они уложили первые ряды скальдов так, что сами погибшие стали препятствием на пути погони. После этого лучники спешно ретировались по заранее разведанным тропам. Когда скальды наконец сумели продолжить движение, наши налетчики уже значительно от них оторвались.

Не могу сказать, сколько было преследователей — сотни, может, даже тысяча. В одном месте дорога разделялась на три, и круиты выбрали среднюю. Те скальды, что попытались зайти с флангов, попали в засады далриад, встретивших врага пращами и копьями. Жители Эйре обожают пращи и пользуются ими очень умело.

Но все равно скальды уже наступали круитам на пятки. Я видела, как Друстан и его люди проскакали по узкому ущелью. Я была там, наверху. Взмыленные кони едва не падали от усталости, воины вымотались не меньше, а погоня приближалась.

— Давайте! — выкрикнул Гислен.

Стоя на скалах над ущельем, ангелийские и альбанские солдаты дружно нажали на рычаги, всунутые под огромные валуны.

Расчет Гислена де Сомервилля прекрасно оправдался: лавина камней градом обрушилась в ущелье, намертво загородив проход. Преследователи чуть отступили, и тут запели стрелы.

Многие враги погибли. Но скальды не трусы, и никогда ими не были. Несколько сотен поскакали прочь от ловушки, а когда оказались вне досягаемости наших стрел, остановились и принялись о чем-то переговаривались. Наконец большой отряд поспешил назад в лагерь, а несколько десятков воинов, прикрывшись щитами, начали расчищать заваленный проход.

«Это Селиг их научил, — подумала я. — Своим умом они бы никогда до такого не дошли».

Гислен мрачно понаблюдав за копошащимися скальдами и наконец принял решение.

— Отступаем, — резко бросил он и повторил еще раз, громче: — Отступаем!

И мы поскакали на восток, дальше в холмы.

Я не заметила, когда мы пересекли границу мятежного Камлаха. В сумерках все мои силы уходили на то, чтобы не свалиться с лошади и не стать обузой. Гислен не изменил своей обычной предусмотрительности. Над самым ущельем он оставил несколько лучников,

чтобы те заставили скальдов работать с предельной осторожностью, таская щит над головой; а когда враги наконец расчистят завал, нас уже и след простынет. За собой мы расставляли ловушки и прокладывали ложные следы, неуклонно отступая в горы. Время от времени круитские разведчики являлись с донесениями.

Их фантастическое умение ориентироваться на незнакомой местности просто поражало. В сумеречном свете я не видела никаких черных кабанов, но кожей чувствовала присутствие Куллах Горрым. И Друстан с руками по локоть в крови, словно не ведая усталости, то и дело отправлял своих людей вперед искать безопасные проходы.

Пока из отчетов разведки Гислен де Сомервилль не уяснил, что мы уже вне опасности, он не позволял прекратить скачку и разбить на ночь лагерь. Наконец-то остановившись, я едва не выпала из седла, усталая как собака и насмерть перепуганная. Думаю, если бы в прошлом мне не пришлось пережить наш зимний побег с Жосленом, в эту ночь я бы точно сдалась и умерла.

Но отдохнуть все равно не получилось.

С юга вернулся очередной разведчик. С выпученными глазами, окруженными синими узорами татуировки, он дышал как загнанная лошадь и указывал в том направлении, откуда прибежал. Друстан недоверчиво нахмурился, и я подошла поближе, чтобы послушать, о чем речь.

— Что случилось? — спросил Гислен де Сомервилль, хватая меня за руку.

— Он говорит, что там армия, милорд. — Я сама не была уверена, что все правильно поняла. — Ангелийская армия стоит лагерем в долине в паре миль к югу отсюда.

— Исидор д'Эгльмор, — выплюнул Гислен де Сомервилль, словно проклятие. За эту несдержанность его бы не упрекнул ни один из нас, ангелийцев. Вот и Жослен со свистом вдохнул, услышав это имя.

Я коротко объяснила Друстану, кто такой Исидор д'Эгльмор, и круарх понимающе кивнул, сощуриив темные глаза. Преданный собственным кузеном, Маэльконом, он понимал, каково это.

— Но мы же все равно разобьем здесь лагерь? — спросила я.

Гислен кивнул. Ночные передвижения сопряжены с немалой опасностью, а войска д'Эгльмора пока не знают, что мы рядом.

В душе бушевала буря, я ждала, что и небеса изольются гневом, но ночь оставалась ясной. Забыв об усталости, я запахнула накидку и подошла к круитскому разведчику, обнаружившему армию герцога д'Эгльмора. Подробно его расспросив, принялась искать Гислена де Сомервилля. Тот наблюдал, как воины чистят лошадей, которые сейчас были для нас на вес золота.

— Милорд, — обратилась я к нему, — вы говорили, что если каэрдианцы пришлют подмогу, мы сумеем зажать скальдов между молотом и наковальней. Сколько людей на подмогу вам нужно?

— Думаю, хватило бы и десяти тысяч. А то и меньше, если б удалось скоординировать действия с защитниками Трой-ле-Мона. — Он пристально на меня посмотрел. — Почему ты спрашиваешь? Каэрдианцы не осмелятся перейти границу, мы оба это знаем.

Я глянула на юг и вздрогнула.

— Есть у меня одна мысль.

А потом поделилась с ним своей идеей.

Дослушав, Гислен де Сомервилль окинул меня долгим взглядом.

— Идем, — наконец проронил он. — Это стоит обсудить.

Просторный шатер с письменным столом остался в Аззали; нынче командующий обитал в небольшой походной палатке, которая в наших обстоятельствах все равно являлась роскошью, поскольку большинство солдат довольствовались одеялами. Скакать пришлось налегке, захватив только самое необходимое. Я села на складной стул, а Гислен принялся вышагивать по палатке, освещенной единственной лампой.

— Если вы считаете эту мысль безумной затеей, милорд, — наконец не выдержала я, — так и скажите.

— Конечно, это безумие, — отрывисто бросил он. — Но то, что мы сделали сегодня, и то, что сделаем завтра, придерживаясь первоначального плана, безумие не меньшее. Повторяя вылазки, вроде сегодняшней, мы будем лишь умирать один за другим да накапливать усталость, и рано или поздно ей поддадимся: сбавим темп, проявим неосторожность. Тогда скальды просто поймут нас в ловушку. А может, они уже сейчас штурмуют крепостные стены, и все наши потуги лишены смысла. — Гислен со вздохом сел на скатанное одеяло и спрятал лицо в ладони. — О Анаэль! Я был рожден возвращать яблоневиный сад, возделывать землю и любить свой народ. Ну почему ты посылаешь мне такие испытания?

— Именно потому, милорд, — тихо ответила я, — что вы были рождены возделывать

землю и любить свой народ, а не возлагать на алтарь войны людские жизни. Только вы способны придумать план, который сработает с наименьшими потерями.

— Возможно. — Гислен опустил руки на колени и печально на меня посмотрел. — Если он сработает... а если нет, мы рискуем разом потерять все. Тогда наши люди будут погибать от ангелийских мечей. По плечу ли мне такое решение? Федра но Делоне, ты уверена в своей задумке?

— Нет, — прошептала я, дрожа в ознобе, несмотря на теплую ночь и горящую лампу. — У нас в рукаве всего один козырь, про который д'Эгльмор не знает, может, и этого достаточно... но я ни в чем не уверена, милорд.

— Жаль, — пробормотал Гислен, сжимая руки в кулаки. Он печально улыбнулся. — Ты слышала, что мой отец любит делать ставки? Почему-то у нас в Ланьясе повелось заключать пари по каждому поводу. Так вот, отец всегда говорил, что единственный человек, против кого он никогда не будет ставить — это Анафиэль Делоне.

— Я же не он, милорд, — запротестовала я. — Имей я хоть половину его мудрости, я бы остереглась советовать вам в столь ответственном деле.

— Имей ты хоть половину его мудрости, ты бы никогда такой авантюры не придумала. — Он посмотрел на мерцающий огонек лампы. — Но ты такая, какая есть, и ты подала мне идею, а теперь я должен сделать выбор. Мне нужно малость поразмыслить. Когда приму решение, дам тебе знать.

Кивнув, я встала и присела в глубоком реверансе — таких при Дворе Ночи достаиваются только отпрыски королевского Дома. Выходя из палатки, я старалась держаться прямо, но оказавшись снаружи, под звездами, пошатнулась и еле устояла на ногах, сама перепуганная тем, что осмелилась предложить.

Да, я никогда не ошибалась, вынося суждения о своих гостях: о Хильдерике д'Эссо, о Куинселе де Морбане, даже о Мелисанде Шахризай. Но Исидор д'Эгльмор ни разу не прибежал к моим услугам, и, когда он сознательно предал Землю Ангелов, это стало для меня неожиданностью. Можно ли сейчас полагаться на мое представление о нем? Если ошибусь, мы все за это заплатим. Заплатим кровью и жизнями.

— Где тебя носило? — встретил Жослен мое возвращение. За резким тоном угадывалось беспокойство. Он всматривался в мое онемелое лицо. — Что такое? Что-то случилось?

— Нет, — стуча зубами, ответила я. Жослен накинул мне на плечи свой плащ мендаканта, грязный и поношенный, яркие цвета пестрой подкладки потускнели от дождя и морской воды. Я поплотнее в него завернулась. — Пока еще нет.

— Смерти моей хочешь, — пробурчал он.

Я невольно рассмеялась, и он нахмурился.

Ко времени, когда наши войска окружили долину, где располагался лагерь д'Эгльмора, Жослен давно все понял.

Нынешний замысел был куда проще хитроумного плана вчерашнего отступления. Затаившись в укромной горной впадине, Союзники Камлаха выставили всего несколько часовых возле спусков. Да, нам бы никогда не отыскать камаэлитов, если бы не бегство от скальдов.

Сразу после смены караула круиты Друстана легко сняли часовых. Лучники и пращники заняли позиции в кустах вдоль узких проходов. Битва при Брин Горридам, налет на скальдов — все это казалось репетицией перед новым предприятием.

Остальные солдаты заняли высоты вокруг долины. Гислен выстроил воинов Ланьяса в авангарде, чтобы придать нам вид ангелийской армии. К рассвету — всего через сутки после дерзкой вылазки в лагерь Селига — мы снова изготовились рискнуть.

На этот раз я своими глазами наблюдала, как моя отчаянная идея воплощалась в жизнь.

Насколько я смогла оценить, под своими знаменами д'Эгльмор собрал не меньше трех тысяч солдат. С виду они показались мне голодными и изможденными, но судить издалека в сумеречном свете было сложно.

Когда первые золотые лучи солнца пролились в низину, Гислен де Сомервилль подал условный знак. В нашем войске было всего два трубача, но в утренней тишине горное эхо запело как дюжина горнов. Знаменосцы высоко подняли знамена.

Серебряный лебедь Дома Курселей, яблоня де Сомервиллей, корабли и путеводная звезда Дома Тревальонов и флаги народов Альбы — Черный Кабан и Красный Бык, Белая Лошадь и Золотая Лань — гордо реяли на ветру. А три парламентаря с улыбкой ожидали своего часа под совершенно особенным знаменем — нечетким красным кругом, пронзенным стрелой Кушиэля, — развевающимся чуть пониже белого флага перемирия.

Парни Федры. Реми мне подмигнул. В этом споре я потерпела поражение.

Союзники Камлаха были застигнуты врасплох. Со дна долины они один за другим стали поворачиваться в нашу сторону, прикрывая ладонями глаза от слепящего солнца и глядя на стены гор и армию, взявшую их в кольцо. Один камаэлит бесстрашно стоял поодаль от всех, солнечный свет отражался от его кольчуги и светлых волос.

«Кильберхаар, Среброволосый», — подумала я.

Гислен де Сомервилль запрыгнул на утес и приложил руки рупором ко рту.

— Исидор д'Эгльмор! — крикнул он, и его голос разнесся по долине. — Мы желаем провести переговоры! И с добрыми намерениями посылаем к тебе парламентарей! Согласен ли ты чтить законы войны?

Кричать сверху вниз проще, чем наоборот, возможно, поэтому д'Эгльмор просто поклонился.

— Идите, — сказала я Реми и двум его спутникам. — Да хранит вас Элуа.

— Ты посулила открыть для нас все двери Двора Ночи, — с ухмылкой напомнил моряк.

— Получите все, о чем мечтали, и даже то, чего и вообразить не могли, — со всхлипом усмехнулась я. — Возвращайтесь живыми за своей наградой, досточтимые рыцари.

Пришпорив лошадей, они поскакали по узкой горной тропе навстречу людям д'Эгльмора. Нам оставалось только ждать. Если герцог задумал недоброе, мы сможем жестоко отомстить, пользуясь своим преимуществом, но парламентарей лишатся жизни. Мы наблюдали, как их ведут к д'Эгльмору и как они передают затверженное обращение. Эти минуты, пока на вершине горы я гадала, станет ли Исидор д'Эгльмор соблюдать благородные законы войны, были самыми долгими в моей жизни.

Герцог не отступил от правил. Камаэлиты окружили парламентарей, посылая нам безмолвное предупреждение. Белый флаг ярким пятном выделялся на зелени долины. А д'Эгльмор с горсткой личной стражи начал медленно взбираться вверх по извилистой тропе.

Он был вооружен и в кольчуге, но без шлема — светлые волосы золотились на солнце, блестящие черные глаза замерли в прищуре. Герцог бесстрашно подъехал к Гислену де Сомервиллю, не обращая внимания на ланьясских лучников, которые целились ему прямо в непокрытую голову.

— Вот и я, кузен, — с преувеличенной вежливостью произнес Исидор д'Эгльмор; да, все Великие Дома в какой-то степени приходились друг другу родственниками. — Желаете со мной поговорить?

— Это посланница Исандры де ла Курсель, королевы Земли Ангелов, желает поговорить с вами, ваша светлость, — невозмутимо уточнил Гислен.

Герцог повернулся, окидывая взглядом наше войско. Увидел разрисованные синим лица круитов и чуть заметно вздрогнул, но тут же взял себя в руки. Друстан маб Нектхана оскалил зубы. Но это ангелийские дела. Я выступила вперед и заговорила.

— Милорд.

— Ты... — Исидор д'Эгльмор наконец опустил глаза и нахмурился. — Я тебя знаю?

— Да, милорд, — кивнула я. — Это я подавала вам отряд на Средизимнем маскараде, когда Бодуэну де Тревальону выпала честь стать Принцем Солнца. Вы об этом вспомнили при нашей последней встрече. — В его глазах забрезжил проблеск узнавания. — Вас же воспитывали в Доме Шахризаев, — тихо добавила я. — Там вы должны были научиться узнавать след стрелы Кушиэля, милорд.

Герцог напряженно думал, но за ходом его мысли уследить я не могла. Он выглядел абсолютно бесстрастным.

— *Ангуиссетта* Делоне, — коротко бросил он. — Помню-помню. Мелисанда попросила оказать ей услугу, чтобы свести счеты за один неудачный план. Я думал, ты погибла среди скальдов. Как бы то ни было, твой господин умер не по моей воле, *ангуиссетта*.

— Так мне и дали понять, — спокойно сказала я, хотя поджилки дрожали.

Он приподнял светлые брови:

— Так ты пришла не за мстью? Тогда зачем? — Д'Эгльмор окинул взглядом сжимавшееся вокруг нас кольцо круитов. — Ты привела пиктов? Зачем? — Я уловила момент, когда он наконец связал одно с другим. — Делоне. Вот что они с адмиралом замыслили.

— Милорд. — Мне стоило больших усилий сохранять голос спокойным, а взгляд — прямым. — Это армия круарха Альбы и Гислена де Сомервилля. Мы пришли предложить вам выбрать себе смерть.

Люди д'Эгльмора тут же сжали рукояти мечей, несмотря на то, что были в меньшинстве. Герцог невозмутимо поднял руку, останавливая их.

— Что?

— Вы покойник, Кильберхаар. — Увидев, как он побледнел, услышав прозвище, данное ему скальдами, я обрадовалась. — Ангелийцы никогда не забудут вам предательства, навлекшего на нашу землю нашествие варваров. А Вальдемар Селиг попросту провел вас, милорд. С самого начала он не собирался оставлять вас в живых, одержав победу. Он отлично знает, что предавший однажды, предаст не единожды, и ему достанет мудрости не держать при себе меч, способный вонзиться в спину. Я хорошо изучила Селига теми долгими зимними ночами, которые по вашей милости провела в его постели. Не сомневайтесь, вы — покойник при любом исходе войны. Но мы предлагаем вам возможность умереть с честью, стяжав лавры спасителя родной земли.

Исидор д'Эгльмор вскинул голову и горящими глазами уставился на меня.

— И такой вот будущностью ты надеешься меня прельстить, *ангуиссетта*?

— Я Федра но Делоне, — тихо ответила я, — и да, я уверена, что такой исход для вас

самый лучший, милорд. Ведь если вы отвергнете это предложение и Селиг победит, Мелисанда Шахризай непременно станцует на вашей могиле.

В ту секунду лицо д'Эгльмора исказила гримаса ужаса, как у смертельно раненого, словно он вдруг почувствовал стальное жало в животе и услышал зов смерти. Глаза, сверкающие на застывшем лице, не отрывались от меня. Я разыграла свой козырь и угадала. Он не знал о предательстве Мелисанды.

— Мелисанда с Селигом заодно? — резко спросил он.

— Да, милорд. Я видела письмо, написанное ее рукой. Ее почерк мне хорошо знаком. — Я не смела отвести взгляд от герцога. — Какие бы услуги вы ей не оказали, благодарности можете не ждать.

Ругнувшись, он отвернулся и посмотрел на долину, где сгрудилась его армия. Рядом поскрипывала кожа и бряцала сталь — альбанцы переминались с ноги на ногу, выжидая. Гислен де Сомервилль стоял не шевелясь, как могучий дуб. Друстан задумчиво наблюдал за герцогом. Жослен держался рядом со мной, и я была рада его присутствию.

О чем думал Исидор д'Эгльмор мне неизвестно.

— Я тот меч, что вы вонзите в сердце Селига, — наконец сказал он, по-прежнему стоя к нам спиной.

— Да, ваша светлость, — подхватил Гислен. — Меч Камаэля.

Д'Эгльмор сухо усмехнулся.

— Предатель нации станет ее спасителем.

Он застыл без движения, глядя на своих солдат. Они окружили наших парламентаров уже не ради охраны, а чтобы выспросить новости, которые наверняка давным-давно сюда не доходили. В конце концов камаэлиты тоже были ангелийцами, да и нет лучших рассказчиков, чем моряки, за исключением разве что тсыган и мендакантов. До нас донеслись взрывы смеха, когда Парни Федры затянули свою маршевую песню: «Хлещи нас до рубцов и ран...»

— Вы их накормите? — внезапно спросил д'Эгльмор. — Исандра обрубилла наши поставки продовольствия, перекрыв все пути в Камлах.

— Да, — тихо ответил Гислен.

Тогда герцог развернулся и посмотрел ему в глаза.

— Что вы предлагаете?

— Предлагаю объединить наши войска и ударить в спину армии скальдов, осаждающей Трой-ле-Мон. — Гислен слабо улыбнулся. — Хорошо бы добраться до самого Селига. Никто не просит тебя в одиночку бросаться на меч, кузен.

— Селиг мой. — Д'Эгльмор говорил спокойно, но его черные глаза сверкали. — Поклянись в этом, и ударим по рукам.

— Клянусь. — Гислен де Сомервилль посерьезнел. — Клянешься ли ты честью Камаэля и именем Благословенного Элуа, что будешь верен Исандре де ла Курсель?

— Я клянусь хранить верность чему угодно, что поможет уничтожить Мелисанду Шахризай, — отрезал Исидор д'Эгльмор.

Гислен посмотрел на меня. Я коснулась бриллианта, пригревшегося на шее, и кивнула.

Это нас устроит.

Спуск в долину к армии д'Эгльмора выдался напряженным. Разум подсказывал, что герцог вряд ли откажется от своих слов — без нашей помощи он не мог и надеяться успешно противостоять скальдам, как, впрочем, и мы без его войска, — но уж слишком хорош был момент, чтобы на нас напасть: наша армия растянулась в длинные цепочки, перемещая вниз по горным тропам не только людей, но и припасы, вьючных мулов и неповоротливые боевые колесницы, с которыми далриады ни в какую не желали расставаться.

Гислен де Сомервилль и Друстан маб Нектхана на протяжении всего спуска оставались в седлах и в полном вооружении — думаю, они опасались предательства. Исидор д'Эгльмор, явившийся на переговоры с непокрытой головой, наблюдал за ними с оттенком презрения. Ловко направляя лошадь по крутой тропе, он подъехал к нам.

— Это ты был тем кассилианцем? — спросил он у Жослена. — Помню. Услуга Мелисанде.

— Да, милорд, — желчно подтвердил Жослен. — Тем кассилианцем был я. Жослен Веррэй, бывший брат Кассилианского Братства.

— И хорошо, что бывший, — сухо сказал герцог. — Сталь и вера — надрывное сочетание. Но я впечатлен. Я-то думал, что рабство убьет неуступчивого кассилианца. Позже хочу услышать все, что вам известно о Вальдемаре Селиге.

Пришпорив лошадь, он отъехал. Жослен гневно смотрел ему вслед.

— Не будь он нам нужен, клянусь, я вонзил бы нож ему в сердце! С чего ты вдруг решила ему довериться?

— Когда-то Исидора д'Эгльмора возвели на пьедестал героя Земли Ангелов, — ответила я. — Уверена, ему совсем не хочется быть оттуда низвергнутым. Если, объединив силы, мы победим скальдов или умрем, сражаясь, в памяти людей он так и останется героем-защитником. А отвергни он наше предложение и, скорее всего, войдет в историю как простофиля, обведенный варваром Селигом вокруг пальца, — ведь наверняка хоть кто-нибудь из знающих подноготную проживет достаточно долго, чтобы предать всю интригу широкой огласке. К тому же герцог понимает, что в любом случае обречен на смерть и что виной тому Мелисанда.

Жослен недолго помолчал.

— С ним она могла бы стать королевой, — наконец сказал он. — Почему же она его предала?

Я покачала головой.

— Скальды все равно напали бы. Селиг с самого начала был себе на уме. Он искал способ устранить со своего пути пограничные войска Камлаха и вышел на Мелисанду. Элуа ведает, что он ей наобещал. Рядом с ним... она могла бы стать королевой над двумя народами. Сейчас тысячи камаэлитов знают, что Исидор д'Эгльмор подставил родину под удар и принудил к соучастию в этом предательстве своих солдат, попросту перебив несогласных. Мелисанда играет куда умнее. Тех, кому ясна ее роль в нашествии Селига, можно пересчитать по пальцам. Если он одержит победу, то попытается построить империю и для подчинения Земли Ангелов ему потребуется высокородная королева из местных. Императрица.

— Думаешь, так? — Жослен потрясенно вскинул голову.

Я печально ему улыбнулась.

— А как еще? Мелисанда позарилась бы только на самую высокую ставку. Выше этой и представить невозможно. Разве что... — задумчиво добавила я, — она намеревается убить Селига, когда он завоюет себе трон и объединит страны.

— Как она может жить с руками по локоть в крови? — тихо спросил Жослен, глядя на рассредоточенную по долине камаэлитскую армию. — Да и какой человек на такое способен?

— Не знаю, — снова покачала я головой. — Возможно, она настолько увлечена своей игрой, что даже не принимает в расчет, скольких жизней будет стоить ее победа. — Делоне в какой-то степени был таким же, хотя руководствовался более благородными мотивами. Им так же повелевала гордость, и он так же любил строить далеко идущие планы. Помню, как он показал меня Мелисанде, когда весь город сгорал от любопытства, мечтая узнать, кто же его вторая протеже. И помню, как Мелисанда через меня дала ему знать, что именно она стояла за падением Дома Тревальонов. Они искали одобрения друг у друга.

— В любом случае это чудовищно, — припечатал Жослен.

Я не могла с ним не согласиться.

Длинными вереницами ангелийцы и альбанцы спустились в долину без происшествий. Союзники Камлаха с любопытством таращились на наших солдат и разрисованных синим круитов. В глаза бросались худоба и изможденность вояк д'Эгльмора — с первого взгляда было ясно, что это армия изгнанников. Мы не стали тратить время на разбивку лагеря, а сразу же начали делиться едой с новоиспеченными союзниками.

В лагере витало странное настроение, лишавшее мои мысли обычной четкости. Радость смешивалась с отчаянием, по мере того как слух о грядущей атаке на скальдов распространялся среди солдат. Я-то думала, что после успешных переговоров на душе станет легче — в конечном счете мне ведь не пришлось нести ответственность за смерть сподвижников от рук д'Эгльмора. Но стало только хуже. Происходящее казалось ясным, понятным и неотвратимым, а я словно зависла где-то вне своего тела и смотрела на события отстраненным взглядом стороннего наблюдателя.

Обсуждение военных планов затянулось до глубокой ночи: военачальники прикидывали наличные силы и выстраивали объединенное войско в самом выигрышном порядке. Д'Эгльмор с командиром своей пехоты, Гислен, Друстан с Близнецами, я в роли переводчика и Жослен — мой верный защитник. Круиты и далриады мало что смыслили в боевых построениях, но схватывали на лету.

В итоге решили, что камаэлитская пехота пойдет в авангарде. Репутация Исидора д'Эгльмора оказалась ни капельки не преувеличенной — он был опытным полководцем, и все, кто служил под его началом, отличались отменной воинской выучкой и дисциплинированностью. Когда скальды сплотят ряды, противостоя первому удару, вмешаются альбанцы: конники и колесницы нападут на внешние фланги, увлекая за собой безлошадных соплеменников.

А когда боевые порядки противника разрушатся, камаэлитская пехота расступится и кавалерия д'Эгльмора устремится в сердце скальдийского войска — к Вальдемару Селигу. Я считала, что при атаке на Трой-ле-Мон он, скорее всего, будет находиться на передовой — Селиг не из тех, кто командует из тыла. Камаэлитам придется далеко углубиться в ряды скальдов, чтобы до него добраться.

— Насколько он хороший воин? — спросил Исидор д'Эгльмор, поднимая глаза от

торопливо начертанного плана битвы, чтобы посмотреть на Жослена. — Знаешь, кассилианец?

Жослен ответил немигающим взглядом:

— Он меня разоружил в пылу битвы. Можете не сомневаться, Селиг — очень хороший воин, милорд.

Я ожидала, что герцог съязвит, но он, видимо, уловив серьезный настрой Жослена, лишь кивнул. В свете лампы его волосы казались серебряными.

— Значит, мне придется быть еще лучше, — тихо заключил д'Эгльмор и взялся за рукоять своего меча.

Поколебавшись, Жослен продолжил:

— Не выжидайте, пока он бросится в схватку. Если вы, милорд, промедлите, он мигом подступит к вам вплотную и лишит пространства для замаха. Селиг сражается не думая, так, как мы с вами дышим. И не позволяйте его массивности ввести вас в заблуждение — он куда проворнее, чем кажется с виду.

— Спасибо, — вновь кивнул д'Эгльмор, на этот раз довольно мрачно.

Весь следующий день войска готовились к маршу, а разведчики, высланные в разные стороны, докладывали об отставшей погоне и о ситуации возле осажденного города. Прежде чем выступить на следующее утро, мы узнали скорбную весть: скальды прорвались через внешние укрепления Трой-ле-Мона и уже стояли у ворот самой крепости.

Все-таки мы правильно рассудили, решив искать поддержки Исидора д'Эгльмора. Замысел рассорить скальдов, возможно, и сработал бы, вот только времени на его претворение не оставалось. Ничего не понимая в военном деле и стратегии, я могла лишь переводить, когда это требовалось, и не мешаться под ногами, когда во мне не было нужды. Я разыграла свою последнюю карту. Что случится дальше, от меня никак не зависело.

Тогда почему мне было так не по себе? Откуда это смутное чувство, будто я чего-то не сделала.

И это чувство не успокаивалось на протяжении всего долгого перехода обратно в Намарру. Я смотрела на окружавших меня людей и искала ответы в их лицах. Теперь, когда солдаты устремились к определенной цели, их странное, радостно-траурное настроение улетучилось, сменившись мрачной решимостью. То тут, то там я натыкалась на обращенный в себя взгляд тех, кто шел на смерть, но на лицах я видела надежду и отвагу. Запомнилось лицо Друстана маб Нектханы, который ехал с гордо поднятой головой и сияющими глазами. Неважно, что ждало его впереди, — он держал путь к любимой женщине. Грайне и Имонн тоже улыбались, перед битвой Близнецы становились поразительно похожими.

А вот Гислен де Сомервилль рысил с серьезным лицом. Он сделал все что мог, сын королевского главнокомандующего. Его отец не смог бы лучше. Исидор д'Эгльмор в сверкающих доспехах смотрел вдаль, словно лучник на цель, и на его губах играла легкая улыбка, пока он спешил навстречу судьбе.

Жослен скакал рядом со мной, притихший и обеспокоенный. При взгляде на него ныло сердце.

«Благословенный Элуа, — молила я о наставлении, — что я должна дальше делать?» Но ответом мне была тишина. Я помолилась Наамах, которой служила, но видимо, моя задача не была связана со служением ей. Во имя Наамах я уже сделала все, что могла, и даже больше.

Но вдобавок я была избранницей Кушиэля, и поэтому дерзнула обратиться к нему.

Кровь вскипела, шепча мне ответ. Всю свою жизнь я чтילה Элуа, с самого детства служила Наамах. Но именно Кушиэль меня отметил при рождении, и именно ему я теперь принадлежала. Вдруг почудилось, будто ангел рядом и обнимает меня могучей рукой.

«Мой господин Кушиэль, — молилась я, — что я должна дальше делать?»

«Ты узнаешь...»

Как долго мы ехали? Недели и месяцы словно слились в один бесконечный день. Прежде мне казалось, что прожита не одна жизнь с тех пор, как смерть опередила нас с Жосленом в бешеной скачке к дому Делоне. Но теперь, когда та история близилась к завершению, все, выпавшее нам на долю вспоминалось совсем недавним.

Мы разбили лагерь в холмах неподалеку от поля боя.

Уже утром планировалось идти в наступление.

Я отправилась с Гисленом и остальными, чтобы посмотреть на расстановку сил. В свете догорающего солнца была хорошо видна обороняющаяся крепость с реющим на ветру флагом Курселей — островок в море скальдов. У разрушенного бастиона высилась обгоревшая осадная башня, а на равнине виднелся обугленный остов той, что подожгли круиты Друстана.

Но еще две целенькие башни стояли почти у самых стен крепости, и скальды готовили мощный таран, чтобы выломать ворота. Только лучники и фрондиболы на крепостной стене пока удерживали их от атаки. Если скальды сумеют подтащить башни поближе и хлынут на парапет, все будет кончено. Но на закате они отступили за пределы досягаемости стрел воинов Трой-ле-Мона, чтобы возобновить атаку на рассвете.

— Мы подождем до утра, — тихо сказал Гислен, — и будем молиться, чтобы защитники крепости признали в нас союзников. Чем скорее они контратакуют скальдов со своей стороны, чем больше у нас шансов на победу.

— Думаешь, королевские войска со всех ног ринутся помогать орлу д'Эгльмора? — скептически спросил герцог. — Не рассчитывай на скорую подмогу, кузен.

— Мой отец не дурак. — Гислен смотрел вдаль, на крепость. — Люди Друстана сражаются под флагом Куллах Горрым. Он его наверняка узнает.

— Если разглядит черного кабана за тридцатью тысячами реющих скальдов. — Д'Эгльмор отошел и пожал плечами. — Что ж, давайте постараемся перебить как можно больше варваров в надежде, что этого окажется достаточно для прорыва осады. Но каждую минуту промедления со стороны твоего отца мы будем терять сотни солдат.

Один из Парней Федры, Юджин, которого Квинтилий Русс ценил за необычайно острое зрение, посмотрел на поле боя и ахнул, на что-то указывая.

Было сложно различить людей на таком расстоянии. С холма фигурки казались крошечными, но мы достаточно ясно увидели вереницу пленных, которых вели по лагерю скальдов, подталкивая и награждая пинками. Длинные платья выделялись яркими пятнами на фоне пыльной земли и серых шатров военного лагеря.

Женщины, все до одной. Ангелийские женщины.

Армия Селига серпом прошла по северной Намарре, прежде чем войско Перси де Сомервилля встало у нее на пути. Прежде мы такого не видели. Скальды угоняли ангелиек в рабство.

Мы молча наблюдали за ними, находясь слишком далеко, чтобы слышать их крики. Да и сомневаюсь, чтобы несчастные кричали. Должно быть, они пробыли в плену уже несколько недель, а по прошествии времени человек привыкает почти ко всему. Но я все

равно не могла отвести взгляд. Жослен взял меня за плечи и оттащил от края холма. Я уткнулась лицом ему в грудь и затряслась. А подняв голову, обнаружила, что Исидор д'Эгльмор смотрит на нас с сокрушенным лицом.

— Простите, — тихо сказал он. — За все то, что вам обоим пришлось вытерпеть. Не знаю, как вы отнесетесь к этой просьбе, но, пожалуйста, простите.

Жослен, не отпуская меня, кивнул.

— Выступаем на рассвете, — мрачно напомнил Гислен де Сомервилль.

Я проснулась, едва взошла луна.

Меня разбудило гудение крови в жилах: Кушиэль словно окутывал меня огромными бронзовыми крыльями, заставляя кровь стучать в ушах. Подняв голову с одеяла, я обвела взглядом спящий лагерь, в красной пелене увидев сверкающие клинки, бледные лица лежащих солдат и дремлющих с опущенными головами лошадей.

Каждая минута промедления унесет сотни жизней.

Кушиэль прошептал мне на ухо: «Сейчас...»

Я стиснула виски, понимая, о чем он.

Подняться, не разбудив спящих рядом, не составило труда. Выставленные по периметру караульные за передвижениями внутри лагеря не следили. А я умела двигаться тихо-тихо: это первое, что усваиваешь при Дворе Ночи. Прежде всего там учат быть незаметной, невидимой, прислуживать ненавязчиво и никому не мешать.

Делоне тоже приветствовал этот навык.

Оставить Жослена было труднее всего, потому что я знала: он никогда меня за это не простит. Я перешагнула через него. В серебристом лунном свете спящий Жослен походил на прекрасного Эндимиона из древней эллинской легенды. Я поцеловала его в лоб, едва прикоснувшись губами, и он что-то неразборчиво пробормотал во сне.

— Прощай, мой Кассиэль, — прошептала я, напоследок погладив его по голове.

Потом встала и заколола фибулой темно-коричневую бархатную накидку, подаренную Куинселем де Морбаном, в которой я сливалась с ночным мраком. Пробралась через неосвященный лагерь — жечь костры запретили из опасений, что скальды их заметят, — выискивая Исидора д'Эгльмора.

Он открыл глаза сразу же, стоило мне опуститься рядом с ним на колени, и характерным движением камаэлита стремительно потянулся к мечу. Не успела я проронить хоть слово, как острие оказалось у моего горла.

— Ты, — тихо сказал герцог, сощутив глаза в лунном свете. — В чем дело?

— Милорд, — отозвалась я так же тихо, чтобы никого не разбудить, — крепость будет готова к вашей атаке.

Убирая меч в ножны, д'Эгльмор смерил меня внимательным взглядом.

— Тебя поймут.

— Но не раньше, чем я доберусь до стены. — Я обхватила себя руками и поежилась. — В скальдском лагере десятки ангелиек. Уверена, что сумею подобраться достаточно близко и передать Исандре предупреждение, которое она поймет.

Герцог медленно покачал головой.

— Разве не ясно? Тебя схватят, Селиг пытками развяжет тебе язык, и ты всех нас выдашь.

— Нет. — В горле забулькал жуткий смех. — Нет, милорд. Я единственный человек, которому пытки не страшны.

Было слишком темно, чтобы разглядеть алую крапинку, но д'Эгльмор все равно посмотрел на мой левый глаз, очевидно вспомнив, кто я и что. Отвел с лица блестящие светлые волосы.

— Почему ты говоришь о своем плане именно мне? — жестко поинтересовался он.

— Потому что в этом лагере вы один, милорд, не попытаетесь меня остановить, — тихо ответила я. — Помогите мне незаметно миновать караулы. Вы же сами сказали, что каждая минута промедления с контратакой из крепости обойдется в сотни жизней. Предупреждение спасет тысячу наших солдат, а то и больше. Вчера я предоставила вам выбор, какой смертью умереть. Самое меньшее, чем вы можете отплатить — уважить мой выбор.

Казалось, что герцог склоняется к отказу, но в конце концов он кивнул. Я не ошиблась, избрав Исидора д'Эгльмора. Мы подошли к краю лагеря, где стоял в карауле один из его людей. Д'Эгльмор отозвал дозорного на пару слов, и тот с готовностью повиновался. Он не виноват, что не заметил, как я проскользнула мимо, поскольку не ожидал подвоха со стороны своих.

Итак, я покинула лагерь.

Сейчас, когда все уже сказано и сделано, кажется несомненным, что бывали в моей жизни более трудные испытания. Та ночь не шла в сравнение с нашим с Жосленом побегом через скальдийскую ледяную пустошь и не угрожала такой опасностью, как сверхъестественные ужасы Пролитов. Но разнообразных трудностей превеликое множество, причем каждый подходит к ним со своей меркой, и для меня то деяние стало самым сложным на моей памяти.

Отступив от границы лагеря, я осталась совсем одна.

Пришлось приложить немало усилий, чтобы бесшумно спуститься с холмов. Хотелось взять лошадь, но в карауле стояли ланьяские лучники Гислена и им было приказано стрелять во все, что шевелится. Я бы не осмелилась проверять на себе их мастерство даже в кромешной темноте. Они способны подстрелить ворону на кукурузном поле, ориентируясь лишь на звук, а лошадь издает довольно много шума и в лунном свете представляет собой крупную цель.

Я же была маленькой и двигалась тихо-тихо.

На спуск ушло не меньше часа, хотя я старалась двигаться побыстрее, миновав внешнее кольцо караула. По большей части я спускалась на четвереньках, и на руках оставались ссадины от камней. А выбравшись на равнину оценила, что до крепостной стены шагать еще часа два. Чуть больше мили до скальдийского лагеря, а дальше, среди врагов, пробираться придется медленно.

Но времени пока хватало: ночь только вступила в свои права.

Равнина под высокой луной была тихой и гладкой, я пересекала ее с опаской, вздрагивая от каждого шороха. Удивительно, что местная живность — мыши, кролики, змеи — не разбежалась отсюда с началом боевых действий. От уханья совы я подскочила, зацепилась ногой за подол платья и растянулась на земле. Упершись ладонями в плодородную почву Земли Ангелов, постаралась успокоить бешено колотящееся сердце. Пока выравнивала дыхание, нащупала гладкий камень, потом, прихватив его с собой, встала и продолжила путь.

Отвлечь дремлющего на посту скальдийского караульного оказалось детской забавой. Размахнувшись, я швырнула камень подальше. Он упал с глухим стуком, и скальд повернулся в ту сторону. Я прошмыгнула мимо, низко натянув капюшон. «Никогда не отвергай уловку из-за ее простоты, — говорил Делоне. — Старые трюки долговечны, потому что действенны».

Мне казалось, что самая опасная часть пути уже пройдена.

Пока я не вошла в лагерь скальдов.

Оборонительный пояс вокруг Трой-ле-Мона варвары прорвали в дюжине мест с помощью подкопов и таранов. С катапультами штурм прошел бы еще быстрее, но, к счастью, эти тиберийские орудия, видимо, оказались скальдйским мастерам не по зубам.

И без того плохо, что они научились строить осадные башни.

Усвоив недавний урок атаки круитов, Селиг выставил у самых больших проломов в стенах дозорных, но те высматривали армию, а не одинокую лазутчицу. Обходя бастион, издалека я заметила щель, в которую мог бы пролезть разве что ребенок: наверное, нападавшие пробрили брешь, но оставили ее, когда их соратники преуспели в другом месте.

Стена из земли и дерева отбрасывала глубокую тень. Присев на четвереньки, я принялась лихорадочно рыть обеими руками, расширяя дыру, чтобы пролезли голова и плечи.

А забравшись туда наполовину, я застряла. Отверстие было узким, и что-то — скорее всего, застежка на поясе — зацепилось за неровные бревна, образующие каркас бастиона. Я отчаянно извивалась, стараясь не поддаваться панике и не шуметь. Но выбраться не получалось. «О, Кушиэль, — воззвала я мысленно, — ты же не для того послал меня сюда, чтобы я вот так глупо погибла». Еще рывок, и сопротивление вдруг исчезло. Я выползла на другую сторону ограждения.

Выдохнув, встала в темноте на колени и огляделась.

Я снова оказалась в тылу врага.

Далеко впереди на фоне ночного неба высилась громада осажденной крепости. В темных амбразурах виднелись движущиеся огни, на стене горели факелы караульных, что вышагивали туда-сюда и наблюдали за спящим вражеским лагерем, пролежавшим между мною и крепостью.

Глубоко вдохнув, я вышла из тени бастиона и продолжила свой путь.

Крайние ряды варваров было проще всего миновать: доверяя Селигу и дозорным, скальды крепко спали, завернувшись в плащи, а угли в кострах еле тлели. Захватчикам не приходилось опасаться, что их увидят: осажденные и так знали, где они.

Медленно лавируя между лежавшими, я отмечала племенные различия, заметные любому сведущему. Изучив их еще на Слете, теперь я видела, что там и тут в спящем лагере пролегают линии границ между племенами. Манны и марсы, гамбривийцы, суэвы и вандалы... Я пробиралась между ними по невидимой тропке, стараясь не споткнуться то о вытянутую руку, то о ногу с железным щитком.

Конечно же, сон сморил не всех. Некоторые скальды бодрствовали и оборачивались в мою сторону, как я ни пыталась избежать стороннего внимания. Но что именно они видели? Одинокую ангелийку, молодую, растрепанную и смертельно напуганную. Держа голову опущенной, я продвигалась в ту сторону, откуда вечером вели пленных женщин, молясь, чтобы это сработало.

Элуа милостив — так и получилось.

Сколько же там собралось скальдов! Невообразимое множество. И во сне они выглядели до странности безобидными: густые усы и заплетенные в косицы бороды казались забавными украшениями на смягченных сном лицах, а оружие и щиты лежали на земле, словно разбросанные детские игрушки. О, как бы мне хотелось, чтобы хватчики и днем были не более чем невинно сопящими великанами.

Чем ближе я подходила к Трой-ле-Мону, тем сложнее становилось передвигаться. Поначалу я держала путь к лагерю для пленных, но потом пришлось резко повернуть к

крепости и обожженному каркасу осадной башни, висевшему над темными водами рва. Здесь Селиг выставил патрули, которые зорко следили за защитниками твердыни.

Я всячески пыталась ускользнуть от совершавших обход охранников и не однажды оказывалась на волосок от поимки. В очередной раз шмыгнув в тень щита, я задела полой плаща пирамиду копий, и они с грохотом обрушились на землю.

Ближайший скальд, беспечно обнимавший ангелийскую девушку, дернулся и поднял голову. Осоловело моргнул, растянул губы в улыбке.

— Куда бежишь, голубушка? — спросил он на скальдском и потянулся ко мне. — Идем, покажу тебе твой новый дом!

В страхе ищешь любой помощи где угодно; я обратила перепуганный взгляд к спутнице скальда. Она не дремала, широко открытые глаза были ясными и спокойными. Мы смотрели друг на друга в лунном свете, обе ангелийки, и я заметила, что на ней порванное и испачканное одеяние жрицы Наамах.

Да, мы ведь находились в Намарре, провинции Наамах.

Но я не ожидала, что варвары осмелятся разграбить ее храмы.

— Куда это вы, мессир? — мелодично спросила девушка по-ангелийски, хватая вояку за руку и притягивая к себе. — Неужели вы оставите меня мерзнуть?

Если он не понял ее слов, то жесты не оставляли сомнений, скальд хохотнул и ткнулся лицом ей в шею. Съежившись в тени, я не сводила глаз с жрицы Наамах, сурово и решительно смотрящей на меня поверх плеча варвара. Я беззвучно промолвила: «Спасибо» и побежала дальше в темноту, на ходу благодаря Наамах, которая защитила свою служительницу.

И вот я добралась до разрушенной осадной башни.

Прежде я частенько проклинала Анафиэля Делоне, заставлявшего меня долгие часы заниматься акробатикой. Но теперь, хватаясь за обугленные бревна и подтягиваясь, снова и снова брала обратно свои слова, снова и снова о них жалела. Тысячу раз, не меньше.

Под покровом ночи я карабкалась все выше и выше, глядя на серые каменные стены Трой-ле-Мона, от которых меня отделял только узкий ров. Высоченную башню подтащили достаточно близко; если бы скальдам удалось перекинуть мостки через ров, они хлынули бы прямо на стену.

Но скальдам не удалось, и отрезок их неудачи стал отрезком моей судьбы. Я залезла так высоко, насколько осмелилась, вся перемазавшись сажей от обугленных бревен. Меня переполняло радостное возбуждение, совсем как в тот день, когда я ползла по потолочным балкам в чертоге Селига.

В ближайшей башенке крепости виднелась бойница, из которой защитники могли обстреливать атакующих. Конечно же, в это непростое время там дежурил караульный. Я принялась отламывать кусочки обгорелой древесины и кидать их в узкий проем.

Внутри загорелся свет факела. Мелькнуло лицо ангелийца и тут же исчезло, а вместо него появился нацеленный в мою сторону арбалет.

Кровь зашумела в ушах.

— Стойте! — воскликнула я, и мой голос далеко разнесся по равнине в ночной тиши. — Во имя Исандры де ла Курсель, не стреляйте!

Караульный не спустил болт, а скальдский патруль разразился воплями. Внизу к моей башне мчались люди. Арбалет убрался, вместо него в бойнице вновь возникло удивленное лицо.

Цепляясь за бревна, я высунулась наружу, чтобы факелы со стены меня осветили.

— Скажите королеве, — крикнула я, — что вторая ученица Анафиэля Делоне выполнила ее приказ!

Вот и все, что я успела сказать, прежде чем меня схватили за ноги и потянули вниз. Под ногти впились занозы, пальцы разжались, и я упала. Голова сильно ударилась о бревно, и тут меня грубо поймали.

Скальды начали спускать меня с башни, подталкивая в спину, но не позволяя свалиться, когда дрожащие руки меня подвели или ноги соскальзывали с упоров. Со стороны лагеря доносился нарастающий рев, костры запылали. Наконец я оказалась на земле.

Едва я утвердилась на ногах, один из скальдов толкнул меня, заставив упасть на колени перед капитаном патруля. Тот тут же связал мне руки.

— Что ты там делала, а? — прорычал он на скальдском и выругался. — Думала, что доберешься до замка? Твое место вон там, рабыня! — Он указал на лагерь пленных. — Знаешь, какое наказание полагается за побег?

— Она тебя не понимает, Эгил, — усмехнулся один из варваров, хватая меня за волосы.

Я бы тоже рассмеялась, если бы не боялась утратить самообладание. Караульные считали меня беглой рабыней. Меня окружали сталь, пламя и лица скальдов. В нос ударила вонь от поля боя. Откуда-то донесся цокот копыт.

— Нет, думаю, все она понимает, — раздался совсем рядом другой голос, глубокий, властный и ироничный.

Я сразу его узнала. Этот голос глубоко врезался мне в память, куда глубже, чем мне хотелось бы. Пленитель дернул меня за волосы, заставляя посмотреть на новоприбывшего. Тот был высок, даже выше чем я помнила, его широченные плечи заслонили от меня крепость.

Темные глаза сузились при взгляде на меня, а губы изогнулись в невеселой улыбке.

— Не так ли, Фэй-дра? — ласково спросил Вальдемар Селиг.

— Да, милорд Селиг, я понимаю, — выдавила я.

Спрыгнув с лошади и бросив поводья стоящему наготове тенну, Вальдемар Селиг шагнул ко мне и дважды ударил по лицу, слева и справа. Голова закружилась.

— Это я тебе задолжал, — спокойно произнес он. Схватил меня за волосы, дернул и уставился мне в глаза. — Что ты делала на башне?

Я ответила ему долгим взглядом.

И он снова отвесил мне две пощечины.

— Что ты там делала?

Дотронувшись языком до нижней губы, я ощутила вкус крови.

— Она что-то кричала, — услужливо подсказал один из моих захватчиков.

— Что именно? — спросил Селиг, не ослабляя хватки.

Скальды заспорили, пытаюсь собрать воедино мои слова на незнакомом им языке. Покачиваясь на коленях, я наблюдала, как Селиг, вслушиваясь, шевелит губами. Он-то сносно говорил по-ангелийски. Кому знать, как ни мне, — я сама его обучала.

— Сажити... кажити каалеве, что торая... торая уница... учница... дилане вы палнила ийо... — лопотали памятливые скальды, путая звуки и ударения.

Селиг плохо понимал ломаную речь. Досадуя, он встряхнул мою голову, словно погремушку, и приказал привести кого-нибудь из пленных.

Скальды приволокли выручившую меня жрицу Наамах — она подвернулась им первой. С достоинством кутаясь в порванное одеяние, она скользнула по мне равнодушным, неузнающим взглядом и выслушала искаженную фразу, вновь воспроизведенную капитаном патруля.

— Скажите королеве, что вторая ученица Делоне выполнила ее приказ, — невозмутимо повторила она на правильном ангелийском.

Селиг улыбнулся, и на лице жрицы появилось испуганное выражение — вряд ли она рассчитывала, что предводитель варваров ее поймет. Однако его улыбка тут же угасла, и меня охватила горькая радость победы. Эти слова ничего для него не значили.

— Спасибо, — поблагодарил он жрицу на ангелийском и добавил уже по-скальдийски: — Отведите ее обратно в лагерь.

Влекомая прочь женщина разок оглянулась, и больше я ее не видела.

Селиг рассматривал меня, по-прежнему крепко держа за волосы.

— Будет лучше, если ты прямо сейчас во всем сознаешься, — почти ласково произнес он. — Ты не заслуживаешь быстрой смерти, но я готов ее тебе подарить, если не кобенясь все расскажешь.

Для скальда он был красив — о да, на загляденье. Золотая заколка на его волосах и проволока в бороде поблескивали в свете факелов окруживших нас воинов. Натянутая кожа моей головы болела, в глазах стояли слезы. Но я рассмеялась: терять больше было нечего.

— Нет, милорд, — просто ответила я. — Я предпочитаю не получать от вас подарков.

Выругавшись, он разжал пальцы и оттолкнул меня. Затем задумчиво посмотрел на крепость.

— Ты уверяла, что боль тебе в удовольствие, — сказал он. — Тогда пусть Исандра де ла Курсель посмотрит, как Вальдемар Селиг ублажает ее шпионку.

Я уже говорила, что Селиг был очень умен. И умел поставить себя на место врага, проникнуть в его мысли. По приказу своего вождя перед крепостью, как раз за пределами досягаемости стрел защитников, скальды расчистили и окаймили факелами большую площадку. В навесном укреплении над воротами Трой-ле-Мона к тому времени уже светились все бойницы — наверняка оттуда наблюдали за происходящим. Селиг это понимал не хуже меня. Двое его теннов вывели меня в центр площадки и поставили на колени. Белые Братья — в летний зной шкуры небрежно болтались за спиной, а шерстяную одежду сменили кожа и железо.

Их повелитель тоже носил волчью шкуру, в лунном свете казавшуюся белоснежной, поверх туники, но под доспехом. Он шагнул в освещенный круг и дернул за горловину моего платья, разрывая его. Я почувствовала обнаженной спиной ночной ветер.

— Исандра де ла Курсель! — зычно выкрикнул Селиг. — Смотри, какая судьба ждет шпионов и предателей!

Я услышала, как вышаркнул из ножен кинжал, и почувствовала острие на своей левой лопатке. Белые Братья крепче ухватили меня за руки, а Селиг принялся резать.

Вальдемар Селиг славился как охотник. В отличие от ангелийских аристократов скальды не перекладывают на слуг всю грязную работу. В частности, сами свежуют и потрошат добычу. Когда Селиг сделал несколько надрезов на моей спине и начал медленно отрывать лоскут кожи, стало ясно, что он задумал.

Заживо содрать с меня кожу.

Я извела немало боли — Элуа ведает, сколько мне пришлось претерпеть. Но весь мой опыт ни к чему такому меня не подготовил. Я невольно ахнула, когда мучитель повернул лезвие в очередном порезе, а когда сжал пальцами кровавую полосу кожи и потянул, закричала.

Казалось, боль будет длиться вечно.

Глаза заволкла красная пелена. Я понимала, где нахожусь, но одновременно чувствовала себя где-то еще. «Кушиэль», — подумала я, и в ушах зашумело, словно захлопали могучие крылья. Я сделала все, что могла. Какое облегчение — ни за что не отвечать и сдаться, наконец-то сдаться. Словно со стороны доносились мои собственные всхлипы и шепот Селига: «Скажи мне, скажи». Да, знаю, все это происходило наяву, но казалось бесконечно далеким — маленький бурун на краю водоворота агонии, который меня засасывал глубже и глубже. Мир за алой пеленой качнулся, и чьи-то руки силой заставили меня стоять прямо. Боль расцветала в теле от поясицы и выше. Боль затмевала все. Оставалось только вечное, я рушилась в боль, словно в темный бездонный колодец, летя навстречу бронзовой маске Кушиэля, сурового и сострадательного. Его бронзовые губы шевелились, шепча слова, отдающиеся в моих костях. Боль все искупает. Боль — свидетельство жизни и обещание смерти. Я видела лица, много лиц, смертных и любимых: Делоне, Алкуин, Сесиль, Телезис, Гиацинт, Жослен... Их сменяли, как в калейдоскопе, многие другие: Исандра, Квинтилий Русс, Друстан, Близнецы, Парни Федры, мастер Тильхард, Ги... И совсем неожиданные: Хедвиг, Кнуд, Хильдерик д'Эссо, старая дуэйна Лодур Одноглазый... А в потом смутно вспомнились лица матери и отца, и скальдийского наемника, который подбрасывал меня в воздух, хохоча в густые усы...

И тут я увидела Мелисанду.

Ах, Элуа! Когда-то я ее любила...

Боль резко прервалась, и я вернулась к жизни. Селиг вдруг остановил свой нож,

отделявший мою кожу от плоти. Кто-то говорил на скальдском с жутким акцентом — знакомый голос гремел в ночи.

— Вальдемар Селиг, я вызываю тебя на хольмганг!

Тенны меня отпустили, и я повалилась щекой в пыльную утоптанную землю. Кровь смешалась с грязью. Из рядов скальдов выступил человек, видеть которого было нестерпимо. Я моргнула.

Краденые доспехи и конь для маскировки — ему не впервой — и кассилианское оружие и голубые как летнее небо глаза, сверкающие безумной отчаянной смелостью.

— Элуа, нет... — пробормотала я в ангелийскую землю.

Вальдемар Селиг стоял и смотрел, а потом расхохотался.

— Большого и не пожелать! — радостно воскликнул он, раскидывая руки. — Ох, Один Всеотец, ты воистину щедр на подарки! Да, Жуслин Фирьой, давай станцуем на шкуре, а потом... — Он развернулся и выкрикнул в сторону осажденной крепости. — А потом покажем Земле Ангелов, как Вальдемар Селиг обходится с ее лучшими воинами!

О да, скальды обожают героические поступки и слагают о них песни-легенды. Едва Жослен спешил, на него тут же нацелились двадцать копий, а коня подхватили под уздцы и увели. Краденые доспехи тоже забрали. Сколько-то времени по всему лагерю разыскивали шкуру подходящего размера для хольмганга. Два Белых Брата поставили меня на колени и удерживали за плечи, чтобы я все видела. Карие глаза Селига задорно поблескивали, пока он проверял щит.

С Жосленом никто щитом не поделился. Он стоял налегке, в кассилианской манере, защищенный лишь стальными наручами. Чуть не падая с колен, окровавленная и изнемогающая от боли, я про себя ругала его на чем свет стоит. Неважно, чей выйдет верх в поединке. Селиг не такой дурак, чтобы отказаться от победы ради честной игры. Он сломает Жослена так или иначе, может быть, с моей помощью — и это самое худшее.

«Жослен, Жослен... — твердила я мысленно, и слезы не останавливаясь текли по щекам. — Ты это сделал, на самом деле сделал, ты всех нас погубил из-за своего треклятого обета».

Противники заняли места на противоположных концах шкуры. Жослен скрестил руки и поклонился. Селиг взмахнул мечом, и тысячи скальдских глоток разразились дружным ревом. Скальды принялись ритмично колотить копьями по щитам. Селиг повернулся к темной крепости и отвесил издевательский поклон. Я стояла на коленях, изнемогая от боли.

Хольмганг начался.

Только поэт смог бы как следует описать этот смертельный танец на тесной шкуре перед гомонящей армией скальдов и молчаливыми защитниками Трой-ле-Мона. Увы, это не в моих силах. Поединщики двигались быстро, очень быстро, а я прошла слишком долгий путь из царства Кушиэля, чтобы ничего не упустить. Мечи мелькали в свете факелов, словно стальные молнии в багровом зареве, слышался звон металла, заглушаемый мерным постукиванием тысяч копий о щиты. В темноте змейками взметывались пшеничные волосы Жослена, заплетенные в косицы на скальдский манер, когда он уворачивался от жалящего клинка противника. Быстро, но недостаточно быстро. Вот стал темнеть от крови рукав моего кассилианца — меч Селига рассек предплечье чуть выше наруча.

Скальды сбились с ритма, выжидая, что кровь капнет на шкуру. Селиг отбросил треснувший щит и не глядя потянулся за следующим, который уже протягивал верный тенн.

Жослен расслабил завязки на наруче здоровой рукой, подтянул его повыше и закрепил

поверх раны, затянув завязки зубами.

Смеясь, Вальдемар Селиг ринулся в атаку, и мерный стук копий возобновился.

Я вижу это снова и снова. Вот готовый к нападению Жослен взмахом меча парирует выпад Селига и тут же сам замахивается, взявшись за рукоять обеими руками. Селиг поднимает щит, готовясь отразить удар сверху. И тут повернутый клинок Жослена чиркает скальда по скуле.

Из раны потекли красные ручейки, обагрив ухоженную бороду. Густая и красная, кровь закапала на шкуру.

Скальды перестали стучать.

В гробовой тишине Жослен поклонился и убрал меч в ножны.

Вальдемар Селиг провел ладонью по щеке и презрительно стряхнул кровь с пальцев.

— За это, — тихо сказал он, направляя свой меч Жослену в сердце, — я позволю тебе прожить достаточно долго, чтобы увидеть, что от нее останется, когда я с ней закончу и отдам на поругание своим воинам.

Я так и знала, что надеяться не на что.

Жослен посмотрел на Селига. В небесно-голубых глазах плескалось спокойствие.

— Во имя Кассиэля, — ровно произнес он, — я служу и защищаю.

И пришел в движение, текучий как вода.

Всем своим приемам кассилианцы дают названия: поэтичные, красивые и благостные, взятые из природы... «птица», «горный ручей», «дерево на ветру». А за мирными словами все та же наука убивать.

И лишь одно название взято из другой области — *терминус*.

В популярной пьесе ударным был эпизод, в котором кассилианец совершает терминус. Однажды в «Петушке» я видела, как актер разыгрывал эту роль.

И вот сейчас, стоя на коленях между двумя Белыми Братьями перед лицом беспощадного мучителя, я сразу догадалась, что задумал Жослен. Когда он, разворачиваясь в мою сторону, подбросил один кинжал правой рукой и поймал его за лезвие, я утвердилась в своей догадке. А когда левой рукой поднес второй кинжал к собственному горлу, твердо знала, что он сейчас сделает.

Последнее, что может сделать Идеальный Спутник.

Я посмотрела ему в глаза. Кинжал в правой руке готовился вонзиться мне в сердце, кинжал в левой подрагивал у горла Жослена. Я неправильно его оценила. Да, он сумел найти единственно возможный путь, чтобы нас спасти. До того момента я не подозревала, как глубоко во мне сидит страх перед судьбой.

— Давай, — прошептала я.

Жослен глянул куда-то мне за спину и замер.

И тут же молниеносно задвигался: выбросил вперед правую руку, словно хлыст. Кинжал вонзился в горло Белого Брата слева от меня, и тот, захлебываясь, рухнул навзничь, выпустив мое плечо. Я покачнулась. Жослен подскочил и мигом выдернул оружие из шеи убитого. Второй Белый Брат тоже перестал меня держать, нащупывая рукоять своего меча. Слишком поздно: скрещенные кинжалы хлестнули по его горлу с обеих сторон. Не думая о боли, что мне причиняет, Жослен схватил меня за руку, рывком вздернул на ноги и потащил в сторону крепости.

Спотыкаясь на бегу и дергаясь от боли, я наконец увидела, как опускающаяся решетка поползла вверх. Армия скальдов ревела за спиной, когда подъемный мост с грохотом

опустился. Мы сломя голову неслись по выжженной земле, в груди горело, с каждым шагом в теле нарастала боль.

И тут ночные небеса осветились.

Фрондибола на стене принялась плевать сгустками огня — эллинское пламя, жидкий пек. Огонь пролетел над нашими головами и врезался в первые ряды преследователей, которые принялись вопить и кататься по земле. Вопли заглушил командный рев Селига:

— Вперед! Вперед, на мост, дурни!

Не знаю, все ли скальды его услышали, но наверняка многие. Тут земля под ногами затряслась, и из темной пасти ворот выехал кавалерийский отряд.

Четверо съовальских латников, вместе с лошадьми с ног до головы закованные в блестящие доспехи, проскакали мимо нас и врезались в приближающуюся стену скальдов. А за ними мчались десятка два по-аккадиански воющих легко вооруженных конников в тюрбанах и шлемах. Один словно ястреб подхватил меня и ловко забросил поперед седла. Корчась от боли, я успела увидеть, как Жослен принял руку другого конника и запрыгнул на лошадь позади него.

Мы тут же развернулись назад к крепости. Латники врассыпную поскакали к мосту, аккадианские конники, выстроившись полукругом, прикрывали отступающих, часто стреляя в преследователей из коротких луков. Фрондибола снова ухнула, и с небес снова полился жидкий огонь, ярко освещая разъяренное лицо Вальдемара Селига, который наблюдал, как сбегает его трофей.

Копыта громко застучали по мосту; защитники ворот уже вовсю крутили подъемный механизм. Замыкавшие отряд конники успели проскочить буквально чудом, несколько лошадей заскользили вниз на быстро поднимавшихся досках.

Мост с грохотом встал вертикально, солдаты обрезали удерживавшие железную решетку веревки, и та с лязгом обрушилась вниз. Мы добрались до внутреннего двора. Окровавленная, я обессиленно висела на седле и едва замечала движение вокруг: защитники ворот хладнокровно поливали дождем арбалетных болтов скальдов, попрыгавших в полный воды ров.

Здесь, в безопасности, всадники, перекидываясь шутками, спешили, похоже, не вполне веря, что остались в живых. Среди них и мой спаситель. Он снял конический шлем, провел рукой по коротко стриженным светлым волосам.

— Кто бы мог подумать, — иронично протянул Баркель л'Анвер, — что я стану рисковать жизнью ради выкормыша из дома Делоне?

Я неотрывно смотрела в его лукавые фиалковые глаза, пока он помогал мне слезть с лошади, но едва ноги коснулись тверди, как силы меня покинули, и я кулем осела на камни двора крепости Трой-ле-Мон.

— Расступитесь! Дайте ей вздохнуть!

Вокруг меня столпилось множество людей, а потом Жослен заставил их отойти, чтобы я смогла нормально дышать. Он встал подле меня на колени, и я вцепилась в его руку, отчаянно благодарная за то, что он рядом.

И тут раздался возглас:

— Дорогу королеве!

Как всегда разумная, Исандра привела с собой целительницу из Эйсанда, которая тут же перевернула меня прохладными руками на живот, чтобы смыть кровь и оценить причиненный Селигом ущерб.

— Все не так плохо, как кажется, — успокаивающе сказала она и отправила свою помощницу за нитью и иглой. — Он хотел причинить вам боль, а не убить.

Я до хруста стискивала зубы, пока отодранный лоскут кожи пришивали на место. Нет, я не стала кричать — наверняка все и так досыта наслушались моих воплей. Исандра что-то тихо сказала Жослену, и он столь же тихо ей ответил. Закончив шить, целительница смазала рану бальзамом и туго забинтовала мой торс. Я поднялась на ноги. Пропитанное кровью разорванное платье лохмотьями свисало с плеч.

К тому времени во двор под завязку набилась королевская армия. Солдаты теснились за лордами и командирами, которые обступили королеву, охраняемую двумя кассилианцами. И все эти люди ждали, что я им скажу.

Голова непривычно кружилась.

Я присела перед Исандрой в неуклюжем, болезненном реверансе. Наверное, будь мы наедине, она бы меня остановила — я заметила, как у нее перехватило дыхание.

— Ваше величество, — выдавила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Федра но Делоне. — Она слегка склонила голову. — Как нам понимать твое послание?

Я набрала в грудь воздуха и окинула взглядом море ожидающих лиц.

— Семитысячная армия готовится атаковать тылы Селига на рассвете, — громко ответила я.

Люди начали передавать мои слова в задние ряды.

Смурной и усталый Перси де Сомервилль внезапно ожил:

— Элуа! Нам на выручку приплыли семь тысяч альбанцев!

— Нет, милорд, — покачала я головой. — Только половина войска прибыла из Альбы, а другая половина — это силы Исидора д'Эгльмора.

На этот раз ропот превратился в рев, волнами раскатываясь по двору. Я пошатнулась, но Жослен поймал меня за руку и помог удержаться на ногах. Растрепанный и грязный, с выбившимися из косы лохмами и заскорузлым от крови рукавом, он совсем не походил на своих собратьев-кассилианцев при королеве, но выглядел гораздо более опасным.

— Силы д'Эгльмора? — с видимым отвращением переспросил Баркель л'Анвер. — Кому только в голову пришла дурацкая идея с ним объединиться?

— Мне, милорд, — спокойно ответила я. — С подачи сына милорда де Сомервилля.

— Моего Гислена? — Огонек в глазах Перси де Сомервилля разгорелся еще ярче. — Он там, с войсками?

Борясь с усталостью, я согласно кивнула.

— Ваш Гислен и несколько сотен его солдат. Он оставил Марка де Тревальона и адмирала Русса держать оборону в Аззали. Утреннее наступление планировали вместе Гислен, д'Эгльмор и Друстан. И Близнецы. — На непонимающий взгляд командующего я пояснила: — Владыки далриад.

— Значит, Русс и Марк живы, — раздался голос Каспара Тревальона.

Со времени нашей последней встречи волосы графа сильно поседели. Позже мне стало известно, что он слишком надолго задержался, помогая Исандре и де Сомервиллю с подготовкой к защите Трой-ле-Мона, и оказался отрезан от Аззали, куда намеревался вернуться, чтобы сражаться бок о бок с герцогом де Тревальоном.

— Да, милорд, — кивнула я. — Были живы, когда мы с ними расстались.

— Слава Элуа, — пробормотал он, ласково глядя на меня серыми глазами, — за то, что хранил их и вас.

— Почему вдруг Исидор д'Эгльмор принял нашу сторону? — последовал чей-то негромкий вопрос. Я узнала Тибо, графа де Толуарда из Сьоваля, который теперь куда больше походил на солдата, чем на ученого.

— Потому что... — Я переступила с ноги на ногу и поморщилась от боли. Спина горела огнем. Д'Эгльмор был прав: защитникам крепости отвратительна сама мысль ему довериться. Я не рассчитывала столкнуться с этой трудностью, поскольку не надеялась дожить до встречи с ними. — Он ангелиец, милорд, и понимает, что так или иначе погибнет. Вот и ухватился за возможность пасть смертью героя.

Баркель л'Анвер пристально на меня посмотрел.

— Ты настолько в нем уверена, ученица Делоне, что готова рискнуть нашими жизнями?

— Да, милорд. — Я бестрепетно выдержала его взгляд. — Почему вы рискнули выехать за мной? При всем вашем презрении к моему учителю.

— Потому что... — Глаза герцога блеснули: он меня понял. — Потому что мы с тобой ангелийцы, Федра но Делоне. И юный Веррэй очень удачно отвлек людей Селига. — Л'Анвер хлопнул Жослена по плечу. — Радуетесь, небось, что подмога подоспела раньше, чем ты разыграл кассилианский эндшпиль, а? — Он рассмеялся, встретив спокойный взгляд Жослена. — Но д'Эгльмор все равно предатель. Что бы ни приписывал мне Делоне, я никогда не пускал скальдов на порог. Какая теперь д'Эгльмору разница, кто сидит на троне, если он в любом случае покойник? Мы устроили ему ловушку, отправив под его начало верных королеве людей Бодуэна. Думаешь, он сейчас не воспользуется возможностью отплатить нам той же монетой?

Исандра бесстрастно наблюдала за нашим разговором, а лорды и солдаты ждали ее решения.

— О, разница есть, и очень большая, — тихо ответила я. — Сейчас Исидор д'Эгльмор жаждет мести. Но не тем, кто противостоял его предательским планам, а той единственной, кто его на это предательство толкнула. — Я коснулась бриллианта на шее. — Он играет не за вас, ваше величество, — обратилась я прямо к королеве, — а против Мелисанды Шахризай.

Повисла тишина.

— Это нас устроит, — медленно признал л'Анвер.

— Милорд де Сомервилль, — приняв окончательное решение, Исандра резко повернулась к командующему. — Мы поддержим наших союзников и контратакуем армию

скальдов. Вы готовы возглавить наступление?

Перси де Сомервилль уверенно поклонился.

— Готов, ваше величество. — В твердом голосе прозвучало облегчение: его сын ведь возглавлял союзное войско.

От ворот донесся какой-то шум. Один из защитников ворвался в наш круг и отдал де Сомервиллю честь.

— Скальды ломают свою осадную башню, чтобы навести мост через ров, милорд, — доложил он, утирая пот со лба. — С ними сам Селиг, и он злее разъяренного быка.

— Пустите в ход все, что у нас осталось! — Отдавший команду лорд был мне незнаком, но судя по акценту, происходил из Кушета. После решения Исандры в рядах армии явно начал просыпаться боевой азарт. — Выставьте лучников у каждой бойницы и не жалейте ни стрел, ни огневых снарядов! Нам нужно продержаться всего лишь до рассвета!

Все вокруг разом загомонили, да так громко, что у меня зазвенело в ушах.

— Нет! — пророкотал Перси де Сомервилль, и все вновь притихли. Главнокомандующий свирепо посмотрел на кушелинского лорда. — Слушайте меня внимательно, — обратился он к настороженной толпе. — Последнее, что нам нужно — это дать Селигу понять, что теперь мы можем себе позволить не беречь боеприпасы, отгоняя скальдов от крепостных стен. Едва он заметит, что мы вдруг усилили отпор, то сразу задастся вопросом, что тому причиной. Самое правильное — и дальше оказывать упорное сопротивление, но будто бы из последних сил. Селиг озлился, и это хорошо. Пусть злым и голодным полностью сосредоточится на крепости! Подпустите его так близко, как только возможно, и только потом давайте отпор! — Бросив взгляд на Исандру, которая кивнула, де Сомервилль принялся раздавать приказы командирам, выстраивая оборону. Началась поотрядная перекичка бойцов.

Тут я поняла, что моя роль в этой пьесе наконец-то подошла к концу, и едва не разрыдалась от облегчения, наблюдая, как собравшиеся во дворе войска задвигались, исполняя приказы де Сомервилля. Исандра сочувственно на меня посмотрела и, указав на дверь башни, позвала:

— Идем. Даже со стороны больно смотреть как ты стоишь, а уж тем паче ходишь и держишь речи. При мне есть фрейлины. Давай-ка мы устроим тебя с удобством. Мессир Веррэй, вы не поможете?

— Секунду, ваше величество, — пробормотал Жослен и повернулся, чтобы схватить за рукав проходящего мимо Тибо де Толуарда. — Милорд, не подскажите, мой отец здесь? Его зовут шевалье Мильяр Веррэй из Сьовалья. С ним, скорее всего, мой брат Люк и четверо или пятеро воинов.

Де Толуард подумал и с сожалением покачал головой.

— Простите, мессир Веррэй. Здесь больше полутора тысяч сьовальцев, и я не со всеми из них лично знаком. Вы бы спросили у герцога де Перигё, который ими командует.

— Его светлость де Перигё сейчас на крепостной стене, — сообщил спешащий мимо солдат. — Или был там при последней перекичке. Одна из фрондибол не стреляет, кажется, на южной стене.

— Нет-нет, на западной, — возразил ему кто-то.

Противоречивые уточнения посыпались со всех сторон; видимо, командир сьовальцев всегда спешил на помощь, если какое-то орудие выходило из строя — потомки Шемхазая весьма сообразительны по части машинерии, — но никто не знал отца или брата Жослена.

— Иди и отыщи своих, — попросила я, заметив, что Исандра нетерпеливо морщит лоб. — Со мной все хорошо.

— Ври, да не завирайся, — буркнул он, смерил меня взглядом и бесцеремонно взвалил на плечо кверху спиной и назад головой, стараясь не бередить раны, но совершенно не заботясь о моем достоинстве. — Ваше величество, — кивнул Жослен Исандре.

Внутри крепостной башни было гораздо тише, чем во дворе. В окружении толстых каменных стен вполне можно было позабыть, что снаружи идет осада. С королевой в крепости находились всего три фрейлины; очевидно, будучи дочерью принца Роланда, Исандра сочла для себя зазорным призвать дворцовую челядь на войну. Те, кто ей сопутствовал, делали это по доброй воле, а не по приказу. Эйсандинская целительница Лелайя Вале еще раз проверила мои повязки, обработала рану на руке Жослена и с поклоном удалилась.

Переодевшись в платье, любезно предложенное одной из фрейлин, я немного пришла в себя. Слуги принесли хлеба, сыра и вина. Не будучи голодной, я все же немного подкрепилась, чтобы не выказать пренебрежения гостеприимством королевы, и еда приглушила мои тревоги, а бокал вина помог притупить боль.

— Скоро все решится, — заявила Исандра, сидя на краю стула и пристально глядя на нас с Жосленом. — Чем бы сегодняшний день для нас не обернулся, хочу, чтобы вы оба знали: перед отъездом из Города я подписала ваше помилование, объявив вас невиновными в убийстве Анафиэля Делоне. Всем в крепости об этом уже известно.

Глаза запекло от слез.

— Спасибо, миледи, — пробормотала я, бесконечно благодарная королеве за то, что она вспомнила о такой малости в гуще войны.

Жослен поклонился, вложив в поклон всю свою горячность.

Исандра отмахнулась:

— Сожалею, что не решилась помиловать вас раньше, — вздохнула она. — Но для д'Эгльмора или Мелисанды Шахризай такая новость стала бы весомым предупреждением. До самого конца было не ясно, кто предатель, а кому стоит доверять.

— Вы не нашли Мелисанду, — выдохнула я, надеясь, что Исандра возразит, но она лишь досадливо покачала головой.

— Кассилианцы, выступая в роли гонцов, держали уши и глаза начеку, но мы не смели искать ее в открытую по той же причине, по которой я тянула с вашим помилованием. Имея способ связаться с Вальдемаром Селигом, она могла бы сообщить ему, что их замыслы раскрыты и мы готовимся к войне, и тогда он поменял бы планы. Мы и так чрезмерно рисковали, дав осадить себя в этой крепости.

— Конечно-конечно, — вежливо кивнула я, не в силах не сожалеть, что все обернулось так, как обернулось.

Исандра встала и принялась расхаживать по комнате, время от времени бросая обеспокоенные взгляды на дверь. Ее кассилианцы ненавязчиво держались поодаль, зорко следя за происходящим и время от времени украдкой посматривая на Жослена, который не обращал на них внимания.

Наконец королева остановилась и с непривычной нерешительной спросила:

— Значит, это правда, что Друстан маб Нектхана вернул себе трон Альбы? Он что-нибудь мне передал?

Так вот оно что. В пылу войны я и позабыла, что в этом деле на кону сердце юной девы.

Я чуть было не улыбнулась. К моему удивлению, губы Жослена растянулись в улыбке, и хотя он быстро отвернулся, скрывая лицо, лучики морщинок в уголке глаза его выдавали.

— Ваше величество, я своими глазами видела коронацию Друстана маб Нектхана перед отплытием с Альбы, — твердо сказала я и честно добавила: — Он ничего для вас не передал, но только потому, что не знал о моих намерениях. Я ведь не рассчитывала, что останусь в живых, обнаружив себя перед скальдами, и сочла за лучшее ничего не говорить круарху, отправляясь к крепости, поскольку честь не позволила бы ему отпустить меня на верную гибель. Сам-то он постоянно рискует собой ради своих людей, но уж поверьте, из всех наших союзников Друстан маб Нектхана единственный, кто стремится в Трой-ле-Мон с высоко поднятой головой и радостью на сердце, потому что он стремится к вам. В нем по-прежнему жива ваша общая мечта о двух могущественных народах, объединенных под вашим общим правлением. Получив ваш призыв о помощи, еще не заручившись поддержкой союзников, круарх был готов попытаться отвоевать трон силами своего отряда, и если бы потерпел поражение, последняя его мысль наверняка была бы о вас.

Исандра сохраняла сдержанность, но на ее бледных щеках расцвел легкий румянец.

— Спасибо, — прошептала она.

— Ваше величество, — вмешался Жослен, — Друстан маб Нектхана оказал мне великую честь, назвав меня братом. Он отважный полководец и отлично владеет собой, но, насколько я мог заметить, при всей его круитской сдержанности он безумно в вас влюблен.

Исандра залилась краской.

— Не думала, что кассилианцам положено замечать признаки влюбленности, — с ехидством парировала она, скрывая свои чувства.

Ее стражи-кассилианцы хранили невозмутимость.

— Нет, — усмехнулся Жослен, косясь на меня, — не положено.

— Ваше величество! — в дверях показался солдат в кольчуге со шлемом под мышкой. — Светает. Милорд де Сомервилль просит вас пожаловать на совет.

И Исандра ушла, уводя с собой телохранителей и фрейлин. Мы с Жосленом остались одни.

Следовало объясниться, но мысли путались.

— Как ты понял? — тихо спросила я.

Он покачал головой.

— Не знаю. Я проснулся от ощущения, что чего-то не хватает. Увидел, что тебя нет рядом, и сразу понял, куда и зачем ты ушла. А еще понял, что Селиг сделает с тобой, если поймает.

— Я думала, что ты всех нас погубил из-за своего обета. Перед концом. Что не выдержишь пыток и выдашь план атаки. — Я должна была это сказать. — Прости.

— Тут нечего прощать. — Он снова лукаво на меня взглянул. — Знаешь, все кассилианцы учатся термину. Но за всю историю Братства никто ни разу его не применял. — Он уставился на свои руки. — Я едва не прикончил нас обоих.

— Жослен, — я коснулась его лица. — Знаю. И до самой смерти буду тебе за это благодарна.

Мне хотелось сказать намного больше, но слова не шли на ум, да и времени на разговоры не оставалось.

Жослен поймал мою ладонь у своей щеки и крепко сжал.

— *Терминус* избавил бы Гиацинта от трудов, ведь он же обещал утопить меня, если я

позволю тебе попасть в лапы Селига, — натужно пошутил он. За дверью раздался чей-то крик, а потом топот. — Ты можешь идти? Хочется посмотреть, что там происходит.

— Я бы и сюда сама дошла, если бы ты не распускал руки, — проворчала я, пытаюсь встать. — Ты должен пойти и отыскать отца.

Склонив голову, Жослен, прислушался, а потом нахмурился.

— Уже поздно. Я только помешаю ему, отвлеку от сражения. — Он печально улыбнулся. — По крайней мере, он теперь знает, что я не убийца.

Слабое утешение, но хоть какое-то. Я стиснула его руку, вкладывая в пожатие все невысказанные слова.

— Идем.

Пробираясь крепостными переходами, мы жались к стенам, чтобы не мешать спешащим воинам. Самым трудным стал подъем на юго-восточную башню по винтовой лестнице. Жослен как мог прикрывал меня, но проход был настолько узким, что пару раз я едва не вскрикнула, задев израненной спиной неровный камень.

Но мы все равно упрямо шагали к своей цели и наконец вышли на восточную стену, правильно рассудив, что командование станет наблюдать за битвой именно оттуда.

В свинцовом предрассветном тумане происходившее внизу казалось картиной ада. В лагере скальдов я уже побывала, но до того момента даже не представляла, каково пришлось осажденным в крепости.

На равнине бурлил океан скальдов, волнами накатывая на узкую полосу земли у рва и брызгая копьями и стрелами в защитников твердыни. Дымящиеся котлы с эллинским огнем ждали на стене своей очереди, как и направленная на восток фрондибола. У бойниц изготовились к стрельбе арбалетки и их подручные со сменными болтами. Умелый лучник успевает выпустить пять-шесть стрел из лука, пока взводится арбалет, но для осажденных последний куда сподручнее, поскольку не требует для овладения ни особых талантов, ни многолетнего обучения.

Посреди смертоубийственного хаоса за высоким зубцом стены спокойно стояла Исандра де ла Курсель, королева Земли Ангелов, и что-то обсуждала с Перси де Сомервиллем, Каспаром Тревальоном и Баркелем л'Анвером. Заметив нас с Жосленом на выходе из башни, де Сомервилль отправил нескольких солдат нас сопроводить. Они, сомкнув щиты, создали заслон от скальдских стрел и копий.

— Хорошо, что вы пришли, — спокойно сказал де Сомервилль. — Селиг, похоже, успокоился. Он все еще лично командует атакой, но только что отправил шесть отрядов разведчиков в разных направлениях и, думаю, укрепил охрану внешней границы лагеря. Откуда будет наступать Гислен?

— Должен с востока, — ответила я, указывая на холмы.

Де Сомервилль приткнулся к бойнице и прищурился.

— Сколько времени займет переход, прежде чем наши освободители ввяжутся в битву?

— Часа два? — предположила я.

Жослен покачал головой.

— Они постараются двигаться возможно быстрее, ведь дозорные на границе лагеря предупредят скальдов задолго до приближения наших основных сил. Разосланные Селигом разведчики круитам не соперники — те их перебьют, — но едва армия выйдет на равнину, ее точно заметят. И тогда скальды не станут выжидать, а ринутся в бой. Думаю, до битвы нашим идти час, не больше.

— Если Селиг разделит свое войско, а не двинется всеми силами на нового противника, мы в беде. — Баркель л'Анвер поплотнее засунул развевающийся конец бурнуса под шлем. — Он может оставить здесь, возле крепости, десять тысяч человек, чтобы продолжали осаду, и все равно чуть не вдвое превзойдет численностью армию, что спешит нам на выручку.

Я приподнялась на цыпочки, чтобы тоже заглянуть в бойницу. Внизу вне досягаемости для стрел гарцевал на могучем коне Вальдемар Селиг, выкрикивая команды своим воякам.

— Варварские племена следуют за Селигом, — сказала я, отодвигаясь от бойницы. — Если он поскачет в бой, скальды ринутся за ним. Исидор д'Эгльмор намерен пробиваться к нему, чтобы убить.

По всей видимости, королевским военачальникам по-прежнему не нравился этот план. Они не доверяли д'Эгльмору, и я их понимала.

— Что ж, так тому и быть, — наконец сказал Перси де Сомервилль. — Кузен, — кивнул он Каспару Тревальону, — поскольку твои люди не здесь, а в Аззали, прошу тебя не выходить сражаться в поле, ведь ты единственный, кому я могу доверить важнейшую миссию. Отряды выстроены внизу, сейчас мы к ним спустимся и будем ждать во дворе твоего сигнала. Используй фрондиболу и эллинский огонь. Если Селиг во главе всех скальдов поскачет на восток, стреляй в восточном направлении, и мы атакуем их арьергард. Если же он разделит свое войско, стреляй на запад, тогда мы перестроимся и попробуем зайти с фланга.

— Понял, сделаю, — пробормотал Каспар Тревальон. — Да пребудет с нами Элуа.

Мужчины на прощание пожали друг другу руки.

Перси де Сомервилль поклонился Исандре.

— Ваше величество, — торжественно произнес он, — я много лет служил вашему деду. Но если сегодня мне суждено погибнуть, я умру с гордостью за то, что успел послужить и вам.

На серой крепостной стене королева казалась очень высокой.

— А я горжусь тем, что мне служит такой человек как вы, граф де Сомервилль. Да пребудет с вами Элуа.

К моему удивлению Баркель л'Анвер улыбнулся и поцеловал племянницу в лоб.

— Береги себя, Исандра. Из тебя получилась прекрасная королева. Мы сделаем все возможное, чтобы ты ею и осталась. — Он кивнул на нас с Жосленом. — Не отпускай эту парочку далеко от себя, ладно? Похоже, их чертовски сложно убить, так что стоит держаться к ним поближе.

Мне не всегда нравился герцог л'Анвер, но в ту минуту я его почти полюбила.

Когда Баркель и Перси удалились, Исандра поежилась и поплотнее закуталась в темно-синюю накидку с вышитым серебряным лебедем.

— Я должен переговорить с Фарреном де Марше, который командует расчетом фрондиболы на западной стене, — извинился Каспар Тревальон. — Не желаете спуститься в безопасное место, ваше величество?

— Нет, — покачала светловолосой головой Исандра. — Я останусь здесь, милорд. Сегодня Земля Ангелов выстоит или падет, и я вместе с ней.

— Мы с Жосленом тоже здесь останемся, — сказала я.

Возможно, признав справедливость небрежного замечания герцога л'Анвера, Каспар удовольствовался моими словами. Он кивнул и быстро зашагал прочь под защитой солдат с сомкнутыми щитами.

Небеса на востоке рассветно посветлели, а потом на землю пролились первые солнечные лучи. Жослен пристально вглядывался в бойницу, высматривая нашу армию. Лишь горстка гвардейцев Дома Курселей да неотвязные кассилианцы королевы окружали нас, и я осмелилась вызвать ее на откровенность.

— Мне удалось сохранить вашу книгу, ваше величество, — сказала я, чтобы завязать разговор. — Дневник вашего отца. Он остался с моими вещами в лагере. Все это время я с

ним не расставалась.

— Ты его прочитала? — Исандра печально улыбнулась. — Мне эта история любви показалась прекрасной и трагичной.

— О да. Ваш отец любил страстно и мудро. Делоне долгие годы жил лишь памятью о той любви. — Я не стала упоминать об Алкуине, хотя в душе радовалась, что наставник познал счастье во второй раз.

— Знаю. — Исандра бросила взгляд во двор, где толпились воины. — Хорошо, что хоть перед смертью он помирился с моим дядей. Наверное, моя мать очень многим причинила боль.

— Наверное, — нет смысла оспаривать очевидное. — Люди часто причиняют кому-то боль из любви или ради власти.

— Или во имя чести. — Исандра сочувственно на меня посмотрела. — Сожалею, что пришлось втянуть тебя во все это, Федра. Знай: как бы ни обернулось дело, я буду вечно тебе благодарна за все, что ты для меня сделала. И за все, что ты... рассказала мне о Друстане. — Она улыбнулась Жослену. — Вы оба рассказали.

Немного помолчав, она внезапно спросила:

— А что случилось с вашим другом? Тсыганом? Он с армией Гислена?

Думать о Гиацинте было больно; у меня перехватило дыхание. Жослен на миг оторвался от бойницы и посмотрел на меня.

— Нет, ваше величество, — выдавила я. — Наше путешествие выдалось долгим, в него вплелись истории многих людей, а история Гиацинта, пожалуй, самая длинная и фантастическая.

— Как байка мендаканта, — пробормотал Жослен.

И мы поведали королеве эту историю на стене осажденного Трой-ле-Мона, пока в крепостные зубцы стучали скальдийские стрелы, а солдаты готовились к решающей битве. Рассказ повела я, но слишком разволновалась, и Жослен перехватил нить повествования. Да, он здорово поднаторел в красноречии, пока разыгрывал роль мендаканта. И я позволила ему воздать хоть такую дань уважения Гиацинту, совсем как Жослен позволил мне почтить друга в ту последнюю ночь на одиноком острове.

Думаю, самому Гиацинту этот вдохновенный рассказ пришелся бы по нраву.

Вернувшийся Каспар Тревальон застал королеву во власти сомнений — ей трудно было поверить услышанному от нас.

— Де Марше готов, — на ходу бросил он, возвращая нас в ужасную реальность. — Мигом начнет стрелять, как только прикажу. Д'Эгльмора или альбанцев еще не видно?

— Нет, милорд. — Я внимательно наблюдала за равниной, пока Жослен заливался соловьем перед королевой. — Пока нет.

Каспар Тревальон посмотрел на небо, уже окрасившееся в бледно-голубой цвет: солнце неумолимо вставало.

— Молитесь, чтоб они не подвели, — проворчал он. — Ров у барбикана уже почти засыпан, саперы Селига роют подкоп под северо-западным донжоном. Фарренс сказал, что у его людей камень дрожит под ногами. А к северной стене скалды тащат осадную башню. Мы подпустили их так близко, что окажемся в смертельной опасности, если подмога не подоспеет.

— Подоспеет, — успокоила я графа с уверенностью, которой отнюдь не испытывала. Здесь, на стене, армия Гислена и Друстана представлялась почти нереальной, как и

легендарный Хозяин Проливов.

— Наши уже на подходе. — Жослен, прикинув к бойнице, всматривался вдаль. Он уперся ладонями в каменную стену. — Уже идут! Милорд! Посмотрите! — Забыв о высоком положении графа, мой кассилианец схватил его за руку и подтащил к стене.

Глянув в бойницу, Каспар Тревальон отошел.

— Ваше величество, — позвал он королеву.

Исандра надолго замерла у щели, а потом отпрянула с судорожным вздохом.

— Федра, — прошептала она. — Это ты их привела. Ты тоже должна увидеть.

Я шагнула к бойнице, приподнялась на цыпочки и, пытаясь не обращать внимания на боль в израненной спине, снова всмотрелась вдаль.

Там, у холмов, шла в наступление на захватчиков, осаждающих крепость, сверкающая сталью армия.

С высокой стены Трой-ле-Мона мы издалека первыми увидели спешащее нам на выручку войско, но вскоре его заметили и караульные Селига. Никто из скальдских разведчиков не вернулся и не предупредил о приближении противника, и Гислен милостью Элуа нашел путь, которым солдаты смогли спуститься с холмов незамеченными, но на открытой равнине спрятать армию было невозможно.

Я уступила место у бойницы Исандре — королеве ведь нельзя не уступить, — но тут меня стали терзать муки неведения. Наконец, не выдержав, я вышла из-за зубца и встала перед низким парапетом. Жослен не отставал ни на шаг, на секунду мне показалось, что он хочет оттащить меня обратно под прикрытие зубца, но, бросив на меня внимательный взгляд, он остановился рядом, скрестив закованные в сталь руки.

Оказалось, что скальдов уже можно не бояться, поскольку их внимание начало переключаться с крепости на неожиданных противников.

Мне не с чем сравнить то, что я тогда увидела, кроме моря, приведенного в волнение Хозяином Проливов. Она была огромной до безбрежности, эта рассредоточенная по равнине армия северных варваров. Весть о приближении врага принесли с восточного фланга: кажущиеся сверху крохотными конники во весь опор скакали через лагерь к крепости, и по мере их продвижения все больше скальдов хватались за оружие и принимались бестолково метаться.

Волна хаоса быстро неслась к крепости, а когда достигла, разметав осадные порядки захватчиков, серебристый таран наступающего войска уже значительно продвинулся вперед.

Со всех сторон скалды верхами и бегом понеслись по равнине навстречу врагу. Сверкающее воинство остановилось, первые ряды опустились на колени, и над их головами понеслись стрелы ланьяских лучников Гислена, чтобы черным дождем пролиться на скальдов. Затем солдаты встали, подняли перед собой щиты и двинулись дальше.

То были камаэлиты, рожденные для войны, с молодых ногтей постигавшие ее искусство. Неорганизованные варвары яростно нахлынули на них, как волна на утес, и так же отступили. А утес продолжил наступление.

У крепости царил неразбериха. Саперы и строители заодно с воинами покидали осадные позиции. Втиснувшись в центр всеобщей свалки, Вальдемар Селиг на гарцующем коне принялся громко призывать соплеменников оставаться на местах. И строптивые, вспыльчивые скалды ему подчинились: их осталось достаточно, чтобы удерживать наше войско взаперти.

А вдаль, на равнине, серебристые ряды камаэлитской пехоты неудержимо шли вперед,

сминая скальдов перед собой, но те уже заходили сбоку, грозясь одолеть количеством.

И тут в бой вступили альбанцы.

Кавалерия ринулась в атаку на правый фланг скальдов, боевые колесницы — на левый, пехота устремилась следом, выбегая из-за рядов камаэлитов. Дикие и повергающие в ужас, островитяне устроили на поле боя настоящее месиво.

Но скальдов все равно было больше.

Даже издалека я ясно видела, как текут реки крови, как убивают наших спасителей. Не сознавая, что делаю, я обеими руками вцепилась в предплечье Каспара Тревальона.

— Дайте сигнал! — отчаянно взмолилась я. — Они ведь там гибнут!

А вдоль крепостного рва, послушные приказу Селига, оставались на позициях десять тысяч скальдов.

Каспар покачал головой, даже не пытаясь высвободиться из моей хватки.

— Нашим солдатам придется выходить из узких ворот, — медленно проговорил он с отчаянием в голосе. — Толку не будет, если их перебьют по одному.

Я с криком отскочила от него и вновь обернулась к битве.

Утопая в бурном море скальдов, камаэлитская пехота каким-то чудом все еще сохраняла строй. Воины с поднятыми щитами каменно противостояли бесчисленным наскокам противника, и вдруг они начали расступаться.

Медленно, словно створки тяжелых ворот, бронированная пехота разошлась, освободив проход. Протрубил рог, его песнь широко разлилась по равнине, перекрыв рев сражения.

В открывшуюся брешь ринулась камаэлитская кавалерия: все оставшиеся Союзники Камлаха во главе с Исидором д'Эгльмором.

Да, он предал нашу нацию и все, что нам дорого, и за это ему нет прощения. Но поэты не зря воспевают последний бой окаянного герцога. Уж я-то знаю, ведь я там была и своими глазами видела, как его кавалерия клином врезалась в скальдийское полчище. Лица Союзников Камлаха сияли предвкушением смертного боя, их мечи пели в замахе.

И варвары дрогнули.

Даже с высоты я слышала вопли скальдов, расступавшихся перед всадниками — кто-то падал, сраженный мечом, многие в панике бежали.

— Кильберхаар! — кричали они, улепетывая со всех ног. — Кильберхаар!

Восседающий на рослом скакуне Вальдемар Селиг повернулся, возможно, чувствуя, что именно он является целью этого безудержно приближающегося клина. Уже по всей равнине бушевало сражение, в отчаянной кровавой схватке сошлись скальды и альбанцы, но скальдов было больше, гораздо больше.

А конный отряд д'Эгльмора продвигался напрямик к Селигу.

Тот проехался туда-сюда. Вынул из ножен меч и поднял мощной рукой. Белые Братья окружили его; войско бурлило как кипящий котел.

Исидор д'Эгльмор спешил свести счеты с обхитрившим его варваром.

— Кильберхаар! — взревел Селиг, потрясая мечом. Развернув коня, он помчался на врага, вынуждая собственных людей расступаться. — Кильберхаар!

Скальды с воем последовали за ним.

— Давайте! — крикнул Каспар Тревальон.

Его знаменосец бешено замахал флагом Дома Курселей, и солдаты у фрондиболы подпалили факелами снаряд и убрали противовесы. Пылающая бочка полетела за стену на

восток, окатив жидким эллинским огнем осаждающих.

Во дворе крепости Перси де Сомервилль отдал долгожданный приказ.

С грохотом поднялась решетка, опустился подъемный мост. Арбалетчики с барбикана принялись выпускать болты, обеспечивая прикрытие. Четверка за четверкой защитники Трой-ле-Мона полились на равнину, выстроились и обрушились на подставивших спину скальдов.

О да, захватчики оказались между молотом и наковальней.

Теперь мы без опаски, открыто стояли на стене — о нас все позабыли, — а внизу неистовствовала битва. Солдаты Перси де Сомервилля обрушились на скальдов как львы, истомившиеся в клетке, круша и убивая всех на своем пути.

А посреди равнины Вальдемар Селиг скакал навстречу Исидору д'Эгльмору.

Не стану вдаваться в подробности — эту историю не устают рассказывать по всему миру. Как они встретились в центре истребительного сражения, два титана, два прирожденных воина. Со стены мы видели, как сверкающий клин камаэлитской кавалерии мало-помалу редел, истончался, замедлял ход и наконец остановился. Как пало знамя д'Эгльмора с серебряным орлом смерти и исчезло под ногами скальдских полчищ.

Но даже в одиночку Исидор д'Эгльмор продолжал сражаться, продолжал пробиваться к Селигу.

И ему это удалось. Правда, герцог остался пешим — вороного коня под ним зарубили. Мгновение казалось, что он и сам погиб, но тут он встал. Из-под шлема струились серебристые волосы, рука сжимала скальдский боевой топор. Когда Селиг подскакал к нему поближе, д'Эгльмор левой рукой метнул топор.

И убил коня.

Всегда страдают невинные: животные, беззащитные женщины, служители Наамах. Так всегда было и будет на войне. Скакун рухнул на землю, Селиг, ругаясь, выбрался из-под него. И там, на равнине, два великих воина сразились между собой, пешие и одинокие. Их бой напомнил мне единение любовников на Сеансе во Дворе Ночи. Многие сочтут такое сравнение недопустимым, но я там была. И все видела своими глазами.

Не могу сказать, сколько увечий получил Исидор д'Эгльмор, пока пробивался к Селигу. Когда потом с него сняли доспехи, на теле насчитали семнадцать ран, не меньше. Какие-то нанес Селиг, но наверняка не все.

Скальды верили, что их предводитель неуязвим для оружия, верили истово и непререкаемо. Но вот посреди беспощадного побоища Вальдемар Селиг вступил в битву с Исидором д'Эгльмором, герцогом-предателем из Земли Ангелов.

Он бился и пал.

Не постыжусь признаться, что, когда меч д'Эгльмора вонзился по самую рукоять между пластинами доспеха Селига, я испустила возглас облегчения. Вальдемар Селиг качнулся и осел на колени, наверное, не веря в случившееся. А д'Эгльмор упал на колени вместе с поверженным врагом и, даже умирая, сжимал рукоять меча, загоняя клинок все глубже.

Так они и встретили свой конец.

После гибели Вальдемара Селига скальды начали беспорядочно разбегаться, хотя их по-прежнему было больше, чем солдат королевы.

Застарелая вражда между племенами, признаки которой я заметила, пробираясь в ночи по лагерю захватчиков, без верховного владыки проявилась в полную силу: от их орды то и дело отделялись целые отряды — где по тысяче человек, где по несколько сотен, а чаще всего по несколько десятков воинов, должно быть, из одного селения.

Солдаты Перси де Сомервилля безжалостно преследовали беглецов и добивали. А посреди поля боя...

— Ваше величество! — я указала на северо-восток, где отряд круитских всадников смертоносным серпом прорывался к месту схватки Селига и д'Эгльмора.

Над кавалеристами гордо реяло знамя Куллах Горрым с черным кабаном, а во главе, без усталости размахивая мечом, скакал круарх в развевающемся алом плаще.

— Друстан. — Исандра поднесла пальцы к губам, во все глаза глядя на суженого. — Это правда он?

— О да, — заверил ее Жослен. — Это Друстан маб Нектхана!

На наших глазах круиты пронеслись вперед и окружили место, где упал Исидор д'Эгльмор. На юго-востоке бешено сновали туда-сюда боевые колесницы далриад, сея хаос и ужас среди скальдов. Далриадская пехота сражалась под знаменами Фалер Бан, Белой Лошади Эйре.

Внезапно во дворе началась какая-то суматоха.

Позже я узнала, что там случилось: отряд отчаявшихся скальдов, брошенных Селигом и захваченных врасплох неожиданной контратакой гарнизона Трой-ле-Мона, прорвался в крепость до поднятия моста. Нападавшие оказались так близко к нашим солдатам, что арбалетчики с барбикана не осмелились стрелять.

Вот так скальды и попали во двор.

Сверху было прекрасно все видно. Горстка английских пехотинцев де Сомервилля сбилась в строй, чтобы не пустить врага дальше. Если на поле боя наши догоняли и добивали, во дворе все было иначе: перед внутренними воротами завязалась отчаянная схватка — маленький английский отряд противостоял наскокам скальдов, которых было в три раза больше.

Каспар Тревальон резко окликнул наших лучников, и половина из них понеслись вниз по ступеням башни, чтобы выстроиться на возвышающемся над двором парапете внутренней стены. Но они столкнулись с той же проблемой, что и арбалетчики на барбикане: невозможно было стрелять, не рискуя попасть в своих.

Воины ожесточенно сражались — в глазах рябило от шлемов да мелькающих клинков.

Среди ангелийцев выделялся один высокий солдат, который мастерски держал оборону, не позволяя скальдам на себя насесть. Сердце сжалось от жалости, что он в меньшинстве.

Длинная пшеничная коса, спадавшая из-под шлема, хлестала как плеть, пока он вертелся в разные стороны, нанося и отражая удары.

Жослен резко вдохнул; мне даже показалось, что его ранили.

— Люк! — выкрикнул он отчаянно. — Люк!

— Твой брат?

Сжимая и разжимая кулаки скрещенных на груди рук, Жослен сокрушенно кивнул.

Я схватила его за руки и встряхнула, преодолевая боль в спине.

— Ты можешь к нему пробиться? — Я тут же прочла ответ в его глазах. — Тогда иди!

Во имя Элуа, Жослен, поспеши!

Складки у крыльев его носа побелели.

— Разве хоть когда-нибудь я давал повод...

Вцепившись в его волосы, я притянула лицо к своему и крепко поцеловала в губы.

— Я люблю тебя, — горячо сказала я, — и если ты хочешь снова услышать от меня эти слова, то не поставишь свой дурацкий обет превыше жизни родного брата!

Голубые глаза Жослена испуганно распахнулись, близко-близко к моим. Я разжала хватку, и он попятился, прижимая ладонь тыльной стороной ко рту. Мы на несколько мгновений сцепились взглядами, а потом он развернулся и помчался к башне. Клянусь, я слышала каждый его шаг по длинной лестнице. Наконец он появился на внутренней стене. Издалека его фигура казалась маленькой, но боевой клич звучал громко:

— Веррэй! Веррэй!

Лучники Каспара Тревальона расступились, пропуская его к лестнице во двор, но Жослен не стал тратить время, а с кинжалами в руках перемахнул через парапет.

Позже я прикинула высоту той внутренней стены — чуть ни втрое выше рослого мужчины. Жослен прыгнул прямо в гущу скальдов, и они поначалу отпрянули от неожиданно свалившегося им на головы нового противника. Жослен летел вниз как метеор, но приземлился на ноги, тут же упруго выпрямился и начал сражаться. Его кинжалы миглом нырнули в ножны, а в руках появился меч. Он набросился на скальдов, словно змеящаяся молния.

Среди ангелийских солдат раздался громкий рев, исходивший, несомненно, от высокого Люка Веррёя, у которого внезапно открылось второе дыхание.

Битва разгорелась с новой силой. И да, наши победили. Иначе и быть не могло.

— Жослен Веррэй поклялся мне в верности, — прошептала мне на ухо нагнувшаяся Исандра. — Я навечно передаю его тебе. Таков мой дар за твою службу, Федра но Делоне.

Я кивнула, принимая королевскую награду. А что еще мне оставалось делать?

Итак, мы одержали сокрушительную победу.

Оставшиеся в живых скальды бежали или сдавались в плен — те, кто почерпнул хоть крупицу мудрости у Вальдемара Селига. На равнине знаменосец Перси де Сомервилля опустил флаг, и Каспар Тревальон приказал трубить в рожки. Солнце застыло в зените; разливающаяся над местом побоища музыка казалась хриплым плачем.

Двор отбили, крепость Трой-ле-Мон осталась непокоренной. Ее защитники в сопровождении союзников, хромя, возвращались к своей твердыне.

Я не забыла уроков Брин Горридам. Невзирая на возражения Исандры, которой не удалось разыскать Жослена, чтобы хоть он меня остановил, я отправилась носить воду

раненым и умирающим.

Ах, как же много было потерь, с обеих сторон. Моя спина горела огнем, рождая во мне чувство сопричастности. Я кровью, потом и слезами заслужила право помочь воинам на пороге смерти, ведь я тоже сражалась и была одной из них. Вот тайна, о которой никто из солдат просто так не расскажет: все, polegшие на поле брани, равны и едины, за что бы ни сражались. Я избранница Кушиэля и знаю, о чем говорю. Смертная боль уравнивает всех. Да, я мало чем могла облегчить их страдания, но давала им все, что было в моих силах.

Пожалуй, никто этого не поймет, кроме Жослена, но обихаживать скальдов было тяжелее, чем наших. Каждый раз при виде окровавленных светлых волос, торчащих из-под шлема, я боялась, что нашла Гюнтера Арнлаугсона. Он обращался со мной насколько мог хорошо, а я навлекла на него поражение — еще не хватало, чтобы заодно отняла и жизнь.

К счастью, мне не довелось увидеть ни Гюнтера, ни других скальдов из его селения. Могу лишь молиться, чтоб они оказались среди тех, кому хватило ума бежать в первых рядах. Ведь после долгой жизни на границе можно было оценить истинную глубину ангелийской гордости, стойкости и мстительности.

А вот Вальдемара Селига я увидела. И Исидора д'Эгльмора.

Они лежали рядом в окружении синеличных конных круитов. Усталые лошади кивали, понуриив головы.

Друстан маб Нектхана махнул мне, неуклюже соскальзывая с седла.

— Скажи Исандре... — начал он и зацепился увечной ногой за стремя.

— Скажите ей сами, — ответила я, подхватывая его и лихорадочно озираясь в поисках Лилайи Вале и ее помощников.

Хотела бы я обладать даром к врачеванию, как уроженки Эйсанда.

Но мне ниспосланы совсем другие дары.

Вальдемар Селиг, пользовавшийся ими без спроса, изломанно лежал на земле, запрокинув голову. Кончики раздвоенной бороды торчали в небо. Казалось, Селиг обращал к небу главные вопросы, на которые тщетно ждал ответов. А вот я могла бы ему на них ответить, если бы он спросил, но он не спрашивал, полагая, что душа Земли Ангелов — в ее воинах, а никак не в шлюхах. Я коснулась остывшего лица и закрыла вопрошающие карие глаза.

— Мы похожи, милорд, — прошептала я. — В конце концов все мы похожи, и никого из нас нельзя брать против его воли.

И тут я услышала тихий горький смех.

Семнадцать ран, как я уже говорила. Но в посеченном Исидоре д'Эгльморе еще теплилась искра жизни, когда я его нашла.

— Федра но Делоне, — прошептал он, сжимая мою руку, — я боюсь мести твоего господина.

Сначала подумалось, что речь о Делоне, но потом герцог стиснул мои пальцы сильнее, и я вдруг поняла, о ком он. В ушах захлопали бронзовые крылья. Я дала ему попить, поднеся мех к губам.

— Вы избыли свою вину, милорд, сполна избыли, — уверила я. — А Кушиэль не подвергает нас наказаниям, которые нам не под силу вынести.

Исидор д'Эгльмор сглотнул воду и вздохнул, а после еще одного вдоха испустил дух.

Об этом я не рассказывала никому. Это между нами — между ним, мною и Кушиэлем.

А потом я услышала плач сотен далриад.

Потусторонний вой, громкий и протяжный, от которого волосы на затылке встали дыбом. Я сразу поняла, что это означает, кого могут оплакивать столько человек разом. Отпустив безжизненную руку д'Эгльмора, я встала и повернулась. Неподалеку Друстан отвел от себя руки целительницы и неловко утвердился на ногах, его темные обеспокоенные глаза в окружении синих узоров устремились в ту сторону, куда я медлила посмотреть.

Там вокруг одной из боевых колесниц, запряженной парой взмысленных загнанных лошадей, толпились далриады. Я разглядела искаженное горем лицо Грайне.

— О нет, — прошептала я. — Нет...

Мы с Друстаном долго ковыляли по полю боя, обходя мертвых и раненых, чья темная кровь медленно впитывалась в пыль да ковыль. Круарх заметно хромал; наверное, ему было так же больно, как и мне.

— Имонн, — прошептала я.

Его сняли с колесницы и ровно уложили на напоенную кровью землю. Кто-то поправил его доспехи, чтобы прикрыть ужасную рану в боку от скальдийского копья. Белокурые волосы Имонна, к тому же покрытые известью, снежно белели.

Друстан снял с пояса нож и, не колеблясь, отхватил клочок своих темных волос. Встал на колени и вложил памятку в холодные руки Имонна.

— Он был смелее льва и надежнее дуба, — торжественно сказал круарх, обращаясь к Грайне. — Среди Куллах Горрым его имя будет жить вечно.

Она кивнула. Серые глаза блестели от непролитых слез.

Разве имела я право оплакивать Имонна, когда хитростью привела его на погибель в Землю Ангелов?

— Простите меня, — прошептала я Грайне, Друстану и скорбящим далриадам. Голос срывался. — Мне так жаль.

— Брат сам избрал свою участь. — Даже в окровавленных доспехах Грайне сохраняла доброту и достоинство. — Ты помогла ему выбрать судьбу героя, а не домоседа. Но этот выбор он сделал сам. Не лишай его воли и чести.

А я-то насмеялась над кассилианской гордыней Жослена! Правда, в конце концов все мы по сути одинаковые. Склонив голову, я взяла у Друстана нож, отрезала свой блестящий локон и положила рядом с волосами круарха.

— Элуа да упокоит тебя, Имонн мак Конор. — Я вспомнила, как он сохранил армию в целости, когда Хозяин Проливов нас разлучил, и как помог Гислену де Сомервиллю уже на ангелийской земле. — Без тебя мы бы точно проиграли.

Упав на колени, я разрыдалась, оплакивая нас всех.

— Федра, — послышался усталый знакомый голос. Я подняла глаза на Жослена, сидевшего верхом на лошади, целого и невредимого, если не считать пары царапин. Под его глазами залегли темные круги. — Ты не настолько оправилась от ран, чтобы так бурно предаваться скорби.

Признавая его правоту, я послушно встала. По всей равнине ангелийские солдаты собирали мертвых и ухаживали за ранеными и умирающими вместе с врачами и целителями.

— Как твой брат? — спросила я. — И отец?

— С ними все хорошо, — глухо отозвался Жослен. — Они выжили. — Он с седла отвесил кассилианский поклон Грайне. — Соболезную вашей утрате, миледи.

Я повернулась к ней и, не думая, перевела. Грайне печально улыбнулась.

— Скажи ему спасибо и уезжай с ним, Федра но Делоне. Мы сами позаботимся о своих.

Друстан согласно кивнул, и Жослен с седла протянул мне руку. Приняв помощь, я забралась на лошадь позади него, и мы неспешно пустились в долгий путь обратно в Тройле-Мон.

Пережившие битву солдаты д'Эгльмора решили пуститься в погоню за убегающими с поля боя скальдами.

Последствия войны — это безусловный ужас. Если бы я и завидовала короне на челе Исандры де ла Курсель — каковой глупости, конечно же, за мной отродясь не водилось, — в тот день любые зачатки зависти испарились бы. Королеве предстоял ужасный выбор наказания для живых и для мертвых.

В конце концов она мудро рассудила помиловать тех Союзников Камлаха, которые сами избрали опасную судьбу и поклялись посвятить свои жизни преследованию и истреблению разбежавшихся по ангелийским землям вояк из орды Селига. Это решение ни у кого не встретило возражений — память о жертвенном бое Исидора д'Эгльмора была слишком свежа. Что до сдавшихся в плен скальдов, я посоветовала королеве принять за них выкуп. Северяне немало награбили ангелийских сокровищ, совершая приграничные набеги, на которые тот же д'Эгльмор закрывал глаза. Ну и, честно говоря, я устала от пролития крови, как, думаю, и сама Исандра и многие из ее сторонников.

Поэтому, получив за скальдов назначенный выкуп, их отправили домой и накрепко запечатали границу.

Захватчиков полегло так много, что нового нашествия опасаться не приходилось.

Что касается воссоединения Исандры и Друстана, оно происходило на глазах у меня и у тысяч ангелийцев с альбанцами. Победоносный круарх прискакал с поля боя в сопровождении своих солдат, королева Земли Ангелов ждала его в распахнутых воротах Трой-ле-Мона.

Подъехав, Друстан спешился, и они поприветствовали друг друга как равные, а потом он взял руки Исандры, поднес к губам и поцеловал. Объединенное войско одобрительно зашумело, хотя в глазах ангелийской знати одобрения я не увидела.

Войны приходят и уходят, а политика продолжается.

Для любителей романтических подробностей, скажу лишь, что Исандра и Друстан слишком хорошо осознавали, кто они такие: королева Земли Ангелов и круарх Альбы. На глазах у толпы они строго дозировали всякие проявления чувств. С тех пор я гораздо лучше узнала Исандру и смею предположить, что за закрытыми дверями они вели себя совсем иначе, чем на публике. С Друстаном я тоже хорошо знакома и не сомневаюсь в его любви к ней. Но будучи правителями, эти двое всегда оглядывались на свою роль в истории, и поэтому не стали бы показываться народу без должной церемонности.

Разумеется, никто тогда не осмелился гласно возражать против их союза. Ангелийцы были обязаны Альбе спасением жизней и отечества, и не приходилось сомневаться, что круиты — наши верные союзники. Первые дни оплакивали и хоронили мертвых, затем получали выкупы и праздновали победу, а после назначили дату королевской свадьбы в Городе Элуа.

Мы с Жосленом — совсем другое дело.

Я встретила с его отцом, братом и двумя их людьми, пережившими кошмарную битву.

Не знаю, чего я ожидала от той встречи. Честно говоря, ничего осмысленного — долгие дни я пребывала будто в оцепенении, слишком усталая, чтобы думать. Я дневала и ночевала рядом с Исандрой, переводя для нее речи круитов и скальдов. Да, среди собравшихся в

крепости людей нашлись и другие знатоки языков, но никому из них королева не доверяла так, как мне, второй ученице Делоне. А еще был госпиталь, где врачевали знакомых мне альбанцев и нескольких Парней Федры, из которых выжили всего двенадцать человек. Снедаемая душевной болью, я каждую свободную минуту проводила у их лежаков.

Но я выкроила время, когда Жослен сообщил, что Дом Веррёев отбывает к себе в Сьоваль.

Так как солдаты д'Эгльмора взяли преследование скальдов на себя, Перси де Сомервилль смог освободить от службы некоторые отряды, примкнувшие к королевской армии. Конечно, основные части пока что оставались в Трой-ле-Моне, собираясь укреплять границу со Скальдией, но тех, кто пришел по призыву от сохи и домашнего очага — особенно раненых, — с почестями и благодарностями отпустили. Отдельную церемонию провели для доблестных копейщиков королевского дома Арагонии, чей командир от имени своего короля поклялся в дружбе не только Исандре, но и новому круарху Альбы.

При воссоединении Перси де Сомервилля с Гисленом я даже пустила слезу от умиления: отец и сын горячо обнялись и принялись хлопать друг друга по спинам с типичным для жителей Ланьяса презрением перед условностями.

Шевалье Мильярд Веррёй с культей в лангете на месте левой руки повел с себя с сыном значительно прохладнее, но, думаю, бурные проявления чувств были просто не в его характере. Отец Жослена был высоким стройным мужчиной с седеющими волосами, заплетенными в простую сьовальскую косу, красивым той же скульптурной красотой, что и его средний сын. Я уже знала, что при схватке во дворе крепости он первым заступил скальдам путь к внутренним воротам и, обороняя этот рубеж, лишился щита и кисти руки.

— Насколько я понимаю, вы в каком-то смысле ученый, — серьезно произнес он, когда Жослен представил нас друг другу.

Я открыла рот и тут же закрыла. Что ж, в какой-то степени я и вправду относилась к ученым, но меня еще никогда в таком качестве не представляли.

— Да, в некотором смысле это так, но мои познания — лишь крошки с праздничного стола великих предшественников, — произнесла я на каэрданском, цитируя тиберийского оратора Нунния Бальбо.

Отец Жослена неожиданно улыбнулся, отчего в уголках его глаз появились морщинки.

— В Сьовале служители Наамах редко бывают столь образованными, — произнес он, кладя здоровую руку мне на плечо. — Возможно, таким образом они отвергают бесстрастное и рассудочное учение Шемхазая, распространенное в наших краях.

— Шемхазая тоже были присущи страсти, милорд, — с улыбкой ответила я, — а Наамах — рассудочность.

Шевалье Веррэй рассмеялся и хлопнул меня по плечу.

— Я слышал о том, что вам довелось совершить, милая госпожа, — вновь посерьезнев, продолжил он. — Земля Ангелов в долгу перед вами.

Я склонила голову, стесняясь такой похвалы.

— Если бы не ваш средний сын, меня уже давно не было бы в живых, милорд.

— И об этом я наслышан. — Он пошевелил рукой в лангете и со спокойной гордостью посмотрел на Жослена. — Согласен я или нет с избранным тобой путем, сын мой, пока сказать не могу, но вижу, что ты идешь по своему пути с честью.

Жослен молча поклонился.

Люк Веррэй, на полголовы возвышающийся над родичами, усмехнулся, глядя на меня:

— А вот я сразу согласился с избранным тобой путем, братишка, как только увидел причину! — У Люка были те же светлые волосы и голубые глаза, что и у брата с отцом, но открытое веселое лицо наверняка досталось ему от матери. — Элуа! Ты ведь приедешь нас навестить, Федра? Дашь мне шанс попытать счастья, прежде чем окончательно остановишь выбор на Жослене?

Я не была уверена, как мой кассилианец воспримет поддразнивания Люка; с памятного поцелуя на крепостной стене нам почти не удавалось побыть наедине. И я сама до сих пор не знала, что тот поцелуй для нас значил. Но покосившись на Жослена, я заметила, как приподнялся уголок его рта.

— Не понимаю, о каком таком выборе вы говорите, милорд, — парировала я игриво, — но конечно, для меня будет честью посетить Веррэй.

Люк снова усмехнулся и хлопнул брата по плечу:

— Думаю, ты тоже можешь приехать. Ты ведь знаешь, что уже пять раз стал дядей? Джахен замужем больше шести лет, а Онор — без малого четыре. Сестренки время зря не теряют.

— Когда-нибудь обязательно, — пробормотал Жослен.

— Мы с радостью тебя примем, — твердо добавил его отец. — В любой день. Мать очень по тебе соскучилась. — Он ласково посмотрел на меня. — И вы всегда будете желанной гостьей в нашем доме, Федра но Делоне. Вам, наверное, известно, что я был знаком с графом де Монрев. Думаю, будь он жив, Монрев сейчас очень гордился бы своим сыном Анафиэлем и тем, какую ученицу тот воспитал.

— Спасибо, милорд. — Его слова значили для меня неожиданно многое. На глаза навернулись слезы при мысли, что, возможно, где-то там, в подлинной Земле Ангелов, отец Делоне наконец-то им гордится.

Потом я отошла, позволив Жослену проститься с родными без посторонних.

Тем утром домой отправлялась небольшая группа выживших съовальцев. Когда спутники отъехали, Люк Веррэй, замыкавший кавалькаду, повернулся в седле, взмахнув поцелованными солнцем волосами:

— В госпитале о тебе поют ну очень интересные песни, Федра но Делоне! — смеясь, крикнул он.

— Благословенный Элуа! Чертовы моряки! — Я тут же покраснела. Раненые или нет. Парни Федры учили своей проклятой песне всех желающих.

— Они тебя обожают, — сухо возразил Жослен, глядя вслед удалявшимся всадникам. — И заслужили право на твою признательность.

Меня передернуло.

— Когда орали про меня непристойности при твоём отце?!

— Знаешь, он хотел переговорить с префектом, чтобы тот позволил мне вернуться в Братство.

Сердце на секунду остановилось.

— А что ты? — спросила я, пытаюсь сохранить спокойствие.

Жослен посмотрел мне в глаза.

— Я попросил отца этого не делать. — И снова его губы и глаза тронула легкая улыбка. — В конце концов мне нужно сосредоточиться на своём обете.

Как давно я уже по-настоящему не смеялась? Сложно сказать. Но в тот момент я расхохоталась, и искренний смех словно свежим ветром пронёсся по моей душе. Жослен, улыбаясь, не сводил с меня глаз.

— Нам все же надо кое-что обсудить, — сказала я, отсмеявшись.

Он кивнул, вновь посерьезнев. Но тут по мосту подбежал один из пажей Исандры: королева срочно нуждалась во мне, и поэтому на тот день разговор пришлось отложить.

Как и на следующий, и на позаследующий. Так всегда случается с обычными людьми, когда внимания требуют дела великих мира сего, — все лично важное приходится отодвигать до лучших времен. А какую бы роль мы с Жосленом не сыграли в войне, на gobелене политики мы оставались лишь незначительными фоновыми фигурами.

На время, пока страна восстанавливалась, Исандра со двором предпочла остаться в Трой-ле-Моне. Каждый день прибывали ангелийские аристократы: некоторые ехали, чтобы принести королеве клятву верности, другие — чтобы раскрыть ей чье-то предательство. Исандра не по годам проницательно выслушивала обвинения и выносила решения с помощью Каспара Тревальона, Баркеля л'Анвера и Друстана маб Нектханы, который теперь понимал наш язык намного лучше, чем многие мнили. Порой хитрецы, замышлявшие обвести Исандру вокруг пальца, попросту терялись, глядя на покрытое синими узорами лицо круарха. А для меня оно уже давно стало привычным. Каждый день мы встречались с Друстаном наедине ради уроков ангелийского, и с каждой такой встречей я все больше поражалась его мудрости и проницательности.

На стене постоянно дежурили караульные и что ни день трубили в рог, возвещая о чьем-то очередном приезде. Я так к этому привыкла, что уже не любопытствовала, кого там еще принесло, а лишь мельком оглядывала знамена и гербы, мысленно сверяясь с длинным перечнем, который по настоянию Делоне мы с Алкуином заучивали наизусть. Я запомнила многие символы, а вот Алкуин вызубрил все.

То утро я встретила в кузнице, улаживая спор между мастером и двумя воинами из далриад, которым требовалось отремонтировать боевые колесницы — заменить оси и поставить новые колеса, — и не обратила внимания на пение рога, но тут явился Жослен и схватил меня за руку.

— Что такое? — спросила я.

Его лицо было непроницаемым.

— Идем, сама увидишь.

— Работа закончена, отдайте им колесницы, — велела я кузнецу. — Круарх сполна оплатит ваш труд.

Как ни стыдно это признать, но некоторые ангелийские ремесленники, прибывшие в Трой-ле-Мон, не упускали случая нажиться на альбанцах.

Следуя за Жосленом, я поспешила в башню и, пытаюсь не обращать внимания на боль в

еще не зажившей спине, одолела винтовую лестницу.

Уже на стене он указал на запад, откуда к крепости двигалась кавалькада.

— Смотри.

Всадники ехали квадратом, в центре которого находилась конная фигура с двумя стражами по бокам. Верховые на углах держали реющие на ветру знамена. Знакомый герб — ворон и море.

Куинсель де Морбан.

Я задержала дыхание, вспоминая герцога, но тут почувствовала, как Жослен почти до боли стискивает мой локоть. И вдруг узнала одинокую фигуру, окруженную людьми де Морбана. Даже издалека ошибиться было невозможно: она прямо восседала в седле, гордо вскинув голову с блестящим водопадом иссиня-черных волос.

Мир поплыл перед глазами, неприступные стены крепости зашатались. Только благодаря Жослену я удержалась на ногах. Подаренный бриллиант на моей шее горел на солнце, тяжелый как жернов.

— Мелисанда, — прошептала я. — О Элу!

Не думаю, что герцог де Морбан сумел бы доставить королеве Мелисанду без помощи со стороны. Интриганку выдали ее же собственные родичи, те двое, что теперь ехали по бокам от нее, надвинув капюшоны даже в разгар летнего зноя, чтобы скрыть свои лица. Юные отпрыски Дома Шахризаев, Мармион и Персия, поделились с Куинселем де Морбаном сведениями о местонахождении своей кузины в обмен на его покровительство.

Де Морбан сдержал слово и допросил людей адмирала Русса лишь после того, как мы отплыли от берегов Земли Ангелов на флагманском корабле. Адмирал с остающимися в гавани не слишком откровенничал, но рассказал им достаточно, чтобы герцог сумел на дознании сложить два и два. И да, до него, как и, несомненно, до самой Мелисанды, дошли слухи о том, что кассилианцы служат вестовыми между союзниками Исандры и по пути выспрашивают о Мелисанде Шахризай. Де Морбан отнюдь не был дураком и, пока правил независимым герцогством в Кушете, неплохо изучил нравы Дома Шахризаев. Он держал язык за зубами и выжидал, наблюдая за разворотом событий.

Началась война, а Куинсель де Морбан продолжал тянуть время. И лишь когда по Проливам прокатились могучие волны и стало известно, что на ангелийский берег высадился альбанский флот, герцог сделал свой выбор и отправился на охоту за Мелисандой Шахризай.

Он застал ее там, где и говорили Мармион и Персия — в уединенном поместье на юге Кушета, за сборами в дорогу.

Кузены помогали ей скрываться, но к делам Мелисанды касательства не имели, а потому их показаний было недостаточно для ее осуждения. Пока Мелисанду везли в крепость, весть о ее прибытии распространялась по Трой-ле-Мону, словно лесной пожар. Казалось, каждый что-то знает, но никому не известна вся картина. Да, Мелисанда вела искусную игру. Главные свидетели ее вины пали на поле битвы.

— Ах, милая Федра, — сочувственно обратилась ко мне Исандра, — я бы избавила тебя от этого испытания, не вынуждай обстоятельства.

Я глубоко вдохнула и поежилась.

— Понимаю, миледи.

Слушание проводилось среди толстых каменных стен, в большом зале, прохладном и сумрачном. Даже летним днем его освещали лампы и факелы. Я стояла за тронем Исандры, прячась за спины ее телохранителей и гвардейцев. Даже присутствие Жослена меня не успокаивало, хотя верный друг держался поблизости.

Куинсель де Морбан вышел вперед и преклонил колени перед Исандрой, принося ей клятву в верности. Не помню, что за слова он тогда произносил — все мои чувства сосредоточились на другой персоне, присутствовавшей в зале. Потом герцог отошел, и вперед выступила Мелисанда Шахризай в сопровождении двух людей де Морбана, которые, однако, к ней не прикасались.

— Леди Мелисанда Шахризай, — разнесся по душному помещению холодный как сталь голос Исандры. — Вы предстаете перед королевским судом по обвинению в государственной измене. Что имеете сказать в свое оправдание?

— Ваше величество, — Мелисанда спокойно присела в грациозном реверансе, — я ваша верноподданная и ничего не совершила, чтобы заслужить столь тяжкое обвинение.

Исандра слегка наклонилась вперед.

— Вы обвиняетесь в сговоре с Исидором д'Эгльмором, который замышлял открыть границу скальдам и с их помощью захватить трон. Будете это отрицать?

Подсудимая улыбнулась; о, я хорошо знала эту улыбку. Я видела ее тысячу раз и во сне, и наяву. Факелы подсвечивали волосы Мелисанды и кожу цвета слоновой кости, ее сапфировые глаза сверкали как звезды.

— Дом Шахризаев безупречно служил короне тысячу лет, — медово-сладким голосом напомнила она. Мы, ангелийцы, всегда уязвимы перед красотой. До меня донеслись перешептывания в толпе. — Его светлость де Морбан выдвигает ужасные обвинения, не имея никаких доказательств. Неужели не очевидно, что, являя таким образом свою верность, он еще и зарится на мои владения. — Мелисанда изящно развела ладони и подняла глаза на Исандру. Она говорила столь уверенно, с такой убежденностью... ну еще бы, ее вина навечно упокоилась на поле битвы. — Где этот слуга трона был, когда Земля Ангелов, истекая кровью, сражалась за свою независимость? Да, ваше величество, я отрицаю сговор с д'Эгльмором, я отрицаю все обвинения. Если у герцога есть доказательства его поклепа, пусть он их сейчас же представит.

Не знаю, до чего на самом деле докопался де Морбан, но в тот момент я поняла, что Мелисанде он ничего не сказал о результатах своих изысканий. Уединение, недавно защищавшее Мелисанду, теперь сделало ее уязвимой, поскольку лишило привычных источников новостей и тем оставило, по сути, безоружной перед нападками более осведомленного противника.

— Также вы обвиняетесь, — продолжила Исандра, не сводя с пленницы глаз, — в сговоре с вождем скальдов Вальдемаром Селигом.

Эти слова застали Мелисанду врасплох. Я заметила, как дрогнули ее веки. Но она тут же взяла себя в руки и непринужденно рассмеялась:

— Неужели герцог столь далеко зашел в своих фантазиях? Что ж, могу обвинить в том же и его самого, да и любого другого, ваше величество. Легко выдвигать обвинения в сговоре, которые нельзя подтвердить или опровергнуть по причине смерти второй стороны.

— Нет, — покачала головой Исандра, — эти сведения исходят не от де Морбана.

Мелисанда замерла и пристально воззрилась на королеву.

— Неужели, ваше величество, у меня нет права узнать, кому достало совести меня обвинять? — тихим опасным голосом спросила она.

Исандра не дрогнула, а лишь слегка взмахнула рукой. Строй ее гвардейцев расступился передо мной, и я, вся трясаясь, шагнула вперед.

— Мне, — тихо произнесла я, глядя в глаза Мелисанде. Одной рукой схватила бриллиант на шее и резко дернула. Застежка бархатного ошейника сломалась, и камень вместе со шнурком остался у меня в руке. Я тут же бросила его на разделяющие нас плиты пола. — Это принадлежит вам, миледи, — на судорожном выдохе выпалила я. — А вот я — нет.

В воцарившейся тишине Мелисанда Шахризай мертвенно побледнела.

К ее чести, она более ничем себя не выдала, лишь стояла, не шевелясь, и сверлила меня взглядом. А потом неожиданно усмехнулась и отвела глаза.

— Ах, милорд Делоне, — прошептала она, глядя куда-то вдаль, — значит, ваша игра еще не закончена. — Все молчали, и она вновь обратила задумчивый взгляд на меня. — Это единственное, чего я не смогла просчитать. Перси де Сомервилль был готов к вторжению

Селига. Благодаря тебе?

— Я видела письмо, которое вы своей рукой написали Селигу, — дрожащим голосом ответила я. — Вам следовало меня убить, когда представилась такая возможность.

Мелисанда нагнулась и подняла шнурок, бриллиант качнулся.

— Оставить тебе кассилианца было, пожалуй, лишним, — обронила она, глянув на Жослена, который не двигался за моей спиной, но я кожей чувствовала обуревавшую его ярость. — Хотя, похоже, для него все обернулось к лучшему.

— Вы отрицаете это обвинение? — повысила голос Исандра, отчего напряжение в зале еще усилилось.

Мелисанда посмотрела на бриллиант в своей руке, сжала его в кулаке и изогнула брови:

— А найдется ли кто-нибудь достойный доверия, кто готов поручиться за правдивость рассказа этой парочки?

— Дворцовые стражники поклялись, что видели эту парочку в вашем обществе в ночь убийства Анафиэля Делоне, — спокойно и безжалостно ответила Исандра. — К тому же, миледи Шахризай, тридцать тысяч варваров, вторгшихся на нашу землю, более чем весомый аргумент за истинность их истории.

Мелисанда пожала плечами.

— Тогда мне больше нечего сказать.

— Значит, быть посему. Дело решено. — Исандра подозвала стражников. — На рассвете вас казнят.

Никто — ни Тревальон, ни л'Анвер, ни де Морбан, ни разбившиеся на группки аристократы, ни даже Шахризай, стоявшие с опущенными головами, — не высказался в защиту Мелисанды. Дрожа, я смотрела, как гвардейцы Дома Курселей окружают ее и выводят из тронного зала.

— Все кончено, — прошептал мне на ухо Жослен. — Все кончено, Федра.

— Знаю... — Я коснулась своей шеи, где больше не было бархатного шнурка, и удивилась, почему теперь в ложбинке между грудей так пусто.

В тот день и вечер я много времени провела в госпитале, находя утешение в обихаживании раненых. Я не обучена врачеванию, хотя скромная юная ученица Лелайи Вале проявила ко мне доброту и показала, как менять повязки и промывать воспаленные раны травяными отварами. Чтобы доставить облегчение страждущим, порой достаточно было просто находиться рядом и доброжелательно их выслушивать. Я сообразила принести из маленькой библиотеки пергамент и чернила и теперь писала под диктовку письма родным от раненых, особенно тех, кто понимал, что больше никогда не увидит свой дом.

Пустячное для меня дело, но для умирающих это очень много значило. Большую часть времени я проводила с круитами и далриадами, которые не могли даже поговорить с ухаживающими за ними целителями. Друстан уже собрал внушительную пачку писем, которые пообещал доставить на Альбу, где для необученных грамоте получателей их зачитут поэты и барды.

По-своему мудрый, Жослен оставил меня в покое. Вряд ли он полностью понимал, что связывало меня с Мелисандой. Да и как он мог понять, если я сама толком этого не понимала? Все было куда проще до того, как я рискнула пробраться в лагерь Селига, до пытки. Я по-настоящему ненавидела Мелисанду за все то зло, что она причинила мне и Земле Ангелов.

И все же...

Элуа знает, когда-то я ее любила.

Уже перевалило за полночь, когда меня нашел посланник. Наверное, стесняясь полученного поручения, он со смущенным видом прошептал в тишине госпиталя:

— Миледи Федра, я пришел за вами. Леди Мелисанда Шахризай желает с вами побеседовать, если вы не возражаете.

«Если тебе выпадет случай встретиться с ней наедине, не вздумай им воспользоваться».

Нет, я не забыла предупреждение Гиацинта, но все равно пошла.

У двери дежурили двое королевских гвардейцев. Даже хорошо меня зная, они все равно устроили тщательный обыск на предмет оружия перед тем, как впустить в комнату. Забавно, что Мелисанде эта комната досталась в единоличное пользование. Такая роскошь была недоступна никому, кроме Исандры, поскольку в крепость съехалось великое множество людей. Но Мелисанда, будучи пэром королевства и потомком Кушиэля, удостоилась такого удобства в свою последнюю ночь на земле. Мне стало интересно, кого пришлось отсюда переселить, чтобы ее разместить.

Комната была небольшой: из мебели всего два стула, столик да кровать. Я вошла, слыша, как дверь за спиной поспешно захлопнули и задвинули засов.

Сидевшая на одном из стульев Мелисанда при моем появлении подняла глаза.

— Сомневалась, что ты придешь, — вместо приветствия сказала она, приподняв идеальные брови. — Да еще и без своего охранника.

— Чего вы хотите? — Я осталась стоять.

Она лишь рассмеялась тем самым гортанным смехом, который разжижал мои кости даже тогда, даже после всего, что она наделала.

— Повидаться с тобой, — наконец ответила она. — В последний раз перед смертью. Разве я многого для себя прошу?

— Для вас — да, слишком многого.

— Федра. — Ее упругие губы придавали форму моему имени, а певучий голос — значение. Я ухватилась за спинку второго стула, чтобы удержаться на ногах, а Мелисанда с улыбкой за мной наблюдала. — Неужели ты меня так сильно ненавидишь?

— Да, — прошептала я, отчаянно желая, чтобы это было правдой. — А вы меня разве нет?

— Отчего же. — Мелисанда пожала плечами. — Я повела себя неосторожно, и ты сыграла теми картами, что я тебе сдала. Стоит ли тебя за это винить? Надеясь тебя козырями, я знала, что ты творение Делоне. Все могло сложиться по-другому, если бы я сразу оставила тебя при себе, а не отпустила, предоставив самой сделать выбор, вернуться ко мне по доброй воле.

— Нет, — выдохнула я.

— Неужели? — Она криво усмехнулась. — Но, признаюсь, я чертовски тебя недооценила. Тебя и твоего полубезумного кассилианца. Я тут слышала, о чем болтают гвардейцы. По их словам, ты будто бы умудрилась сплавить на Альбу.

Я вцепилась в спинку стула.

— Что Селиг вам пообещал? — спросила я, заставляя себя говорить твердо.

— Половину империи. — Мелисанда небрежно откинулась на спинку стула. — Я им заинтересовалась, когда он предложил свою руку дочери герцога Милаццы. Любопытное поползновение. Он думал, что я предлагаю ему на блюде Землю Ангелов. Но в конечном

счете, знаешь ли, я бы получила Скальдию. Или наши дети, если бы я сама не дожила.

— Знаю. — В этом я не сомневалась, уже догадавшись об истинных целях ее замысла. Во мне зарождалась волна истерического смеха, вставшая комом в горле, отчего перехватило дыхание. — Возможно, с этим варваром вы были бы по-настоящему счастливы, миледи, — прохрипела я. — Со мной он одолел половину «Трех тысяч радостей».

— Правда? — пробормотала она. — М-м-м.

Я закрыла глаза, чтобы ее не видеть.

— Почему вы сбежали из Города, когда умер король? Я думала, вас известили о его смерти.

Услышав шорох юбок, я поняла, что Мелисанда встала.

— Нет. Конечно же, мне донесли, что Ганелон при смерти, как и то, что Телезис де Морне получила аудиенцию у Исандры, а на следующий день королевские гвардейцы начали расспрашивать всех о ночи убийства Делоне. — Вновь шорох шелка: она пожала плечами. — Я тогда подумала, что королевская поэтесса уговорила Исандру возобновить расследование. И я, осторожничая, сочла эту причину достаточной, чтобы уехать из Города.

Значит, тогда она уже готовилась пуститься в путь. И если бы мы с Жосленом не приехали из белой скальдийской глуши со своей невероятной историей, для нее ничего бы не изменилось.

Я открыла глаза и увидела, что Мелисанда смотрит в узкое оконце в темную ночь.

— Почему? — прошептала я, зная, что вопрос риторический, но все равно желая его задать.

Она повернулась ко мне, спокойная и прекрасная.

— Потому что я могла.

Никакого другого ответа и быть не могло. Меня аж передернуло, так сильно мне хотелось услышать причину, созвучную сердцу, а не только темной скрытой части меня, но ожидание оказалось напрасным.

— По-другому ничего не сложилось бы, — резко бросила я, желая уколоть ее, желая увидеть, как мои слова причиняют ей боль. До той минуты я не знала, каково это — желать чьих-то мучений. Тогда я впервые это ощутила. — Неважно, что вы сделали бы, даже если оставили бы меня при себе, я бы никогда не стала вам в этом пособничать.

— Нет? — Мелисанда улыбнулась, явно позабавленная. — Ты так в этом уверена, Федра но Делоне? — От ее низкого медоточивого голоса по коже поползли мурашки, и я стояла как вкопанная, пока она пересекала комнату. Лениво обвела по контуру мой туалет, скрытый под платьем, и задела рану, нанесенную Селигом. Боль расцвела, пламенем охватив все мое тело. Я чувствовала жар дыхания Мелисанды, ее запах. Нет, ничего между нами не изменилось. Ее воля вновь подавила мою, когда ласковые пальцы погладили под подбородком, и я послушно подняла голову. Мелианда снова стала средоточием моего мира. — *Тот, кто покорствует,* — прошептала она, приближая губы к моему рту, — *не всегда слаб.*

Почти поцелуй. Она коснулась своими губами моих и отстранилась, отпустив меня, а я попятилась в бездну, в которой ее внезапно больше не стало, в пучину томления.

— Так сказал мне твой тсыган. — Взгляд Мелисанды похолодел. — И я запомнила его слова. Жаль только, что не обратила должного внимание на то, что он сказал дальше: *выбирай с умом, кого приневолить.* — Она села и кивнула на дверь. — А теперь уходи и оставь меня подумать о смерти.

И я послушно ушла. Ничего не видя, постучала в запертую снаружи дверь и, спотыкаясь,

переступила порог, когда гвардейцы Исандры отодвинули засов и открыли мне выход. Я вслепую зашагала по коридору, цепляясь за каменные стены.

— С вами все хорошо, миледи? — встревожено спросил один из караульных.

Я услышала, как за спиной с грохотом захлопнулась дверь, и кивнула.

— Да, — прошептала я, зная, что это далеко не так, но гвардейцы, как и никто другой, ничем не могли мне помочь. «Надо было нам обеим прислушаться к Гиацинту», — подумала я. В горле копился жутковатый смех, и я склонила голову, спрятав лицо в ладони.

Мелисанда.

Ночь я провела в одиночестве на крепостной стене.

Полусонные стражники не беспокоили меня, разве что предлагали глотнуть горячительного из фляжки. Я оставалась наедине со своими думами. Предстоя сам на сам бескрайнему небу, ожидаешь обрести успокоение. Ведь перед зраком вечности смятение чувств отступает и приходит понимание того, что супротив нагромождений всех горестей мира твои беды всего лишь песчинка.

Ну что бы я на самом деле сделала, если бы Мелисанда купила мой туар, а не просто оплатила ночь со мной? Стала бы я ей пособничать в измене, если бы она никогда не ослабляла связующий нас поводок? Я была уверена, почти полностью уверена, что сказала ей правду, что и тогда все сложилось бы так, как сложилось.

Почти. Но Мелисанда заставила меня понять: окончательно в этом увериться я не смогу никогда.

Конечно, мои сомнения не имеют никакого значения. Что случилось, то случилось, и я сделала свой выбор. На рассвете Мелисанду Шахризай казнят во исполнение приговора. И больше никого и никогда она не потревожит.

Кроме меня.

Такие мысли обуревали меня на протяжении всего ночного бдения, пока мои уши улавливали тихие шорохи дремлющей крепости: бормотание стражников, перестук копыт и всхрапывание лошадей в конюшне, редкий скрип дверей. Вот и все, что я тогда слышала.

Жослен нашел меня, когда предрассветное небо начало сереть. Как раз подумалось, что уж слишком много кровавых рассветов мне пришлось повидать. Я — служительница Наамах, и мои рассветы должны окрашиваться хмельным виноградным соком, а не человеческой кровью.

— Ты ходила к ней, — тихо произнес Жослен, остановившись позади.

Я кивнула, не оборачиваясь.

— Зачем?

— Не знаю. Показалось, что это мой долг. — Я наконец повернулась и увидела его знакомый четкий профиль в пепельном свете. — Жослен, есть такое, чего я никогда не сумею забыть. Но настанет время, когда мне придется хотя бы попытаться.

— Понимаю, — тихо отозвался он и шагнул ближе. — Ты знаешь, что я не смогу причинить тебе боль, даже если попросишь?

— Знаю. — Глубоко вздохнув, я взяла его за руку. *Ангуиссетта* и кассилианец, помоги нам Элуа. — Мы вытерпели тридцать тысяч скальдов и гнев Хозяина Проливов. И просто обязаны вытерпеть друг друга.

Жослен тихо усмехнулся, а я уткнулась ему в грудь. Столько всего было между нами, и сколько всего еще будет. В любом случае я понимала, что не хочу жить без него.

Мы простояли в обнимку довольно долго, ужас ночи меня понемногу отпускал. Серые небеса бледнели, рассветные лучи озарили крепостную стену. Скоро все будет кончено. Навсегда.

Так я думала, когда стражники вдруг заголосили, бряцая железом.

Да, дневным дозорным пора было сменить ночных, но обычно смена караула происходила гораздо спокойнее. На сей же раз новые патрульные вышагивали с суровыми

лицами, а взъерошенный командир о чем-то допрашивал ночных стражников, которые то и дело отрицательно мотали головами.

— Что случилось? — Жослен схватил за рукав пробегающего мимо командира.

— На рассвете должны были казнить леди Мелисанду Шахризай, — хмуро сказал тот. — Но она сбежала. Двое солдат, стороживших дверь ее комнаты, убиты, караульный у потайных ворот тоже. — Стряхнув руку Жослена, он вежливо добавил: — Прошу меня извинить, — и поспешил своей дорогой.

Застыв на крепостной стене, мы уставились друг на друга, и наконец с моих губ сорвался отчаянный смешок.

— Мелисанда! — ахнула я. — О Элуа, нет!

По приказу Исандры крепость перевернули вверх дном. Она отправила всадников во все стороны света и допросила каждого, кто той ночью был замечен не в своей постели, всех без исключения. Но ни следа Мелисанды не нашлось, она словно испарилась. Даже Жослену не удалось избежать допроса, даже мне. Да-да, даже мне. Призванная в большой зал я на своей шкуре почувствовала, каково это — стоять перед судией, как стояла Мелисанда.

— Ночью изменница посылала за тобой, — голос королевы звенел сталью. — И ты пошла к ней. Не вздумай отрицать, Федра, госпитальные прислужники нам все доложили. Зачем?

Я ответила ей так же, как Жослену, вот только сцепила пальцы, чтобы скрыть дрожь.

— Ваше величество, это был мой долг перед ней.

— Каков бы ни был твой долг, она его упразднила, совершив государственную измену, — бесстрастно произнесла Исандра. — В Земле Ангелов не принимают во внимание обязательства перед вероломными предателями.

— Однажды она меня пощадила, — прошептала я. *«Я не убью тебя, равно как не уничтожу неподобную фреску или вазу»*. — А я вчера была к ней беспощадна. Потому-то и чувствовала за собой долг.

— Только поэтому или еще по какой-то более давней причине? — вздернула брови Исандра.

— Не было никакой другой причины. — Я запустила руки в волосы и подавила клокочущий в груди жуткий смех. — Ваше величество, мои слова послужили единственным прямым доказательством ее измены. Будь у меня желание спасти ее, мне следовало всего-то навсегда держать язык за зубами.

Лицо Исандры вмиг переменилось, она посмотрела на меня чуть ли не сочувственно, прекрасно зная, что я говорю правду.

— Конечно, ты права. Прости, Федра. Но ты должна понять: пока она на свободе и имеет союзников, мое положение на троне весьма шаткое.

— Понимаю, вам приходится быть начеку, — пробормотала я. Потом меня подхватили под руки и увели из зала гораздо почтительнее, чем привели. Королева Земли Ангелов попросила у меня прощения — такое не каждый день случается.

Поначалу, опьяненная победой, я видела во всех, кто сражался при Трой-ле-Моне, друзей и союзников. Став свидетельницей политических игр, обрела более трезвый взгляд. Но после побега Мелисанды и он изменился: я больше ни на кого не могла смотреть без подозрения.

Один из нас точно был предателем.

Тайну ее исчезновения так и не удалось разгадать. Куда бы ни подалась Мелисанда

Шахризай, кто бы ей ни помогал, схема была настолько сложной, что распутать ее хитросплетения не получилось. Опять же время поджимало: нужно было править королевством, да и организация свадьбы требовала внимания. Из Трой-ле-Мона то и дело отправлялись гонцы с приказами по всей стране. На ангелийской земле Мелисанда не нашла бы приюта.

На тот момент этого было достаточно. Должно было быть достаточно.

Исандра де ла Курсель провела особую церемонию, возвратив суверенитет над крепостью герцогине де Трой-ле-Мон, которая заранее вывезла свое имущество в Марсиликос, чтобы переждать осаду в гостях у Роксаны де Мерелью. Значительную часть выплаченного скальдами выкупа уделили на восстановление крепости и возмещение потерь населению Трой-ле-Мона. Кроме того пришлось заглаживать следы от скальдийского серпа, прошедшего сквозь Намарру, включая отстройку храмов Наамах. А оставшиеся деньги достались армии.

Я была рада слышать про восстановление храмов, памятуя о жрице Наамах, которая спасла меня в лагере скальдов. Прагматичная Исандра тратилась не жалея — во благо королевства.

Виноградные гроздья тяжелели на лозах, когда военный лагерь был свернут и мы пустились в триумфальное путешествие на юг страны.

Из всех моих странствий это стало одним из самых коротких, но и наиболее славным. В сопровождении регулярных ангелийских войск и союзной альбанской армии мы продвигались медленно, и на протяжении всего пути народ Земли Ангелов сбегался к дороге, чтобы бросить цветы под ноги Исандры и провозгласить ее своей королевой. Друстана, ехавшего рядом с невестой, люди тоже приветствовали криками, глаза на его синие татуировки.

Ни круиты, ни далриады не отплыли к берегам Альбы. И смуглые представители Куллах Горрым, и светлое племя Эйдлах Ор, и краснолицые Тауру Кро, и долгоязыые Фалер Бан — все они ожидали давно сговоренной свадьбы, которая свяжет два наших народа, два наших берега и навсегда откроет Проливы.

Я часто ехала рядом с колесницей Грайне, давая ей понять, что гибель Имонна не забыта по крайней мере мной. И ничего не говорила о пропитанном кровью мешке, свисавшем с оглобли колесницы. У далриад свои суеверия. Тело Имонна осталось погребенным в полях Трой-ле-Мона, но если его сестра решила, что голова ее близнеца должна вечно взирать на потомков со стены над двойным тронem в Иннисклане, кто я такая, чтобы ее отговаривать? Думаю, Друстан, как и все круиты, знал о решении Грайне, но я эту тему ни с кем не затрагивала, в особенности с Исандрой.

Наконец мы достигли Города Элуа, который уже несколько недель готовился к нашему прибытию, и триумфальным маршем прошествовали по улицам, глядя на ликующих жителей, которые все как один высыпали нам навстречу.

Мне было странно ехать в этой процессии. Ранее я лишь однажды видела военный парад в Городе Элуа, в день дебюта Алкуина, и хорошо его помнила. Тогда я смотрела с балкона особняка Сесиль Лаво-Перрин на блистательных аристократов и воинов, многие из которых теперь были мертвы. Львица Аззали и Бодуэн де Тревальон, бок о бок с которым тогда ехала Мелисанда. Дед Исандры, Ганелон де ла Курсель. И да, Союзники Камлаха во главе с Исидором д'Эгльмором. Когда я смотрела на них сверху, все казалось на диво четким и упорядоченным.

Изнутри все не так, как видится снаружи.

В тот день Анафиэль Делоне был жив; он выиграл в коттаб.

И Алкуин, мой прекрасный друг, с достоинством выдержал аукцион на свою девственность.

Я не могла объяснить слезы, что стояли в моих глазах, пока мы следовали через Город Элуа. Большинство сочло, будто я плачу от радости при возвращении домой, а я не находила слов, чтобы описать всю полноту обуревавших меня разнородных чувств.

Опустошенный болезнью и войной город вместил нас всех — солдат в казармах, альбанскую знать во Дворце. У меня уже не было дома, но Исандра удержала меня при себе, выделив покои во Дворце, поскольку по-прежнему нуждалась в доверенном переводчике.

За прибытием последовали радостные воссоединения.

Самым приятным стал визит Сесиль Лаво-Перрин, которая явилась навестить меня на пару с Телезис де Морне. Мое сердце воодушевленно забилося при виде королевской поэтессы, но как же оно воспарило навстречу Сесиль, чье прекрасное лицо, старея, сохраняло изысканность, а голубые глаза все так же лучились теплом. Я тут же бросилась ей на шею и расплакалась.

— Тихо, тихо, — шептала дорогая наставница, глядя меня по спине. — Тихо, милая, все хорошо. — Когда я наконец успокоилась, она взяла мое лицо в ладони. — Федра, дитя мое, мало кто из служителей Наамах на деле познал, каково это — идти по ее стопам. Я каждый день молилась о твоём благополучном возвращении.

Жослен неловко переминался поодаль, не зная, как воспринять мой внезапный срыв. Но Сесиль не забыла об этикете Дома Кактуса и мгновенно его успокоила, взяв за руки и приветственно поцеловав.

— Ах, какой же вы красивый молодой человек, Жослен Веррэй, — пропела она, слегка разведя его руки, чтобы получше разглядеть кассилианские наручи и темно-синюю форму королевского гвардейца. — И настоящий герой. — В глазах Сесиль заплясали искорки, когда она хлопала его по наручу. — Да уж, в чувстве юмора Наамах не откажешь.

Жослен густо покраснел и поклонился.

— От королевы Цветов, распускающихся в ночи, я, пожалуй, приму такой комплимент.

Телезис де Морне тепло смотрела на нас своими глубокими карими глазами.

— Поистине, — произнесла она мелодичным голосом, — Элуа благословил этот день. Многие утратив, сколько всего мы получили.

Ее слова задели потаенную струнку в моей душе, освободив и горе, и радость. Да, потерь было много, очень много, из моей жизни ушли любимые люди, и это тяжелым камнем лежало на сердце. Но все же ценой неисчислимых жертв мы многое отвоевали: победу над захватчиками и свободу для земли и души Земли Ангелов, любовь, волю и наши жизни. Конечно же, этому нужно радоваться. Ведь и Благословенный Элуа, улыбаясь, щедро пролил свою кровь ради этой земли, ради этих людей. Пусть война, смерть, предательства... но собирает там с жужжаньем мед пчела в лаванде синей.

Сквозь бури и невзгоды мы вернулись домой.

Наперекор смерти ангелийцы празднуют жизнь.

Думаю, именно поэтому свадьба Исандры и Друстана выдалась такой пышной. И если кого-то подмывает высказаться, мол, королева позволила мне остаться при ней на несколько недель подготовки исключительно по доброте душевной, позвольте возразить: я с лихвой отработала свое содержание во Дворце.

Причем в гуще предсвадебной суматохи я умудрилась выкроить время и на выполнение собственных обещаний. Так в свое время я поклялась Друстану, что его народ будет знать о подвигах своих сыновей и дочерей. И вот по моей просьбе сама Телезис де Морне великодушно согласилась не только описать наше путешествие и великую битву в стихах, но и перевести их на круитский. Не могу сказать точно, скольких участников событий Телезис опросила, собирая материал для поэмы, но знаю, что очень многих. Хотя после лихорадки ее здоровье осталось слабым, она без усталости трудилась.

В конечном счете произведение превратилось в эпос, которому Телезис посвятила остаток своей жизни. Он получил название «Исандрийский цикл», поскольку скрупулезно изображал восхождение Исандры де ла Курсель на престол Земли Ангелов, однако ткань повествования плелась из нитей-судеб многих людей, в том числе и моей. Телезис много лет подвизалась королевской поэтессой и хорошо знала, как важно подгадать со стихотворением к какому-нибудь торжеству, поэтому пролог был готов как раз к монаршей свадьбе. Представьте, она прозорливо начала эту работу в тот самый день, когда четверо вестовых, объявивших себя Парнями Федры, явились к ней в Город Элуа с письмом и новостями о великих подвигах.

Отряд всадников, отобранных лично Друстаном, отправился в Аззаль на встречу с флотом Русса, которому полагалось переправить их через Проливы, дабы круиты и далриады смогли донести до соплеменников затверженные наизусть сообщения о победе, заключенном союзе и о скором возвращении круарха. Квинтилий Русс, обеспечив посланцам корабль, оставил командовать флотом Жана Маршана, а охранять границу — Марка де Тревальона, сам же явился во дворец. Как всегда громогласный и грубоватый, адмирал при встрече так крепко меня обнял, что затрещали ребра.

Ради вестовых, доставивших мое письмо Телезис де Морне, и ради всех остальных Парней Федры, я сдержала слово, данное на проложенных еще тиберийцами дорогах Альбы, для чего встретила с Джаретом Мораном, дуэйном Дома Кактуса, первого из тринадцати Домов Двора Ночи. Залог гостеприимства, медальон, подаренный мне Джаретом в ночь празднования дня рождения принца Бодуэна, давно пропал, арестованный вместе с остальным имуществом Делоне, но Сесиль Лаво-Перрин пришла на помощь и заключила с дуэйном сделку, над условиями которой любой посвященный Дома Брионии обрыдался бы от зависти.

Выторгованные пятнадцать медальонов — по одному на каждого из выживших Парней Федры — давали проход в любой из тринадцати Домов накануне королевской свадьбы. Но Джарет Моран несколько не прогадал. Мое имя и моя история были на слуху и тонкой алой ниточкой тянулись по всему гобелену ангелийской победы: та самая *ангуиссетта* Делоне, что пережила рабство у скальдов, предупредила королеву о надвигающемся вторжении и совершила путешествие на Альбу. Я родилась и выросла при Дворе Ночи, получила

воспитание в Доме Кактуса. И теперь дуэйн открыл двери перед Парнями Федры, чтобы тоже войти в легенду о моих подвигах и тем самым добавить блеска потускневшей славе Двора Ночи.

Неважно, что уже в десять лет меня отправили жить к Делоне. Я вела происхождение от Двора Ночи, с этим не поспоришь. Зато смогла сдержать свое обещание перед людьми, избравшими меня своим кумиром, что было для меня важнее всего.

Напоследок я доставила завещание Гиацинта в Сени Ночи. Нашла там Эмиля, и передала ему документ, который Гиацинт написал на старом пергаменте в одинокой башне Хозяина Проливов. Эмиль плакал, целовал мне руки и рассыпался в благодарностях; даже если отчасти его слезы были слезами радости, парень явно опечалился трагической судьбой Гиацинта. Меня тронуло, как искренне подручные любили моего друга.

О, Принц странников.

От имени его матери я принесла жертву в храме Элуа, куда мы вместе ходили после смерти Бодуэна. Я возложила букет влажных от росы алых анемонов к основанию статуи и опустила на колени, чтобы поцеловать прохладные мраморные ступни Элуа.

— Это тебе от Анастасии, дочери Маноха, — прошептала я, вдыхая запах сырой земли и свежей травы с примесью аромата дубовой коры. Высоко вверху в сумеречном свете на большом каменном лице Благословенного играла загадочная улыбка.

Коленопреклоненной я простояла там довольно долго.

На этот раз подняться мне помог Жослен, но жрец Элуа был тот же, что и в прошлый раз с Гиацинтом, клянусь, хотя все жрецы и жрицы похожи друг на друга, поскольку все они являются частью неразрывной цепи служения. Он улыбнулся нам, стоя босыми ногами на сырой земле и спрятав руки в рукава мантии.

— Дитя Кассиэля, — ласково обратился он к Жослену, — не торопись. Тебе уже доводилось доходить до развилки и выбирать дальнейший путь, и, как и Кассиэлю, тебе всю жизнь придется сталкиваться с развилками и снова и снова выбирать путь Спутника. Помни, что на каждой развилке выбор всегда зависит от тебя. Уповай на Элуа, и он поможет тебе различить верную дорогу.

Жослен испуганно воззрился на жреца, но тот вынул руку из рукава и коснулся уже моей щеки.

— Отмеченная стрелой Кушиэля служительница Наамах. — Он улыбнулся в полумраке, и его улыбка показалась мне благостной и исполненной воспоминаний. Кто мог бы сказать наверняка? Но я верила, что жрец был тем же самым, что и в прошлый раз. — Люби по воле своей, и Элуа направит тебя на путь истинный, и каждый шаг по тому пути будет тебе в радость. Иди с его благословением.

С этими словами жрец нас оставил.

Тут я рассмеялась:

— Похоже, настала твоя очередь выслушивать мрачные пророчества.

— Я бы с радостью с тобой поменялся, — отозвался Жослен. — Кажется, я обречен делать один и тот же выбор тысячу раз подряд.

— Ты жалеешь? — Я взглядела в его нахмуренное лицо в тусклом свете угасающего дня.

— Нет, — покачал головой Жослен. — Нет, — прошептал он и взял мое лицо в ладони, затем наклонился, чтобы поцеловать меня, и его распущенные волосы цвета спелой пшеницы скрыли нас плотной завесой.

Поцелуй был сладчайшим, и я чувствовала, что мы поступаем правильно, потому что наши дыхания слились, а сердца забились в унисон.

Когда Жослен поднял голову, то больше не хмурился.

— Но наверняка будут времена, когда мне придется сожалеть.

— Наверняка, — прошептала я. — Если ты не про эти минуты.

— Нет, — просиял улыбкой Жослен. — Точно не про эти.

Мраморные руки Элуа над нашими головами оставались распростертыми в благословении.

Так я сдержала все обещания, розданные на протяжении долгого и опасного путешествия; а затем, можете не сомневаться, Исандра де ла Курсель заставила меня сполна отработать время, потраченное на мои личные заботы. Несмотря на всю свою мудрость и способность к состраданию, королева была ангелийской аристократкой на пороге свадьбы, и причуд у нее хватало. Прежде никогда в жизни ей не позволялась роскошь по-девичночь по-девичночь покапризничать, и я, воспитанная для доставления удовольствий, не могла ее винить за стремление побаловать себя хотя бы в предсвадебные дни.

Среди прочего мне было поручено нарядить альбанскую знать по-ангелийски, в частности, вручить Грайне отобранное лично Исандрой роскошное платье.

Королева Земли Ангелов восхищалась воинственной предводительницей далриад. Женщин в альбанской армии было порядка шестидесяти, но только Грайне по статусу могла считаться ровней Исандре. Смерть Имонна сестру не ослабила — наоборот, горе лишь усилило мощь ее смелой натуры.

Грайне терпеливо выстаивала, пока королевский портной подгонял наряд по ее фигуре; поймав ее взгляд, я вдруг заметила привычные искорки смеха в глазах.

Великолепное платье из алого шелка и золотой парчи оказалось узко в талии, хотя первая примерка проводилась всего неделю назад. Прислушавшись к бормотанию портного, я рассмеялась и спросила Грайне на языке далриад:

— Велик ли срок?

— Три месяца. — Она положила руку на едва округлившийся живот и блаженно улыбнулась. — Если родится мальчик, назову его Имонном.

— А отец — Квинтилий Русс?

В улыбке Грайне добавилось лукавства.

— Может, и он.

Исандра нетерпеливо вздернула брови. Она немного говорила по-круитски, но чтобы выучить диалект народа Эйре требовалось немалое время или острая необходимость. К счастью, дорога обеспечила меня и тем и другим, а потому я смогла перевести королеве признание Грайне.

Исандра восторженно выдохнула:

— Она сражалась, нося во чреве дитя?!

— Тогда еще было слишком рано, чтобы знать наверняка, — дипломатично ответила я. У далриад существует предание о воительнице древности, которая участвовала в гонке на колесницах за неделю до родов, но я решила не рассказывать об этом Исандре, равно как и о забальзамированной в извести голове Имонна.

— И что, Квинтилий Русс теперь на ней женится? — спросила Исандра.

Я перевела вопрос для Грайне, которая в ответ лишь рассмеялась.

— Не думаю, чтобы для нее это имело значение, миледи, — пояснила я.

— Вот так прекрасно, — обратилась Исандра к портному и взмахнула рукой, отпуская его. — Расставьте немного в поясе. — Затем она обратила задумчивый взор на меня. — А каковы твои планы, дорогая? Выйдешь замуж за своего кассилианца?

Нельзя оставлять без ответа прямой вопрос своего сюзерена, вдобавок, на лице Исандры читался непритворный интерес.

— Нет, миледи, — просто сказала я. — Анафема анафемой, но кассилианский обет дается на всю жизнь. Жослен попирает некоторые из правил Братства чуть не каждый день, проведенный со мной, потому что так он следует главной своей клятве. Свадьба же обернулась бы глумлением над его служением, а этого он, конечно, не допустит, да и я не смею его о таком просить.

Думаю, Исандра меня поняла; ее неотлучные кассилианские охранники смотрели прямо перед собой, и я не могла угадать их отношение к сказанному, впрочем, оно мало меня заботило.

— Вернешься ли ты к служению Наамах? — продолжила допрос королева.

— Не знаю.

Граине как раз выпутывалась из платья, чтобы нырнуть обратно в свой костюм, и я пришла ей на помощь, передавая предметы одежды через верх установленной портным ширмы.

Это был один из наших с Жосленом камней преткновения, который мы тщательно обходили. Теперь я на него наткнулась под пристальным взглядом Исандры.

— Вы проявили ко мне высшую доброту, очистив мое имя от гнусных обвинений, ваше величество, и мои хорошие друзья уже обещали мне гостеприимство. — Это было правдой: Каспар де Тревальон дал слово, что я никогда ни в чем не буду нуждаться, как и Сесиль с Телезис. — Но, увы, друзья у меня есть, а вот денег совсем нет.

Это тоже было правдой, а, служа Наамах, я могла бы зарабатывать значительные суммы. Имелись и другие причины вернуться на прежний путь, но я не представляла, как разъяснить их добродетельной королеве. Бедность же понятна для всех.

— Ах, вот в чем дело! — рассмеялась Исандра и подозвала пажа. — Приведи сюда казначея. Скажи, что это по поводу наследства лорда Делоне.

Казначей — долговязый седовласый мужчина — явился быстро, неся ворох бумаг. Исандра к тому времени отпустила портного и Граине, которая, уходя, лукаво мне подмигнула.

— Итак, — обратилась Исандра к казначею, откинувшись на спинку дивана и отпивая глоток вина.

Присев на стул, я растерянно наблюдала, как он откашливается и перебирает принесенные документы.

— Да, ваше величество... Что касается наследства Анафиэля Делоне: городской дом и вся обстановка... как вижу, их выкупил у приставов некий... — Он взгляделся в пергамент. — Некий лорд Сандриэль Вокань, который впоследствии перепродал их... Что ж, в любом случае мы можем немедленно истребовать возвращения означенного имущества по вашему настоянию, миледи Федра, или же казначейство возместит вам всю сумму сделки...

— Но с какой стати?! — потрясенно перебила я.

Казначей испуганно поднял взгляд от бумаг на меня:

— Ах, вы не знали... Ваше величество не изволили... Понимаете, миледи, его светлость Анафиэль Делоне некоторое время назад написал завещание, в котором назвал

наследниками вас и некого... — Он вновь уткнулся в пергамент. — Алкуина но Делоне, ныне покойного. Согласно декрету ее величества, провозгласившему, что в убийствах вы неповинны, арест имущества получается незаконным, а посему мы обязаны возместить вам причиненный ущерб.

Я открыла рот и закрыла, вдруг представив себе дом таким, каким видела его в последний раз: местом бойни, где погиб Делоне и умирал Алкуин.

— Мне не нужен этот дом, — с дрожью отказалась я. — Ни в коем случае. Пусть им и дальше владеет лорд Сандриэль или другой покупатель. Если мне полагается какая-то выплата... — Сложно было ни с того ни с сего чего-то требовать. — В общем, если она мне полагается, то я согласна ее принять.

— Да-да, конечно, полагается, — рассеянно подтвердил казначей, перебирая бумаги. — Полная выплата. — Исандра отхлебнула вина и улыбнулась. — И еще, разумеется, Монрев.

— Монрев? — эхом отозвалась я, совсем запутавшись.

— Монрев, родовое имение в Съовале, да. — Казначей вновь сосредоточился, найдя искомый документ, и постучал по нему пальцем. — Поскольку лорда Делоне лишили наследства, после смерти его отца владение перешло матери лорда Делоне, а когда и она скончалась — его кузену Руфаю, который, увы, числится среди погибших в битве при Тройле-Моне. — Казначей значительно кашлянул. — В приписке же к завещанию графини де Монрев указано, что если лорд Руфай де Монрев умрет, не оставив потомства, то вотчину надлежит передать ее сыну Анафиэлю Делоне или его наследникам. А это значит, как явствует из завещания уже самого лорда Делоне, вам, миледи.

Хотя его слова складывались во вполне понятные предложения, я никак не могла ухватить в них смысл. Казначей мог бы с тем же успехом изъясняться на аккадианском, которого я не знала.

— Федра, он говорит, — пояснила Исандра, — что ты унаследовала имение, дающее право на титул графини де Монрев.

Ошеломленная, я уставилась на нее:

— Ваше величество, верно, шутит.

— Ее величество никогда не шутит, — упрекнул меня казначей и вновь зашуршал бумагами. — Вся цепочка предельно ясна и задокументирована в архивах Королевского казначейства.

— Спасибо, милорд Бренуа, — поблагодарила казначея Исандра. — Вы составите документы о вступлении миледи Федры в наследство?

— Самолично и без промедления, ваше величество. — Он низко поклонился, прижал кипу бумаг к груди и поспешил удалиться.

— Вы знали, — обратилась я к Исандре каким-то не своим голосом.

Королева глотнула вина и покачала головой.

— О родовом имении — нет, не знала. Это выяснилось только после обнаружения списков погибших, когда лорд Бренуа установил, что Руфай де Монрев умер бездетным. Ты, конечно, можешь отказаться от наследства. Но это мать Делоне пожелала, чтобы ее вотчина вернулась к ее сыну и его ветви рода. А он выбрал своими наследниками тебя и Алкуина.

— Делоне, — прошептала я. Он никогда мне не говорил. Интересно, знал ли Алкуин? — Нет. Я... Я согласна.

— Хорошо, — улыбнулась Исандра.

После этих ошеломительных новостей она еще посовещалась со мной насчет свадебных

украшений и прически, но я совсем не помню, что ей насоветовала. Взбудораженный разум кипел. Для Исандры, королевы Земли Ангелов, Монрев был песчинкой. Крохотное имение в горах Съоваля, которое не могло предложить короне ничего, кроме пары конников на военные сборы да приличной библиотеки. Исандру оно заинтересовало только потому, что принадлежало Анафиэлю Делоне, которого любил ее отец.

Для нее Монрев был песчинкой. А для меня, справедливо названной прежней дуэйной Дома Кактуса нежеланным отпрыском шляхи, открывал целый новый мир.

Когда королева меня отпустила, я бросилась искать Жослена.

— Что случилось? — встревоженно спросил он, увидев мое покрасневшее лицо и горящие глаза. — С тобой все хорошо?

— Нет. Не знаю. — Я сглотнула. — Теперь у меня есть вотчина и титул.

Так и получилось, что на свадьбе Исандры де ла Курсель и Друстана маб Нектханы, королевы Земли Ангелов и круарха Альбы, я присутствовала как графиня Федра но Делоне де Монрев.

Из чувства гордости я сохранила фамилию Делоне. Ведь все, что у меня есть, дал мне он, в том числе и фамилию, которую выбрал для себя сам, а не ту, с которой был рожден. Никогда не забуду, как именно он парой слов превратил мой ужасный изъян в бесценное сокровище.

Исандра отменила изданный старым королем эдикт о запрете стихотворений Делоне, и теперь, спустя двадцать с лишним лет, его строки вновь открыто звучали, пронизанные страстью и великолепием его юности.

На свадебном пиру Телезис де Морне зачитала отрывок из своей новой эпической поэмы во славу невесты и жениха. Но на самой церемонии она вдохновенно продекламировала стихотворение Делоне.

И благодаря этому сейчас его лирику знают наизусть повсеместно — на многие месяцы после королевской свадьбы в Городе Элуа воцарилась мода читать стихи Делоне своим возлюбленным. А вот раньше его поэзия томилась под спудом безвестности, и я даже всплакнула, захваченная сладкой тоской, когда золотой голос Телезис заключил:

*— Ты со мной —
Встречаются наши руки,
И рождается новый мир.*

Эти слова как никому подходили брачующейся паре, правителям двух миров, отныне объединенных в один.

Церемония проводилась в дворцовом саду — на лужайках были расставлены разноцветные шатры, а венчалась королевская чета в увитой цветами беседке. На Земле Ангелов храм Элуа находится в любом месте, где земля встречается с небом. Венчание проводила седовласая жрица, ее морщинистое лицо светилось любовью и умиротворением.

Исандра выглядела краше летнего денька в платье из жемчужно-серого шелка и с уложенными короной светлыми волосами, в которые были вплетены золотые нити и живые незабудки. Если такой убор подсказала я, то мой совет себя оправдал. Что же касается Друстана, он предстал перед гостями настоящим феноменом: роскошный ангелийский наряд выгодно подчеркивал приметы пиктского варварства: алый плащ круарха благородными бархатными складками ниспадал с могучих, украшенных синей татуировкой плеч, а золотая цепь сверкала на фоне смуглой шеи.

Это тоже породило новую моду.

Они поприветствовали друг друга как король и королева, но когда клятвы были произнесены, и жених, скрепляя их, наклонился поцеловать невесту, Друстан и Исандра вдруг показались просто мужчиной и женщиной, мужем и женой. Увидев, как сверкали глаза Исандры, когда Друстан оторвался от ее губ, и его белозубую счастливую улыбку, я с легким сердцем приветствовала их союз, как никто другой зная, сколь дорогой ценой обошлось его

заклучение.

После церемонии мы пировали там же, в саду: в шатрах были накрыты праздничные столы с кипенно-белыми скатертями и приборами из золота и серебра. Меня усадили рядом с Жосленом за королевским столом, правда, далеко от центра, где восседала венценосная чета. Каждого гостя одарили серебряным кубком с золотой гравировкой, изображающей осаду Трой-ле-Мона и альянс, принесший ангелийцам победу. Я до сих пор бережно храню тот кубок и считаю его одним из своих величайших сокровищ.

подавали великое множество разнообразных блюд. К примеру, зажаренных целиком молочных поросят и фазанов, свежие эйсандинские устрицы на льду, баранину, оленину, нежную крольчатину, сыры, моченые в коньяке яблоки, груши в пикантном ягодном соусе, хрустящий зеленый салат с лепестками фиалок, а на десерт — засахаренные и глазированные фрукты. И реки вин под каждую перемену: легких белых, пьянящих розовых и насыщенных красных. Гости угощались, ни в чем себе не отказывая, пока музыканты играли, а слуги хлопотали.

Когда солнце ушло за горизонт, по саду зажглись факелы и тысячи свечей в шарообразных стеклянных фонарях, и на огонь тут же устремились мотыльки. Тогда-то Телезис де Морне и продекламировала отрывок из поэмы, над которой работала, со временем превратившейся в «Исандрийский цикл». Странно было слышать свое имя в стихотворной ритмической окантовке — хотя главными героями пролога были, конечно же, Исандра и Друстан, моя история в нем тоже звучала. Слегка в подпитии, я подперла подбородок кулаком и внимательно слушала.

После выступления королевской поэтессы пошли бесчисленные тосты. Мне пришлось встать, когда Грайне, дивно роскошная в ало-золотом платье от портного Исандры, произнесла здравицу на языке далриад. Она возвала к Фалер Бан, Белой Лошади Эйре затем превознесла доблесть своих соплеменников, а в конце пожелала молодым много взаимной радости и скорейшего прибавления в семействе. Должно быть, я достойно перевела ее тост, потому что сорвала дружные аплодисменты. Грайне меня чинно поблагодарила и назвала сестрой, но потом заключила в объятия и одарила отнюдь не сестринской улыбкой.

Я не распространялась перед Исандрой о днях, проведенных в Иннисклане: сказала лишь, что владыки далриад после недолгих переговоров согласились помочь. Позже мне стало известно, что Квинтилий Русс поведал королеве эту фривольную историю во всех подробностях, и она хохотала до слез.

Знаете, я не стыжусь своих методов, она сама виновата, раз назначила меня королевским посланцем. Но я все равно горевала о соблазненном мною Имонне, который больше никогда не станет уравнивать свою порывистую сестру.

Затем слово взял Друстан — потешив мою учительскую гордость, сначала он произнес тост на круитском, а потом повторил на почти безупречном ангелийском. Его темные глаза блестели от вина, мигающий свет тысячи свечей превращал затейливую вязь татуировки в постоянно меняющийся синий узор.

— Радость этого дня досталась нам дорогой ценой, — торжественно возгласил круарх. — И во имя великой совместной жертвы, принесенной на алтарь победы, давайте же все вместе дадим клятву, что как мы с Исандрой соединили свои жизни, так и наши народы объединятся, чтобы достигнуть силы и гармонии и при этом ни в чем не умалиться.

Сказано было хорошо, и гости поддержали тост одобрительными аплодисментами.

Друстан царственно поклонился и сел. Следом за мужем встала Исандра, трогательно юная для всех выпавших на ее долю испытаний. Но в Исандре де ла Курсель чувствовалась сталь, выплавленная из опасного сочетания Роланда, Изабель и Делоне, выкованная на наковальне строгих дедовских правил, проверенная в долгой осаде Трой-ле-Мона.

Закаленная любовью.

— И ангелийцы и альбанцы вместе молятся Благословенному Элуа и помнят его наказания! Разве без этого краеугольного камня кто-то может обойтись? На суше, на море и даже в поднебесье, где есть человек и народ, дом и семья, стар и млад, друг и возлюбленный, наперсница и спутник... — Все захихикали, но королева продолжила: — муж и жена, пусть все и повсюду чтут священный завет Элуа. Будьте же со мной сегодня и до конца наших дней. И любите по воле своей.

Думаю, никакой другой правитель не произнес бы на своей свадьбе подобного тоста, но мы же на Земле Ангелов, а Исандра — наша королева.

Под конец столования слуги раз за разом наполняли наши кубки *отрадом* — прозрачной как слеза жидкостью, от паров которой факелы пылали еще ярче.

После тостов музыканты заиграли в полную силу, и начались танцы на лужайке. Благоухали летние цветы, сиреневые сумерки незаметно сгустились во мрак, и в черном небе зажглись звезды. Первый танец я отдала Жослену, затем к нам с поклоном подошел Каспар де Тревальон и протянул мне руку, а потом я потеряла партнерам счет, пока наконец меня не пригласил Друстан маб Нектхана.

По толпе поползли шепотки: прежде очень немногие аристократы знали меня в лицо, но теперь мое имя стало широко известным и отметина в глазу меня выдавала. При дворе без остановки течет клокочущая река слухов, каковы бы ни были обстоятельства.

Друстан не обратил внимания на пересуды, и я тоже выкинула сплетников из головы. Для альбанца он танцевал неплохо, несмотря на хромоту. Вспомнилось, как я впервые услышала его имя: «*Исандра де ла Курсель, цветок королевства, будет учить косолапого варвара-принца танцевать гавот*». Что ж, ей это удалось, и теперь я не без удовольствия отплясывала с круархом, и мы улыбались друг другу. Куллах Горрьим — Старейшие дети Земли. Для ангелийцев это ничего не значило, но они же не видели, как огромный черный кабан вырвался из рощицы близ Брин Горридам, чтобы повести войска круарха к победе, а я видела.

Мы с Друстаном всегда понимали друг друга.

Присутствовали на свадьбе и мои клиенты. Делоне подбирал для меня гостей из самых высших эшелонов знати, да и сама я, получив свободу выбора, за редким исключением следовала тому же принципу. Никого из них я не выдала. Королевская свадьба не место для скандальных откровений. Некоторые, вроде Куинсея де Морбана, в любом случае и ухом бы не повели, другие же не опасались быть скомпрометированными, полагаясь на традиционное благоразумие служителей Наамах. Огласка ничего бы не изменила ни для меня, ни для тех, чьи дары навсегда запечатлены на моей коже штрих за штрихом, образуя освободивший меня туар.

Посреди ночи Друстан и Исандра удалились. Толпящиеся гости проводили их до спальни, выкрикивая добрые пожелания и соленые шуточки и осыпая лепестками цветов, пока новобрачные, смеясь с лепестками в волосах, не закрыли дверь на засов. Перед нею встали кассилианцы Исандры и своим хмурым видом быстро разогнали толпу; особенно кисло они поглядывали на Жослена.

Но праздник на этом не закончился: королева распорядилась продолжать веселье до зари, и я присутствовала там до самого конца, поскольку душа стремилась изведать радостное начало нового дня, чтобы притушить воспоминания о горестной череде иных рассветов.

Жослен оставался рядом со мной — он понимал. Мы с ним танцевали и первый танец, и последний. Позже я немало посмеялась, выслушивая истории о попытках ангелийских лордов и леди поколебать добродетель кассилианца-отступника. Но тогда я просто отдыхала в его крепких объятиях, радуясь, что мы пришли к тому, чего недавно и вообразить не могли.

И мы вместе встретили рассвет над Землей Ангелов.

Последующие дни были наполнены суетой, поскольку оставалась еще уйма нерешенных дел, но моя роль в основном сводилась к незначительным поручениям. Когда казначей озвучил сумму выплаты за проданный особняк Делоне, я узнала у него фамилию надежного поверенного, и должным образом распорядилась своим неожиданным богатством.

Малая часть этих денег пошла на подготовку поездки в Монрев, которой занимался Жослен. Мы собирались на этот раз отправиться в путь не одни, потому что трое из Парней Федры, выживших в битве при Трой-ле-Моне, уговорили адмирала уволить их со службы, а меня — взять их к себе.

Когда Квинтилий Русс уступил их мольбам, Исандра согласилась увеличить квоту конников в имении Монрев, и в результате я обзавелась тремя шевалье. Реми, Ти-Филипп, Фортюн... я так до конца и не поняла, почему они столь рьяно стремились ко мне на службу, — хотя Жослен с усмешкой сказал, что ему-то все ясно, — но все равно была им рада, поскольку не ожидала в Монреве радушного приема.

Тамошние жители хранили верность отцу Делоне, старому графу де Монрев, а после него кузену моего учителя. Самого Анафиэля они помнили только совсем юным, а меня не знали вовсе. Рожденная и выросшая при Дворе Ночи, я ни с какого бока не доводилась им кровной родней. В прошлом меня ничто не связывало со Сьовалем.

За день до отъезда я получила последний неожиданный подарок. За мной вдруг явился королевский паж и сказал, что какие-то незнакомцы у ворот дворца хотят меня видеть.

Жослен взялся меня сопровождать, наверное, опасаясь, чем могла обернуться эта встреча. Он держался серьезно и сурово, касаясь ладонями рукоятей кинжалов — теперь ему было дозволено носить оружие даже в присутствии королевы. Дав такое дозволение, Исандра проявила не только доброту к моему кассилианцу, который явно чувствовал себя не в своей тарелке без привычной экипировки, но и недюжинный ум, поскольку Жослен в любом случае защищал бы ее до последнего вздоха.

Не знаю, кого я ожидала увидеть, но взору предстала молодая провинциальная пара в простой домотканой одежде.

— Миледи де Монрев, — произнес молодой человек и низко поклонился; его жена почтительно присела. Лицо юноши показалось смутно знакомым, но церемонное приветствие выбило меня из колеи, и я никак не могла сообразить, где же мы встречались. — Я Пернелл Фрийо из Перринвольда. А это моя жена Ришелин. — Девушка снова присела. Юный Фрийо дружелюбно улыбнулся мне, поблескивая глазами из-под каштановой челки. — Мой племянник научил вас ездить верхом, помните? Леди Сесиль намеренно сказала, что вам, возможно, потребуется сенешаль в ваше новое именье.

О да, тут я их вспомнила, и так обрадовалась этому привету из прошлого, что расцеловала обоих в щеки, чем вызвала у юной четы немалое смущение.

Только тогда из тени выступила моя дорогая наставница, мадам Лаво-Перрин, явно довольная успехом своей задумки.

— Мой управитель Гавин клянется, что Пернелл умеет делать все то же, что и он, причем в два раза быстрее, — сказала она, когда я благодарно сжала ее руки. — Очевидно, Перринвольд становится слишком мал для растущего клана Фрийо, а тебе, дорогая, понадобятся союзники. Дай этим двоим похозяйничать вместе с жителями Монрева, и тебе легче будет там освоиться, потому что добрее сердец не сыщешь во всей Земле Ангелов.

Совет себя оправдал, и если в Монреве меня в конце концов приняли, то во многом из-за усилий Пернелла и Ришелин Фрийо, которые с готовностью повели дела имения столь умело и в такой открытой и дружелюбной манере, что легко завоевали сердца съовальцев.

Итак, после долгих прощаний в путь мы отправились всемером. Выехали из городских ворот на большую дорогу и устремились на юг, в Монрев.

— Когда устроимся, — сказала я Жослену, пока мы скакали прочь от Города Элуа, — нужно будет кое-что сделать. — Он вопросительно на меня посмотрел. — Хочу съездить в Арен и отыскать там Таави и Данель.

Жослен улыбнулся, вспоминая иешуитов, укрывших нас в своей кибитке.

— И я не прочь их повидать. Как думаешь, может, они согласятся принять благодарственный подарок за наше спасение теперь, раз уж ты выбилась в титулованные особы? — поддразнил он.

— Может, и согласятся, — кивнула я. — А еще надеюсь, что они порекомендуют мне преподавателя иешуитского языка.

Брови Жослена поползли вверх.

— Делоне меня иешуитскому не обучил. А Хозяин Проливов — сын падшего ангела Рахава и им же был проклят, тогда как Рахав служит Единственному Богу иешуитов. Если и существует способ снять проклятие, думаю, подсказка таится в иешуитских легендах.

— Гиацинт, — тихо промолвил Жослен.

Я кивнула.

— Что ж, тогда давай съездим в Арен. — Он рассмеялся. — Да помоги нам Элуа, только ты способна выступить против богов, Федр.

Таким я его особенно любила.

И мы молча поскакали дальше. На Монрев.

Одно дело приехать погостить в провинциальное имение, а совсем другое — таковое унаследовать. Даже с помощью сенешаля Пернелла Фрийо и его жены, которых столь своевременно прислала ко мне Сесиль Лаво-Перрин, на обустройство в Монреве и завоевание доверия его обитателей ушло больше полугода. Жители, ясное дело, изумились, узнав, что старое съовальское поместье перешло в руки столичной служительницы Наамах.

Монрев был прекрасен — зеленый яхонт посреди невысоких гор. Попав сюда, рожденный в Съовале Жослен словно бы вернулся домой. Вместе мы изъездили все земли поместья и влюбились в его безыскусное очарование, лесистые холмы, зеленые долины и цветущие луга. Выяснилось, что здесь распространено овцеводство, и, вступив в наследство, я стала владелицей большой отары.

Сам по себе господский дом был подкупающе старомодным с налетом эйсандинской роскоши, привнесенной, скорее всего, матерью Делоне. При доме имелся небольшой садик, в котором девять месяцев в году попеременно распускались яркие цветы, но ухаживали за ним небрежно. Ришелин Фрийо пообещала лично заняться клумбами.

Меня же особенно привлекала библиотека, где в детстве учился Анафиэль Делоне, как и все съовальцы жаждавший знаний. Однажды увидев его имя, выцарапанное на деревянной конторке, я долго боролась со слезами.

Разглядев любовь Жослена к съовальской земле и мою любовь к Делоне, а также поближе познакомившись с добродушной четой Фрийо и тремя отважными шевалье, обитатели Монрева открыли нам свои сердца. Когда было достигнуто согласие и жизнь наладилась, я начала писать письма, а Парни Федры с радостью взяли послужить для меня гонцами по всему королевству. Исандру я горячо благодарила, Сесиль Лаво-Перрин и Телезис де Морне рассказывала о нашем житье-бытье, Квинтилию Руссу и Каспару де Тревальону слала приветы и у всех выпытывала новости. Я написала даже маэстро Гонзаго д'Эскобару, направив письмо его другу Лукрецию, преподававшему в Тиберийском университете, и у Реми, доставлявшего это послание, дорога туда-обратно заняла несколько месяцев.

А еще я пополняла библиотеку, и, наведавшись за книгами в Арен, Ти-Филипп отыскал там Таави и Данель, ныне державших процветающую швейную мастерскую в иешуитском квартале.

По весне мы с Жосленом поехали их навестить. Как же радостно было свидеться! Даже не верилось, что всего год назад иешуиты попались на нашем пути и выручили нас из смертельной опасности. Девочки заметно подросли, а мой скальдийский пони, так и живущий при семье, отъел бока. От вознаграждения наши спасители отказалась, но я отплатила им как могла, заказав ливреи и флаги для своего имения. Гербом рода Монрев был разделенный на четыре квадрата щит, в правом верхнем углу которого располагался полумесяц, а в левом нижнем — горный утес. Флаг с этим гербом развевался над нашим домом, но для Парней Федры я добавила к нему еще пару символов: пшеничный сноп Делоне и стрелу Кушиэля.

Вернувшись из Арена после возобновления старых знакомств, мы привезли с собой одного нового знакомого: Сета бен Явина, юного иешуитского ученого, который в моем присутствии заикался и краснел, но все равно усердно вдавливал в меня науку.

Всю ту весну и большую часть лета я посвятила занятиям под его руководством, и дни утекали как вода. Иногда Жослен присоединялся к нашим штудиям, но изредка — захваченный горами, он заявил, что всему необходимому научится уже от меня. Передавая мне знания, Сет мало-помалу перестал принимать во внимание, что я *ангуиссетта* и бывшая служительница Наамах, и притерпелся к моему обществу, так что мы на равных вели долгие споры и дискуссии.

Было хорошо держать разум занятым, потому что учеба сдерживала мою неугомонность. Не приходилось думать о других моих устремлениях и о том, что случится, когда пробудится зов стрелы Кушиэля. Для *ангуиссетты* это было, увы, неизбежно. Но на тот момент даже мне с лихвой хватило боли.

Когда лето начало уступать дорогу осени, Сет умолил меня отпустить его проведать родных. Опекаемый Фортюной, он отбыл, имея при себе увесистый кошель с жалованьем и еще один, выданный на покупку необходимых мне книг и старинных рукописей, которые пообещал разыскать. Еще многое предстояло освоить, но я уже знала достаточно, чтобы подступиться к тайне Хозяина Проливов.

Листья начали желтеть, когда прибыл Гонзаго д'Эскобар.

Он явился без предупреждения с единственным учеником, двумя лошадьми и навьюченным мулом. Пожилой ученый еще больше поседел и располнел, но больше ни в чем не переменялся. Я с радостным криком бросилась ему на шею, и он рассмеялся.

— Ох, малышка! Ты старика до удара доведешь. Ну же, я голоден как волк. Разве Антиной не обучил тебя гостеприимству?

Я проводила гостя в дом, всю дорогу болтая, а Жослен взирал на происходящее с вежливым недоумением, что не помешало ему приказать отвести лошадей в конюшню и снять поклажу с мула.

Сет бен Явин был платным учителем, так что маэстро Гонзаго стал моим первым настоящим гостем. Поддавшись бестолковой суетливости, я едва не свела слуг с ума противоречивыми распоряжениями, пока Ришелин спокойно и твердо не велела мне занять приезжего, пообещав позаботиться обо всем остальном.

За вином, которое маэстро пил захлеб, и закусками (сыром и мясными деликатесами), которых ему хватило ненадолго, я узнала, что он путешествовал по северным городам Каэрданского Союза, изучая смятение в Скальдии после разгромного поражения. Получив мое письмо от Лукреция из Тиберийского университета, Гонзаго решил нанести мне визит, прихватив с собой ученика, который желал опробовать походный способ познания мира,

практикуемый учителем.

Маэстро давно собирался вернуться в родную Арагонию и засесть за мемуары, а мое письмо подвигло его двинуться наконец в дорогу и по пути заехать в Монрев, благо, крюк получился небольшим.

— Я бы предупредил тебя заранее, дорогая, но все равно приехал бы быстрее гонца, — улыбаясь, сказал он. — Нас словно ветром несло, правда, Камило?

Его ученик кашлянул, скрывая улыбку, и пробормотал что-то о ленивом бризе.

Я рассмеялась и похлопала Гонзаго по руке:

— С предупреждением или без, я всегда рада принять вас, маэстро.

После того как гости отдохнули с дороги, мы вместе отужинали сытными деревенскими блюдами, которые вполне удовлетворили старого чревоугодника. Я же почти не ела, охваченная гордостью и благодарностью за то, что мой Монрев показал себя столь гостеприимным. Да, в основном это была заслуга домочадцев, но тон задавала я.

За ужином мы с Жосленом поведали маэстро долгую историю наших странствий. В общих чертах Гонзаго ее уже знал, но хотел услышать в подробностях из первых уст. Мы начали с убийства Алкуина и Делоне, и глаза его заволокли слезы — маэстро очень любил и уважал Делоне. А дальше проявлял лишь живое любопытство историка. Когда мы с Жосленом выговорились, он рассказал о своих путешествиях и накопленных за это время сведениях. Каэрдрианские города-государства из кожи вон лезли, чтобы наладить торговлю с отныне не изолированной Альбой, и горячо завидовали Земле Ангелов и Арагонии, которые, не мешкая, пожинали плоды военного союзничества.

Окончив ужин, мы сидели и попивали коньяк, Камило начал клевать носом, и маэстро отослал его в постель.

— Хороший паренек, — рассеянно пробормотал Гонзаго. — Когда-нибудь станет настоящим ученым, если сумеет не проспять все интересное. — Он с трудом поднялся на ноги. — Я привез тебе подарок, детка. Надеюсь, Камило ничего не напутал: прекрасный перевод стихотворений Делоне на каэрдрианский... Жаль, что не догадался поискать иешуитские тексты — если бы я знал... И еще одну странную посылку.

— Я принесу вашу сумку, маэстро, — предложил Жослен и, не дожидаясь ответа, направился в гостевую комнату.

Гонзаго с благодарным вздохом опустился обратно на диван.

— Довольно долгий путь верхом для старика, — пояснил он.

— И еще раз спасибо за то, что решились приехать, — улыбнулась я. — Что вы имеете в виду под странной посылкой?

— Ну... — Он взял со стола свой пустой кубок и заглянул в него. Я шустро плеснула туда коньяка. — Как я уже говорил, какое-то время я провел в Серениссиме, где меня и пытался разыскать мой друг Лукреций. У меня там есть знакомый, который читает по звездам для семьи дожа. Когда Лукреций стал наводить справки во дворце, ему пришлось объяснить, что за дело у него к астрологу. Пришлось даже предъявить письмо с твоей печатью. Такие они там подозрительные все... — Гонзаго повертел кубок в руке и выпил. — Короче, астролог нашелся и сказал Лукрецию, что я отбыл в Варро, да посоветовал ему приличный постоялый двор. Ага, наконец-то! — Он выхватил из принесенной Жосленом сумки небольшой сверток и протянул мне с благоговейным вздохом. — Вот, держи.

Я аккуратно сняла обертку, под которой обнаружилась книга. Прекрасная книга в кожаном переплете с гравировкой в виде головы Антиноя, возлюбленного тиберийского

императора Адриана.

Жослен рассмеялся:

— Воистину, чудо из чудес!

— Правда, маэстро, подарок великолепный, спасибо вам большое. — Я поцеловала старого библиофила в щеку. — Так что, вы всю ночь будете томить меня в неведении касательно таинственной посылки?

Гонзаго д'Эскобар неуверенно улыбнулся:

— Возможно, ты пожалеешь, что я вообще о ней упомянул, так-то. Я связал кое-какие ниточки, услышав твою историю, думаю, и у тебя то же самое свяжется, когда узнаешь мою. Так вот, Лукреций переночевал на постоялом дворе, а утром к нему пожаловала нежданная гостья. Знаешь ли, мой тиберийский друг весьма красноречив, обучался ораторскому искусству у старых мастеров и ни разу на моей памяти в карман за словом не лазил. Но когда я попросил его описать ту гостью, он довольно долго молчал, а потом сказал лишь, что красивее женщины никогда не видел.

Ночи все еще были теплыми, но меня внезапно пробрала дрожь.

— Мелисанда, — прошептала я.

— Расспроси Камило, он тогда сопровождал Лукреция, — добавил маэстро. — Передо мной парень заливался соловьем, мол, волосы у нее были как ночь, глаза как цветок живокости, а от голоса подгибались колени. А ведь прежде за ним склонности к поэзии не замечалось. — Гонзаго снова потянулся к сумке и достал объемистый шелковый мешок. — Та красавица попросила, раз уж Лукреций везет мне письмо от графини де Монрев, захватить вот это для передачи самой графине.

Маэстро протянул мне сверток, и я трясущимися руками его приняла, ощутив мягкость и весомость.

— Не открывай! — Крылья носа Жослена побелели от ярости. — Федра, послушай меня. Ей нечем тебя удержать, и ты ничего ей не должна. Тебе необязательно знать, что там внутри. Выброси эту посылку, не открывая.

— Не могу, — беспомощно пролепетала я.

И не лгала — выбросить сверток рука не поднималась. Но и открыть его я тоже не смела.

Раздраженно вздохнув, Жослен забрал у меня мешок и ослабил шелковые завязки, чтобы достать содержимое.

В его руках с мягким шорохом развернулась моя накидка, прекрасная и роскошная, такого темно-красного цвета, что казался почти черным.

Мы все молча на нее уставились. Гонзаго д'Эскобар непонимающе выпучил глаза; вряд ли он знал, что это за вещь. Но я-то знала. И Жослен тоже знал. Сангровая накидка была на мне в тот день, когда убили Делоне с Алкуином. День, когда Мелисанда нас предала.

— Что, во имя седьмого круга ада, это должно значить? — потребовал ответа Жослен, отшвырнув накидку на диван рядом со мной. Хмыкнул, запустил пальцы в волосы. — При чем тут твоя накидка? У тебя есть хоть малейшая идея? — Он глянул на меня, затем взгляделся пристальнее. — Федра?

О да, идея у меня была.

Кто-то помог Мелисанде бежать из Трой-ле-Мона. Кем бы ни был этот кто-то, его так и не вычислили. Исандра, похоже, больше всех подозревала Куинсея де Морбана и двоих младших Шахризаев, Мармиона и Персию. Но уличающих их доказательств так и не

нашлось. Мне же казалось, что связь родичей с Мелисандой была слишком явной, а кушелинам обычно хватает ума не ввязываться в авантюры, когда их интерес легко просчитывается. Но главное — не это. Я сама провела ту ночь на крепостной стене и не услышала ни одного подозрительного звука. Караульный у задней калитки был убит ударом ножа в сердце. Он видел своего убийцу и подпустил его совсем близко, очевидно, доверяя ему. А стражники Трой-ле-Мона не доверяли никому, с кем не сражались бок о бок. Наверняка караульный поднял бы тревогу, явись пред ним в ночном мраке кто-то из кушелинских аристократов, примкнувших к королеве уже после победы.

Убийцей был кто-то, кому он доверял. Кому доверяли мы все.

А теперь Мелисанда в Серениссиме и подобралась достаточно близко к семье дожа, чтобы в течение дня узнать, что к придворному астрологу приходил посетитель с письмом от меня. Как тут не вспомнить, что старшая дочь принца Бенедикта, Мария-Селеста, была замужем за сыном дожа... происходившим из почти кровосмесительного рода Стрегацца, отпрыски которого отравили Изабель л'Анвер де ла Курсель.

Вот каковы ближайшие родственники Исандры, возможные претенденты на трон Земли Ангелов.

Ну конечно! Пальцы впились в мягкий бархат. От ткани неуловимо пахло Мелисандой. Почему она сохранила мою накидку? Я не хотела обдумывать этот вопрос, гнала его прочь. А вот что она подразумевала сейчас, посылая накидку мне, это я прекрасно понимала, не могла не понять.

Мелисанда Шахризай бросала мне вызов. Предстоял открытый поединок на шахматной доске придворных интриг.

Я коснулась горла, на котором больше не было бриллианта на бархатной ленте.

Итак, в змеином гнезде под названием Серениссима назревает очередной заговор. Пока еще слабенький и далекий, очень далекий от трона Исандры де ла Курсель в Городе Элуа. Но у интриг оказываются длинные руки, когда на кону стоят престолы. И уже сейчас совсем рядом с юной королевой кто-то таит в сердце смертельный яд.

И я могу их разоблачить. Могу хотя бы попытаться.

Вот что значила присланная сангровая накидка. Мелисанда прекрасно знала, каким образом мы с Алкуином служили Делоне. Он был с ней предельно откровенен. Поскольку, как и она, являясь мастером интриг, искал признания публики... хотя бы единственной ценительницы, способной воздать должное его мастерству, обширности и искусности его замыслов. Недалекого ума недруги ославили его Шпионским Сутенером, когда безмятежные дни королевской свадьбы и ангелийской победы остались в прошлом.

Наигравшись с Делоне, теперь Мелисанда выбрала меня в качестве равной противницы.

Но кто я против нее? *Ангуиссета* и служительница Наамах — вот и все, что я из себя представляю, по чуть ли не всеобщему мнению. Очень немногим известно, что я обучена наблюдать, запоминать и осмыслять увиденное и услышанное. В неведении даже те, кто невольно помогал мне овладеть этими навыками. Сыгранная мной немаловажная роль в воцарении Исандры легко объясняется моим несчастливым обыкновением оказываться в неправильном месте в правильное время, и не более того. Я и сама порой склонялась к мысли, что в этом-то все дело.

Если постараться, мало кто усомнится в моей незначительности.

Так кому мог доверять караульный у калитки?

Таких людей мне нетрудно пересчитать по пальцам. Каспар де Тревальон, Перси де

Сомервилль, Баркель л'Анвер, еще с полдюжины имен. Больше некому.

Я могла бы выяснить имя предателя так же, как выяснила в свое время, что Хильдерик д'Эссо служит дому Анверов, а Солен Бельфур — всего лишь марионетка в руках Лионетты де Тревальон. Люди болтают в присутствии *ангуиссетты*, совершенно не беспокоясь о возможных перешептываниях во Дворе Ночи.

Я погладила бархат накидки. Делоне пришлось послать гонца в Фирезию, чтобы отыскать красильщиков, все еще помнящих секрет такой окраски. В Земле Ангелов давно утратили это искусство. Сангровый цвет мало кому был нужен. «*Прелестный цвет. Тебе идет*», — сказала однажды Мелисанда.

Ах, как легко было бы начать все сначала. «Я ведь для этого и рождена», — думала я, смагивая застывшую глаза красную пелену. Вот Жослен каждое утро начинал с кассилианской тренировки, выполняя упражнения, вбитые ему в голову в десять лет, изо дня в день он повторял смертоносный танец в саду Монрева, куда все домочадцы сбегались на него подивиться.

А я... пока что я направляла свои дары и нерастраченные томления на учебу, и мне совсем не хотелось ее бросать. Хотя вовсе не обязательно это делать. Тексты, которые мне удалось собрать, легко переправить в Город Элуа, а знания в голове никуда от меня не денутся. Вдобавок в столице живет достаточно иешуитов, чтобы без труда найти замену Сету бен Явину, к тому же там есть Королевская библиотека и книжные лавки. А выплаты за городской особняк Делоне, которую я почти не трогала, вполне хватит, чтобы купить себе скромный домик.

Монрев.

Жаль его оставлять, но ведь он никуда не денется, и было бы самообманом утверждать, что без меня здешнее хозяйство развалится или потерпит ущерб. Местные жители с готовностью подчиняются верным мне Пернеллу и Ришелю, которые с радостью сделают из Монрева такое же уютное имение, в какое старшие Фрийо превратили Перривольд — в отсутствие шевалье Лаво-Перрина и его жены.

Я всегда смогу сюда вернуться. И обязательно вернусь. Мне нравилось жить в этих местах.

Почти так же, как нравилось быть *ангуиссеттой* Делоне, яркой звездочкой в короне Наамах.

Жослен.

«Ах, Жослен», — подумала я и едва не заплакала. Мой прекрасный юноша, пусть больше и не невинный. О да, мое имя сулит людям неудачу. Сколько раз я просила его о невозможном, сколько раз обещала, что это в последний раз? Старый жрец в храме Элуа — уверена, мне и с Гиацинтом встречался тот же — сказал Жослену: «*Тебе уже доводилось доходить до развилки и выбирать дальнейший путь, и, как и Кассиэлю, тебе всю жизнь придется сталкиваться с развилками и снова и снова выбирать путь Спутника*». Моя вина, моих рук дело.

Я погрузила руки в теплую тяжелую ткань накидки. Как много раз я надевала ее на свидание, всегда слепо верная цели Делоне, всегда лишь покорная его воле.

Наверное, придется труднее, если знать, ради чего все затеяно. Будет совсем иначе, если мне придется таить свою цель в сердечном ларце, играя против Мелисанды в смертельном поединке.

Да, будет намного труднее.

При этой мысли сердце забилося быстрее, а по жилам разлилась волна желания, беспокойного и бесконечного. Насколько далеко мне потребуется зайти, чтобы чьи-то беспечные губы выдали секрет, а заодно лорда или леди, предавшего Трой-ле-Мон? Да, леди тоже нельзя исключать, поскольку в крепости при Исандре были фрейлины, три дамы, которым хватило мужества отправиться с королевой на передовую. Я хорошо помнила их имена и лица. Кто знает, вдруг одна из этих отважных женщин — последний рубеж обороны Мелисанды?

Она всегда щедро награждала тех, кто ей служил. Я коснулась своего горла, лишённого привычной подвески. Неважно — ее щедрость навсегда со мной в виде изысканного узора на затылке, завершившего мой туар, навсегда вбита в меня станком мастера Тильхарда. Платье из прозрачной кисеи, расшитой бриллиантами. Как же глубоко они впивались в кожу, когда я преклоняла перед Мелисандой колени.

Те камушки купили мне свободу.

Мелисанда.

Они еще могут стоять свободы ей.

Пусть я и лишилась наставника, у меня по-прежнему оставались козыри. Я была на короткой ноге с сюзеренами двух держав, повелительницей далриад и королевским адмиралом. Мне не отказался бы помочь крупный ученый из Тиберийского университета, меня привечали среди иешуитов, и даже один тсыганский табор обещал мне посильное содействие. У меня имелись друзья и среди богачей, и среди бедняков, а мой лучший друг — приемник Хозяина Проливов, — питал ко мне давнюю любовь.

И еще у меня был Идеальный Спутник.

— Федра? — повторил Жослен мое имя с прежней вопросительной интонацией.

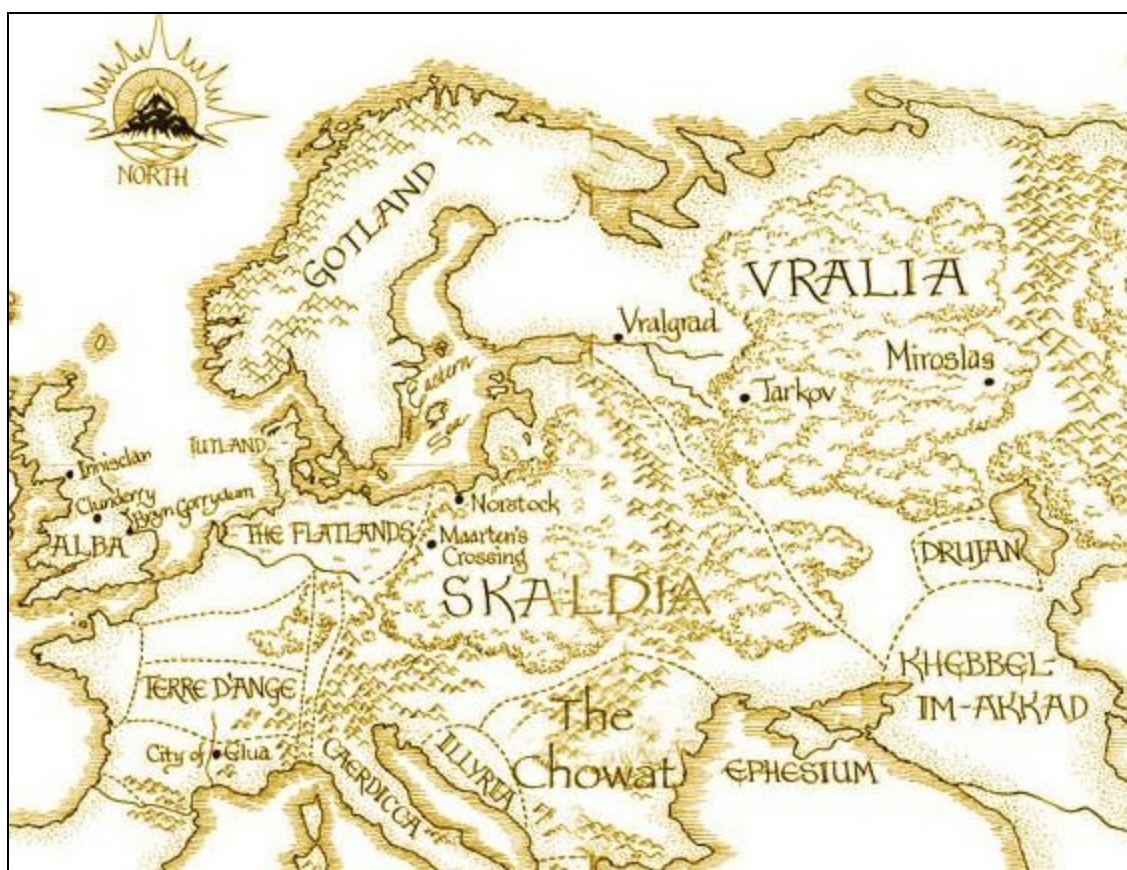
Гонзаго д'Эскобар недоуменно на меня таращился. Столько мыслей пронеслось в моей голове всего за несколько мгновений. Я глубоко вдохнула и посмотрела в лицо Жослена, знакомое, обеспокоенное и... любимое.

«Настала твоя очередь выслушивать мрачные пророчества», — смеялась я над ним в храме Элуа, не сознавая до конца, кем объявил меня жрец. *«Отмеченная стрелой Кушиэля служительница Наамах. Люби по воле своей, и Элуа направит тебя на путь истинный».*

— Я все тебе расскажу, — пообещала я. — Завтра.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Внимание!

Электронная версия книги не предназначены для коммерческого использования. Скачивая книгу, Вы соглашаетесь использовать ее исключительно в целях ознакомления и никоим образом не нарушать прав автора и издателя. Электронный текст представлен без целей коммерческого использования. Права в отношении книги принадлежат их законным правообладателям. Любое распространение и/или коммерческое использование без разрешения законных правообладателей запрещено.